

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт языкознания

Н.З.ГАДЖИЕВА
Б.А.СЕРЕБРЕННИКОВ

Сравнительно-историческая
ГРАММАТИКА
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

СИНТАКСИС = [2]

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Э.Р. ТЕНИШЕВ

МОСКВА "НАУКА" 1986

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сравнительно-исторические грамматики многих семей языков обычно не содержат раздела, посвященного синтаксису. В предлагаемой грамматике тюркских языков впервые в мировом языкознании предлагается специальный раздел сравнительно-исторического синтаксиса. Изучение истории синтаксиса является одним из наиболее слабых участков тюркологической науки. Нельзя, конечно, утверждать, что тюркологи никогда не исследовали проблемы исторического синтаксиса. Однако эти попытки не были проникнуты единой идеей, не подчинялись продуманной концепции. Противоречивость мнений и суждений является результатом отсутствия самой теории исторического синтаксиса. Нет единой точки зрения в понимании сущности придаточного предложения, природы сказуемого, причастных и деепричастных конструкций и т. д.

Предлагаемая книга является развитием положений Н.З. Гаджиевой, изложенных в ее монографии "Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков" (М., 1973). Так же как и в той, в настоящей работе авторы старались следовать единой концепции исторического синтаксиса, заключающейся в тесной увязке исторического синтаксиса с исторической морфологией. Разрыв этих двух дисциплин представляется совершенно неправомерным, так как историческое движение и изменение синтаксических единиц нельзя понять без знания истории их морфологических опор.

Своеобразное понимание синтаксического архетипа как типовой модели, имеющей определенную морфологическую опору, представляет собой дальнейшее развитие идей немецкого синтаксиста Б. Дельбрюка.

Многие тюркологи рассматривают синтаксис как типологически нечто единое, однако в современных тюркских языках представлено по меньшей мере три синтаксических типа — древнетюркский, переходный и индоевропейский, или, точнее, тюркско-индоевропейский. Монография содержит критическую оценку взглядов как зарубежных, так и отечественных тюркологов на сущность исторического синтаксиса. Мы придерживаемся строго исторического подхода к явлениям современного синтаксиса. Прежде чем определять сущность придаточного предложения в современных тюркских языках, мы считаем необходимым уяснить, как возникли и развивались различные типы предложений в этих языках.

Объектом исследования в работе являются синтаксические единицы — словосочетание (именное и глагольное) и предложение (простое и сложное, именное и глагольное). В монографии сделана попытка выработать понятие синтаксического архетипа и определить пути его исторического изменения, разработать приемы сравнительно-исторического анализа на синтаксическом уровне.

Авторы не претендуют на то, чтобы считать выдвинутую ими концепцию сравнительно-исторического синтаксиса окончательной. Возможно, что в будущем будут представлены какие-то другие концепции, может быть более удачные, чем в настоящей книге.

Предлагаемые в монографии выводы необходимо проверить как в процессе исследования проблем исторического синтаксиса конкретных языков, так и в практике вузовского преподавания. Разработанная авторами концепция позволит исследователям правильно систематизировать огромный лингвистический материал для решения многих синтаксических проблем в историческом плане.

Работа базируется на обширном теоретическом материале, приведенном в списке литературы (отсылки на него даются в квадратных скобках) и снабжена многочисленными языковыми иллюстрациями, отсылки на которые даны в круглых скобках.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Можно без преувеличения сказать, что до последнего времени отечественная и зарубежная тюркология не располагала специальными работами, посвященными сравнительно-историческому анализу синтаксической структуры и изучению истории различных синтаксических единиц. Однако это не значит, что отдельные проблемы развития синтаксического строя тюркских языков не привлекали внимания лингвистов. Особый интерес вызывали вопросы соотношения именных и глагольных конструкций на ранних этапах истории тюркских языков. Отождествление именных и глагольных групп на ранних этапах нашло отражение в работах Ж. Дени, К. Грёнбека и др. [Deny 1921; Grönbech 1936].

Принцип организации групп слов, который эти авторы клали в основу теории предложения, в дальнейшем получил подтверждение на материале конкретных языков. Известное положение К. Грёнбека относительно того, что термины "субъект" и "объект" для тюркской грамматики условны и что строение предложения основано на принципе организации групп [Grönbech 1936, 134], было положено в основу теории, согласно которой весь тюркский синтаксис рассматривается как система определений. Автор этой теории Манди придерживался того взгляда, что основой синтаксической структуры тюркских языков является принцип предшествующих определений (the basic principle of preceding qualification). Манди не пытается выявить границы между различными синтаксическими единицами. Для тюркских языков им определен единый основной структурный принцип, но не единая синтаксическая система [Mandi 1955, 305]. Принцип предшествующих квалификаторов Манди усматривает в основе любых синтаксических комбинаций (от простейших до сложных). В турецком синтаксисе отношения "подлежащее — сказуемое", "объект — глагол" и проч. представляют точную параллель соотношению "прилагательное — имя существительное". В сущности, не имеет никакого значения, к какому грамматическому разряду относятся определяемые слова, а важны только отношения подчинения, важна опорная база, которая распространяется посредством квалификаторов [Там же, 281].

Получило развитие базирующееся на теории именного строя тюркской речи положение о том, что исходными для предикативных отношений являются атрибутивные отношения. Так, например, Э.В. Севортян полагает, что исторически предикативные отношения развивались и даже еще сейчас развиваются из атрибутивных отношений на почве грамматического их переосмысления, в результате чего атрибутивное сочетание распадается на

подлежащее и сказуемое (имеются в виду образования типа *мен алганни бар* 'я брал' из *мениң алганым бар*). По мнению Э.В. Севортыяна, анализируемая форма *ишчимен* 'я рабочий' по своему строению исторически может быть понята не только как предикативная или атрибутивная группа, но и как синтаксически синкретичная, в которой отсутствует еще принципиальное разделение словесных групп на предикативные и атрибутивные [1961, 8].

Гипотезу о первичности атрибутивных отношений признает также Н.А. Баскаков. В одной из своих статей Н.А. Баскаков делает вывод, что предикативные и атрибутивные синтагмы имеют одинаковую корреляцию, т. е. предикативные синтагмы по своему происхождению те же атрибутивные синтагмы [Baskakov 1960, 36]. Если это так, то ккап. *Мениң атам алуыңа барған* 'Мой отец ушел в деревню' в древности непременно должна была иметь вид *Мениң атам алуыңа барған ол*, иначе в сказуемом не получится атрибутивной группы *барған ол* 'ушедший он'. Субстантивный элемент сказуемого в тюркских языках утратился [Там же]. В основе этой концепции Н.А. Баскакова лежит теория близости атрибутивных и предикативных групп К. Грэнбека. "Два следующие друг за другом имени, — писал К. Грэнбек, — превращаются в одно понятие, так что часто трудно сказать, следует ли его понимать как имя с его атрибутом, или это предложение. Например, *ол олур* может быть самостоятельным высказыванием, или предложением — 'он сидит'. Центр тяжести в этом высказывании, однако, последнее имя, и *ол* находится в подчиненном положении. Следовательно, деятель (Аgens) выражен здесь как атрибут отглагольного имени и представляет простое побочное определение имени. Передача его по-немецки как 'его сидение' (Sein Sitzen) или 'он сидение' (Er — Sitzen) точнее бы выражала его сущность. Это предложение, не меняя своей формы, может быть употреблено перед другим именем в качестве определения: *ол олур јер* 'место, на котором сидит', букв. 'он сидение место' [Grönbech 1936, 85].

Исходя из того, что многие глагольные формы в тюркских языках когда-то были причастиями, Н.А. Баскаков пришел к выводу, что причастия не могут находиться в предикате без определяемого, которым должен быть непременно какой-нибудь субстантивный элемент или его местоименный заменитель. Действительно, иногда местоимения в предикате встречаются, ср. тув. *Qara-ool bistinge xünniң kelir čüwe* 'Кара-оол к нам ходит каждый день'. В истолковании Н.А. Баскакова, *Кара-оол* — 'некто приходящее к нам каждый день' [Baskakov 1960, 34]. Ср. также тат. *Хасан язучы ул* 'Хасан писатель' (букв. 'Хасан — писатель он'). Однако подобные примеры не позволяют считать данную конструкцию с местоимением своего рода стадией в развитии сказуемого в тюркских языках.

Случаи появления местоимений в предикате можно объяснить иначе. Например, в татарском языке употребление местоимения *ул* 'он' в составе предиката (ср. *Хасан — язучы ул* 'Хасан — писатель') объясняется тем, что, во-первых, это местоимение используется как средство эмпазы. Когда говорят: *Хасан язучы ул*, то хотят особо подчеркнуть, что писатель именно Хасан, а не кто-либо другой. Во-вторых, в татарском языке наблюдается тенденция употреблять связку. Поэтому предложение *Хасан язучы ул* можно в известной мере истолковать как 'Хасан есть писатель'. Связка

необходима для того, чтобы отличить подобные предложения от приложения.

Постулируемая некоторыми тюркологами древняя структура тюркского предиката "определение + определяемое" неверна хотя бы уже потому, что она противоречит фактам исторической действительности. В истории различных языков мира можно найти немало случаев, когда глагольная личная форма действительно возникает из причастия. Здесь более или менее регулярно обнаруживаются две фазы развития.

1-я фаза. Причастие сначала соединяется с глаголом-связкой. Образуется сочетание типа *написавший есмь, пишущий есмь* и т. д. В данном случае глагол-связка ни в коем случае не играет роли определяемого по отношению к причастию. Др.-рус. *писал есмь* некогда означало 'написавший есмь'.

2-я фаза. Подобные сочетания превращаются в формы *verbum finitum*. Современная русская фраза *он написал* никак не может означать 'он писавший'.

Имея в виду эту особенность, можно сравнительно легко объяснить первоначальное значение форм наст. времени в азербайджанском языке типа *билирәм* 'я знаю', *билирсән* 'ты знаешь' и т. д., которые некогда означали 'знающий есмь, знающий еси' и т. д. Таким образом, приведенные выше случаи можно объяснить, не прибегая к гипотезе о первоначальной структуре древнего сказуемого в тюркских языках, представляющей словосочетание "определение + определяемое".

С теорией о первоначальном преобладании именного строя в тюркских языках связана и широко распространенная среди тюркологов концепция активизации субъекта действия. Основы теории о посессивной структуре предложения были заложены в работах И.И. Мещанинова и А.П. Поцелуевского. Дальнейшее развитие эта теория получила в работе М.Б. Балакаева [1948]. Рассматривая два типа предложений с субъектом в род. и осн. падежах, М.Б. Балакаев отмечает, что активный тип предложения заметно стал вытеснять пассивный тип [Там же, 27]. Некоторые тюркологи также придерживались этой точки зрения.

По мнению А.З. Абдуллаева, глагольные обороты на *-ан/-ган, -дыг* и др. с момента их появления обладали посессивным значением — их субъекты употреблялись в форме род. падежа и вместе с причастием и деепричастием образовывали словосочетания; со временем первый компонент утратил аффикс род. падежа, а второй — аффикс принадлежности [1967, 14]. Процесс развития синтаксической структуры тюркских языков нельзя сводить к преобразованию посессивного строя в номинативный. Анализ синтаксической структуры на материале различных тюркских языков показывает, что конструкции с род. падежом не изначально, как не изначально сама категория определенности-неопределенности. Развитие 3-го типа изафета, связанное с развитием формата род. падежа, соотносимо с более поздним периодом тюркской праязыковой общности. О более позднем развитии определенности в связи с развитием генитива писал К. Грэнбек [Grönbech 1936]. О Бётлингк [Böhtlingk 1851] указывает на то, что в тюркских языках род. падеж возник после выделения из тюркской общности якутского языка, поскольку в якутском нет его признаков. Развитие род. падежа, связанное с категорией определенности, было поддержано и В.В. Ког-

вичем. Даже при современном состоянии тюркских языков, когда в них превалирует морфологизация, старая категория неопределенности тем не менее сохраняется как постоянная семантическая категория, которая вместе с порядком слов оказывает влияние на структуру предложения [Котвич 1962, 341].

Взгляд, который отражен в разработках изафета у Ж. Дени, К. Грэнбека, В.А. Богородицкого, в основном правилен, и морфологи, вероятно, будут вынуждены пересмотреть те части своих грамматик, где говорится об опущении разных морфологических элементов.

Большое внимание в тюркологической литературе уделялось вопросу о путях развития структуры сложного предложения. А. Рифтин выдвинул теорию двух путей развития сложного предложения (на материале академического языка). Первый путь — соединение двух простых предложений на базе сочинения, из которого в дальнейшем вырастает подчинение. Второй путь — развитие сложного предложения через обороты [Рифтин 1931, 66]. На материале тюркских языков эта точка зрения встретила поддержку со стороны некоторых тюркологов [ср. Севортян 1961, 126].

По существу, эта точка зрения является эклектичной, поскольку А. Рифтин в одинаковой мере признает предложениями как придаточные предложения, возникшие на базе сочинения, так и причастные и деепричастные обороты, фактически не являющиеся придаточными предложениями.

Точке зрения А. Рифтина противостоит другая гипотеза, исключающая возможность развития сложного предложения из простого и допускающая преобразование некогда личной формы в причастную, деепричастную, глагольно-именную. Согласно такому взгляду собственно исходным материалом для построения сложного предложения во всех случаях является простое.

Основы этой теории на материале тюркских языков были заложены М.А. Казембеком. В грамматике турецкого языка содержится замечание, что причастные и деепричастные конструкции есть сокращенные придаточные предложения. Для сокращения фразы относительное местоимение со своим глаголом (разумеется, когда они составляют во фразе придаточное предложение) заменяется причастием наст. или прош. времени [Казембек 1839, 435]. Вопрос о сокращении придаточных предложений был поднят А. Востоковым в "Русской грамматике", вышедшей в 1831 г. Этой точки зрения придерживались Н.И. Греч, Д.В. Давыдов, позже — Ф.И. Булаев.

Ценной у М.А. Казембека была сама идея о трансформации синтаксических конструкций. Однако в его теории не было достаточной четкости. Он отождествлял естественные причастные, деепричастные образования с аналогичными конструкциями с самостоятельными подлежащими. Кроме того, он предполагал, что в тюркских языках подвергались сокращению уже сложившиеся придаточные предложения. На самом деле трансформации подвергались первоначально два простых предложения.

В дальнейшем теория преобразования самостоятельного предложения в зависимую неличную конструкцию была развита Н.А. Баскаковым. Благодаря возможности предложения трансформироваться в притяжательное определительное сочетание последнее может выступать в качестве любого члена предложения, представляя собой своеобразное субстантиви-

рованное или атрибутивное предложение (*Ол аулга кеткен* 'Он уехал в аул').

Н.А. Баскаков определил также признаки трансформации предложения. При трансформации предложения в определительное сочетание происходят следующие изменения отдельных членов предложения: а) подлежащее в осн. падеже при переходе в определительное сочетание трансформируется в определение к сказуемому и получает аффикс род. падежа; б) сказуемое предложения трансформируется в определяемое и получает соответствующий притяжательный аффикс. Остальные члены предложения при переходе одной конструкции в другую остаются без изменения [Баскаков 1961, 111, 112].

Те же идеи содержатся в работах Н.Т. Сауранбаева. Глагольные имена, причастия, деепричастия, являвшиеся некогда формами сказуемого простого предложения, постепенно становятся центром синтаксических отношений одного (подчиненного) и другого (главного) предложений. Автор указывает на важную структурную особенность: при переходе подчиненного предложения в изафетную конструкцию подлежащее становится дополнением в род. падеже, сказуемое — подлежащим с притяжательным аффиксом (ср. *Бала мектепке келген* 'Мальчик пришел в школу' и *Баланың мектепке келгені* 'Приход мальчика в школу' [Сауранбаев 1948, 33, 35]). Точку зрения на возможность преобразования самостоятельного предложения в определительную конструкцию разделяет и Г.И. Байтугаева. На материале казахского языка автор показывает, что причастное сказуемое можно изменить в первоначальную спрягаемую форму глагола; иногда же сказуемое определительной конструкции будет восприниматься не как причастие, а как давно прош. время изъявительного наклонения [Байтугаева 1958, 181]. С.А. Соколов также полагает, что причастие в определительной конструкции тур. *kitap satılan mağaza* 'магазин, в котором продаются книги' — потенциально возможный предикат в сложносочиненном предложении, которое развилось в сложноподчиненное [Соколов 1966, 158].

Вышеназванные тюркологи только показали возможный механизм преобразования простых предложений в зависимые конструкции (преимущественно определительные). Однако начальные стадии такого преобразования простых предложений остались нераскрытыми.

На самом деле модели зависимых конструкций, или, как мы их будем называть в дальнейшем, зависимых трансформ, создавались постепенно. Зависимые трансформы стали образовываться в тот период исторической жизни тюркских языков, когда возникла необходимость в более сложном построении мысли, связанном с развитием письменной речи. Это признание исключает предположение об изначальном существовании трансформ и позволяет говорить об относительной датировке процесса их сложения. В историческом развитии сложного предложения условно можно выделить три хронологических этапа: 1) абсолютное преобладание простого предложения; 2) появление первоначальных образцов, так сказать, несовершенных трансформ: разнообразных переходных, грамматически не устоявшихся конструкций; комбинированных способов выражения подчинения; 3) оформление и развитие зависимых трансформ, этот этап подготовлен предшествующими этапами исторического развития, а исходный

импульс их возникновения следует искать очень рано — в период абсолютного преобладания простых предложений, когда простые предложения объединялись по способу примыкания.

Указание на возможность трансформаций далеко не решало всего круга сложных проблем, связанных с созданием исторического синтаксиса тюркских языков. Создавалось впечатление, что все его особенности сводятся только к трансформации предложений. На самом деле история тюркского синтаксиса — это история различных синтаксических приемов.

Хронологически очень раннее существование простых предложений признают многие тюркологи. Первоначально тюркские языки, отмечает К. Брокельман, знали только простые предложения, следующие друг за другом без союзов [Brockelmann 1954, 389, 391]. Исследование синтаксической структуры языка памятников тюркских языков приводит к тем же выводам. Бессоюзные сложные предложения в языке памятников XI в. ("Дивану Лугат-ит-турк", "Кутаду билиг") являются самыми употребительными. Преобладание структуры цепных присоединительных предложений на раннем этапе развития тюркских языков отмечает и Т.Р. Кордабаев [1967, 16–17].

Определительные конструкции, примыкающие к главному, были объектом анализа многих авторов. Конструкции типа *quş olturur yığaç* 'дерево, на котором сидит птица', которую К. Брокельман рассматривает как "довольно раннее" синтаксическое образование, некоторые советские тюркологи относят к раннему периоду пратюркской общности [Дмитриев 1948, 253]. Так, например, С.А. Соколов конструкцию типа *kitap satılan mağaza* 'магазин, в котором продаются книги' рассматривает как исконную для многих тюркских языков, весьма древнюю, представляющую собой прототип придаточного предложения. Дальнейшее развитие этого архаического типа придаточных предложений в тюркских языках, отмечает он, шло, по-видимому, в направлении от паратаксиса к гипотаксису, путем приобретения дополнительной синтаксической связи — аффикса принадлежности 3-го лица при субъекте конструкции. Архаичные конструкции типа *tütün yetişen yer* 'место, где производится табак' непродуктивны для современного турецкого языка, в котором широко распространение получили синтаксические образования типа *dami yanan ev* 'дом, у которого горит крыша' [Соколов 1966, 156, 158]. Н.К. Дмитриев связывал их происхождение с развитием литературного языка, поскольку разговорный язык предпочитает более древнюю форму той же конструкции (без аффикса принадлежности при субъекте действия) [Дмитриев 1948, 253].

Несомненно, что конструкции, первый член которых подвергся притягательной аттракции (оформление род. падежом), — результат более позднего развития по сравнению с теми, которые связаны с последующим предложением одним порядком слов. Н.К. Дмитриев образцы подобной конструкции считает старше по возрасту, чем образования типа *кызы үлгән карт* 'старик, у которого умерла дочь'. Хронологически более ранние конструкции типа *аты бар батыр, аты юк ятыр* 'тот, у кого есть конь, — батыр, тот, у кого нет коня, лежит' зафиксированы в старых фольклорных текстах. Такого рода предложения, типичные для башкирского и всех тюркских языков, отражают процесс создания относительного придаточного из независимого простого, которое ставится перед главным

в качестве его логического определения. На следующем этапе исторического развития подобных конструкций, отмечает Н.К. Дмитриев, возможна формальная связь между двумя предложениями посредством *булган*: *Булат аксаһы күп булган кешеләрҙән түгел* 'Булат не из таких людей, у которых много денег' [1948, 254–255].

Вопросами, связанными с природой синтаксической конструкции типа *каз. баласы бар айел* 'женщина, имеющая детей', занимался Э.В. Севортян. Считая, что эти конструкции возникли относительно поздно, он полагает, что с синтаксической точки зрения они скорее атрибутивно-предикативные, напоминающие образования типа тур. *yemiş dolu bahçe* 'сад, полный плодов'. По их образцу строятся синтаксические группы с причастием типа аз. *анасы хәстә душмуш ушаг* 'ребенок, у которого заболела мать' [Севортян 1961, 134].

Определительные конструкции с субъектом действия, оформленным род. падежом, типа туркм. *мениң эдйән ишим* 'работа, исполняемая мной' выделяются А.П. Поцелуевским в особый структурный тип предложения квазиэргативного строя. Предложения квазиэргативного строя и посесивные предложения А.П. Поцелуевский рассматривает как две самостоятельные линии развития, имеющие общим исходным пунктом инкорпорированное слово-предложение. Дальнейшая ступень развития квазиэргативного предложения выражается в том, что отпадают формальные показатели грамматической связи субъекта и объекта, и оба они оказываются стоящими в одном и том же прямом падеже, т. е. взамен потенциальных предложений типа *бизиң гөрөн яшларымыз* 'виденные нами юноши' появляются предложения нового строя *биз гөрөн яшлар* [Поцелуевский 1946]. С.А. Соколов, называя такие трехчленные конструкции предикативно-атрибутивными, форму род. падежа субъекта действия связывает с категорией определенности-неопределенности [Соколов 1966, 172].

Специфику приводимых выше конструкций многие тюркологи объясняли особыми свойствами формирующей конструкции члена — сказуемого-причастия. Попытка исторического объяснения употребления сказуемого-причастия в названных конструкциях предпринималась Э.В. Севортяном: это употребление причастий он объясняет сохранившейся до наших дней нейтральностью глагола в отношении категории активности-пассивности (активное и пассивное значение причастий различается по определяемому имени [Севортян 1958, 35]).

Анализу в историческом плане подверглись и отдельные структурные элементы простого предложения. Наибольшее внимание исследователей привлекали способы выражения сказуемого и в особенности проблема связки. Как уже указывалось, исторически предикативные словосочетания, или предложения-суждения, по мнению Н.А. Баскакова, представляли собой сопоставление двух слов-понятий (предметов-субстанций), из которых первое в функции подлежащего-субъекта имело характер конкретного единичного отдельного слова-понятия, а второе — в функции сказуемого-предиката имело характер абстрактного общего слова-понятия с обязательным универсальным признаком, определяющим это выраженное в сказуемом-предикате абстрактное общее слово-понятие в пространстве и времени, т. е. признаком всегда динамическим (глагольным).

Следы такой древней структуры предложения отмечаются в древне-

уйгурском языке, в литературном языке караханидского периода и в ряде современных тюркских языков. Ср., например, тув. *мал-хавула чор ол* 'скот пасется на пастбище'; *Фазыл-тимерше ул* (<*тимерше турур ул*) 'Фазыл-кузнец', букв. 'кузнецом являющийся он (тот)//тот, кто является кузнецом'.

Имя со связкой генетически восходит к своего рода словообразовательной форме составного глагола. Модель простого предложения *бу ат-жакъсы дир* или *бу ат-жакъсы* является более новой структурой по сравнению с первоначальной моделью *бу ат-жакъсы ат* (*жакъсы турур ат ол*) 'эта лошадь — хорошая лошадь' [Баскаков 1956, 83, 86]. Предикативный показатель *ол/ул*, известный как в старых, так и в современных тюркских языках, Э.В. Севортян рассматривает как "довольно древнюю" форму выражения предикативности в 3-м лице — ср. тат. *ул эшче ул* 'он рабочий'. Использование местоимения *ол* при оформлении сказуемого отмечал и К. Брокельман; он считал, что местоимение *ол* имеет тенденцию к переходу в связку: *mānīn, tāyīm kim ol?* [Brockelman 1954, 274, 275] 'кто мой бог?'. Вопросы, связанные с происхождением глагола-связки наст. времени ставились В. Котвичем на материале старых памятников и живых тюркских языков, сохранивших несколько форм недостаточного глагола *ä-, äṛ* (*ärüt, ärinč* и проч.). В. Котвич считает основным глагол-связку *ä-*, которая может иметь варианты с узкими *e* и *i*. Элемент *-r* в форме *är-/er-* возник как показатель аориста, подтверждением этому служит сохранившееся в ряде тюркских языков слово [emes] 'не есть, не имеется' — отрицательная форма аориста от корня *ä-* [Котвич 1962, 280].

Вопрос о причинах исчезновения глагола-связки наст. времени не ставился ни в тюркологической, ни в общеалтаистической литературе.

Способы выражения связи наст. времени в тюркских языках очень разнообразны. Широкое использование личных местоимений (подчиняясь действующему закону сингармонизма, они претерпевали фонетическую трансформацию, переходя в разряд аффиксов), наличие связки *-тур/-турур*, использование формы глагола 3-го лица для всех лиц, использование слов *бар/йок* в функции связки и др. — все это немало способствовало разрушению и вытеснению связки *ä-*. Таким образом, связка *ä-* могла быть постепенно вытеснена благодаря существованию в тюркских языках значительного числа ее грамматических аналогов.

При историческом анализе структуры сложного предложения на материале отдельных тюркских языков основное внимание исследователей обычно направлено на развитие тех или иных конкретных союзов, исчезновение одних союзов и появление других, изменения, происходящие в сфере их употребления, соотношение на определенных этапах исторического развития причастных, деепричастных и союзных конструкций [Абдурахманов 1967, 4, 5].

В ряде работ ставятся вопросы этимологии отдельных союзных слов, и реконструкции грамматических форм. Для исторического изучения структуры синтаксических конструкций имеют важное значение положение К. Брокельмана о том, что так называемая условная форма *-sa* в своей основе является опативом и что безличной формы глагола первоначально тюркские языки не знали [Brockelmann 1954, 398, 399], замечание Грөнбека о том, что окончание *-lar* первоначально означало не

мн. число, а коллективность, собирательность [Grönbeck 1936, 58], наблюдение А.Н. Кононова относительно "склонений предложений" в тюркских языках [1967, 23].

К числу достижений в области разработки теории исторического синтаксиса можно было бы отнести следующие положения: исходным материалом построения сложного предложения является простое; первоначально тюркские языки знали только простые предложения, следующие друг за другом без союзов; личная глагольная форма может преобразовываться в причастную, деепричастную и глагольно-именную форму; в тюркских языках некогда существовали формы наст. времени глагола-связки *ä-*.

Теория первоначального именного строя тюркской речи основывается на утверждении, будто бы древний тюркский предикат всегда строится по схеме: "причастие + связка". Такое утверждение неверно хотя бы потому, что есть образования типа каз. *бар-а-мын* 'я иду', построенные по схеме: "корень глагола + аффикс многократного действия + личное окончание". Не могут быть подтверждением вышеуказанного положения формы типа *ал-ыр-мын* 'я возьму'. *Алыр-*, действительно, когда-то было причастием, подобно тому как в русском языке *писал* когда-то было формой причастия от глагола *писать*. Тюркологи, утверждающие, что форма *алырмын* — причастная форма в предикате, смешивают два вопроса — использование причастия для построения глагольных форм и фактическое существование причастия. Хотя в структуре форм типа *алырмын* и имеется причастие, но оно здесь уже перестало быть причастием. Наглядным подтверждением того, что тюркский глагольный предикат не был именным с самого начала, является различие форм отрицания у глагола и имени.

В тюркологии были также сторонники теории о посессивной структуре предложения, заложенной в трудах И.И. Мещанинова и А.П. Поцелуевского (см. об этом выше). Отпричастные имена существительные с притяжательными суффиксами широко употребляются для образования глагольных времен в таких сугубо номинативных языках, как угрофинские. Никакой особой посессивной стадии и в данном случае не прослеживается.

Кроме описанного выше, созданию правильной теории исторического синтаксиса тюркских языков мешает следующее.

1. Отсутствие исторических грамматик по ряду языков.
2. Отсутствие письменных памятников многих языков (алтайского, карачаево-балкарского, ногайского и др.).
3. Невыясненность преемственных связей между целым рядом древних тюркоязычных памятников и современными языками. Не следует думать, подчеркивает в одной из своих последних работ П.А. Батманов, что язык памятников орхоно-енисейской письменности был тем "празыком", на основе которого развивались другие тюркские языки. Во-первых, особенности тюркской речи (в отличие от тунгусской, монгольской и др.) сложились задолго до возникновения письменности у ее носителей; во-вторых, носители этой речи в VI—VII вв. не составляли единой народности. Автор предполагает, что в орхоно-енисейских памятниках получила прямое отражение речь одного из небольшой группы активных племен, наряду с которой могли существовать незафиксированные в письменности диалекты, наречия или языки. И.А. Батманов считает, что енисейские признаки отра-

зились в языках предков киргизов, тувинцев, шорцев, хакасов и других, огузские (орхонские) признаки в ходе сложного развития вошли в туркменский, азербайджанский языки. Грамматический анализ языка памятников тюркской рунической письменности свидетельствует о их генетической связи не только с огузскими, но и с якутским языком [Батманов 1966, 12].

4. Жанровая неоднородность языка памятников, дифференцированность самих тюркских языков уже в эпоху енисейско-орхонских памятников и, следовательно, существование общетюркского языка-основы в эпоху, значительно удаленную от времени появления первых памятников на тюркских языках. В языке памятников древнетюркской письменности явно выражены диалектные черты, являвшиеся в одних случаях остатками сближавшихся племенных языков, а в других случаях зарождавшимися новыми тюркскими языками, получившими дальнейшее развитие.

Сопоставление фактов из современных тюркских языков с признаками древних тюркских говоров позволяет сделать вывод, что характерные особенности, отличающие современные тюркские языки (или их группы) друг от друга, начали формироваться в период, непосредственно предшествующий возникновению памятников орхон-енисейской письменности (V–VIII вв.) или даже раньше (ср. в енисейских памятниках зарегистрированные колебания в оформлении дат.-напр. падежа – сосуществование показателей *-a* и *-ga*) [Батманов 1964]. Поэтому при анализе синтаксической структуры языка памятников не следует забывать об их жанровой неоднородности: если памятники "Мухаббат-наме" Хорезми, "Гулистан-бит-тюрки" Сейфи Сарай и "Юсуф и Зулейха" Дурбека отражают литературный кыпчакский язык мамелюкского Египта, то в таких старокыпчакских памятниках того же периода, как "Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак" Абу Хайана, "Китаб ат тухфат уз-закйя филлугар-ат-туркйя" анонимного автора XIV в., нашли известное отражение старокыпчакские разговорные языки.

5. Отсутствие четко выработанных методов и приемов исследования сравнительно-исторического синтаксиса. Большинству тюркологических работ свойственна большая осторожность в применении сравнительно-исторического метода. Что же касается синтаксиса, то в тюркологии, к сожалению, даже не предпринимались попытки его построения в сравнительно-историческом плане. Даже в очень содержательном труде К. Грэнбека "Der türkische Sprachbau" мы не найдем никаких реконструкций синтаксических единиц. В ценных трудах О. Бётлингга, Н.И. Ашмарина, Н.Ф. Катанова преобладает метод сопоставления. Задачи сравнительно-исторического синтаксиса в свое время пытался сформулировать Е.Д. Поливанов. По его мнению, возможны заключения относительно праязыковых синтаксических явлений на основании сравнения синтаксисов родственных языков; сравнительная морфология изучает историю морфологий родственных языков, а сравнительный синтаксис – историю их синтаксисов. Е.Д. Поливанов выдвигает понятие "синтаксическая историология" – общее учение о действительных для всех языков принципах и причинах синтаксической эволюции. К сожалению, задачи сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков не были осуществлены на конкретном материале, идеи автора не были развиты [1928, 30, 47].

Метод сопоставлений, широко применяемый в последние годы в работах по тюркскому синтаксису, оставляет в стороне проблемы историко-генетического порядка, вопрос об общей основе тюркского синтаксиса.

6. Неоднозначное понимание таких синтаксических категорий, как словосочетание и предложение.

Рассмотрение словосочетания на правах самостоятельной синтаксической единицы наряду с предложением принадлежит русской тюркологической школе. Довольно четкое разграничение этих двух полноправных синтаксических единиц дано в работах Н.К. Дмитриева. Всякое синтаксическое сочетание, части которого осознаются в отношении друг к другу как подлежащее и сказуемое, является предложением. И наоборот: всякое синтаксическое сочетание, части которого не осознаются нами как внутренне связанные подлежащее и сказуемое, будет не предложением, а словосочетанием [1961, 43]. Н.К. Дмитриев справедливо отмечает, что словосочетание не является формой для выражения какой-либо активности или какой-то динамики: это форма для выражения синтаксических отношений между словами-предметами. Словосочетание может выражать действие с объектом и обстоятельствами, если это действие взято в чисто статическом плане и не имеет своего субъекта [Там же, 43, 69].

Разграничение словосочетания и предложения последовательно проводится в работах Н.А. Баскакова, выдвигающего в качестве существенного признака предложения выражение им суждения [1961, 50]. М.З. Закриев, строго дифференцируя словосочетания и предложения, подчеркивает, что предложение как основная единица речи является основным коммуникативным средством языка; вне предложения словосочетания не участвуют в процессе общения, их выделяют из предложения для того, чтобы изучить строение предложения [1963, 105]. Словосочетания как самостоятельные синтаксические единицы детально описаны на материале конкретных тюркских языков – азербайджанского, казахского, узбекского, якутского и др.

Вместе с тем существует и точка зрения, согласно которой словосочетания понимаются довольно широко. Так, например, Е.И. Убрятова отмечает, что сочетания слов в тюркских языках играют совсем другую роль, чем номинативные сочетания в русском языке; сочетания слов (членов предложения) в этих языках противопоставлены предложению (предикативному сочетанию) не так, как в русском языке, где словосочетание – только строительный материал для предложения [1976, 33]. Примерно такая же точка зрения была свойственна всем представителям старой классической тюркологической школы, которые в основу учения о синтаксической структуре тюркских языков положили теорию исторического развития групп слов (иначе – словосочетаний). Так, например, К. Грэнбек подчеркивает отсутствие резкой границы между именной и предикативной группами, особенно в раннем периоде. Два рядом стоящих имени образуют одно понятие, и иногда трудно сказать, имеем ли мы имя с определением или предложением [Grönbech 1936, 85]. Теория групп слов, представляющих собой предложения, представлена в ранней грамматике М.А. Казембека [1839, 392–393], в работе Ж. Дени [Deny 1921, 709–722] и др.

Сравнительно-исторический анализ затрудняется тем, что четко не определены границы словосочетаний. Существует точка зрения, согласно которой

словосочетание может состоять из одного знаменательного и одного служебного слова [Дмитриев 1948, 203]. Согласно другой точке зрения, словосочетание должно состоять не менее чем из двух полнозначных знаменательных слов [Закиев 1963, 108]. Различны и принципы классификации словосочетаний. В основу классификации кладется либо синтаксическая функция члена предложения – зависимого компонента [Дмитриев 1948, 212–217, 80–91], либо способы связи слов в словосочетаниях: примыкание, управление, согласование [Убрятова 1950, 31–82]. Нам представляется, что наиболее оправдан тот критерий классификации словосочетаний, согласно которому учитывается (в первую очередь) грамматический разряд и главного формирующего члена, и зависимого компонента.

В отношении изафета как разновидности определительных словосочетаний, выделяемых в традиционной грамматике в самостоятельную синтаксическую категорию, также имеются разноречивые суждения. Одни тюркологи высказали сомнения в отношении выделения 3-го типа изафета [Боровков 1935, 169–174], другие не считают изафетными безафиксальное сочетание двух имен [Насилов 1940, 52]. В целом ряде грамматик по тюркским языкам изафет понимается слишком широко, в него включаются обычные типы определительных словосочетаний [АГ 1959, 19].

Известные трудности для сравнительно-исторических исследований создаются и разноречивыми толкованиями структуры простого предложения, природы глагольного сказуемого. Сторонники именной структуры тюркской речи обычно отождествляют *verbum finitum* с причастиями. Так, например, Н.А. Баскаков пишет: "Глагол в туба-диалекте, как и в литературном алтайском языке и в других тюркских языках, реализуется в речи в виде особых функциональных форм: имени действия, причастия и деепричастия" [1966, 47]. Диаметрально противоположной точки зрения придерживается другая группа тюркологов, для которых решающим критерием при определении придаточных предложений является наличие сказуемого в личной форме (*verbum finitum*) и которые поэтому относят все причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции к составу простого предложения.

ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Теоретические основы создания исторического синтаксиса какого-либо конкретного языка являются наиболее слабым местом общего языкознания. И это явление имеет свои причины.

В языкознании долго господствовало мнение, что исторический синтаксис есть не что иное, как история значений грамматических форм (а не история синтаксических единиц – словосочетаний и предложений). Совершенно естественно, что такого рода исследования не затрагивали принципиальных синтаксических вопросов.

Позднее это направление сменяется другим. Основной задачей исторического синтаксиса начинают считать сравнение синтаксиса данного языка с синтаксисом его исторического предшественника. Построение исторического синтаксиса какого-либо языка, располагающего памятниками, произ-

водится по формуле: "что было – что стало". По этому принципу построены грамматика староперсидского языка А. Мейе, синтаксис древнерусских грамот В.И. Борковского и т. д. Конечно, этот метод имеет полное право на существование. Но только требуется одно неперемutable условие: должна быть доказана реальная историческая преемственность между современным языком и его предшественником, как, например, между древнерусским языком и современным русским, между латинским языком и современными романскими языками.

В работах по историческому синтаксису отдельных тюркских языков, выполненных в наших тюркоязычных республиках, довольно часто это основное условие не соблюдается. Создается идеализированное представление о том, что все синтаксические особенности памятников древнетюркской письменности являются наиболее архаичными. Поэтому многие исследователи истории синтаксиса казахского, узбекского, киргизского и раннетюркских языков считают своей неперемutable обязанностью привести примеры из словаря Махмуда Кашгарского, орхонских памятников и т. д. Языки, на которых написаны эти памятники, априори рассматриваются как исторические предшественники любого современного тюркского языка. Эффективность такого метода довольно сомнительна, поскольку фактически остается недоказанной историческая преемственность между современным языком и языком памятника. Отсюда, конечно, не следует, что действительные архаизмы, содержащиеся в памятниках древнетюркской письменности, должны вообще игнорироваться. Однако их научная ценность определяется другими методами.

Гораздо сложнее обстоит дело, когда исследователь сталкивается с необходимостью изучения истории синтаксических единиц в рамках группы родственных языков. В этой области исследования вообще нет определенных и четких методов. Самой трудной проблемой является создание так называемого синтаксического архетипа. При наличии группы материально родственных слов из генетически родственных языков и знания звуковых соответствий создание архетипа представляется вполне возможным. Однако трудность реконструкции состоит в том, что модели словосочетаний и предложений не имеют сколько-нибудь постоянного лексического состава. Их состав является переменным.

Первая попытка найти в синтаксическом архетипе определенную опору принадлежит Б. Дельбрюку. Рассматривая историю относительного придаточного предложения в индоевропейских языках, Дельбрюк пришел к выводу, что в индоевропейском языке местоименная основа *jo* уже могла употребляться в роли относительного местоимения, и это было единственное относительное местоимение того периода [Delbrück 1893, 405]. Дельбрюк наглядно показал, что синтаксический архетип может быть только общей типовой моделью синтаксической единицы, а не целостным архетипом. Кроме того, он установил, что сама типовая модель может иметь характеризующую ее формальную опору. Например, местоименная основа *jo* фактически является формальной опорой определенного типа синтаксической единицы – относительного придаточного предложения. Отсюда следует, что синтаксический архетип может быть только моделью, но не простой моделью, а моделью, имеющей вполне определенную морфологическую опору.

Открытие Б. Дельбрюка создает основу для создания новой концепции исторического синтаксиса.

Некоторые возражения высказываются в связи с тем, что тюркские языки еще не настолько изучены, чтобы можно было говорить о создании какой-то новой концепции исторического синтаксиса тюркских языков. Но такие опасения совершенно напрасны. В настоящее время уже созданы необходимые условия для изучения синтаксиса тюркских языков.

В последние годы в тюркологии проделана очень большая работа по научно-критическому изданию памятников (см. работы С.Е. Малова, А.К. Боровкова, А.Н. Кононова, И.А. Батманова, А.А. Зайончковского, А. Габэн и др.), а также по грамматическому описанию редких тюркских языков и их диалектов (лобнорского, тофаларского, диалекта черневых татар, языка сибирских татар и др.), что является необходимой базой для воссоздания истории тюркских языков.

В продолжение лучших традиций В.В. Радлова, В. Томсена, П.М. Мелиоранского проведена значительная работа по систематическому описанию древнетюркских источников (см. работы по исследованию языка енисейских памятников древнетюркской письменности, памятника "Кутлугкаган" VIII в., дастана "Китаби деде Коркуд", памятника арабского письма "Дивану Лугат-ит-турк" Махмуда Кашгарского, памятников древних кыпчакских языков, тюркских текстов из Восточного Туркестана, памятников древнеуйгурской и староузбекской письменности, сочинения Абу-л-Гази "Родословная туркмен", лексики "Среднеазиатского тефсира" XII-XIII вв., а также памятников конкретных тюркских языков).

Систематическое описание языка разных тюркских источников составляет довольно значительный раздел и в зарубежной исторической тюркологии.

В нашей стране проделана значительная работа по изучению диалектов различных тюркских языков.

Таким образом, накоплен довольно большой фактический материал.

В чем заключаются основные особенности предлагаемой здесь концепции исторического синтаксиса семьи родственных языков? Основным объектом исследования согласно этой концепции являются синтаксические единицы, т. е. словосочетание и предложение. Точкой отсчета при изучении истории словосочетаний и предложений является синтаксический архетип, возводимый к праязыковому состоянию. Каким путем такой исторический архетип может быть создан?

Морфологические единицы (корень, аффиксы и т. п.) допускают возможность реконструкции цельной морфологической единицы. Так, например, тадж. *nav* 'новый', англ. *new*, нем. *neu*, греч. *έος* и русск. *новый* могут быть возведены к цельному архетипу **nevos*. Личные окончания глаголов 3-го лица мн. числа в таких формах, как рус. *они бер-ут*, лат. *laudant* 'они хвалят', др.-нем. *nim-ant* 'они берут', др.-инд. *bhar-anti* 'они несут' и т. д., также допускают возможность восстановить цельный архетип этого личного окончания **-nti*.

Синтаксические единицы (словосочетания и предложения), как правило, мобильны. Можно было бы поэтому ограничиться содержательной моделью выбранной для исследования синтаксической единицы, например: "прилагательное + существительное", "причастие + существительное" и

т. д. Но такой прием не принес бы никакой пользы. Теоретическая (содержательная) модель словосочетания "прилагательное + существительное" допускает необычно разнообразное наполнение. Исторический синтаксис конкретного языка можно было бы построить по типу исторически последовательной смены моделей словосочетаний и предложений. Но такой синтаксис был бы чрезвычайно неконкретен и безлик. Во-первых, трудно было бы определить, к какому конкретному языку данная модель относится, поскольку у нее нет никаких конкретных языковых характеристик. Формула словосочетания "прилагательное + существительное" приложима ко многим десяткам различных языков. Если мы скажем, что аналогом русского дополнительного предложения, вводимого союзом *что*, является отпричастное имя в вин. падеже, выступающее в роли объекта глагола главного предложения, то эта формула в одинаковой мере применима не только к тюркским, но также к монгольским, тунгусо-маньчжурским и даже некоторым восточным финно-угорским языкам.

Все это лишний раз свидетельствует, что абстрактные модели словосочетаний и предложений не могут быть синтаксическими архетипами. Отсюда напрашивается только один вывод — семантическое содержание архетипа должно иметь определенную морфологическую опору. Выделение морфологической опоры имеет двойное значение. Прежде всего она обеспечивает определенную паспортизацию выбранной синтаксической конструкции. В словосочетании типа тур. *güçlü at* 'сильная лошадь' морфологическая опора — аффикс прилагательного *-lü* (<*ly*) — свидетельствует о том, что данное словосочетание характерно именно для тюркских языков, а не для каких-либо других. Кроме того, историку языка необходимо выявить историческое развитие, изменение выбранной синтаксической единицы. Такое изменение можно установить только проследивая историю самой морфологической опоры. Каким-либо другим путем это историческое изменение установить нельзя. Тем самым исторический синтаксис теснейшим образом связывается с исторической морфологией. Без исторической морфологии не может быть исторического синтаксиса группы родственных языков. Все это свидетельствует о том, что реконструкция синтаксических единиц также возможна. Сущность этой реконструкции сводится к определению наиболее древнего типа выбранной синтаксической единицы и установлению ее морфологической опоры.

ПРИЕМЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

При синтаксической реконструкции используются следующие приемы.

Прежде всего определяется семантический тип отобранной для исследования синтаксической конструкции, которая может быть словосочетанием, простым или сложным предложением или каким-нибудь типом сложного предложения. Он обычно определяется на основании учета семантики входящих в него частей речи, например: "прилагательное + существительное", "причастие + существительное", "местоимение + существительное", "имя в вин. падеже + глагольная форма", "имя в дат. падеже + глагольная форма", простое именное предложение со связкой, зависимая трансформация с определенным формирующим членом, придаточное предложение, вводимое каким-либо союзом, и т. д. Определение семантического типа представ-

ляет только первый подготовительный этап и само по себе не выявляет никакой истории. Кроме того, во многих языках семантические типы могут совпадать.

Следующим этапом является определение конкретной структурной модели выбранного семантического типа с учетом характера так называемой морфологической опоры этой модели, ср., например, в тюркских языках: относительное прилагательное с афф. *-лы/-ли* + существительное: тур. *güçlü adam*; тат. *көчле кеше* 'сильный человек';

причастие с афф. *-ган* + существительное: тат. *килгән кеше* 'приехавший человек', каз. *қайтқан шал* 'вернувшийся старик';

имя в дат. падеже на *-а* + глагольная форма: аз. *анасына көндәрди* 'он послал своей матери', тур. *arkadaşıma verdi* 'он дал моему товарищу';

наречие с афф. *-ча* + глагольная форма: аз. *русча данышыр* 'он говорит по-русски', тур. *türkçe söylüyor* 'он говорит по-турецки';

глагольное предложение со сказуемым, выраженное прош. временем на *-ды*: ккалп. *мен бүгүн базарда орақ сатып алдым* 'я сегодня купил на базаре серп' [ККСл. 1958, 850], тур. *yangın çıktı* 'возник пожар'.

При изучении таких синтаксических единиц, как сложное предложение союзного типа, следует учитывать морфологические особенности связующих средств. Ср., например, происхождение союзов *ки*, *чунки*, которые вводят придаточные предложения.

Однако определение конкретной структурной модели, характеризующейся конкретной морфологической опорой, также пока ничего не говорит нам об истории выбранной синтаксической единицы. При изучении ее истории необходимо выявить синтаксический архетип и отношение выбранной нами модели к синтаксическому архетипу. Выбранная модель или сама может быть архетипом, или может быть результатом исторического изменения предшествующего ей архетипа.

Прежде всего необходимо выявить территориальную распространенность выбранной модели, которая может быть тотальной, охватывающей все родственные языки, или частичной, охватывающей только отдельную группу языков. Могут быть случаи, когда конкретная модель синтаксического построения встречается только в одном или двух языках.

Очень большая степень распространенности модели может служить показателем ее существования в плоскости праязыка. Необычайно высокая степень распространенности таких явлений, как деепричастие на *-ып*, наст.-буд. время на *-ар*, *-ыр*, дает основание предполагать, что эти явления уже существовали в тюркском праязыке. Вместе с тем тотальная распространенность модели не всегда является наиболее веским доказательством наличия данной модели в праязыковом состоянии. Так, например, глагольные словосочетания с именем в исх. падеже на *-дан* имеют очень большое распространение в современных тюркских языках, но их нельзя отнести к пратюркской общности, поскольку в глубокой древности исх. падежа на *-дан* не было. В современных тюркских языках значительно распространен 3-й тип изафета, который нельзя отнести к раннему общетюркскому состоянию, поскольку его возникновение, связанное с развитием род. падежа, относится к более позднему периоду пратюркской общности.

Из сказанного следует, что исследование истории того или иного формата, представляющего морфологическую опору выбранной нами син-

таксической конструкции, является определяющим при исследовании истории этой синтаксической единицы, поскольку ее семантический тип сам по себе не позволяет воссоздать какое-либо историческое движение.

Территориальная ограниченность распространения модели чаще всего служит показателем того, что модель возникла позднее, в ограниченной зоне. В эпоху существования праязыка ее не было. Глагольное предложение со сказуемым, выраженным буд. временем на *-ачак*, *-ечек*, зонально ограничено. И действительно, такое предложение возникло позднее. Афф. *-ачак* существовал в период пратюркской общности и обозначал склонность к чему-либо или возможность что-либо сделать. Позднее в некоторых тюркских языках развилось значение буд. времени. Таким образом, в данном случае зональная ограниченность буд. времени на *-ачак* свидетельствует о том, что в тюркском праязыке этой формы не было.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Синтаксический архетип устанавливается в результате изучения множества однотипных морфологических моделей. Одиночная модель, зафиксированная только в одном языке, в данном случае не является показательной. Предположим, мы нашли в татарском языке словосочетание *айлы төн* 'лунная ночь'. Морфологической опорой этого словосочетания будет афф. *-лы*. Для установления архетипа необходимо поискать наличие того же аффикса прилагательных в других тюркских языках. И действительно, прилагательные с афф. *-лы*, образующие подобные словосочетания, обнаружены и в других тюркских языках, ср. узб. *кучли от* 'сильная лошадь', каз. *тасты жер* (<*ташлы жер*) 'каменистая земля' и т. д. Однако архетип словосочетания "прилагательное с афф. *-лы* + имя существительное" устанавливать пока преждевременно. Есть тюркские языки, сохранившие более древнюю форму этого аффикса — *-лыг*, ср. тув. *даглыг* 'гористый', *харлыг* 'снежный', хак. *чиллиг* 'ветренный', тоф *маллыг* 'имеющий скот', *куштуг* 'сильный' и т. д. Следовательно, архетип словосочетания будет выглядеть иначе: "прилагательное + афф. *-лыг* + имя существительное".

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

В нашей тюркологической литературе широко распространено мнение, что все языковые явления, встречающиеся в памятниках древнетюркской письменности, являются наиболее архаичными. Такими кладезями архаизмов считаются словарь Махмуда Кашгарского, Орхонские надписи и т. п. Однако мнение это неправильное. Тюркские языки, на которых написаны памятники древнетюркской письменности, отнюдь не отражают праязыкового состояния в его неизменном и чистом виде. Поскольку языки изменяются неравномерно, то и в памятниках письменности могут содержаться наряду с архаизмами также и неологизмы.

У Махмуда Кашгарского есть форма прош. времени на *-дык*, например: *ол кәлдүк* 'он пришел', *биз кәлдүк* 'мы пришли' (МК II, 61) и т. д. Некоторые тюркологи и считают, что она хронологически предшествует форме прош. времени на *-ды*. Мы считаем, что, скорее всего, эти формы — частный слу-

чай превращения в *verbum finitum* причастия на *-дык*, распространенного в тюркских языках огузской группы. Отсутствие прош. времени на *-дык* во всех других тюркских языках подтверждает наше предположение.

В современном турецком языке нет причастия прош. времени на *-ган*. Не было его и в енисейско-орхонских памятниках. Однако отсюда не следует, что в турецком языке этой формы вообще не было. Такие реликты, как совр. тур. *çalışkan* 'работающий' от *çalış-* 'работать', аз. *гудурган* 'бешеный', от *гудур-* 'взбеситься', *jarған* 'овраг' от *jar-* 'рассекать', тур. *kurған* 'крепость' от *kur-* 'строить' и т. д., свидетельствуют о том, что причастие на *-ган* некогда существовало и в турецком языке, а затем оно было вытеснено причастиями на *-ан*, *-дык*, а позднее — причастием на *-мыш*.

Особую осторожность следует соблюдать при пользовании письменными памятниками, написанными на некоторых распространенных в средние века литературных тюркских языках типа чагатайского, тюрки и т. д. Так, например, в сборнике "Древняя татарская литература" (1963) приводится отрывок из произведения "Иосиф и Зулейка", причисляемого авторами данного сборника к памятникам старой татарской литературы. В этом памятнике довольно часто употребляется прош. время на *-мыш*: *Ул кою Ашнудан калмыш иде. Аны Ашну-Гад кяфер казмыш иде* 'Этот колодец остался от Ашну. Его выкопал неверный по имени Ашну-Гад' (БТЭ, 101). На самом же деле язык приведенного в сборнике памятника не имеет прямой преемственности с современным татарским языком и относится к числу современных памятников. На этом основании вряд ли можно сделать вывод, что в старом татарском языке существовало прош. время на *-мыш*. Данные современных диалектов татарского и других кыпчакских языков подтверждают это предположение. В языке памятника чувствуется влияние языка тюрки, избыливающего османскими формами.

Но вместе с тем данные памятников могут быть очень полезны. Так, мы предполагаем, что абсолютные обороты со своим подлежащим восходят к самостоятельным простым предложениям. Образование абсолютных оборотов происходило в процессе соединения двух предложений. Материалы памятников древнетюркской письменности содержат немало случаев так называемой бессоюзной связи двух зависимых предложений, а также типы технически несовершенных преобразований первоначально самостоятельных предложений.

Древние письменные памятники на чагатайском языке дают возможность установить полную парадигму глагола-связки наст. времени *e-/ep-*, чего, например, нельзя сделать на материале живых тюркских языков. Ср. чаг. *erür men, erür sen, erür, erür biz, erür siz, erürlär*.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВ

Определенные типологические особенности могут быть усвоены от праязыка. Если углубление в историю тюркских языков не дает никаких свидетельств о том, что в древности морфологический тип был иным, то эти особенности можно приписать тюркскому праязыку, который, очевидно, был языком агглютинативного типа. Языкам этого типа присущи следующие специфические черты.

1. Твердый закон порядка слов "определение + определяемое" проявляется в структуре всех синтаксических категорий. Любое словосочетание в тюркских языках строится по принципу "зависимый член + главный член", а в широком смысле это фактически "определение + определяемое" (ср. аз. *яхшы гыз* 'хорошая девушка' и *яхшы языр* '(она) хорошо пишет').

2. Способность имен существительных выступать в роли определения при отсутствии согласования с определяемым явилась почвой для развития в тюркских языках особого типа словосочетаний — изафета. В конструкциях, относимых к 1-му типу изафета, синтаксические отношения в которых основаны только на простом примыкании, развиваются адъективизированные сочетания слов: ср. тур. *demir kapı* 'железные ворота', каз. *ай жарық* 'лунное освещение', кирг. *дын жерлер* 'целинные земли'. Процесс адъективизации в подобного рода сочетаниях слов (ср. аз. *гранит бир күтлә кими* 'как гранитный массив') сделал излишним употребление аффикса принадлежности как показателя соотнесенности предметов — субстантивов. Случаи предпочтения 1-го типа изафета 2 и 3-му типам, значительная его развитость в таких языках, как кумыкский, чувашский, а также сам простейший способ выражения синтаксических отношений, на котором он основан, — примыкание — свидетельствуют о его древности и возможном отнесении к тюркской праязыковой общности. На значительную его архаичность указывают сохранившиеся тесно спаянные комплексы слов, построенные по 1-му типу изафета, но осознающиеся уже как сложные слова. Роль изафета здесь чисто вспомогательная, приближающаяся к способу аналитического словообразования (ср. башк. *куян арба* 'тарайка', кбалк. *алма терек* 'яблоня').

На базе отношений "существительное + существительное" (т. е. "определение + определяемое") развивались в тюркских языках притяжательные аффиксы, синтаксические конструкции по 2-му типу изафета (ср. тур. *kebar kokuları* 'запахи шашлыка — шашлычные запахи'). Тотальная распространенность во всех тюркских языках указывает на значительную архаичность 2-го типа изафета, развившегося на базе значения принадлежности. Об этом свидетельствует материал якутского языка (изафет 2-го типа выражает отношении определяемого к определению по признаку принадлежности *куһу ата* 'лошадь человека'). Развитие значения родовой категориальности, естественно связанной с понятием неопределенности, происходит параллельно со становлением самой категории определенности-неопределенности, существующей в тюркских языках неизначально. Развитие 3-го типа изафета, соотносимого с более поздним периодом тюркской праязыковой общности, связано с развитием категории определенности.

3. Действием закона порядка слов "определение + определяемое" объясняется типичная для агглютинативных языков препозиция род, падежа, имеющего в ряде тюркских языков артиклевые функции (ср. каз. *колхоз-дың жері* 'земля колхоза'). Развитие 3-го типа изафета приводило к некоторому разрушению первоначально тесно спаянных именных атрибутивных комплексов (ср. широкие возможности раздвижения у 3-го типа изафета). Последнее создавало условия в тюркских языках для развития развернутых конструкций.

4. Конечная позиция глагола в тюркских языках и вытекающая отсюда препозиция дополнения, включающая развернутые конструкции, продикто-

ваны тем же законом порядка слов "определение + определяемое". Появление объектных конструкций с вин. падежом — явление, очевидно, более позднее. Преобладание именного строя предложения, замена личных глагольных форм отглагольными именами при господстве способа примыкания обеспечивали на ранних этапах развития агглютинативных языков структуру тесно спаянных комплексов "объект + отглагольное имя". Появление объектных конструкций с вин. падежом тесно связано с расчленением спаянного словосочетания, с историческим развитием категории определенности-неопределенности.

5. Закон порядка слов с сопутствующей ему постоянно действующей тенденцией расширять границы определения и строить все сложное по модели простого определил и развитие структуры предложения. Сказуемое, как неспособное выступить в роли определения, отсоединяется к концу и вместе с тем может выступать в роли своеобразного определяемого. Отсюда два центра определений и определяемых: подлежащий и сказуемый.

6. Закон порядка слов распространяется на оба центра. Всякая зависимая мысль рассматривается как развернутое определение, если она содержит элементы определения. Одним из характерных для строя тюркских языков путей развития сложноподчиненных предложений было их развитие не изнутри, а путем сложения двух ранее самостоятельных предложений, которые под давлением своей системы стремились превратиться в одно. Внутренним же путем в недрах простого предложения могли развиваться лишь причастные, деепричастные и глагольно-именные словосочетания, имеющие общий с главной определяемой частью предложения субъект действия в виде одного грамматически выраженного подлежащего.

7. Для агглютинативного строя характерен такой аффиксальный тонус языка, который исключает возможность образования префиксов. Стандартная организация морфологической структуры слова является основой для постоянно действующего закона "определение + определяемое" (ср. тур. *evin içinde* 'в доме', букв. 'дома во внутренней части его'). Это образование, в котором второй член выражает релятивное отношение, является зародышем конструкции "определение + определяемое".

Расположение аффиксов в структуре слова также основано на законе "определение + определяемое". Порядок размещения слов и словообразовательных аффиксов идет в плане коллокации (составления), причем фактор нарастания абстрактности распространяется и на словообразовательные элементы и на сложение слов. Закон "определение + определяемое" поддерживается правилом "конкретное + общее" (ср. тур. *demircilik* 'кузнечное дело', где афф. *-ci* конкретнее афф. *-lik*). В словосочетании *яхшы гыз* 'хорошая девушка' слово *яхшы* является частной характеристикой к определяемому как к более общему понятию. Место глагола в тюркском предложении не противоречит порядку расположения аффиксов в слове. Глагол выражает более широкое понятие. Таким образом, для строя тюркских языков характерен последовательно выдержанный изоморфизм. Синтаксическая структура тюркских языков, объяснимая из особенностей морфологической структуры слова, сама поддерживает устойчивость агглютинативного строя (ср. развитие притяжательных аффиксов

на почве действующего закона "определение + определяемое", возникновение изафета, воспроизводство прилеп и др.).

Однако при реконструкции также возможно использование типологических особенностей неродственных языков. Достаточно хорошо известно, что уральские языки не родственны тюркским языкам. Между тем древний синтаксис уральских языков был синтаксисом тюркского (татарского) типа. Родство тюркских и монгольских языков нельзя считать окончательно доказанным, однако синтаксис этих языков имеет много общих черт. Некоторые русские типы придаточных предложений в тюркских языках не встречаются. Это прежде всего относится к определительным придаточным предложениям типа *Комната, в которую я вошел, была очень тесная*. Не типичны для тюркских языков дополнительные придаточные предложения (типа *Я знаю, что у тебя нет денег*), придаточные обстоятельства времени (*Когда настала осень, в школах начались занятия*).

Те же самые особенности обнаруживаются иногда и в других языках. Определительные придаточные предложения не типичны для ненецкого языка. Русскому определительному придаточному предложению типа: *Где русский, который хорошо знает ненецкий язык?* в ненецком языке соответствует: *Ненэця вадам савана теневана русской ханяна мэ?* букв. 'Ненецкий язык по-хорошему знающий русский где находится?' [Алмазова 1961, 210]. Эта же особенность типична для бурятского языка, например: *Манай тайшаа тухай дуу гаргаагша хун энэл даа* 'Вот этот тот самый человек, который сочиняет песни о нашем тайше' [ГБЯ 1962, 275] (букв. 'О нашем тайше песни сочиняющий вот этот человек'). Нетипичными для некоторых языков являются дополнительные придаточные предложения. Ср. нен. *Ханяд товами нив хэтаңгу* 'Я не скажу, откуда я приехал' (букв. 'Откуда приезд мой, я не скажу') [Алмазова 1961, 210], бур.-монг. *Минии маргааша Москва орохые ши хэһнээ дуулаабши* 'Ты от кого слышал, что я завтра еду в Москву?' (букв. 'Меня завтра в Москву собирающееся ехать ты от кого слышал') [Санжеев 1941, 1976].

Во многих языках нет русских придаточных предложений, обозначающих место совершения действия; ср. манс. *Ам Туня олум станциян яңк патнэ этнос порат ёхталасум* 'На станцию, где жила Дуня, я приехал в мае месяце' [Баландин 1960, 116] (букв. 'Дуня жившая на станцию я приехал во время плывущего льда'); нен. *Пароход ну'махана нэнэць цокась* 'В том месте, где стоял пароход, ненцев было много' [Алмазова 1961, 210] (букв. 'На месте стояния парохода ненцев было много'); хант. *А'уэ нөх куригтал'н ерт ертыс* 'Когда он проснулся, шел дождь' [Русская 1961, 211] (букв. 'В его проснувшемся шел дождь'); монг. *Ой модны замаар явж байхад чоно угтаж ирлээ* 'Когда (он) шел по лесной дороге, ему встретился волк' [Тодаева 1951, 67] (букв. 'Он по лесной дороге идя, встретился волк').

В данном случае важно уяснить, что отдельные особенности синтаксиса неродственных языков, сходные с особенностями синтаксиса тюркских языков, являются атрибутами определенного синтаксического типа. В рамках этого типа они связаны так называемой имплицативной связью — "одно предполагает другое".

СОВОКУПНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ДАННЫХ

В процессе изучения морфологических опор различных синтаксических единиц могут встретиться случаи, когда бывает необходимо исследовать целый комплекс различных данных. Во всех современных тюркских языках наблюдается отсутствие форм наст. времени глагола-связки "быть". Некоторые скудные реликты типа отрицания *emes* 'не есть', встречающиеся в отдельных тюркских языках, как будто бы свидетельствуют о том, что формы наст. времени глагола связки "быть" существовали. Форма *emes* может быть разложима на составные части: *-ə* — основа глагола "быть" и *-mäs* — форма отрицания 3-го л. ед. числа. Вместе с тем сохранились некоторые древние тюркские письменные памятники, в которых представлена полная парадигма форм наст. времени глагола-связки "быть".

В тюркских языках встречаются придаточные предложения европейского типа, вводимые союзами. Ср. тат. *Дөнъяда кун кешеләр бар ки, үткән вә гакыллы кешеләрдән куркып, үз тираләрендә күбрәк ахмакларны иөртәләр* 'Есть на свете много людей, которые, боясь умных и проницательных людей, окружают себя дураками' [Закиев 1963, 311].

Понять, как образовалось в данном случае придаточное предложение, вводимое союзом *ки*, можно только в результате изучения роли усилительной частицы *ки*, на базе которой позднее развился союз *ки*.

РЕКОНСТРУКЦИЯ В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ НЕКОТОРЫХ НЕОБХОДИМЫХ ДАННЫХ

В практике синтаксической реконструкции могут быть такие случаи, когда необходимые для реконструкции данные отсутствуют. Так, например, определительные словосочетания типа "количественное числительное + имя существительное" в тюркских языках не имеют морфологической опоры. Ср. тат. *биш ат*, тур. *beş at* и др. 'пять лошадей' или тат. *алты көн*, тур. *altı gün*, чув. *ултты кун* 'шесть дней' и т.д. Однако у нас нет никаких сомнений в том, что эти словосочетания уже существовали в эпоху пратюркской общности. На это указывает всеобщая распространенность числительных и возможность установления их общетюркских архетипов. То же самое можно сказать и о словосочетаниях типа "указательное местоимение + существительное", ср. аз. *бу адам*, тат. *бу кеше*, тур. *bu adam* 'этот человек'. Здесь также нет морфологической опоры, однако местоимение *бу* прослеживается во всех тюркских языках. Такова и реконструкция словосочетаний, состоящих из наречия и глагольной формы. Наречие в тюркских языках не имеет сколько-нибудь единообразных морфологических показателей. Восстановить какой-то единый тип наречия периода пратюркской общности оказывается невозможным. Тем не менее у нас нет никаких сомнений в том, что словосочетания этого типа существовали в тюркском праязыке, так как трудно представить существование формы *verbum finitum* без наличия наречных определителей.

В тюркских языках существуют безаффиксальные прилагательные типа *ак* 'белый', образующие определительные словосочетания типа *ак ат* 'белая лошадь', и т.д. Морфологической опоры у таких словосочетаний нет,

но возведение их к эпохе пратюркской общности вполне вероятно. Отнесению их к праязыковому состоянию способствует широкое распространение в тюркских языках корня *ак* 'белый', а также существование самого типа словосочетания.

СЛУЧАИ, КОГДА РЕКОНСТРУКЦИЯ ОКАЗЫВАЕТСЯ НЕВОЗМОЖНОЙ ИЛИ ОГРАНИЧЕННОЙ

Могут быть случаи, когда сравниваемые объекты настолько неодинаково оформлены, что реконструкция исходного типа является совершенно невозможной. Так, например, невозможно реконструировать в плоскость пратюркского языка общую схему перфекта, поскольку в разных тюркских языках обнаруживаются различные показатели перфекта. Так же невозможно реконструировать в плоскость тюркского праязыка единую парадигму опатива. Опативов в праязыке было, по-видимому, несколько. Каждый из них имел свой показатель.

В каждом языке наречия представляют наиболее неоднородную и вместе с тем наиболее подвижную и изменчивую часть речи. В разряд наречия часто попадают формы слов, вышедших из системы падежей, парные слова, формы прилагательных, собирательные числительные, деепричастия, слова, изолированные в лексическом и морфологическом отношениях. Установить какое-либо древнее состояние тех или иных единиц этой части речи и определить пути их исторического изменения не представляется возможным.

ГЛАВА I СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Предметом синтаксиса как отдела грамматики является изучение способов соединения слов в словосочетания и предложения — изучение типов словосочетаний и типов предложений.

Наиболее четкое и правильное определение словосочетания дано в академической грамматике русского языка: "Словосочетаниями обычно называются грамматические единства, образуемые посредством соединения двух или большего количества слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащие обозначением какого-нибудь единого, но расчлененного понятия или представления" [ГРЯ 1960, 6].

Словосочетания — неотъемлемый строительный материал для предложения, вместе с тем они качественно отличаются от последних. Не входя в систему коммуникативных средств языка, словосочетания лишены предикативности. Словосочетание не терпит стечения двух неотъемлемых концентров предложения — субъекта и предиката. Усложнение словосочетания, его разворачивание возможны лишь в условиях искомого субъекта и предиката. Совмещение двух концентров дает предложение. Любое словосочетание строится по принципу "зависимый + главный член", а в широком смысле это фактически "определение + определяемое".

Между предикативным словосочетанием и словосочетанием непредикативным ("определение + определяемое") наблюдается определенный изосемантизм. Ср. каз. *келген кісі* 'приехавший человек' и *кісі келген* 'человек приехал'. Изосемантизм в данном случае состоит в том, что и в первом и во втором примере раскрывается признак. Однако в предикативном словосочетании этот признак осложнен наличием значительного числа дополнительных характеристик (лицо, число, признак). Таким образом, структура словосочетания характеризуется тем, что оно организуется около одного знаменательного слова, являющегося его формирующим стержнем. Конструктивные свойства словосочетания определяются грамматическим и лексическим содержанием прежде всего стержневого главного члена и характером его синтаксических отношений с зависимыми членами.

Всякое общение обычно состоит в раскрытии признаков предметов и действий. Словосочетание — это как бы клеточка в потоке речи, всегда состоящая из двух частей. Одна часть раскрывает признак другой части, уточняет, дополняет ее содержание. Таким образом, в пределах структурной единицы словосочетания заключено выражение различных характеристик предметов и действий.

Грамматические отношения между членами такой синтаксической единицы, лишенной предикативности, оформляются по существующим

в тюркских языках типам синтаксических отношений: примыкание, согласование, управление.

Словосочетания могут быть в известной степени распространены. Распространение может идти в нескольких направлениях и характеризоваться с различных сторон. Оно может осуществляться за счет однородных качественных или относительных определений. Ср. аз. *хундур, көзал, биналар, кениш, тэмиз, кучалар, бойук баелар ва мэйданлар адамы һейран адир* (Ибрагимов 1958, 8) 'Высокие красивые здания, широкие, чистые улицы, большие сады и площади удивляют (поражают) человека'; башк. *Кук йөзөн һоро, күңелһез болоттар каплаган* (Әмири, 9) 'Небо закрыли серые, невеселые облака'. Чаше мы встречаемся со случаями, когда определяемое распространяется разнородными определениями, характеризующими предмет с различных точек зрения. Сами формулы образования таких словосочетаний многообразны: "числительное + имя прилагательное + имя существительное"; "имя прилагательное + имя прилагательное + имя существительное"; "местоимение + числительное + имя существительное"; "имя существительное + имя прилагательное + имя существительное"; "причастие + имя прилагательное + имя существительное" и т.д.

Слово любого грамматического разряда по закону тюркского строя речи ("определение + определяемое") может образовывать словосочетания. В потоке речи единицы словосочетаний могут как бы нанизываться одна на другую, образуя непрерывную цепь. Однако и в едином потоке речи различимы два концентра, выделены цепные словосочетания вокруг имени (атрибутивные) и вокруг предиката (объектные, обстоятельственные). При анализе распространенных словосочетаний как объекта сравнительно-исторической грамматики естественно возникает вопрос — до каких границ и при каких условиях в тюркских возможно распространение словосочетаний, а тем самым сохранение их как самостоятельной синтаксической единицы?

Степень естественности самостоятельного употребления отрезков речи является показателем предложения или словосочетания. Атрибутивное словосочетание распадается при появлении предиката. Оно свободно допускает распространение основного формирующего члена прилагательным, например: каз. *Автономиялы советтік социалистік республика* 'Автономная советская социалистическая республика' [РКСл. 16]. Если именное атрибутивное словосочетание распространяется обстоятельственной характеристикой, то последняя при обязательном условии своей атрибутивизации нуждается в формальном показателе *-ки*. Ср. аз. *Хәзәрин нәнуб саһиллариндәки яшыл уна дағлар* (Ибрагимов 1958, 24) 'Зеленые высокие горы, находящиеся на южных берегах Каспия'.

Обстоятельная характеристика больше тяготеет к концентру сказуемого, в результате чего возникает двойная связь, искусственно разрушающая атрибутивное словосочетание; в нем явно наблюдается недостающая связь с глаголом. Ср. алт. *Кырда кызыл көстү балдар ...* [Баскаков 1965, 24] 'На горе красноглазые ребята ...'; каз. *Ортасында улкен кара пеші ...* (Сейфуллин, 28) 'Посредине огромная черная печь...'. Вышеприведенные конструкции уже невозможны без предиката-глагола либо слова, в той или иной мере его заменяющего, ведущего к разрушению данного словосочетания. Ср. *Кырда кызыл көстү балдар ойноп дьоры*

'На горе красноглазые ребята играют' или *Ортасында үлкен кара пеші бар* 'Посередине огромная черная печь есть'; кбалк. *Бир элде бир алапат бир кэарыулу кэатын (келин) болганды* 'В одном селе была одна замечательная и (в то же время) очень сильная женщина (сноха)' [Филоненко 1940, 20, 30]; как. *Пір улуг аалда ачын, чабал сагыстыг Харахан тін пай кизи чургантыр* (ХЧН, 42) 'В одном большом улусе жил жадный и злой бай по имени Хара-хан'. Если в словосочетании формирующий член — имя — попадает в позицию предиката, то такое словосочетание уже превращается в предложение: *чох яхшыдыр* 'очень хорошо'.

Если в составе определительного словосочетания в качестве зависимого компонента имеется причастие, то последнее допускает как уже говорилось, обстоятельственные определения. Причины этого заключаются в том, что причастие потенциально содержит предикативные свойства — причастная конструкция может напоминать предложение, т.е. она содержит те же составные данные: предмет и его процессуальный признак. Конструкция *погибший на войне сын* близка к предложению *Сын погиб на войне*. Таким образом, зависимое причастие, в свою очередь, допускает обстоятельственный конкретизатор. Ср. аз. *Баракда отурмуш бутун фэһлэлэр эшигэ ахышды* (Мехди 1953, 71) 'Все рабочие, живущие в бараке, собрались у дверей'; тат. *Сугышта һаләк булган улын хәтерләткән Жихангир Мубаракшин Разумовка аеруча якын иде* (Әпсәләмов 1953, 14) 'Напоминающий его сына, погибшего на войне, Джихангир Мубаракшин был особенно близок Разумову'; тур. *Ta uzaklarda çakan ışıklar şimşek değil, top alevleriydi* (Halikarnas, 5) 'Сверкающие совсем далеко огни были не молнией, а шарообразным пламенем' и т.д.

В общелингвистической литературе известно положение о том, что слова и сочетания слов могут претерпевать существенные изменения в своих связях и отношениях друг к другу. Это явление называется синтаксическим переразложением. Наблюдается оно при распространении стержневого члена причастиями и падежными формами имен. Чисто атрибутивные отношения сменяются иными, обычно называемыми полупредикативными, чему способствует установление двойной связи с формирующим именным членом, с одной стороны, и глаголом-связкой — с другой (ср. случаи, когда семантика словосочетания осложняется обстоятельственными оттенками значений — причинным, условным, уступительным, т.е. добавочным сообщением, полупредикативностью: рус. *забылся, увлеченный волшебным смыслом* и *забылся, так как был увлечен волшебным смыслом*).

Специфика глагольных словосочетаний заключается в том, что они, выражая действие с его объектом и обстоятельствами, в потенции могут быть и предложениями; тем более что глагол содержит в себе грамматически выраженный субъект действия (ср. аз. *бел жетүрүн!* букв. 'лопату принесите вы!'), т.е. каждое словосочетание с формальной точки зрения — это предложение с опущенным отдельно выраженным подлежащим. А в определенных типах атрибутивных словосочетаний, как уже упоминалось, было опущено сказуемое. В этом плане существует известная симметрия — приближение к предложению по однотипным линиям. Поэтому, если считать, что глагольные словосочетания, как и именные, существуют на правах самостоятельной синтаксической единицы наряду с предложением, то следует оговорить следующее: словосочетание может выражать действие

с его объектом и обстоятельствами, но это действие взято как бы в статическом плане; вместе с тем понятия статичности и динамичности очень условны. Здесь необходимо учитывать и грамматическую семантику составных компонентов распространителей — выражают они предельное или непредельное действие, имеется перфектный признак или нет. Так, например, словосочетание типа *ахан су* 'текущая вода' ближе к предложению по степени динамичности, тогда как словосочетание *йығылмыш даш* 'свалившийся камень' по степени статичности приближается к словосочетаниям типа *гызыл кул* 'красная роза'. Словосочетания как определенный комплекс слов организованы по принципу: главный, формирующий член и зависимый, подчиненный, находящийся в известных синтаксических отношениях, — это общий принцип и для именных и для глагольных словосочетаний. Комплексы именных и глагольных словосочетаний неодинаковы, неоднородны. Если именные словосочетания в отдельных случаях при распространении обстоятельственными членами подходят к грани предложений, то глагольные словосочетания уже по своей природе больше тяготеют к предложениям, так как глагол в своей потенции всегда предикат.

Анализируемые типы словосочетаний будут классифицированы по семантике и составляющим их частям речи (формам) с учетом ведущего члена, формирующего все словосочетание как самостоятельную в структурном отношении синтаксическую единицу.

АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН — СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ — ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Зависимый член — количественное числительное, выступает в роли определителя предмета: аз. *беш китаб* 'пять книг', алт. *эки түн* 'две ночи', башк. *алты ат* 'шесть лошадей', тат. *бер кеше* 'один человек', узб. *ўн қиз* 'десять девушек', тур. *iki ada* 'два острова', чув. *сичче вайкар* 'семь быков', як. *ус куһу* 'три утки', каз. *бес қайың* 'пять берез' и т.д.

Анализируемый тип словосочетаний с полным основанием можно отнести к праязыковому состоянию. Этот вывод основывается на том, что все тюркские языки независимо от их лексических различий содержат одинаковую систему числительных.

Праязыковая ее схема может быть представлена в следующем виде.

Единицы первого десятка			
би:р>ни:р	'один'	алты	'шесть'
ики, эки	'два'	ја:ти	'семь'
уч	'три'	сәкиз	'восемь'
тө:рт	'четыре'	тоқыз	'девять'
бә:ш>бә:л	'пять'	о:н	'десять'

Название десятков			
жигирбә	'двадцать'	алты-л-	'шестьдесят'
отыз	'тридцать'	ја:тпи-л-	'семьдесят'
қырқ	'сорок'	сәксән	'восемьдесят'
аллиг'	'пятьдесят'	тоқсан	'девяносто'

Числительное 'сто' в тюркском праязыке звучало как *ju:z*. 'Название тысячи восходит к *бин из более древнего *пин.

В ряде тюркских языков, по-видимому, уже позднее образовалась новая система обозначения десятков. Они стали образовываться по схеме — 'единицы первого десятка + он' 'десять'; ср. шор. *алт-он* 'шестьдесят', *четт-он* 'семьдесят', *сегиз-он* 'восемьдесят', *тогуз-он* 'девяносто'; хак. *алт-он* 'шестьдесят', *чит-он* 'семьдесят', *сигез-он* 'восемьдесят', *тогыз-он* 'девяносто'. В якутском и алтайском такая система начинается с сорока: як. *төрт-уон*, алт. *төрт-өн* 'сорок', а в тувинском — с двадцати: *тик-он* 'двадцать', *уч-он* 'тридцать', *түрт-он* 'сорок' и т.д. То же самое наблюдается в языке тофаларов и желтых уйгуров. Преобразование системы частично захватило и чувашский язык. ср. чув. *сакър-вун-на* 'восемьдесят' и *тăкър-вун-на* 'девяносто'.

Модель образования "количественное числительное + имя существительное" во всех тюркских языках характеризуется тем, что после количественных числительных существительное по общему правилу во всех тюркских языках сохраняет форму ед. числа. Ср. аз. *уч дөфтяр* 'три тетради' (букв. 'три тетрадь'). Поскольку числительное уже дает количественную характеристику предмету, язык как бы считает излишним подчеркивать тот же момент формальным показателем множественности (т.е. афф. -лар и его фонетическими вариантами). Кроме того, модель словосочетания "числительное + существительное" возникла в такую далекую эпоху, когда аффикса мн. числа -лар в тюркских языках еще не было.

Формальный показатель количества при имени существительном встречается в тюркских языках только в том случае, когда нужно выразить членимое множество. Ср. тур. *üç silâhçorlar* 'три мушкетера', тув. *беш аьттар* букв. 'пять кони', *сес тевелер* букв. 'восемь верблюды', *муң акшалар* букв. 'тысяча рубли'.

В чувашском языке, по-видимому, под влиянием марийского языка возникли две формы числительных — краткая и полная; *пёр* 'один' (краткая форма) — *пёрре* 'один' (полная форма) и т.д. Вторая форма употребляется при обозначении отвлеченного количества, когда количественное числительное употребляется самостоятельно. Это инновация не повлекла за собой изменения общетюркского типа "числительное + существительное".

Тип определительных словосочетаний "количественное числительное + существительное" может раздвигаться специальными пояснительными словами — нумеративами, например: аз. *Сиз ону бир парча чөрәкдән мән-рум эдрисиниз* (Мәһди 1953, 24) 'Вы его лишаете куска хлеба'; кирг. *Көсөл бир графин пиво заказ кылды* (Каимов, 31) 'Көсөл заказал графин пива'; тат. *Бер солдат противогаз сумкасыннан бер кисәк икмәк чыгарды* (Дәули 1959, 19) 'Один солдат вынул из противогазной сумки кусок хлеба'; туркм. *Баша бела ики бармак дилден гелер* 'Беда на голову валится с языка величиною в два пальца' [ФСл. 1963, 141]; узб. *Кечкурун олти танга пул олиб келиб хонтахтага куйди* (Муҳтор, 141) 'Вечером, получив шесть рублей денег, он пришел и положил (их) на стол'; чув. *Унта 150 тессе йывăс үсет* (Уйăп, 41) 'В ней (тайге) растет 150 пород деревьев'; енисейск. *алтун алиг кашиг балимта ... бантым* 'Пояс с пятьюдесятью золотыми пряжками ... я повязал на своей поясице' [Малов 1952, 17].

Как ни многообразно лексическое наполнение формулы "числительное +

нумеративное слово + существительное", модель ее образования едина во всех тюркских языках, единым является и сам тип синтаксических отношений, основанный на примыкании без всяких формальных показателей. Это дает основание и эту модель словосочетаний, а также тип синтаксических отношений, на которых она основана, возвести в праязыковое состояние. Что касается конкретных нумеративов, то в современных тюркских языках они отличаются довольно большим разнообразием. Реконструировать конкретные нумеративы общетюркского праязыка не представляется возможным.

Встречаются случаи, когда в модели словосочетания "числительное + нумератив + существительное" средний член, выраженный словом, заключающим в себе понятие времени, меры и т.д., осложняется афф. -лык, -лы и др.

Нумератив + афф. -лык. Ср. кирг. *Жыпар төрт жылдык согуш мезгилинде жөжөдөй бугун үйдө олтурбастан колхоздун пахтачылыгында звеновой болуп иштеди* (Жунусов 1957, 7) 'Жыпар в течение четырех лет войны не притаилась в доме птенчиком, а работала в колхозе звеновой хлопкоробов'; тат. *Марьям өч яшьлек кызы белән бергә һалак булды* (Еники, 4) 'Марьям погибла вместе с трехлетней дочерью'; туркм. *Бир гүнлүк ёла душсан, он гүнлүк харжыны гөтер* 'Если отправаляешься в путь на день, запас бери на десять дней' [ФСл 1963, 145]; узб. *Уни қишлоқда яғни очилган етти йиллиқ мактабга бериб ўқитдилар* (Шарипов, 17) 'Его обучили, отдав в новую открывшуюся в деревне семилетнюю школу. Отличие этой модели от вышеразобранной заключается в том, что от нумератива при помощи афф. -лык образовано прилагательное со значением "рассчитанный на определенное время".

Нумератив + афф. -лыг. Эта модель встречается главным образом в памятниках древнетюркской письменности, ср. енисейск.: *Төрт адак (лыг) жылкым сакіз адаклыг барымым буңым жок әрдім* 'У меня был четвероногий скот, у меня был восьминогий скот' [Малов 1952, 26, 27]; Гадательная книжка: *Utru äki айлуу киши олул соқишмуş* 'Он встретил двухмесячного сына человеческого' [Малов 1951, 80, 85]. Встречается эта модель также в тувинском. Здесь при помощи аффикса относительных прилагательных -лыг от нумератива образовано относительное прилагательное со значением "обладающий чем-либо", например: *säkiz adaklyg* 'имеющий восемь ног', *äki айлуу* 'имеющий (возраст) два месяца' и т.д. Модель может быть возведена в праязыковую плоскость.

Нумератив + афф. -лы. Ср. каз. *төрт-бес үйліауыл* (Сейфуллин, 107) 'аул из 4—5 домов'; ног. *3 вагон таьтли сув йибергенлер* (Ленин йолы) 'Прислали 3 вагона пресной воды'; чув. *тăватă аршанла вĕрен* 'четыреаршинная веревка'. Здесь также при помощи афф. -лы образовано относительное прилагательное со значением "обладающий чем-либо", например: каз. *бес үйли* 'имеющий пять домов'. Модель не может быть отнесена к праязыковой плоскости. Афф. -лы исторически возник из -лыг и имеет известные зональные ограничения, что указывает на его относительно позднее происхождение.

Второй член модели "числительное + нумератив + существительное" может присоединять и другие аффиксы именного словообразования. Из-за разнообразия этих способов трудно отнести конкретную модель к праязы-

ковой плоскости. К праязыку можно отнести только общую формулу образования. Ср. аз. *Йуз минларла зәһмәткеш инсанлар исә* (Ибрагимов 1958, 107) 'А сотни тысяч трудящегося люда'; ккалп. *Бир сааттай жол журсек* (Салиев, 5) 'Если мы пройдем еще путь в один час'; узб. *Сойдан беш юз метрча нарида* (Анорбаев 1957, 58) 'На расстоянии 500 метров от горной речки' и т.д.

Зависимый член — порядковое числительное. характеризует предмет по его положению при счете: аз. *икинчи йер* 'второе место', алт. *үчүнчи дьол* 'третий путь', башк. *беренсе йыл* 'первый год', каз. *биринши хатым* 'мое первое письмо', тат. *беренче очрашуыбыз* 'наша первая встреча' и т.д.

"Порядковое числительное с афф. -нчы + существительное" представляет наиболее распространенную модель образования. Ее возникновение можно отнести к праязыковой плоскости.

Существует довольно много гипотез, касающихся происхождения аффикса порядковых числительных -нчы/-нчи. Неясно здесь происхождение элемента -н. То ли это особый аффикс собирательного мн. числа, то ли что-то другое. Что касается второго составного элемента -чы/-чи, то, по всей вероятности, это выделительная частица. Такая выделительная частица в тюркских языках действительно имеется. Частица -чы может усиливать в некоторых тюркских языках формы повелительного наклонения, ср. кбалк. *жаз-чы* 'напиши-ка', узб. *оқын-чи* 'читай-ка', ног. *кёрсет-ши* 'покажи-ка', каз. *бер-ши* 'дай-ка', кирг. *ал-чы* 'возьми-ка' и т.д.

Могут возразить, что усилительная частица -чы употребляется только в сфере глагола. Но это неверно. Она может употребляться и при других частях речи. Ср., например, в кумыкском: *Биз чи сени қаровуллайбыз* (Ягьяев, 223) 'И мы тебя караулим'; *Қатынлар булаңы иш чи совсем де бузук* (Ягьяев, 89) 'А работа женского угла совсем плохая'. В первом случае частица *чи* примыкает к местоимению, а во втором — к имени существительному.

В некоторых тюркских языках существуют другие показатели порядковых числительных. Для образования порядковых числительных в тувинском языке используется афф. -қы/-ки (-жу/-ку), -ғы/-ги (-гу/гу): *бир-ги* 'первый', *үш-ку* 'третий', *беш-ки* 'пятый' и т.д. Афф. -қы/-ки — древний аффикс, выражающий отношение к чему-либо. Возможно, он встречается в составе сложного афф. -дақы/-дэки.

В якутском языке порядковое числительное образуется с помощью афф. -ыс/-ис, -ус/-ыс: *төрдыс ат* 'четвертая лошадь', *иккис ыт* 'вторая собака'. Происхождение афф. -ыс/-ис неизвестно (возможно, из -нч).

В тофаларском языке в роли показателя порядковых числительных выступает афф. -шы/-шки. Вероятно, он представляет соединение двух аффиксов — -ыш (як. -ыс) и -кы/-ки.

В чувашском языке порядковые числительные образуются с помощью афф. -меш (*Иккёмеш уйăх ёçлетпёр* 'Мы работаем второй месяц' [ЧРСл. 1961, 162]), который мог возникнуть под влиянием марийского языка. Ср. мар. *кок* 'два', но *кок-ы-мишо* 'второй'.

Все эти типы образования порядковых числительных нельзя возвести к праязыковой общности, поскольку в других тюркских языках следы их не обнаруживаются. По-видимому, в некоторых тюркских языках они возникли в более позднюю эпоху.

Зависимый член — неопределенно-количественное числительное: аз. *Аз тамаһ чоһ бәлә кәтирәр* (Аталар сөзу, 10) 'Малый соблазн приносит большую беду'; тат. *Нурулла берничә адым атлады* (Әпсәләмов 1953, 100) 'Нурулла прошел (букв.: шагнул) несколько шагов'; Родословная туркмен: *Бир һаҷа күн сабр кылгыл* 'Потерпи несколько дней' [Кононов 1958, 143].

Модель "неопределенно-количественное числительное + существительное" существует в тюркских языках искони. При всем лексическом многообразии составных элементов модели сама модель сохраняет структурное однообразие во всех тюркских языках. После неопределенно-количественных числительных существительные сохраняют форму ед. числа. Редко, но встречаются аномальные случаи выражения мн. числа. Ср. чув. *Унтанна ёнте нумай сүлсем иртнә* (Уйһап, 33) 'С тех пор уже прошло много лет'; Родословная туркмен: *бир һаҷа за'ифалар* 'несколько женщин' [Кононов 1958, 127].

Таким образом, к праязыку можно отнести регулярно встречающуюся во всех тюркских языках модель "неопределенно-количественное числительное + существительное в ед. числе". Сами способы выражения неопределенного количества не отличаются устойчивостью. Только некоторые из них, например тат. *куп*, можно отнести к праязыковому состоянию.

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН — СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ — МЕСТОИМЕНИЕ

Зависимый член — притяжательное местоимение. Предмет определяется в отношении его принадлежности или тесной связи с тем или другим лицом: аз. *Мәним адым Хәлил вә йолдашымын ады Садыгдыр* (МН, 1, 7) 'Мое имя Халиль, а имя моего товарища — Садык'; башк. *Минең китабым булмалә, һинеке булһа мәктәптә* 'Моя книга в комнате, а твоя — в школе' [Дмитриев 1948, 110]; кбалк. *Бизни юйюбюз Калининни орамындады* 'Наш дом находится на улице Калинина' [Филоненко 1940, 39—40].

Во всех тюркских языках встречаются и другой тип определительных словосочетаний, выражающих идею принадлежности: аз. *бизим нәсл* 'наше поколение', башк. *беззең сборный команда* 'наша сборная команда', кбалк. *бизни бригада* 'наша бригада', тат. *безнең елга* 'наша река', чув. *пирён анне* 'наша мать' и т.д.

Некоторые тюркологи отмечают стилистическую ограниченность этого типа словосочетаний. Так, Н.К. Дмитриев указывает на то, что "тип *минең ат* употребляется скорее в разговоре, чем в литературном языке. Он связан с определенной эмоциональностью, но не личного, а, так сказать, коллективного характера (...): *беззең Фаррах* 'наш Фаррах'. При собственных именах этот тип широко употребителен" [1948, 58]. На ограниченность употребления этого типа жанром разговорной речи указывают Э.Н. Наджип [1960, 55] и А.Н. Кононов [1960, 88]. Причем этот тип словосочетаний встречается преимущественно применительно к 1-му лицу, гораздо реже — ко 2-му; ср. узб. *Сизнинг звенодан хотирим жам, холажон деди Рустам* (Ойбек, 43) 'За ваше звено я спокоен, тетушка, — сказал Рустам'.

Сравнительно-исторический анализ категории принадлежности в тюркских языках позволяет прийти к выводу, что форма выражения так назы-

ваемой конкретной принадлежности *атым* 'мой конь' — соединение в одном слове двух моментов: понятия о самом отношении "мой" и понятия о том предмете, на который это отношение распространяется, — является наидревнейшей. Существование притяжательных местоимений в эпоху тюркского праязыка не вызывает никаких сомнений.

Притяжательные аффиксы в тюркских языках развились из каких-то местоименных основ, выполнявших первоначальную роль пространственных индикаторов. *Атым* 'моя лошадь' могло первоначально обозначать 'лошадь, которая ближе всего ко мне находится'. Пространственные отношения были впоследствии переосмыслены как отношения притяжательные.

Появление притяжательных местоимений как параллельного способа выражения принадлежности было вызвано какими-то лингвотехническими причинами, которые сейчас трудно определить. На основании данных якутского языка можно предполагать, что первоначально роль притяжательных местоимений выполняли обычные личные местоимения, соединяемые с определяемыми ими существительными путем простого примыкания, например: *бэн атым* 'моя лошадь'. Существующие в якутском языке притяжательные местоимения типа *миэнэ* 'мой', *эйиэнэ* 'твой' никогда не выступают в роли определения. Этот способ оказался исторически очень неустойчивым. Он сохранился только в якутском языке.

Для образования притяжательных местоимений стали употребляться притяжательные аффиксы, присоединяемые непосредственно к основам личных местоимений, ср. тат. *минем* 'мой', тур. *benim* 'мой', *bizim* 'наш' и т.д. Наконец, после появления в тюркских языках род. падежа роль притяжательных местоимений стали выполнять формы род. падежа личных местоимений, ср. тат. *безнең илебез* 'наша страна', *сезнең атагыз* 'ваш отец'. Этот способ оказался наиболее устойчивым.

Словосочетания, состоящие из существительного с зависимым возвратным местоимением, обнаруживаются в различных тюркских языках большое разнообразие. Исходной основой различных возвратных местоимений служит слово *өз* с первоначальным значением 'нутро, сердцевина' (ср. аз. *өзүм* 'я сам', кирг. *өзүм*, каз. *өзім*, туркм. *өзүм*, башк. *үзем*, кум. *өзүм*, ккалп. *өзім*, уйг. *өзүм* и т.д.). В языках шорском, хакасском, тувинском, алтайском и тофаларском возвратное местоимение 'сам' образуется от архетипа **бо:з* с первоначальным значением 'тело' (ср. шор. *поз-ым* 'я сам', хак. *поз-ым*, тув. и тоф. *бод-ум*, алт. *боҕ-ым*); в турецком и гагаузском языках возвратное местоимение образуется от слова *кәнди*, например: тур. *kendim* 'я сам', *kendin* 'ты сам' и т.д. Слово 'сам' встречается в орхонских надписях в форме *кәнту*. Вопрос об этимологии этого слова не выяснен. В карачаево-балкарском языке возвратное местоимение со значением 'сам' образуется от слова *кес*, например *кес-им* 'я сам', а в чувашском — от слова *хам*. Происхождение этих слов неизвестно.

При наличии такого разноречия трудно предполагать существование этой модели в тюркском праязыке. Возможно, что модель со словом *өз* уже в тюркском праязыке существовала, поскольку большинство тюркских языков образует возвратное местоимение от архетипа *өз.

Зависимый член — указательное местоимение, служащее для обозначения степени удаления предмета от говорящего: каз. *Маған осы қызды алып бермесеніз, мен сізден безем* (КЕ, 64) 'Если ты мне такую девушку

не дашь, то я откажусь от вас'; тат. *Сез шушы авылныкымы кызлар? — дип сорады ул* (Хәсни, 17) 'Вы этой деревни девушки? — спросил он; узб. *Ўша куни кечқурун колхозчиларнинг умумий йиғилиши чақирилди* (Шарипов, 14) 'В тот день вечером созвали общее собрание колхозников'.

Во всех общетюркских памятниках встречаются те же модели словосочетаний с составным элементом, представляющим указательные местоимения. Ср. Родословная туркмен: *Бу күндін соң сәні Көлі Аркі хан тәғәлі* 'С этого дня мы станем звать тебя Коль Эрки хан' [Кононов 1958, 151].

Тип словосочетаний "указательное местоимение + существительное" можно отнести к праязыковому состоянию. Если переменено лексическое наполнение формирующего этот тип словосочетания компонента, т.е. имени существительного, то довольно единообразен лексический состав зависимого члена — указательного местоимения. Как показали вышеприведенные иллюстрации, в тюркских языках система указательных местоимений основана преимущественно на разграничении трех степеней удаленности предметов от говорящего: 'этот' (ближайший), 'этот' (более отдаленный, но видимый) и 'тот' (еще более удаленный, уже невидимый). Отсюда существование в тюркских языках трех основных указательных местоимений: *бу, шу, о*.

Возможны различные фонетические варианты этих местоимений, связанные с изменениями начального согласного или гласного, с появлением в конце основы звука *л*. Ср. башк. *был*; каз. *бул*, ккалп., кирг., кар. *бул*; аз., алт., туркм., ног., узб., уйг. *бу*; тув. *бо*; хак. *пу*; шор. *по* и т.д. При всем многообразии этих фонетических вариантов их трехступенная система постоянна. Она уже четко была представлена в ранних памятниках [Gabain 1950, 92–94].

Зависимый член — определительное местоимение. Предмет здесь определяется на основе количественно-обобщающих, отвлеченно типизирующих отношений. Ср. башк. *Нәр койкала ... һалдаттарзың тыныс йөззәре күренә* (Әмири, 7) 'На каждой койке видны спокойные лица (...) солдат'; ккалп. *Хәммә адамлар қатты шаллеген* (Сейтназаров, 20) 'Все люди жестоко хотели пить'; тув. *Төдү чону чагаадыкчы ажыл-иште* 'Весь народ на созидательной работе'; узб. *Болтабай бутун қариндаш-урузларини, яқин-узоқ ўртоқларини уйга таклиф қилиб...* (Шарипов, 6) 'Балтабай, пригласив домой всех родных, далеких и близких товарищей...'

Наиболее распространенными в тюркских языках являются собирательные местоимения, образованные от слова *бар* 'есть — имеется'. Они могут быть образованы разными способами: 1) путем присоединения дейктической частицы *-и, -сы*, ср. туркм. *бар-ы* 'все', кирг. *баар-ы*, уйг. *бар-ы*, кар. *бар-ы*, чув. *пур-ё*, як. *бар-ы, бары-та*; 2) путем присоединения афф. *-ча/-ча*, ср. тат. *бар-ча* 'все', каз. *бар-ша, уйг. бәр-чә*, шор. *пар-ча*; 3) путем присоединения усилительной частицы *-та/-тә*, ср. чув. *пурте* 'все'; 4) путем присоединения афф. *-лык/-лик*, имеющего собирательное значение, ср. тат. *барлык* 'все', кирг. *бардык*, каз., ккалп. *бардык*.

Очень распространено в тюркских языках обобщающее собирательное местоимение, образованное от корня *бут* путем прибавления афф. *-ын/-ин*, ср. каз. *бутін* 'все', ног. *бутін*, кум. *бютюн*, туркм. *бутин*, уйг. *пугун*, узб. *бутун*, тур. *bütün* и т.д. Иногда к этому корню прибавляется афф. *-кул*, ср. каз. *буткул*, кирг. *буткул*.

По-видимому, в общетюркскую эпоху была распространена в разных диалектах модель определительных словосочетаний с зависимыми членами *бар* и *ботен*, что отражает диалектную дробность общетюркского праязыка. Обе модели с *бары* и *бутун*, очевидно, одинаково древние, и трудно сказать, какая из этих конкретных моделей существовала раньше.

Встречающееся в большинстве тюркских языков определительное местоимение *һәр* 'каждый, всякий' по своему происхождению представляет заимствование из персидского языка. Такое же происхождение и местоимения *пылан* ~ *баглен* ~ *филян* 'некий'. Большинство же определительных местоимений, входящих в состав анализируемого типа словосочетаний, являются специфичными для отдельных тюркских языков и развивались, по-видимому, уже в период после распада тюркского языка-основы. Ср. алт. *көддөр*, башк. *тотош*, гаг. *жумна* 'весь', ккалп. *өңкей* 'все', ног. *савлай*, туркм. *кулли* 'весь' и др.

Как можно видеть, лексическое наполнение словосочетаний типа "определяющее местоимение + существительное" не отличается единообразием. Это объясняется тем, что количественно обобщающие отношения допускают довольно большое число различных ассоциаций. По этой причине слова, выражающие эти отношения, исторически малоустойчивы.

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН – СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ – ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С КАЧЕСТВЕННЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Зависимый член – корневое прилагательное (т.е. без формальных показателей), которые характеризуют предмет в соответствии со своим лексическим значением в самых различных отношениях. Непроизводные имена прилагательные представляют чистый корень, т.е. производную основу, неразложимую в современных тюркских языках на какие-либо компоненты. Таких прилагательных в тюркских языках сравнительно немного. Ср. тур. *kara* 'черный', кум., ног., каз. *қара*, кирг., тат. *кара*, аз., туркм. *гара*, чув. *хура* и т.д.; тур. *ак* 'белый', кум., кирг., тат. *ак*, каз., ног. *ақ*, башк. *ак* и т.д.; ног., каз., ккалп., уйг., тат. *ала* 'пестрый' и т.д.; тур. *уени* 'новый', ног., кум. *яңы*, ккалп., каз. *жаңа*, уйг. *јені*, аз. *јени* и т.д.; тур. *boş* 'пустой', аз., кум., туркм. *бош*, каз., ккалп. *бос* и т.д.

Качественные прилагательные как составной элемент определительных словосочетаний могут выражать цвет, свойство, любую качественную характеристику, не отвлеченную от предмета. Ср. аз. *Мави көйләрдә ахшам күнәшинин сон ишығлары парылдайыр* (Ибраһимов 1958, 3) 'На голубом небе сверкали последние лучи вечернего солнца'; тат. *Ерак Карелияда ак төннәр башланды* (Әпсәләмов 1953, 3) 'В далекой Карелии начались белые ночи'; Кюль-Тегин: *Узй көк тәңри асра јағыз јір кылынтукда йкин ара кісі оғлы кылынмыс* 'Когда было сотворено (возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (возникли) сыны человеческие (т.е. люди)' [Малов 1951, 28, 36].

В нашем распоряжении нет никаких фактических данных, которые

свидетельствовали бы о том, что в общетюркскую эпоху данный тип словосочетаний был совершенно иным или отличался хотя бы порядком расположения составных компонентов, поскольку закон порядка слов "определение + определяемое" существовал уже в тюркском праязыке. Об этом свидетельствуют также и результаты этимологических изысканий, демонстрирующих возможность возведения некоторых прилагательных к одному источнику.

Зависимый член – производное прилагательное, выражающее ослабленное качество. Аффиксов прилагательных, выражающих ослабленное качество, довольно много. Ср. каз. *сыр-қай* 'сероватый', кбалк. *сар-гылт* 'желтоватый', каз. *қар-алтым* 'черноватый', кирг. *сар-ылчым* 'желтоватый', кирг. *жылы-мык* 'тепловатый', тат. *жылы-мса* 'тепловатый', хак. *хыза-мзых* 'красноватый', туркм. *туришу-мтык* 'кисловатый', аз. *бозу-мтул* 'сероватый', *ағ-ымтраг* 'беловатый', ног. *ағы-рак* 'беловатый' тат. *ал-су* 'розоватый', узб. *оқ-сил* 'беловатый', кирг. *кызыл-сымак* 'красноватый', каз. *ақ-ша* 'беловатый', тур. *güzel-cik* 'красивенький', кирг. *көг-үш* 'голубоватый' и т.д.

Вышеперечисленные аффиксы, означающие ослабленное качество, встречаются во всех тюркских языках. Исключение составляют только чувашский и якутский языки.

По-видимому, модель "прилагательное, выражающее ослабленное качество, + существительное" существовала уже в тюркском праязыке, хотя и не имеет единой морфологической опоры. Это объясняется тем, что само понятие ослабленного качества вызывает очень большое количество ассоциаций, ведущих к разнообразию аффиксов.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ОТНОСИТЕЛЬНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Зависимый член – прилагательное на *-лыг*: представлены в памятниках древнетюркской письменности, ср. *qarlıty tarı* 'гора, покрытая снегом', *jaılyty aš* 'жирная пища'. Из современных тюркских языков прилагательное на *-лыг* сохраняется только в хакасском, шорском, тувинском, тофаларском и чулымско-тюркском языках; ср. хак. *ағырығ пала* 'больной ребенок', *азырлығ агас* 'ветвистое дерево', тув. *дагылы чер* 'гористая местность', *адырлығ терек* 'ветвистый тополь', чул.-тюрк. *та:длыг палык* 'вкусная рыба', тоф. *маллығ киши* 'человек, имеющий скот', шор. *канаттыг қуш* 'крылатая птица' и т.д.

Аффикс относительных прилагательных *-лыг* ведет свое происхождение от аффикса древнего совмест. падежа, или номинатива, *-лы-г*, например: *атлы-г* 'с конем', *кишили-г* 'с человеком' и т.д.

Возможность использования аффикса совмест. падежа для образования относительных прилагательных подтверждает история образования относительных прилагательных в монгольском языке. Эти прилагательные в монгольском языке имеют афф. *-тай*, ср. монг. *нөлөө-тэй* 'влиятельный' (< *нөлөө* 'влияние'), *угалза-тай* 'узорчатый' (< *угалз* 'узор'), *дуй-тэй* 'умелый' (< *дуй* 'способность') и т.д. Аффикс относительных прилагательных *-тай/-тэй* совпадает с аффиксом совместн. падежа *-тай/-тэй*. Ср. монг. *туг* 'знамя' – *тугтай* 'со знаменем', *нэр* 'имя' – *нэртэй* 'с именем' и т.д. В тюркском праязыке когда-то все относительные прилагательные имели афф.

-лы:э/-ли:э'. В современных тюркских языках сфера его распространения сильно сократилась.

Зависимый член — прилагательное на *-лық*. Эта модель распространена в уйгурском языке. Ср. н-уйг. *путақлық яғач* 'ветвистое дерево', *ташлиқ йәр* 'каменистое место' и т.д. Афф. *-лық* произошел из *-лы:э* в результате сокращения долгого *ы* и оглушения конечного *э*. Сфера распространения афф. *-лық* в прошлом была более широкой: некогда он существовал в турецком, азербайджанском, туркменском, кумыкском, татарском, башкирском, ногайском, казахском, чувашском и узбекском языках.

Афф. *-лық* образует относительные прилагательные от имен существительных, ср. тур. *ormanlık bölge* 'лесистый район', *dağlık arazi* 'гористая местность', ккалп. *далалық жер* 'степное место', каз. *аудандик бөлм* 'районный отдел' и т.д. Гораздо чаще *-лық* употребляется для образования относительных прилагательных, обозначающих определенное количество времени, ср. тат. *айлық журнал* 'ежемесячный журнал', *еллык план* 'годовой план', каз. *кундик жумыс* 'поденная работа', кум *гюнлюк иш* 'ежедневная работа', тур. *günlük gazete* 'ежедневная газета', ккалп. *айлық жол* 'ежемесячный путь', аз. *язлыг пальто* 'зимнее пальто'. Афф. *-лық* здесь связан генетически с показателем собирательной множественности *-лық*, значение которого отчасти сохранилось в современных тюркских языках, ср. тат. *нарат-лық* 'сосняк' (<*нарат* 'сосна'), аз. *палыд-лыг* 'дубняк' (<*палыд* 'дуб'), чув. *чулӑх* 'каменистое место' (<*чул* 'камень'), туркм. *агач-лық* 'лесистое место, место, где много деревьев' (<*агач* 'дерево') и т.д.

Первоначальное значение собирательной множественности могло развиваться в направлении указания на количество предметов. Отсюда такие значения, как тур. *dağlık* 'гористый', т.е. изобилующий горами, ккалп. *далалық* 'степной' и т.д. Этим также объясняется, почему афф. *-лық* довольно часто присоединяется к именам существительным, обозначающим какой-либо отрезок времени, ср. каз. *жылдық* 'годовой'.

Зависимый член — прилагательное на *-лы*. Количество языков, имеющих это словосочетание, довольно велико, ср. ног. *тавлы ер* 'гористая местность', каллы *согыс* 'кровавопролитный бой', кум. *булутлу гюн* 'облачный день', *тёбели ер* 'холмистая местность', башк. *йондогло төн* 'звездная ночь', туркм., аз. *гарлы гыш* 'снежная зима', тат. *айлы төн* 'лунная ночь', каз. *аязды күн* 'морозный день' (<*аязлы күн*), ккалп. *балалы киси* 'семейный человек', тур. *telli saz* 'струнный инструмент', чув. *вӑйла лаиша* 'сильная лошадь' и т.д. Афф. *-лы* возник из афф. *-лық* в результате утраты конечного *қ*. Интересно, что аффикс относительных прилагательных *-ла* наличествует только в тех тюркских языках, в которых аффиксальное конечное *қ* вообще часто утрачивалось, ср. тур. *ала* 'пестрый', тат., башк., ног., кум., каз., кирг. *ала* (<*алақ*), тур. *dolu* 'полный', тат., башк. *тулы*, тур. *sarı* 'желтый', тат., ног., кум. *сары*, башк. *һары* аз. *сары* (<*сарығ*).

Зависимый член — прилагательное на *-лу*: (-ду/-ту:). Эта модель типична для киргизского языка. Ср. *балалуу киши* 'человек, имеющий детей', *жылдыздуу көк* 'звездное небо' и т.д. Она также встречается в алтайском языке, ср. *салкынду кун* 'ветренный день' (*салкын-ду* <*салкынлу*), *балыкту суу* 'богатая рыбой река' (*балык-ту* <*балык-лу*). Конечное *у* афф. *-лу* (-ту/-ду) является долгим. Афф. *-лу* произошел из *-лы:э*. Однако изменение *-лы:э* имело совершенно другой характер. Конечное *э* здесь подверг-

лось известной вокализации, которая привела к образованию *ў*. В результате влияния конечного *ў* произошло огубление предшествующего *ы*. В конечном счете в результате стяжения полудифтонга *оў* образовалось долгое *у*.

Зависимый член — прилагательные на *-лаах* (-таах/-маах). Аффикс встречается только в якутском языке, ср. *сыырдаах сир* 'гористая местность' (<*сыыр* 'горка'), *тылаах сир* 'лесистая местность' (*тыа* 'тайга') и т.д.

Таким образом, в серии аффиксов относительных прилагательных самым древним является *-лы:э*. Все остальные его варианты возникли позднее в отдельных тюркских языках или их группах.

Зависимый член — прилагательное на *-қы/-ки* (-гы/-ги). Эти прилагательные имеют два основных значения: 1) указание на место: тат. *тышкы кием* 'верхняя одежда', каз. *өзеннің төменгі ағысы* 'нижнее течение реки' и т.д.; 2) указание на отрезок времени: тат. *язгы көн* 'весенний день', аз. *сабахкы чай* 'утренний чай' и т.д. Значение местонахождения, вероятно, возникло раньше. Употребление *-қы/-ки* в современных тюркских языках довольно ограничено. Иногда он присоединяется к форме местн. падежа существительного и образует прилагательные, указывающие на местонахождение, ср. тур. *dolaptaki kitaplar* 'книги, находящиеся в шкафу' и т.д. Ярко выраженное дейктическое значение аффикса указывает на его связь с какой-то выделительной частицей, может быть с частицей *ки*.

Модель определительных словосочетаний с относительным прилагательным на *-ки*, по-видимому, существовала в глубокой древности, поскольку она встречается уже в ранних памятниках тюркской письменности. В чувашском языке афф. *-ки* по значению соответствуют афф. *-ри* и *-ти*, например; *анатри* 'верхний', *аялти* 'нижний'. Эти аффиксы образованы от формы местн. падежа. Соответствием общетюркского афф. *-ки* в чувашском языке является афф. *-хи*: *каҫхи* 'вечерний'.

Зависимый член — прилагательное на *-чан*: тат. *курукмаучан малай* 'бесстрашный мальчик', *анлаучан кеше* 'понятливый человек', *сынучан айбер* 'ломкий предмет', кум. *бичан киши* 'задумчивый человек', узб. *уятчан қиз* 'стыдливая девушка', *кўнгилчан киши* 'отзывчивый человек', каз. *ашушаң адам* 'сердитый человек', ккалп. *сөзшен киси* 'красноречивый человек', ног. *исшен киси* 'хвастливый человек', башк. *кызыўсан көше* 'вспыльчивый человек', тур. *işcen kişi* 'активный человек' и т.д.

В современных тюркских языках прилагательные с афф. *-чан* встречаются довольно редко, и этот аффикс относится к числу непродуктивных. В некоторых тюркских языках (киргизский, якутский, кумыкский, хакасский, тувинский) он, по-видимому, совсем не встречается. Не имеет он прямого отражения и в чувашском языке. Изредка встречающийся в чувашском языке афф. *-чан*, например *вӑрҫчан* 'воинственный', явно заимствован из татарского языка.

Афф. *-чан* состоит из довольно древних по своему происхождению уменьшительных афф. *-ч* и *-ан*, существовавших уже в общетюркскую эпоху. Следы былого уменьшительного значения афф. *-ч* до сих пор сохраняются в тюркских языках, ср. тат. *карлыга-ч* 'ласточка' при телеутском *карлык*, тур. *bozaç* 'серый'. Не исключена возможность связи этого аффикса с уменьшительным аффиксом существительных и прилагательных *-ча*, ср. аз. *бағча* 'садик', тат. *төркемче* 'подгруппа' (букв. 'маленькая группа'), тур. *darça*

'узковатый', каз. *ақша*, кирг. *акча* 'беловатый' и т.д. Уменьшительное значение афф. *-(а)н* обнаруживается в таких существительных, как *оулан* 'мальчик' (<*оу(ул)* 'сын'), *özän* 'река, речка' (<*öz* 'источник') и т.д.

Основное значение аффикса – выражение склонности к чему-либо или качества, проявляющегося постоянно. Оно возникло в результате переосмысления первоначального значения неполноты признака.

Зависимый член – прилагательное на *-чак*. Ср. каз. *мактаншақ адам*, ног. *мактаншақ киси* 'хвастливый человек', ккалп. *уялшақ қыз* 'застенчивая девушка', кирг. *урушчак* *короз* 'драчливый петух', ног. *алданшақ киси* 'легковерный человек' (человек, легко поддающийся обману), тув. *боштунчак кижги* 'развязный человек', хак. *ачнчах кижги* 'жалостливый человек', аз. *утанчаг гыз* 'стыдливая девушка', туркм. *буланчак су* 'мутная вода', алт. *уялчак кыз* 'стыдливая девушка', тат. *басымчак кеше* 'назойливый человек' и т.д.

Подобно афф. *-чан*, афф. *-чак* выражает склонность к чему-либо или постоянно проявляющееся качество. Первоначально этот аффикс выражал значение уменьшительности. Ср. тур. *büyüksek* 'большенький', узб. *узунчок* 'продолговатый', *тузунчақ* 'узелочек' (<*тузун* 'узел'), хак. *хузынчак* 'птичка' (<*хус* 'птица'). В современных тюркских языках афф. *-чак* встречается редко и относится к числу непродуктивных аффиксов.

Аффикс составлен из двух древних уменьшительных афф. *-ч* и *-ақ*. Уменьшительное значение афф. *-ақ* проявляется в таких словах, как *башақ* 'колос' (головка, или маленькая голова), чув. *варак* 'овражек' (<*вар* 'овраг, ложбина').

Зависимый член – прилагательное на *-чык*. Ср. ккалп. *уйреншик жазушы* 'начинающий писатель', хак. *көлерчиг кижги* 'пугливый человек' *чоохтанчык киз* 'разговорчивая девушка' и т.д.

По происхождению афф. *-чык* идентичен афф. *-чак*, поскольку представляет аблаутный вариант последнего. Выражает те же значения. Первоначально он имел уменьшительное значение, что может быть доказано многими примерами, ср. тат. *бугазчык* 'горлышко' (<*бугаз* 'горло'), *куакчык* 'кустик' (<*куак* 'куст'), *таякчык* 'палочка' (<*таяк* 'палка'), кирг. *көлчүк* 'озерко' (<*көл* 'озеро'), ккалп. *уйшик* 'домик' (<*уй* 'дом'), аз. *аданых* 'островок' (<*ада* 'остров'), башк. *төйөнсек* 'узелок' (<*төйөн* 'узел'), тур. *dilcik* 'язычок' (<*dil* 'язык'). Афф. *-чык* также проявляется в прилагательных с уменьшительным значением, ср. утр. *güzelcik* 'красивенький', *uyksecik* 'высоконыйкий', туркм. *агасчык* 'хроменький', гаг. *кысаджык* 'коротенький' и т.д. В современных тюркских языках афф. *-чык* встречается относительно редко и относится к числу непродуктивных аффиксов.

Зависимый член – прилагательное на *чыл*. Ср. кирг. *сарычыл* 'желтоватый', тур. *barışçıl adam* 'миролюбивый человек', *gökçül renk* 'голубоватый цвет', каз. *кәшіл адам* 'человек, любящий общество', тат. *кукрэжчел жегет* 'грудастый молодой человек', кирг. *кулкүчүл киши* 'смешливый человек', тув. *будуруучел ат* 'спотыкающийся конь', ккалп. *қалжынышыл адам* 'шутливый человек', аз. *ишчил адам* 'деловитый человек', алт. *чамчыл кыз* 'ласковая девушка' и т.д.

Значение склонности к чему-либо возникло в результате переосмысления первоначального значения неполноты признака. Об этом свидетель-

ствуют некоторые аффиксы, имеющие и то и другое значение, ср. тур. *akçil* 'беловатый' и аз. *ишчил* 'склонный к работе'. По значению афф. *-чыл* ничем не отличается от значений афф. *-чан*, *-чак* и *-чык*. Аффикс состоит из двух древних уменьшительных аффиксов *-ч* и *ыл*. В современных тюркских языках афф. *-чыл* употребляется довольно редко.

Зависимый член – прилагательное на *-чы*. Ср. хак. *чөрісчи* 'любящий ходить', *уйкучы* 'сонливый', *ырчы* 'любящий петь', туркм. *адамчы* 'кусачий', алт. *уйкучы* 'сонливый', тур. *inatçı* 'упрямый', шор. *урушчы* 'драчливый' и т.д. Сфера употребления прилагательных на *-чы* в современных тюркских языках сократилась, потому что этот аффикс был перенесен в сферу существительных, где он в известной степени переосмыслился и стал использоваться в названиях профессий, ср. тур. *avcı* 'охотник' (<*av* 'охота'), аз. *дилчи* 'языковед' (<*дил* 'язык'), алт. *малчы* 'пастух' (<*мал* 'скот'), кум. *тимирчи* 'кузнец' (<*тимир* 'железо'), тув. *аңчы* 'охотник' (<*аң* 'зверь'), кирг. *балыкчы* 'рыбак' (<*балык* 'рыба') и т.д.

Зависимый член – прилагательное на *ыч*. Ср. тат. *кызганыч кеше* 'жалкий человек', *куркыныч дошман* 'опасный враг', *жирәнеч киши* 'отвратительный человек' и т.д. Этот аффикс в современных тюркских языках употребляется крайне редко. Первоначальное значение – обозначение качества, проявляющегося постоянно.

Зависимый член – прилагательное на *-ыч*. Ср. кбалк. *кызганч киши* 'жадный человек', *айланч чай* 'извилистая речка', туркм. *горкунч адам* 'опасный человек', *гысганч адам* 'жадный человек' и т.д. По всей видимости, афф. *-ыч* и *-ыч* генетически между собой связаны, хотя первоначальное их значение определить довольно трудно.

Зависимый член – прилагательное на *-ак*. Ср. тат. *аксак кеше* 'хромой человек', *елак тавыш* 'плаксивый голос', аз. *гачак гәле* 'часто убегающий теленок', чув. *шывак шүрпе* 'водянистый суп', тур. диал. *исак bitki* 'вырастающее растение', туркм. *уртак тел* 'общий язык' и т.д. Афф. *-ак* в современных тюркских языках встречается очень редко. По происхождению это уменьшительный аффикс. На базе этого первоначального значения развились все его остальные значения.

Зависимый член – прилагательное на *-қақ/ғак*. Ср. каз. *жабысқақ желім* 'липкий клей', *мойысқақ тал* 'гибкий тальник', тат. *батқақ саз* 'вязкое болото', узб. *кўрқоқ кижги* 'трусливый человек', кирг. *тайгак буз* 'скользящий лед', ног. *уъркек киси* 'боязливый человек', тув. *байыргак кижги* 'хвастливый человек', аз. *горхаг ослан* 'робкий парень', алт. *адаркак кижги* 'завистливый человек' и т.д. В современных тюркских языках афф. *-қақ* встречается относительно редко. Афф. *-қақ/-ғақ* возник в результате повторения уменьшительного афф. *-ақ* (*-ақ + -ақ > -қақ > -ғақ*).

Зависимый член – прилагательное на *-қай*. Ср. кирг. *сынаркай кирпич* 'ломкий кирпич', ног. *урлакай киши* 'вороватый человек', алт. *чочынгкай кижги* 'пугливый человек', хак. *толгай суғ* 'извилистая река' и т.д. В современных тюркских языках афф. *-кай* (*-гай*) встречается относительно редко. Генетически он связан с уменьшительным аффиксом существительных *-кай* (*-гай*), ср. тат. *балакай* 'дитяtko' (<*бала* 'ребенок'), *дускай* 'дружок' (<*дус* 'друг'), *анакай* 'тетушка' (<*ана* 'тетя') и т.д. На основе уменьшительного значения могло развиться значение неполноты признака, ср. каз. *сырқай* 'сероватый', алт. *ыйлақай* 'плаксивый' и т.д. Значение склонности к

чему-либо, по-видимому, возникло на основе значения неполноты признака.

Зависимый член – прилагательное на *-қач/-ғач*. Эти прилагательные обычно обозначают склонность, ср. башк. *һөҙәкәс һыйыр* 'бодливая корова', тур. *utangaç kız* 'стыдливая девушка' и т.д. В современных тюркских языках прилагательные с афф. *-қач/-ғач* встречаются очень редко. По-видимому, первоначально этот аффикс имел уменьшительное значение. Любопытно, что он имеет тот же состав, что и афф. *-чак*.

Зависимый член – прилагательное на *-ғыч*. Ср. ккалп. *өзгертиш адам* 'непостоянный человек', каз. *ауырғыш адам* 'болезненный человек', ног. *күдиргиш киши* 'смешной человек', тат. *ялыктыргыч эш* 'нудная работа' и т.д. В современных тюркских языках этот аффикс также встречается довольно редко. По происхождению афф. *-ғыч/-қыч*, по-видимому, аблаутный вариант афф. *-ғач/-қач*. Совершенно очевидна связь этого прилагательного с прилагательным на *-ғыч*, означающим неполноту качества, ср. ккалп. *сынғыш* 'ломкий' и кирг. *саргыч* 'желтоватый'.

Зависимый член – прилагательное на *-қыр/-кыр (-ғыр/-гир)*. Ср. тат. *алгыр малай* 'проворный мальчик', ктат. *сезгир киши* 'чувствительный человек' и т.д. Генетически афф. *-қыр/-гыр*, по всей видимости, существовал в праязыке. В состав его входит элемент *-ғы* с модальным значением и афф. *-р*, тот же, что в причастии на *-ыр/-ир*.

Словосочетания с прилагательными, обозначающими постоянное свойство, склонность к чему-либо и т.п., в процессе развития тюркских языков понесли значительный урон. Суффиксы их стали непродуктивными. По этой причине употребительность таких словосочетаний резко сократилась. Это явление имеет свои причины. Значительная часть этих прилагательных субстантивировалась. Ср. алт. *айлачык* 'водоворот', *сыгырчык* 'сверчок', хак. *махтанчык* 'хвостун', ккалп. *тиленшек* 'попрошайка', *емшек* 'соска', тув. *көрүнчүк* 'зеркало', тат. *бушандыргыч* 'разрядник', *тигезләгеч* 'ватерпас', *ерткыч* 'зверь', кум. *кзыргыч* 'скребок', ккалп. *сызгыш* 'линейка', аз. *ојунчаг* 'игрушка', *эмчәк* 'соска', ккалп. *урыншаг* 'задира', узб. *арагмчок* 'качели', алт. *баткак* 'топь', каз. *қорқак* 'трус', аз. *баһаныл* 'обирала' и т.д.

Особенно значительной была субстантивация прилагательных с афф. *-чы*, обозначающих склонность к чему-либо, ср. тур. *inatçı* 'упрямый', хак. *уйеучы* 'сонливый', *хундучы* 'забывчивый' и аз. *яланчы* 'лгун', хак. *күлечи* 'насмешник' и т.д. Но особенно интенсивно происходил процесс субстантивации в тех случаях, когда афф. *-чы* был переосмыслен как аффикс, обозначающий профессию, ср. тат. *балыкчы* 'рыбак', тур. *işçi* 'рабочий' и т.д.

Зависимый член – прилагательное на *-ыз/-из*. Афф. *-ыз/-из* был довольно широко распространен в старых тюркских языках, ср. др.-тюрк. *айыг* 'злой', *арыг* 'чистый', *йылыг* 'теплый', *сарыг* 'желтый' и т.д. Он сохранился также в тувинском, хакасском, шорском и тофаларском языках, ср. тув. *арыг* 'чистый', *чылыг* 'теплый', шор. *кадыг* 'твердый', *ачыг* 'кислый', *изиг* 'жаркий', *чылыг* 'теплый'.

В уйгурском и узбекском языках конечный *г* превратился в *қ*: *каттиқ* 'твердый', *иссиқ* 'жаркий' и т.д.

В преобладающем большинстве тюркских языков конечные *г* и *г'*, а

также промежуточная ступень *қ* отпали, ср. ног., тат. *каты* 'твердый', тур. *kati*, алт. *кату*; тат. *ессе* 'горячий', кум. *исси*, ккалп. *ысыг*; *жылы* 'теплый', кум. *йылы*, каз. *жылы*; тур. *sarı* 'желтый', каз., узб. *сары* и т.д.

Афф. *-ыз/-из* существовал в тюркском праязыке. В современных тюркских непродуктивен.

Зависимый член – привативные прилагательные на *-сыз*. Прилагательные на *-сыз/-сиз* в тюркских языках широко распространены, ср. каз. *аяксыз адам* 'безногий человек', тат. *болытсыз күк* 'безоблачное небо', туркм. *булутсыз асман* 'безоблачное небо', кум. *адамсыз орамлар* 'безлюдные улицы' ккалп. *базарсыз жер* 'место, где нет базара', кирг. *айсыз түн* 'безлунная ночь', тур. *uykusuz gece* 'бессонная ночь', аз. *ағылсыз ушаг* 'глупый ребенок'.

Вопрос о происхождении аффикса так называемых привативных прилагательных *-сыз/-сиз* до сих пор остается открытым. По всей вероятности, афф. *-сыз/-сиз* когда-то обозначал неполноту качества. Позднее это значение усилилось до полного отрицания. В афф. *-сыз/-сиз* можно выделить два составных элемента – *с* и *ыз/из*. Элемент *с* способен выражать неполноту качества. Ср. тат. *ал-с-у* 'розоватый' (<*ал* 'розовый'), *зәңгәр-с-у* 'синеватый' (<*зәңгәр* 'синий'), аз. *ағым-с-ов* 'беловатый', *узун-с-ов* 'длинноватый', *дус-с-уе* 'солонуватый', тат. *күк-с-әл* 'голубоватый' и т.д. Второй элемент *-ыз/-из* может образовывать уменьшительные имена существительные, правда в соединении с афф. *-чык*, ср. тур. *elçiğiz* 'ручка' (<*el* 'рука').

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН – СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ – ПРИЧАСТИЕ

Зависимый член – причастие на *-ған*. Данная модель встречается в алтайском, татарском, башкирском, казахском, киргизском, ногайском, тувинском, узбекском, уйгурском, хакасском и шорском языках. Ср. тат. *туған җир* 'родная земля', тув. *бышкан кат* 'созревшая ягода', узб. *ўтган йил* 'прошлый год', алт. *айткан киж* 'говоривший человек', каз. *өткен жыл* 'прошлый год' и т.д.

Определительные словосочетания с причастием на *-ған*, по-видимому, были уже известны праязыковому состоянию. Образования с *-ған* первоначально как в кыпчакских, так и в огузских языках имели значение причастий и прилагательных. В огузских языках образование на *-ған* существует как словообразовательный элемент, образующий отглагольные прилагательные: тур. *calışkan çocuk* 'старательный ребенок', туркм. *үйреген ит* 'брехливая собака', аз. *чалышган тәләбә* 'старательный студент'.

В основе причастия на *-ған* лежит причастие на *-ан*, осложненное афф. *-қ*. Афф. *-қ* существовал уже в общетюркскую эпоху, где он образовывал причастия, реликты которых сохраняются в современных тюркских языках, ср. тат. *кисәк* 'кусочек' (первоначально 'отрезанный' (<*кис* 'резать'), тат. *ачык* 'открытый' (<*ач* 'открывать') и т.д. Позднее аффикс причастия *-қ* соединился с другим причастием – причастием с афф. *-ан*. Особое распространение эти причастия получили в языках кыпчакской группы. В языках огузской группы они фактически были вытеснены другими причастиями и сохраняются только в реликтах, приобретших значение прилагательных.

Из зарегистрированных общетюркских памятников определительные словосочетания с причастием на *-ан* мы находим в сочетаниях Абу-л-Гази хана Хивинского, в памятнике X–XII вв. "Подарок истин" и др. Ср. *Олтурған јәркә сығышмадылар* 'Они не умещались на тех местах, на которых жили' [Кононов 1958, 139].

Зависимый член – причастие на *-ан/-йан*. Эта модель встречается в тюркских языках юго-западной группы. Ср. аз. *учан гуш* 'летающая птица', туркм. *гелйән адам* 'приходящий человек', но *гелен адам* 'пришедший человек', тур. *calısan adam* 'работающий человек' и т.д. Причастный афф. *-ан* существовал уже в общетюркскую эпоху. В языках кыпчакской группы он исчез. Сохранились лишь его рудименты, например: тат. *елан* (*йылан*) 'змея', *куян* 'заяц' (первоначально 'бегущий'). Продуктивным он остался в языках огузской группы.

Зависимый член – причастие на *-дык*. В роли чистого определения причастие на *-дык* встречается сравнительно редко, ср. туркм. *экилмедик ер* 'незасеянная земля', гаг. *сурулмедик ер* 'невспаханная земля'.

Определительные словосочетания на *-дык* зафиксированы уже в ранних памятниках древнетюркской письменности. Ср. Кюль-Тегин: *бардук јірді әдәгүг ол әрпич* 'и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего' [Малов 1951, 31, 39]; Тоньюкук: *јаңдуқ јолта јәмә өлти күк* 'На пути преследования (многие) еще, возможно, умерли' [Там же, 62, 66]; Кутадгу билик: *Kişi kirmädük älkä kirsä qaly* 'Если человек явится в неизвестную ему страну (или: в страну, в которой он еще не был)' [Там же, 250, 275].

Возникновение определительных словосочетаний с причастием на *-дык* можно отнести к праязыковому состоянию. Афф. *-дык* является результатом контаминации двух раннетюркских форм – *-ды* и *-к*. Их объединению способствовала и близость семантики. Исторически *-ды*, вероятно, имело перфектное значение. Такое же перфектное значение мог иметь и форматив *-к*. Не пытаясь определить значения составных элементов формата *-дык*, В. Котвич вместе с тем указывает на то, что *dik* образовалось от промежуточного варианта (т.е. *-ды*) путем присоединения суф. *-q* [Котвич, 1962, 312].

Афф. *-дык/-тык* существовал уже в общетюркскую эпоху, о чем можно судить на основании наличия его в разных группах тюркских языков: тат. *калдык* 'остаток', *ястык* 'подушка', тур. *bildik* 'знакомый' и т.д.

Возможно, что уже в пратюркскую эпоху имена с афф. *-дык* имели причастное значение, а потому и была возможна сама модель словосочетания "причастие + существительное". Ср., например, тат. *ташландык* 'зброшенный'. В дальнейшем произошло зональное расслоение. В кыпчакских языках имена с афф. *-дык* не получили особого развития. В огузских языках в течение определенного периода они были довольно продуктивными, но потом также вышли из употребления.

В ранних памятниках древнетюркской письменности встречаются определительные словосочетания с причастиями, представляющие собой производные образования от отглагольного прилагательного (причастия на *-ык*). Мы имеем в виду причастия на *-к*, *-су*, *-ема*, *-елы*, *-е/ы (а)лак*. Ср. *basуnуtа јаууу кәлүрiр әrtim* 'повинующихся врагов я приводил'

[Малов 1951, 64, 69]; *Оза јайа кәлiгмә сүсiн афит* (т)ым 'Войско (врага), которое начало нас обходить и побеждать, я прогнал' [Малов 1959, 17, 21].

Из современных тюркских языков такого рода словосочетания сохранились в сибирских языках, ср. тув. *бышкалак кат* 'еще не поспевшие ягоды' [ТРСл 1955, 677], шор. *қағуғурр пәрәтқан ақ татду иққан әрге саба сәттi* 'Угнанный белый скот и подданный народ и гнавшего (их) богатыря на том месте, где видел, догнал на том месте, где слышал, достиг' [Дыренкова 1940, 86–87], *паргылак куштар* 'перелетные птицы' [Дыренкова 1941, 274].

Такого рода определительные сочетания нельзя отнести к праязыковому состоянию, поскольку редкое и непродуктивное их использование в современных тюркских языках и сохранение этих образований в сибирских языках в данном случае указывают на их зональный характер.

Зависимый член – причастие на *-мыш*. Ср. аз. *сынмыш ағач* 'сломанное дерево', тур. *tanımlıç bankacı* 'известный работник банка', гаг. *саваштырылмыш чифтчиләр* 'угнетавшиеся крестьяне'. Есть мнение, что афф. *-мыш* соответствует як. *-быт*: *бүспүт бурдук* 'созревший хлеб', *охтубут мас* 'упавшее дерево', *байбыт колхоз* 'разбогатевший колхоз' [Харитонов 1947, 225, 226].

Определительные словосочетания с причастием на *-мыш* типичны для огузской группы тюркских языков, поскольку они свойственны преимущественно тюркским языкам юго-западной группы. Определительные словосочетания с причастием на *-ан* обычно встречаются в кыпчакских языках. Их можно отнести к периоду тюркской общности, так как во многих современных тюркских языках сохранились значительные реликты их распространения в виде определительных словосочетаний с отглагольным прилагательным на *-ан*.

Этого, однако, нельзя сказать в отношении определительных словосочетаний с причастием на *-мыш*. Можно предполагать, что сама форма на *-мыш* безусловно существовала в тюркском праязыке. Но была ли она распространена в определительных словосочетаниях, не представляется еще ясным. Во всяком случае, сохранившиеся ее реликты в языках Средней Азии и Поволжья указывают на ее существование в качестве словообразовательного аффикса отглагольных имен существительных. Ср. башк. *язмыш* 'судьба', тат. *тормыш* 'жизнь', узб. *турмуш* 'жизнь' и т.д.

Определительные словосочетания с зависимым членом – причастием на *-мыш* – зафиксированы в ранних тюркских памятниках [Батманов 1959, 92]. Ср. *ол төрү тә јуғүлтуш қатау киши ләр адын ту лар миңатду лар* 'собранный в том судилище весь народ удивился и изумился' [Малов 1951, 157, 160].

Аффикс отглагольного имени *-мыш*, по-видимому, сложное образование и состоит из афф. *-ма(-ба) + -ыш*. Есть основания предполагать, что отглагольные имена с афф. *-ма(-ба)* и *-ыш* существовали уже в общетюркскую эпоху. Ср. туркм. *алма* 'взятие, получение', кирг. *башталма* 'начинание' и аз. *доғулуш* 'рождение', чув. *пәлтереш* 'значение'.

Зависимый член – причастие на *-р/-ыр/-ар*, *-мас/-мәс*. Данная модель встречается в различных ареалах тюркских языков. Ср. узб. *оқар сув* 'проточная вода', як. *билэр киһи* 'знающий человек', тат. *кайнар су* 'ки-

пяток', башк. *кайнар һыу* 'кипяченая вода и т.д. Она зафиксирована и в ранних памятниках древнетюркской письменности. Ср. *Калар* (или *калыр*) *эшим мой* 'оставшийся друг', *йедер тон* 'боевая одежда' [Батманов 1959, 94], *Bilig bilmäz kisi ol sobyğ alyp, jaşru барыт ўқуш кіші өлтіг* 'И (вот) вы люди, не обладавшие (истиной) мудростью, послушавшись речи и подойдя вплотную, погибли (там) в большом количестве' [Малов 1951, 28, 35].

Возникновение определительных словосочетаний с причастием на *-р* можно возвести к периоду пратюркской общности, поскольку причастие на *-р* обнаруживается непосредственно или в реликтовом виде во всех тюркских языках. Можно предполагать, что уже в общетюркскую эпоху оно широко употреблялось как причастие наст. и буд. времени, а также как отглагольное имя со значением названия процесса, носителя процесса или результата, ср. аз. *калыр* 'приход', узб. *букур* 'горбун'.

Некоторые причастия на *-р*, по-видимому, довольно рано превратились в прилагательные, оставив многочисленные реликты в современных тюркских языках, ср. тур. *akak* 'поток' (первоначально 'текущий'), аз. *jetar* 'достаточный', тат. *кайнар* 'горячий', чув. *хёсёр* 'тесный' (первоначально 'жмуший' <хёс 'жать') и т.д.

Почти во всех тюркских языках, за исключением якутского, причастия на *-р* в дальнейшем оказались непродуктивными. Они в большинстве случаев или заменялись инновациями, т.е. новыми причастиями наст. времени, или лексикализировались в форме прилагательных. Основная причина этого явления в том, что еще в общетюркскую эпоху причастие легло в основу наст.-буд. времени, или аориста. Стремление устранить омонимию форм причастий с формами 3-го лица аориста (наст.-буд. времени на *-р*) в немалой мере способствовало замене причастий на *-р* другими причастиями, его конкурентами, например причастием на *-аган*, *-ан*, отглагольным именем на *-чы*, которое в ряде тюркских языков приобрело значение причастия наст. времени.

В ряде тюркских языков причастие на *-ар* принимает афф. *-лык*. Ср. башк. *етерлек аш* 'достаточная еда'; ул *әйтеп бәтәрмәҗлек шат* (Әмири, 5) 'Это невыразимая радость'; каз. *Бізде сөйлесерлік нарселер болады* 'У нас будет, о чем поговорить' [РКСл 1954, 60]; тат. *Биредә аяк басарлык та урын юк* (Дәули 1959, 39) 'Здесь нет места, где бы можно было поставить ногу'.

Эта форма в тюркских языках имеет модальное значение возможности совершения действия, ср. тат. *басарлык урын* 'место, на которое можно поставить ногу'.

Зависимый член — причастие на *-ачаг*. Эта модель определительных словосочетаний распространена преимущественно в ареале южных тюркских языков и некоторых языках Средней Азии и Поволжья. Ср. тур. *Dayanacak halim kalmatçı* (Nesin 1958, 6) 'Я не в состоянии устоять'; туркм. *Оның дердиңе яражак ери бармы?* 'Есть ли место, которое вылечило бы его болезнь?' (разг.).

По происхождению афф. *-ачаг* является вариантом афф. *-чақ*. Происхождение элемента *-а* неясно. Поскольку афф. *-чақ* обозначал возможность или способность к чему-либо, то на этой основе у него позднее развилось значение буд. времени. Формирование афф. *-ачак* завершилось в огузской

зоне, откуда он распространился на некоторые северные языки. Изначально афф. *-ачаг* был показателем причастия буд. времени.

Зависимый член — причастие на *-(y)чу/(-y)чи*. Этот тип определительных словосочетаний охватывает довольно большую зону тюркских языков: аз. *боғуку бир исти* 'удушающая жара'; каз. *Жатақханада турғышы студенттер күн сайын ертемен гимнастика жасайды* 'Студенты, живущие в общежитии, по утрам ежедневно занимаются гимнастикой'; кар. т. *Кетювчу ол йолларба лиетувич кёргозюя камчусуба йолчусуна* 'Литовец, который едет по тем дорогам, показывая (это) своему спутнику' [Мусаев 1964, 38], кбалк. *джазычу студент* 'пишущий студент'; ног. *Жашувды сонъга калдырувышы бир колхоз да болмавга керек* 'Необходимо, чтобы не было ни одного колхоза, отстающего с севом' [НРСл. 1963, 532]; тур. *Yaşlydy ama, hiç de gerici, tutucu bir insan değildi* (Nesin 1962, 32) 'Он был пожилой, но он совсем не был отсталым, консервативным человеком'.

Афф. *-чы/чу* с его различными вариантами имеет довольно широкое распространение во всех современных тюркских языках. Он был также распространен и в памятниках древнетюркской письменности. Это обстоятельство заставляет предполагать о его существовании уже в общетюркскую эпоху. Однако значение у него было другим. Первоначально он был аффиксом прилагательных, обозначавших склонность к чему-либо, ср. туркм. *адамчы* 'кусачий', тур. *inatçı* 'упрямый', хак. *уйкучы* 'сонливый', шор. *урушчы* 'драчливый'. На этой основе у него возникло во многих тюркских языках значение причастия наст. времени, вследствие чего сильно увеличилась частотность употребления причастия на *-чи* + имя существительное.

Зависимый член — причастие на *-(а)тугын/-(а)дыгын*. Его фонетически трансформированным вариантом является, вероятно, и *-(а)тын*. Ср. каз. *келетін кісі* 'человек, который должен прийти' [СКЯ 1962, 323]; кар. т. *Йалангач сарғарадогон тэрлавлар* 'голые желтеющие степи' [Мусаев 1964, 307]; ккалп. *Бизге қатнасатуғын адам керек* (Сейтназаров, 10) 'Нам нужен человек участливый'; ног. *окыйтаган кыз* 'читающая девушка'; узб. *Ўзидан қайтмайдиған адам* (Рашидов 1958, 258) 'Человек, не отказывающийся от своих слов'; уйг. *көридиған кино* 'фильм, который стоит посмотреть' [Наджиб, 1960, 91].

Вероятно, образования на *-тугын*, *-дыгын*, *-таган* представляют специфические причастные формы от вспомогательного глагола *тур-* 'стоять'. Ср. аналогичное причастное образование в татарском языке типа *ала торган* 'берущий'.

Рассмотренные выше словосочетания не могут быть отнесены к языковой плоскости, поскольку они имеют зональные ограничения.

Зависимый член — причастие на *-асы*. Фактически причастие на *-асы* является причастием буд. времени, ср. тат. *без барасы юллар* 'пути, по которым мы пойдем'; башк. *киләһе йыл* 'будущий год' (букв. 'год, который наступит'); аз. *тикиләса ев* [АГ 1960, 212] 'дом, который будет построен'; тур. *Çok şaşlası bir şey* (Nesin 1962, 12) 'Очень удивительная вещь'.

Наличие афф. *-асы* в разных группах тюркских языков позволяет отнести его существование уже в общетюркскую эпоху, когда он был более широко распространен. Позднее он, по-видимому, в ряде языков исчез.

В чувашском и в некоторых диалектах татарского языка афф. *-асы* служит для образования инфинитива, ср., например, чув. *килес* 'приходить', *пулас* 'быть' и т.д.

Зависимый член — причастие на *-малы*: аз. *Ахумалы китаб* [АГ 1960, 213] 'Книга, которая должна быть прочитана'; туркм. *Столың устине йемели затлар етерлик гетирилип гоюлыпды* (Сарыханов 1961, 62) 'На стол принесли в изобилии кушания; чув. *каймала сын* 'человек, который должен ехать'. Первоначально адъективный афф. *-лы* передавал значение возможности, ср. тат. *алымалы* 'съемный', т.е. 'такой, что его можно снять'. Затем на базе этого значения развилось значение долженствования.

В тюркских языках наблюдаются случаи перехода древних причастий в прилагательные. Сюда относятся прежде всего определительные сочетания с прилагательными на *-к/-қ* /*-г* с их фонетическими вариантами *-ик/-ыг*, *-аг/-ок* и т.п. Эти прилагательные встречаются в тюркских языках различных ареалов. Ср. аз. *бозуг сас* 'сиплый голос', гаг. *чурүк алма* 'гнилое яблоко', каз. *тунык су* 'прозрачная вода', тур. *buzuk şarap* 'испорченное вино'. узб. *очиқ китоб* 'раскрытая книга', ног. *ширик алма* 'гнилое яблоко' и т.д.

Определительные словосочетания с прилагательными на *-к/-г* восходят к глубокой древности и вполне могут быть реконструированы в праязыковое состояние. Находя универсальное употребление во всех тюркских языках, они зарегистрированы и в ранних памятниках древнетюркской письменности. И.А. Батманов указывает на образования с *-к/-қ* как непродуктивные уже в орхоно-енисейский период: *ТыРьГь* (= *тириг*) 'живой', *КТГ* (*-катыг*) 'твердый, жесткий' [Батманов 1959, 69]. Последние свидетельствуют о том, что образования с *-к/-қ* старше периода орхоно-енисейских памятников.

Можно предполагать, что в эпоху тюркского праязыка существовали отглагольные прилагательные на *-ық/-ик*. Их можно было бы назвать причастиями, но они существенно отличались от тех причастий, которые существуют в современных тюркских языках. Они не выражали ни времени, ни залогов и обозначали только какое-нибудь качество действия, чаще всего результативность. Эти древние отглагольные прилагательные оказались неустойчивыми — они превращались в существительные или прилагательные с пассивным значением типа *ачық* 'открытый', *сынық* 'сломанный' и т.д. Такого же происхождения прилагательные типа узб. *ёзма* 'написанный', тат. *кушма* 'сложенный', тур. *уарта* 'расколотый' и т.д., прилагательные на *-кан* или *-кын* типа аз. *чалышган* 'старательный', тув. *ырхан* 'худой', тур. *dövüŷken* 'драчливый', туркм. *ергин* 'расплавленный', аз. *кагин* 'острый' и т.д.

ИЗАФЕТ

Изафет в тюркских языках является частным случаем определительных словосочетаний. Этот тип отношений между двумя именами пронизывает всю структуру тюркских языков, являясь как бы ключом к пониманию многих синтаксических категорий. В тюркологических исследованиях изафету уделялось немало внимания, однако нельзя признать, что природа тюркского изафета достаточно раскрыта. Особенности этого типа синтаксических отношений кроются не только в его своеобразной природе, выходящей за рамки всех прочих атрибутивных отношений, но и в его нестандартном по-

ведении в отдельных тюркских языках. Изафет как особая полноправная синтаксическая категория легко объяснима, если принимать во внимание общие типологические черты тюркских языков.

Как и всякая определительная группа, изафет строится, подчиняясь ведущему закону агглютинативного строя тюркских языков — закону порядка слов "определение + определяемое".

Целый ряд существующих в тюркологической литературе определений сущности изафета обычно основывается на том или ином присущем ему свойстве, но не охватывает всей категории в целом. С.С. Майзель в своей книге, посвященной турецкому изафету, пишет, что "турецкий изафет представляет собой такое сочетание двух существительных, из которых одно, стоящее в родительном или неопределенном падеже, является определением и одновременно дополнением к другому своему определяемому и одновременно дополняемому" [1957, 13]. Если можно согласиться с этим положением, отражающим один функциональный признак изафетных сочетаний, то трудно полностью согласиться с другим положением С.С. Майзеля: "Изафет — показатель субстантивности членов, а не адъективности" [Там же, 17]. Как будет показано ниже, в 1-м типе изафета (тур. *demir yol* 'железная дорога') имеет место известная адъективизация. А.К. Боровков в статье "Природа турецкого изафета" усматривает его характерные особенности в том, что в сочетании существительных исторически дана и форма словообразования, форма образования новых понятий через посредство абстрагирования предметного свойства как существенного, определяющего новую природу уже известного в практике предмета. Ср. кбалк. *ağaç koyan* 'белка' (букв. 'дерево заяц'), *alma tereq* 'яблоня' (букв. 'яблоко дерево'), *burun teŷiq* 'ноздря' ('нос дыра'). Таким образом, как замечает А.К. Боровков, сочетание существительных включает в себя момент словообразования [1935, 169, 170].

В ряде грамматик по тюркским языкам изафет понимается слишком широко. Под него подводятся обычно типы определительных словосочетаний. Ср. аз. *jaxшы адам* 'хороший человек', узун *ип* 'длинная веревка', *узак јол* 'далекий путь', кирг. *беш окуужу* 'пять учеников', тур. *17 defter* '17 тетрадей'.

Для того чтобы четко отграничить изафет от обычных типов словосочетаний, необходимо определить его содержательную сторону. Изафет — это такая определительная группа, в которой определяемое, будучи всегда выраженным именем существительным, определяется с точки зрения его принадлежности к другому предмету или различных форм отношения к нему.

Традиционная грамматика обычно выделяет три типа изафета, на классификационном признаке выделения которых останавливаться излишне. Однако характер этих типов в плане их отношения к самой категории изафетных сочетаний весьма неоднороден. Классификация изафета может происходить в двух аспектах: 1) рассматривать изафет только с формальной стороны как сочетание двух существительных; этот аспект выдерживается во всех существующих до сих пор тюркологических работах; 2) учитывать и содержательную сторону, т.е. сочетать грамматический аспект с логическим.

1-й тип изафета. Примеры: тат. *агач өй* 'деревянный дом', *таш күмер* 'каменный уголь', башк. *агас өй* 'деревянный дом', *ком түбә* 'песчаный холм', аз. *агаи гашиг* 'деревянная ложка', *дамир гапы* 'железная дверь', кирг. *суу кир* 'мокрое белье', *жер май* 'керосин', узб. *олтин соот* 'золотые часы', *шойи рўмол* 'шелковый платок', кум. *туз кьап* 'мешок с солью', *гюнюш сагъат* 'серебряные часы', туркм. *йуң жорап* 'шерстяные носки', *йүпек көйнек* 'шелковая рубашка', тур. *balçık yol* 'грязная дорога', *gümiş para* 'серебряные деньги', хак. *күмүс самнах* 'серебряная ложка', *тас тура* 'каменный дом', як. *алтан солуур* 'медный котел', *тимер орон* 'железная кровать', чув. *чул сурт* 'каменный дом', *тимер алък* 'железная дверь', ног. *алтын юзик* 'золотое кольцо', *тас коемир* 'каменный уголь' и т.д.

1-й тип изафета имеет только терминологическое значение, поскольку первый его член может быть настолько адъективизирован, что фактически данный тип изафета представляет собой чисто адъективизированные словосочетания. Отсутствие грамматического оформления аффикса принадлежности у второго члена мотивировано. От существительного здесь отвлекается признак, который характеризует предмет не с его качественной стороны, а в отношении с другим предметом. Ср. аз. *дамир гапы* 'железная дверь', *агаи гашиг* 'деревянная ложка'.

Адъективизированная природа первого члена изафетного сочетания 1-го типа доказывается и возможностью раздвижения его словом *бир*. Ср. аз. *гранит бир кутлә кими* (Ибрагимов 1966, 23) 'как гранитный массив' (по аналогии *яхшы бир адам*). Первый член в такого рода изафетных сочетаниях настолько адъективизировался, что о его именно природе можно говорить лишь в историческом плане.

Семантическое изменение произошло у имени существительного, выступающего в изафетных сочетаниях на правах нумеративного слова. Ср. кирг. *стакан суу* 'стакан воды', где первый член, выражая меру, приближается по своей семантике к числительному.

Адъективизированная природа определения, обозначающая состав, вещество, материал, ярко проявляется при его переносном значении. Ср. аз. *даш урак* 'каменное сердце', каз. *алтын нур* 'золотой луч', тат. *Куркак син, куян йөрәк!* (Еники 39) 'Трус ты, заячье сердце!' и т.д.

Как известно, употребление 1-го типа изафета связано с определенными семантическими условиями. Для всех тюркских языков общим является то, что определение должно указывать на: 1) состав, вещество или материал, из которого сделано определяемое, ср. алт. *Кабай бүктеп, жазап ытлар. Чар терезини бүргеп. Чуу жазап ытлар. Алтын тонду алынтар. Мөңүн тонду күлүктөр* (Алтын-бизе, 75) 'Изгибают, люльку делают. Из бычьей шкуры. Пеленки делают. В шубах золотых силачи. Молодцы в серебряных шубах' (Алтын-бизе, 17); кирг. *болот калем* 'стальное перо', ног. *темир йол* 'железная дорога' и т.д.; 2) меру, размер, форму и проч., ср. каз. *Отар-отар қойлар менен үйір-үйір жылқылар* (Сланов, 3) 'Отары овец и косяки лошадей', туркм. *Доклад учин сизе нәче минут вагт герек?* (Гурбансахедов, 252) 'Вам для доклада нужно сколько минут времени?'; 3) профессию, специальность, официальные звания, титулы, ученую степень, принадлежность к определенному полу, положение, прозвище, собственные имена, топонимы и проч., ср. туркм. *Нәме, доктор гыз билен кәйиши әйдинми?*

'Почему ты поссорился с девушкой-доктором?', хак. *Хасхар тас тагнынъ олыннанъ хойлар чазазыр инчелер* 'С каменной горы Хосхар по долине спускаются в степь овцы' [ХРСл. 1953, 478], чув. *Нашта маттур* 'Красавица Настя' [Ашмарин 1903, 2], тюркские памятники: Кюль-Тегин: *Күл тигин кон жылка йти .jägirmikä учды* 'Кюль-Тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, в семнадцатый день' [Малов 1951, 33, 43] и т.д.

Целый ряд семасиологических условий употребления изафета I в разных тюркских языках дает неодинаковую картину.

Значения собственных имен, географических названий, а также и национальной принадлежности передаются по 1 и 2-му типам изафета. Ср. значение национальной принадлежности, которое на правах определения дает в большинстве тюркских языков 2-й тип изафета, а в кумыкском, тувинском и древнетюркских памятниках обычен 1-й тип изафета, ср. кум. *кьумукъ тиль* 'кумыкский язык' [Дмитриев 1940, 181], кбалк. *ана литература* 'родная литература', тув. *тыва улус* 'тувинский народ' и т.д.; памятник в честь Тоньюкука: *Toquz оуыз будун үзä қаған олурту* 'Над народом токуз-огузов воссел каган' [Малов 1951, 61, 65]; Кюль-Тегин: *Он ок будун амгак көрти* 'Народ "десяти стрел" подвергся притеснению' [Там же, 30, 38].

В некоторых современных тюркских языках встречаются такие изафетные сочетания, как аз. *рус машинист*, каз. *шет тил* 'иностранный язык'. Употребление 1-го типа изафета в тех случаях, когда параллельно употребляется и 2-й тип, свидетельствует, в частности, о том, что процесс адъективизации сделал излишним употребление аффикса принадлежности как показателя принадлежности или соотносительности предметов-субстантивов.

В кумыкском языке вообще очень слабо разграничиваются 1 и 2-й типы изафета. Сплошь и рядом в газетах одно и то же выражение встречается в двух вариантах. Ср. *сайлов участкалары* и *сайлав участкалар* 'избирательные участки'. Очень часто изафет I в кумыкском языке употребляется в таких случаях, где в других тюркских языках мог бы быть изафет II, ср. *юрт хозяйство* 'сельское хозяйство', *кьумукъ кьыз* 'кумыкская девушка', *тав озен* 'горная река', *колхоз базар* 'колхозный базар', *ишчи гюч* 'рабочая сила' и т.д. По-видимому, в таком же положении находится и карачаево-балкарский язык, ср. *сабий сад* 'детский сад', *джер юй* 'земляника', *кьабьирга газет* 'стенная газета', *тау озен* 'горное ущелье'.

Кроме того, в целом ряде тюркских языков есть изафетные сочетания с настолько адъективизированным первым членом, что они приближаются к словосочетаниям. Ср. аз. *чәкмә тикән* 'сапожная лавка'; каз. *ай жарық* 'лунное освещение'; кум. *Мен шу адамны партизан отрядда сама гьрмедим-микен?* (Ягьяев, 9) 'Я разве сам не видел этого человека в партизанском отряде?'; тат. *Берсе курше авылда өйләнен йөри* (Еники, 51) 'Один бродит в соседней деревне'; татары западной и юго-западной части БАССР: *кәтерүл каплач* (вм. литер. *кастрюль капкачы*) 'крышка кастрюли'; *түбә такта* (вм. литер. *түбә тактасы*) 'потолочные доски'; *трамбай юл* (вм. литер. *трамвай юлы*) 'трамвайная линия' [Афлетунов 1961, 6]; тув. *куш ажыл* 'физический труд' [ТРСл. 1955, 44]; туркм. *мораль тербие* 'моральное воспитание'; уйг. (хамийское наречие) *адәм тил* 'человеческий язык' [Малов 1954, 112] и т.д.

Определения могут быть выражены целыми словосочетаниями. Ср. каз.

Сол жақ қабырғада, ескілеу ағаш кереуетте Анна жатыр (Сейфуллин, 23) 'С левой стороны у стены на старой деревянной кровати спит Анна'; тат. *Без Шамил белән уң як дозорда барабыз* (Эпсәләмов 1953, 120) 'Мы с Шамилем идем в дозор с правой стороны' (букв. 'правая сторона в дозоре').

1-й тип изафета встречается в тех случаях, когда по всем семантическим условиям должен быть употреблен 3-й тип. В основном эти случаи зарегистрированы в ранних памятниках древнетюркской письменности. Отчасти это можно объяснить и древностью 1-го типа изафета, техническим удобством выражать отношения между словами синтаксическими средствами в условиях, когда морфологические показатели еще недостаточно утвердились. Ср. Кюль-Тегин: *Ärip jiptä* 'В месте дорожной остановки' [Малов 1951, 28, 35]; Золотой блеск: *M(ä)ñ boñuq j(ar)lyq qä tägip, ol balyq tyn ündüm* (чит. *üñtüm*) 'Получив приказ об освобождении, я вышел из этого города' [Там же, 157, 160]; Кутадгу билиг: *Qylmaz özim bi qatıy il işin* 'Я не могу сам выполнить все дела народа' [Там же 242, 271] и т.д.

Спорадически такие факты употребления изафета I наблюдаются в отдельных современных тюркских языках: алт. *Мал кабырчы ла кой кабырчы Ак тайганын кырына чыгып...* (Алтын-бизе, 18) 'Пастух коней и пастух овец, поднявшись на вершину белой горы...'; узб. *Қишлоқ томонда яқа чанг кўринди* (Қаҳқор, 9) 'В направлении деревни опять показалась пыль'.

Изафет I по семантическим условиям 3-го типа употребляется в тех случаях, когда входит в группу предиката. Предикат всегда предполагает категориальность, известную долю неопределенности. Существительное в подлежащем конкретнее существительного в предикате. Таким образом, свойство предиката как бы разрушает изафет. Это наблюдается на материале памятников древнетюркской письменности — Гадательная книжка: *Qara jol täñri män* 'Я черное божество судеб' [Малов 1951, 83, 90].

По всей видимости, изафет I является наиболее древним типом изафета. С полным основанием можно предполагать, что изафет I в тюркском языке был широко распространен. В пользу такого предположения могут быть приведены следующие аргументы.

В тюркских языках и в настоящее время встречаются тесно связанные комплексы слов, построенные по схеме 1-го типа изафета. В них — Способом связи слов является примыкание. Эти сочетания осознаются как сложные слова, выражающие одно понятие, ср. башк. *куян арба* 'таратайка' (букв. 'заяц арба'); *баш як* 'изголовье' ('голова край'); *кайыш бау* 'ремень' ('ремень веревка'); кбалк. *ағау коуан* 'белка' ('дерево заяц'); *алта терег* 'яблоня' ('яблоко дерево'); *бирин тешиг* 'ноздра' ('нос дыра'); уйг. *таш йол* 'шоссе' ('камень дорога'); тат. *карга борын* 'клещи' ('вороний клюв'), *башкала* 'столица' ('главный город'); ног. *атишабыс* 'скачки' ('бег лошадей'), *белбав* 'пояс'; кирг. *тамыр аял* 'любовница' ('корень жена'), *өмүр баян* 'биография' ('жизнь рассказ'); алт. *орус поэт* 'русский поэт', *алтай жон* 'алтайский народ'; кар. *бис бармак* 'большой палец'; кум. *базар гюн* 'базарный день', *кьол сагьат* 'ручные часы'; ккалп. *жылан жыл* 'год змей' ('змея год'), *анишы ийт* 'охотничья собака' ('охотник собака'); кум. *базар гюн* 'базарный день' ('базар день'), *кьол сагьат* 'ручные

часы' ('рука часы'); туркм. *ердемир лемех* ('земля железо'), *гунбатар* 'запад' ('солнце заход'); чув. *акатуй* 'праздник весеннего сева' ('плуг праздник') и т.д.

Позднее изафет I стал вытесняться изафетом II, вследствие чего произошло сильное сокращение сферы его употребления во всех тюркских языках. Он стал употребляться преимущественно в тех случаях, когда первый его член представлял название какого-либо вещества или материала. Значительную частотность 1-го типа изафета следует рассматривать как остаток прежнего состояния.

Коллокация двух имен существительных посредством простого примыкания создает благоприятные условия для адъективизации первого члена такого сочетания. В данном случае от имени существительного отвлекается признак и первый член сочетания получает значение относительного прилагательного, например тат. *таш өй* 'каменный дом' ('камень дом'). Такое явление нередко наблюдается и в других языках, ср. коми-зыр. *вөр туй* 'лесная дорога', удм. *ку сапег* 'кожаный сапог' и т.д.

2-й тип изафета. Отличительным признаком 2-го типа изафета в тюркских языках является наличие притяжательного аффикса 3-го лица у второго члена изафетной конструкции, ср. тур. *türk yazari* 'турецкий писатель', *deniz yalisi* 'берег моря'; хак. *тағ пазы* 'вершина горы', *чон чарьызы* 'народный суд'; кирг. *куш жолу* 'млечный путь', *август ортосу* 'середина августа'; чув. *Совет сёршывё* 'Советская страна', *писатель арәмё* 'жена писателя', уйг. *уйгур халқи* 'уйгурский народ'; аз. *дәниз саһили* 'берег моря', *әдәбијат дәрси* 'урок литературы'; кбалк. *жаз башы* 'начало лета'; кум. *гъава флоту* 'воздушный флот'; тув. *дун ортузу* 'полночь', *ерге унгуру* 'сусличья нора'; башк. *ял йорто* 'дом отдыха', *йылға башы* 'исток реки'; тат. *грек халкы* 'греческий народ', *каен урманы* 'березняк'; ног. *ис орны* 'рабочее место', *карлыгаш уясы* 'ласточкино гнездо'; кар. *ай йарыгы* 'свет луны'; алт. *орман тавугу* 'глухарь' (букв. 'лесная курица'); як. *тыя ылыга* 'лесная тропа' и т.д.

Согласно традиционному в тюркологической литературе определению, первый член 2-го типа изафета выражает неопределенное родовое понятие. Наиболее точно это сформулировано у Н.К. Дмитриева. Башкирское определение-существительное по-русски воспринимается как относительное прилагательное. Только это прилагательное не обозначает вещество как материал, а указывает на то, к какому коллективу или к какой категории относится определяемое. Таким образом, *кала баксаһы* есть такой сад, который типичен для всех городов вообще в противоположность, например, деревенскому саду [1948, 226]. Однако и это употребление требует некоторых уточнений. Употребление изафета II вызвано различными семантическими условиями. Представляется возможным выделить из них следующие.

1. Первый член изафета означает родовое категориальное понятие, которое точно не определено. Ср. тув. *Эжишкилер найыралы эртине дагны тургуз ар* 'Дружба людей гору сокровищ создает' (Тыва домак. 22, 29); тур. *Burnuta mis gibi kebar kokulari geldi* (Nesin 1962, 6) 'До моего носа донесли прекрасные запахи шашлыка'; туркм. *Коммунистик зэхмәт бригадасы диен ады этишмек гөр нэхили шатлык дәрәдйәр* (Мәммәдов, 6) 'Звание бригады коммунистического труда вызывает радостное (чувство)';

узб. *Найманча азалдан косиблар маҳалласи* (Мухтор, 5) 'Найманча – издавна квартал ремесленников'; тюркские памятники – енисейск. *äl törücü* 'законы государства' [Малов 1952, 26]; Тоньюкук: *Budun boγzu toq ärti* 'Горло народа было сыто' [Малов 1951, 60, 61] и т.д.

2. Изафет II может вполне выражать конкретное, определенное соотношение предметов (совпадая по функции с изафетом III). Это может объясняться принципом экономии, ослаблением аффиксального режима, стремлением избежать плеоназма и др. Ср. аз. *О жүн бизим үчүн набар күнү гәдәр әзиз, илк көрүш дөвгигәси гәдәр ширин иди* (Ибраһимов 1958, 16) 'Тот день был для нас приятен, как минута первого свидания'; ккалп. *Саат 11 де райком бюросына шақырыпты* (Сейтназаров, 53) 'В одиннадцать часов его послали на бюро райкома'; тат. *Агач күләгаләри ул* (Әпсәләмов 1953, 99) 'Это тени деревьев'; тур. *Aradan iki üç gün geçince bütün gemi halki cocuğa gönül bağlamıştı* (Halikarnas, 42) 'Прошло только два-три дня с тех пор, и все люди на судне (букв. весь народ судна) привязался к ребенку'; узб. *Зангори кема капитани* 'Капитан голубого корабля'; тюркские памятники – енисейск. *јағыра тәгмиш су тәңи јағи бин оған әрті* 'количество войска, выступившего против врага, было семь тысяч молодых людей' [Малов 1952, 49]; Гадательная книжка: *Тәңри күңиңә* 'По могуществу неба' [Малов 1951, 49, 81] и т.д.

Помимо простых технических причин опущения род. падежа у первого члена изафетного сочетания во избежание плеоназма, есть и целый ряд других факторов, способствующих этому процессу.

Первый член изафета обычно выступает без аффикса род. падежа, если он входит в предикативную группу. Предикация в данном случае ослабляет, как бы разъедает определительные отношения – Гадательная книжка: *Kikik oγlu män* 'Я детеныш оленя' [Малов 1951, 83, 89]; Памятник из Суджи (Монголия): *Män qutluγ baya tarqan ögә büγtәqu män* 'Я огнябюрук (приказчик, приказный) счастливого бага-тархана' [Там же, 76, 97].

Изафет II употребляется и при указании на конкретное лицо – обладателя чего-либо, а именно в случае употребления в качестве первого члена имен собственных, географических названий, когда естественнее было бы иметь изафет III. Ср. аз. *Бура Илич бухтасыдыр* 'Здесь бухта Ильича' (Аз. гадыны); тат. *Май башы иде* (Еники, 91) 'Было начало мая'; чув. *Байкал хёрринче пулацсем пураканан ялсем тасалса ларацсә* (Уйәп, 15) 'На берегу Байкала гянутся деревни, населенные рыбаками'; тюркские памятники – в честь Тоньюкука: *Он оқ қағану жағутыз әрті* 'Каган (народа) "десяти стрел" был нашим врагом' [Малов 1951, 62, 66]; енисейск. *Байна Саңун оғлы Күлүг Чур* 'Я сын байна Сангуна, именитый Чур (Колюг Чур)' [Малов 1952, 22, 23] и т.д.

Изафет II в большинстве тюркских языков передает один из видов русского приложения, а также встречается в названиях учреждений, должностей и т.д., употребляясь чаще в официальном языке и языке газет. Ср. башк. *Артка боролорға һәм буран басылғансы Якты тау ауылында привал яһарға туры килер* (Әмири, 12) 'Повернуть назад и, до того как утихнет буран, сделать привал в деревне Якты-тау'; туркм. *Олар Челекен районнының Гарагал обасында отуряр-дылар* (Кәрбабаев, 9) 'Они жили в деревне Гарагөл Челекенского района'; чув. *Улан Удә Селенга шывӓ хёрринче ларать* (Уйәп, 15) 'Улан-Уде стоит на реке Селенге'.

3. Связь между членами изафетного сочетания идет по линии объекта (объектных отношений). Ср. аз. *Катерла дәниз кәзинтисинә чыхырлар* (Аз. гадыны) 'Выехали катером на прогулку по морю'; каз. *Терезеден тау көрiнiсi кәзге шалынатын* 'Из окна открывается вид на горы' [РКСл. 1954, 76].

4. Отношения между членами изафетного сочетания иногда понимаются очень широко. Ср. аз. *Мәһәмәд һәсән әми кетмәк гәдәрүкүндәдир* (МН, 14) 'Дядя Мамед Гасан собрался уходить'; тур. *Kendi kendine söylenmek itiyadını ele aldı* (Sabahattin 1956, 60) 'Он приобрел привычку говорить сам с собой'. В русском языке такой изафет может соответствовать словам, взятым в кавычки. Н.К. Дмитриев такие отношения членов изафета называет редакционно-стилистическими [1948, 26]. Ср. аз. *Курултулу вә гызгын "ура" сәси атрафа яйылып* (Ибраһимов 1958, 4) 'Звуки шумного и горячего "ура" распространяются вокруг'; башк. *юк яуабы* 'ответ "нет"' [Дмитриев 1948, 226]; тур. *"Gidelim /" kelimesi çıktı* (Sabahattin 1956, 61) 'Обронилось слово "пошли"'; туркм. *Ондан соң болса "гыз гачды" диен хабары обаның ичине яйратмакчы болуп* (Сарыханов 1951, 30) 'Затем в деревне распространился слух о том, что девушка сбежала'. Как видно из приведенных выше иллюстраций, изафет II здесь стал только средством связи, сближаясь с иранским типом изафета.

5. Как и в иранских языках, изафет II может соединять с именем существительным адъективизировавшийся признак. Ср. аз. *Орду нәржәләринә кәлмишдир* (Сарыханов 1951, 30) 'Он вступил в ряды армии'; кбалк. *Иш кылыгызы билмеген, ит ыйлыгы кёрюр* 'Тот, кто положение дела не знает, собачью участь увидит' [МБД 1962, 78]; туркм. *Партия йынагындан наме учин горкярсың?* (Кәрбабаев, 149) 'Почему ты боишься партийного собрания?'; узб. *Балтабой район марказидан келяпти* (Шарипов, 5) 'Болтабой приезжает из районного центра'.

Адъективизированными по своей природе являются и изафетные сочетания, в которых первый член выражает родовую национальную принадлежность. Ср. аз. *Әрәб дәрсини тәмам әләмәмиш* ... (МН, 9) 'Не закончив урок арабского языка...'; каз. *авар тілі* 'аварский язык'; тат. *татар ашчеләре* 'татарские рабочие'; уйг. *Уйгур халки* 'уйгурский народ'; хак. *Хакас тілі* 'хакасский язык' и др.; памятник в честь Кюль-Тегина: *Түрк озуз бәгләри будун әсидиң!* '(О вы) тюркские (и?) огузские беки и народ, слушайте! [Малов 1951, 30, 39].

Говоря об употреблении изафета II, следует учитывать его особенности по отдельным тюркским языкам. Так, например, в якутском языке изафет семантически довольно ограничен и выражает преимущественно отношение определяемого к определению по признаку принадлежности: *киһи ата* 'лошадь человека', *дыһа аана* 'дверь дома', *тыһа тыһа* 'шум ветра', и совершенно невозможны изафетные конструкции, встречающиеся в других тюркских языках. Ср. каз. *қус фермасы* 'птичья ферма', узб. *"Правда" газетаси* 'газета "Правда"', туркм. *Небит чүйшеси* 'бутылка из-под керосина' [Убрытова 1950, 54]. Объясняется это прежде всего тем, что в якутском языке нет род. падежа; в нем, как это показывает и семантика прямого дополнения в неформленном падеже, категория определенности не играет такой роли, какую она играет во многих тюркских языках. В якутском языке определение всегда выражает конкретного обладателя,

будь то лицо или предмет: *киһи аата* 'имя человека' (Там же, 40). Материал якутского языка подтверждает выводы К. Грэнбека о слабом развитии род. падежа в древних тюркских языках и о том, что эта категория стала надежной позднее в связи с развитием категории определенности.

Изафет как способ связи слов в предложении используется в якутском языке при сочетании определения и определяемого. Он является способом выражения подчинительных отношений в сложноподчиненном предложении. Ср. *Мин суруйбут киһим* 'Мой написавший человек' — 'человек, которому (про которого) я написал'; *Кирисааннаах киирбит сирдэрэ иккү киһи олоороругар* 'Место, куда вошли Кирисаан и его спутник (букв.: кирисаанские), было широким, так что довольно пригодным для того, чтобы сидеть двум человекам' [Убрятова 1950, 45, 46].

В кумыкском языке очень трудно провести смысловое разграничение между изафетами I и II. Для кумыкского языка изафет I является наиболее типичным. Изафет II употребляется, по-видимому, реже, и говорящий по-кумыкски охотнее склоняется к изафету I, который он воспринимает в том же значении, что и II [Дмитриев 1940, 181].

В чувашском языке, напротив, наиболее распространен изафет II. Ср. *чăваш чĕлхи* 'чувашский язык', *вăрман хуçалăхĕ* 'лесное хозяйство', *литература вечерĕ* (букв. 'литература вечер-её') 'литературный вечер', *чие варейниĕ* 'вишневое варенье' [Дмитриев 1955, 122]. Он употребителен также в случае, если первый член выражает название материалов, из которых сделан определенный предмет: чув. *пилеш хулли* 'рябиновый прут', *вĕрене вутти* 'кленовые дрова', *кăнтар çăвĕ* 'конопляное масло' [Ашмарин 1903, 95]. По типу изафета II оформляются в чувашском и словосочетания, в которых первый член выражен названиями рек, озер, городов, собственными именами и проч.: *чăваш халăхĕ* 'народ чувашей' [Ашмарин 1903, 5].

Изафет II, по-видимому, уже существовал в раннем периоде общетюркской праязыковой общности задолго до возникновения род. падежа. Об этом прежде всего свидетельствует якутский язык, в котором есть изафет II, но нет (точнее, имеются только зачатки) род. падежа, а также тотальная распространенность изафета II во всех тюркских языках.

Что касается первоначальных значений изафета II, то выражение принадлежности, по-видимому, было его первоначальным значением. Для доказательства этого положения можно привести следующие аргументы:

1) в структуре изафетного сочетания наличествует притяжательный аффикс 3-го лица;

2) в якутском языке изафет II выражает преимущественно отношение определяемого к определению по признаку принадлежности: *киһи ата* 'лошадь человека', *киһи дьыэтэ* 'лошадь человека';

3) во всех тюркских языках имеются факты употребления изафета II для выражения вполне определенного соотношения предметов: чув. *атте лаши* 'лошадь отца' [Ашмарин 1903, 24]; показательны также случаи употребления изафета при указании на конкретное лицо — обладателя чего-либо: аз. *Илич бухтасы* 'бухта Ильича'; кбалк. *Хасан кзызы* 'дочь Гасана'; каз. *Колчак әскері* 'армия Колчака'.

4) выражение отношений по признаку принадлежности сохранилось в особом разряде изафета, образованного по модели тат. *апам хаты* 'письмо моей старшей сестры'; ср. ранние тюркские памятники — Кюль-Тегин:

Бизин сү аты турук 'Кони нашего войска были тощи' [Малов 1951, 32, 41]; енисейск. *Айм озурунта* 'В жизни моего государства' [Малов 1952, 26]; Гадательная книжка: *Tanym tüsi taqu tükämüzkün* 'Добыча для моего тела совсем не истощится' [Малов 1951, 80, 85] и т.д.

Таким образом, выражение родовой категориальности не могло быть первичным значением у изафета II. Последнее значение развилось на базе основного значения, связанного с выражением принадлежности. Изафет II дает цепь семантических переносов. Как можно было заметить, значение родовой категориальности дало почву для сильной адъективизации. В сочетаниях типа *рус кызы* изафет фактически стал только средством связи, но не показателем принадлежности. В кумыкском языке при адъективизации нет связующего средства (наподобие обычных определительных словосочетаний). В языках же типа татарского (ср. *татар теле* 'татарский язык') в виде пережитка сохраняется афф. -е. Наконец, расширяя семантические условия своего употребления, изафет приближается к средству простой связи. Такова эволюция семантического развития изафета II.

Что же касается структуры построения изафета II, то он, так же как изафет I, сопротивляется раздвижению. В случае распространения определяемого несколькими определениями определение, которое составляет с ним изафет, располагается в непосредственной близости от него. Ср. туркм. *Гарлы гыш гижеси* 'Снежная зимняя ночь'; узб. *Москвадан келган "25 мингчи" ишчи коммунист ёрдами билан 1930 йилда Работ қишлоғида биринчи бўлиб колхоз тузди* (Шарипов, 12) 'С помощью рабочих-коммунистов 25-тысячников, прибывших из Москвы, в 1930 г. в кишлаке Работ был создан первый колхоз'.

Появление 2-го типа изафета в тюркских языках может иметь различные причины. Прежде всего изафет II возник как средство преодоления недостатков изафета I. Изучение истории разных языков совершенно определенно свидетельствует о том, что простое соположение двух слов, основанных на примыкании, не обладает большой устойчивостью. Совершенно очевидно, что основой изафета II послужили притяжательные конструкции типа тат. *ат башы* 'голова лошади'. Наличие связующего формального элемента, притяжательного аффикса 3-го лица, делало конструкцию более устойчивой.

3-й тип изафета можно рассматривать как истинный изафет в том смысле, что он представляет собой сочетание двух существительных и оба члена сохраняют свои значения имен существительных. Конструкция образуется по определенной схеме. Первый член представляет форму род. падежа, второй имеет притяжательный аффикс 3-го лица. Примеры: кирг. *пилдин тулшугу* 'хобот слона'; кум. *улыкени юреги* 'сердце страны'; кбалк. *сууну аягы* 'устье реки'; алт. *улустын ортозы* 'середина деревни'; чув. *кашкърсен пурнаџе* 'жизнь волков'; тув. *карақтың каразы* 'зрачок глаза'; аз. *кәндлинин һаяты* 'жизнь крестьянина'; тур. *şehirin kuy* 'окраина города'; тат. *океанның өлеше* 'часть океана'; каз. *Мараттың жрбасы* 'проект Марата'; башк. *Институттың дөйм йыйлышы* 'общее собрание института'; уйг. *амбарниң бужиги* 'угол амбара'; узб. *ойнинг диаметри* 'диаметр луны'; туркм. *директорын буйругу* 'приказ директора'.

Поскольку в 3-м типе изафета определение указывает на индивидуальный предмет, то здесь и преобладают отношения принадлежности.

3-й тип изафета связан с развитием категории определенности, находящей свое формальное выражение в род. падеже. Поэтому он встречается во всех тюркских языках, где развит род. падеж (т.е. во всех, кроме якутского). Однако степень его распространенности в различных языках неодинакова. Для гагаузского языка 3-й тип изафета имеет более ограниченное распространение. Частотность распространения изафета III в чувашском языке такая же, как изафета I. Вообще по сравнению с изафетом II изафет III встречается значительно реже. Однако общие закономерности его употребления выдерживаются во многих языках. Ср. алт. *Ол агаштын тōзінде казандый теервек сūtтү көл* (Алтын-бизе, 19) 'У подножия тех деревьев круглое, как чаша, молочное озеро'; гаг. *Файтонун бир текерläй шансора куйунун кенарундайды* (Карачобан, 13) 'Одно колесо фазтона уже было на краю ямы'; каз. *Капитализмнің күреуі және коммунизмнің жеңуі болмай қалмақ емес* 'Гибель капитализма и победа коммунизма неизбежны' [РКСл. 1954, 267]; кбалк. *Малчылары тилеклерине кере жарашдырылган концертни бериб башлайбыз* (Гуртуев, 3) 'Мы начинаем передавать концерт, устроенный по желанию животноводов'; тур. *Seyahat müddetini üç аya çıkardı* 'Срок путешествия ты довела до трех месяцев'; туркм. *Атың өлүми – итиң байрамы* 'Смерть коня – праздник собаке' [ФСл. 1963, 37]; уйг. *Сөһбәт көңүллүк өтүн, ахирида омичиларниң чаң басқан, күндә көйгән қара чирайлирида үмүт үчқунлири ойнигандәкму болди* (Босаков, 32) 'Разговор шел оживленно, под конец на запыленных, загоревших на солнце черных лицах жнецов словно заиграли искры надежд'; чув. *халāхсен туслāхē* 'дружба народов' [Дмитриев 1955, 124] и др.

Ср. тюркские памятники – Кюль-Тегин: *Олурыпан түрк будуның ийн тōр(үс)ін тута бiрміс іті бiрміс* 'Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установление тюркского народа' [Малов 1951, 28, 36]; Среднеазиатский тефсир: *Адāмилāрнiң жүрāклāрi* 'Сердца людей' [Боровков 1963, 144] и др.

Возникнув в связи с развитием род. падежа, служащего для более точного указания отношений принадлежности, изафет III в целом имеет гораздо более суженные рамки своего употребления, чем изафеты I и II. Отчасти это объясняется стремлением избежать плеоназма. Вместе с тем наблюдается и другая тенденция, грамматически вполне мотивированная. Все три типа изафета, образующие единую цепь в пределах одной грамматической категории, развивают в себе и общее в семантическом плане. Иногда изафет III может иметь значение неопределенной категориальности: каз. *жүректің демікпесі* 'сердечная астма' [РКСл. 1954, 30]; тур. *іmin faydası* 'польза науки' и т.д.

При относительной условности употребления изафета III можно указать случаи, когда необходимость его употребления продиктована контекстуальными условиями:

1) определение в изафетном сочетании имеет свое определение-уточнитель; ср. аз. *Ленинград сосялист ингилабынын бешийдир* (Ибраһимов 1958, 8) 'Ленинград является колыбелью социалистической революции'; туркм. *Иң улы яраң хем авусы гидер, эмма яман сөзүң авусы гитмез* [ФСл. 1963, 15] 'Боль от самой большой раны пройдет, а боль от дурного слова не пройдет'; узб. *Колхозға улуг Октябрьнинг илҳомчисы ва ташкилотчисы*

В.И. Лениннинг номи берилди (Шарипов, 18) 'Колхозу дали (присвоили) имя В.И. Ленина, вдохновителя и организатора Великого Октября';

2) определение в изафетном сочетании имеет конкретизирующее определение – указательное или притяжательное местоимение: туркм. *Шол гунуң агшамсы колхозың правление членлериниң межлиси болды* (Маммадов, 55) 'Вечером того дня было собрание членов правления колхоза'; хак. *Пистинь городтынъ кизилери* 'Люди нашего города' [ХРСл. 1953, 479] и др.;

3) оформление по 3-му типу изафета выдерживается и в случае присутствия у определения аффикса принадлежности; ср. тур. *Daha kendisinin haberi yokmuş* (Sabahattin 1966, 15) 'Больше от него самого не было известий';

4) определение в изафетном сочетании имеет конкретизирующее определение – имя числительное; ср. каз. *Төрт жігітiң біреуі* (Сейфуллин, 111) 'Один из четырех молодых людей';

5) оформление по 3-му типу изафета возможно в случае, если определение представляет собой собственное имя, географическое название, этноним; ср. узб. *Саодатнинг чиройига яна чирой қўшилган* (Шарипов, 6) 'К красоте Саодат прибавилась еще милость'; уйг. *Күнниңиссигиму, яки йеңила болуп өткән талашниң тәсиридинму, Мәхпирниң чирайи қизирип кетипту* (Босақов, 28) 'От дневной ли жары или в результате только что происшедшего спора лицо Мехпир покраснело';

6) оформление по 3-му типу изафета возможно и в случае, если определяемое выражает часть целого. Ср. тат. *Да, брат, хатын бу! – ди осталарның берсе* (Еники, 47) 'Да, брат, это женщина! – сказал один из мастеров'.

Род. падеж определения выражает родовую принадлежность, соответствуя родовому (генеративному) артиклю в индоевропейских языках; ср. нем. *Der Mensch ist was er isst* 'Человек есть то, что он ест'. В данном случае *der* обозначает целый род.

Семантика родового артикля имеет неустоявшийся характер, проявляясь в разных языках по-разному; ср. тув. *Тенектиң сөзүңчиг, теректиң бурузу ажыг* 'У глупца слова противны, у тополя листья горьки' (Тыва домак, 30, 31); туркм. *Илиң сөзи – деңзиң сувы (толкуну)* 'Молва людская, что волна морская'; *Илиң чөрегине аңкарма* 'На чужой каравай рот не разевай' [ФСл. 1963, 80].

Род. падеж определения сохраняется в изафетном сочетании в случае, если оно раздвинуто другими определениями, а не находится таким образом в непосредственной близости с господствующим членом. В тюркских языках существуют различные причины такого раздвижения. Не всегда действует только фактор выражения определенности. Причины могут заключаться в чисто семантической стороне изафетного сочетания. Передаваемые изафетом III отношения не составляют органической характеристики предмета. Это главным образом категориальные отношения. Немаловажное значение имеет и фактор структурной организованности изафетного сочетания. Чем больше разрыв между членами изафета, тем более требуется оформление в род. падеже. И, наконец, может действовать эмфатический фактор – стремление выделить первый член изафетного сочетания.

Изафет III может образовать так называемую трехчленную конструкцию, включающую три основных члена: "определение в род. падеже + определение (причастная форма) + определение с аффиксом принадлежности". Ср. каз. *Анда-санда тауықтың шақырған дауысы естіледі* (Сейфуллин, 23) 'Иногда слышался спор кудахтающих кур'; тат. *Май башы иде. Бөреләрнең ачыла башлаган чагы* (Еники, 91) 'Было начало мая, время, когда начинают распускаться почки'; тур. *Akının ermediği şeylere burnunu sokta* (Sabahattin 1966, 33) 'Не суй свой нос в дела, которые не твоего ума'; узб. *Онанинг кечалари айтган алласи нақадар ширин* (Шарипов) 'Как приятно колыбельная песня, которую вечерами поет мать' и т.д.

Изафет III, пронизывая структуру как простого, так и сложного предложения, нередко образует последовательную цепочку, части которой могут быть однородными и неоднородными. В цепном изафете наблюдаются тенденции к техническому сокращению в оформлении род. падежа: аз. *Иран ҳамкарлар иттифагы нумайэндәләри* 'Представители иранского профессионального союза'; гаг. *Бир илач оту көкү* (Буджактан, 109) 'Корень целебной травы'; узб. *Звено аъзолари ҳаммаси* (Шарипов, 28) 'Все члены звена'.

3-й тип изафета последовательно сохраняется в конструкциях с *бар, йок, болган*, выражающих конкретную принадлежность. Ср. гаг. *О надишаайын да вармыш бир кызы, ады Софи* 'У этого царя была дочь по имени София'; кирг. *Досуңа сыр айтпа, досундун досу бар* (погов.) 'Не раскрывай тайны другу своему: у твоего друга есть свой друг' [КРСл. 1965, 98]; туркм. *Оларың арасында Оразың хас ыснышыт достлашан адамлары да барды* (Маммадов, 6) 'Среди них у Озара были люди, с которыми он сблизился и сдружился'; тюркские памятники — Родословная туркмен: *Алинің бір јаш оғлы бар әрді Кылыч Арслан атлык* 'У Али был годовалый сын по имени Кылыч Арслан' [Кононов 1958, 124].

Параллельно генитивным конструкциям 3-го типа изафета в тюркских языках развиваются конструкции с объектно-пространственными падежами:

с исх. падежом: аз. *Едди кирвәнкалик гәндләрдән бир кәллә* (МН, 67) 'Одна головка сахара на семь фунтов'; кбал. *Жашчыкъләдан бири алай айтханды* 'Один из мальчиков так сказал' [МБД 1962, 66, 67]; узб. *Звено аъзоларидан энг кичкинаси сарви* (Шарипов, 28) 'Самая маленькая из членов звена'; Родословная туркмен: *ig бәк чораның оғланларыңдын бириси* 'Один из сыновей Игбекчоры' [Кононов 1958, 133];

с местн. падежом: аз. (кедабек, говоры) *Сиздә өјдә бир шей тапа биләжихми јимә?* (вм. *Сизин евиниздә јемәјә бир шей тапа биләјәјихми?*) 'Мы найдем что-нибудь у Вас покушать?' [Садыхов 1964, 26];

с дат. падежом: тув. *Эки кижээ эш хөй эки аътка ээ хөй* (посл.) 'У хорошего человека друзей много, у хорошего коня хозяев много' [ТРСл. 1955, 578]; уйг. (хамийское наречие) *Кызы јокка кыз болумен* 'У кого нет дочери, буду дочерью' [Малов 1954, 78, 80]; Кюль-Тегин: *Табғач қаған-ка јағы болмыс* 'Стали врагом кагана народа табгач' [Малов 1951, 29, 37]; Кутаду билиг: *Јула әрди халққа қараңғи түни* 'Он был светильник народа в темную ночь' [Малов 1951, 240, 269].

При построении изафета III возможны разного рода аномалии. Так, при оформлении первого члена в род. падеже второй член может не принять

аффикса принадлежности. Ср. алт. *Дьүс сөөктү карындаш уктап каларда, оморды сойондор курчаган* 'Когда братья рода Дьас уснули, сосны их окружили' [Баскаков 1958, 82]; кбалк. *Барысы да олтуруб, бишген кәунажин этни эки гәҗеф бла келинни аллына юч юмош этиб салгандыла* 'Все уселись и сваренную тушу нетели разделили на три порции и поставили перед (преподнесли) двумя богатырями и снохой (двум богатырям и снохе)' [Филоненко 1940, 21, 23].

Эти аномалии встречаются не только в стиле разговорной речи, но и в стихотворном жанре: тат. *Бу авылның бер егет киткән урманга утынга* 'Парень из этой деревни поехал в лес за дровами' [Закиев 1963, 170].

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН — ГЛАГОЛ, ЗАВИСИМЫЙ — ИМЯ

Подчиненный элемент в знак своей зависимости от подчиняющегося слова принимает определенную грамматическую форму. В качестве способа выражения синтаксических отношений между словами используется управление. Последнее проявляется в том, что подчиненные глаголам имена принимают определенную падежную форму. Специфика глагольных словосочетаний заключается в том, что они, выражая действие с его объектом и обстоятельством, в потенции могут быть и предложениями, тем более что глагол содержит в себе выраженный субъект действия. Ср. аз. *бел гәтурун* букв. 'лопату принесите (вы)', т.е. каждое словосочетание — с формальной точки зрения предложение с опущенным подлежащим. А в определенных типах атрибутивных словосочетаний, как было показано выше, опускалось сказуемое. В этом плане можно констатировать существование известной симметрии — приближение к предложению по однотипным линиям.

Поэтому если считать, что глагольные словосочетания, как и именные, существуют на правах самостоятельной синтаксической единицы наряду с предложением, то нужно оговорить следующее. Словосочетание может выражать действие с его субъектом и обстоятельствами, но это действие взято в чисто статическом плане, не соотносимом с субъектом действия. А главное это то, что, говоря о словосочетании, нас интересует определенный комплекс слов, организованный по принципу: главный формирующий член и зависимый, подчиненный, находящийся в известных синтаксических отношениях. Но это общий принцип и для именных и для глагольных словосочетаний. Комплексы именных и глагольных словосочетаний неодинаковы (неоднородны). Если именные словосочетания подходят к грани предложений в отдельных случаях, при распространении обстоятельственными членами, то глагольные словосочетания больше тяготеют к предложениям по своей природе (так как глагол в своей потенции всегда предикат).

Вин. падеж в современных тюркских языках, как известно, выполняет две основные функции — он выражает объект глагольного действия и одновременно указывает на его определенность или неопределенность. Последняя функция обуславливает наличие двух форм вин. падежа — неопределенной и определенной. Если объект неопределенный, то в тюркских языках употребляется безаффиксальная форма вин. падежа, которая,

по существу, ничем не отличается от формы им. падежа. При определенном объекте действия употребляется форма, имеющая особый показатель вин. падежа.

Зависимый член — имя в вин. неопределенном падеже, ср. аз. *Бурада киши костјумлары вә плац тикирләр* (Аз. гадьны) 'Здесь шьют мужские костюмы и плащи'; тат. *Жир сәрдем алга кигмәдем, таш казыдым — тамагым гуймады* (Гази, 73) 'Землю пахал — вперед не ушел, камень копал — горло мое не насытилось'; тув. *Демпинг сааскан теве тудуп чиир* 'Дружные сороки и верблюды одолевают' (Тыва домак., 18, 14); узб. *Ленин колхозидан фронтга ҳар куни йигитлар жўнаб турди* (Шарипов, 11) 'Из колхоза им. Ленина на фронт каждый день посылали молодых людей'; чув. *Радио тәрх Мускавран сөн хыпарсем, концертсем итлепнәр* (Уйап, 11) 'Слушаем по радио из Москвы новые известия, концерты'.

Зависимый член — имя в вин. определенном падеже. В отдельных зонах распространения тюркских языков аффикс вин. падежа имеет различную форму.

Показатель *-ы/-и/-у/-ү*. Эта модель встречается в южных языках. Ср. аз. *Садыг да, сөз йох, башлады сөнбәти* (МН, 11) 'Начал беседу безусловно (именно) Садык'; гаг. *Те бу бакыры алтын парайлан будум* (Буджактан, 151) 'Вот это ведро с золотом я нашел'; туркм. *Мен хем бир шейле гызы сөйсөмдим* (Гурбансахедов, 226) 'И мне бы полюбить такую девушку'.

Вин. падеж с показателем *-ы/-и*, по-видимому, является наиболее древней формой. Наидревнейшим реликтом этого показателя является окончание вин. падежа *-ы/-и* у личных местоимений, повсеместно распространенных во всех тюркских языках. Ср. каз. *Мені масқара қылдың* (Сейфуллин, 25) 'Ты меня опозорил'; туркм. *Мен сени сөйгәрдим* (Гурбансахедов, 217) 'Я тебя любил'; тюркские памятники — Кутадгу билиг: *Körün anu män, mäni körsüni* 'Посмотрю я его, а он пусть посмотрит меня' [Малов 1951, 254, 276].

В различных тюркских языках можно встретить окончание вин. падежа с буферным *-н*. Такое буферное *-н* обычно появляется в положении между гласными, ср. аз. *Бу баланы көрүрәм* 'Я вижу этого ребенка'; алт. *Көн арагыны ичпе* 'Араки много не пей' (Алтын-бизе, 87, 30); каз. *аннаны оятты* (Сейфуллин, 23) 'Он разбудил мать'; тат. *Ротаны төзегез. Капитан сөйләшәчәк* (Әпсәләмов 1953, 9) 'Выстраивайте роту. Капитан будет говорить'; тюркские памятники — Родословная туркмен: *ikkі kişini күтәр-мәгәйләр* 'двух человек (на царство) пусть не поднимают' [Кононов 1958, 151]. Правда, в турецком языке в интервокальной позиции встречается буферный *-ј*, ср. *карлу астиј* 'открыл дверь' и др.

Согласный *н* в окончании вин. падежа встречается после аффиксов принадлежности. Ср. аз. *Сизә бүтүн Азәрбайжан халгынын саламыны жәтирмишик* (Ибраһимов 1958, 4) 'Мы вам привезли привет от всего азербайджанского народа'; туркм. *Азашан ызыны тапды* (Мәммәдов, 64) 'Заблудившийся нашел свой след (дорогу, откуда пришел)'; башк. *Йәлил саныларың майлай* (Әмири, 5) 'Джалиль намазывает лыжи'; кирг. *Кыз башын көтөрдү, жигитти көрдү* (Жусупов, 15) 'Девушка подняла голову и увидела жигита'; хак. *Таңда ікинчизин идерім* (Бурнаков, 18) 'Завтра отправлю вторую'.

Происхождение буферного *н* не совсем ясно. В кыпчакских языках он мог возникнуть под влиянием распространенного в этих языках окончания вин. падежа *-ны*. В огузских языках буферное *н* трудно поддается объяснению.

Существует еще вариант окончания вин. определенного падежа — *-ны/-ни*, распространенный в кыпчакских языках. Ср. узб. *Сарви ўн олтинчи баҳорни ўтқазмоқда* (Шарипов, 28) 'Сарви проводит шестнадцатую весну'; каз. *Ол кітапты (<кітапны) алды* 'Он взял книгу'. Показатель *-ны* встречается и в тюркских памятниках относительно позднего периода — Огузнаме: *Тоқуз күндүн соң, Оғуз қағанға айқир атні кәлдүрді* 'Через девять дней привел Огуз кагану коня' [Щербак 1959, 48]. Причина появления варианта окончания *-ны/-ни* достаточно хорошо известна. Оно возникло в результате переразложения основ личных местоимений с исходом на *-н*. В тюркском праязыке его не было.

Зональный характер носит и модель глагольных сочетаний с вин. падежом на *-ыг*, встречающихся в большинстве тюркских памятников. Ср. памятники — Кюль-Тегин: *Төрт булуңдакы будуның көп алмыс* 'Они покорили все народы, жившие по четырем углам' [Малов 1951, 36]; Тоньюкук: *Артис үгүзүг кәкә кәлтимиз. Алтун јысуғ аса кәлтимиз* 'Через реку Иртыш мы пришли. Мы пришли, пройдя через Алтунскую чернь' [Там же, 63, 68]; Золотой блеск: *Ви өтүг битиг иг оқуји түкәтир* 'Закончив (читать) эту покаянную (?) грамоту' [Там же, 156, 160] и т.д.

Существует устоявшаяся точка зрения относительно происхождения окончания *-ыг*: падеж на *-ыг* представляет древнейшую форму вин. падежа в тюркских языках. Г.И. Рамстедт отождествлял его с монгольским вин. падежом *-ыг*. [1957, 37]. По нашему мнению, окончание вин. падежа *-ы* могло возникнуть в результате отпадения конечного *-г*, которое до момента этого отпадения могло превратиться в *-к*, ср. тат. *каты* 'твердый' (<қатық<қатығ), *сары* 'желтый' (<сарық<сарығ).

Судьба конечного *-ыг* могла быть довольно сложной, ср. отражение архетипа слова *сатығ* 'продажа' в различных тюркских языках: тат. *сату*, ккалп. *сатыв*, як. *аты*:. Конечное *-ыг/-иғ* сохранилось в тувинском и хакасском языках. Однако в этих языках нет вин. падежа с окончанием *-ыг/-иғ*. По-видимому, винительный на *-ыг* в отдельных тюркских языках возник позднее.

Зависимый член — имя в дат.-напр. падеже.

Дат.-напр. падеж с показателем *-а/-я* (в интервокальной позиции). Эта модель выражает прежде всего локальную направленность действия, а также действие с косвенным объектом: аз. *Биз бурадажәмийә отуруруг* (Ибраһимов 1958, 10) 'Мы здесь садимся на пароход'; тур. *Deliklerinden aşağıya denize akıyordu* (Halikarnas, 11) 'Из всех щелей стекала вниз вода'; тюркские памятники — Тоньюкук: *Anta ötrü qayanyma ötüntüm* 'После этого я обратился с просьбой к кагану' [Малов 1951, 61]. Модель глагольных словосочетаний с дат.-напр. падежом на *-а* можно возвести к праязыковому состоянию. И исходными, очевидно, были пространственные значения.

Дат.-напр. падеж с показателем *-а*. Эта модель свойственна кыпчакским языкам. Ср. кирг. *Аны медпунктка жеткиришти* (Каимов, 138) 'Его доставили в медпункт'; тат. *Безне машиналарга утырттылар* (Дәү-

ли 1962, 11) 'Нас посадили в машины'. Распространена в тюркских памятниках — Кюль-Тегин: *ilgäru Kadırkan jышка tägi, kirü Tämür kapыа-ка tägi контурмыс* 'Вперед (т.е. на восток) вплоть до Кодырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Темиркапыга (до "Железных ворот") они расселили свой народ' [Малов 1951, 29, 36]; хорезмийские памятники XIV в.: *Ал киши бу алаулуены евгә келтурди* 'Тот человек принес этот клад домой' [Фазылов 1966, 50].

Вопрос о том, какой из двух вариантов окончаний дат.-напр. падежа возник раньше, не имеет в тюркологической литературе достаточно ясного ответа. А.М. Щербак высказал предположение, что *-а* в огузских языках восходит к *-а* [1977, 37]. Однако есть гораздо более веские аргументы в пользу того, что вариант окончания *-а* возник значительно раньше варианта *-а*.

На производный характер показателя *-а* указывают сохранившиеся даже в кыпчакских языках реликты дат.-напр. падежа, лишённого элемента *-к*. Ср. тат. *кулыма* 'моей руке', *иптәшемә* 'моему товарищу', *кызына* 'его дочери'. При склонении с притяжательными аффиксами 3-го лица после притяжательных аффиксов вставляется *-н*. Любопытно, что к нему непосредственно присоединяется вариант дат.-напр. падежа *-а*, но не *-а*. Если вариант *-ка* был первичным, то в этой позиции *-к* не могло утрачиться, так как для такой утраты не было никаких фонетических условий.

Многие окончания напр. падежей, например окончание *-ча* (ср. тув. *кем-че* 'к реке', шор. *мойунче* 'по горло', тат. *урмангача* 'по направлению к лесу', др.-тюрк. *башра* 'в голову', *оң-ра* 'вперед' и т.д.), неизменно содержат элемент *-а*, соединяемый с какими-то конкретизаторами основного значения.

Нам представляется, что В. Банг был единственным тюркологом, который напал на правильный след в попытках разрешения загадки происхождения дат.-напр. падежа на *-қа*. Он сопоставил элемент *-қ* с начальным согласным в афф. *-қы*, ср. *ташкы* 'внешний' (предположительно, падеж положения, покоя). Такой аффикс в тюркских языках действительно есть, ср. тат. *югары-гы* 'верхний', *алда-гы* 'передний', *тубән-ге* 'нижний', *өс-ке* 'верхний', туркм. *уч-кы* 'крайний, конечный', узб. *ич-ки* 'внутренний', каз. *ал-гы* 'передний', ккалп. *дуз-ги* 'находящийся в поле', ног. *иш-ки* 'внутренний' и т.д. [Bang 1917, 52].

Следует также иметь в виду еще одно важное обстоятельство. В языках наблюдается тенденция к укреплению суффиксов, состоящих только из одного звука или одного слога. Это осуществляется обычно путем соединения этих формативов с так называемыми коаффиксами. Суффиксом аблатива в финском языке когда-то был афф. *-та*, но в современном финском языке этот аффикс имеет форму *-ста*. В ненецком и финском языках мест. падеж имел когда-то суф. *-на*, но в современном ненецком языке он имеет форму *кана*, а в финском языке — форму *-сса* (<*s-na*). Коаффикс не должен обязательно совпадать по значению с основным суффиксом. Важно, чтобы он имел какое-нибудь локальное значение.

Не исключена возможность того, что и в некоторой части тюркских языков, в языках кыпчакских, также происходило соединение древнего показателя дат.-напр. падежа *-а* с коаффиксом *-қ* (откуда окончание *-қа*). В этом

нет ничего невозможного. Вариант аффикса дат.-напр. падежа *-қа*, по-видимому, уже существовал в эпоху тюркского праязыка.

Для чувашского языка характерен показатель дат.-напр. падежа *-на*. Ср. чув. *Эпир Киров хулине ситрёмёр* (Уйяп, 6) 'Мы приехали в город Киров'. Очевидно, *-н* в притяжательном склонении использован в роли буферного средства.

Зависимый член — имя в местн. падеже. Аффикс мест. падежа *-та/-да* в раннем периоде развития тюркских языков имел два значения — значение местн. падежа и значение отлож. падежа, ср. др.-тюрк. *таг-да* 'на горе' и *көз-дә йаш* 'слезы из глаз'.

Значение отлож., или исх., падежа довольно хорошо представлено в памятниках древнетюркской письменности, где показатель *-да* употребляется для выражения исходного момента действия. Ср. Кюль-Тегин: *Он ок оғлым түргіс қағанта Макрач тамғачы, Оғуз Билгә тамғачы кәлтi* 'От народа десяти стрел и от сына моего кагана тюркешского пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге' [Малов 1951, 33, 64]; Тоньюкук: *Türk budun, qanun bolmajyn, Tabıaçda adyrylty, qanlanty* 'Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач; сделался народом, имеющим своего хана' [Там же, 61, 64]; Памятник из Суджи: *Uğur jirintü Jarlaqar qan ata kältim* 'Я, Яглакар-хан-ата, пришел из уйгурской земли (или из уйгурской земли, называемой Яглакар-хан; или ...из уйгурской земли, от Ягла-кар-хана)' [Там же, 76, 77]; Кутадгубилиг (наманг.): *Taqy mändä jägräk sän aғыул аса!* 'Ты же лучше меня скажи, (тоже) выбирая (слова)' [Там же, 251, 276] и т.д.

Отдельные случаи употребления местн. падежа в значении исх. сохраняются в диалектах тюркских языков, ср. тат. (нократский говор) *анда соңра* (вм. *аннан соң*) 'после этого'.

После отделения исх. падежа на *-дан* словосочетание с падежом на *-да* стало выражать значение местонахождения. Ср. тур. *Bu da uzun yıllar Fransa-da bulunmuş* (Nesin 1962, 49) 'А он находился долгие годы во Франции'; туркм. *Олар Челекен районының Гарагөл обасында отурардылар* 'Они жили в деревне Гарагөл Челекенского района'; хак. *Апсагас тас турада чуртанча* 'Старичок живет в каменном доме' (Кербабаев, 9); чув. *Владивосток хули питех те илемлө вырәнта вырнашн* (Уйяп, 41) 'Город Владивосток расположился на очень красивом месте' и др.; тюркские памятники — енисейск.: *Алтун әліг кәшіг бәлімтә бантым* 'Пояс с пятьюдесятью золотыми пряжками я повязал на своей пояснице' [Малов 1951, 277]; Мухаббат-наме: *Кадах јаврүлди ош бустан ічіндә хуш ічгил рахні раіхан ічіндә* 'Вот кубок опрокинулся в сад; пей, наслаждаясь, вино в райском источнике' [Щербак 1959, 132, 153].

Глагольные словосочетания с именем в местн. падеже, выражающие естественные пространственные отношения, единообразны во всех тюркских языках. Они отличаются единством грамматических формальных показателей и выражаемых ими значений. Таким образом, при единстве формальных показателей и передаваемых ими значений есть основания отнести модели глагольных словосочетаний с именем существительным в местн. падеже к праязыковому состоянию. Вместе с тем можно констатировать, что в отдельных тюркских языках у этой модели глаголь-

ных словосочетаний зафиксированы производные пространственные значения. Эти значения очень многообразны, поэтому их трудно возвести к праязыковому состоянию, ср. алт. *Кинде (кийининде) бир байда дьаткан* 'После этого он жил у одного бая' [Баскаков 1958, 83].

Производными являются и значения принадлежности: алт. *Менде де үч кыс бар* 'И у меня три дочери-невесты есть' (Алтын-бизе, 27). Временные значения развились на базе пространственных. В чувашском языке местн. падеж имеет также значение твор. падежа, например: *Ухтайкин сани тарта ёсленё* 'Ухтайкин работал санитаром'.

Зависимый член — имя в исх. падеже. Эти словосочетания выражают прямые пространственные отношения, исходный момент действия. Как уже говорилось, в древности в тюркских языках не было специальной формы исх. падежа. Позднее, по-видимому, на поздней стадии тюркского праязыка, появился специальный исх. падеж с показателем *-тан/-дан*.

Существуют различные гипотезы о происхождении этого окончания. Вероятнее всего, здесь к окончанию древнего локатива-аблатива *-та* присоединилось *-н*. Это *-н* было окончанием специального дат.-напр. падежа, от которого в современных тюркских языках сохранились только скудные реликты. В казахском, киргизском и каракалпакском языках встречаются у местоимений формы дат.-напр. падежа на *-ган*: *маган* 'мне', *саган* 'тебе', *оган* 'ему', *буган* 'этому'. Совершенно очевидно, что в данном случае к форме дат.-напр. падежа на *-га* прибавлен какой-то особый падежный форматив, имевший сходное значение. В ногайском языке есть послелог *табаган* 'по направлению к чему-л.' с тем же окончанием *-ган*. В татарском языке, наряду с послелогом *таба* 'к', существует его разновидность *табан* с тем же значением. Татарскому послелогу *табан* в казахском языке соответствует послелог *таман*, совершенно одинаковый по значению, ср. каз. *батысқа таман* 'к западу', узб. *мактабга томон* 'по направлению к школе'.

Реликты дат.-напр. падежа на *-н* имеются в тофаларском языке, ср. *мен. суэ-ун чөрүмен* 'я иду к воде', *һәм-ун чөрүмен* 'я иду к реке' [Рассадин 1976, 134].

В современных тюркских языках исх. падеж выражает только одно значение — 'движение от чего-л. или из чего-л.'. Примеры: аз. *Ленинграддан чыхмайырлар* (Ибраһимов 1958, 9) 'Они не выезжают из Ленинграда'; туркм. *Өйүнден чыкты* (Гурбансәхедов, 246) 'Он вышел из дома'; узб. *Болтабой район марказидан келяпти* (Шарипов, 5) 'Болтабой приезжает из районного центра'; хак. *Ибден сыгара хонды* 'Он выбежал из дома' (разг.).

Можно предполагать, что уже в позднем периоде общетюркской эпохи существовали глагольные словосочетания с зависимым именем в исх. падеже на *-дан*, поскольку ни один из современных тюркских языков не позволяет воссоздать глагольные словосочетания с исх. падежом на *-да*. Это значит, что древний локатив-аблатив уже изменил значение в позднюю общетюркскую эпоху.

У исх. падежа развиваются различные переносные и более абстрагированные значения. Ср. кирг. *Көсөл винодон баш тартты* (Каимов, 31) 'Көсөл отказался от вина'; тув. *Ажылдан дескен, түрегге дужер, Билигден дескен чазыгга дужер* 'От работы убежишь — в беду попадешь, от знания

убежишь — в ошибку впадешь' (Тыва домак., 32); тур. *Nihat rüyadan uyanıyormuş gibi* (Sabahattin 1956, 32) 'Нихат словно очнулся от сна'; туркм. *Алахекек ез дилинден өлер* 'Всякая сорока погибает от своего языка' [ФСл. 1963, 27]; узб. *Эр-хотин ишдан қайтишди* (Шарипов, 10) 'Муж и жена возвращались с работы' и т.д.

Развитие абстрагированных значений сопровождается выработкой определенной формульности в управлении. Так, например, глагол 'целовать' в тюркских языках управляет исх. падежом. Ср. аз. *Ушағын алныннан өндү* (Ибраһимов 1958, 144) 'Он целовал ребенка в лоб'; тур. *уapaklarından öptü* (Sabahattin 1956, 81) 'Он целовал (ее) в щеки'; узб. *Болтабой ... унинг ҳам юзларидан, кўзларидан ўнди* (Шарипов, 9) 'Болтабой ... поцеловал ее в лицо и глаза'.

Исх. падежом управляют в тюркских языках и глаголы, связанные с понятием 'бояться, остерегаться чего-, кого-либо': каз. *Автомобильден сақтан!* 'Берегись автомобиля' [РКСл. 1954, 43]; кирг. *Каарман эч нерседен қорқпойт* (Кангельдиев и др., 208) 'Храбрый ничего не боится'; тув. *Ооржу кижі коданчы ыттан коргар, Тоолчу кижі уйгужу эштен коргар* 'Вор боится злой собаки, Сказочник — сонливых людей' (Тыва домак., 38); туркм. *Уйреген итден горкма сессиз итден горк* 'Не бойся собаки брехливой, а бойся собаки молчаливой' [ФСл. 1963, 81] и т.д. Это значение, по-видимому, очень древнее, так как оно связано с аналитическими представлениями древнего человека. 'Бояться' первоначально означало 'бояться злых духов, находящихся внутри врага, зверя' и т.д. Глагол 'бояться' управляет исх. падежом или конструкцией с предлогами 'из', 'от' во многих языках мира.

Глаголы, связанные с понятиями говорить о чем-л., думать о чем-л., узнавать о чем-л., спрашивать о чем-л. у кого-л. и т.д., также управляют исх. падежом: аз. *Дөйүшчүләр өз ишләриндән; арзу, истәк вә вәзифәләриндән данышырлар* (Ибраһимов 1957, 5) 'Бойцы разговаривают о своих делах, намерениях, желаниях, обязанностях'; каз. *Енді ханнан сөйлөйік* (КЕ, 64) 'Теперь поговорим о хане'; туркм. *Илки эжесинден сорады* (Гурбансәхедов, 230) 'Прежде всего он спросил у своей матери'; узб. *Мен сиздан сўрамоқчи эдим* (Муҳтор, 14) 'Я хотел у Вас спросить' и т.д.

Исх. падежом могут управлять и глаголы при неконкретном объекте, представляющем собою неопределенную часть целого. Ср. тув. *шайдан кут* 'налей чаю', *хлебтен бер* 'дай хлеба' [ТРСл. 1955, 644]. В этих случаях исх. падеж имеет значение партитива.

Глаголы движения нередко управляют исх. падежом, когда он приобретает значение пролатива, указывающего на место, по которому что-либо движется. Ср. узб. *кўчадан кириб келди* 'проходил по улице'; чув. *Эпир Байкал хёринче ларакан Слюдянка Танхой станцисенчен иртегёп* (Уйяп, 14) 'Мы проезжаем расположенные по берегу Байкала станции Слюдянка и Танхой'; Родословная туркмен: *Ушол јолдын барыб* 'Пройдя той дорогой' [Кононов 1958, 133].

Зависимый член — имя в форме партитива. Эти сочетания характерны для якутского языка. Ср. *Маста хыйт* 'Наколи дров'; *Уута баһын* 'Натаскайте воды'; *Көмөлөһөр кийитэ булун* 'Найди себе человека в помощь'; *Отто агала түпүөх хаалла* 'Надо было привести немного сена' [ГСЯЛЯ 1982, 134].

Глагольные словосочетания с именем в форме партитива — относительно поздние образования, поскольку в тюркском праязыке партитива не было. Подобные словосочетания отмечены также в тофаларском языке [Рассадин 1978, 32]. Партитив в якутском и тофаларском языках развился на базе древнего отложительно-местн. падежа.

Глагольные словосочетания с исчезнувшими в современных языках падежами.

Зависимый член — имя в форме инструментива (instrumentalis) на -ын. Эта модель была распространена в памятниках древнетюркской письменности. Ср. уйгурский памятник манихейского содержания V в.: *Birimçi biz tudunçsuz ovutsuz soq jāk üçün saqynçyn söz in qylyñçyn, j(ä)mä köz in körüp qolqaqyn äsidip tilin söz läp älgin sunup adaqyn jaryp, ürkä üz üksüz ämgätir biz* 'Мы без удержу и без стыда ради жадных демонов мыслью, словами, поступками, еще: увидев глазами, услышав ушами, беседуя языком, щупая руками, ходя ногами, издавна и непрерывно мы утруждаем' [Малов 1951, 119—120, 124—125]; Кутадгу билиг (наманганск.): *Tilägin, nä ärsä, tilin, aï özün!* 'Все, что ты желаешь, выскажи ты сам, своим языком!' [Там же, 251, 276]; Золотой блеск: *Ол öдүн бу үч тигин lap öз öз көңүллär intäki sakынмыш сав ларын cözläшин, öтрү öрү туруп ол арык ичintä такы ичкärү кiptilär* 'В это время три царевича, побеседовав этими прочувственными в своем сердце словами, затем встали (со своих мест) и снова пошли внутрь бассейна того ручья' [Там же, 174, 180]; Гадательная книжка: *Altun qonç saqytyn qylyçyn käsipän, özüm jol(jul) intin başymyn jol äbintin* 'Когда золотое мое чрево порезали мечом, мое тело (лежало) снаружи у дороги' [Там же, 80, 86]; Срендеазиатский тefsир: *imlädi анлар таба кашин közin* 'подавал ему знаки бровями и глазами' [Боровков 1963, 206]; юридические документы уйгуров X—XIII вв.: *Män Bintun, adañ-nuñ äv-intin ünär-tä is-in kücin бүтүрү umadyn, ünmis ärmäz* 'Когда я, Бинтунг, хотел выйти из родительского дома, то не мог справиться с (возлагаемой на меня) работой и не вышел' [Малов 1951, 202—203].

Модель глагольных словосочетаний с именем в инструментиве на -ын не встречается в современных тюркских языках. Можно говорить лишь об отдельных реликтах этого падежа. Реликтами инструментива являются образования типа тур. *kışın* 'зимой', *uzun* 'летом', ккалп. *гузин* 'осенью', шор. *кун-ун* 'днем', як. *сайын* 'летом', каз. *жасырын* 'тайком' и т.д.

Остатки инструментива сохранились в некоторых образованиях современного чувашского языка. Ср. *Аллән пар та уран ут* (посл.) 'Руками отдай, а ходи ногами'; *кусән кур* 'своими глазами видеть, воочию видеть'; *тыррән ил, уксан түле* 'хлебом бери и плати деньгами' [МГЧЯ 1957, 27]. Остатки древнего инструментива В.В. Радлов усматривает в якутском показателе совмest. падежа -лыын, возникшего якобы из древнего инструм. падежа прилагательных на -лык/-лых с приращением афф. -ын (*агалыын* <ага + лыг + ын [Харитонов 1947, 113]).

Древний инструментив в тюркских языках исчез. Не исключена возможность, что материалом для создания формы род. падежа служила форма инструментива на -ын/-ин. Такое использование может показаться на первый взгляд совершенно невероятным. На самом деле у значения принадлежности и значения совместности есть точки соприкосновения. Владение чем-либо предполагает определенную близость предмета и его обладателя.

Выражение 'У девушки есть кошка' в валлийском языке может быть выражено фразой 'Имеется кошка с девушкой'. Показатель род. падежа в марийском языке формально совпадает с показателем древнего комитатива, ср. мар. *ял-ын* 'деревни' и *йол-ын* 'пешком' (букв. 'ногами').

Использование в тюркских языках формы инструментива, или орудийного падежа, на -ын в роли род. падежа является, по-видимому, главной причиной его исчезновения. Что касается конечного -н, препятствующего отождествлению аффикса род. падежа -ын/-ин с аффиксом инструментива -ын/-ин, то он мог возникнуть нефонетическим путем.

Зависимый член — имя в напр. падеже на -ча. Данная модель довольно раннего происхождения и может быть отнесена к праязыковому состоянию. Она зарегистрирована в памятниках древнетюркской письменности. Ср. Золотой блеск: *ol balyq qaryuça kigürüp, bir bök içinä ildip* (чит. *iltip*) *taçdyn juñaq üzläntürdi lär* 'Подведя меня к воротам того города и доставя внутрь темницы, меня заставили подняться куда-то к горновой стороне' [Малов 1951, 156, 159]. Ранние памятники тюркской письменности свидетельствуют также о том, что напр. падеж на -ча, помимо терминативного значения, имел также пролативное значение (движение по чему-либо). Ср. уйгурский памятник XIII в.: *antyn öñi jolça jorutdy ol moçoç-laryu* 'Он проводил этих магов, проведя их другой дорогой' [Там же, 136, 137].

В татарском, башкирском, узбекском и уйгурском языках имеются крайне скудные остатки напр. падежа на -ча. Ср. тат. *үлгәнчә яратам* 'люблю до смерти'.

Иногда афф. -ча выступает в соединении с афф. -аа. Ср. тат. *Стенагача сузу* 'Дотянуть до стены' [Закиев 1963, 126]; узб. *Қуюқ зиёфатдан кейин бошланган ўйин-кулги, ҳангама қоқ ярим кечагача давом етди* (Шарипов, 7) 'После обильного угощения начавшееся веселье, беседы продолжались (длительно) до полуночи; уйг. *Баралмайман, балунуп өй тутмигача — дәп бешини чайқиди Гульсум* (Техтемов, 7) 'Я не могу ехать, пока он не поделился и не обзавелся хозяйством, — сказала Гульсум и покачала головой'; *Қудрәт сәһәрдин та һазиргичә буғдай ориди* (Босақов, 10) 'Кудрет с утра до настоящего момента жал пшеницу'.

Сложный афф. -гача встречается в памятниках древнетюркской письменности. Ср. Родословная туркмен: *Ол вактдын та бу күнҗача* 'С того времени и по сей день' [Кононов 1958, 132].

Старое пролативное значение афф. -ча сохранилось в современных тюркских языках в послелогое, означающем 'по'. Ср. тат. *урман буйынча* 'по лесу'.

Афф. -ча как показатель дат.-напр. падежа сохранился в тувинском, хакасском и шорском языках. Ср. тув. *Ол дуңмазынче көрген* 'Он смотрел на своего младшего брата' (разг.), *кемче* 'к реке', *хөлче* 'к озеру', *хорайже* 'в город', *ыйаише* 'на дерево'; хакас. *Ол көзенегеске көгисче кёрдём* 'Я в окошечко по грудь залез' [ХРСл. 1953, 647]; шор. *Қойлар чолча нарчалар* 'Овцы идут по дороге (вдоль дороги)' [Дыренкова 1942, 64]; хакас. *тайгача* 'по тайге' и т.д.

Падеж на -ча, по-видимому, был довольно широко распространен в общетюркскую эпоху, о чем свидетельствуют его реликты во всех группах современных тюркских языков. Первоначально он имел направительное значение, которое в настоящее время сохранилось в чистом виде только в

тувинском и отчасти хакасском языках. Наряду с направительным значением этот падеж имел также и терминативное значение, выражая движение до какого-нибудь предела. Ср. хак. *kögisce* 'по грудь', тат. *үлгәнчә* 'до смерти' и т.п.

Глагольные словосочетания с дат.-напр. на *-ча* для современных языков не характерны.

Словосочетания с эквативом на *-ча*. В тюркском праязыке существовал особый падеж — экватив, выражающий сравнение. Этот падеж имел афф. *-ча*. Ср. Кюль-Тегин: *каның субча жүгүрті сөңкүң таңча јатды* 'Твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (т.е. нагромодились там), как горы' [Малов 1951, 31, 39]; Памятник из Суджи: *оуланым әрдә марымунча бол* 'Мой сын! По доблести (?) будь как мой учитель!' [Там же, 77].

Сравнительное значение показателя *-ча* сохранилось в целом ряде образований (преимущественно наречных) и в современных тюркских языках: тат. *Мин хәзер хатынқызларны яңача сөям* 'Я сейчас женщин люблю по-новому' (разг.); туркм. *онларча километре яйраарды* (Кербабаяев, 5) 'простирались на десятки километров'.

Многие тюркологи отождествляют экватив (по происхождению) с направительным на *-ча* [Шербак 1977, 61]. По-видимому, такое допущение неверно. Скорее всего, здесь два омонимичных аффикса разного происхождения. Древний напр. падеж на *-ча* выражал только направление. Афф. *-ча*, употребляемый при сравнении (ср. др.-тюрк. *јуз-чә* 'около ста', *таңча* 'как гора'), имеет совсем другое происхождение. Генетически он связан с аффиксом прилагательных, обозначающих ослабленное качество типа аз. *узун-ча* 'длинноватый', кирг. *ақча* 'беловатый'. Значение сравнения как неполного уподобления могло развиваться на базе значения ослабленного качества.

Словосочетания с дат.-напр. падежом на *-ару/-гару*. Этот падеж зафиксирован в ранних памятниках тюркских языков. Ср. Кюль-Тегин: *Мағы* (или *Амғы*) *Курған* (*к*)*ышлап јазыңа оғузғару сү ташыкдымыз* 'Перезимовав в укреплении Магы (или Амгы), весною мы вышли с войском против огузов' [Малов 1951, 33, 42]; Памятник в честь Тоньюкука: *Аңча өгләсмис өңрә Түрк қағанғару сүләлим тимис* 'Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана' [Там же, 62, 67]; Гадательная книжка: *Бәг әр јонтуғару бармуғ* 'Князь пошел к своему табуноу коней' [Там же, 80, 86].

Падеж на *-ару/-гару* является вторичным образованием от *-ру*. Последний также зафиксирован в ранних памятниках тюркских языков. Ср. *уірәк + рә* *ur* [Gabain 1950, 67] 'стреляй прямо в сердце', *әбирму* '(по направлению) к моему дому' [Рамстедт 1957, 44]. Реликты афф. *-ру* сохранились в ряде языков в наречных образованиях. Ср. тур. *іçeri* 'внутри', *dışarı* 'наружу', *ileri* 'вперед'. Следует заметить, что *-ру* представляет, так же как и *-ры*, аблаутный вариант афф. *-ра*.

В уйгурском языке и в ранних памятниках этот показатель сохранился в формах дат.-напр. падежа личных местоимений. Ср. уйг. *аңар* 'ему'; *тиңар* 'этому'; Махмуд Кашгарский: *بک انکار ات بیری* (МК I, 35) 'Бей дал ему яд'; Средне-азиатский тефсир: *Ол малің ушрін аңар бәрсуң* 'Десятину с того имущества пусть дают ему' [Боровков 1963, 220].

Этимологически афф. *-ару/-гару*, видимо, слагается из двух контамини-

ровавшихся элементов *-а/-га* и *-ру*. Падеж на *-ра/-ру/-ри* является древним направительным падежом, сфера употребления которого сильно сократилась еще в период общетюркской общности. В современных языках от него сохранились только очень скудные реликты: *bäri* 'сюда' (<*bän* 'я'), *aru* 'туда' (<*an* 'тот', что'), уйг. *kirü* (<*kärü*) 'обратно, в обратном направлении; прочь', як. *kiär* (то же); алт., тел. *jary, jar* 'к, по направлению к' (<*jan* 'сторона').

Словосочетания с комитативом на *-лыг*. Афф. *-лыг*, по-видимому, очень рано, еще в эпоху тюркского праязыка, был использован как аффикс относительных прилагательных. Поэтому в тюркских языках глагольные словосочетания этого типа не сохранились.

Сочетания с именем, послелогоми и служебными словами. В тюркских языках широко распространены глагольные словосочетания, в которых послелогом конкретизируют значение дат.-напр. падежа.

В памятниках древнетюркской письменности была распространена модель глагольных словосочетаний с именем в дат.-напр. падеже на *-а/-қа +* + послелог *тәгі*. Ср. Кюль-Тегин: *илғарү Кадыркан јышқа тәгі, kirü Тәмир капыққа тәгі контурмыс* 'Вперед (т.е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Темир-Капыга (до Железных ворот) они расселили (свой народ)' [Малов 1951, 29, 36]; Среднеазиатский тефсир: *Ол вақтға мәкі һеч өлүг суу үзә јоқару кәлмәс әрди* 'До того времени никогда труп не появлялся на поверхности воды' [Боровков 1963, 245]; Мухаббет наме: *Күјаматка тәгі калсун атң дәб сәнің танқуңда болдум айһамән* 'Чтобы до судного дня сохранилось твое имя при тебе, я стал твоим сподвижником' [Шербак 1959, 148, 165].

Сочетания с именем в дат. падеже + послелог (*доғру, чейин, кадәр, тапандау, қарап, тарап* 'к'). Ср. аз. *Мәни буруға доғру апарыр* (Аз. гадыны) 'Он меня ведет к скважине'; *Тегран дузунун үстүндә учур* (Ибраһимов 1958, 24) 'Летит над тегеранской равниной'; кирг. *Прагага чейин бардым* (Жусупов, 36) 'Я дошел до Праги'; гаг. *Файтон девирламиш куйу ичиндә* (Карачобан, 13) 'Файтон перевернулся (опрокинулся) в яму' и т.д.

Можно предполагать, что в общетюркскую эпоху послеложных конструкций было значительно меньше. Некоторые послелогом, возникшие на базе таких слов, как *алт* 'низ', *үст* 'верх', *ич* 'внутренность', *ара* 'промежуток', *ян* 'сторона' и т.д., можно отнести к общетюркской эпохе. Если существовали послелогом, то существовали и послеложные конструкции. Вместе с тем много послелогом возникло уже в период изолированной жизни отдельных тюркских языков.

В тюркских языках существует значительное количество глагольных сочетаний с наречиями, имеющими формальные показатели. Однако изучение истории этих сочетаний связано с большими затруднениями, так как морфологические показатели наречий различных тюркских языков чаще всего не совпадают между собой.

ГЛАВА II ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Простое предложение в языках любого типологического строя — агглютинативных, флективных, аналитических — представляет собой неотъемлемый синтез двух ведущих составных величин: подлежащего и сказуемого, или субъекта и предиката. В тюркских языках субъект и предикат могут быть представлены в одном члене предложения (ср. *алдым 'я взял'*), причем наличие предиката в предложении является обязательным. Предикативность является основным грамматическим условием для предложения.

Сравнительно-исторический анализ структуры простого предложения в тюркских языках ставит своей задачей не только выявление его древнейших типов и их отнесение к тюркской языковой общности, но и прослеживание тенденции его исторического движения, развития в ретроспективном плане. Поэтому, естественно, основным объектом сравнительно-исторического анализа являются те звенья простого предложения, которые обнаруживают известную подвижность своего развития. С точки зрения анализа строевых элементов простого предложения наименьший интерес для сравнительно-исторической грамматики представляют способы выражения подлежащего, которые должны по праву интересовать описательную грамматику. Область подлежащего оказалась исторически относительно устойчивой. Подлежащее во всех тюркских языках во все исторические периоды выражалось почти всеми разрядами имен, местоимений, а также другими частями речи в случае их субстантивации.

Совсем иную картину дает область сказуемого. Здесь, как будет показано ниже, наблюдаются исторические изменения за счет и развивающихся глагольных времен, и связочных средств. Грамматическое выражение сказуемого определяет тип предложения — именной или глагольной. Соотношение этих двух типов имеет очень важное значение для грамматики тюркских языков. Не случайно, что проблема генезиса структуры предложения многими исследователями-тюркологами неразрывно связывалась с природой сказуемого. Ср. теории происхождения и развития структуры тюркского предложения, а тем самым и сказуемого.

Выявлению древнейших типов простого предложения в какой-то мере поможет предлагаемая классификация типов простого предложения в зависимости от способов грамматического выражения сказуемого-предиката.

ИМЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Вряд ли можно сомневаться в том, что в тюркском языке уже существовало именное предложение, т.е. предложение, содержащее в своем предикате имя. Такое предположение подтверждается прежде всего памятниками древнетюркской письменности, где именное предложение выступает как уже вполне сформировавшееся явление.

Именное предложение как объект сравнительно-исторической грамматики представляет интерес в плане проблемы существования связки. Современное состояние тюркских языков обнаруживает значительное разнообразие связочных средств, а в ряде случаев и их отсутствие. Возникает очень интересная историческая проблема: было ли это разнообразие способов выражения связи изначальным, или в тюркском языке существовал какой-то более однообразный способ ее выражения, и существующий в настоящее время разнотип представляет вторичное явление. В связи с этим нам представляется необходимым рассмотреть, какие типы связки существуют в современных тюркских языках.

В ряде современных тюркских языков именное сказуемое любого грамматического разряда может не иметь личного оформления: алт. *Мен алтай кижй 'Я алтаец'*; *Слер алтай улус 'Вы алтайцы'* [Дыренкова 1940₁, 237]. В башкирском языке, по наблюдениям Н.К. Дмитриева, аффикс 3-го лица почти всегда пропускается. По аналогии с 3-м лицом аффиксы сказуемости могут отсутствовать и в двух других лицах. В живой речи, как указывал Н.К. Дмитриев, этими аффиксами почти не пользуются. Лицо и число выражаются личным местоимением субъекта, постановка которого в данном случае обязательна. Ср. *Мин язгысы 'Я писатель'*; *хин укысы 'Ты ученик'* [Дмитриев 1948, 53]. Таким образом, в современном башкирском языке, отмечает Н.К. Дмитриев, наблюдается тенденция передачи предикативных отношений чисто синтаксическим способом — сочетанием подлежащего и сказуемого, как, например, в русском языке. Однако, судя по данным фольклора, можно предполагать, что в более старом башкирском языке употребление аффиксов сказуемости было нормативным [Там же, 53, 54].

Во многих тюркских языках аффикса сказуемости нет во всех трех лицах: кар. *Мен тувюл кыз 'Я не девочка'*; *Сон айтырлар, ки биз карачылар 'Потом скажут, что мы разбойники'*; кар. т. *Билмядим ки, сен бунди шерец. — А сен перец 'Я не знал, что ты такой жулик. — А ты перец'* [Мусаев 1964, 129]; туркм. *Бу мен, бу мен* [Курбанов и др. 1964, 21] 'Это я, это я'; *Хер кимиң өз дерди өзуне ажы 'Всякому своя обида горька'* [ФСл. 1963, 27]; уйг. (хамийск.) *Атлар (ы) урок, јоллары узак 'Лошади слабы, а дороги длинны'* [Малов 1954, 16, 27]; наречия Синьцзяна: *јарның мен кайндери 'Я слуга у моей любимой'* [Малов 1961, 36]; *Ўзе немә дисе, үзе пул 'Если спросишь, что это? Это — деньги'* [Малов 1961, 27]; *Сен такы гүдек бала өкән 'Ты, оказывается, еще младенец'* [Там же]; чув. *Чѣлхепе эфир пыл та су, кәмәл па пәр та чул 'Наша речь — мед да масло; а нутро — лед да камень'* [МГЧЯ 1957, 126].

Во всех языках может отсутствовать оформление 3-го лица именного сказуемого. В ряде языков аффикс сказуемости 3-го лица опускается независимо от стиля речи. Ср. каз. *Оның ойлауы тым академиялық 'Его*

рассуждения слишком академичны' [РКСл. 1954, 19]; кирг. *Кенен дуйнөдө жаз* (Жусупов, 14) 'В просторной вселенной лето'; ног. *Онынъ литературный стажы коьтере де аз* (Ленин йолы) 'Его литературный стаж совсем небольшой (маленький)'; тув. *А.С. Пушкин – улуг орус чогаалчы* 'А.С. Пушкин – великий русский писатель' [ТРСл. 1955, 715]; хак. *Пу хорымнарда албыга ас* 'В этих россыпях (камней) мало соболей' [ХРСл. 1953, 475]; чув. *Кёпер вёрәм, кёпер вёрәм, Эп туясәр каçирас сук, Ёмёр вёрәм, пусъм самрәк, Эп юлташсәр пурнияс сук* 'Длинен мост, длинен мост, Без палки не перейти мне. Долог век, сама я молода. Без мужа не прожить' [МГЧЯ 1957, 186]; як. *Кини саха* 'Он якут'; *Оҕо кыра* 'Ребенок мал' [Харитонов 1947, 92].

Отсутствие личного оформления в 3-м лице возможно у именного сказуемого в падежном оформлении или в сопровождении служебных слов. Ср. кирг. *Жыпар быыйл он секиз жаштын кырында* (Жунусов, 6) 'Жыпар в этом году только что достигла восемнадцати лет'; тат. *Безнең полк окопта* (Юлтый, 93) 'Наш полк в окопах'; тув. *Бо ном башкының* 'Эта книга учителя' [ТРСл. 1955, 124]; туркм. *Тәзе йылың босагасында* (Гурбансахедов, 243) 'На пороге нового года' и т.п.

Отсутствие личного оформления у именного сказуемого зафиксировано уже в ранних памятниках тюркских языков. Ср. Тоньюкук: *Türk bilgä qağan ilnä bititdim bän bilgä Toñuquq* 'Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать (это) для народа тюркского Бильгя-кагана' [Малов 1951, 64, 70]; Кутадгу билиг: *توگال قدرتليغ بادشاه اغراق اري* 'Он всемогущий царь' [Там же, 231]; Махмуд Кашгарский: *تغراق ييمي اينك اغلاق* 'Житель огракский энергичен. Пища его баранина' [Там же, 309, 312].

Трудно сказать, чем вызвана эта закономерная тенденция разрушать сказуемое личное окончание в 3-м лице – возможным ли влиянием иноязычной среды (гагаузский, караимский, татарский, чувашский) или какими-либо другими причинами. Однако в некоторых тюркских языках, например азербайджанском, опущение аффиксов сказуемости, имеющее место в разговорной речи, является жанрово-стилистическим средством, а не грамматической нормой языка: *Сән ага, мән ага, инәкләри ким сага* [АГ 1959, 101] 'Ты господин, я господин, а кому коров подоить'.

Употребление аффиксов сказуемости в 3-м лице ед. числа нередко вызвано стилистическими требованиями. Сказуемое в таких случаях передает разнообразные оттенки – недостоверность действия, неуверенность говорящего в своих словах, смысловую важность высказывания и другие модальные оттенки. Ср. туркм. *Бу гавун ширин* 'Эта дыня сладкая (безусловно)' но: *Бу гавун шириндир* 'Эта дыня (пожалуй) сладкая' [Поцелуевский 1943, 157].

Стилистические случаи употребления афф. -дыр в определенном жанре языка лишней раз свидетельствуют о его неустойчивости. Ср. кумыкский язык, в котором наглядно употребление двух типов образований: *о ишчидир* и *о ишчи* 'он рабочий'. Тенденция утраты оформления 3-го лица в известной мере объясняется тем, что 3-е лицо вообще не имело особого аффикса сказуемости.

Имя + личные аффиксы 1-й категории. Аффиксы сказуемости генетически восходят к личным местоимениям. В тюркских язы-

ках они нередко используются в роли глагола-связки. Ср. кум. *Мен ерли партия кзурумну вакилимен. Сен халкъ сайлаган ёлбашчысан* (Ягьяев 140) 'Я представитель местной партийной организации. Ты выбранный народом руководитель'.

В чувашском языке нет аффиксов сказуемости, они смешаны с аффиксами 2-й категории (т.е. принадлежности). В якутском языке в 1-м и 2-м лицах мн. числа форма сказуемости совпадает с формой принадлежности. Эти формы различаются лишь в контексте. Ср. *Биһиги оҕолорбут кэллилэр* 'Наши дети пришли' (принадл.) и *Биһиги кыры оҕолорбут* 'Мы маленькие дети' (сказуем.) [Харитонов 1947, 93].

Личные местоимения 1 и 2-го лица в качестве аффиксов сказуемости зарегистрированы во всех тюркских памятниках. Ср. Кюль-Тегин: *Отүкән җыш олурсар бәҗәү ил тута олуртачы сән, түрк будун, ток. Арык ок сән, ачык, тосык, тосык өмәз сән; бир тодсар, ачык өмәзсән* 'Когда ты останешься в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созидавая свой вечный племенной союз, и ты, тюркский народ, сыт, когда же ты тощ и голоден, (но тем не менее) ты не понимаешь (состояния) сытости (т.е. истинных причин сытости), и, раз насытившись, ты не понимаешь состояния голода' [Малов 1951, 28, 35]; Среднеазиатский тефсир: *Мән бир јаңлуқ мән* 'Я есмь некое существо' [Боровков 1963, 221].

В отношении 3-го лица также существовала тенденция использовать в качестве аффикса сказуемости личное местоимение – тенденция, так последовательно реализованная в отношении первых двух лиц. Следы этого процесса сохранились в памятниках древнетюркских языков, а также в отдельных современных тюркских языках. Ср. башкирский язык, в котором в роли аффикса сказуемости 3-го лица при именах весьма часто употребляется личное местоимение *ул* 'он': *Хасан язгысы ул* 'Хасан – писатель' (букв. 'Хасан – писатель он'). Характерно, что в этом случае *ул* осознается как отдельное слово, а не аффикс; внешне это выражается в том, что слово *ул* сохраняет стабильность звукового состава, т.е. не подчиняется сингармонизму. Это же явление наблюдается и в татарском языке: *Дересен айткәндә, халык зур ул, көчле ул, дәртле ул, моңлы ул, әдип ул, шагырь ул* 'Говоря правду, народ велик, силен, бодр, певуч, ученый, поэт' [Закиев 1963, 30].

Следы прежнего употребления местоимения 3-го лица *ол* сохраняются чаще в случаях эффузии: алт. *Кандый аайлу маатыр ол – көрүп, шиннеп келдер!* 'Что это за богатырь – съездите и посмотрите, разузнайте!' (Алтынбизе, 40); тат. *Яңалиф шәрктә революция – ул* 'Новый алфавит – революция на Востоке'. В тувинском языке также можно встретить местоимение 3-го лица в качестве аффикса сказуемости: *Ол өөреникчи ол* 'Он ученик'; *Ол ажылдап тур ол* 'Он работает'; *Мал хавуда чор ол* [Исхаков, Пальмбах 1961, 223] 'Скот пасется на пастбище'.

Памятники – Тоньюкук: *Türk budun jätä bulğanç (ol,-timis), oçuzu jätä tarqanç ol,-timis* 'А тюркский народ (находится) в смятении, огузы же его, сказал он, находятся в рассеянии' [Малов 1951, 62, 67]; Кутадгу билик (наманганск.): *tilägin nä ol?* 'каковы у тебя желания (просьбы)?' [Там же 252, 276]; хорезмийские памятники XIV в.: *айықлық вақтында сөз тәндүруст ол* 'В трезвом состоянии слова полезны' [Фазылсов 1966, 38] и т.д.

Последовательное употребление личных местоимений в предикативной

роли, их зависимое положение по закону тюркского агглютинативного строя речи привело к дальнейшему их развитию, подчинению закону гармонии гласных, т.е. превращению в аффиксы, фонетическая вариантность которых зависела от состава гласных слова, к которому они присоединялись: гаг. *Сән күчүксүн, не йапажан орда?* (Буджактан, 113) 'Ты маленький, что там будешь делать?'; ног. *Болаяк-болмаяк совзлерге аз тынъ-ламага керексинъ* (Кень йоллар, 19) 'Ты должен меньше прислушиваться к пустяковым словам' и т.д.

Аффикс сказуемости 2-го лица мн. числа получил дальнейшее развитие, приобретая в ряде тюркских языков форму *-сыныз/-сыгыз*, где *-ыз* — показатель множественности. Ср. гаг. *Ииликчи адамсын сән Иванчу, ииликчи сенин гелинин дә, хализ адамсыныз* (Буджактан, 113) 'Хороший ты человек, Иванчу, и хорошая твоя невеста, вы настоящие люди'.

В карачаево-балкарском языке наблюдается фонетическая трансформация личных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа, выступающих в роли связки, — *ма/-ме, са/-се*: *Мен учителме* [Дмитриев 1962, 379] 'Я учитель'.

Особо выделяется модель именного сказуемого с аффиксами 1-го лица *-ым/-им, -ум/-ум, -ам/-ам*. Данный тип аффикса в его узком варианте обнаруживает совпадение с аффиксами принадлежности. Этимологическая общность аффиксов 1 и 2-й категорий, их связь с личными местоимениями отмечались в тюркологической литературе. Во всяком случае, этот тип аффикса сказуемости указывает на контаминацию в пределах одной парадигмы аффиксов сказуемости и принадлежности. Ср. аз. *Мән колхозчуям* 'Я колхозник' (но *Сән колхозчусан* 'Ты колхозник'). Совпадение аффиксов сказуемости и принадлежности в 1 и 2-м лицах мн. числа наблюдается и в якутском языке. Ср. *Биһиги оҕолорбут каллилэр* 'Наши дети пришли' (принадл.) и *Биһиги кыра оҕолорбут* 'Мы маленькие дети' (сказуем.).

Применительно к 3-му лицу именного сказуемого в большинстве тюркских языков употребляется аффикс сказуемости *-дыр/-ды*, который этимологически восходит к глаголу *турмақ* 'стоять'. Такой же переход значения 'стоять' → 'быть' наблюдается в ряде языков других систем. Ср. фр. *être* 'быть', восходящее к лат. *stare* 'стоять'. Это второй тип выражения сказуемости в тюркских языках: аз. *Июл айынын сонларыдыр* (Ибрагимов 1958, 9) 'Был конец июля'; гаг. *Фольклор чок лазымлы иштир* (Буджактан, 5) 'Фольклор — очень нужное дело'.

Из ранних памятников тюркских языков *-дыр* довольно часто встречается в памятнике Codex Cumanicus: *Menim xallal hatunymdyr* [Grönbech 1942, 99] 'Она моя законная жена'; документы на половецком языке XVI в.: *Keldi orus lavrin jurko vojft alyna da ketxojalar alyna da ajt (r) i ki bilar borclu dur manga 4 sm da hali hasta dyr jebber biliking da sor* 'Перед войтом Юрко и старшинами предстал русский Лаврин и сказал (что): Господа судьи, должен мне (Марех) 4 руб., но он сейчас больной' (ДП, 129, 289).

В памятниках тюркских языков сохранилась более полная форма афф. *-дур/-тур* — форма аориста *-турур*. Ср. ст. -узб. *Ташви бәйхатдурур* 'Мучения безграничны' [Щербак 1962, 202]; Золотой блеск: *Обулум жаңы болмыста дегүнчүм савинчим аз әрті кининдә оғулуғ жігүрдүктә, пусусы әмгәкі укүс турур* 'При зачатии моего сына радости и довольства у меня

было мало, а впоследствии, при утрате сына, горя и печали о нем обнаруживается много' [Малов 1951, 178, 185].

Наблюдается тенденция превращения афф. *-дыр* в связку и его участие во всех других лицах, т.е. здесь происходит выравнивание всей парадигмы по аналогии. Ср. туркм. *мен студентдирин* 'я студент', *сен студентдирсиң*, 'ты студент', *ол студентдир* 'он студент', *биз студентдирис* 'мы студенты', *сиз студентдирисиңиз* 'вы студенты', *олар студентдирлер* 'они студенты'; *Шу ериң дүй эси мен-д(у)р(у)н* 'Настоящий хозяин этого ущелья — я' (Туркм. сказки 71, 119).

В языке желтых уйгуров (сарыг-уйгуров) имеется фонетический вариант *-тро/-дро* (<туру<турур), который также обобщается и прослеживается в предикативном употреблении по всем лицам: *Мен малтшы (дро)* 'Я пастух' [Тенишев, Тодаева 1966, 18.]; *Сен оғул-тро* 'Ты (есть) сын' [Малов 1957, 189].

Участие показателя *-дыр* как связки в других лицах наблюдается и в памятниках тюркских языков: ст. -узб. *Итиңдурман* 'Я твоя собака'; *җабра'йл айтти җабра'йлтурман* 'Джабраил сказал: Я Джабраил'; *Көңүм күјәдурур* 'Мое сердце сгорает' [Щербак 1962, 202]; Среднеазиатский тефсир: *ја'ни іса ајтди' растанмиш турурман ол кітабда мәндің илгәру ібаріб турурди* 'т.е. Иса сказал: я направлен для подтверждения того, что в той книге было ниспослано до меня' [Боровков 1963, 254]; хорезмийские памятники XIV в.: *Мән Жабра'йл турур мән* 'Я Джабраил' [Фазылов 1966, 62] и др.

Как показывает вышеприведенный материал, категория сказуемости в плане наст. времени имеет довольно разнообразные способы своего выражения как в современных тюркских языках, так и в памятниках. Категория сказуемости в сфере прош. времени отличается большим единообразием. Во всех современных тюркских языках единым способом выражения категории сказуемости в сфере прош. времени является *недостаточный глагол а/-у-*, принимающий личные аффиксы 2-й категории и (принадлежности): аз. *Бир мәртәбәли даш эвин пәңцәрәләри тайбатай ачығ йди* (Мехди 1953, 79) 'Окна одноэтажного каменного дома были настезь раскрыты'; каз. *Органышы ұлдарының бірі еді* (Сейфуллин, 119) 'Он был одним из его средних сыновей'; тат. *Карт миңа килгәндә бәтенләй ябық иде* (Кутуй, 67) 'Когда старик пришел ко мне, он был совсем тощий'; як. *Былырыын ағам председателъ этэ* 'В прошлом году отец мой был председателем' [Харитонов 1947, 219].

Наблюдается тенденция перехода недостаточного глагола *эди* в аффиксальный показатель сказуемости в прош. времени. Следы этого перехода можно заметить в тех случаях, когда *эди* меняет свой фонетический состав в зависимости от гласного состава предшествующего слова. Ср. уйгурские наречия Синыцзяна: *Нейрес іда ол бер пашаниң бер кизи бар іды* 'В прежнее время у царя была одна дочь' [Малов 1961, 13, 16].

В отдельных тюркских языках *эди* последовательно трансформируется в афф. *-ды*, имеющий фонетические варианты в зависимости от степени действия закона гармонии гласных и согласных в соответствующих языках: гаг. *Бу евдә хепси чүрүктү, бурукту, ерләр топрактылар* (Карачобан, 33) 'В этом доме все было прогнившим, сморщенным (сжавшимся), пол был земляной'; тур. *Evin ... odalarınun hepsi karanlık* (Sabahattin 1956, 40)

‘Все комнаты в доме ... были во мраке’; туркм. *Энэниң соңқы сөзлериниң маньысы Нурмырат учин душнуклиди* (Гурбансәхедов, 219) ‘Значение последних слов матери было ясно для Мурата’; чув. *Ку садсем вырәнёнче ёлэк пасарччё* ‘На месте этих садов раньше был базар’.

В тюркских языках юго-западной группы, а также в якутском от недостаточного глагола *ä-/u-* могут быть образованы формы *имиш*, *эбит*, выражающие модальный оттенок неочевидности действия. Ср. тур. *Sen Moskovaда imişsin!* ‘Ты, оказывается, был в Москве!’ [Кононов 1956, 392]; туркм. *Кадыман икиси гардаш имишлер* ‘В старые годы оба (племени) были братьями’ [Поцелуевский 1943, 42]; як. *Бу трактор сана эбит* ‘Этот трактор, оказывается, новый’; *Эниги биригэдыиригит дыахтар эбит* ‘Ваш бригадир, оказывается, женщина’ [Харитонов 1947, 219]. Подобно *эди*, *имиш* в отдельных случаях может превращаться в афф. *-мыш*: туркм. *Чары аганың оглуның ады Дурдымыш* [ХЗТД 1960, 442] ‘Имя сына Чарыага было Дурды’.

Из общетюркских памятников связка прош. времени *эди* встречается в памятнике разговорных кыпчакских языков и диалектов XII–XIV вв. – Codex Cumanicus: *Ol juldüz neçik bir oçlan bigev edi* ‘Та звезда так была похожа на юношу’ [Grönbech 1942, 90].

В преобладающем большинстве памятников тюркских языков распространена парадигма недостаточного глагола от основы *är-/эр-*. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *Ачим каған олуртукда, өзим тардуш будун үзә шад әртим* ‘Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я сам был шадом над народом тардуш’ [Малов 1951, 30, 39]; енисейск.: *Атым Ал Туған тутук бән таңри әлмкә әлчиси әртим, алгы бәү будунка бәг әртим* ‘Мое имя Эль Туған Тутук. Я был посланником (эльчи) у божественного моего государства. Я был князем (бег) шестисоставному народу’ [Малов 1952, 11]; Кутадгу билиг: *Jula әрди халққа қараңғу түни* ‘Он был светильник народа в темную ночь’ [Малов 1951, 240, 269]; Золотой блеск: *Kü tau atl(y)γ bir bāg balyq bāgi әрти* ‘Был начальником города чиновник отдела чанг по имени Кю-Тау’ [Малов 1951, 154, 157] и т.д.

В большинстве ранних тюркских памятников встречается и образование *әрмиш*. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *Сүңиг сабын јымшақ ағын арын, ырак будунығ анча* (чит. *инча*) *јағутыр әрмиш* ‘Прельщая сладкой речью и раскошными драгоценностями, они столь (т.е. весьма) сильно привлекли к себе далеко (жившие) народы’ [Малов 1951, 28, 34]; Гадательная книжка: *Mәңилig bāg әr әrmis!* ‘Веселый князь был героем’ [Там же, 80, 85]; Кутадгу билиг (наманганск.): *Nä әrmis tiliği, kim әrmis özi!* ‘Какие у него были желания, кто был он сам?’ [Там же, 250, 275]; Золотой блеск: *törtünсi bir kök tonluγ atlyγ bāg әrmis* ‘Четвертый из них был начальником, на коне, одетый в голубую одежду’ [Там же, 154, 157].

В памятниках имеют место отдельные случаи употребления связки *әрмиш* применительно к наст. времени, т.е. в роли связки наст. времени. Ср. памятник в честь Тоньюкука: *Qaγanu alp әrmis, ағиңсусу билгә әrmis* ‘Каган его – герой, а советник его – мудрый’ [Малов 1951, 67].

Как свидетельствуют материалы современных языков и памятников, в тюркских языках существует развитая парадигма для связки прош. времени. Но есть ли парадигма для связки наст. времени? Старые памятники и живые диалекты тюркских языков сохраняют несколько форм не-

достаточного глагола *ä-/är-* в сфере не только прош., но и наст. времени: *ärür* ‘он есть’, *emes* ‘не есть’, *әрти* ‘он был’, *әрсәр* ‘если он будет’, *әркән* ‘он был’ (по свидетельству других), *әрти* ‘он был и т.д. [Котвич 1962, 281]. Формы, относящиеся к VIII в., образовались от основы *är-*, а те, что встречаются в современных языках, – от более краткой основы – *-ä*. Эти последние известны в трех вариантах: *ä*, *e-* и *i-*, которые различаются между собою степенью открытого гласного.

В. Котвич считает, что корнем рассматриваемого глагола связки является *ä-*, который в некоторых диалектах расщепился на варианты с узкими гласными: *e* и *i-*. Ставя вопрос о возможности реконструкции модели простого именного предложения со связкой наст. времени, допустимо предположить, что такая модель существовала в пратюркской общности, что существовала связка наст. времени с полной парадигмой и что ее этимологически более ранний вариант – *ä/e/u*. Но как связан с ним фонетический вариант *är/әр-*? Последний вопрос довольно сложный, не получивший еще окончательного разрешения. Здесь можно допустить две гипотезы: 1) либо изначально существовали два недостаточных глагола – *ä-/ә-* и *är-/әр-*; 2) либо, что, пожалуй, более вероятно, первоначальным был вариант *-ä*, а элемент *-р* – вторичного образования и является в данном случае показателем наст.-буд. времени. Вследствие переразложения основ позднее могла возникнуть новая основа вспомогательного глагола ‘быть’ – *är-/әр-*. В некоторых более поздних тюркских языках элемент *-р* мог утратиться.

В пользу того обстоятельства, что элемент *-р* в форме *är-/әр-* возник как показатель аориста, свидетельствует факт сохранения довольно распространенного в кыпчакских языках слова *әмәс* ‘не есть, нет (не имеется, не то)’, которое представляет собой нормальную отрицательную форму аориста от корня *ä-*; можно поэтому предположить, как заметил В. Котвич [1962], что существовала также утвердительная форма аориста – *är*. Ср. алт. *Бу туу бийик эмес* ‘Эта гора не высока’, *Ол кайчы эмес* ‘Он не сказитель’ [Дыренкова 1940, 240]; шор. *Колзас тынь ырак эбес* ‘Колзас (отсюда) недалеко’ [Дыренкова 1941, 281].

Как уже отмечалось выше, связка *är-/әр-* зарегистрирована в ранних памятниках тюркских языков. Парадигма ее в наст. времени могла иметь такой вид:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>erür men (erüräm)</i>	<i>erür biz</i>
2 л. <i>erür sen</i>	<i>erür siz</i>
3 л. <i>erür</i>	<i>erürär</i> [Eckmann 1966, 80]

В тех же памятниках зарегистрирована и отрицательная форма аориста – *әртәс*. Ср. Золотой блеск: *Катые өсир әрмәз му, ким мәниң бу јүрәким јарылып бөксилin бармадын?* ‘Тяжелый жезл (вачир) не будет ли? Что с моим сердцем?’ [Малов 1951, 179, 186]; хорезмские памятники XIV в.: *Йаш әрмәзмән* ‘Я не ребенок’ [Фазылов 1966, 43].

Современные тюркские языки сохранили производные образования от основы *e-/u-*, соотносимые с планом прош. и наст. времени – *екен*, *эса* и проч. [Eckmann 1966, 179, 180]: каз. *Ой, сен де қызық екенсің, сен де шақырып отыр* (Сералиев, 7) ‘А ты, оказывается, забавный (интересный), тебя тоже пригласили’; кирг. *Акыры жалғыз экенсиз* (Садыкбеков, 354)

В конце концов вы, оказывается, одинокий'; туркм. *Онда икимиз кәрдем экеник – дә* (Сарыханов 1951, 8) 'Тогда выходит, что мы с тобой коллеги'.

На основании всего вышеизложенного гипотетически возможно допустить существование в пратюркской общности связки наст. времени *ä-/e-/u-*. Как для прош., так и для наст. времени можно установить две основы – *ä-/e-* и *är-/er-*; первая хронологически могла возникнуть раньше (поскольку само образование на *-p* вторично), но уже в пратюркской общности могли существовать обе основы. С течением времени связка наст. времени вытеснялась другими заменяющими ее элементами, т.е. она разрушалась под влиянием семантически однородных явлений. Подобный процесс известен языкам различного типологического строя. В немецком языке связка 'есть' имеет различные основы: *ich bin, du bist, er ist*, где *bin, bist* восходит к основе *bhū*, а *ist* – к основе глагола *es-* 'быть'. А происходит это вследствие влияния семантически однородных явлений. Могут конкурировать глаголы 'являться' и 'есть', 'становиться' и 'быть' и т.д.

Материал современных, а также древних тюркских языков свидетельствует о существовании значительного числа грамматических аналогов предикативной связке *ä-*, благодаря которым последняя и была постепенно вытеснена.

1. Личные местоимения, которые, подчиняясь действующему закону сингармонизма, претерпевая процесс фонетической трансформации, переходят в разряд аффиксов. Модель именного сказуемого с личными местоимениями, выражающими сказуемость, является очень древней и, очевидно, соотносимой с пратюркской общностью.

2. Связи *тур//турур*, использующиеся во всех лицах.

3. Притяжательные аффиксы, которые имплицитно содержали понятие связки. Ср. аз. *әкәр мал олса, мәним* (АХД, 32) 'Если есть имущество – мое'. Притяжательные аффиксы способствовали образованию конструкции с *бар*: *китабым бар* 'у меня есть книга'.

4. Слова *бар, йок*, выступающие с близкими к связке значениями. Ср. конструкции, выражающие факт наличия чего-либо где-либо, передающиеся во всех тюркских языках с помощью слов *бар//йок*. Ср. тув. *хууңда суг бар* 'в ведре есть вода'; туркм. *Анатолиниң аягында ловурдап дуран гара туфлиси барды* 'На ногах у Анатолия были блестящие черные туфли'; чув. *Вайманта темён йышиши чечек те пур* 'В лесу есть разные цветы' [МГЧЯ 1957, 103] и т.д. Очевидно, более ранним следует признать значение обладания, непосредственно вытекающее из семантической природы слов *бар//йок*.

Но более распространены в тюркских языках конструкции с *бар*, в которых объект обладания стоит в род. падеже. Ср. кирг. *Досуңа сыр айтна, досуңдун, досу бар* (погов.) 'Не раскрывай тайны другу своему: у твоего друга есть свой друг' [КРСЛ. 1965, 198]; тур. *Orada herkesin kendi işi var* 'Там у каждого есть свои дела; туркм. *Онуң үч яшыны долдуруп, яңы дөрдүне гиден сары гулпак гызжагазы барды* (Сарыханов 1961, 7) 'У него была трехлетняя рыжеволосая девочка, которой только что пошел четвертый год'; чув. *Калтанһан ури пур, сәленһан ури сук* 'У ящерицы есть ноги, а у змеи ног нет'.

Развивающиеся у слов *бар//йок* синонимичные связке функции способствовали тому, что в некоторых тюркских языках *бар* и *йок* образова-

ли с аффиксом сказуемости полную парадигму. Так, например, в караимском языке *бар* выступает на правах полноценной связки: *Мен бар-м(ен) карай, сен барс(ен) карай* 'Я емь караим, ты (еси) караим' [Мусаев 1964, 310]. В гагаузском языке *вар* в роли связки используется применительно к первым двум лицам: *Ко гөрсүн падишаа бени, нижә варым* 'Пусть увидит меня падишах, какой я емь'; *Бән о куйдән варым, нереси онт дурэр* 'Я из того села (являюсь), которое стоит на отшибе (в стороне)'; *Сән варсын ен ил екижи, Сән варсын ен ии бичижи* 'Ты являешься самым лучшим сеятелем, ты являешься самым лучшим жнецом' [Покровская 1964, 154].

5. Вспомогательный глагол *бол/ол*, у которого значение связки, синонимичное связке *ä-/e-/u-*, развилось как вторичное. Ср. туркм. *Хава, окала гада адам көп боляр* [Курбанов и др. 1964, 11] 'Да, в читальном зале много народу'; Мининъ пабам жүгретчи полган 'Мой отец был учителем' [ХРСЛ. 1953, 475]; чув. *Вай кун сынсем нихсанхинчен те шавлабрах пулла* 'В этот день люди были шумливы как никогда' [МГЧЯ 1957, 102]; шор. *Ачам колхозта бригадир полча* 'Мой брат в колхозе бригадир' [Дыренкова 1941, 208]; як. *Мин оро буолбатахпын* 'Я не ребенок' [Харитонов 1947, 130].

Можно привести целый ряд иллюстраций на те случаи, когда глагол *ол/бол* сохраняет свое первичное значение состояния – 'быть, становиться'. Ср. аз. *һарадан гәзетчи олдум* (МН, 9) 'откуда я стал газетчиком'; гаг. *Дениз олэр кап-кара* (Буджактан, 130) 'Море становится абсолютно черным'; памятник в честь Кюль-Тегина: *Карлук будун әрүр барур әрикли жагы болты* 'Народ карлуков вследствие свободы и независимости стал нам врагом' [Малов 1951, 32, 41].

6. Связка *še/ši* (кит. *shì*) 'есть, имеется' в саларском и дунсянском языках: *Altıyuli se ullı zamara ttera* 'Алтиюли – великая община' [Тенишев 1963, 43].

7. В тувинском языке для выражения предикативности используются имена *кижи* 'человек', *чүве* 'вещь, предмет' и некоторые другие, близкие к ним по исходному значению. Ср. *Черле ындыг шыңгыы кижжи* 'Он всегда такой серьезный' (букв. 'И вообще такой серьезный человек'); *Ол бистшинге хуннуң келир чүве* 'Он к нам ежедневно приходит' (букв. 'Он к нам ежедневно приходящий предмет') [Исхаков, Пальмбах 1961, 223].

Одним из доказательств неустойчивости связки наст. времени и ее вытеснения является наличие в отдельных тюркских языках и их памятниках контаминированных связочных средств:

нар ер 'есть' и *йок ер* 'не есть' [Малов 1957, 189]: *Атейның парзы чақ(ә) кайда вар-ер?* 'Разве уже пришло время выдачи девушки в замужество?' [Там же, 190];

бар-турур – староузбекском языке: *Takı maıriķ sarı bir шахар бар турур* 'На востоке есть один город' [Щербак 1962, 118];

јок + турур – Золотой блеск: *bu ämgäkim tin idi ozgum qutrulqum joq (turur)* 'То ведь у меня совсем нет избавления и спасения от этих моих страданий' [Малов 1951, 155, 159];

бар дыр – Codex Cumanicus: *Christusnun tanyqy bardyr* [Grönbeck 1942, 50] 'У Христа есть знакомый'; *ol + turur* – Среднеазиатский тефсир: *Тіріклік барғуچی ол турур олүм барғуچی ол турур* 'Он, дающий жизнь, он, дающий смерть' [Боровков 1963, 245];

ол/бол + ikän в хамийском наречии уйгурского языка: *Хош әерип болар*

ikän Gülüa дыхан, жарым ai 'Хорошим чужестранцем является Гульша-крестьянин, о милая' [Малов 1961, 21, 22];

кижи мен – в тувинском языке: *Ажылдаар кижимен* 'Я работаю' (букв. 'работающий человек я') [Исхаков, Пальмбах 1961, 223];

связка *ši* + аффикс сказуемости *-tyr/-ter*: *Altijuli še ulli zamara'ttera* 'Алтиюли – великая община' [Тенишев 1963, 43].

Материал тюркского памятника Codex Cumanicus свидетельствует о параллельном (одновременном) употреблении в нем связи наст. времени *erür* и *turur*: *barča tenrilik us erür, barča haqyl bilik turur* [Grönbech 1942, 89] 'Ваши мысли (отражают) божественный разум, все они – мудрость и знание'.

Более однотипны контаминированные связочные средства для прош. времени. Единичны факты с *туруп әрди*. Ср. древнетюркские памятники уйгурского письма: *oot jalyn birlä öñür kök qalyq – qa tägi turur әрди* 'огонь с пламенем – он был до голубого неба' [Малов 1951, 135, 137]. Наиболее распространенным является сочетание *бар иди < әрди*. Ср. уйгурские наречия Синьцзяна: *Ол кызнынкы үч жүз атмыш кизиники бар ерди* 'У этой дочери было триста шестьдесят служанок' [Малов 1961, 13, 16]; хак. *Пистинь мылтых пар полган* 'У нас была винтовка' [ХРСл. 1953, 475]; памятник в честь Кюль-Тегина: *Ötүкән жышда jig idi jok әрмиц* '(Во время этих походов) в Отюкэнской черни не было хорошего (т.е. настоящего) владыки' [Малов 1951, 27, 34]; Среднеазиатский тефсир: *Märjäm anas niң тогма әркәк қабашы бар әрди* 'У матери Марьям был родной брат' [Боровков 1963, 82].

ГЛАГОЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В пратюркской языковой общности наряду с моделью именного предложения существовала уже и модель глагольного предложения. Сравнительно-исторический анализ глагольного предложения в ретроспективном плане устанавливает, что все возможные исторические изменения могут быть связаны прежде всего с ведущим членом – глагольным сказуемым. Речь идет о том, что существующее многообразие временных форм глагола в современных языках не может быть целиком возведено в пратюркскую языковую общность.

В тюркских языках имеется довольно большое количество различных глагольных времен, предназначенных для выражения действий, относящихся к плану настоящего, прошедшего и будущего. Однако абсолютное большинство этих моделей, составляющее примерно 90% их общего количества, не обладает признаками, позволяющими отнести их возникновение к праязыковой плоскости. Многие из них представлены далеко не во всех тюркских языках, имеют в большинстве случаев зональные ограничения. Все это свидетельствует о том, что они возникли в группах тюркских языков и даже в отдельных языках уже после того, как тюркский праязык распался. Естественно, может возникнуть вопрос, какие глагольные времена составляли первичное ядро тюркской глагольной системы.

Таких времен было четыре: 1) настоящее-будущее с показателем *-а/-ы* типа каз. *бар-а-мын* 'я беру'; оно одновременно имело значение наст. и буд. времени; 2) настоящее-будущее время с показателем *-ар/-ыр* типа тат.

ал-ыр-мын 'я беру' или 'я возьму'; как и предыдущее, оно имело значение наст. и буд. времени; особого будущего времени в тюркском праязыке не было; 3) неопределенный имперфект типа *ал-ыр-дым* 'я брал постоянно'; 4) прошедшее время с показателем *-ды/-ты* (*-ди/-ти*) типа *ал-ды-м* 'я взял'.

Все остальные модели времен возникли уже позднее распада тюркского праязыка.

1. Настоящее-будущее время на *-а/-и*. Структура сказуемого: основа + *a* + личные окончания первой категории: каз. *ал-а-мын* 'я беру'.

Показатель *-а* этого времени представляет значимый аффикс. Еще П. Мелиоранский высказал предположение о том, что в тюркских языках могли и могут образовываться усилительные (интенсивные) и потенциальные основы глаголов путем присоединения к глагольному корню гласного: в некоторых диалектах узкого, в других – широкого. Образованные таким образом глагольные основы в разные времена и в разных диалектах могли употребляться в разных значениях для разных целей [Мелиоранский 1900, 60, 64]. Наличие параллельной пары суффиксов (с широким и узким гласным) как в тюркских, так и в монгольских языках дало основание В. Котвичу предполагать существование особой вторичной (видоизмененной) основы, которая обозначала процесс действия, действие длящееся, не доведенное до конца или повторяющееся, почему эту основу и можно назвать дуративной [Котвич 1962, 217].

Вероятнее всего, *-а* – это древний словообразовательный аффикс, обозначающий многократное или длительное действие. Остатки этого аффикса до сих пор сохраняются в некоторых глаголах, ср. узб. *бурмоқ* 'вертеть, крутить' и *бур-а-моқ* 'закручивать, завинчивать', *уринмоқ* 'делать попытки, прилагать усилия' и *урн-а-моқ* – те же значения в усиленной степени.

В современных тюркских языках этот тип наст. времени типичен для так называемых кыпчакских тюркских языков – татарского, башкирского, кумыкского, крымскотатарского и некоторых диалектов татар Сибири – отсюда мнение о его зональной ограниченности. Однако есть основание предполагать, что эта зональная ограниченность – явление более позднего времени. В древние времена наст. время с показателем *-а* имело более широкое распространение.

Если иметь в виду, что опатив на *-а* в огузских языках развился на базе наст.-буд.-времени с показателем *-а*, то можно считать, что это время некогда было представлено также и в огузских языках.

В тюркских языках представлено также наст.-буд. время с показателем *-ы* (аблаутная разновидность показателя *-а*). Ср. аз. диал. *кали* 'он приходит', тур. диал. *гели* 'он приходит', кбалк. диал. *кели* 'он придет', чув. *рырә* 'он напишет' (< *йазы* 'он напишет'), тур. *yazi-yor* 'он пишет' и т.д. Однако большого распространения эта модель в тюркских языках не получила.

Настоящее-будущее время на *-а* может иметь наращение *-т*. Структура образования: корень глагола + *a* + *t*-овое наращение + личные окончания первой серии: ног. *ал-а-ды* 'он берет'.

Дистрибуция этой модели в тюркских языках довольно значительна. Она встречается в ногайском, узбекском, казахском, киргизском, караим-

ском, алтайском, чулымско-тюркском, хакасском и некоторых диалектах азербайджанского языка. Однако существование ее в тюркском праязыке предполагать трудно, так как это время является совершенно очевидным производным от наст.-буд. времени на *-а*, которое возникло, конечно, раньше наст.-буд. времени с показателем *-ат*.

Модель наст.-буд. времени с показателем *-а* имеет ряд производных.

1) Прошедшее длительное. Схема образования: корень глагола + *а* + формы прош. времени вспомогательного глагола 'быть': тат. *ала идем* 'я брал', *ала иде* 'он брал' и т.д. Распространение модели имеет зональное ограничение. Она типична для некоторых тюркских языков ногайского типа. Встречается в татарском, башкирском, карачаево-балкарском, кумыкском, крымско-татарском, ногайском. Зональная ограниченность указывает на более позднее происхождение этой формы.

2) Настоящее время, обозначающее постоянно совершающееся действие. Схема образования: корень глагола + *а* + *турган* (+ личные окончания первой серии): ног. *бар-а-таган-мен* 'я хожу постоянно'. Модель встречается также в уйгурском и диалектах сибирских татар. Модель позднего происхождения.

3) Прошедшее многократное. Схема образования: корень глагола + *а* + *турган* (разновидности: + формы прош. времени от вспомогательного глагола 'быть'): в тат. *бара торган идем* 'я ходил часто', ног. *баратаган идим* 'я ходил часто'. В казахском языке эта модель имеет особую схему: корень глагола + *а* + *тын* + личные окончания первой серии: *баратынмын* 'я ходил часто, обычно'. Модель позднего происхождения. В татарском языке встречается не часто.

4) Настоящее время данного момента. Схема образования: корень глагола + *а* + форма наст. времени вспомогательного глагола *йат-* 'лежать': ног. *бара йатырман* 'я иду в данный момент'; узб. *йоза йотирман* 'я пишу в данный момент'. Модель позднего образования.

2. Настоящее-будущее время на *-ар/-ыр*. Схема образования: причастие на *-ар/-эр, -ыр/-ир* + личные окончания первой серии: тат. *алырмын* 'я беру, я возьму'. В тюркском праязыке, а также в старых тюркских языках это время одновременно имело значения наст. и буд. времени. По этой причине некоторые, особенно западноевропейские, тюркологи называют его аористом, или неопределенным временем.

Позднее в тюркских языках наметилась очень сильная тенденция к созданию особых форм для наст. и буд. времени. В абсолютном большинстве тюркских языков за показателем *-ар/-ыр* закрепилось значение буд. времени. Любопытная специализация этих показателей произошла в азербайджанском языке. Показатель *-ыр/-ир* в этом языке придает значение наст. времени, а показатель *-ар/-эр* — значение буд. времени, ср. *языр* 'он пишет', но *язар* 'он напишет'. Для выражения наст. времени во многих тюркских языках была использована модель с показателем *-а*, а также с показателем *-а* и *т*-овым наращением, ср. тат. *барам* 'я иду', каз. *жазамын* 'я пишу'. В отдельных языках возникли новые типы наст. времени. Прежнее аористное значение сохранилось разве только в турецком, но и в этом языке возникло наст. время, выражающее только это значение. Наст. время в якутском языке относится к смешанному типу.

3. Производным от формы на *-ар/-ыр* является неопределенный импер-

фект. Он образуется по схеме 'основа наст. времени + формы прош. времени вспомогательного глагола 'быть'' (кар. *алыр едим* 'я брал') и распространен в узбекском, караимском, каракалпакском, якутском, уйгурском, карачаево-балкарском, турецком, туркменском, гагаузском языках.

Существование неопределенного имперфекта засвидетельствовано также в памятниках древнетюркской письменности, ср. орх. *at'iqqa bayür ärtimiz* [Tekin 1968, 34] 'Мы привязывали лошадей к деревьям'; чаг. *Марда:на киши еди, оқны јахшы атар еди* [Там же] 'Он был храбрым человеком, хорошо стрелял из лука'. Существовало это время и в староуйгурском языке.

Возникновение этого типа прош. времени уходит в глубокую древность. Без преувеличения можно утверждать, что это время уже сформировалось в эпоху тюркского праязыка задолго до его распада. В пользу такого предположения могут быть приведены следующие аргументы: а) возникновение неопределенного имперфекта относится к такому периоду, когда существовало наст.-буд. время на *-ар/-ыр*, поскольку неопределенный имперфект строится на основе презентного значения этого времени. Следовательно, оно возникло задолго до разделения огузских и кыпчакских языков; б) появление этого времени привело к резкому снижению употребления многократных аффиксов, которые в тюркском праязыке были довольно распространены.

Неопределенный имперфект когда-то существовал во всех тюркских языках. Однако в некоторых современных языках он отсутствует. К таким языкам относятся литературный татарский, башкирский, алтайский, казахский, шорский, тувинский, хакасский.

4. В серии прошедших времен наиболее древним является прош. время с показателем *-ды/-ты*, ср. тур. *aldım*, тат. *алдым* и т.д. 'я взял'.

Нет никакого сомнения в том, что эта форма существовала уже в эпоху тюркского праязыка. Прощ. время на *-ды* оказалось необычайно устойчивым. Оно в настоящее время сохранилось во всех тюркских языках, кроме нижнечулымского диалекта чулымско-тюркского языка. Его устойчивость может быть объяснена двумя его особенностями — необычайной семантической емкостью и видовой нейтральностью. Практически оно способно выражать значение не только обычного прошедшего, но и перфекта и плюсквамперфекта западноевропейских языков. Оно передает действие незавершенное и действие, достигшее предела.

В современных тюркских языках имеется по меньшей мере пять типов перфектов — перфект на *-ған* (ср. тат. *алганмын* 'я взял'), перфект на *-ан* (туркм. *язан* 'он написал'), перфект на *-нй* (чув. *сырнй* 'он написал'), перфект на *-мыш* (аз. *язмышам* 'я написал'), перфект на *-ын* (каз. *алыптын* 'я взял') и т.д. Все эти типы возникли в отдельных тюркских языках, когда тюркский праязык уже распался. То же самое можно сказать о различных формах плюсквамперфекта.

Из форм буд. времени наиболее древней является форма с показателем *-ар/-ыр* типа узб. *ёзарман* 'я буду писать'. Нет никакого сомнения в том, что она существовала уже в эпоху тюркского праязыка.

К праязыковой плоскости нельзя отнести буд. время на *-ачак*, якутскую форму буд. времени на *-ях* (ср. як. *аһыаҕым* 'я открою'), формы буд. времени *-еу* (ср. ст.-узо. *алғум* 'я возьму'), карачаево-балкарскую

форму на *-лык* (типа барлықма 'я схожу') и тофаларскую форму на *-гаи* (ср. *алгаймен* 'я возьму') и т.д.

К числу более поздних по происхождению форм наст. времени относится карачаево-балкарская форма с показателем *-чы/-чи*, например: *барывчума* 'я ухожу постоянно', *барывчуса* 'ты уходишь постоянно' и т.д. Более позднего происхождения формы наст. времени, использующие форму местн. падежа типа аз. *язмактајам* 'я пишу'.

Все типы времен косвенных наклонений можно отнести к плоскости тюркского праязыка. Относительную хронологию этих времен установить довольно трудно, так как все пять типов косвенных наклонений в одинаковой степени встречаются во всех тюркских языках.

То же самое можно сказать и о залоговых формах. Все три залога — страдательный, возвратный и взаимосовместный — уже существовали в тюркском праязыке. Есть убедительные данные, свидетельствующие о том, что когда-то показатели залогов — залоговые аффиксы — были обычными аффиксами учащательного действия. В киргизском, казахском, каракалпакском и изредка башкирском языках используется в этих случаях отглагольное имя на *-у* (*-ув*), ср. кирг. *жардам берилүүдө*, 'помощь оказывается', каз. *мұнай жаратылуда* 'нефть используется' и т.д.

БЕЗЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Существуют следующие общетюркские способы оформления безличных предложений¹.

1. Предикат стоит в 3-м лице мн. числа. Ср. кбалк. *Алгыын заманда голу этиуццо эдиле* 'В прежнее время устраивали (делали) праздник "голу"' [МБД 1962, 45]; ног. *Кеше аъдемди больницага алып келгенлер* (Ленин йолы) 'Ночь. Одного человека привезли в больницу'; туркм. *Он соң шо оелана ат Гёр -оалы гоыйтырлар* 'Потом мальчику дали имя Гёр-оглы (сын могилы)' (Туркм. сказки, 115); чув. *Колхозра тырнула машинна вырса нустарассе* 'Хлеб в колхозе убирают машинами' [СГЧЯ 1957, 23] и т.д.

2. Предикат стоит в 3-м лице ед. числа. Ср. алт. *Бактаным туруп, чалчыт туруп, Аа ла бажын үзе соктырган* 'Пока хвастался и буянил, голову ему-то отшибли' (Алтын-бизе, 36, 94); тур. *Hiç evde kaybedilen yüzük sokakta aranır mı* (Nasreddin, 6) 'Разве ищут на улице кольцо, которое потеряно в доме?'; туркм. *Ана шол мейданчаларда буравлайыш скважиналары гурулмалы* (Маммадов, 61) 'Вон там, на тех площадках, нужно делать буровые скважины'; Памятники Монголии, Киргизии: *Чыкан Тонюкук ат (лыз) бәрмис* 'Дали имя Чыхан Тоньюкук' [Малов 1959, 27, 28]; Подарок истин: *سنينگ بارليغينكغه تانوغ لوق بيرو* 'На твоё бытие дают свидетельство' [Малов 1951, 317, 319]; Среднеазиатский тефсир: *Айруқ жеркә үдә һәм булмадә* 'Послали в другое место и также не нашли' [Боровков 1963, 45].

Н.К. Дмитриев полагает, что при сказуемом 3-го лица ед. числа раньше стояли пропускаемые ныне слова *гиши* 'человек', *эр* 'муж' [1940, 190—

¹ Данный структурный тип простого предложения представляет интерес для сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, поскольку анализ его помогает выявить тенденции исторического развития.

191]. Гипотеза эта спорна, однако из теории и практики тюркских языков известно, что замены этих слов местоимениями с широкой семантикой была возможна. Ср. *бир гиши йокъ* 'одного человека нет' ~ 'никого нет' — тот же семантический процесс, что и во фр. *un* (< *homme*) или нем. *man* (Там же). Ср. пословицу: *Адам сойлер кгадар гоьрер* 'Человек видит лишь настолько, насколько говорит'. Ю. Немет переводит ее на немецкий: *Man kann nur über das sprechen* (там же).

Безличные предложения индоевропейских языков, обозначающие явления природы, в тюркских языках передаются личными предложениями с предикатом в форме 3-го лица ед. числа. Ср. рус. *Светает*, нем. *Es schneit* и т.д., башк. *Тундыра* 'Морозит' [Дмитриев 1948, 237], тат. *Яктыра баушлады* 'Светает' [Закиев 1963, 47].

Указывая на этот тип безличных предложений как преобладающий в кумыкском языке, Н.К. Дмитриев подчеркивает неравномерный характер распределения форм типа *айта* 'говорят' и типа *айталар* 'говорят' в различных тюркских языках. По мнению Н.К. Дмитриева, в кыпчакских языках (ногайском, казахском, киргизском и др.), так же как в кумыкском, форма 3-го лица мн. числа употреблялась крайне редко. В языках огузского типа (азербайджанском, южном диалекте крымско-татарского и др.) [Дмитриев 1940, 190] преобладает форма 3-го лица мн. числа. Однако модель безличного предложения с предикатом в 3-м лице ед. числа распространена повсеместно как в огузских, так и кыпчакских языках, и ее следует признать хронологически более ранней.

3. Для выражения сказуемого в обобщенно-личных предложениях во всех тюркских языках употребляется форма 3-го лица ед. числа страдательного залога. Ср. аз. *Бурада жөдак бојула гадына аз гасадуф едилир* 'Здесь редко встречается женщина низкого роста'; ног. *Солве "Алибек" санаторийининъ корпусын салув бардырылады* (Ленин йолы) 'Сейчас построили корпус санатория "Алибек"'; тур. *Öğleden sonra yine kapı çaldı* (Nesin 1958₁, 28) 'После полудня в дверь опять постучали'.

Этот тип безличных предложений уже представлен в ранних памятниках. Ср. Кюль-Тегин: *Узә көк тәңри асра жагыз јір кылынтукда, акін ара кісі оғлы кылынмыс* 'Когда было сотворено вверху небо и внизу темная (букв. 'бурая') земля, между ними обоими были сотворены (возникли) сыны человеческие (т.е. люди)' [Малов 1951, 28, 36]; Огуз-наме: *Ошбуıldүргүлүктә бітілмиш эрди* 'В этом послании было написано' [Шербак 1959, 33].

4. Предикат оформлен во 2-м лице ед. числа (этот тип характерен для жанра пословиц, поговорок). Ср. аз. *Едди дөфә өлч, бир дөфә бич* (Аталар сөзү, 11) 'Семь раз отмерь, один раз отрежь'; чув. *Паян тумалли есе ырана ан хявар* 'То, что нужно (должно) сделать сегодня, не откладывай на завтра' [МГЧЯ 1957, 227] и т.д.

Есть основания отнести эту модель безличного предложения к раннему состоянию тюркского праязыка.

Согласование в лице и числе (при помощи категорий сказуемости и принадлежности) в тюркских языках довольно последовательно. Есть основания полагать, что согласование в лице относится к ранней эпохе². Что

² Подробнее см.: *Гаджиева Н.З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, 156—206.

же касается согласования в числе, то оно проявляется не в полной мере и, очевидно, возникло исторически позже.

Согласование в числе ограничивается лишь сферой отношений между подлежащим и сказуемым. Между определением и определяемым согласование в числе обычно не проводится. Ср. шор. *аак палыктар* 'мелкие рыбы' [Дыренкова 1941, 273]; башк. *папиростың, якшыһы* 'самая лучшая из папирос' [ИСГТЯ 1956, 68]. Во всех тюркских языках при количественных числительных существительное ставится в ед. числе. Ср. *беш китаб* 'пять книг'. То же наблюдается при прилагательных или местоимениях, выражающих идею количества: тат., башк. *күп кеше* 'много людей', туркм. *аз аял* 'мало женщин'.

Согласование в числе между подлежащим и сказуемым имеет много разновидностей:

1. При одушевленном подлежащем во мн. числе предикат стоит во мн. числе: шор. *Колхозчылар кыраа* (~*кырага*) *пардылар* 'Колхозники отправились на пашню' [Дыренкова 1941, 263]; як. *Кинилэр сахатыйан хаалбыт нууччалар этилэр* 'Они были объёкутившиеся русские' [Убрятова 1950, 106]; памятники — Кутаду билиг: *Јаулары әәтип бојун әгдиләр* 'А враги его, заслышав о нем, склоняли выи (своей)' [Малов 1951, 272].

2. Подлежащее неодушевленное во мн. числе, предикат в ед. числе: кирг. *Булуттар сүрүлүптүр* (Жусупов 1965, 30) 'Облака рассеялись'; туркм. *Асманда топбак-топбак ак булутлар эмеле гелип, гундогара бакан сүйшүп уграды* (Мәммедов, 57) 'На небе образовались кучевые белые облака и двигались по направлению к востоку'. Данная модель часто встречается в старотюркских языках.

3. Подлежащее неодушевленное во мн. числе, предикат во мн. числе. Такое согласование имеет место уже в памятниках. Ср. Среднеазиатский тефсир, XII—XIII вв.: *Ол елиң ewläri барқларі түрлүг түрлүг болмйшлар* 'Дома в этом городе стали совсем иные' [Боровков 1963, 319].

4. Подлежащее одушевленное во мн. числе, сказуемое — в ед. При этом категория подлежащего понимается как нечто целостное, однородное. Такую особенность содержат памятники и сохраняют все современные тюркские языки. Ср. аз. *һамы аналар истәр ки, оғлуна јахшы тој еләсин* (Ибраһимов 1957, 20) 'Все матери хотят, чтобы их сыну устроить хорошую свадьбу'; гаг. *Аалээр дөдү, аалээр бабу, аалээр комушулар, ани кайбелди, факир Пирку* (Буджактан, 114) 'Плачет старик, плачет старуха, плачет сосед, что пропал бедный Пирку'; тат. *Ярты юлны килгәндә, минем алда атлар сирәгәйде* (Юлтый, 27) 'Когда я проехал половину пути, находящаяся впереди меня группа лошадей (букв.: лошади) поредела', памятники — Кутаду билиг (наманган.): *Аваһлар һәсә qolsa, һәрмәз өзін* 'Преследующие ее сколько бы ни просили, она не дается им' [Малов 1951, 241, 269]; История пророков Рабгузия XIV в.: *Кафи рләр туһмасун* 'Неверные да не проведает' [Там же, 340].

5. Подлежащее одушевленное во мн. числе, предикат во мн. числе, при этом подчеркивается неоднородность действующих лиц и их действий. Ср. башк. *улар килделәр* 'они каждый в отдельности пришли', но *улар килде* 'они все сразу, все как один пришли' [ИСГТЯ 1956, 71]; гаг. *Оннар... гидерләр падишаха* (Буджактан, 125) 'Они... каждый в отдельности идут к падишаху'.

6. При однородных подлежащих, выражающих неодушевленные предметы, сказуемое стоит в ед. числе. Ср. аз. *Ашағыда Иран шәһәрләринә хас олан бағчалар, һәјәтләр вә евләр жөзә чарһыр* 'Внизу виднеются (букв.: виднеется) свойственные иранским городам дворы с садами и домами' [Будагова 1963, 90]; памятники из Суджи: *Küm soruғum күн тоғсуға batsuға tәgdi* 'Слухи и расспросы обо мне достигли до восхода и захода солнца' [Малов 1951, 76, 77].

При однородных одушевленных подлежащих предикат стоит также в ед. числе. Ср. гаг. *Бир вакыт вармыш бир хырсыз, да о хырсыз којмуш негінә, гитсін, да чалсын ікі бегір* [Мошков 1904, 25] 'Однажды один вор с другим вором решили пойти и украсть две лошади'; туркм. *Б(у)р патшаң оғлы, б(у)р везіриң оғлы аһа чөлө чыкан экени* 'Сын одного падишаха и сын везиря выехали в степь на охоту' (Туркм. сказки, 84, 130, 131); Кутаду билиг: *Böri qo' bilä suvlady ol ödün!* 'И в то время волк и овца ходили вместе на водопой' [Малов 1951, 272]; Родословная туркмен: *Атларымыз ва тәвәләrimиз барчасы öldi* 'Все наши лошади и верблюды пали' [Кононов 1980, 137].

Мн. число предиката при однородных одушевленных членах указывает на дифференцированный характер их действия: алт. *Ак талайдың жағазына Апишыйак, куртыйак эге бардылар* (Алтын-бизе, 73) 'На берег белой реки старик со старухой пошли' кбалк. *Къыз да, джаш да бир эли ичинде болгъандыла* 'А девушка и парень жили в одном ауле' [МБД 1962, 108].

7. При подлежащем, имеющем количественный определитель и оформленном ед. числом, предикат также стоит в ед. числе, указывая на недифференцированность подлежащего. Ср. ног. *Олмесхан ман бирге доьрт аьдем куллык этеди* (Ленин йолы) 'Вместе с Олмесханом работало четыре человека'; чув. *Епир кайакан һарахут сінте салтаксем (салтак) нитә нумай-тәдә* 'На том пароходе, на котором ехали мы, было очень много солдат' [Ашмарин 193, 51].

При таком же подлежащем предикат может быть оформлен мн. числом и указывать на дифференцированность действий. Ср. гаг. *Бир керә бу јүч кардаш лафланмышлар гитмәә дүннеә кысмет арамаа* (Буджактан, 109) 'Однажды эти три брата уговорились пойти искать по свету счастье'.

В памятниках тюркских языков встречаются факты, когда подлежащее, имея количественный определитель, стоит во мн. числе, а предикат — в ед. Ср. Золотой блеск: *M(ä)n iglätükdä, аң başлају маңа төрт jöklär јауп кәлти* 'Я только захворал, прежде всего ко мне подошли четыре демона' [Малов 1951, 154, 157].

8. При собирательном подлежащем предикат обычно стоит в ед. числе. Ср. туркм. *Догры, китабын гадрыны хемме киши билйәр* (Сарыханов 1951, 7) 'Верно, цену книги все люди знают'; памятники — Тоньюкук: *Ol sabuғ әsidip, on oq бәgläri buduny qop кәлти, жүкүнти* 'Услышав эти слова, начальники и народ десяти стрел — все пришли и подчинились' [Малов 1951, 63, 69].

Мн. число предиката указывает на дифференцированный характер собирательного множества, при этом к подлежащему может присоединяться афф. -лар. Ср. гаг. *Ачан бакэрлар — хенси гаргалар койун олмушлар* (Буджактан, 110) 'Когда посмотрели — все вороны стали овцами'; Родо-

словная туркмен: *Хан башлык барча халк ајтдылар* 'Весь народ во главе с ханом сказал' [Кононов 1958, 124].

Согласование в числе иногда не зависит от семантических условий. Так, например, как правило, в казахском языке 3-е лицо мн. числа не оформляется специальным окончанием и совпадает с формой ед. числа. Ср. *Ол сагады* 'Он продаст' ('Он продает') — *Олар сагады* 'Они продадут' (Они продают) [СКЯ 1962, 328].

В карачаево-балкарском языке при подлежащем 3-го лица мн. числа сказуемое согласуется с ним в числе факультативно: *Ала студентдиле и Ала студентледиле* 'Они студенты' [Дмитриев 1962, 359]. То же и в киргизском языке: *Алар оқиушлар* 'Они суть ученики'; *Алар оқиуши* 'они ученики' [Батманов 1940₂, 11].

Кроме того, в некоторых тюркских языках известен особый способ выражения множественности при глаголах. Вместо специального аффикса числа ставится аффикс взаимного залога при ед. числе. Ср. кирг. *Алар дубалдын тубунө атгарын байлаштырып коюп, паркка киришти* (Каймов 31) 'Они, привязав под забором коней, вошли в парк'; уйг. *Колхозчилар уницдин неминиду куткөндөк болишиду, үмүт көзлирини қадайду бу алдий башчига* (Босақов, 31) 'Колхозники собрались, словно что-то от него ожидают, с надеждой устремляют они взор на этого простоватого начальника'.

Последовательное согласование в числе может быть объяснимо и требованиями стиля, определенного жанра речи. Ср. тат. *Язлар житте, карлар эри башладылар, толыплылар толыпларын ташладылар* 'Весна пришла, снега начали таять, люди в шубах сбросили шубы' [Закиев 1963, 37].

В тюркологической литературе высказывалось предположение, что для тюркских языков первоначально было характерно не столько понятие множественности, сколько понятие собирательности [Котвич 1962, 336; Grönbech 1936, 57–60, 65–69], и что разные группы собирательных предметов обозначались особыми форматами; только афф. *-лар* имел характер множественности и выступал в роли общего форманта мн. числа, хотя и столь же редко, как и в монгольском языке. Не случайно, что во всех тюркских языках мн. число употребляется при необходимости различать подлежащие, действующие порознь, индивидуально, т.е., по справедливому замечанию Н.К. Дмитриева, основной стимул согласования подлежащего и сказуемого в числе связан с вопросом о дифференцированности подлежащего. При дифференциации всегда имеется согласование в числе: башк. *һандуғастар һайрайҙар* 'соловьи поют' [Дмитриев 1948, 222].

Мысль об относительно позднем развитии мн. числа в алтайских языках разделяется Г.И. Рамstedтом, который тоже полагал, что там, где применяется оформленное мн. число, оно может быть также показателем качественных различий, подразделения на группы либо совокупности нескольких групп [Рамstedт 1957, 57]. Идея собирательности, нерасчлененного множества и послужила той почвой, на которой развилась впоследствии формально выраженная множественность. Не случайно, что если в тюркских языках подлежащее представляется однородной категорией, то сказуемое при нем, как было показано, всегда стоит в ед. числе. Ср. башк. *Улар килде* 'Они пришли все сразу, как один, не отличаясь друг от друга

в действии' [Дмитриев 1948, 231]. Формально выраженная множественность становится показателем дифференцированности предметов, а тем самым их определенности. Ср. тур. *Pencereler açtular* 'Определенные, заранее нам известные окна открыты' [Кононов 1956, 379].

Таким образом, согласование в числе в тюркских языках — категория историческая. Формально выраженное членимое множество возникло на базе собирательности. Собирательная множественность не требует согласования во мн. числе, так как содержит понятие некоторой единичности (ср. рус. *шумит братва*). Процесс исторического развития в данном случае заключается в перерождении собирательной множественности во множественность абстрактную. Этот процесс в разных тюркских языках имел свои особенности. Очевидно, некоторые вещественные имена существительные с собирательным значением долгое время сопротивлялись принятию показателя множественности (ср. тат. *кирпич бар* 'кирпичи есть'). Согласованию глагольных форм в числе могли препятствовать факторы просодические — создание ритмически неудобных форм (*бара* и *баралар*).

Развитие категорий множественности на базе собирательности доказывает и само происхождение афф. *-лар* [см. Котвич 1962, 28–30; Кононов 1956, 72–73]. Нам представляется небезосновательной гипотеза В. Котвича, который сближает афф. *-лар* с аффиксом комитатива *-лан* и включает его в гнездо с этимологически родственными ему вариантами: афф. *-лауи* и *-лауин* (со значением сходства) с аффиксом сравн. падежа *-тай*, *-дай* [Котвич 1962, 100–116]. Очевидно, и сам афф. *-лар* первоначально был показателем не множественности, а собирательности.

Анализируя модели тюркского простого предложения в их соотношении с конструкциями трансформы, можно заметить следующее.

1. Типы трансформ по способам их выражения (имеется в виду прежде всего формирующий их член — логический предикат) гораздо более многообразны, чем модели простого предложения (учитывается формирующий член — грамматический предикат): Последнее лишний раз указывает на то, что трансформы — явление хронологически относительно позднее.

2. Возникает вопрос — любая ли глагольная форма могла трансформироваться, предопределяя появление нового структурного типа? Процесс трансформации, как будет показано ниже, хронологически имел место на позднем этапе тюркского праязыка, когда система глагольных форм была относительно развита. При трансформации избирается обычно та форма, синоним которой бытует в арсенале *verbum finitum*. Ср. афф. *-ды/-дыг*, *-ган*, *-мыш*, *-ыр*, *-ар* и т.д. Почти все глагольные формы первичного образования, имеющие себе синонимические пары в других грамматических сферах языка, легко трансформировались (об условиях трансформации см. главу III.). Не случайно, что система сложных временных форм вторичного образования не участвует в трансформации. Ср. наст. время на *-а* со вспомогательным элементом *һат-*, *тур-*, *отур-*, хронологически более позднего образования, не дающее трансформ. В сложным формам прош. времени трансформация тормозится связками прош. времени *иди*, *имиш*, не имеющими синонимичных именных образований.

3. Для процесса трансформации, очевидно, не безразлична и семантика трансформирующегося образования. Частотность употребления времен типа *continious* в придаточных предложениях невысока. Этим отчасти объясняется слабое участие в трансформации глагольных форм типа *-макта*.

ГЛАВА III

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одним из спорных вопросов научных описательных грамматик является вопрос о специфике сложноподчиненного предложения. При определении специфики придаточного предложения идет спор вокруг причастных и деепричастных оборотов [см.: Ширалиев 1958, 79]. По этому вопросу имеется несколько точек зрения.

В соответствии с первой точкой зрения, все без исключения причастные и деепричастные обороты являются придаточными предложениями на том основании, что в русском языке им соответствуют таковые. Лингвисты этого направления исходят из русского перевода (см. работы В.А.Гордлевского, А.К.Боровкова и др.). Такая точка зрения, основанная на чисто логическом подходе к природе тюркских придаточных предложений, имеет довольно давнюю традицию. Впервые в тюркологической литературе она была высказана Мирзой Казембеком [1839]. Составленная по образцу европейских грамматик, работа М.Казембека и в разделах, посвященных синтаксису, испытала на себе влияние господствующей тогда в общелингвистической литературе и впервые выдвинутой авторами русских грамматик XVIII—XIX вв. (Е.В.Барсов, А.Х.Востоков, Н.И.Греч и др.) теории, согласно которой причастные и деепричастные конструкции рассматривались как сокращенные придаточные предложения.

На такой позиции отождествления собственно придаточных предложений с причастными, деепричастными и отглагольно-именными оборотами стоит и большинство зарубежных тюркологов — А.Мауль, Ю.Немет, М.Хортен, Дж.Вайль, Г.Янский и др.

По мнению М.Ш.Ширалиева, отождествление причастных и деепричастных оборотов с придаточными предложениями происходит вследствие неразработанности вопросов синтаксиса тюркских языков. В тюркоязычных республиках еще не создано научного синтаксиса этих языков, не изучен глубоко фактический материал общенародного языка, а также недостаточно использованы материалы современной художественной литературы и прессы при разработке тех или иных вопросов синтаксиса национального языка; налицо также недоучет специфики отдельных тюркских языков и механическое перенесение на них традиционных схем, принятых в индоевропейских языках; принципы определения придаточных предложений основаны на переводах последних на русский язык и, наконец, недостаточно изучена специфика причастных и деепричастных оборотов как распространенных членов простого предложения [1958, 80, 81].

Отождествление оборотов с придаточными предложениями основывается на гипостазировании семантики и полном игнорировании роли грамматической формы. Конечно, встречаются в языке образования, равные

по значению (ср. *Человек, который вчера приехал из Казани, сообщил мне интересную новость* и *Приехавший вчера из Казани человек сообщил мне важную новость*). Однако здесь за тождественностью семантики скрываются совершенно разные роли самих процессуальных признаков. В придаточном предложении *который вчера приехал из Казани* процессуальный признак выделен из подлежащего и самостоятельно развернут, тогда как в причастной конструкции *приехавший вчера из Казани человек* процессуальный признак более слит с его носителем, превращен в атрибут последнего. Атрибут и его носитель не образуют предложения, поскольку у такого предложения отсутствует предикат. Поэтому совершенно неправильно отождествлять деепричастия и причастия с *verbum finitum*. В конструкциях без предиката, выраженного *verbum finitum*, нет полноты смысла, ср. *придя домой, сделав работу, бурлящий водопад*.

В дальнейшем сторонники этой точки зрения перестали ограничиваться только критерием возможности перевода и стали для оправдания своих взглядов приводить другие критерии. Так, по мнению Н.Т.Сауранбаева, в казахском языке зависимость подчиненного предложения от главного выражается формой сказуемого подчиненного предложения [1946, 109]. Отсюда делается вывод, что сказуемое придаточного предложения не обязательно должно быть выражено формами *verbum finitum*. Э.В.Севортян утверждает, что решение вопроса о том, признавать или не признавать данное словосочетание предложением, возможно лишь на базе общей теории предложения, а не сказуемого, и предполагает, что для признания данной связанной группы слов предложением в грамматическом плане не имеет решающего значения то, как выражено сказуемое [1961, 122].

Для определения сложного предложения предлагается комплекс признаков. Критериями сложного предложения в казахском языке могут быть следующие признаки: а) смысловая цельность компонентов, б) структурная самостоятельность компонентов (наличие главных членов в каждом компоненте); в) наличие определенного отношения между сочетающимися предложениями; г) связанность составных компонентов сложного предложения определенным способом [Сауранбаев 1948, 110, 111].

Известная работа французского тюрколога Ж.Дени ("Grammaire de la langue turque". Paris, 1921) послужила стимулом для появления нового направления. Ж.Дени впервые поднял вопрос о необходимости выделения причастных, деепричастных и глагольно-именных конструкций в особую синтаксическую категорию. Предшественники Дени обычно подобные образования оставляли без внимания, в лучшем случае называя их побочными определениями. Ж.Дени для определения подчинительных конструкций, которые формируются именной формой глагола — причастием, масдаром (т.е. неличной формой глагола), вводит термин "квазипредложение". Он подчеркивает, что если синтаксис французского языка является аналитическим, то синтаксис тюркских языков — синтетическим, вследствие той роли, которую здесь играют неличные формы [Deny 1921, 860].

Дальнейшее развитие эта идея получила в работе М.З.Закиева "Синтаксический строй татарского языка" (Казань, 1963), который выдвигает структурный принцип классификации сложноподчиненных предложений, опирающийся на характер связи придаточных предложений с главным. По этому принципу сложноподчиненные предложения разделяются на два основных

вида: синтетические и аналитические. Кроме того, выделяется неосновной, промежуточный вид сложноподчиненного предложения — аналитико-синтетический [Закиев 1963, 270].

Синтетическими сложноподчиненными предложениями М.З.Закиев называет предложения, в которых придаточные подчинены главному при помощи форм своего сказуемого. В тюркских языках, по его мнению, теория об обязательности *verbum finitum* для предложения вообще не применима, ибо в этих языках предложения со сказуемым в безличной форме являются обычными, закономерными. Придаточные в синтетических предложениях отличаются от причастных, деепричастных и других оборотов тем, что в них имеются некоторые признаки предикативности. Они имеют или потенциально могут иметь самостоятельное подлежащее, выраженное именем в осн. падеже. Например, в предложении *Без килгәч, жылыш башланды* 'Собрание началось после того, как мы пришли' как придаточное, так и главное имеют самостоятельное подлежащее [Там же, 272, 273].

Сама идея о том, что в тюркских языках существуют специфические придаточные предложения, отличающиеся от придаточных предложений в индоевропейских языках, имеет довольно большое распространение. Эту точку зрения разделяют Г.Алпаров, А.П.Поцелуевский, Э.А.Грунина, К.Сартбаев, М.Б.Балакаев, Е.И.Убрятова, Э.В.Севортян, Г.А.Абдурахманов, У.Б.Алиев, В.Н.Хангильдин и др. Некоторые тюркологи рассматривают синтетические сложноподчиненные предложения как сложноподчиненные предложения переходного типа.

Среди причастных и деепричастных оборотов Н.К.Дмитриев выделял такие, в которых при причастии или деепричастии имеется свое грамматически выраженное подлежащее, отличное от подлежащего остальной части фразы. Хотя такие обороты и не удовлетворяют одному из основных признаков придаточного (сказуемое в одной из форм, выражающих лицо), однако Н.К.Дмитриев склонен считать их тоже придаточными, хотя и переходного типа: в этом типе отсутствие сказуемого в форме, обозначающей лицо, как бы компенсируется отчетливо выраженным грамматическим и логическим подлежащим [1948, 247]. О потенциальных предложениях, имеющих самостоятельный субъект, отличный от субъекта главного суждения, говорит и А.П.Поцелуевский [1946].

Вслед за Ж.Дени, Н.К.Дмитриевым и А.П.Поцелуевским С.А.Соколов считает возможным выделить причастные, деепричастные, глагольно-именные конструкции со своим подлежащим в особую синтаксическую категорию, занимающую промежуточное положение. С одной стороны, их нельзя отождествлять с классическими формами придаточных предложений, в которых сказуемое выражено *verbum finitum*. С другой стороны, они принципиально отличаются от обычных причастных, деепричастных и других оборотов, не имеющих субъекта и выступающих в роли обычных членов предложения [Соколов 1966, 177, 148].

Однако, несмотря на то что в ряде исследований, построенных на материале различных тюркских языков, причастные, деепричастные глагольно-именные конструкции со своим подлежащим рассматриваются на правах придаточных предложений, в теории синтетических сложноподчиненных предложений далеко не все гладко.

Противоречив сам термин "синтетический", явно заимствованный из на-

звания "синтетические языки". Синтетический — значит, не пользующийся аналитическими средствами связи. Недаром Ж.Дени называет синтаксис французского языка аналитическим. Но в таком случае все синтетические сложноподчиненные предложения примыкают к главному способом простого примыкания. Для устранения этого противоречия придумывается новый тезис: средством связи в данном случае является сама форма сказуемого, ср. тат. *Без килгәч, жылыш башланды* 'Собрание началось, когда мы пришли'. Здесь средством связи придаточного предложения *Без килгәч* является, оказывается, сама форма деепричастия *килгәч*. Но это неверно. Деепричастие *килгәч* здесь ничего не связывает, а только примыкает. Сторонники этой теории выдают логическую связь за языковую.

Термины "главное предложение" и "придаточное предложение" не случайны, так как они именуют собой явления одной и той же природы. Если мы абстрагируемся от средств, связывающих главное и придаточное предложение в русском языке, то получим в результате два простых предложения: *Когда учитель вошел в класс, ученики встали* — *Учитель вошел в класс. Ученики встали*.

Что является самым необходимым для предложения? Даже самое маленькое предложение, состоящее только из подлежащего и сказуемого, должно выражать логически вполне законченную мысль, например: *Ученик пришел*. Почему в данном случае мы достигли выражения законченной мысли? Всякое предложение есть не что иное, как раскрытие признака. В данном случае мы назвали предмет и раскрыли один из его признаков, его процессуальный признак. Личная форма глагола не только дает возможность назвать этот признак, но и определенным образом соотносит его с его носителем, поэтому наилучшим средством обеспечения выражения логически законченной мысли являются личные глагольные формы.

Сочетание им. падежа с деепричастиями не может дать логически законченного предложения. Представьте себе, что мы пришли в аудиторию и сказали: *Ученик сидя, Петров вставши*. Вероятнее всего, присутствовавшие в аудитории сочли бы такого рода сочетание бессмыслицей. Почему же сочетание *ученик сидя, Петров вставши* представляются нам бессмыслицей? Здесь нарушена естественная связь деепричастия с глаголом главного предложения. Деепричастие, будучи оторвано от глагола главного предложения, не обеспечивает выражения законченной мысли. Бессмыслица сразу же исчезает, когда эта естественная связь восстанавливается. Поэтому предложения *Ученик сидя ест* или *Ученик, встав, вышел из класса* уже не будут создавать впечатления незаконченности. Такова природа деепричастия в любом языке. Поэтому деепричастие никогда не может выступать в роли действительного сказуемого, и сочетание им. падежа имени с деепричастием вообще не способно образовать предложение. Некоторые тюркологи почему-то думают, что какая-то чудодейственная специфика башкирского, татарского, казахского и других тюркских языков способна превратить эти сочетания в придаточные предложения. На самом деле никакая специфика языка не способна изменить сущности деепричастия.

В своей "Грамматике башкирского языка" Н.К.Дмитриев для доказательства своих положений приводит следующий пример: *Кояш багкас, мин өйгә кайтым* 'Когда солнце зашло, я вернулся домой' (букв. 'Солнце зайдя, я вернулся домой') [1948, 256]. Сочетание *кояш багкас*, взятое

само по себе, представляет такую же бессмыслицу, как русское сочетание *Иван встав*, так как и здесь не указана его связь с глаголом главного предложения.

Сторонники противоположной точки зрения считают, что ни при каких условиях причастные и деепричастные обороты не могут быть придаточными предложениями. По мнению одного из представителей этой точки зрения, М.Ш.Ширалиева, причастные и деепричастные обороты (на материале азербайджанского, а также других тюркских языков) не могут быть причислены к разряду придаточных предложений, так как у них нет необходимых данных, присущих предложению: во-первых, обороты не выражают законченную самостоятельную мысль, во-вторых, у них нет самого главного члена сообщения — сказуемого [1958, 81].

Н.П.Дыренкова называет синтетические придаточные предложения оборотами. Члены предложения, — замечает Н.П.Дыренкова, — могут состоять как из отдельных слов, так и из сочетания слов. Они могут представлять собою особые обороты, причастные и деепричастные. Эти сочетания находящиеся между собою в определенной синтаксической зависимости слов служат дополнениями, определениями и т.п. по отношению к главному сказуемому. Такие сочетания из нескольких слов образуют сложные структуры подлежащего, определения и дополнения. Они могут быть названы развернутыми членами предложения, или оборотами. Так называемое сказуемое такого оборота, имея свое подлежащее и управляя зависимыми от него членами, одновременно зависит синтаксически и формально от того или другого члена главного, или основного, предложения, к которому относится. Развернутые члены предложения подчиняются тем же законам, что и простые члены, т.е. располагаются перед главным предложением, которое, как правило, заканчивает сложное предложение [Дыренкова 1940₁, 269].

Н.П.Дыренкова дает классификацию причастных оборотов: 1) развернутое причастие, 2) определительный оборот (развернутое определение), 3) развернутое дополнение, 4) развернутое дополнение в вин. падеже, 5) развернутое дополнение в местн. падеже, 6) развернутое дополнение в напр.-дат. падеже, 7) развернутое дополнение в исх. падеже, 8) развернутое дополнение — сравнение, 9) развернутое дополнение в неформальном притяжательном падеже. Кроме того, выделяются деепричастные обороты, имеющие собственное подлежащее и не имеющие его [Там же, 270—281].

Взгляды сторонников этого направления вернее отражают истинное положение вещей.

Чем объяснить разногласия в определении сущности придаточного предложения в тюркских языках? Прежде всего они объясняются слабой разработанностью теории придаточного предложения. Каждый тюрколог определяет сущность придаточного предложения, исходя из личных представлений и установок, что ни в коем случае не может привести к скольконибудь однозначному решению этого вопроса. Прежде чем решать вопрос о характере придаточных предложений, необходимо выяснить, есть ли вообще в тюркских языках такие предложения, а если их нет, то почему. Другим существенным недостатком является отсутствие исторического подхода к данной проблеме.

ПРИМЫКАНИЕ КАК НАИБОЛЕЕ ДРЕВНИЙ СПОСОБ СВЯЗИ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Существует довольно широко распространенное мнение, будто бы первоначально не было никаких придаточных предложений. Человеческая речь состояла только из простых предложений, которые следовали друг за другом, образуя своеобразную цепочку, что графически можно было бы изобразить следующим образом:

Создается совершенно ложное и неправильное представление, будто бы каждое из этих предложений было совершенно самостоятельным и не имело никакой связи между собой.

В нормальной естественной человеческой речи наблюдаются два характерных случая. Отдельные предложения могут быть между собою логически совершенно не связанными, ср.: *Материки плывут* и *В Бразилии усиливается безработица*. Здесь нет никакого логического подчинения. Ни одно из событий не является следствием другого. Но могут быть и такие предложения, которые логически между собою связаны, в известной мере дополняют и поясняют друг друга, ср.: *Молния ударила в дерево. Дерево упало. В горах тает снег. Горные речки сильно разлились*. Здесь каждое второе высказывание является следствием другого. Подобная логическая связь существовала всегда. Могло не быть формально выраженных придаточных предложений, но логические придаточные предложения существовали в человеческой речи всегда, с момента ее появления. Эта логическая связь между логически связанными между собою предложениями и составляет то константное, что характеризует развитие синтаксического строя всех языков мира. Исторически менялись только выраженные формальными языковыми средствами способы выражения этой связи. На первых порах в качестве средства связи выступает простое примыкание, или коллокация. Контактная близость или расположение рядом двух логически связанных языковых единиц, безусловно, способ связи. Есть, например, языки, которые не имеют особой формы род. падежа, ср. манс. *я вата* 'берег реки' (букв. 'река берег'), хант. *ики хоп* 'лодка старика' (букв. 'старик лодка'). Не имеющие формальной связи слова в этих словосочетаниях связаны способом коллокации.

В дальнейшем несовершенный способ связи двух зависимых предложений, способ коллокации, уступает место другим способам, которые в различных языках могут быть различными.

Для тюркских языков во все периоды их исторического развития была характерна структура присоединенных простых предложений, отношения между которыми выражаются только их непосредственным примыканием друг к другу. Примыкание является наидревнейшим способом выражения синтаксических отношений; простое предложение может быть по праву отнесено в самый ранний период тюркской общности. Самый ранний этап в историческом развитии сложного предложения, очевидно, характеризовался абсолютным преобладанием простого предложения. Об этом свидетельствует материал как общетюркских памятников, так и памятников

отдельных тюркских языков, сохранивший структуру простых предложений, в рамках которых передавались не только сочинительные, но и подчинительные отношения. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *Inim Kül Tigin kargak bolty, özim sakynтым, körür köзім көрмәз таг, билір билігім билмәз таг болты, özim sakynтым* 'Мой младший брат Кюль-Тегин скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел; (а) сам я заскорбел' [Малов 1951, 33, 43]. Длинные цепные периоды легко обнаруживаются и в древних памятниках Монголии и Киргизии. Ср. онгинский памятник VII–VIII вв.: *Камук балыкка тагдём, кунладым, алтым, сүсі кәлти* 'Я напал на многие города, делал набеги, захватил, его войско пришло' [Малов 1959, 9].

Модель цепных присоединительных предложений хорошо сохраняется в фольклорном жанре, ср. аз. *Бири вар имиш, бири јох имиш, јунларин бир јундә, белә дејирләр, бир вилајәтдә Дәшкүвар адында бир падишаһ вар имиш* (АН, 32) 'Было то или не было, но, как говорят, в одном вилаете жил-был падишах по имени Дашкувар'; каз. *Ай жүреді, жыл жүреді талай елді талай жерді аралайды* (КЕ, 15) 'Идет месяц, идет год, он обходит множество народов и стран'; алт. диал. туба: *Пар бар(г)аннар, пар(г)ан(н)ар бир тура тушта(г)ан* 'Они шли, шли (и) встретили дом' [Баскаков 1965, 30]; каз. *Бұрынғы заманда бір патша бар екен, ол патшаның бір жақсы уәзірі болыпты* (КЕ, 159) 'В давние времена жил-был падишах, у того падишаха был хороший визирь'; узб. *Бор экан, йўқ экан, бир замонда бир киши бор экан. Бой ҳам камбагал ҳам эмас. Унинг ўғли бор экан, учови ҳам ўқиган, оқу қорани таниган, юзлари ойдай, ўзлари тойдай, ёман билан юрмаган, ёмон жойда турмаган эканлар* (ЎЭ, 103) 'Было ли, не было ли, некогда был один человек. Ни богатый, ни бедный, у него было три сына, оказывается, все трое ученые, знающие грамоту, лица у них были, как луна, сами – как жеребчики, по-плохому не поступали, в плохих местах не жили' и т.д.

Зарегистрированный в ранних памятниках, а также в фольклорном жанре, архаический тип цепных присоединительных предложений устойчиво сохраняется в современных тюркских языках.

В рамках примыкания выражаются прежде всего сочинительные отношения, имеющие перечислительную интонацию. Так обычно передаются одновременно происходящие или последовательно следующие друг за другом действия: аз. *Садыг бир испичкә чәкди, Молла чубуғу алышдырыб Садыга деди* (МН, 3) 'Садык зажег спичку. Мулла зажег трубку и сказал Садыку'; *Тәләсмә јатарсан, жәнә узундур* (Ибраһимов 1966, 10) 'Не горюпись, ляжешь, ночь длинная'; алт. *Агарып тань атты, көгөрүп күн чыкты* 'Белая заря занялась, синяя, солнце взошло' [Дыренкова 1940₁, 268]; ккалп. *Джәне бәхәр келди, джане кәуслар келди* 'И весна наступила, и птицы прилетели' [Баскаков 1952, 519]; кирг. *Кун өттү, ай өттү, кыш тушту* 'Прошли дни, прошли месяцы, наступила зима' [Мураталиев 1962, 6]; сал. *Таҕда kakasy kiçi avune siñ ifina çaҕazi. Kakasy öjina kelzi, arasyна jafazi* 'В горах старший брат бросил в колодец младшего, вернулся домой и сказал отцу' [Генишев 1964, 7]; тат. *Көне-төне кар ява, жил ыжгыра, туктаусыз буран уйный* 'Днем и ночью идет снег, воеет ветер, непрестанно дует метель' [Закиев 1963, 347]; тув. *Заводтуң медээзи шагдала эдиккен болгаи ажылчыннар чана берген* 'Заводской гудок давно уже прогудел,

и рабочие пошли домой' [ТРСл. 1955, 719]; хак. *Чидіп, адын алтын столбаа палгачых: ізігін асчых, изен парчік; иркін алтап, минді пирчік, кіріп-киліп, ух садағын суурып салсалды* (из сказки) 'Доехав, он привязал своего коня к золотому столбу; открыл дверь, поздоровался, перешагнув через порог, приветствовал всех, вошел (в дом) и, сняв с себя колчан, положил его (на землю)' [ХРСл. 1953, 477].

Путем примыкания простых предложений может быть передана пояснительная связь: *Ордан уч кун ўтибди подшоҳнинг кенжа ўғли туш кўрибди, тушида бир парча булут узилиб қўйнига тушибди* (ЎЭ, 91) 'Между тем прошли три дня. Младший сын падишаха увидел сон, во сне кусочек облака, оторвавшись, упал к нему на грудь'.

В рамках примыкания двух простых предложений передаются противительные отношения: аз. *Козләдим кәлмәди, ахтардым тапылмады* (Шаббарлы 1949, 31) 'Я ждал, (а) он не пришел, я искал, (но) не нашелся'; каз. *Ақ қайың қалғыды, мен ояумын* (Сералиев, 19) 'Белая береза дремала, а я не спал'; узб. *Менинг учта қизим бор, ўғлим йўқдир* (ЎЭ, 108) 'У меня три дочери, а сына нет'; алт. сев. диал. *Тўжине дьўгүрген, неме тапай турды* 'Целый день она ходила, но ничего не выходила' [Баскаков 1965, 67]; гаг. *Чекмиш-ләр, чекмишләр – чыкарамамышлар* (Танасоглу, 98) 'Тянули, тянули – не могли вытянуть'; туркм. *Окармен, гөрермен барча келамы – манасыны сече билмен* 'Читаю я, просматриваю все слова, (а) смысла их разобрать не могу' [Поцелуевский 1943, 36]; тур. *En çok ben üzüldüm, annem bilâkis tetmindü* 'Больше всех расстраивалась я; мать моя, наоборот, была довольна' [Кононов 1956, 514]; Кутадгу билиг: *Orun bärdir äşni, tärn oldurmadum* 'Ты дал мне прежде всего место, но я не сидел на нем' [Малов 1951, 265, 284].

На связь двух примыкаемых сочиненных предложений могут указывать повторяющиеся во второй части существительные, местоимения, а также соотносительные слова, ср. Среднеазиатский тефсир: *Ашәк минүб ол әшәк қашинди... Абдулла бурнин тутди* 'Сел на осла, а тот осел зачесался... Абдулла (же) зажал нос' [Боровков 1963, 206]; узб. *Хўжа Абдуллодек кўрнамақни жазога тортқумиздир, бунга зарра шубҳа қилманғиз* (Ойбек, 77) 'Мы должны привлечь к ответственности такого неблагодарного, как Ходжа Абдулла, в том ни капли не сомневайтесь'.

Роль связующего средства могут выполнять и аффиксы принадлежности во втором сочиненном предложении, ср. Кюль-Тегин: *Алтун, кўмүш, ісігі, кутай буңсыз анча бірүр табҕач будун сабы сүчиг ағысы јымшак әрміс* 'У народа Табгач, дающего нам без ограничения столько золота, серебра, спирта (или зерна) и шелка, (всегда) была речь сладкая, а драгоценности мягкие (т.е. роскошные, изнеживающие)' [Малов 1951, 28, 34].

Противительное значение, значение противопоставленности двух действий нередко создается благодаря лексико-грамматическому параллелизму. Этот тип бессоюзных сложных предложений особенно характерен для фольклорного жанра: аз. *Алим олмаг асандыр, адам олмаг четин* (Аталар сөзу, 33) 'Ученым быть легко, (а) человеком трудно'; ккалп. *Аттың жақсысы жаўмыты, тонның жақсысы маўыты* 'Лучшая из лошадей – йомудская, лучшая из шуб – суконная' [ККРСл. 1985, 865]; кирг. *Киши жаманы кирип чыккыча билинет, өз жаманы өлгөнчө билинбейт* (погов.) 'Чужая пакость сразу видна, а своя до смерти не видна' [КРСл. 1965, 134].

В рамках примыкаемых простых предложений могут быть переданы не только сочинительные, но и подчинительные отношения.

Наиболее часты случаи (как в памятниках, так и в современных тюркских языках), когда в рамках примыкаемых двух предложений передаются объектные отношения. Правда, иногда такой структурный тип является результатом эллипсиса. Ср. аз. *Сөз вермишәм, муәллим кәтирдәжәм!* (Ибрагимов 1966, 22) 'Я дал слово, что привезу учителя'; *Мән билирдим о динч отурмаягадыр* (Җаббарлы, 44) 'Я знала, он не усидит спокойно'; гаг. *Хырсыз гөрмүш, геләр бир адам ардына* [Мошков 1904, 25] 'Вор увидел, идет сзади человек'; тат. *Узең беләсең ат кебек эшләдем мин* (Гази, 72) 'Сам знаешь, как лошадь, работал я'; туркм. *Горкарам, яр бизи чыкарап ятдан* 'Я боюсь, что возлюбленная забудет нас' [Поцелуевский 1943, 86]; хорезмский памятник XIV в.: *Көрәрмән бир йәрли көкли арасында бир улауе тахт урулмыш* 'Вижу, (что) между землей и небом был построен величественный трон' [Фазылов, 1966, 566].

В тюркских языках чужая речь нередко включается непосредственно после вводящего ее глагола речи путем простого к нему примыкания. Ср. аз. *Чох хаһиш эдирәм, мәним ихтиярыма верилмиш бу отагы бу дәгигә тәрк эдин* (Меһди 1954, 359) 'Я очень прошу, сию же минуту освободить эту комнату, отданную в мое распоряжение'.

Определительные отношения: аз. *Арвад вар, эв тикәр, арвад вар эв йыхар* (Аталар сөзу, 32) 'Есть женщина, (которая) дом строит, есть женщина, (которая) дом разрушает'; Среднеазиатский тефсир XII–XIII вв.: *бир түн бәрди миң ајдін, јіграк турур* 'дал одну ночь, (которая) лучше тысячи месяцев' [Боровков 1963, 224].

Временное соотношение действий: тат. *Кояш урман артына яшеренде, мин авылга килдем* (Юлтый, 107) 'Солнце скрылось за лесом, я приехал в деревню'; *Карағы төште, ут кабыздылар* (Фәттах 1967, 38) 'Наступила темнота, зажгли огонь'; древнетюркские памятники Киргизии XIII–XIV вв.: *Куштанч алаимта ундәнә сы болды, түркчә жыл лу әрүр јашының саны отуз сәкіз болур* 'Девушке Куштанч случилась смерть – (когда) по-тюркски был год Дракона, число возраста ее было 38' [Малов 1959, 76, 77].

Значение временного соотношения двух действий нередко достигается и лексическими средствами – использованием в первом предложении слов с временным значением. Ср. узб. *Тулки уйда ўзининг ва лайлакнинг болаларига қараб ўтираверибди, орадан беш кун ўтибди, олти кун ўтибди, лайлакдан дарак бўлмабди* (ЎЭ 40) 'Лиса в доме присматривала за своими детьми и за детьми аиста, между тем прошло пять дней, шесть дней прошло, не было известия от аиста'; аз. *Іај кәләр, онда биләр, јахшыдыр, ја пис* (Ибрагимов 1966, 66) 'Придет лето, тогда узнает, хорошо или плохо'; гаг. *Олду ики гүн хем ики гежә титирерим бурда* (Буджактан, 127) 'Вот уже два дня и две ночи как я здесь брожу'; Среднеазиатский тефсир: *јеті јіл турур біз тарліқ қатіеліқ ічіндә турурбіз* 'Уже семь лет мы живем в нужде и тягости' [Боровков 1963, 204].

Причинно-следственные отношения: каз. *Қунанбай бул жеріне дауласқан жоқ, түсінді* (Әуэзов, 167) 'Кунанбай не стал спорить по этому вопросу, он понял'; кирг. *Асан мектепке келбеди, ал ооруп калган* 'Асан в школу не пришел. Он заболел' [Сартбаев 1953, 16]; тув. *Чуу дээр боор, ооңу шын!* 'Ничего не скажешь. Он прав' [ТРСл. 1955, 721].

Условно-уступительные отношения: ног. *Айтарман – меннен көтөр* 'Скажу – от меня уйдут' [Баскаков 1940, 167].

Подчинительный характер отношений между двумя примыкаемыми предложениями может создаваться и лексико-структурными средствами: 1) использованием анафорических местоимений и слов, являющихся как бы заместителями союзной связи (наиболее архаичный способ); ср. Историю пророков Рабгузия:

*اول یردا بیر تورلوک خلق بارایردی
اولارنی مولی عزوجل قران ایچینده موعتفکات تیدی*

'В этой стране проживал разный народ, который бог – он почтенен и высок – в Коране назвал "мутфакат" [Малов 1951, 325, 333]; 2) использованием соотносительных слов в первом предложении, которые могут предполагать опущенный союз во втором: аз. *Ан элә биләр, һамы андыр* (Аталар сөзу, 41) 'голодный так думает, (что) все голодны'; тат. *Јулыкны ул шундый матур итеп чиккән, аңа карап торган кеше мәхәббәтнең кайнар сулышын тойган* (Дәули 1962, 50) 'Она так красиво расшивала платок, что человек, смотрящий на нее, чувствовал горячее дыхание любви'.

В процессе развития синтаксической структуры язык изыскивает и другие средства для передачи подчинительных значений. Для передачи атрибутивных отношений используются аффиксы принадлежности. Ср. Кутадгу билиг (наманганск.): *Ади јахшы айтус тил көңли түз* 'Очень хорошо сказал тот, язык и сердце которого правильны' [Малов 1951, 251, 276].

Для создания значения направленности действия используются формы повелительного, желательного, условного наклонений: гаг. *Нечин сән брактын бени көпекләр параласыннар* (Карачобан, 11) 'Зачем ты меня оставил, (чтобы) собаки растерзали (на растерзание собакам)'; памятники Монголии VII–VIII вв.: *Кәрәк әрди, сән та туну уқса сән* 'Нужно, чтобы и ты все это понял [Малов 1959, 264].

Для выражения временного соотношения действий используются временные формы в соответствующем сочетании положительного и отрицательного аспектов: аз. *Һәлә мәктәбдә дәрс гуртармамышды, район марказиндән колхоза адам кәлдийини Тәрлана хәбәр вердиләр* (Меһди 1954, 114) 'Еще не закончились в школе занятия, (как) Тарлану сообщили, что из районного центра приехал человек'; узб. *Кўп ўтмади, уғрилар шаҳарга кириб келдилар* (ЎЭ, 196) 'Не прошло много времени, как воры вошли в город и проникли в сад, находящийся за дворцом' и т.д.

В фольклорном жанре всех тюркских языков, а также в памятниках, отражающих разговорную речь, сохранилось немало случаев, когда различные подчинительные отношения (временное соотношение действий, их обусловленный характер и т.п.) передаются средствами лексико-грамматического параллелизма: аз. *Адамын узунә бахарлар, һалыны хәбәр аларлар* (Аталар сөзу, 25) 'Когда смотрят человеку в лицо, узнают о его состоянии'; тув. *Ада өлүр, оғлу артар, аьт өлүр баллаажы артар* 'Отец умрет – сын останется, конь падет – коновязь останется'.

Бессоюзная связь предложений, при которой сочинение и подчинение различаются менее четко, считается более архаичной. Правда, отсутствие союза может быть результатом, как уже отмечалось, опущения (эллипсиса) союза.

Мы разделяем общепринятое в истории лингвистической литературы

положение о том, что подчинение предложений (гипотаксис) развилось на основе сочинения (паратаксиса) предложений. Очень удачно это положение сформулировал Я.А. Спринчак применительно к материалу русского языка: "Исторический синтаксис сложного предложения исходит из гипотезы, что в древнейшую эпоху развития языка существовали первоначально только независимые простые предложения, а затем развивались сочетания предложений для выражения все усложняющейся мысли, причем раньше существовало объединение равноправных предикативных единиц-предложений, а затем на основе сочинения развивалось подчинение предложений" [1964, 7]. На примыкание, как основной способ связи, свойственный индо-европейскому синтаксису, неоднократно указывал А. Мейе. В.М. Жирмунский, характеризуя синтаксис немецкого языка в историческом освещении, отмечает, что "дифференциация и усложнение системы подчинения есть явление относительно позднее", и ссылается на материал крестьянских диалектов, которые сохранили более архаичский тип синтаксических отношений: во многих случаях логические отношения между предложениями остаются невыраженными и наблюдается простое сопоставление предложений там, где мы ожидали бы встретить логическое и грамматическое подчинение или более сложную форму сочинения [1956, 66].

Подчинительные связи в тюркских языках выражаются преимущественно логически, располагая скудными средствами своего грамматического выражения (аффиксы принадлежности, соотносительное употребление временных форм, форм косвенных наклонений и т.д.). Однако поскольку в языке существует тенденция к грамматическому совершенствованию — к созданию для соответствующих значений специальных грамматических показателей, в тюркских языках появляется способ так называемой трансформации, т.е. преобразования самостоятельного предложения в подчинительное.

ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ

Каковы же доказательства того, что зависимые трансформы в тюркских языках представляли некогда самостоятельные предложения?

1. Наличие двух самостоятельных грамматически выраженных подлежащих (первоначально соединялись два самостоятельных простых предложения).

2. В историческом развитии сложного предложения в тюркских языках можно выделить период неполной трансформации, когда грамматическая целостность сказуемого сохраняется, но трансформируются вспомогательные средства, которые сообщают конструкции подчинительное значение.

1) Трансформируется вспомогательное средство — глагол *ол-бол-*, которое, сообщая конструкции необходимое подчинительное значение, сохраняет грамматическую независимость сказуемого, именного и глагольного (с сохранением у последнего его временного значения); трансформант *ол-бол-*, принимая именные свойства, может находиться с субъектом действия в изафетной аттракции: ккалп. *Оның не айтпақшы болганын Салай уста түсинип* (Қайыпбергенов, 93) 'Салай-уста задумался, — что же он намеревается сказать'; тур. *Başımı kaldırınca, önümde senelerden beri aynı intizamla yanan kandilimin sönmüş olduğunu gördüm* (Sabahattin 1966, 96) 'Как

только я поднял голову, я увидел, что лампа (светильник) моя, горевшая, как обычно в течение многих лет, погасла': узб. *Бу ишининг бутун даҳшати ўша йили қузда бодавлат бир хонадондан совчи келадиган бўлганда биллинд* (Қаҳҳор) 'Весь ужас этого дела обнаружился тогда, когда в том же году осенью стали ходить (хаживать) сваты из одной богатой семьи'.

2) Трансформируются слова *бар, йок*: памятники Монголии и Киргизии — *Ол кан йок болтукда кәсрә әл йитмис вьчынмыс* 'Затем, когда этого хана не стало, народ (наш) погиб, рассеялся и разбежался' [Малов 1959, 8, 9].

3) В большинстве тюркских языков широко используется вспомогательное слово *да-*, которое, трансформируясь, вносит различные подчинительные значения и предохраняет сказуемое от грамматических изменений: трансформант *деген* вводит придаточные определительные предложения: каз. *"Біреуге ор қазба өзің түсерсің"* *деген мақал бар* (КЕ, 430) 'Не рой могилу другому, сам в нее попадешь — есть такая пословица': узб. *Бизнинг русларда "Еш кучи танада, кекса кучи мида"* *деган нақл бор* (Чашмалар, 101) 'У нас, русских, есть предание (изречение) — молодые силы в теле, старые силы в мозгу': в южных тюркских языках эту функцию выполняет *dijen*: туркм. *"Дузгун нызамы долы бержай этмели"* *диен сөзлер бригаданың баш шыгары болды* (Маммадов, 61) 'Слова "полностью соблюсти дисциплину" стали главным лозунгом бригады';

трансформант *деген* вводит объектные придаточные предложения: каз. *"Күндестің күлі күндес"* *дегенді сен білмейаққой* (Әуезов, 163) 'Ты не знаешь разве, что у соперниц и зола в очагах соперничает': узб. *Адолат отанинг "хаммамиз неварангиз бахтини ўйлаймиз"* *деганлари ёдига келиб*, *кўнгли оппоқ, тонга киб* *ёришди* (Чашмалар, 30) 'Она вспомнила слова Адолат-опа: "Мы все думаем о счастье ваших внуков", — и сердце ее озарилось словно яркая утренняя заря';

трансформант *деген* вводит придаточные предложения обстоятельственные: уйг. *Рәһмити боваң туген, алтә ай болди дәгәндә, уруклар, йеңидин чәчәкләшкә башлиғанда түгүливедиң* (Босақов, 43) 'Спустя шесть месяцев после смерти твоего деда, когда урюк заново зацвел, ты родился'.

4) Оформление прямой речи в тюркских языках свидетельствует о развитии сложного предложения на базе примыкания двух простых предложений; слово *деб/ден* нередко ставится как чисто формальный элемент, вместо кавычек, и сохраняет грамматическую целостность чужой речи в ее прямой передаче; ср. тат. *Кем бу? — дип уйланды Зина һәм шикле кешенең немец офицеры формасында булуын күргәч, ирексез кесәсенә тыгылды* (Расих 1954, 73) 'Кто это? — подумала Зина и, увидев, что подозрительный человек был в форме немецкого офицера, невольно схватилась за карман'. Развитие служебной функции слова *деб* происходит одновременно с развитием в тюркских языках сложноподчиненного предложения. Абстрагируясь от конкретного своего значения глагола речи, *ден* уже как служебный элемент осуществляет подчинение, предохраняя включаемое предложение от грамматической трансформации. Так, прямая речь становится придаточным изъяснительным предложением: тув. *Кара-оол хурал болур деп чугаалаан* 'Кара-оол сказал, что будет собрание' [ТРСл. 1955, 720]; хак. *Сибіцекненъ Сибуйек ам даа чон аразында чуржапчалар тін чоохтасчадырлар апсахтар* (ХЧН, 17) 'Старики рассказывают, что будто бы Сибичек и Сибдейк до сих пор где-то среди народа живут'.

На базе примыкаемой прямой речи с использованием служебного элемента *деп* во всех тюркских языках продуктивно развиваются придаточные предложения цели. В них особенно наглядно сохранение в придаточных всех грамматических форм самостоятельного предложения. Ср. шор. *Анзайыт – деп, тага шыктым* 'Я поднялся на гору, чтобы поохотиться (говоря, да стану-ка я охотиться, я на гору поднялся)' [Дыренкова 1941, 302].

5) Трансформант – деепричастная форма на *-əli/-əli* от того же корневого глагола: тур. *Vapura girdi gireli bir kere bile karni doymamıştı* (Sabahattin 1966, 109) 'С тех пор, как он сел на пароход, он ни разу не был сыт'.

6) В примыкаемом логически зависимом предложении при сказуемом в одной из форм изъявительного наклонения употребляется отрицательная форма от того же глагола; ср. узб. *Орадан икки хфта ўтар-ўтмас, отамнинг аҳволи жуда оғирлашди* (Чашмалар, 69) 'Не прошло и двух недель, как состояние отца сильно ухудшилось'; туркм. *Сәхелче вагт гечип – гечмәнкә, деңзин, йузунде гериш – гериш толкунлар пейда болды* (Мәмәдов, 57) 'Не прошло и немного времени, как на море появились гребни волн'.

7) Трансформируется именное сказуемое. Слова *бар/йок*, субстантивирываясь, принимают аффиксы принадлежности, падежные аффиксы вступают с субъектом действия в изафетные отношения:

бар/йок + (*-лыг*) + аффикс принадлежности + вин. падеж: кум. *Булар мени барымы билип гелмегини ачык зат* (Ягъияев, 138) 'Ясное дело, что они не придут, зная, что я есть (присутствую)'; тат. *Аның кесәсендә акча барлыгын Ислам да бик яхшы белә иде* (Фәттах 1966, 7) 'Ислам очень хорошо знал, что у него в кармане есть деньги'; чув. *Тарям шухайша путнә Мишша урамра мән пурри суккине асәрхамасәр тенә пек, ерипен килнеле утрә* (Талвир 1954, 113) 'Погруженный в глубокие думы Миша медленно шел по направлению к своему дому, будто не замечал того, что происходит на улице';

бар/йок + (аффикс принадлежности) + дат.-напр. падеж: лобн. *Огул јокко, огул болголу, келдәм кыз јокко, кыз болголу келдәм* 'У кого нет сына, я пришел быть сыном, а у кого нет дочери, я пришел быть дочерью' [Малов 1956, 27, 28];

бар/йок + местн. падеж: тув. *Хат чокта сиген бажы шимчевес* 'Без ветра и трава не колышется' (Тыва домак., 44, 45); хак. *Адазы чохта оол настых, іезі чохта хыч настых* [ХРСл. 1953, 146] 'Когда нет отца, сын – глава, когда нет матери, дочь – глава'.

Трансформант *бар/йок*, принимая показатель *-ган*, образует определительную конструкцию: сал. *Саңа ара јоқтауан рәла* 'Ты ребенок, у которого нет отца' [Тенишев, 1964, 14].

Отношения между двумя примыкаемыми предложениями, одно из которых в качестве сказуемых имеет слова *бар/йок*, могут быть оформлены по 3-му типу изафета. Ср. башк. *Эше юктың ашы юк, эше барзың ашы бар* 'У того, у кого нет работы, нет и еды, у кого есть работа, есть и еда' [Дмитриев 1948, 255].

8) Трансформируется недостаточный глагол-связка *е-/и- + ган* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: каз. *Ертең тағы балық керек екенін билсе де, ауын басқа жерге аударып салуға асықты* (Нурпейсов, 9) 'Хотя

знал, что завтра еще нужна рыба, он спешил поставить сетку в другое место'; кирг. *Врачтар оорунун сыры эмнеде экенин ошондо гана билишти* (Каимов, 139) 'Врачи только тогда узнали, в чем секрет болезни'; чув. *Ача чухне манйң ғав сәрт җине хәпарса ун леш енче мән иккенне пәлес килетчә* (Алендей, 11) 'В детстве мне хотелось, взобравшись на этот холм, узнать, что находится на другой стороне'.

Трансформант *е-/и- + ган + лыг* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж.: ккалп. *Ол екенлигин билмедим* 'Я не знаю, что это был он' [ККРСл. 1958, 188]; узб. *У эрининг ўқишига қарши эканлигини фаҳмлади* (Шукуров, 7) 'Она понимала, что ее муж против учебы'.

Трансформант *ә(p)- + -дук* + аффикс принадлежности + вин. падеж. Ср. Кутадгу билиг: *ای تولدی اوزی دولت ایردوگین ایور* '(Глава) говорит о том, что Ай-Толды сам есть счастье' [Малов, 1951, 225, 229].

Трансформант *ә(p)- + -мыш* + аффикс принадлежности + вин. падеж. Ср. Среднеазиатский тefsир: *Märjäm bildi ärsä ol färiştä ärmishini adämi ärmäs köңli amrudä* 'Когда Марьям узнала, что то был, оказывается, ангел, не человек, (то) сердце ее успокоилось' [Боровков 1963, 51].

Трансформант *э-* в отрицательном аспекте: *эмас + лыг* + аффикс принадлежности + вин. падеж: кирг. *Балдар аның сөзүнөн сборго чогулганда кандай тартип таалим сакталса, саякатта да ошондой тартип менен жүрүш керек экенин, отряддан уруксатсыз бир кадам жылыш мүмкүн эместигин угушту* (Назир, 25) 'Ребята услышали с его слов, что в походе надо соблюдать такую дисциплину, которую соблюдают во время сбора, что нельзя отходить от отряда ни на шаг'; узб. *Мирзо Ёдгорнинг шавқати мустақкам эмаслигини тасвирлади* (Ойбек, 91) 'Он дал понять, что слава Мирзы Едгора непрочна'.

Трансформант *дейил + лыг* + аффикс принадлежности + вин. падеж: туркм. *Йөне вели энтек обадан чыкып гитжек дәлдигими айтдым* [Сарыханов 1951, 10] 'Однако я сказал, что пока я не уезжаю из деревни'.

3. В истории развития сложного предложения имеются факты, когда на подчинительный характер одного из двух примыкаемых предложений (как именных, так и глагольных) указывают служебные слова при сказуемом. Выступая как бы заместителями союзной связи, они сохраняют грамматическую самостоятельность сказуемого.

1) Именное предложение со сказуемым *бар/йок* + служебное слово: *бар/йок + учун*; ср. памятник енисейск.: *Тонларым ар атым јок үчүн јәти ашнукуы әшим ташру әтилі* 'Мои лагеря; так как не было (сначала) у меня геройского имени, то семь передовых моих дел были совершены в заграничных боях (вне)' [Малов 1952, 73, 74]; чув. *Представитель сук пирки сьезд сүтсе явнә пәрремеш ыйтуна ял Совет председателә Шишкина тухса каласрә* (Ухли 1956, 41) 'Так как представителя не было, по первому вопросу, обсуждавшемуся на съезде, выступила председатель Совета Шишкина'.

бар/йок + сактарза: башк. *Ғариф өйзә юк сактарза ул Вахит менән кунак өйнә сыға* (Хайри, 53) 'Когда Гарифа нет дома, он с Вахитом переходит в дом гостя'.

2) Глагольное предложение + служебное слово: *verbum finitum + гиби*: тур. *Ve ikimiz de esrarlı bir musikiye uyuyormuşuz*

gibi ağır ağır sallanıyorduk (Sabahattin 1966, 105) 'И мы медленно раскачивались, словно мы засыпали под таинственную музыку';

verbum finitum + ичин: тур. *Bana acıyan kiracılar iş bulabilmem için elbirliğiyle beni giydiren kuşandırmaya karar vermişler* (Nesin 1962, 40) 'Так как я не мог подыскать работу, жалеющие меня жильцы решили коллективно меня приодеть';

verbum finitum + ялы: туркм. *Багшы өзүниң гызып баршына йүрегине ве дутарына сыгдырып билмедик ялы, шейле бир бенди гаты сес билен аңдын гойберди* (Сарыханов 1961, 13) 'По мере того как Багшы все больше и больше разгорался, он пропел громким голосом такую строфу, точно она не вмещалась ни в его дутар, ни в его сердце';

verbum finitum + тае/дек: уйг. *Яш чоканниң гөзәл узини ач көз жигитләрниң яман көзидин – йошурған чүмпәрдидек, бу асман гөзәллирини қара булут тосавалған* (Босақов, 34) 'Подобно тому как красивое лицо молодой замужней женщины скрывается от дурного взора (взгляда) жадных молодых людей, (так и) красоты этого неба были закрыты черной тучей';

Процесс образования сложного предложения этого типа облегчается тем, что модель verbum finitum в сочетании со служебным словом существовала уже в рамках простого предложения (ср. тур. *Kızın dili tutulmuş gibiydi* (Cumh.) 'Словно язык у девушки был скован').

4. Наблюдаются факты грамматического перерождения связки, вспомогательного слова: при трансформации они, сохраняя независимость основного сказуемого, придают разнообразные подчинительные значения:

бар/йок + әркән, икан: тат. *Иптәшләрдә татулык юк икән аларның эше уңайга бармас* 'Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет' [Газизов 1952, 215]; памятники древнетюркской письменности: *jir t(ä)ñri joç* (чит. *joç*) *ärkän* 'Когда еще не было земли и неба' [Малов 1951, 118, 122];

verbum finitum + әрсәр – памятники христианского содержания XIII в.: *Qaçan ol moçočlar Bidilx um-qa tägdilär әrsär, ol jultuz täbrämädin şük turdu* 'Лишь только те волхвы достигли Вифлиема, звезда эта не двигалась и остановилась' [Малов 1951, 134];

verbum finitum + болсо: алт. *Je, кудай берген болзо, Кудайга берү эт* 'Ну, коль бог нам дал, сделай богу жертвоприношение' (Алтын-бизе, 15) и т.д.

5. В примыкаемом логически зависимом предложении при сказуемом в одной из форм изъявительного наклонения употребляется вопросительная частица *мы/ми/му/му*, передающая отношения временной соотношенности действий. Ср. узб. *Ғазабимдан Илхомжоннинг кўлини қаттиқроқ қисдимми у йиғлагудай бўлиб* (Чашмалар, 84) 'Когда я от возмущения крепко сжала руку Илхомжон, она готова была расплакаться'; уйг. *Кабина ичи иссип кәттиму һәмминин нәпәси, егирлишип, тени қизиди* (Төхтәмов, 42) 'Когда кабина прогрелась, дыхание у всех стало тяжелым, тела разогрелись';

В дотрансформном состоянии способ примыкания поддерживался системой частиц, которые хронологически относились к довольно раннему периоду праязыкового состояния. Частицы союзного порядка предохраняют сказуемое зависимого предложения от трансформации. Постпозиция частиц союзного порядка – явление не случайное в структуре тюркских

языков, а обусловленное прежде всего давлением своей системы (давление системы сказалося и в развитии в ряде тюркских языков постпозитивных союзов – ср., казалось бы, неестественное положение союза *ки*, составляющего с главным предложением в азербайджанском языке единую ритмико-синтагматическую единицу; в данном случае наглядна контаминация внешних и внутренних факторов в развитии синтаксической структуры, см. об этом подробнее в гл. IV). Ср. ккап. *Уйдиң ишинде от сөнди де, ол қаранғы болғанын көрди* 'Он увидел, что стало темно, как только внутри дома погас огонь' [ККРСл. 1958, 866]; тат. (миш. диал.) *Халын алдырмадбы так эшләмәгидән* – лит. *Халыңнан килмәсә* 'Если положение не позволяет, так не нужно было тебе и делать' [Шакирова 1949, 144].

Частица *да/де* соответствует частице *дак* в русском языке; ср. северные говоры (Архангельская область): *Иди, пошел дак*. В коми-зырянском языке ей соответствует частица *кӧ*: *Босьт, босьтин-кӧ* 'Возьми, взял дак'.

6. В примыкаемом логически зависимом предложении сказуемое, сохраняя основные грамматические признаки глагола-предиката – времени, лица и числа, вместе с тем принимает падежные аффиксы, устанавливающие отнесенность связь с главным предложением. Таким образом, мы фиксируем намечающийся процесс трансформации. Это случаи так называемой конверсии, когда verbum finitum превращается в глагольное имя. Подобное явление хронологически более позднее. Оно предполагает развитую систему не только verbum finitum, но и отглагольных имен. Трансформация может затрагивать систему как настоящих, так и прошедших времен глагола.

Трансформация форм наст. времени Ср. туркм. *Хабар этмелими я да ёк?* (Мәммәдов, 67) 'Сообщать мне или нет': *Сениң бу этмәңи диңе мен дәл, әмма өзүн билен биле ишлейән әхли жораларың хем язгарярлар* (Там же, 78) '(А) то, что твой поступок не только я, но и все работающие с тобой твои подруги осуждают'; тур. ... *eniştem geldi, akşama misafirliğe gelecekle-rini söyledi ve sana bildirmemi tembih etti* (Nasreddin, 15) '... приходил мой зять, сказал, что вечером они придут в гости, и рекомендовал мне не сообщать тебе'; каз. *Жалғыз-ақ "не қылайыны?" жоқ қой* (Әуезов, 174) 'Только не говорите "что смогу сделать?"'

Трансформация формы прош. категорического на -ды: аз. ...*сәнин дә кәлмәйин . лап шаһ кәлдисинә дәнду ки, – деди, – нийә белә кешикдин?* (Меһди 1954, 8) '... а твой приезд прямо-таки превратился в приезд шаха, – сказал он, – почему ты так опоздал?'; кбалк. *Бир да хошкелдиге киши келмейди* 'И никто не идет приветствовать' [МБД 1962, 67]; кирг. *Тойдун болот-болдусу менен меймандын келди кеттиси кызык болгондой, чоң иштин да башталышы өзүнчө бир кызык* (Рашидов 1961, 18) 'Как начало и конец тоя и приход и уход гостей, так и начало больших дел по-своему интересно'; кум. *Магъя сююнчлю хош гелдингни берединг* (Акавов, 16) 'Ты мне сердечно ответил: добро пожаловать'.

В туркменском языке субстантивация личной формы на -ды возможна и без падежного оформления: *Ондан гөрдим билдим болмады* 'От него нет ни слуха, ни духа'.

Трансформация формы прош. времени на -ган: ккап. *Кеште Төребайдың өзи келмегенлерди анықлап шықты* (Қайыпбергенов, 28) 'Вечером стало совершенно очевидно, что сам Төребай не пришел'; *Бизиң уйди оққа тутып, Жумағұлдың кемпирин атып кеткенлерге ким жууап береді?* (Там же,

29) 'Наш дом попал под обстрел; за то, что Джумагюль бросила старуху и уехала, кто отвечает?'; кум. *Бююн ахшам ондан кычып гелегенлени гёрдюм* (Ягбияев, 10) 'Сегодня вечером я видел, что они прибежали от него'; шор. *Пөрүбе кой пир шуланда чатканнарын кайдань көрдинь* 'Где ты видел, чтобы волки и овцы жили в одном дворе' [Дыренкова 1941, 291].

Трансформация формы прош. времени на *-мыш* — Золотой блеск: *Nän (bu kişi) b(ä)lgülüg utqaraq tüşinä tägmış lärin iti körtüküm joq ärti* 'Но я ясно не видел совсем, чтобы такие люди подвергались явному и естественному возмездию' [Малов 1951, 155, 158].

7. В тюркских языках можно привести немало примеров (на материале как древних, так и современных языков) на такие структурные построения, в которых наглядны соотношения между двумя логически зависимыми предложениями, основанные на примыкании. Довольно распространены сложные построения, где первое примыкаемое выступает на правах определения. Предложение имеет именное сказуемое. Такого рода конструкция — одно из оснований для возможной трансформации. Относительная связь между двумя предложениями может быть выражена аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа, которым оформлен субъект действия зависимого предложения: чув. *Пуртё сивё сын сивёрен хараса пирён патне выртма килтё* 'Человек, у которого изба холодная, из боязни холода пришел ночевать к нам' [Ашмарин 1903, 386]; Кюль-Тегин: *Нәнцылсыз будунка олурмадым, ичрә ашсыз, ташира тонсыз јабыз јаблак будунта үзә олуртым* 'Я отнюдь не сел (на царство) над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи — одежды, (над народом) жалким и низким' [Малов 1951, 31, 39].

Начальным этапом процесса трансформации была адьюстация — простое присоединение, приспособление без грамматического изменения. Путь адьюстации прослеживается в отношении как именных, так и глагольных предложений. Относительная связь между двумя предложениями может быть выражена аффиксом принадлежности 3-го лица при субъекте действия зависимого предложения. О древности способа примыкания двух ранее самостоятельных предложений и развитии на их базе сложноподчиненного предложения свидетельствуют следующие синтаксические построения в тюркских языках.

1) Конструкции с *бар* и *йок*, которые ставятся перед главным в качестве логического определения в соответствии с законным порядком слов "определение + определяемое". Ср. каз. *Барлық Шыңғыс сыртындағы ұшы-қыйыры жоқ ен өлке, кең сала, мол жайлау, қуйқалы адыр, қалын таулардан жұрт ағылды* (Әуезов, 42) 'На огромной территории Шынгыса, которой нет конца и края, на широких отрогах, обильных джайлау, черноземных возвышенностях и среди сплошных гор скопились аулы'; туркм. *Илде йок һүнәри билсин* 'Пусть узнает такое ремесло, какого нет в народе' (Туркм. сказки, 56); *Ҳиди йўқ, гул назаримда, ҳиссиз гўзалларга ўхшаб кетади* (Чашмалар, 50) 'Цветы, у которых нет запаха, с моей точки зрения, похожи на бессердечных красавиц'; Кюль-Тегин: *Ол амты аныз јок түрк каган Отүкән јыс олурсар йта буң јок* 'Если в Отюкэнской черни сидит тот тюркский каган, у которого нет теперешней порчи, то в племенном союзе нет стеснения' [Малов 1951, 49].

2) Именные предложения (в том числе и со связочными средствами

турур или *ол-/бол-*). Ср. Кутадгу билиг (наманганск.) *Axir tägdi Älik turur orduqa* 'Наконец, достиг он лагеря, где обитал Элик' [Малов 1951, 249, 274]; кбалк. *Коб эхциси болган бир кгошха зетхенди* 'Пришел к одному кошу, где много было коз' [МБД 1962, 26, 28, 29]. Именное предложение может примыкать и на правах изъяснительного: узб. *Қиз ўзида йўқ севиниб, югуриб янгасиниңга олдиға чиқиб: Куёвингиз гапирдилар, суюнчи беринг, суюнчи! дебди* (ҮЭ, 120) 'Обрадовавшись, (что) девушки нет у себя, она пошла к жене старшего брата и сказала: ваш зять говорил — дайте подарок за радостную весть!'

В рамках примыкающих друг к другу двух самостоятельных простых предложений, передающих подчинительные отношения, и кроются условия для возможной трансформации одного из сказуемых, причем характерно, что при выражении изъяснительных отношений логически подчиненное сказуемое сохраняет еще грамматическую самостоятельность, оно еще не управляемо сказуемым главной части. Такого рода сложные предложения наглядно хранят следы структурной самостоятельности объединенных предложений. Следы этого мы находим не только в памятниках, но и в современных живых тюркских языках: аз. *Пис ишләјјур дедин* 'Ты сказал, (что) он плохо работает' (Ибраһимов 1966, 32); каз. *Кешіі — рiмi мейірімi жоқ екенi Көкше неше жерде көрдi билмейiн* (Әуезов, 171) 'Я не знаю, сколько раз (в скольких случаях) видел Кокше, что он злопамятный'; кирг. *Кермекаштан айрылдыңыз деймин* (Қаимов, 151) 'Я скажу, (что) вы расстались с Кермекеш'; тур. *Вu gece çok eđleneceđiz sanıyorum* (Reşat 1958₂, 36) 'Я думаю, что мы сегодня вечером очень повеселились'.

Грамматическое сказуемое, грамматически не изменяясь на началах адьюстации, при соблюдении твердого порядка слов "определение + определяемое" образует и определительную конструкцию. Ср. алт. *Койлор, койлор слер тьегейтик тегенен көрүп салдым* 'Овцы, овцы, я видела колючку, которую вы могли бы съесть' [Баскаков 1965, 28]; Гадательная книжка: *Turuq at sämriti jirin öpän жүгүрү бармуş* 'Тощая лошадь, вспомнив о месте, где она добрела, быстро побежала (туда)' [Малов 1951, 81, 86].

3) Модальные опатитивные предложения, приобретающие позднее значение придаточных условных предложений. Ср. тур. *Bir haftacik Jstambulа gelse de жүзүнü görsem* (Reşat 1958₂, 11) 'Поехать бы мне на недельку в Стамбул и посмотреть бы на нее'. В данном случае удобной почвой для развития придаточного условного явилась природа самой формы на *-ca*, содержащей элемент *-с*, который всегда связан с проекцией в будущее время.

УСЛОВИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

При сравнении типов построения предложений в тюркских языках с типами построения предложений в языках другого строя, можно легко заметить, что простое предложение в тюркских языках является господствующим. Можно без всякого преувеличения сказать, что простое предложение в тюркских языках стремится включить в себя все потенциально возможные придаточные предложения, создать такие заменители придаточных предложений, структура которых не противоречила бы правилам построения главного предложения. Правда, в некоторых современных тюркских языках, в особенности турецком, азербайджанском и гагаузс-

ком, эта тенденция в известной мере ослаблена, но она была определяющей в ранних тюркских языках и продолжает действовать в абсолютном большинстве современных.

Некоторые русские типы придаточных предложений во многих тюркских языках не встречаются. Это прежде всего относится к определительным придаточным предложениям типа *Человек, который много читал, много знает*; *Комната, в которую я вошел, была очень тесная*. Не типичны для тюркских языков дополнительные придаточные предложения типа *Я знаю, что у тебя нет денег*, придаточные обстоятельства времени, например: *Когда настала осень, в школах начались занятия* и т.д.

Во многом эти особенности объясняются типичным для тюркских языков порядком слов — "определение + определяемое". С точки зрения логики русские определительные придаточные предложения являются определениями. В предложении *Человек, который много читал, много знает* придаточное предложение, *который много читал* логически представляет определение, характеризующее данного человека. По этой причине оно заменяется в тюркских языках причастным оборотом, ср. тат. *Куп укыган кеше куп болә* 'Человек, который много читал, много знает' (букв. 'Много читавший человек много знает'). В тюркских языках сильна тенденция создавать определения там, где только это возможно. Деепричастие в известной степени также можно назвать определением, поскольку оно определяет действие основного глагола, ср. предложение типа: *Сидя ест, или Придя домой, я пообедал, или Копая огород, я сломал заступ*. Главное действие здесь характеризуется способом или временем его совершения. Этим объясняется начальное положение всех деепричастных конструкций в тюркских языках.

Положение определений в начале предложений, естественно, отесняло личную форму глагола на конец предложения. Это обстоятельство хорошо объясняет одно типичное для тюркских языков явление, которое состоит в следующем. В том случае, когда в предложении несколько глагольных сказуемых, только последнее оформляется в окончательном виде, а все другие, относящиеся к нему, имеют форму деепричастий. Ср. приводимый Н.П. Дыренковой пример из алтайского языка: *Айлына дьедип, атганъ түжүп, аттынъ зерин алып, адын агыдып, үйге кирди* 'Он доехал до дома, слез с коня, расседлал его, коня отпустил (и) в дом вошел' [1940, 267].

Учитывая эту особенность, можно легко объяснить невозможность образования во многих тюркских языках дополнительных придаточных предложений, вводимых союзом 'что', типа *Я знаю, что он работал на Урале*. Здесь можно было бы создать два самостоятельных, но логически связанных предложения (*Я знаю. Он работал на Урале*) или создать конструкцию, совершенно непреемлемую для тюркских языков: *Я он на Урале работал знаю*. Закономерная тенденция сохранять только конечную личную глагольную форму и заставляет устранить личную глагольную форму потенциально возможного придаточного предложения 'что он работал на Урале'. Последнее превращается в развернутое дополнение на базе отрицательного имени, в которое превращается личная глагольная форма потенциально возможного придаточного предложения, ср. тат. *Аның Уралда эшләгән беләм* 'Я знаю, что он работал на Урале' (букв. 'Я его на Урале работу в прошлом знаю').

Первостепенной задачей историка синтаксиста является выяснение того, как исторически могли возникнуть все эти особенности.

С полной уверенностью можно констатировать, что состояние предложения как в индоевропейских, так и в тюркских языках на ранних этапах развития типологически было одинаковым. Господствовало простое предложение. Однако в процессе усложнения простого предложения индоевропейские и тюркские языки пошли разными путями. В индоевропейских языках появились средства присоединения одного простого предложения к другому. Обычно таким средством являются союзы. Ср. рус. *Я знаю, что мой брат вчера получил деньги*.

В тюркских языках усложнение простого предложения выразилось в том, что из двух предложений создавалось одно. Логически подчиненное предложение при этом подвергалось трансформации, или преобразованию. Результат этой трансформации, так называемая зависимая трансформация, уже не представляла собой предложения. Из двух предложений, таким образом, получалось одно.

СУЩНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЕЕ ПРИЧИНЫ

Трансформация — это процесс, когда одно предложение, которое в индоевропейских языках (потенциально) может быть придаточным предложением, включается в состав другого предложения, которое логически является главным. Трансформация возникла в тех условиях, когда усложняющаяся человеческая мысль требовала создания какого-то более сложного средства выражения. Выбор конкретных путей выражения сложной мысли зависит от специфики данного языка или группы языков.

В тюркских языках определяющим в этом отношении фактором явился стабильный порядок слов: определение — определяемое. Поэтому 1) любое определение выдвигается на первый план, 2) необычайно увеличивается роль деепричастия, 3) в предложении становится терпимой только одна форма — *verbum finitum*, 4) увеличивается роль развернутых дополнений, 5) фактически устраняются придаточные предложения.

В тюркских языках становятся закономерными следующие способы трансформации.

1. Превращение личной глагольной формы потенциально возможного придаточного предложения в причастие для создания семантических аналогов определительных придаточных предложений и т.д. Ср. туркм. *Говачаларың япраклары душер ерде душмеди* (Байрамов 1981, 24) 'Листья хлопка не падали на то место, где они должны были упасть'; аз. *О башына кәлән сон әһвалаты, ушаглыг илләрини, муздурлуг этдийи жунләри хатырлады* (Меһди 1954, 49) 'Он вспомнил, пришедшие ему в голову последние события, детские годы и дни, когда он батрачил'; башк. *Уның улы беззен мәктәптә укыган карт базарға киткән* [Дмитриев 1948, 252] 'Старик, сын которого учится в нашей деревне, поехал на базар'; тур. *Tetkikat yapan mühendisler yolun yarım milyona çıkacağına söylemişler* (Sabahattin 1966, 310) 'Производившие разведку инженеры говорили, что дорога обойдется в полмиллиона'; тат. *Икөнчө бригада сөрәчек жиргә килеп тә життеләр* 'Пришли к участку, где должна была пахать вторая бригада' [Закиев 1963, 288]; чув. *Эпӗ пынӑ кун Енисей ӗнчен лӑпкӑ ҫил ачашӑн вӗрсе таратчӗ* (Лазарева 1977, 101) 'В день, когда я приехала, со стороны Енисея ласково дул тихий ветер'; каз. *Мақсұт келіп кірген болменің*

ишинде бирнеше столдар тур екен (Сарғасқаев, 38) 'В комнате, в которую вошел Максут, стояло несколько столов'; ккалп. *Хожанияз журген соқпақтан ол журмейге тырысады* (Қайыпбергенов, 15) 'Он старается идти по дороге, по которой шел Ходжанияз'; кбалк. *Да, ол мен айтхан кәулла жарлыкьда, хар кимге жалгәа бара айлангадыла* 'Ну, те крепостные, о которых я упоминал, в бедности и нужде жили, бродили, нанимаясь к каждому в батраки' [МБД 1962, 54, 55]; кирг. *Айкыз да, Кадыров да жүрөгүндө бук болгон пикирдин баарын айтышты* (Рашидов 1961, 23) 'Айкыз и Кадыров выложили друг другу всю тоску, которая накопилась у них в душе'; кум. *Сен гетген гүнден сонг штабда ишлер бираз бузукь болган эди* (Ягьяев, 14) 'Со дня, когда ты ушел, дела в штабе стали хуже'; ног. *Азрет баягы дамалар олтырган столдын касыннан озып, рестораннын шагып йогьнеди* (Жень йоллар, 12) 'Азрет прошел около стола, где недавно сидели дамы, и вышел из ресторана'.

2. Превращение личной глагольной формы потенциально возможного придаточного предложения в отпричастное имя для создания грамматических аналогов дополнительных придаточных предложений. В этих случаях отпричастное имя обычно употребляется в вин. падеже. Ср. тат. *Сугышның беткәнен ул хәзәр генә аңлады* (Казан утлары) 'Только сейчас он понял, что кончилась война'; чув. *Атте аста нураңнине анне пәлнә иккен* (Лазарева 1960, 43) 'Мать, оказывается, знала, где проживает отец'; ккалп. *Оннан кеин малақайымның бир қулагының төбелесте жулынганын билдим* (Аймурзаев, 125) 'После этого я узнал, что в драке от моей шапки оторвалось одно ухо'; узб. *Шимолий Америка аҳолиси "торнадо" яқинлашиб келәтганини унинг даҳшатли шовқинидан биләди* (Мүминов, 91) 'Жители Северной Америки определяют (букв.: узнают) приближение торнадо по его ужасному шуму'; аз. *Бу анда Ханларын көндәрдийи тәблиеатчылардан бәзилари Тәрланын ким олдуеуну анлайиб, йолдашларыны да чағырдылар* (Меһди 1954, 163) 'В это время некоторые из послов, посланных Ханларом, поняли, кто такой Тарлан., и позвали товарищей'; *һәлә мәктәбдә дәрс гуртармамышды, район мәркәзиндән колхоза адам кәлдийини Тәрлана хәбәр вердиләр* (Там же, 114) 'В школе еще не закончился урок, (когда) Тарлану сообщили, что из районного центра пришел человек'.

Отпричастные имена в тюркских языках широко используются для выражения временного соотношения действий.

В различных языках мира используются в основном два способа выражения одновременности действий. Первый, по-видимому наиболее древний, способ заключается в использовании значений местных падежей отглагольных имен существительных. Так, например, в ненецком языке форма отложительного падежа отглагольных имен служит для выражения зависимого действия, предшествующего по времени главному действию, а также зависимого действия, явившегося причиной главного действия, например: *ям сабраба 'махад хадахартани е'* 'оттого что землю копала, когти у меня болят' (букв. 'от копания земли когти у меня болят').

Типологическое сходство представляет оборот *ablativus absolutus* в латинском языке, например: *Alexandro mortuo, legatos Tynum misimus* 'Когда умер Александр (букв.: от Александра умершего), мы отправили послов в Тир'. Сходна с латинским абсолютная конструкция с аблативом в финском

языке: *Veljen palattua työstä menemme elokuviin* 'После того как брат возвратился с работы, мы пошли в кино' (*veljen palattua* 'от возвращения брата').

Средством выражения соотношения действий могут быть также послелоги. Значение японского послелога *kara* 'от' равно значению аблатива, и он может употребляться для этих целей, например: *Korera no tegami wo taipurata de utte kara watashi no tokoro e motte kite kudasai* (разг.) 'После того как вы отпечатаете эти письма, принесите их мне.'

Другим способом выражения соотношения действий является создание придаточных предложений, вводимых союзами.

Тюркские языки явно предпочитают первый способ. Формы местных падежей отпричастных имен и сочетания их с послелогами широко употребляются для выражения временного соотношения действий, что позволяет им часто обходиться без придаточных предложений, вводимых союзами: каз. *Ел өлтүргенге кун сураушы ең* (Әуезов, 42) 'Когда убивали джигита (храбрца), добивался же он выкупа'; кирг. *Сизди куткөнүмә үч жыл болду* (Каимов, 148) 'Три года, как я жду вас'; узб. *Қишлоғимга бормаганимга роса бир ярим йил бўлди* (Яшин, 24) 'С тех пор, как я ездил в мой кишлак, прошло как раз три года'; тат. *Яңгыр яуганга килә алмадым* [Жәләй 1947, 131] 'Я не мог прийти, потому что пошел дождь'.

Особенно часто употребляется форма местн. падежа отпричастного имени, которая фактически превратилась в деепричастие. Ср. башк. *Сәгәт телдәре тейешле вақытты күрһәткәс, сигнал ракетаны атылды* (Хәрби повестәр, 13) 'Когда стрелки показали нужное время, была запущена ракета'.

На субъект действия могут указывать притяжательные аффиксы. Ср. кирг. *Биз ошууга келип кеткенибизде, караңгы тушуп калган эле* 'Когда мы подъехали к перевалу, было уже темно'; хак. *Ол параннан тура чаби чабыс* (Бурнаков, 17) 'После того как он уехал, дом закрылся'; тат. *Ул укыганнан миңа бер зарар да юк* [Газизов 1952, 222] 'До того, что он учится, мне никакого дела нет'; каз. *Біз үйден шыққаннан ол эңгәмәсін тоқтатқан жоқ* [Сауранбаев 1946, 25] 'Когда мы вышли из дома, он не прекращал свой рассказ'.

В тюркских языках отпричастное имя может встречаться в форме ныне уже исчезнувшего напр. падежа на *-ча*. Ср. тат. *Патроннары беткәнче Искәндәр атыша* (Әпсәләмов 1953, 116) 'Искандер отстреливался, пока не кончились патроны'; каз. *Осылайша кун батқанша бутақтың устінде отырдым* (Сарғасқаков, 43) 'Так я сидел в кустах, пока не зашло солнце'; тур. *Ben haziran gelmeyince balğa çıkamam* (Nesin 1958₂, 26) 'Пока не наступит июнь, я не могу поехать за рыбой'.

В роли отпричастных имен в тюркских языках могут выступать все причастия, ср. аз. *Байрам Мәшәдибәйин Петербурдан муһәндислик охуудууну эшитмишиди* (Меһди 1953, 31) 'Он слышал, что Байрам Мешедибей в Петербурге учился на инженера'; тур. *Ben bunu okudukta şaşakaldım* 'Когда я прочитал это, сильно удивился' [Кононов 1956, 400].

Особо выделяются сочетания отпричастных имен со служебными словами, обозначающими место и время: тат. *Син килгән вақытта ул өйдә булмаган* 'Его не было дома в то время, когда ты пришел' [Каримова 1954, 15]; узб. *Пиёда аскарлар ҳужум бошлаган вақтда, қутилган ҳодиса рўй берди*

(Каххор) 'Когда пехота начала наступление, произошло событие, которое ожидали' [Кононов 1960, 397]; тат. *Фашизм булган урында улем қотылығысыз* (Дәули 1959, 60) 'Там, где есть фашизм, смерть неизбежна'; ног. *Биз келген шакта балалар ак тоьсеклерде, ак яювлар ябынып уйқлайтаган эдилер* (Ленин йолы) 'Когда мы пришли, дети спали на белых подушках, покрытые белыми одеялами'; чув. *Ана салтака аьатнй чухне те сакан-пекех кёркуннеччэ* (Ухли 1956, 7) 'Когда его провожали в солдаты, была такая же, как сейчас, осень'.

Служебные слова, по существу, выполняют те же функции, что и послелоги, сочетания которых с отрицательными именами имеют широкое распространение. Ср. тат. *Без засадага ятқаннан соң юл буйлап ялгыз фин утеп китэ* (Әпсаләмов 1953, 114) 'После того как мы залегли в засаде, на дороге показался одинокий финн'; чув. *Занягисем пётнй хысанах, ачасем выляма пусларёс* 'После окончания занятий дети начали играть' [Дмитриев 1955, 113]; ккалп. *Айшолпан өлгеннен кеин Камекбай бзинг районьмызга барды* (Аймурзаев, 184) 'После того как умер Айшолпан, Камекбай отправился в наш район'; аз. *Затән бурада кимсәнин сиз душундуйунуз кими, арвады йохдур* (Чаббарлы 1954, 66) 'В сущности, как вы и полагаете, здесь ни у кого нет жены'; *Аннаг ер олмадыгына гөрә Лачыны орая гәбул этмәдиләр* (Мөхди 1954, 14) 'Поскольку не было места, они туда не приняли Лачына'.

3. Превращение потенциально возможных придаточных предложений в деепричастные конструкции. Ср. аз. *Һәкимлә Бәйим шәһәрә гайыдаркән, клубда көстәрилән бәдиш филмин икинни сеансы гуртармышды* (Мөпди 1954, 233) 'Когда Хаким с Бейимом вернулись из города, в клубе закончился второй сеанс демонстрировавшегося там художественного фильма'; *Лачын агасынын көһна досту Гапанетин эвинә кәләндә, аилә узләри бөйук емәк столунун дөврәсинә йызышыб чай ичирдиләр* (Там же. 34) 'Когда они пришли в дом старого друга отца Лачына Карапета, члены семьи, собравшись вокруг большого обеденного стола, пили чай'; ккалп. *Мария Михайловна мал фермасына келгели, они балалар-да, жасы улкен-жасы кишилер-де жақсы корип қалған еди* (Аймурзаев, 151) 'С тех пор как Мария Михайловна пришла на ферму, к ней стали хорошо относиться (ее полюбили) и дети, и подростки, и взрослые'; тур. *Tren kalkarken çocuk gibi hüngür hüngür ağlıyordu* 'Когда отходил поезд, он плакал навзрыд, как ребенок' [Кононов 1956, 485]; узб. *Машина чайқалиб кетиб, Темиржоннинг кузлари очилди* (Абдуллахонов, 34) 'Когда машина качнулась, у Темиржона открылись глаза'; чув. *Самолет сёртен уйрәлсан, эне аялалла тайга синалле пәкса илтём те Енисей шывёпе пёр майла курс тытрам* (Лазарева 1977, 108) 'Когда самолет отделился от земли, я посмотрела вниз на тайгу и взяла удобный курс по Енисею'.

При исследовании деепричастных оборотов в тюркских языках необходимо проводить строгое различие между простыми деепричастными оборотами, не имеющими собственного подлежащего, и причастными оборотами, имеющими собственное подлежащее, так называемыми абсолютными деепричастными оборотами.

Простые деепричастные обороты отличаются тем, что выражаемое деепричастием действие осуществляется тем же субъектом, что и действие главного предложения. Ср. алт. *Ол күлүмзүринип бис дыаар*

көрди 'Улыбаясь, он глядел в нашу сторону' [Дыренкова 1940, 133]; як. *Ссылкаттан куотан Тулага тиийбитэ* [Чернов 1982, 63] 'Убежав из ссылки, оказался в Туле'; узб. *Шофер капотини очиб, мотор ичини қовлаштирди* (Абдуллахонов, 268) 'Открыв капот, шофер осмотрел внутренность мотора'; ног. *Батей шиберекти алып, куванышлы кетти* 'Батей, взяв тряпочку, радостная ушла' [ГНЯ 1973, 254]; тур. *Hemen bir akşam deđitmenin öñündeki meydanlıkta toplanur ahenk уаруyorduk* (Sabahattin 1966, 61) 'Часто вечером, собравшись на площадке перед мельницей, мы устраивали пирушки'; чув. *Пукан хысэ сине таянса ларса, вәл пите пыллакан анасларэ* (Эсхель, 84) 'Откинувшись на спинку стула, она сладко зевнула'; аз. *Мән јада иидди ишләйиб, бир аз пул йыедым* (Сарабски, 27) 'Серьезно поработав летом, я скопил немного денег'; кбалк. *Ибрахим, малланы да сюрюп, юйге келди* (Гуртуев, 17) 'Согнав скот, Ибрагим пришел домой'; уйг. *Улар чай ичип олтуруп, узақ сөзләшти* (Босақов, 10) 'Когда пили чай, они долго разговаривали'; кбалк. *Кьонакь терезе жанына олтуруп, орамдан кезюн алмай* (Залиханов, 67) 'Гость, присев к окну, не открывал глаз от улицы'; кирг. *Түйүнчөк кысып Курман алдыга жүрдү* (Садыкбеков, 102) 'Зажав узелок, Курман шел вперед'.

В предложениях этого типа никогда не было трансформации. Деепричастные обороты образовывались обычным путем.

Абсолютные деепричастные обороты возникают тогда, когда устранение потенциально возможного придаточного предложения до конца не доходит. Потенциально возможное придаточное предложение сохраняет подлежащее. Преобразуется только его глагол. Ст. тат. *Сугыш беткәч, ял итәрбез* 'Когда война кончится, мы отдохнем' (Әпсаләмов 1955, 111). Здесь два подлежащих — 'война' и 'мы'. Деепричастие *беткәч* относится к своему подлежащему — *сугыш* 'война'.

Во многих тюркских языках подобные абсолютные деепричастные обороты встречаются довольно часто: каз. *Кабинет есигі ашылып, Виктордың тулғасы көрінді* (Дайырбаев, 69) 'Когда открылась дверь, показалась фигура Виктора'; башк. *Улар коро-һары утынды санага тейәп, бәйләп беткәндә буран якшы Ук көсәгәйне инде* (Хайри, 30) 'Когда они погрузили на сани сухие дрова и привязали их, буран значительно усилился'; ккалп. *Мен келгенде урок башланган эди* [Дмитриев 1962, 391] 'Когда я пришел, урок начался'; аз. *Сәмәд ятмаға һазырлашанда, Куляз да ичәри жирди* (Мөпди 1954, 29) 'Когда Сәмед собирался лечь спать, вошел Гуляз'; кирг. *Арадан он төрт күн өткөндө Саадат, үйлөнгөн үчүн той берди* (Сыдыкбеков, 180) 'Когда прошло четырнадцать дней, Саадат устроил пир по случаю женитьбы'; кум. *Сен сөйлөгөндө мен гьеч сөз айтмадым* (Ягьяев, 114) 'Когда ты выступал, я ни слова не говорил'; кирг. *Конторага житәрәк, аның кузена бер сәер күренеш чагылды* (Хасанов, 53) 'Когда он пришел в контору, в глаза ему бросилось (его внимание привлекло) одно странное явление'; *Егетләр чыгып киткәч, һажәр үзенә урын таба алмады* (Там же, 107) 'Когда парни ушли, Хаджар не могла себе найти места'; башк. *Поезд Ырымбур вокзальна килеп туктагас та, каршылаусы халык ташкың тузанлы вагондарзың ишектәренә ташланды* (Хәрби повестәр, 30) 'Когда поезд остановился на оренбургском вокзале, людской поток встречающих бросился к дверям запыленных вагонов'.

Как уже говорилось выше, основным признаком абсолютного деепри-

частного оборота является наличие собственного подлежащего, которое не входит в сферу главного предложения. Деепричастие в таком обороте не связано с подлежащим главного предложения, поскольку последнее не является производителем действия, выраженного деепричастием. Деепричастный оборот просто примыкает к главному предложению.

Абсолютные деепричастные обороты в тюркских языках являются главным средством устранения потенциально возможных сложноподчиненных придаточных предложений.

ЗАВИСИМЫЕ ТРАНСФОРМЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Прежде чем перейти к изложению раздела о зависимых трансформациях в тюркских языках, считаем необходимым ознакомить читателя с применяемыми нами терминами и порядком изложения.

Потенциально возможное придаточное предложение — это предложение, которое в языках другого строя, например русском, могло бы соответствовать придаточным предложениям.

Потенциальное подлежащее — подлежащее потенциально возможного придаточного предложения.

Потенциальное сказуемое — сказуемое потенциально возможного придаточного предложения.

Зависимая трансформация — результат преобразования потенциально возможного придаточного предложения.

Трансформант — средство преобразования потенциально возможного придаточного предложения в зависимую трансформу.

При описании трансформации указывается трансформант и его дериваты, функции трансформанта и каждого его деривата. В конце описания дается история трансформанта.

ТРАНСФОРМАНТ — ПРИЧАСТИЕ НА -ГАН

Причастие на -ган способно образовывать причастные конструкции, которые могут служить средством преобразования потенциально возможных определительных придаточных предложений. Ср. башк. *Хәмзә йәшәгән ауыл Изелдән бейек ярында ине* (Хайри, 61) 'Деревня, в которой жил Хамза, была на высоком берегу Волги'; тат. *Әлбәттә, фашистлар аларны хөрмә үскән Испаниягә туган илләренә тугел, төрмәгә алып баралар иде* (Дәули 1959, 61) 'Конечно, фашисты их отправили не в Испанию, где растут финики, не на родину, а в тюрьму'; узб. *Алишер яшаган уйда тантаналы рух хукм сурарды* (Ойбек, 29) 'В доме, в котором жил Алишер, царил торжественное настроение (дух)'; кум. *Калага келген Сатап партиядынъ Обкомы орынласкан уйдин экинчи шарлагына коьтерилди* (Абдужалилов, 14) 'Пришедший в город Сатап поднялся на второй этаж дома, где помещался обком партии'; каз. *Кайда барамыз? — деп сурады шофер. — Кісі өлтірген жерге, — деди Керехан* (Дайырбаев, 215) 'Куда поедет? — спросил шофер. — На то место, где убит человек, — сказал Керейхан'; Родословная туркмен: *Атасы барган јаркә барды* 'Он пошел в (то) место, куда ушел его отец' [Кононов 1958, 63].

Особо следует выделить случаи, когда сказуемое-трансформант выражен

формой *болган/булган*, которая, будучи лишена материального смыслового содержания, может рассматриваться как чисто внешняя форма связи между частями сложного целого. Ср. башк. *Балалары куп булган әсаларгә пособие бирелә* 'Матерям, у которых много детей, выдается пособие' [Дмитриев 1948, 247]; ног. *Баска адетлери болган адемлердинъ арасында туры* (Кен йоллар, 41) 'Он живет среди людей, у которых есть другие обычаи'; узб. *Шодмонака раис булган колхоз* (Шарипов, 13) 'Колхоз, в котором председатель Шодмонака'.

Трансформация может затрагивать не только предикат, но и субъект действия, который в этом случае оформляется род. падежом. Ср. алт. *Бо ло менинг келгенјолымла менинг јуртыма сен бар* 'По пути, которым я ехал, поезжай мы в мое стойбище' (Алтын-бизе, 37); каз. *Улжанның жай, салқын айтқан сезі бұған ұрысқаннан да, урғаннан да жеңіл тиген жоқ* (Әуэзов, 48) 'Простое, холодное слово, сказанное Улжаном, было ему больше (тяжелее), чем ссора и избиение'.

При сказуемом-трансформанте на -ган указание на субъект действия может содержать определяемое. Таким путем образуется замкнутая трехчленная конструкция, члены которой могут находиться в изафетных отношениях. Ср. каз. *Онасы Құнанбайдың айтқан сәләмі екен* (Әуэзов, 27) 'Это оказалось привет Кунабая'; ккалп. *Теребайдың қаладан алған биринши тапсырмасы мынау еди* (Қайыпбергенов, 14) 'Первое поручение, которое Теребай получил из города, было вот таким'; кирг. *Сениң мага берген жардамынды билешет* (Каимов, 51) 'Они знают о помощи, которую ты мне оказал'; Родословная туркмен: *Бізнің айтқан сөзімізні билсалар* 'Если бы они знали слово, которое мы сказали' [Кононов 1958, 162].

Реже в подобного рода трехчленных конструкциях субъект действия остается нетрансформированным, ср. ккалп. *Бизлер келген жылы ана тилимизде оқып ашылды* (Қайыпбергенов, 49) 'Год, в который мы вступили, открылся обучением на нашем родном языке'.

Указание на субъект действия, содержащееся при определяемом, делает излишним самостоятельное употребление субъекта действия в форме личных местоимений, ср. алт. *Парган дьолынъ ажык ползын* 'Пусть дорога, по которой ты идешь, будет открытой' [Баскаков 1958, 95]; Родословная туркмен: *бу олтурған тахтың улуғ атам Дуілы Кајының турур* 'Этот трон, на котором ты сидишь, принадлежит моему деду Дуйлы-Кайы' [Кононов 1958, 134].

При сказуемом-трансформанте на -ган субъект действия может быть оформлен аффиксом принадлежности 3-го лица, который, осуществляя формальную связь с главной частью, соответствует русским относительным местоимениям. Ср. башк. *Уның улы беззең мәктәптә укыган қарт базарға киткән* 'Старик, сын которого учится в нашей школе, поехал на базар' [Дмитриев 1948, 252]; каз. *Қатыны өлген кісіге кім қызын бермейді дейді* (Сейфуллин, 115) 'За мужчину, у которого умерла жена (ни)кто не отдаст дочь'; ккалп. *Тиси шыккәкған балагәга жайнап берген тамакы болмайды* 'Ребенку, у которого выросли зубы, не годится пережеванная пища' [Баскаков 1951, 21]; кбалк. *Атасы ауруб жатхан кызы базаргәга кеткенди* [Дмитриев 1962, 390] 'Девушка, отец которой заболел, поехала на базар'; кум. *Анасы яшына гоерсетген китап* 'Книга, которую мать показала ребенку'; тат. *Әти салган йорт ул* (Фәтхәх 1966, 38) 'Это

дом, который построил отец'; уйг. *Sadir Axun bir eri olğan хотуни oldi* 'Садир Ахун взял жену, у которой умер муж' [Боровков 1935, 136]; алт. *Сен барган урак јерге* 'В края далекие, куда едешь ты' (Алтын-бизе, 37); ккалп. *Ак етинге жарсады йар джиберген шаркванат* 'К твоему белому лицу (букв.: телу) подходит шаль, которую послал (тебе) милый' [Баскаков 1951, 24]; кирг. *Айкыз да Кыдыров да журегундө бук болгон пикирдиң баарын айтышты* (Рашидов 1961, 23) 'И Айкыз и Кыдыров выложили друг другу всю тоску, которая накопилась у них в душе'; кбалк. *Да, ол мен айтхан кзулла жарлылыкгда, хар кимге жалга бара айлангандыла* 'Ну, те крепостные, мною упомянутые, в бедности и нужде жили, бродили, нанимаясь каждому в батраки' [МБД 1961, 54, 55]; кум. *Шосагыат эшик ачылган якдан абзарга ярлыкда урунду* (Ягьяев, 7) 'Тотчас же со стороны, где открылась дверь, проник свет'; уйг. *Мирзалимбай, бизму шу сиз ейткан маъсиллар устида баш қаттуруватимиз* (Босақов, 39) 'Мирзалимбай, мы ведь над вопросами, о которых вы говорите, голову ломаем'.

Встречаются отдельные случаи, когда трансформированный предикат на *-ган*, составляя с субъектом действия изафетное сочетание, сам принимает показатель действующего лица, ср. каз. *Байтастың мінгені Қунанбайдың қаражал бурыл аты, дәмелі бәйге аттың бірі еді* (Әуезов, 4) 'Темногривый чалый конь самого Кунанбая, на котором сидел Байтас, был одним из призовых скакунов'.

Сказуемое потенциально возможного придаточного предложения может быть устранено путем образования от причастия на *-ган* от причастно-го имени.

Отпричастное имя в вин. падеже обычно служит средством трансформации потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. тат. *Ул ярасын учы белән бастырды һәм бармакалары арасыннан жылы кан акканын тойды* (Әпсәләмов 1953, 92) 'Он зажал рану ладонью и почувствовал, как из-под пальцев течет теплая кровь'; каз. *Сайлыққа алыпты, ал кашан, кім бергенін айта алмайды* (Дайырбаев, 75) 'Получила в подарок, но когда, кто давал, сказать не может'; тув. *Чай эрткенин билбейн калдым* 'Я не заметил, как прошло лето' [ТРСл, 1955, 720]; хак. *Алтын ахчалыг абдыраны пу атычылар алганын чох-чоос харындас сизін салды* (ХЧН, 54) 'Брат бедняка сразу догадался, что шкатулку с золотыми деньгами взяли эти стрелки'; шор. *Ай эрткенин пилбес полды, чыл эрткенин пилбес полды* 'Не замечал, что проходили месяцы, не замечал, что проходили годы' [Дыренкова 1941, 124]; кум. *Бу сёзлени Изав кюлемсиреп айтганны Хиэри эс этмеди* 'Хиэри не заметил, что Изав сказал эти слова, слегка улыбнувшись' [Джанмавов 1967, 226]; ног. *Сол куьннинь кешинде Рамазан Йогары якта кайда болганын, кимди коьргенин, не затлар эткенин, кайдай хабарлар эситкенин Ханыйге айтты* (Абдулжалилов, 41) 'Вечером этого дня Рамазан сообщил Ханые, где он был на Верхней стороне, кого видел, что делал, какие новости услышал'; Родословная туркмен: *Мән билгәнни сизләр билмәссизләр* 'Вы не знаете того, что знаю я' [Кононов 1958, 164].

В объектных конструкциях этого типа субъект действия тоже часто затрагивает трансформация. Ср. алт. *Ондо тегерик дьусту уулчактынг отурганын көрүп алды* '(Он) увидел, что там сидел круглолицый маль-

чик' [ОРСл. 1947, 303]; башк. *Батыр кыззың сыкканын көгә башлай* 'Батыр начинает поджидать, когда девушка выйдет' [Дмитриев 1948, 262]; каз. *Жумабайдың қалаға бұ жолы не жұмыспен барғанын Абай дәлді билмейді* (Әуезов, 6) 'Абай точно не знал, по какому делу Джумабай поехал в город в этот раз'; ккалп. *Ол тоқмарынын тийген тиймегенин билмейди* (Сейтназаров, 20) 'Он не понимал, достает или не достает (касается) его палка'; кирг. *Оң колум балтайып ишип кеткенин сезип турам* 'Чувствую, что моя правая рука сильно распухла' [КРСл. 1965, 105]; ног. *Разиат ... ыр савузшылардынъ пешинде Айседин турганын коьрди* (Кень йоллар, 17) 'Разият ... увидела, что перед доярками стоит Айсединг'; тат. *Хужалар минем уянганын күрделәр дә, шундук өстал янына чай эчәргә чакырдылар* (Фәтәх 1967, 37) 'Хозяева увидели, что я проснулся, и позвали меня к столу пить чай'; хак. *Ол мининъ пабамнынъ Абаканзар килгенин нлді* 'Он узнал, что мой отец приехал в Абакан' [ХРСл. 1953, 476].

В некоторых языках — татарском, башкирском, казахском, узбекском и уйгурском — встречаются случаи употребления отпричастного имени на *-ган*, осложненного афф. *-лык*. Ср. тат. *Старшина үзенең алданганлыгын сизеп, комач кебек кызарды* (Әпсәләмов 1953, 33) 'Старшина, чувствуя, что ошибся, покраснел, как кумач'; башк. *Тәүә пулеметтарзын кайһы амбразураларға куйганлыгын белергә кәрәк ине* (Хәрби повестәр, 21) 'Сначала нужно было выяснить, в какие амбразуры были поставлены пулеметы'.

Отпричастное имя в дат.-напр. падеже в ряде тюркских языков передает исходный момент действия. Ср. кирг. *Айымкан Токобайдың эшигине келгенине беш жыл болот, ал он тогузга чыкты* (Каимов, 28) 'Скоро пять лет, как Айымкан переступила порог Токтыбая, ей уже 19 лет'; ккалп. *Оң қабағымның тартқанына бир ай болып еди* (Қайыпбергенов, 9) 'Уже месяц прошел, как мое правое веко дергается'; узб. *Қишлогимға бормаганимга роса бир ярим йил бўлди* (Яшин, 24) 'С тех пор, как я не ездил в мой кишлак, прошло как раз полгода'.

Могут быть случаи, когда отпричастное имя в дат.-напр. падеже передает причину совершения действия. Ср. уйг. *Куп сизгана issiq boldi* 'Стало тепло, потому что вошло солнце' [Насилов 1940, 135]; тат. *Яңыр яуганга килә алмадым* [Жәләй 1947, 131] 'Я не мог прийти, потому что пошел дождь'; тат. *Быел зур бураннар булмаганга кар тирән түгел иде* (Әпсәләмов 1955, 157) 'Вследствие того что в этом году не было больших вьюг, снег был неглубок'.

Отпричастное имя в местн. падеже очень часто передает действие, предшествующее другому. Ср. алт. *Постоо ортаа тыткенде посто ардыл партыр* 'Когда достигли середины моста, мост рухнул и провалился'; каз. *Байтас пен Жумбай тақай бергенде Абай да қаснна кеп калып еді* (Әуезов, 10) 'Когда Байтас и Джумабай поровнялись, Абай их настиг'; кум. *Бригада гертме терекни тубюне жыйылганда гюн тюцден авган эди* (Ягьяев, 177) 'Когда бригада собралась у подножия грушевого дерева, день уже клонился к полудню'; тат. *Без блиндажга барып кергәндә, капитан Х. Муратов шундый листовкаларнын берсен укый иде* (Кутуй, 190) 'Когда мы вошли в блиндаж, капитан Х. Муратов читал одну из этих листовок'.

Отпричастное имя в местн. падеже может выражать действие, протекавшее (в прошлом) параллельно с другим действием. Ср. кум. *Биз юртда яшайгъанда, хоншуларыбыз бизге геле бола эди* 'Когда мы жили в селении, соседи, бывало, заходили к нам' [Джанмавов 1967, 218]; ктат. *Lakin, o bulunojanda, nedendir, butun cinovnikler mul'ajim tura ediler* (ЕХ, 28) 'Когда он присутствовал, то почему-то все чиновники смиренно стояли'; кум. *Сен сөөлегенде мен гьеч сөз айтмадым* (Ягбияев, 114) 'Когда ты выступал, я ни слова не говорил'; алт. *Дьылу салкын тушкенде, кар кайыла берет* 'Когда дует теплый ветер, снег тает' [Дыренкова 1940₁, 276]; тат. *Укытучы сөйлөгөндө игътибар белән тыңларга кирәк* 'Когда говорит учитель, нужно слушать внимательно'; уйг. (наречия Синьцзяна) *Чирәк бакін калагъанда, Камбей тунчиси сөзлән бирето* 'Когда гадают, смотря на светильник, то держит речь переводчик Камбей [Малов 1961, 13]; шор. *Kizi aurybyşqanda qatnatçatır* 'Когда болеет человек, заставляют шамана камлать' [Дыренкова 1941, 330–331].

Действие может быть многократным: туркм. *Хер дем алганда, йуз ах урарсен* 'Всякий раз, как ты будешь делать вздох, ты станешь сто раз вдыхать' [Поцелуевский 1943, 71].

На почве значения наст.-буд. времени, передающего обычно повторяющееся многократное действие, у конструкции с отпричастным именем в местн. падеже развивается значение условия: ккалп. *Жылама, Жумагул, көз жасқа өли тирилгенде дуньяга адам сыймас еди* (Қайыпбергенов, 13) 'Не плачь, Джумагуль. Если бы от слез мертвые оживали, то мир не вместил бы людей'; ктат. *Allan, iradesi kelgende hepimiz ölermiz* (ЕХ, 60) 'Если бы была божья воля, все бы мы умерли'; тат. *Яңа яхшы йорт булганда, Халима карышып та тормас иде, дин уйлады ул* (Фәттах 1966, 40) 'Если бы был новый хороший дом, Халима не стала бы упорствовать, — подумал он'; тув. *Думчукка тулганда бызаа сугжу* 'Вода до носа дойдет, и теленок пошпывет' (Тыва домак., 16, 47).

В кумыкском языке встречается отпричастное имя на -ган с афф. -окъ. Обычно передает временное соотношение двух действий, например: *Атасы ишден кэйтгъандокъ Патимат огъар аш берлиге айланышды* 'Как только отец (ее) вернулся с работы, Патимат стала подавать ему еду' [Джанмавов 1967, 18]. По всей видимости, здесь произошло соединение окончания местн. падежа -да с усилительной частицей оқ. Формы местн. падежа отпричастного имени на -ган/-кан фактически превратились в деепричастия. При наличии собственного подлежащего они образуют абсолютные обороты. Ср. каз. *Ескен Алтаевты алып келгенде Керейхан Федотовтын кабинетинде отыр еди* (Дайырбаев, 225) 'Когда привели Аскена Алтаева, Керейхан сидел в комнате Федотова'; тат. *Кирилл уянганда яңгыр туктаган, давыл тынган иде* (Әпсәләмов 1953, 151) 'Когда Кирилл проснулся, дождь перестал, буря стихла'; башк. *Улар короһары утынды санага тейеп, бэйлән бөткәндә буран якшы ук көсәкэйне инде* (Хайри, 30) 'Когда они погрузили на сани сухие дрова и привязали их, буран уже значительно усилился'.

Отпричастное имя в исх. падеже обычно передает действие, происходящее раньше действия, выражаемого в главной части сложного целого. Ср. тат. *Без яңа өйгә кучкәннән икенче көнөндә Фазыл кайтып төште* 'На другой день после того, как мы переехали в новый дом, приехал Фа-

зыл' [Закиев 1963, 290]; хак. *Ол парганнан тура чабии чабыс* (Бурнаков, 17) 'После того как он уехал, дом закрылся'.

Если указание на субъект действия содержится в отпричастном имени, то самостоятельно личным местоимением он может быть не выражен. Ср. узб. *Узимга келганимдан хурсанд булган ёш хирург ўзига хос табасум билан сўради* (Чашмалар, 53) 'После того как я пришел в себя, обрадовавшийся молодой хирург, как-то особо улыбаясь, спросил'.

Отпричастное имя в исх. падеже может передавать причину действия: кум. *Шу ердеги гъаваны аривлюгюнден адам тыныш алып тоя билмей* 'Оттого что в этих местах хороший воздух, человек не может надыхаться' [Джанмавов 1967, 222].

Отпричастное имя на -ган в исх. падеже может выражать сопоставление действий (сравнение). Ср. ккалп. *Сөйлөйин дегенмен сөйлөмөгөн джакъсыракъ* 'Лучше молчать, когда хочешь говорить' [Баскаков 1952, 88].

Субъект действия может трансформироваться. В этом случае он выражается аффиксом принадлежности, ср. алт. *Дьаманнынъ колына бергениненъ дьакшынынъ дьолына салганы артык* 'Чем отдать в руки худому (человеку), лучше положить на дорогу хорошего' (погов.) [Дыренкова 1941, 278].

Отпричастное имя на -ган соединялось также с окончаниями падежей, которые в настоящее время вышли из употребления. Показательным в этом отношении может служить соединение отпричастного имени на -ган с окончанием древнеготерминатива -ча. Обычно эти формы обозначают предел, до которого совершается действие, ср. тат. *Таң атканчы мөмкин кәдәр китәргә кирәк иде* [Газизов 1960, 201] 'Пока не займется заря, нужно по возможности подальше уйти отсюда'; каз. *Біз Иркутскіден Алматыга барганша ондагылар бирер анықтама әзірлеп койсын* (Дайырбаев, 247) 'Пока мы будем перелетать из Иркутска в Алма-Ату, пусть там наведут кое-какие справки'; башк. *Атайымдарзы озаткас, мин ылаузар күзән югалгансы, улар китән якка карап торзом* (Вали 1953, 187) 'Проводив отца, я смотрел в сторону подвод, пока они не исчезли'; алт. *Слер бистин айылга бүгүн келбегенче, бис кычырбасыбыс* 'Пока вы к нам сегодня не придете, мы не начнем читать' [Дыренкова 1940₁, 27]; ккалп. *Таз таранаман дегенше той таркзайды* 'До тех пор, пока плешивый успеет причесаться (как ему хочется), пир закончится' [Баскаков 1952, 472]; кирг. *Бурма кайнаган самоорду алып келип, дасторконду жайганча, Салык бутун суудан тарткан жок* (Каймов 1957, 8) 'Пока Бурма не принесла закипевший самовар и не расстелила скатерть, Салык не вынул ноги из воды'; кум. *Ревизия гельгенче, барыда затланы тартинге салмагъа герек болады* 'Пока ревизия не приехала, нужно привести все в порядок' [Дмитриев 1940, 194]; ног. *Мен огъа барганша ол магъа келсин* 'Прежде чем я пойду к нему, пусть он ко мне придет' [Баскаков 1940, 126]; хак. *Танъ атханча, узудым* 'Я спал до того, как занялась заря' [ХРСл. 1953, 434]; шор. *Эртен күн шыкканче, мен анда узугам* 'Я спал до утра, до той поры, пока не взошло солнце' [Дыренкова 1940₂, 287].

Древний терминатив отпричастного имени на -ган может передавать также сравнительные отношения, ср. башк. *Кол булып йөрөгәнсә үлгәнсә, якшы* 'Лучше умереть, чем быть рабом' [Дмитриев 1948, 257]; ног. *Ятып калганша, атып кал* (посл.) 'Лучше выстрелить, чем лежать' [НРСл. 1963, 473].

Аффикс терминатива *-чи* мог также присоединяться к отрицательному имени на *-гын*. Окончание *-гын* представляет аблаутный вариант окончания *-ган*. Круг передаваемых этой формой значений аналогичен кругу значений конструкций с *-ганча*. Ср. узб. *Опам келгунча, мен дарс таёрладым* (разг.) 'Я приготовил уроки до того, как пришла моя сестра'.

Отрицательное имя на *-ган* могло сочетаться с афф. *-лы*. По-видимому, это окончание древнего совместн. падежа, или комитатива, который некогда имел форму *-лыг*. Окончание *-лы* — поздний вариант этого окончания. Ср. кбалк. *Бу китап чықганлы, мен аны көрмэгәнме* [КБК 1966, 223] 'С тех пор как появилась книга, я ее не видел'; кум. *Сагъа гъашыкъ болгъанлы, къалмады къаным къашыкъ* 'С тех пор, как я влюбился в тебя, не осталось во мне и ложки крови' [Дмитриев 1940, 145].

Тюркским языкам кыпчакского типа известен фонетический вариант этого аффикса — *галы/келли/галли/геле* без срединного *н*.

Аффикс отрицательного имени *-ган* может при сочетании с афф. *-лы* иметь усеченную форму *-га*. Эта форма широко распространена: алт. *Мен бу дьерге дьеткели үч дьыл болды* 'С тех пор, как я приехал сюда, прошло три года' [ОРСл. 1947, 302]; каз. *Сен кеткелі көп уақыт болды* (КЕ, 417) 'Много времени прошло с тех пор, как ты ушел'; лобн. *Айт болголу беш кун болупто* 'Со времени праздника прошло пять дней' [Малов 1956, 99]; сал. *Кісіүхкәтигілі о'түс* 'Пока не пришла младшая жена, (беркут) сидел' [Тенишев 1963, 26]; тув. *Бичинкыс өөренип чоруткала, уш чыл четкен* 'Прошло три года с тех пор, как Бичин-кыс уехала учиться' [ТРСл. 1955, 682]; туркм. (човдурах. диал.) *Мен чекерми алгалы ики ай етти* 'С тех пор как он взял мое ведро, прошло два месяца' [Машков 1949, 87]; уйг. *Мән кәлгәли бәш јил болди* 'Уже пять лет, как я приехал' [Боровков, 1935]; хак. *Пеер килгели ікі чыл полпарды* 'С тех пор как я приехал сюда, прошло два года' [ХРСл. 1953, 434]; Среднеазиатский тегсир XII—XIII вв.: *дақјанус мәлік кечкәлі ікі үчјүз артуқ болмуш турур* 'Со времени смерти царя Дакчянуса прошло свыше двух-трех сотен лет' [Боровков 1963, 60]; кбалк. *Лейля республиканы музыка училищесинде окъугъанлы бир жыл чакълы ётдю* (Гургуев, 11) 'С тех пор как Лейла начала учиться в музыкальном училище, прошел один год'; кум. *Къыш гиргенли, бир де кар явмагъан* 'С тех пор как наступила зима, ни разу не выпал снег' [Джанмавов 1967, 15].

В тюркских языках кыпчакского типа широко распространены аналитические конструкции, представляющие соединение отрицательного имени на *-ган* с послелогом *и*. Круг этих послелогов по отдельным тюркским языкам довольно многообразен. Для уяснения их роли в языке можно привести только наиболее распространенные конструкции.

Отрицательное имя на *-ган* в исх. падеже + послелог *бире* 'с тех пор как' передает временную последовательность двух действий, исходный момент совершения действия. Ср. алт. *Мен келгеннен бери эки дьыл болгон кийинде меге знем келди* 'После того как прошло два года, с тех пор как я приехал, ко мне приехала моя мать' [Дыренкова 1940₁, 280]; кирг. *Көсөл чоңойгондон бери Мамбеткул үй таричиликтеринен бошоюн деп калди* (Каимов, 7) 'С тех пор как Көсөл подрост, Мамбеткул стал освобождаться от домашних забот'; узб. *Чеварасинин сурати келгандан бери кампир*

оромини йўқотди (Ахмад, 44) 'С тех пор как появилось фото ее правнука, старуха потеряла покой'.

Указание на субъект действия может содержать в себе отрицательное имя на *-ган*. В этих случаях самостоятельное грамматическое выражение субъекта действия во фразе отсутствует, например: уйг. *Qaşqar(ı)ğa kalgı-nimdin beri on kun etti* 'С тех пор как я приехал в Кашгар, прошло десять дней' [Насилов 1963, 137]; шор. *Келгениненъ пеери йиглычи чыл пашталды* 'С тех пор как он сюда приехал (со времени прибытия), наступил (начался) второй год' [Дыренкова 1941, 124].

В башкирском, кумыкском, крымскотатарском и татарском языках конструкция с отрицательным именем на *-ган* встречается в сочетании с послелогом *бирле* 'с, со', который, очевидно, этимологически родствен послелогу *бире* < *бире-ле*. Ср. кум. *Мен шагъардан къайтгъандан берли ону эки керен гёргенмен* 'С тех пор как я вернулся из города, (я) видел его два раза' [Джанмавов 1967, 177]; ктат. *bu gurulty dynja başlançandan berli ... tekrarlap tura* (ЕХ, 31) 'Этот спор повторяется с тех пор ... как мир стоит'.

Отрицательное имя на *-ган* + послелог *менән* 'с', имеющий разные варианты в различных языках: *берлән/бирлә/билән/менен/мулан/булан/мен/ман*. Комитативное, инструментальное значение послелога *менен* явилось удобным для образования в сочетании с отрицательным именем на *-ган* условно-уступительных конструкций: каз. *Кун ыстық болғанмен су салқындау еді* (Сағаскаев, 40) 'Хотя день был жаркий, вода была прохладной'; ккалп. *Аты Атажан байдикі менен келин елдикі* (Қайыпбергенев, 16) 'Хотя Аты Атаджан был из баев, невестка была из народа'; кирг. *Ал убакта анчалык бай болбогону менен колунан бирин-серин мал узулген эмес* (Каимов, 3) 'Хотя в то время он и не был настолько богат, кое-какой скот у него не переводился'; узб. *Ичакларимнинг гулдирагани билан ҳеч иши йўқ* 'Хотя у меня и бурлит в животе (от голода), ему нет (до этого) никакого дела' [Кононов 1960, 385]; уйг. *Қанчә килган билән, Дамолланнин эрхисидә* (Босақов, 5) 'Сколько бы ни делали, все зависит от Димоллам'.

Отрицательное имя на *-ган* + послелог *сайын* 'по мере того как': алт. *Олор түўнин суудан чыгарган зайын көп балык алып турды* 'Каждый раз, как он вытаскивал сеть, он оттуда доставал много рыбы' [Дыренкова 1940₁, 280]; ккалп. *Олар алаа адым аткан сайын, қарсы соққан самалдың екпини кушейе берди* 'По мере того как они шли вперед, поток встречного ветра все усиливался' [Бердымуратов 1957, 104] к кбалк. *Бир джаны ерге чыгъа баргъаны сайын, элинчи джаны энишге тоше келе эди* 'По мере того как поднималась одна сторона, другая сторона опускалась' (разг.); кирг. *Аба ырайы кун өткөн сайын ысый берди* (Рашидов 1961, 7) 'По мере того как шли дни, погода становилась жаркой'; кум. *Гъар говрген сайын икрам этемен* 'Всякий раз как я (его) вижу, я (ему) кланяюсь' [Дмитриев 1940, 155]; узб. *Офтоб ботишга яқинлашиб, девор топасидаги шуъла учган сайин, Бозорнинг андиша ва хәлоти кўная борарди* 'По мере того как солнце приближалось к закату и лучи (его), скользящие по верху дувала, гасли, беспокойство и плохое настроение Базара возрастали' [Кононов 1960, 380]; тат. *Жәмгыять усешенең югарырак баскычына кутәрелә барган саен киләчәк турында уйлану белән бергә, кеше ата-бабаларынын уткәнә белән бергә, кеше ата-бабаларынын, уткәнә*

белән дә тирэнрек кызыксына башлый (Казан утлары) 'По мере того как общество поднимается на новую ступень, наряду с думами о будущем возникает глубокий интерес к прошлому'; башк. *Яңы китап укыған һайын тормоштон һиндәй ҙә булһа бер хикмәтен беләһең, беләһең генә тугел, уны тояһын* (Вәли 1953, 23) 'По мере того как читаешь книги, узнаешь какую-нибудь премудрость, и не только узнаешь, но и чувствуешь'.

Отпричастное имя на *-ған* + послелог *соң* 'после' передает временную последовательность двух действий. Довольно распространена в отдельных языках кыпчакского типа: каз. *Керейхан орнынан турған соң басқалар да турды* (Дайырбаев, 255) 'После того как Керейхан встал, другие также встали'; ккалп. *Ол кеткен соң Жумагул ауыр ойға шумди* (Қайыпбергенов, 114) 'После того как он ушел, Джумагуль погрузился в тяжелые думы'; ног. *Муның атасы ман анасы ылгеннен соң, Камболат деген бир авыл байы оны ызыне бес ясындағы бало болып асыравға алған эди* (Абдулжалилов, 13) 'После того как у него умерли отец и мать, один деревенский бай по имени Камболат взял его на воспитание, сделал его, пятилетнего, своим ребенком'; башк. *Без һабантуйза орашкандан һуң куп ваҡыт утте* (Вәли 1953, 214) 'С тех пор как мы встретились на сабантуе, много прошло времени'; тат. *Кич белән эшларен бетергәннән соң ... Тәзкирә ... тынычлана алмады* (Хөсни, 27) 'Вечером, после окончания работы ... Тазкира ... не могла успокоиться'; кум. *"Русча-кэумукьча сёзлюк" чыкьгьандан сонг "Кэумукьча русча сёзлюкню" устынде ишь башланды* 'После того как вышел русско-кумыкский словарь, началась работа над кумыкско-русским словарем' [КРСЛ. 1969, 8]; узб. *У кетгандан сўнг болалар, — Очил, дастурхон — деб бакирган эдилар* (ЎЭ, 87) 'После того как он ушел, дети закричали: Раскройся, скатерть!'; кирг. *Тигил киши бастыра берген соң батына албай мен да ээрчий бербедимби* (Сыдыкбеков, 355) 'После того как тот человек тронулся, робея, я тоже тронулся за ним'; тув. *Хурал дозулган соонда, концерт болган* 'После того как закончилось собрание, состоялся концерт' [ТРСл. 1955, 720]; Родословная туркмен: *Баһар болғандын соң пїјада кїләтурурмыз* 'После того как настала весна, мы пошли пешком' [Кононов 1958, 155]; шор. *Мен олгемненъ соонда адымны ылдур* 'После моей смерти моего коня убей' [Дыренкова 1940₂, 124].

В некоторых тюркских языках отпричастное имя на *-ған* + послелог *соң* может выражать также условно-уступительные и причинно-следственные отношения.

Отпричастное имя на *-ған* + послелог *кейин* 'после' (значение синонимично конструкции с отпричастным именем на *-ған* + *соң*): каз. *Керейхан бандиттік әрекеттермен күрес аппараты таратылғаннан кейін қылместы ашу бөліміне аусты* (Дайырбаев, 216) 'Керейхан после упразднения аппарата по борьбе с бандитизмом перешел в уголовный розыск'; ккалп. *Өзлериңиз белисиз, Женейтхан Жеңилгеннен кейин бираз тынышландық* (Қайыпбергенов, 22) 'Вы сами знаете, после того как Джонейтхан был побежден, мы немного успокоились'; кирг. *Сыланов райондуң бөрборуна жол ортосунан кайрылып келгенден кейин колхоздун председателин телефонго чакырды* (Каимов, 103) 'После того как Сыланов вернулся с полдороги в районный центр, председателя колхоза вызывали к телефону'; узб. *Мехмон кетгандан кейин Мажиддин халтани ағдарди* (Ойбек, 47)

'После того как гость ушел, Мажиддин вывернул мешок'; уйг. *Омичилар униңга йенип-йенип карап, өз жайлириға маңгандан кейин, Абдулла алқанлириға бир тукуруп қойдида, яңливаштин шыка киришти* (Босақов, 30) 'После того как жнецы, оглядываясь на него, отправились на свои места, Абдулла поплевал на ладони и снова принялся за работу'.

Отпричастное имя на *-ған* + послелог *учун* 'для' (варианты: *ушын/юцюн/ичин*) передает причинно-следственные отношения: кум. *Уланым авругған учун гелмедим* 'Я не пришел, так как у меня заболел сын' [Дмитриев 1940₁, 155]; ккалп. *Мен оның не сойлегенин еситбегеним ушын индамедим* 'Я молчал, так как не слышал, что он говорил' [Насыров 1953, 201]; алт. *Таманы оруп турган учун ол кожоньдодобы* 'Он не пел, потому что у него болело горло' [Дыренкова 1940₁, 143]; узб. *Дам олиши кунни бўлган учун бу ерга бутун шахар кўчиб чиққанга ухшайди* (Чашмалар, 116) 'Так как был выходной день, то было похоже, что весь город сюда переселился'; уйг. *Ликириңизни йошурмай ғйтқиниңиз учун раҳмэт* (Босақов, 52) 'Спасибо, что вы, не скрывая, изложили свою мысль'.

Отпричастное имя на *-ған* + аффикс принадлежности + *учун* может использоваться для передачи условно-уступительных отношений: ккалп. *Дауысы аз болса да қарақалпақ болғаны ушын Хожанияз сайланатуғын қусайды* (Қайыпбергенов, 10) 'Хотя голосов и мало, но похоже, что Ходжанияз мог быть выбран, поскольку он был каракалпак'; кум. (кайтаск. диал.) *Биз уйғайған учунна йашлар шосағьат исси болмади* 'Хотя мы вернулись домой, дети не сразу согрелись' [Керимов 1953, 298].

В тувинском языке синтаксическая конструкция "отпричастное имя на *-ған* + *ужурунда*" соответствует рассмотренной конструкции *-ған* + *учун*, выражающей причинно-следственные отношения: тув. *Соок болган ужурунда, кидис идик кедип алдым* 'Я надел валенки, потому что было холодно' [Исхаков, Пальмбах 1961, 454].

Отпричастное имя на *-ған* может принимать окончание вторичного экватива — *-лай/-дай*. Настоящая конструкция передает характер, образ, манеру протекания действия, сравнительные отношения как по количеству, так и по качеству: алт. *Ал аньдагандый сен аньда* 'Охотиться так же, как он охотится' [Дыренкова 1940, 279]; башк. *Ә катын заты, бер ни булмағандай, бер нөктәге карап ултырыуында дауам итте* (Гиләжев, 8) 'А женщина, как будто ничего не случилось, продолжала сидеть, уставившись в одну точку'; каз. *Кунанбыйдың айтқанындай он шақты ауыл боп көшіп келіп еді* (Әуезов, 177) 'Как сказал Кунанбай, прикочевало около десяти аулов'; кирг. *Ал ишти сиздиң тушундургенуңуздой аткарды* 'Он выполнил работу так, как вы ему объяснили' [Альпиев 1953, 108]; кум. *Терезебизни алдындагы терек бирев иш этип чайкьагьандай, тербене эди* 'Дерево, находящееся перед нашим окном, качалось так, как будто его кто-то специально тряс' [Джанмавов 1967, 269]; ног. *Андрейди коьрмесе, ногай айткандай Айшатка ишкени ас болмайтаган эди* (Кень йоллар, 43) 'Если бы она не увидела (встретила) Андрея, то, как говорят ногойцы, у Айшет не было бы пропитания'; тат. *Бу суз аңа пычак белән кадагандай тәэсир итте* (Фәтәх, 48) 'Это слово произвело на него такое впечатление, будто ткнули ножом'.

Происхождение эфф. *-дай* трудно поддается объяснению. Н.П. Дыренкова называет подобный ему афф. *-тыг/-дыг* в шорском языке послелогом. Возможно, что первоначально это был действительно послелог, имеющий

значение 'подобно, как'. В современных языках афф. *-дай* < *-даг* может выражать сравнение: кум. *айдай* 'как луна', алт. *кардай* 'как снег' и т.д.

В карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском языках встречается отрицательное имя на *-ган* с афф. *-лай*. Оно передает временное соотношение двух действий: кбалк. *Танг атханлай, Кёзбау эшикни ачыб* [МБД 1962, 124] 'Как только рассвело, Кёзбау открыла дверь'; кум. *Къизиллар гэл-гэллэй, дау битти* 'Как только пришли красные, кончилась война' [Керимов 1967, 294]; ног. *Оны коьргенлей юреги табетаган эди* (Кень йоллар, 43) 'Когда она его увидела, сердце ее сильно забилося'.

Афф. *-лай*, возможно, связан с аффиксом древнего комитатива *-лыг/-лы*. Может быть, он когда-то был отдельным послелогом.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЯ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ ПРИЧАСТИЯ НА *-ГАН*

В различных тюркских языках встречается немало форм причастий, производных от причастия на *-ган*.

Причастие на *а* + *турган* используется преимущественно для передачи атрибутивных отношений. Родословная туркмен: *Барчаның баратурган журтыға кәтдi* 'Он отправился в страну, в которую пойдут все' [Кононов 1958, 162]; кирг. *Мархамат . . . жаш табиятчылар ийриминин жазда кыла турган иштери жөнүндө айтты* (Назир 1960, 17) 'Мархамат . . . рассказала о работе кружка юных натуралистов, которую он выполняет летом'; ккалп. *Бир күни экскурсиядан кайтсам азық-ауқатлар сататуғын магазиннен шығып киятырган кемпирди кордим* (Аймурзаев, 52) 'Однажды, когда я возвращался с экскурсии, я увидел старика, выходящего из продовольственного магазина'.

Причастие на *-атурган* может также образовывать отрицательное имя, которое, будучи употреблено в вин. падеже, служит для преобразования дополнительных придаточных предложений, ср. ккалп. *Тамның мүйешинен жанга оте бергенимде, бес фашист солдаты менен бир офицердинг кетип баратырганын корип қалдым* (Аймурзаев, 41) 'Когда я зашел за угол дома, я увидел, как один офицер шел в сопровождении пяти фашистских солдат'; тат. *Әнә, Минжан да аның сокланып карап торганын күрде ахрысы, авызын ерып Инсафка кычкырды* (Хасанов, 177) 'Вот Минжан увидел, как тот с восхищением на него смотрит, не выдержал и закричал на Инсафа'.

В современных тюркских языках причастие на *-атурган* употребляется сравнительно редко.

Причастие на *-атуған* передает объектные отношения: ккалп. *Енди . . . кимнинг ақсақал болатуғынын көрдингиз-бе?* (Бекимбетов, 21) 'Ну . . . теперь ты видел, кто аксакал'.

Причастие на *-атаган* передает и атрибутивные, и объектные отношения: ног. *Сен айтатаган затлардың бари де чепуха, орыслар айткандай . . .* (Кень йоллар, 20) 'Все, что ты говоришь, – чепуха, как говорят русские'; *Сен, Азрет, не соьлейтаганыңды билип соьле* (Там же, 13) 'Ты, Азрет, говори, зная, о чем говоришь'.

Причастие на *-атан* передает атрибутивные и объектные отношения: алт. сев. диал. *Тошко бара ла суу алатан ойдыкка куйругаарды сугуп ла алзагар . . .* Идите на лед, опустите в прорубь, где воду берут, хвосты... [Бас-

каков 1966, 68]; каз. *Кешікпей мен де баланын аты Гарик екенін, шеші Люба екеуі Шымкентте туратынын білдім* (Дайырбаев, 77) 'Вскоре я узнал, что мальчика зовут Гариком и что со своей мамой Любой они живут в Чимкенте'.

Причастие на *-диган* может передавать атрибутивные отношения. Ср. узб. *Зилзила натижасида рўй берадиган цунамиларнинг 85 проценти Тинч океан ҳавзасига тўғери келади* (Мўминов, 39) 'Из (всех) цунами, возникающих в результате землетрясений, 85 процентов приходится на бассейн Тихого океана'; узб. *Анорбибига ўхшаш тул хотинларниң киладиган ишлари хар кимга ҳам маълум* (Қодирий 1959, 64) 'Всем известны дела, которые совершают вдовы, подобные Анор-биби'; хамийск. нареч. *Бу јаға адамы-зат кәймәйдыған јағр*. Это земля, куда люди не ходят' [Малов 1954, 80].

Субстантивированное образование на *-диганлиг* используется для передачи объектных отношений: *-диганлиг* + аффикс принадлежности + аффикс вин. падежа.

Причастие на *-атын* распространено в казахском языке. Может служить средством преобразования потенциально возможных определительных придаточных предложений: *Каладан шығатын негізгі жолдар хабарланды* (Дайырбаев, 277) 'Были перекрыты основные пути, ведущие из города'; *Аға инспектор Ертай Керімбеков аудан орталығынан он бес-он сегіз шақырымдай туратын "Жаңалық" совхозына келгенде кун ұлы сәскеге таяған* (Әлсәров, 88) 'Когда старший инспектор Ертай Керимбеков приехал в совхоз "Жаналык", отстоящий от районного центра примерно на пятнадцать–восемнадцать верст, время уж приближалось к полудню'.

Причастие на *-атын* может образовывать отрицательное имя, которое в форме вин. падежа способно преобразовывать дополнительные потенциально возможные придаточные предложения: каз. *Жарайды, қоя тур, сенің не айтатыныңды мен білем* (Дайырбаев, 238) 'Ладно, молчи. Я знаю, что ты скажешь'; узб. *Анварнинг бош мунишийликка ярамайди-анлигини, илмсиз, фазлсизлигини нега бунча исбот қилишга тиришди?* (Қодирий 1959, 64) 'Зачем он так старался доказать неблагородство, необразованность и непригодность Анвара к должности главного писца?'

Причастие на *-әтеан* распространено в узбекском языке. В роли определения может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения: *Студентлар пахта тараётган пайкалга кирди* (Шукуров, 34) 'Студенты пошли на участок поля, где убирается хлопок'; *1943 йилда ҳарбий учувчи Б. Фэррел Лох-Нес кўли устидан 250 ярд баландликда учиб кетаётган вақтида афсонавий маҳлукни кўрганлигини ўз бошиқларига айтади* (Мўминов, 28) 'В 1943 г. военный летчик Б. Фэррел сообщил своему начальству, что, когда он пролетал над озером Лох-Нес на высоте 250 ярдов, он видел сказочное животное'.

Причастие на *-әтеан* может образовать отрицательное имя, которое, будучи употреблено в вин. падеже, способно преобразовать потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: *Халокатнинг яккаго-ягона гувоҳи шу аснода Филадельфия осмонида учиб кетаётган ДС-8 самолетнинг учувчиси эди. Учувчи кейинчалик Боинг-70 га яшин текканини, шундан кейин самолет ёниб ерга тушаётганини ўз кўзи билан курганини айтиб берди* (Мўминов, 84) 'Единственным свидетелем катастрофы был летевший в это время в небе Филадельфии пилот самолета ДС-8. Летчик позд-

нее сообщил, что он видел собственными глазами, как в самолет Боинг-70 попала молния, и тот, накренившись, падал на землю'.

При выражении объектных отношений причастие на *-а-ётган* может присоединять афф. *-лик*, ср. *Улар, чунончи зилзила, тошқин, денгиз пўртаналари каби, табий офат ар яқинлашиб келаётганлигини бехато сезишалади* (Мўминов, 35) 'Они безошибочно чувствуют приближение таких природных бедствий, как землетрясение, наводнение, шторм'.

Отпричастное имя на *-а-ётган* может выступать и в других падежах, например в дат., ср. *Балиқлар тўдаси йирик объектдан қочиб кетаётганга ўшарди* (Мўминов, 30) 'Было похоже, что стая рыб убегает от крупного предмета'.

Причастие на *аган*, употребляясь в роли определения, может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения. Ср. кум. *Сув агъагъан ерлерде адамлар яшай, бавлар чечеклене мамукъ обсе* (Алексеев, Карцов 1968, 4) 'Там, где течет вода, живут люди, цветут сады, растет хлопок'; ног. *Сен айтатаган затлардың бари де чепуха* (Кень йоллар, 20) 'Все, что ты говоришь — чепуха'; чув. *Ку поезд пёр утрав синчен кўсса килекен моряксен эшелонё пулнй иккен* (Алендей, 28) 'Оказалось, что этот эшелон принадлежит морякам, которые переселялись с острова'; *Эпир пурйакан ил* [МГЧЯ 1957, 217] 'Деревня, в которой мы живем'.

Н.К. Дмитриев указывал, что причастие на *-аган* соотносится с планом наст. времени. Однако есть факты, свидетельствующие о его временной недифференцированности; ср. алт. *Эрликке переген "эки кара ат (т)ы екелип пер"*, — *диит* [Баскаков 1965, 58] 'Приведи и отдай те две вороные лошади, которые были даны Эрлику'.

Причастие на *-аган* может сочетаться с аффиксом древнего латива *-лы*. Отпричастное имя этого типа чаще передает действие, соотнесенное с плоскостью наст. времени.

***

Относительно происхождения причастий на *-ган* высказывались различные мнения. Так, например, В. Котвич сближал их с маньчжурскими причастиями прош. времени на *-қа ~ -қо ~ -ке/-ха ~ -хо ~ -хе*, а также с монгольскими аффиксами отглагольных имен на *-уан, -с, -луан ~ -луа* [1962, 289]. Более вероятное предположение высказал, по нашему мнению, Г. Рамстедт. Причастия прош. времени с афф. *-н* (после гласного *-н*, после согласного — соединительный гласный + *н*) он относит к древнейшим образованиям, которые представляют собой отглагольные прилагательные с более или менее сильно выраженным перфективным значением.

Прилагательное на *-н* как типологическое образование, относящееся к глагольной парадигме, перестало встречаться уже в древнетюркском языке; это, может быть, объясняется тем, что те же функции стало выполнять образование на *-уан*, иначе говоря, имя на *-н* от вторичной глагольной основы на *-а* [Рамстедт 1957, 91–92]. Основная заслуга Р. Рамстедта состоит в том, что он определил афф. *-ган/-қан* как сложный по своему составу.

В ранних тюркских памятниках рунического письма зависимые трансформы с формирующим членом на *-ган* не встречаются. Они зафиксированы в памятниках уйгурского и арабского письма (ср. уйгурский памятник

"Золотой блеск", памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности "Огуз-наме", "Мухаббат-наме"). Что касается причастного окончания *-ган/-қан*, то оно уже существовало в эпоху тюркского праязыка. Об этом свидетельствуют огузские языки, ср. тур. *çalışkan* 'работающий' (< *çalış* 'работать'), *kurgan* 'крепость' (< *kur-* 'строить'). В кыпчакской языковой общности это причастие особенно активизировалось. В огузской языковой общности оно стало непродуктивным и почти вытеснено причастием на *-мыш*.

В основе причастного окончания *-ган* лежит причастное окончание *-ан*. Окончание *-ган* есть результат контаминаций двух причастных окончаний *-г* (< *-к*) и *-ан*.

В тюркском праязыке существовали причастия на *-ык*, оставившие следы в современных тюркских языках, ср. тур. *kurk* 'разбитый' (< *kur-* 'ломать'), узб. *бузуқ* 'разрушенный' (< *буз-* 'разрушать'), *кесик* 'обрезанный' (< *кес-* 'резать'), тат. *сөнүк* 'потухший' (< *сөн-* 'потухнуть'), аз. *солух* 'увядший' (< *сол-* 'увядать') и т.д.

Контаминация *-к* и *-ан* была вызвана, по-видимому, чисто лингвотехническими причинами. Причастие на *-ан* в тюркских языках было в известной мере полисемантически и недостаточно выразительно в лингвотехническом отношении. Контаминированный аффикс оказался более выразительным и в большей степени дифференцированным.

Причастие на *-ган* еще до образования трансформ широко употреблялось в рамках простого предложения. Ср. узб. *Аста-аста қадам босиб, бўш турган скамейкалардан бирига ўлтирдим* (Чашмалар, 54) 'Погуляв медленным шагом, я сел на одну из свободных скамеек'; *Болтабой уйга етганини ҳам билмай қолди* (Шарипов, 5) 'Болтабой не заметил, как дошел до дому'; тат. *Ашаганда алар бөтенләй диәрлек сөйләшмәделәр* (Фәтхәх, 29) 'Когда ели, они почти совершенно не разговаривали'; *Авыл уртасына барып житкәнче бер генә жан иясе дә очратмадым* (Там же) 'До того (момента), как я дошел до середины деревни, я не встретил ни одной души'.

ТРАНСФОРМАНТ — ПРИЧАСТИЕ НА *-АН*

В огузских языках существует причастие на *-ан*. Оно образует причастные конструкции, которые могут быть использованы как средство трансформации потенциально возможных определительных придаточных предложений.

В турецком и азербайджанском языках причастие на *-ан* может соотноситься с планом как наст., так и прош. времени. Ср. аз. *Пәришан икиәлли Мајанын иннә белини гумаглајыб, о көстәрән тәрэфдә бахды* (Ибраһимов 1966, 56) 'Перишан обеими руками обняла тонкую талию Майи и посмотрела в сторону, которую она указывала'; *Сән истәйән шей дуканда йохдур* (МН, 11) 'Того, что ты хочешь, нет в магазине'; *Исмәт бәй она көстәрилән јердә отуруб көзләмәјә башлады* (Абдуллазаде, 11) 'Исметбей, сев на указанное ему место, начал ждать'; *Ашагы тәрэфдә отуран Владимир јөрдүждә тәәнүб етди* (Там же, 65) 'Увидев Владимира, сидящего в нижнем ряду, он удивился'; тур. *Başında renkli bir fener yanan sandal suların üstünde süzülüyor* 'Лодка, на носу которой горит цветной фонарик, скользит по воде'. [Кононов 1956, 526]; *Manzara benim için değil, gelen ziyä-*

retciler için (Nesin 1962, 51) 'Этот пейзаж не для меня, а для приезжающих'; *Otopsi uaran doktor, bir mezhaba kasabi maharetile karnim yardi* (Там же, 59) 'Производящий вскрытие доктор с ловкостью мясника на бойне распорол мне живот'.

Причастие на *-ан* в туркменском языке, в отличие от азербайджанского и турецкого, обычно соотносится с планом прошедшего времени: *Зэхметде бишишен адам* (Байрамов 1981, 60) 'Закалившийся в труде человек'; *Шол вагткы авусы ядына душен Нуржан бирденкэ чигине элини етирди* (Кербабаев, 11) 'Муржан, которому вспомнилась тогдашняя боль, вдруг провел по плечу'; *Обадан көмекчи эдип иберилен ики игидин энед иши Гаратай аганы канагатландырмады* (Худайназаров, 17) 'Работа, выполненная двумя парнями, присланными из деревни в качестве помощников, не удовлетворяла Каратай-агу'.

В туркменском языке образовалось особое окончание причастия наст. времени *-йан*. Ср. *Оба тарапдан сүйжүлик билен чалыян саз гулагына гелди* (Байрамов 1981, 201) 'Со стороны деревни до слуха донеслась сладко играющая музыка'; *Русча геплэн билмейэн адам комсомол болмалы дэлмидэм?* (разг.) 'Должен ли быть комсомольцем человек, не знающий порусски?'

Отпричастное имя, образованное от причастия на *-ан* (в туркм. также *-йан*), может служить средством трансформации потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. туркм. *Огулбай бу сорага да жоган тайарламады. Ол партия гурултайларының хачан боланыны революцияның еңиш этапларыны өвренинди* (Байрамов 1981, 284) 'Огулбай ответа на этот вопрос не готовила. Она знала (букв.: выучила), когда были партийные съезды, победные этапы революции'; *Товшан... онун йигитлик дуйгуларының оянаыны агшам дуюнды* (Там же, 98) 'Вечером Товшан... почувствовала пробуждение его юношеских чувств'; *Акджагул нахили ялышылык гойберенини шу вагт билип галды* (Там же, 165) 'Акджагул в это время поняла (узнала), какую ошибку она совершила'; *Эдим шу вагт душман тарапдан бир гызжагазын бизе тарап окдурулып галиэини гөрүп галдык* (Байрамов 1963, 51) 'Как раз в это время мы увидели, как одна девочка с вражеской стороны устремилась в нашу сторону'.

Объектные конструкции с *-ан* распространены в языках огузского типа значительно меньше, чем атрибутивные, а по сравнению с объектными конструкциями с *-ган* в кыпчакских языках частотность аналогичного употребления отпричастного имени на *-ан* невелика. Чаще всего подобные конструкции встречаются в туркменском языке, который, как известно, по ряду своих особенностей представляет промежуточную ступень между огузскими и кыпчакскими языками. В объектных конструкциях трансформант может быть выражен и дат. падежом, что зависит от основного управляющего глагола. Ср. туркм. *Өзлеринин, көне юртада, гара өйде отуранларына кемсинйәрди* (Сарыханов 1951, 83) 'Они были недовольны тем, что сами живут в старых юртах, мрачных домах'; *Мария Антоновна Товшаның узадан суратына серетди* (Байрамов 1981, 28) 'Мария Антоновна посмотрела на фотокарточку, которую ей протянула Товшан'; *Товшан Байрамың, ятан отагына гөз гездерди* (Там же, 94) 'Товшан посмотрела в комнату, где лежал Байрам'; *Бөйле батыргай сөзлери тапанына Товшаның өзи хем хайран галды* (Там же, 53) 'Товшан сама удивилась, что нашла такие смелые слова'.

Отпричастное имя на *-ан* может быть оформлено местн. падежом. Ср. туркм. *Абадан эже бу сөзлери айданда, өз-өзүнден хошал болуп, ачылан бәгуле денди* (Байрамов 1981, 47) 'Абадан, сказав эти слова, довольная сама собой, вернулась к распутившейся розе'; *Сонкы сөзлери айданында... сесиниң сандыраяндыгыны бизин хэммәмиз дуйдук* (Худайназаров, 106) 'Когда он произносил последние слова, все мы почувствовали дрожь в его голосе'; аз. *Мән вәсийәт эләрәм ки, мән өләндә мәни нә Кәрбәләя апарсынлар, нәдә мәнә әһсан версинләр* (МН, 11) 'Я завещаю, что когда я умру, то меня пусть в Кербелу не везут и поминки по мне не устраивают'; *Исмәт бәј Ибраһим бәјин евиндән чыханда артыг кенә иди* (Абдуллазада, 131), 'Когда Исмәт-бей выходил из дома Ибрагим-бея, был уже вечер'. В турецком языке форма на *-анда* встречается в диалектах.

Отпричастное имя на *-ан* может быть оформлено в исх. падеже. Ср. туркм. *Йуз теңге тулуң боландан йуз достун* 'Чем иметь сто монет денег, пусть будет сто друзей' [Аннануров 1960, 7].

Отпричастное имя на *-ан* может принимать окончание ныне исчезнувшего на п р. падежа на *-ча*. Такая конструкция обычно передает действие, служащее пределом для другого действия. Ср. туркм. *Бу гиже дан, атыңча шол ерде болдылар* 'В эту ночь они пробыли в том месте до тех пор, пока да занялся рассвет' [Поцелуевский 1943, 76].

В тюркских языках юго-западной группы встречается форма напр. падежа отпричастного имени на *-ан* — *-ынча, -инча*. Очевидно, отпричастное имя на *-ан* имело какой-то аблаутированный вариант на *-ын*. Эта конструкция передает или действие, служащее пределом для другого действия, или действие, вслед за которым непосредственно происходит действие, выраженное сказуемым главной части. Ср. аз. *Мән толуңу касиб сојунча сән дә омагы гала* (Ибрахимов 1966, 83) 'Пока я буду резать барашка, ты разожги костер'.

В диалектах азербайджанского языка встречается форма на *-ынча* в соединении с аффиксами принадлежности, а также форма на *-ынчах*. Ср. *Сән қалинчән биз ишимизи гутардух* (Ибрахимов, 1966, 246) 'К тому времени как ты пришел, мы закончили свою работу'; *Невбә чатынчах жөздәдим* 'Я ждал до тех пор, пока моя очередь не подошла' [Исламов 1961, 21]. Эта же форма встречается в диалектах гагаузского, турецкого и туркменского языков: гаг. *Иринка лафыны битиринжә измайлар долду аула* 'Как только Иринка кончила говорить, змеи наполнили двор' [Покровская 1961, 21]; тур. *Акşam olunca, avizesini alıp gidiyordu* (Nesin 1962, 4) 'Как только наступал вечер, он брал свою люстру и уходил'. В туркменском языке форма на *-ынча* встречается чаще с аффиксами принадлежности. Ср. *Сән, институтдан гелинчән, мен гарашып отуржакдырын* [Аннануров 1960, 147] 'Я буду сидеть и ждать до тех пор, пока не придешь из института'.

Употребление отпричастного имени на *-ынча* имеет широкий ареал распространения. Ср. алт. *Соокко тоньбойынча (тоньбогончо), дьы билбес луды* 'Пока не померзнешь на морозе, не почувствуешь тепла' [Дыренкова 1940, 147]; кирг. *Сиздей селки табылмайынча эч кимди сүйбейм жана үйленбейм* (Каимов, 148) 'Пока не найдется такая возлюбленная, как вы, я никого не полюблю и не женюсь'; тур. *Ben haziran gelmeyince balığa çıkmam* (Nesin 1958, 26) 'Пока не наступит июнь, я не могу поехать за рыбой'.

Сочетание формы отпричастного имени на *-ынна* с послелогом *гэдэр* также выражает действие, служащее пределом для другого действия: аз. *Адамын көзүнә юху кединчәйә гэдәр белә олур* (Мехди 1954, 363) 'Так бывает, пока человек не заснет'.

Отпричастное имя на *-ан* + форматив *-лы* > *-алы* выражает исходный момент действия. Ср. аз. *Чәмалын көзүмдән ниһан олалы, истәрәм бахмайым дүняйә, Пәри!* (Вагиф, 32) 'С тех пор как твоя красота скрыта от моего взора, мне не хочется смотреть на мир, Пери!'; тур. *Biz bu eve taşınalı iç ay bile olmadı* (Nesin 1958, 29) 'Не прошло еще даже трех месяцев, как мы переехали в этот дом'.

В туркменском языке к форманту *-алы* могут присоединяться аффиксы принадлежности: *Бу йыл гиделиң еди йылдыр* (разг.) 'В этом году семь лет со времени твоего ухода'.

Встречающийся в тувинском и хакасском языках трансформант с афф. *-ала*, очевидно, находится в этимологическом родстве с афф. *-алы*: тув. *Ачам заводка ажылдаала, чээрби чыл ашкан* 'Уже прошло более двадцати лет, как мой отец работает на заводе' [Исхаков, Пальмбах 1961, 63]; хака. *Алтай шынга шагшала айгыт пьрдыь алын кыгъжыь* (из сказаний) [Доможаков 1948, 116] 'Лишь только взобрался на вершину Алтай-хребта, клич дал богатырь-человек'; ср. туркм. *Өе геленлериден соң, Ленанын ягдайы хас-да эрбетлешди* (Мәммедов, 67) 'После того как они вернулись домой, состояние Лены еще больше ухудшилось'; *Шейле болансоң, Анатолий узаклы гиже чирим этмән, она гөзөгчилик этмели болунды* (Там же, 1960, 68) 'После того как это произошло, Анатолий должен был наблюдать за ней всю ночь напролет (не сомкнув глаз)'.

Употребляются также сочетания отпричастного имени на *-ан* с послелогам и, обозначающими место и время: туркм. *Аксүлүкден алматыны аландан соң Халлывада геплемесини гойды* (Худайназаров, 73) 'Получив взятку от Аксюлюка, Халлыва прекратил разговор'; аз. *Инди һадисә олуб гуртарандан сонра һәр шеј она ајдын көрүнүрду* (Ибраһимов 1958, 44) 'Теперь, после того как инцидент был закончен, все ему показалось ясным'.

Сочетание отпричастного имени на *-ан* в дат.-напр. падеже с послелогом *киби* 'подобно' обычно выражает действие, служащее пределом для другого действия, или действие, вслед за которым непосредственно происходит другое действие, выраженное сказуемым главной части: аз. *Трактор сүрүнүб кәләң кими кун кечәр ки* (Ибраһимов 1958, 6) 'Пока притащут трактор, день весь пройдет'; *Рустам киши чубуға тутун долдурмаға башлајан кими Јärmәмәд кибрити чәкиб көзләјирди* (там же, 121) 'Пока Рустам-киши наполнял табаком трубку, Ярмамед зажег спичку и ждал'; *О кәләң кими, кәлиндәр сүкүтә далдылар* (Мехди 1953, 18) 'Как только он вошел, молодые женщины замолчали'. Вместе с тем наблюдаются случаи, когда эта конструкция передает сравнительные отношения. Ср. аз. *Мән дейән кими эләјин* (Там же, 50) 'Поступай (делай), как я говорю'.

Отпричастное имя на *-ан* может сочетаться с послелогом *үчин* 'для'. Обычно это сочетание передает причинно-следственные отношения. Ср. туркм. *Чәгеде аяк сесси эшидилмәни, ылайта-да ык тарадан пейда боланы үчин, оператор онуң геленини дуймады* (Кербабаев, 11) 'Так как на песке не были слышны шаги и так как он прибыл с подветренной стороны, оператор не почувствовал его появления'.

Отпричастное имя на *-ан* + послелог *гэдәр/кадар* обычно выражает действие, служащее пределом для другого действия. Ср. аз. *О кәлиб чыхана гэдәр телефонла вһвалаты райкома хәбәр вермиш* (Ибраһимов 1966, 30) 'До того как он приехал, о происшествии сообщили по телефону в райком'; тур. *Telefondan ses gelene kadar adam ölürl gider* (Nesin 1962, 10) 'Пока позвонит телефон, человек умрет'.

Отпричастные имена на *-ан* могут сочетаться со служебными словами, обозначающими место, время, причину и т.д.: туркм. *Сиз аркамда дуран вагтыңызда мен адам өнүнде баш эгеринми?* (Сарыханов 1961, 19) 'Когда вы стоите за моей спиной, разве я склоню голову перед кем-либо?' Отпричастное имя на *-ан* в сочетании со словом *жер* 'место, земля' передает значение места совершения действия: аз. *Ат олмаян ердә эшәк дә атдыр* (Аталар сезу, 36) 'Там, где нет лошади, и осел лошадь (за лошадь сойдет)'; туркм. *Гезим дүшди ярым дуран ерлере* 'Я окинула взором места, где бывала моя подруга'. Синонимом *жер* в азербайджанском языке может быть и слово *тәрәф* 'сторона' в служебном значении: *еј ванын түшүндан јун чыхан тәрәфә бахдыгда исә һејран олду* (Ибраһимов 1966, 56) 'Когда же она с крыльца посмотрела туда (в сторону), где восходит солнце, она удивилась'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ НА *-НӀ*

Причастия с показателем *-нӀ* встречаются только в чувашском языке. Они могут трансформировать потенциально возможные определительные придаточные предложения: *ВӀл рельса сӀтнӀ участка ситсе, сул сӀнчен сиксе тухассине астурӀ* (Талвир 1952, 45) 'Достигнув участка, где были разбросаны рельсы, он заметил, что паровоз сошел с рельс'; *ШӀнерпусенчи пухӀва кӀрсен, Павлуш чи малтан ӀлӀк җак шулта ӀсленӀ Федоров учителе асӀрхарӀ* (Осипов, 106) 'Когда Павлуша пришел на собрание в Шенерпусе, он прежде всего заметил работающего в этой школе учителя Федорова'; *ВӀл чӀранны килте икӀ хӀрарӀм пӀр ла пураӀнассе* (Лазарева 1960, 38) 'В доме, в котором она остановилась, живут две женщины'.

Отпричастное имя на *-нӀ* в в.и.н. падеже может сокращать потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: *СакӀнта эӀ пӀрремӀш хут "катюша" пенине куртам* (Алендей, 40) 'Здесь я в первый раз увидел, как стреляет "катюша"'; *ВӀл хӀйсене мӀншӀен мухтанине хӀрсем титӀ лайӀх аӀнланчӀс* (Лазарева 1960, 63) 'Девушки очень хорошо поняли, за что он себя хвалит'; *ХӀй чугун сул сӀнче Ӏсленине пӀлтерчӀ вӀл* (Талвир 1954, 90) 'Она знала, что он работает на железной дороге'; *Саша вӀсем мӀн сӀнчен калаӀсине нимӀн те аӀнланмарӀ* (Лазарева 1960, 53) 'Саша ничего не понял из того, что они говорили'.

Отпричастные имена в и.с.х. падеже трансформируют придаточные предложения причины: *Пан Павлуш хватгерте пӀчченех. Зинаида Степановна алӀри ачипе чиркӀве ирхи кӀлле тухса кӀйрӀ. Те пӀччен юлнӀран, те ахалех вӀл шухӀша кӀйрӀ* (Осипов, 90) 'Сегодня Павлуша в квартире один. Зинаида Степановна ушла с грудным ребенком в церковь к заутрене. Мысль о том, что он остался один (так как он остался один), неоднократно к ней возвращалась'.

Отпричастное имя на *-нӀ* может принимать сложное падежное окончание *-ранпа* (соединение окончания исх. падежа с окончанием твор. паде-

жа). Такая конструкция обычно передает исходный момент совершения действия: *Салмин хайне парторганизацци секретарьне суйланаранна парткабинета саван чухлэ халлах пуханнине ас тумасть* (Ухли 1956, 38) 'Салмин не помнит, чтобы в парткабинете собиралось столько народу со времени его избрания секретарем'; *Ентэ вярсэ пусланнаранны пёр уйах та иртсе пынэ* (Талвир 1952, 79) 'С тех пор как началась война, прошел месяц'.

Отпричастное имя на *-нэ* в форме местн. падежа как средство сокращения потенциально возможных придаточных предложений в чувашском языке не употребительно, так как его в этой роли может заменять деепричастие на *-сан*.

В чувашском языке, как и в других тюркских языках, довольно употребительны сочетания отпричастного имени с послелогом. Сочетание причастий на *-нэ* со словами, обозначающими время, трансформирует потенциально возможные придаточные предложения времени: *Иртне сулсенче Атэл нэрэ тапраннэ вэхатра сил-тэвалла сиве сумар саваканччэ* (Осипов, 248) 'В прошлые годы, когда на Волге трогался лед, лил холодный дождик'; *Шурампус сэлтэрэ тухнэ вэхатра тирэн тура Иисус Христос суралать иккен* (Там же, 17) 'Когда вышла (появилась) утренняя звезда, родился наш бог Иисус Христос'; *Тенёр күнёнче нурт умёнчи решеткене юсаса танэ чух. Артур сурчэ тёлёнче сынсем пуханнине асархарэ вэл* (Там же, 111) 'На другой день, поправляя решетчатую ограду перед домом, Артур заметил, что люди собрались около его дома'; *Тенюкова вэл юратнэ. Унна вэл Хусанги госпитальре ёсленэ чухнех паллашнэ* (Там же, 262) 'Он любил Тенюкову. С ней он познакомился, когда работал в казанском госпитале'.

Отпричастное имя на *-нэ + послелог семен 'по мере того'* по модели своего образования и передаваемому значению соответствует общетюркской модели *-ган + сайын*: *Вахат иртнэсемен сав шухаш асапларах та асапларах пулса нырать* (Алендей, 25) 'По мере того как проходило время, эта мысль становилась все мучительнее'; *Малалла угнэсемен траншея тарайланать* [МГЧЯ 1957, 264] 'Чем дальше они идут, тем траншея становится глубже'.

Отпричастное имя на *-нэ + послелог нирки 'из-за'* передает причинно-следственные отношения: *Вярсэ вэхатёнче ёссем нумай пулна нирки вэл пёр вэхатлэха изобретени енёне ёрлеймерэ* (Талвир 1952, 119) 'Так как во время войны было много работы, он одно время не работал над изобретением'.

Отпричастное имя на *-нэ + форматив -аччен/-иччен* по семантике и модели образования соответствует общетюркской модели с *-ганча, -гынча*. Ср. *Ёсе ханэхииччен йывэрччэ мана* (Талвир 1952, 149) 'Пока я не привык к работе, мне было трудно'; *Убасников заводри ёсе тытанииччен ялти тэвансем кайса килешёнчэ* (Там же, 129) 'Убасников, прежде чем получить работу на заводе, советовался со своими родственниками в деревне'.

Отпричастное имя на *-нэ + послелог хыссан 'после'* передает временное соотношение действий: *Ватэ машиниста патарнэ хыссан Сергей чугун сул управленине ситнэ* (Талвир 1952, 87) 'После того как похоронили старшего машиниста, Сергей пришел в управление железной дороги'.

Отпричастное имя на *-нэ + послелог нек (ex)* 'подобно' передает образ действия, сравнение двух действий: *Театртан тухнэ ханасем, чанах та,*

Ягунов каланэ некех машина кётсе тараçсе (Талвир 1952, 114) 'Гости, вышедшие из театра, действительно, как говорил Ягунов, ожидали машины'; *Хёр нимён те пулман нек ёнси синелле аннэ сарэ суç пайаркисене сулелле ыватнэ май тюрлеткелесе илчэ* (Там же, 23) 'Девушка, как будто ничего не случилось, поправила локоны рыжих волос, сбившихся на затылке'.

***

Происхождение причастного афф. *-ан* представляет одну из трудных проблем исторической морфологии тюркских языков. Выше уже говорилось, что некоторые тюркологи считают афф. *-ан* результатом упрощения афф. *-ган/-қан*, в котором исчезло начальное *г/к*. На первый взгляд эта гипотеза может показаться заманчивой, поскольку все образования на *-ган* и *-ан* обнаруживают поразительную симметричность, в чем можно наглядно убедиться при следующем сопоставлении:

<i>-ган</i>	<i>-ан</i>
<i>-ганы</i>	<i>-аны</i>
<i>-ганда</i>	<i>-анда</i>
<i>-гандан</i>	<i>-андан</i>
<i>-ган + служебные элементы (бери, вакыт, заман, йер, себеб, учун и др.)</i>	<i>-ан + служебные элементы (бери, вакыт, заман, йер, сон (ра), киби, себеб, учун и др.)</i>
<i>-ганча</i>	<i>-анча</i>
<i>-гынча</i>	<i>-ынча/-ынча</i>
<i>-ганлы/-галы</i>	<i>-анлы/-алы</i>
<i>-ганлыг/-гандыг</i>	<i>-анлыг/-андыг</i>

Однако существенный недостаток этой гипотезы состоит в том, что исчезновение *г/к* не подтверждается данными исторической фонетики тюркских языков. При наличии причастного афф. *-ан* в языках огузской группы существуют одновременно образования с афф. *-ган/-қан* или *-ын/-қын*: тур. *kyrgan* 'крепость' (<*kur*- 'строить'), *alirkan* 'привычный', аз. *dəjüşkən* 'драчун, забияка' (<*dəjüş-* 'драться'), *gudurgan* 'бешеный' (<*gudur-* 'взбеситься'), тур. *batkın* 'погрузившийся, погруженный' и т.д. Все это свидетельствует о том, что в огузских языках не было фонетического закона исчезновения *к* или *г* после группы согласных, в силу которого первоначальные причастные формы типа *алган* 'взявший' и *келген* 'пришедший' могли бы трансформироваться в *алан* и *келен*.

Хронологически причастие на *-ан* представляет более древнее образование по сравнению с причастием на *-қан*. Вероятнее всего, причастие на *-ан* в огузских языках прямо продолжает причастие на *-ан*, существовавшее еще в общетюркскую эпоху. В огузских языках в рамках простого предложения широко применялись причастные и деепричастные обороты с формой на *-ан* и ее производными, что также наглядно доказывается конкретными примерами.

Причастные обороты с формирующим членом — причастием на *-ан* — имеют атрибутивное значение: аз. *Nəhajət, uzun bir otağdan ibarət olan kabinetə kəldilər* (Ибрагимов 1966, 37) 'Наконец они пришли в кабинет, состоящий из одной длинной комнаты'. Уже в рамках простого предложе-

ния форма на *-ан* обнаруживает недифференцированность во временном отношении.

В простом предложении форма на *-ан* встречается в сочетании с послелогами и служебными словами, ср. туркм. *Бу китабы гөреңден сон, сен менден айрылышып билмерсин* (Сарыханов 1961, 11) 'После того как ты увидел эту книгу, ты не сможешь с ней расстаться'.

В алтайском языке *-ан* встречается как показатель деепричастной формы: *Саргайый болза, кун тыгарда, комналып болза, олонь чайкаларда, Кань-Айак санан барган* [Баскаков 1958, 105] 'Когда, бросая желтые лучи, взошло солнце, травы, как волны, качались, Кан-Айак, задумавшись, ехал'. Эти причастные и деепричастные обороты и послужили в дальнейшем строительным материалом для образования зависимых трансформ с формирующим членом *-ан*. Общность исходных материалов привела к общности типов зависимых трансформ, характерных для языков огузской группы.

По сравнению с развитием зависимых трансформ с формирующим членом на *-ан/-қан*, характерных для кыпчакских языков, развитие зависимых трансформ с формирующим членом *-ан* в огузских языках имеет некоторые особенности.

В кыпчакских языках у причастия на *-қан/-ған* не оказалось конкурентов, которые могли бы сократить сферу его распространения. В огузских языках у причастия на *-ан* были довольно сильные конкуренты. Его значительно потеснило причастие на *-дык*, особенно в турецком языке, которое впоследствии само было несколько оттеснено новым причастным образованием на *-мыш*.

Отглагольные имена на *-ан*, *-қан* в глубокой древности, вероятно, существовали и в чувашском языке. Ср. такие слова, как *сёлен* 'змея' и *хыткан* 'выносливый'. Отглагольное имя на *-қан/-ған* в его разновидности *-аған/-ақан* закрепилось в чувашском языке в причастии наст. времени: *пыракан* 'идущий', *ёфлекен* 'работающий'. Древнетюркское причастие на *-н* отразилось в чувашском языке в форме на *-нă*, которая широко употребляется как отпричастное имя и как трансформант.

Причастие на *-ан* существовало и в якутском языке. Его реликтом, по всей видимости, является современное деепричастие на *-ан*. Ср. *көрөн олоробун* 'смотря сию (сiju и смотрю)', *эremen сылдыбын* 'пребываю в надежде (надеясь хожу)' [Харитонов 1947, 236]. Якутское деепричастие на *-ан* входит в состав трансформ. Однако в якутском языке, как и в языках огузской группы, получило распространение причастие на *-мыш* в его варианте *-быт* (<*-быс*). Ср. современные причастия *буспут бурдук* 'созревший хлеб', *охтубут мас* 'упавшее дерево' [Там же, 255].

В семье тюркских языков существуют языки со смешанными чертами. Так, например, в туркменском языке есть трансформы с формирующими членами на *-ан*, *-ан* и *-дык*. В саларском языке есть образования на *-ған* и *-мыш*. В чувашском языке существуют образования на *-аған*, встречающиеся в кумыкском и некоторых языках кыпчакской группы, но причастия на *-ған* и *-мыш* не оказались продуктивными.

Причастие на *-дык*, выступая в функции определения, может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения. Ср. тур. *O svada doktorun çağırduğu karısı da gelmişti* (Nesin 1958, 42) 'Тем временем пришел швейцар, которого позвал доктор'; *Eve girdiğin zaman, evin içinde bir matem halı vardı* [Кононов 1956, 105] 'Когда я вошел в дом, в доме был траур'; *Ve genç şair tam iki sene hiçbir insanın giremediği hudutsuz kum çöllerinde dolaştı* (Sabahattin 1956, 73) 'И молодой поэт целых два года бродил по безграничным песчаным пустыням, где не ступала нога ни одного человека'; *Mehmet dükkânın açtığı gün Settar efendi komşusuna güzelce bir ziyafet verdi* (ТН, 39) 'В день, когда Мехмет открыл свой магазин, Саттар-эфенди устраивал (давал) своим знакомым хороший прием'; аз. *Кәндли яхи анлайыр ки, молланын яздыгы дуа хәстәйә көмәк әләмир* (Мехди 1954, 132) 'Крестьянин хорошо понимает, что молитва, написанная муллой, не помогает больному'; *Бу сөzlәри Тәрлан чох диггәтли динләди өз гоһа арвадын кәтирдийи хәрәйи емәйә башлады* (Там же, 134) 'Тарлан очень внимательно выслушал эти слова и начал есть обед, который принесла его старая жена'; *О, кәндә чалышдыгы алты ил әрзиндә доюнна ятмамыш, доюнна истираһәт әләммишди* (Там же, 141, 142) 'В течение шести лет, когда он работал в деревне, он вдоволь не спал и вдоволь не отдыхал'; *Сәлигә илә жерийә дарадыгы гара сачларына дән душмуш, сифәти аһна гырышмышды* (там же, 153) 'В зачесанных назад волосах Салиги появилась проседь, лицо ее сморщилось'.

Отпричастное имя на *-дык* в в и н. п а д е ж е может служить средством преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. аз. *Йәгин о мәним Петербурдан гайытдыгымы билмир* (Мехди, 1953, 32) 'Вероятно, он не знает, что я вернулся из Петербурга'; *Бай Рјабовун һарда отурдугуну сорушуб бербаһ онун янына јолланды* (Абдуллазаде, 32) 'Он спросил, где сидит господин Рябов, и тотчас же направился в его сторону'; *Берлиндәки пансионат саһибәсинин кәндәрдији навабыда фрау Ван Тиедеманын даһа онун јанында јашамадыгыны, буна көрә дә истәдијим ма'луматы верә билмәјәчјини билдирди* (Сабаһһәддин, 193) 'В ответе, посланном хозяином пансионата в Берлине, сообщалось, что фрау Ван Тиедеман у него не проживает и поэтому он не сможет дать требуемых сведений; гаг. *Анам беним сөледиими аннамады* [Бабоглу 1962, 61] 'Мать не поняла того, что я сказал'; тур. *Akdenizin purl purl çıldadığını görüyorlardı* (Halikarnas, 295) 'Они видели, что Средиземное море ослепительно сверкало'; *Ne demek istediğini pekâlâ anlam* [Кононов 1956, 11] 'Я прекрасно понял, что он хотел мне сказать'.

Отпричастное имя на *-дык* в форме д а т. п а д е ж а передает временные отношения действий, а также объектные и причинно-следственные отношения. Ср. аз. *Сәнин намуслу өз сәдагәтли адам олдуәуна шубһә јохдур* (Ибраһимов 1966, 562) 'Нет сомнения в том, что ты порядочный и верный человек'; тур. *Bir çocuğı olmadığına уanardı* (Halikarnas, 41) 'Он переживал, что у него не было ребенка'; Кюль-Тегин: *Mән өзим қаған олуртуқыма (јір сају) бармыш будун өлү јитү јадағын јалағын јана кәлти* 'Когда я сел на царство, бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг пришел (к нам) обратно' [Малов 1951, 40].

Отпричастное имя на *-дык* в местн. падеже фактически является деепричастием. Ср. аз. *Автобус Мерсина чатдыгда шәһәрә ахшам душурду* (Абдуллазаде, 24) 'Когда автобус прибыл в Мерсин, на город спустился вечер'; *Отагына кирдикдә ае сачлы, элли-алтмыш јашларында бир кишинин чарпајыда узаныб газет охудуеуну көрду* (Абдуллазаде, 39) 'Когда она вошла в комнату, то увидела, что седовласый человек пятидесяти или шестидесяти лет, развалившись на кровати, читал газету'; *Мүгәнни гадын сәһнәдә чыхдыгда уеулту јенидән башилады* (Абдуллазаде, 205) 'Когда певица выходила на сцену, снова поднялся гул'; тур. *Tren geldikte biz onu gördük* (разг.) 'Когда подошел поезд, мы его увидели'.

Форма местн. падежа отпричастного имени на *-дык* в настоящее время характерна для тюркских языков огузского типа. В прошлом она имела больший ареал распространения. Так, например, она встречается в исторических памятниках татарского языка: *Эмир Тимур Болгарны харап кылдыкта, Болгарда Бикчурә хан иде* 'В то время, когда эмир Тимур разгромил Булгары, там ханом был Бикчурә' [Закиев 1963, 287]. В некоторых говорах татарского языка, например нократском, вместо конструкции *без барганда* 'когда мы шли' встречается конструкция *без бардыкта* [Жәләй 1952, 36]. Эту конструкцию можно встретить в древнейгузском языке: *Қалты йаруқ тәңри Мани Бурхан кәлтүктә динтар болты* 'Как только пришел светлый божественный Мани Бурхан, он стал священнослужителем' [Насилов 1963, 107]. Она зарегистрирована и в ранних тюркских памятниках. Ср. Кюль-Тегин: *Каңым қаған учдукда иним Күл тигин ји тј јашда калты* 'По смерти моего отца — кагана — мой младший брат Кюль-Тегин остался семи (?) (лет от роду)' [Малов 1951, 31, 40]; Золотой блеск: *M(ä)n ol bæg niñ öziñä tägdüktä, qojunytyn bir kәgdä bitig ündürtip, таңа оауду* 'Когда я приблизился к начальнику, то он, вынужден из-за пазухи некую грамоту, прочитал (ее) мне' [Там же, 154, 158].

Как свидетельствуют некоторые косвенные данные, отглагольное имя на *-дык* уже существовало в общетюркскую эпоху. Реликты его имеются почти во всех тюркских языках: тат. *калдык* 'остаток', *ястык* 'подушка', тур. *bildik* 'знакомый' (<*bil-* 'знать'). Эти реликты встречаются и в ранних тюркских памятниках, например: *umduq* 'надежда' (<*um-* 'надеяться'), *adirtik* 'различие' (<*adir-* 'отделять'), *barduq* 'хождение' (<*bar-* 'ходить') [Севортян 1966, 23].

Афф. *-дык*, по всей видимости, сложный. Подобное мнение уже высказывалось в специальной литературе. В. Когвич устанавливал два ряда аффиксов: *-m*, *-ma*, *-maq* и *-t*, *-di*, *-diq* [1962, 23]. Эта гипотеза довольно близка к истине, так как в общетюркскую эпоху действительно существовало отглагольное имя с афф. *-ды*, например: тур. *dövdü* 'обух' (топора) (<*döv-* 'бить'), *burdu* 'бурав, сверло' (<*bur-* 'сверлить'). Подобные образования встречаются и в ранних тюркских памятниках, ср. *oğdi* 'хвала, похвала' (<*oğ-* 'хвалить'), *toñdi* 'вращение, обращение' (<*toñdu* 'отворачиваться'), *ödiürdü* 'избранное' и т.д. [Севортян 1966, 238]. Более часто афф. *-ды* встречается в составе сложного афф. *-ынты/-ынды*, например: аз. *ахынты* 'течение', туркм. *кесинди* 'отрезок', тат. *казынды* 'раскопки', узб. *ташланди* 'отбросы', каз. *асыранды* 'приемыш', кирг. *чачынды* 'разбросанный' и т.д. [Там же, 289–292]. Причина слияния афф. *-ды* с афф. *-к* неясна.

Отглагольное имя на *-дык* в общетюркскую эпоху было индифферентно во временном и залоговом отношении. В дальнейшем в кыпчакских языках оно становится совершенно непродуктивным и отступает на задний план. В настоящее время от него сохранились лишь реликтовые образования типа тат. *калдык* 'остаток' и т.д.

В огузских языках, наоборот, это отглагольное имя стало в определенный период очень продуктивным. Оно употреблялось не только как отглагольное имя, но и как причастие, правда еще не дифференцированное во временном и, по-видимому, в залоговом отношении. Приводимые ниже примеры из огузских языков свидетельствуют о том, что оно широко употреблялось в рамках простого предложения: тур. *Artık üç köyde satılmadık arazi kalmadı* (ТН, 48) 'Больше уж в трех деревнях не осталось непроданных земель'; туркм. *Битмедик ёвшаның дүйбинде догдадык товшан ятыр* 'Под невыросшей полынью лежит неродившийся заяц' [ФСл. 1963, 58]; Құтадғу билик (наманг.): *Kişi kirmädük älkä kirsä qaly . . .* 'Если человек явится в неизвестную ему страну . . . (в страну, в которой он еще не был)' [Малов 1951, 250, 275].

В рамках простого предложения *-дык* формирует объектные конструкции, принимая соответствующие падежные аффиксы: тур. *Onu nasıl sevdiğimi anlattım* (Sabahattin 1966, 63) 'Я рассказал, как я люблю ее'. Оформляясь аффиксами пространственных падежей, *-дык* образует обстоятельственные конструкции со значением времени, причинно-следственных отношений и т.д.: аз. *Әләскәрин ше'рләрини охумагла мәшеул олдуеундан, артыг атасына бахмарды* (Ибраһимов 1966, 7) 'Поскольку она читала стихи Алескера, она уже не смотрела на отца'; *-дык* формирует обстоятельственные конструкции в сочетании с послелогом, служебными словами, но круг использования их в рамках простого предложения, правда, более ограничен, чем в трансформах. Ср. *дыг* + (афф. принадлежности) + (афф. падежа) + послелог: аз. *Елә он ил бундан габаг билмәди јин кими јенә дә билмәдин* (Ибраһимов 1966, 74) 'Как десять лет тому назад ты не узнал, так и опять не узнал'; Кюль-Тегин: *Бизнә јаңлыкын* (читают и *јаңылдукын*) *үчүн қағаны өлти* 'Так как . . . провинился перед нами, то (сам) каган умер (т.е. убит)' [Малов 1951, 30, 38].

В памятнике Кюль-Тегину формы на *-дык* иногда используются в качестве деепричастия без падежного оформления и сочетания с послелогом (очевидно, хронологически это более ранние конструкции): *Јагы болып, итінү јаратуну умадук јана ічкіміс* 'Став врагом и не будучи в состоянии (что-либо) сделать для себя и создать, он (тюркский народ) опять подчинился государству Табгач' [Малов 1951, 29, 37].

Производные от *-дык*, *-дыгча* встречаются в рамках простого предложения, передавая аналогичные значения: туркм. *Якын гелдигиче тозоны көпөлийә* 'Чем ближе он подходит к крепости, тем больше пускает пыли' (Туркм. сказки, 122).

Таким образом, уже в рамках простого предложения наличествовал материал для образования трансформ с формирующим членом на *-дык*. В более позднюю эпоху отглагольное имя на *-дык* в некоторых сферах употребления вытеснялось причастием на *-мыш/-миш*. Причастие на *-мыш* было более удобно, поскольку оно имело значение прош. времени.

В современных огузских языках распространение трансформ с форми-

рующим членом на *-дык* не отличается равномерностью. Наибольшая частота их употребления в турецком, реже они используются в гагаузском и азербайджанском, еще более редко в туркменском, где они встречаются главным образом в отрицательном аспекте.

ТРАНСФОРМАНТ – ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ НА *-ЫШ*

Отглагольное имя на *-ыш* в вин. падеже образует объектные конструкции: кирг. *Менин окууга алынынышымды алар менден да көп тилешти* (Каимов, 51) 'Они больше меня хотели, чтобы я был принят на учебу'.

Отглагольное имя на *-ыш* в дат. падеже образует конструкцию, передающую временное соотношение действий. Ср. тат. *Син кайгышка, мин дә барып житәрмен мунчага* 'Пока ты идешь, я успею дойти до бани' [Закиев 1963, 288].

Имя на *-ыш* в дат. падеже + послелог *гөрэ* образует в туркменском языке конструкцию, передающую сравнение: *Мең эшидишиме гөрэ, Шириниң нирэ ве киме гиденлигини диңе бир сиз билйәрсиңиз* (Сарыханов 1951, 33) 'Как я слышал, куда пошла Ширин, за кого – только вы знаете'.

Отглагольное имя на *-ыш* в дат. падеже + послелог *қарамай* образует ситаксическую конструкцию, имеющую уступительное значение, ср. узб. *Уст-боши кир, увада бўлишига қарамай, чиройли хушфеъл, ёқимтой ийигит эди* 'Несмотря на то что он был в старой рваной одежде, он был красивым, веселым приятным парнем' [УРСл. 1959, 604].

Отглагольное имя на *-ыш* в дат. падеже + послелог *қараганда* образует синтаксическую конструкцию, передающую сравнение: узб. *Эшитишимизга қараганда, – деди қўлини ўйнатиб Шаҳидбек . . .* (Қодирий 1959, 36) 'Как мы слышали, – сказал Шахидбек, играя рукой'.

В современных тюркских языках имя на *-ыш* как трансформант малоактивно и, вероятно, никогда не обладало особой активностью. Оно отнесено более активными трансформантами.

Отглагольное имя на *-ыш* уже существовало в эпоху тюркского праязыка.

ТРАНСФОРМАНТ – ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ НА *-МА*

Отглагольное имя на *-ма* в вин. падеже обычно передает объектные отношения и может быть использовано для преобразования потенциально возможного дополнительного придаточного предложения. Ср. аз. *Онлар Солмазын йох олмасыны галэб эдилрэр* (Наббарлы 1954, 13) 'Они требовали, чтобы Солмаз счезла'; тур. *Ben de bunların bahtiyar olmalarını çok isterdim* (ТН, 41) 'И я бы хотел, чтобы они были счастливы'.

Отглагольное имя на *-ма* может быть употреблено и в исх. падеже. Ср. аз. *Садыгын қалмәсиндән хәбәр тутан ушаглар да бир-биринин ардымча онун габагына йүйүрүшдүләр* (Меһди 1954, 8) 'А дети, узнавшие, что придет Садыг, побежали к нему навстречу наперегонки'.

Отглагольное имя на *-ма*, сочетаясь с послелогом *ичин* 'для, за', передает причинно-следственные отношения: тур. *Biz buraya yabancı bir baltanın girmemesi için her birden karşı koyduk* (Sabahattin 1966, 113) 'Мы категорически воспротивились, чтобы сюда проник посторонний топор'.

Отглагольное имя на *-ма* существовало уже в тюркском праязыке. Как трансформант оно малоактивно.

ТРАНСФОРМАНТ – ОТПРИЧАСТНОЕ ИМЯ НА *-МАҚ*

Отпричастное имя на *-мақ*, принимая показатель вин. или дат. падежа, формирует объектные конструкции: кум. *Иш бу ёрукъда болмакъны гьали болмайлы билмегенбиз* 'Мы до сих пор не знали, что дело находится в таком состоянии' [Джанмавов 1967, 113]; аз. *Сөз йох, мәним адымын гәзетчи олмагына баис йолдашым олубдур* (МН, 12) 'Несомненно, что причиной того, что меня стали называть газетчиком, был мой товарищ'.

Отпричастное имя на *-мақ* в исх. падеже выражает причинно-следственные отношения: аз. *Мән гысганмагдан, о гысганыр* (Ибраһимов 1966, 131) 'Оттого, что я ревную, он ревнует'; чаще эта форма употребляется с показателем *-са*, передавая сравнительные отношения: аз. *Аннаг сәни онун, мискин бир гулун кобуд багында көрмәкдәнсә, иланлар гоьйунда көрмәйи даһа чох истәрдим* (Набарлы 1954, 37) 'Однако, чем видеть тебя в грубых объятиях жалкого раба, я бы больше хотел видеть тебя в объятиях змей'; тур. *Bu günleri görmektense Melâhatin ölüsünü görmeyi tercih ettiğini ilâve ediyordu* 'Она прибавила, что предпочитает видеть труп Меляхат, чем (вновь) переживать эти дни' [Кононов 1960, 469].

Трансформант на *-мақ* + афф. *-ла/-ле* передает причинно-следственные отношения: аз. *Мән бир сөз демәкләсән нә учун күсдүн?* (АХД, 12) 'Оттого что я слово сказал, ты обиделся?'. Эта форма часто выступает с послелогом *берабер*, формируя зависимую трансформу со значением уступительности действия: тур. *Dükkânin işi fena gitmekle beraber Mehmedin sevgilisi onu çok zengin bir insan ve yarının mühim iş adamlarından biri olacak sanıyordu* (ТН, 41) 'Несмотря на то что (хотя) дела в магазине шли плохо, возлюбленная Мамеда считала его очень богатым человеком и одним из значительных деятелей будущего'.

В кумыкском языке распространено субстантивированное образование на *-мақлык*, которое, принимая аффикс исх. падежа, формирует конструкцию, выражающую причину совершения действия: *Машинабиз бузудуп къалмакълыкъдан уьч гюнубюз негъак гетди* [Джанмавов 1967, 199] 'Из-за того что наша машина неожиданно испортилась, мы потеряли впустую три дня'; *Тиши аврумакълыкъдан ашан болмай* [Там же, 272] 'Он не может есть из-за того, что у него болит зуб'.

Причастное имя на *-мақ* существовало уже в тюркском праязыке. Ср. аз. *гаймак* 'сливки', тур. *уетек* 'еда', каз. *батпак* 'топь', кирг. *кысмак* 'стеснение' и т.д. Афф. *-мак* составлен из двух аффиксов – *-ма* и *-к*. До образования трансформант причастное имя на *-мақ* уже употреблялось в рамках простого предложения. Как трансформант оно малоактивно.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ НА *-МЫШ*

Причастие на *-мыш* может быть средством трансформации потенциально возможных определительных придаточных предложений, ср. аз. *Файтонда отурмуш көч һәким Шерифзадә исә бу әл мәһныларыны бир лайла кими динләйирди* (Меһди 1954, 78) 'А сидевший в фэзтоне молодой врач Шерифзаде слушал эти народные песни как приятные колыбельные'; *Калмыкларын Дон саһилләриндә көчмүш һиссәси казаклара чеврилдиләр* (АСЕ, 223) 'Часть калмыков, переселившаяся на берега Дона, превратилась в

казаков'; *Байрам илан вурмуш адамлар кими ериндэн сычрады* (Меңди 1953, 81) 'Байрам, как человек, укушенный змеей, вскопчил с места'; тур. *Doğduğı günden beri hiç yukanmamış insanların bulunduğı, çamur uğıni evlerde yaşıyan Urfa köylerinde de dolaştım* (Sabahattin 1966, 90) 'Я бродил по деревням Урфы, дома в которых представляли собой скопище грязи, люди в которых с самого рождения совсем не улыбались и в жизни не носили обуви на ногах'.

В якутском языке причастию на *-мыш* соответствует причастие на *-быт* (*-ыт/-ыт*): *Батманов приемной хохугар ыгыр таабыт үлэһиттэрэ куутэн олоролор* (Ажаев, 44) 'В приемной Батманова сидели вызванные им сотрудники'; *Төгүрүк суутказа биир да поезд ааспаттаза, оттон суус суурбэ километрдаах сиргэ, линияны бысталаабыт уонна муосталары сиң нэртээбит улахан партизанскай этэрээтти кытта сэрии буола турара* (Островский, 49) 'За сутки не прошел ни один поезд, а в ста двадцати километрах шел бой с крупным партизанским отрядом, перерезавшим линию и взорвавшим мосты'.

Атрибутивное использование причастия на *-мыш* в рамках простого предложения было особенно распространено в памятниках. Кюль-Тегин: *Тяңри тэг тяңридэ болмыш түрк билгэ казан бу өдкэ олуртым* 'Небоподобный, неборожденный (на небе, из неба возникший) тюркский каган, я нынче сел на (царство)'; Среднеазиатский тефсир: *Қатілді аңар үнмиш от жердін* 'Смешались с ней растения, выросшие из земли' [Боровков 1963, 205].

Причастие на *-мыш* способно образовать отпричастное имя, форма вин. падежа от которого может быть использована при трансформации потенциально возможных дополнительных придаточных предложений: Золотой блеск: *qan aqtusyn körti* 'Он увидел течение крови' [Малов 1951, 193]; Кутадгу билик (наманган): *Järindin bu ilkä nägün kälmişi, Aju birdi barca özi bilmişi* (по венской и каирской рукописям — *kälmişin, bilmişin*) 'Для чего он пришел из своей земли в эту страну, он рассказал ему все, что знал сам' [Там же, 250, 275].

Отпричастное имя на *-мыш* в дат. падеже может передавать объектные и причинно-следственные отношения; ср. Золотой блеск: *M(ä)n tirilmış kä siz lâr nägülik anča käd qaçar siz lâr* 'Почему это вы так быстро испугались, что я ожил' [Малов 1951, 154, 157].

Отпричастное имя на *-мыш* в местн. падеже передает временное соотношение действий; ср. Золотой блеск: *Офулум јаңы болмыста өгрүнчүм савинчим аз әртi*. 'При зачатии моего сына радости и довольства у меня не было' [Малов 1951, 178, 185]. Особенно эта конструкция распространена в якутском. Ср. *Артем чоғу харбаары үөһө тахсыбытыгар, чособуой оччо уорбаалы санаабыта* (Островский, 52) 'Когда Артем полез наверх грести уголь, часовой не обратил на это особого внимания'; *Павел кочегарка аанын аспытыгар, оһоһхо номнуо кэлэн турар Данило-кочегар кыһыһырыттын эргилиннэ* (Там же, 61) 'Когда Павел открыл дверь в кочегарку, возившийся уже у топки Данила-кочегар сердито обернулся'.

Отпричастное имя на *-мыш* в исх. падеже передает также временное соотношение действий: аз. *Бу оглан калмаһишдэн ики жүн габаг гојуну раһат елә јиб, чобан-чолуг јатмышды* (Ибраһимов 1966, 559) 'За два дня до того, как приехал этот парень, успокоив овец, все пастухи улег-

лись'; яз. *Станкевич ыалдьан хаалбытыттан станция бүгүн үлэллэбэтэ* (Островский, 53) 'Станция сегодня не работала, потому что заболел Станкевич'.

В якутском языке отпричастное имя на *-быт* в срав. падеже передает компаративные отношения: *Лэҕиэнтэй атыһыт Уйбаан Сэмэнэбис соһуй-бутунааһар ордук соһуйбута* 'По сравнению с тем, как измучился Иван Семенович, купец Иннокентий больше измучился' [Убрятова 1976, 119].

В пределах простого предложения форма на *-мыш* встречается и в сочетании со служебными словами, передавая обстоятельственные значения.

Отпричастное имя на *-мыш* + послелог *билен* 'с': туркм. *Ол бизи өзиниң бу этмиши билен иле-туне чыкар ялы этмеди, ханым* (Сарыханов 1951, 32) 'Хан мой, он нас поставил в такое положение, что мы не можем людям на глаза показаться'.

Отпричастное имя на *-мыш* + послелог *кими* 'подобно': аз. *Пәришан һәр шеј олмамыш кими бир ан әввалкиндән дә шад һәрәкәтлә Мајанын голундан тутду* (Ибраһимов 1966, 55) 'Пәришан, словно ничего не произошло мгновение тому назад, радостно схватила Маю за руку'.

Отпричастное имя на *-мыш* + послелог *гиби* 'подобно': тур. *Senelerden beri insan eli dokunmamış gibi duran çürümeye yüz tutmuş tahtalara yaslandım* (Sabahattin 1966, 90) 'Я прислонился к стоящим доскам, начинающим уже гнить, словно много лет к ним никто не прикасался'.

Отпричастное имя на *-мыш* + послелог *мәңизлик* 'подобно': хорезмские памятники XIV в.: *Тақы ол вақтың анларқа мәним сүннәтим үзә сабур қылмақ айаларыңқа йанар көз қысмыш мәңизлик күчәй болғай теди* 'Тогда им придерживаться моих законов (правил) будет трудно, подобно тому как держать на ладонях горящий уголь' [Фазылов 1966, 34].

Отпричастное имя на *-мыш* может также сочетаться со служебными словами, имеющими временное значение, — *вахт, заман* и т.д., при этом передается также временное соотношение действий. Ср. аз. *Гадаган олунмуш вахтада шәһәрин жүнләриндә үчүн тутулмушлар* (разг.) 'Так как по улицам города ходили тогда, когда запрещалось, их задерживали'.

Трансформант, представленный причастием на *-мыш* и его производными, имеет функциональные ограничения. Это объясняется тем, что в азербайджанском и турецком языках довольно сильную конкуренцию ему создает причастие на *-дық*.

Аффикс причастия *-мыш*, по-видимому, является сложным образованием. Он возник в результате контаминации двух аффиксов — *-ма* и *-ыш*. Есть основания предполагать, что отглагольные имена с афф. *-ма* и *-ыш* существовали уже в общетюркскую эпоху. Отглагольное имя на *-ма*: аз. *анлама* 'понимание', туркм. *алма* 'взятие, получение', тур. *attırma* 'надбавка', кирг. *башталма* 'начинание', узб. *аралашма* 'примесь, смесь', чув. *выртма* 'житво' и т.д. [Севортян 1966, 127–135]. Отглагольное имя на *-ыш*: аз. *доәулуш* 'рождение', туркм. *багышланыш* 'посвящение', узб. *айланыш* 'кружение', тув. *челиш* 'рысь' (бег лошади), чув. *пәлтәреш* 'значение'. [Там же, 144, 145]. Отглагольное имя на *-мыш* образовалось также в общетюркскую эпоху, доказательством чего является наличие его в огузской и кыпчакской группах. Ср. аз. *дурмуш* 'быт, бытие, жизнь', тат. *тормыш* 'жизнь', чув. *пусламыш* 'начало', каз. *қылмыс* 'преступление', кирг. *болмуш* 'бытие' и т.д.

В глубокой древности афр. *-мыш*, по-видимому, имел чисто словообразовательное значение и был совершенно индифферентен к значению времени. Э.В. Севортян отмечает, что более старое состояние сохранилось в тех языках, где глагольное имя на *-мыш* не получило развития, — в кыпчакских, в которых встречается название процесса, например в башкирском, а также в чувашском [1966₁, 350–352]. Историческая судьба этого имени в разных группах тюркских языков была различной. В кыпчакских языках оно, по-видимому, довольно рано стало непродуктивным. В современных кыпчакских языках встречаются только его отдельные реликты типа тат. *тормыш* 'жизнь', кирг. *болмуш* 'бытие' и т.д. В огузских языках, в особенности в турецком и азербайджанском, продуктивность его усилилась. В ряде случаев имя на *-мыш* приобрело чисто глагольное значение перфективности и оформилось как причастие прош. времени.

В огузских и якутском языках отглагольное имя на *-мыш* в разных значениях довольно широко употреблялось в рамках простого предложения.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА *-АЧАҚ*

Подобно другим причастиям, это причастие в атрибутивной функции может быть средством трансформации потенциально возможных определительных придаточных предложений. Ср. тур. *Salon dolmuştun, işne atacak yer yoktu* (Sabahattin 1966, 133) 'Салон был полон. Негде иголке упасть'; *Nihayet, Despinanun Atınaya gideceği gün geldi* (разг.) 'Наконец наступил день, когда Деспина должна была приехать в Афины'; кум. *Мен сатажак ат* 'Лошадь, которую я продам' [Дмитриев 1940, 159]; тат. *Безнең ка-харманнар барачак шәһәр ерак түгел иде инде* (Расих 1954, 76) 'Город, куда должны были прийти наши герои, был уже недалеко'.

В форме вин. падежа отпричастное имя на *-ачақ*, может быть средством преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений: башк. *Барыбер йоклай алмаясактарын аңлап, шытырт кына һөйләшеп киттеләр* (Хәрби повесттәр, 9) 'Понимая, что все равно они не могут заснуть, говорили шепотом'; кум. *Сановсуз кәп душманлагъа кьаршы янгыз ябушмагъа обзюню гючю чатмажагъын гюржю халкъ англаган* (Алексеев, Карцов, 64) 'Грузинский народ понимал, что у него не хватит сил в одиночку сражаться с врагами'; туркм. *Онсоң ол өз этжегини өзи билер* (Сарыханов 1961, 10) 'Затем он поймет, что будет делать'; аз. *Ра-јонун мәс'улийәт дашыјамагыны сәјләди* (Ибраһимов 1966, 5) 'Он сказал, что район понесет ответственность'.

Отпричастное имя на *-ачақ* может вступать в дат. падеже и имеет значение дополнения: башк. *Виждан тыныслыгы миңә дәнъя малдарын алыштырсагына мин ышанам* 'Я верю, что спокойствие совести заменит мне мирские дела' [Дмитриев 1948, 265]; кум. *Оланы баражагъына инанма* 'Не верь тому, что они пойдут' [Дмитриев 1940, 159]; тур. *Başkası yüz vereceğine siz yirmi verin* (Nesin 1962, 43) 'Пока другой (покупатель) даст сто (рублей), вы двадцать давайте'.

Отпричастное имя на *-ачақ* в исх. падеже передает объектные отношения (исх. падеж продиктован условиями управления основного глагола), а также временное соотношение действий: аз. *Рустам она кәлән ил даһа*

чоһ мәһсул кәтүрәчәкләриндән, һәјатын јахшылашамагындан умидлә долу кәләчәкдән данышырды (Ибраһимов 1966, 9) 'Рустам говорил ей, что в будущем году снимут еще больший урожай, о том, что жизнь улучшается, — (говорил) полный надежды'; гаг. *Даа сән кападыжаанан гөзүңү даалжек сенин зангинниниң нижә куру күл боранда* (Буджактан, 130) 'Ты еще глаза свои не закроешь, он развеет твоё богатство, как сухой пепел в бурю'.

Отпричастное имя на *-ачақ* может сочетаться с послелогоми и служебными элементами, обозначающими время, место: тур. *Yalnız konağa taşınacağımdan bir gece evvel Vasaf Bey büyüük bir cesaret gösterdi* 'Только за одну ночь до того, как мы переселились в особняк, Васаф-бей проявил большую храбрость' [Кононов 1960, 449]; *Yalnız kendi düşünebileceği gibi düşünmek istiyordu* (Sabahattin 1966, 73) 'Он хотел думать, как мог думать только сам'; кум. *Биз баражакъ заманда кьар явар* 'Когда мы пойдем, пойдет дождь' [Дмитриев 1940, 160]; тат. *Икенче бригада сәрәчәк жиргә килеп тә життеләр* 'Пришли к участку, где должна была пахать вторая бригада' [Закриев 1963, 288].

В азербайджанском языке причастие на *-ачақ* может иметь значение деепричастия: *Әһмәд ичәри кирмәк дәрәд тәрәфдән ону бүрүдүләр* (Наббарлы 1954, 27) 'Как только Ахмед вошел, его окружили с четырех сторон'. Такое же явление наблюдается и в туркменском языке.

В основе вышеописанных трансформ лежит причастие буд. времени на *-ачақ*, распространенное в современных огузских и некоторых кыпчакских тюркских языках. Трудно категорически утверждать наличие этого причастия в общетюркскую эпоху, поскольку зональная ограниченность его очевидна. Оно встречается главным образом в языках южного ареала — узбекском, уйгурском, ногайском, кумыкском и каракалпакском. В литературном татарском языке оно существует, но некоторым диалектам этого языка оно не свойственно. Нет буд. времени на *-ачақ* в казахском и киргизском языках. Не обнаруживается также его следов в чувашском языке.

Причастие на *-ачақ* первоначально, по-видимому, означало действие с известным оттенком возможности, ср. аз. *јанамаг* 'топливо' (т.е. 'то, что вообще может гореть'), *јатанаг* 'постель' (т.е. 'то, на что можно лечь') и т.д. Позднее на этой основе в некоторых тюркских языках возникло особое причастие буд. времени на *-ачак/-ечек*, ср. тур. *verecek* 'тот, кто даст'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА *-АЯҚ*

Причастие буд. времени на *-аяқ* встречается только в ногайском языке. Употребляясь в атрибутивной функции, оно может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения: *Ол бай барйакъ йерине барды* 'Бай приехал на то место, куда должен был поехать' [Баскаков 1940, 148].

Отпричастное имя на *-аяқ* в вин. падеже может преобразовывать потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: *Ол заман не зат алыагъын ойланды* 'В то время он думал о том, какую вещь он должен взять' [Баскаков 1940, 149]; *Бариси де сорагын сорап, айтаягын*

айтып кутылганы сонъ, Сатай колхоз курав деген вопроссты голосование-ге салды (Абдулжалилов, 101) 'Когда все, что нужно спросить, было спрошено, и все, что нужно сказать, было сказано, Сатай поставил на голосование вопрос об организации колхоза'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -ЫАХ

Причастие буд. времени на -ыах (-иэх/-уох/-уэх) встречается только в якутском языке. Оно имеет те же функции, что и причастие на -ачақ. Причастие на -ыах может выступать в атрибутивной функции: *Отгон ат подковун токурутуох кыахтаах, хормуоскаһыт сүүнэ улахан тарбахтара клавиша устун бэрт көртөрүктүк сылдыбаллара* (Островский, 151) 'Но огромные пальцы гармониста, могущие согнуть подкову, плохо двигались по клавишам'.

Отпричастное имя на -ыах в вин. падеже преобразует потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: *Уолоттар, базар, ыраата уөрэниэхтэрэ, ол да үрдүнөн ханна уөрэниэхтерин кинилер бейэлэрэ билбэттэр* (Островский, 104) 'Мальчишки, возможно, дальше будут учиться, но они сами не знают, где будут учиться (букв.: свое учение в будущем)'; *Өскө бэйэтин үлүгүрүн туһунан биллэрдэгинэ, иккиэннэрин издэтигин Алексей өйдөөбүтэ* (Полевой, 92) 'Алексей понял также, как страшно потрясет он их обоих, сообщив о своей катастрофе'.

Отпричастное имя на -ыах может сочетаться с послелогами. Ср. *Онтон өлөртүөхтэрин иннинэ турмэзэ агалтаабыттара* (Островский, 184) 'А перед казнью (букв.: перед будущими их казнями) перегнали в тюрьму'.

Вопрос о происхождении деепричастия буд. времени на -ыах вызывает затруднение.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -Р

Причастие на -р служит средством трансформации потенциально возможных определительных предложений. Ср. каз. *Милиция барар жолда ол айнала қыпыржықтап, өзін кінәсіз құрбандық етін көретпек болды* (Дайырбаев, 67) 'По дороге в милицию (букв.: на дороге, идущей в милицию) он все куражился, изображал из себя невинную жертву'; тат. *Кышкар мәдрәсәсендә элек космогония дә үтелгән, соңгы вақытта гына аны укытыр кеше калмаган иде* (Казан утлары) 'В кышкарском медресе раньше проходили космогонию, но в последнее время не осталось человека, который мог бы ее преподавать'; башк. *Ололар үззәрен, нисектер, уңайһыз тойзолар. Бигерәк тә Мостафа зйтер һуз таба алмай интекте* (Хәрби повестәр, 59) 'Очень неудобно чувствовали себя взрослые. Особенно мучился Мустафа, не в состоянии найти того слова, которое нужно сказать'; кум. *Акьрын коьшип қайда эсе де куьн батар бетке бир якка баратаган эдилер* (Абдулжалилов, 10) 'Медленно перемещаясь, (тучи) направлялись туда, куда заходит солнце'; туркм. *Бу гун мана кувват берер гундир* 'Сегодня у меня трудный день' [Поцелуевский 1943, 58]; як. *Тыага барар суолга киирде* (Островский, 37) 'Выбрался на дорогу, идущую к лесу'; тув.

Хун унер чүкче көрдүм 'Я смотрел на тот край, где восходит солнце' [ТРСл. 1955, 720].

Отпричастное имя на -р в вин. падеже обычно употребляется для преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений: башк. *Юк, һинең килеренде белдем бит* (Хайри, 78) 'Нет, я ведь знала, что ты придешь'; Родословная туркмен: *Мәниң тарихни јахшы билүримни иштибтурурлар* 'Они прослышали, что я хорошо знаю историю (о моем хорошем знании истории)' [Кононов 1958, 166]. Особенно эта конструкция распространена в якутском языке: *Ким бизэрэрин эппитэктэрэ* (Островский, 114) 'Кто передает, не сказали'; *Лизаны эмиэ доппуруостаабыттара. Кини конвоир этэрин эппитэ, ол гынан баран конвоирга түспүт уолу билэрин кистээн кэбиспитэ* (Там же, 100) 'Лизу тоже допрашивали. Она рассказала то же, что и конвоир, но скрыла, что знает нападавшего'.

Отпричастное имя на -р в дат. падеже передает временное соотношение действий: кбалк. *Ахмет элге жетерге кэар жауб тебреди* 'К тому времени, когда Ахмет стал подъезжать к селению, пошел снег' [Алиев 1959, 64]; тув. *Кара-Булага* (Хан Буудай) *хап кээрге, оозу хэвээр чыткан* 'Когда (Хан-Буудай) прискакал в Кара-Була, тот по-прежнему лежал' [Исхаков, Пальмбах 1961, 334].

Отпричастное имя на -р, принимая аффиксы принадлежности, передает объектные отношения: туркм. *Ол, яшлар агишамының ахыр боларына сабырсызлык билен гарашиарды* (Мәммадов 1960, 79) 'Она с нетерпением ждала окончания вечера'.

Отпричастное имя на -р в местн. падеже передает временное соотношение двух действий, происходящих обычно параллельно: алт. *Тагар жуук болордо Һаан улустын көкси саган* (Алтын-бизе, 15) 'Когда приблизился рассвет, стариков что-то встревожило'; туба-кижи *Кайран эрим кирип келерде Ай тийгендий дьалт этти* 'Когда вошел мой дорогой муж, стало светло, как луной озарило' [Баскаков 1966, 65]; кирг. *Улакты жуп шый-рактан аларда, көр кашка ат ойт берип кетти* 'Как только он хотел схватить козленка за ногу, Карий шарахнулся в сторону' [Мураталиев 1962, 16]; тув. *Чаъс чаарда, хөл кыдыынга чораан бис* 'Мы были у озера, когда шел дождь' [ТРСл. 1955, 676]; хамийск. нареч. *Атеcini гөргә көжүрда чоң оәулы етинтор* 'После смерти отца, когда его клали в могилу, старший сын сказал' [Малов 1954, 67]; шор. *Үš-ра үstardа, ininge уš sugubūza perip, anaң аqsyn pektebәze parçatar* 'Когда дымят, в берлогу (его) дым пустился, (после) вход начинаю запиратъ' [Дыренкова 1940, 274, 275]; юридические документы уйгуров X–XIII вв.: *Män Bintuñ adañ-пуң äv-intin ünär-tä iš-in küctin бүтүрү umadyn, ünmis ärmäg* 'Когда я, Бинтунг, хотел выйти из родительского дома, то не мог (как следует) справиться (с возлагаемой на меня работой) и не вышел' [Малов 1951, 202, 203]; Среднеазиатский тефсир: *Дарја ичиндә үкүш маллә базиргән жүрүрдә кәмици тәлинді* 'Когда в море плыли купцы со многими товарами, корабль их получил пробоину' [Боровков 1963, 220].

Реже конструкция с -арда выражает предшествующее действие, ср. кирг. *Кыз өөлүнөрдө-кызматтан кийин эшиктин алдынан жолуеушалы – деди* (Каимов, 147) 'Он сказал: – перед тем как девушка отойдет, встретимся у дверей'. На почве временного соотношения параллельных действий развивается условное значение: тув. *Шугум чазаарда шыгаар, Шуугаар бетинде*

боданыр (Тыва домак., 34, 35) 'Линейку стругаешь — проверь, говорит начинаешь — подумай'.

Отпричастное имя на -р в исх. падеже передает временную последовательность действий: узб. *Кўп ўтмасдан, нарироқда эшик гижирлади ва чолнинг овози эшитилди* (Ойбек, 26) 'Не прошло много времени, как поблизости закрипела дверь и послышался голос старика'.

Отпричастное имя на -р может соединяться с послелогоми: *гиби 'подобно'* — передается сравнение действий: тур. *Bilseniz reis bey, üzerinize garip bir hayvana bakar gibi merakla dikilen yüzlerce göze bakmak ne zor şey* (Sabahattin 1966, 137) 'Знаете ли Вы, господин председатель, как это трудно, (когда) на Вас пристально смотрят с (опаской и) любопытством сотню глаз, как смотрят на какое-то дикое животное'.

биле, билек, менен 'с' — передается действие, за которым непосредственно следует действие, выраженное сказуемым главной части: тув. *Чөр чырыыры билек, тараа шелунче чоруп каннар* 'Они пошли на засеянное поле, как только рассвело' [РТСл. 1955, 720]; *Даң адын кээри-биле, куштар ырлажы бээр* 'Как только занимается заря, птицы начинают петь' [Исхаков, Пальмбах 1961, 310]; кирг. *Каякта жүрөсүн өзүн! — деди ал кана болуп Кудрет кирери менен* (Назир 1960, 17) 'Где ты ходишь? — сказал он расстроено, как только вошел Кудрет'.

алдында 'перед' — передается действие, предшествующее другому действию: каз. *Мен самолетке отырап алдында: бул жолы тым алыска кетип барамыз, шамасы ешкім қарсы ала қоймас деп ойлап едім* (Даырбаев, 245) 'Перед посадкой на самолет я еще подумал: ну, забираемся так далеко, что нас здесь никто не встретит'.

Отпричастное имя на -р + служебное слово *кун* передает временное соотношение действий: Родословная туркмен: *Бәклір авдын кәлүр күн хар өлді* 'В тот день, когда беки вернулись с охоты, хан умер' [Кононов 1958, 166]; ккалп. *Олар машинага минер уактында Камекбай ауданглан жуырып барып кабинканы ашты* (Аймурзаев, 149) 'Когда они влезали в машину, Камекбай подбежал и неуклюже открыл кабину'.

Базой трансформ с формирующим членом -р послужило древнее причастие на -р (-ар/-әр, -ыр/-ур), которое сохранилось в отдельных тюркских языках: аз. *јанар* 'горящий, горючий' (< *јан-* 'гореть'), *јарар* 'угодный, пригодный' (< *јара-* 'быть подходящим'), тур. *geçer* 'имеющий хороший сбыт, ходячий' (< *geç-* 'ходить'), тат. *кайнар* 'горячий' (< *кайна-* 'кипеть'), чув. *хăсар* 'тесный, давящий' (< *хăс-* 'жать'), алт. *учар куш* 'птицы, котрым присуще летать, которые будут летать, которые летают'. Это древнее причастие (< отглагольное прилагательное) имело скорее не временное, а модальное значение. Оно выражало свойство или состояние, присущее предмету вообще. Часто его значение имело модальную окраску возможности что-либо сделать. В тюркском праязыке *учар куш* означало не 'летающая в данный момент птица', а скорее 'птица, способная летать'. В тюркском праязыке оно, по-прежнему, уже имело две довольно отчетливо очерченных сферы значений: выступало как причастие и как отпричастное имя, возникшее в результате субстантивации причастия. Такие отпричастные имена встречаются во всех группах современных тюркских языков, ср. аз. *бахар* 'вид', *кәлир* 'доход', тур. *gelir* 'доход', *gider* 'расход', тат. *килер* 'доход' и т.д.

Можно с полным основанием предполагать, что причастие на -р и образованное от него отпричастное имя широко употреблялись в рамках простого предложения еще в общетюркскую эпоху, что отражается и в более поздних тюркских языках; ср., например, причастие на -ар/-маз в определенной функции в гагаузском языке: *Бу сергендә буўун дурардылар дилл терә кокар йорганнар, ама кызын жет-ени, хайаза кокар чиизлери* (Карачобан, 33) 'На этой полке лежали не пахнущие потом одеяла, а приданое девушки, свежее, пахнущее морозом'.

Отпричастное имя на -р употребляется в косвенных падежах; ср. кирг. *Арага токтоо кылбастан, жалгызың жетип калыптыр* (Фольк.) 'Не останавливаясь в пути, прибыл твой единственный (сын)' [КПСл. 1965, 744]; тур. *Auç vurulmazdan derisi satılmaz* 'Пока медведя не убьют, шкуры его не продают' [Кононов 1956, 484]; узб. *Йўлдошларининг илтимосларига ўжарларча қулоқ солмасдан, шу ерда айрилди-да бозор гирдоби ичида ғойиб бўлди* (Ойбек, 15) 'Упрямо не прислушиваясь к просьбам своих товарищей, он там расстался и скрылся в водовороте базара'.

В рамках простого предложения отпричастное имя на -р употребляется в сочетании с послелогоми, ср. аз. *һамысы тоја жедир кими јахшы кејинмишиди* (Ибраһимов 1966, 115) 'Все, словно шли на свадьбу, хорошо оделись'. Относить образование трансформ с формирующим членом на -р к эпохе общетюркской языковой общности нет достаточных оснований. Они возникли позже в связи с развитием повествовательных и письменных жанров речи. Тем не менее в эпоху их возникновения причастие на -р было довольно употребительно. В современных тюркских языках сфера употребления этого причастия значительно сократилась, и ни в одном тюркском языке, кроме якутского, оно уже не выступает как закономерное причастие наст. времени, поскольку это значение стало выражаться новыми причастиями. Ср. чув. *пыракан* 'идуший', тат. *баручы* или *бара торган* 'идуший' *вм. барыр* и т.д.

ТРАНСФОРМАНТ — ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ НА -У

Преобразующая роль трансформанта на -у в тюркских языках в известной степени ограничена. Этот трансформант не выступает в определительной функции и не может преобразовать потенциально возможные придаточные определительные предложения.

Отглагольное имя, образующее в форме вин. падежа объектные конструкции, может служить средством преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. тат. *Федоров баракка якынлашканда ике немецның бер тоткынны кайнавын куруп калды* (Раших 1954, 75) 'Когда Федоров приблизился к бараку, он увидел, что двое немцев бьют пленного'; *Ул тау башында бары тик берничә генә кеше атышуын белә иде* (Әпсәләмов 1955, 93) 'Он видел (знал), как на вершине горы перестреливаются несколько человек'; башк. *Бабай, тине Ғәли, — һин үзендең ни өсен гел урманда йәшәүенде эйт элэ* (Хайри, 61) 'Дед, — сказал Гали, — расскажи, почему ты все время живешь в лесу'; тат. *Эй-дәгез, хәзер Якут өлкәсе һәм Приморьеда ниләр баруын карыйк әле* (Казан утлары) 'А сейчас давай посмотрим, что происходит в Якутской области и в Приморье'.

Отглагольное имя на -у в дат-напр. падеже может выражать временное соотношение действий: тат. *Моны куруга Гөлзифаның адымнары үзеннән-үзе акрынайды* (Төхфәтуллин 1979, 41) 'Когда Гельзифа это увидела, ее шаги сами по себе стали замедляться'; *Машина кинәт кузгалуга капитан чайкалып кузов эченә авып төште* (Казан утлары) 'Когда машина тронулась, капитан, покачнувшись, свалился в кузов'; *Яктыра башлауга, буран басылда көн дә жылытыр жибәрде* (Гали, 143) 'Когда начало светать, буран стих, и день стал теплее'; *Шул команданы ишетүгә, чана башына утырган солдат атның авызын тартып жибәрде. Ат ялкаугына урыныннан кузгалды* (Там же, 158, 159) 'Когда сидевший на передке саней солдат услышал команду, он дернул лошадь, и та лениво сдвинулась с места'.

Отглагольное имя на -у легко сочетается с послелогам и другими служебными словами.

Отглагольное имя на -у + послелог *мен//белән 'с'*: каз. *Бала шалдың айтуымен журп келе жатса, таудың уңгірінен бір қоян қошады* (КЕ, 84) 'Когда мальчик шел, следуя указаниям старика, перед ним из норы в горе выбежал заяц'; тат. *Бездә су бик азайды, яңгыр булмаулык белән* 'У нас очень мало стало воды, так как не было дождей' [Закиев 1963, 296]; *Узең ерак булу белән, син китмисең минем йөрәктән* 'Ты не уходишь из моего сердца, хотя и далек от меня' [Там же, 287].

Отглагольное имя на -у в дат. падеже + служебное слово *караганда* 'судя по': каз. *Шешесінің айтуына караганда ол арада мыжырайған уш-төрт уй лас кеше* (Сарғаскаев, 16) 'Судя по словам матери, в тех местах есть три-четыре разваленных лачужки да грязная улица'.

Отглагольное имя на -у + служебное слово *сәбәп(ле)* 'по причине' передает причинно-следственные отношения. Ср. тат. *Вактында яңгыр булмау сәбәпле, сабаннар да уңмадылар* (Гази, 16) 'Ввиду того что вовремя не было дождей, яровые не уродились'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -АСЫ

Причастие буд. времени на -асы распространено во многих тюркских языках. Оно может выражать атрибутивные отношения и преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения. Ср. тат. *Без барасы юлларның ике чите галчак* 'Пути, по которым нам предстоит идти, по обеим сторонам устланы цветами' [Закиев 1963, 288]. Однако в атрибутивной роли это причастие в татарском языке употребляется довольно редко.

Причастию на -асы в чувашском языке соответствует причастие на -ас. В атрибутивной роли оно, по-видимому, никогда не употребляется, за исключением скудных реликтов типа *килес сул* 'будущий год', *пулас вайхат* 'будущее время' и т. д.

В чувашском языке отпричастное имя на -ас в вин. падеже обычно образует объектные конструкции: *Афишәсем Островский пьесисине лартасси синчен пәлтәреçе* 'Афиша извещает о (предстоящей) постановке пьес Островского' [МГЧЯ 1957, 237]; *Хәҗән парашут килессине пәлме йывәрче* (Осипов, 97) 'Трудно узнать, когда придет из Казани парашут'; *Юл-ташсем! Пиллөкмеш сул вәрçә пырать, вәл чарәнәсси паллй мархакаласа*

пусларё Федотов... (Там же, 108) 'Товарищи! Война идет пятый год. Кончится она или нет... – начал говорить Федотов'.

Причастие на -ас + показатель оруд. падежа *на* образует конструкцию, выражающую действие, совершающееся параллельно или предшествующее действию главного предложения: *Хёвөл анасна сәпәсу пусланче* 'При закате солнца начался бой' [МГЧЯ 1957, 225].

Отпричастное имя на -ас + послелог *умён* 'перед' образует конструкцию, выражающую предшествующее действие, ср. *Парашут килес умён пристань сине халәх нумай пустарәнче* (Алендей, 26) 'Перед самым приходом парохода на пристани скопилось много народу'.

Причастие на -ас не является активным трансформантом.

Элемент *с* имеет футуральное или дезидеративное значение и, по-видимому, родствен афф. -с дезидеративных глаголов, ср. чагатайск. *kälig-sä* 'хотеть прийти'. Этот же элемент встречается в некоторых опативных формах, ср. тур. *olsun* 'да будет', а также в афф. -мас (отрицательная форма 3-го лица наст.-буд. времени). Возможно, что причастие буд. времени на -асы было более широко распространено в общетюркскую эпоху. В современных тюркских языках зона его распространения ограничена.

Отпричастное имя на -асы встречается в рамках простого предложения, ср. чув. *сывәрәс килет* 'мне хочется спать', тат. *сөйләп тә торасы юк инде* 'говорить уже не о чем'.

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -ЫБ

Широко распространенное в тюркских языках деепричастие на -ыб используется для преобразования потенциально возможных придаточных предложений. В преобладающем большинстве случаев конструкция с причастием на -ыб выражает действие, предшествующее главному, ср. тат. *Карлар эреп, агачлар бөреләнде* (Расих 1955, 61) 'Когда снег растаял, на деревьях набухли почки'; шор. *Паштанкы кар чыгып (чаан) соок пола перди* 'Выпал первый снег, стало холодно' [Дыренкова 1941, 287]; алт. *Дьас келип кар кайылды* 'Когда пришла весна, снег растаял' [Дыренкова 1940, 1, 133]; каз. *Кун батып, ел орынга отырды* (разг.) 'Солнце зашло, люди сели на место'; кирг. *Мугалим келип, сабак башталды* 'Когда приехал учитель, начался урок' [Сартбаев 1953, 8]; туркм. *Гыш гечип, яз экиш кампаниясы башланды* 'Когда прошла зима, началась весенняя посевная кампания' [Аннануров 1956, 140]; узб. *Яйловни қоронғилик босиб, одамлар ҳаво ўрнига тупроқ ютишган* (Чашмалар, 66) 'Когда летовку окутала темнота, люди заглатывали землю вместо воздуха'.

Деепричастие на -ыб может передавать действия, происходящие параллельно с действием главного предложения. Ср. аз. *Айы мешәдән кусуб, мешәнин хәбәри йох* (Аталар сөзү, 27) 'Когда медведь на лес обижается, у леса нет об этом сведений'; кум. *Мен ишимни артына чыгга туруп, эшик ачылды* 'Когда я заканчивал работу, открылась дверь' [Джанмавов 1967, 460]. Временной план зависимой трансформы с -ыб определяется сказуемым главного предложения. Это может быть не только план наст., проуз., но и буд. времени. У рассматриваемой конструкции в отдельных тюркских языках и их памятниках встречаются и другие оттенки временного соотношения двух действий: исходный момент совершения действия,

действие, совершившееся незадолго до действия главного предложения предел, до которого совершается другое действие, причинно-следственные отношения и т. д.

Деепричастие на *-ыб* может принимать падежные окончания, а также сочетаться с послелогом.

В древнеуйгурском памятнике Огуз-наме встречается зависимая трансформация с деепричастием на *-ыб* + окончание исх. падежа, передающая причину совершения действия: *Муз тағларда кѳб соғук болубдан ол бѳг кағардан сарунмиш эрди, ап ак эрди* 'Из-за сильного холода в ледяных горах тот бек покрылся снегом, стал белым-белым' [Щербак 1959, 48]; ср. также туркм. *Ишан гойман сон, ахыры айтмалы болярлар* 'Так как Ишан (от них) не отставал, то они в конце оказываются вынужденными сказать' [Поцелуевский 1943, 84].

Существование деепричастия на *-ыб* с полным правом можно отнести к эпохе тюркского праязыка. Оно широко употребляется в рамках простого предложения, ср. аз. *Чөрәйиндән касиб, көй соғанла бәрабер Аслана узатды* (Мехди 1953, 59) 'Отрезав хлеб, он протянул Аслану (его) вместе с зеленью и луком'; хак. *Тайгадан иніп, ибзер парыбысты* 'Спустившись из тайги, пошел по направлению к дому' [Дыренкова 1948, 79].

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -А

Это деепричастие передает временное соотношение действий: кум. *Танг ата чыкьдым* (разг.) 'Я вышел, когда занималась заря'; причинно-следственное отношение: кум. *Тарыкьлы заманда янгур болмай, ашлыклар кьолдан чыкьды* 'Урожай погиб, потому что в нужное время не было дождя'.

Отрицательная форма деепричастия на *-май* чаще передает действие, которое не успевает осуществиться до наступления действия, выраженного в главной части: каз. *Бір жыл өтпей, анасы кусадан қайтыс болды* (Нурпеисов, 22) 'Не прошло и года, как мать его умерла от тоски'; ккалп. *Қасқыр жити тартып есикти аша сала, кемпирге умтылып, хә-демей кемпирди жутып жиберди* 'Волк потянул веревку, распахнул двери, бросился на старуху, и не успела та ахнуть, как он проглотил ее' [ЖКРСл. 1958, 865]; узб. *Зум ўтмай, у йигит олдиди найдо бўлди* (Аҳмад, 4) 'Не прошло мгновения, он появился перед тем молодым человеком'.

В некоторых тюркских языках (кумыкский, киргизский) названная конструкция выражает действие, служащее пределом для другого действия. Ср. кирг. *Алар келбей, көчө албайбыз* 'Пока они не придут, мы не сможем перекочевать' [Мураталиев 1962, 16]; кум. *Гъали, сагъат сегиз битмей, къарангы болмай* 'Сейчас до тех пор, пока не будет восьми часов (если не будет восьми часов), не наступает темнота' [Джанмавов 1967, 107].

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -АРАҚ

Конструкция встречается довольно редко, главным образом в турецком: *Gözlerim yaşararak ve sesim titriyerek ayırlmamızın imkânsızlığını anlatıyordum* 'Глаза мои увлажнялись слезами, голос мой дрожал, я говорил о невозможности нашей разлуки' [Кононов 1956, 477].

В чувашском языке трансформант на *-а-рах* принимает показатель оруд. падежа *-на (-арахна)* и образует конструкцию, выражающую параллельное с главным действие: *Кайт ўсерехне вӑл сӑвайсем сьрма пикенӗ* (Артемьев, 23) 'Он, когда чуть подрос, стремился писать стихи'.

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -САН

Деепричастие на *-сан* распространено в чувашском языке. Употребляется для выражения временного соотношения действий: *Тревога сассине илтсен, вӑл политехнически институт подвалне кӑрсе ларнӑ* (Талвир 1952, 192) 'Когда он услышал сигнал тревоги, он вошел в подвал политехнического института'; *Перрон сине тухсан, Валентина Саванти тӗл пулчӗ* (Там же, 33) 'Когда Валентина вышла на перрон, она встретила Савантея'.

Деепричастие на *-сан* может образовывать абсолютные деепричастные обороты: *Пӑрахут куҫран сұхалсанах эӗ хӑма сӑв тери кичем пулса кайни-не сисрӗм* (Лазарева 1977, 127) 'Когда пароход скрылся из виду (букв.: из глаз), я почувствовала такую грусть'; *Пуху пӗтсен, Асанов, райком секретарне ӑсатма тесе, клуб алӑкӗ умне тухрӗ* (Эсхель, 18) 'Когда собрание окончилось, Асанов вышел за дверь провожать председателя'.

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -ҒАЧ

В кыпчакских языках довольно большое распространение имеет деепричастие на *-агч*, способное образовывать абсолютные деепричастные обороты: тат. *Язын жир кипкӑч тӑ, авыл мӑктӑбендӑ укулар тукталды* (Гали 1956, 222) 'Когда весной земля подсохла, занятия в школе приостановились'; узб. *Кун кўтарилиб колгач, Заргар бир чойнақ чой олиб кирди* (Рахим 1962, 120) 'Когда поднялось солнце, Заргар принес чайник с чаем'; башк. *Сӑгӑт телдӑре тейешле вакытты кўрһӑткӑс, сигнал ракетаны атылды* (Хәрби повестәр, 13) 'Когда стрелки часов показали нужное время, была выпущена ракета'; *Мин мӑктӑптӑн сыйкӑс, кар яу башланы* 'Как только я вышел из школы, повалил снег' [Дмитриев 1948, 248].

Вопрос о происхождении показателя деепричастия *-агч* до сих пор в достаточной степени не выяснен.

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -ЖЕН

В тюркских языках как кыпчакского, так и огузского ареала распространены зависимые трансформы с формирующим членом – деепричастием на *-жен*: аз. *Шәрәфоглу өлүмчүл һалда һәрби хәстәханада ятыркән дөјүшдән көз ачмајан Рустәм ону унуда билмирди* (Ибраһимов 1966, 96) 'Шарифоглу, лежащего при смерти в военном госпитале, не приходившего в себя после боя, Рустам не мог забыть'; аз. *Садыг киши кәнд мӑктӑбинин янындан кечӑркән мӑвӑллим она яхынлашды* (Мехди 1954, 52) 'Когда Садыг-киши проходил мимо школы, к нему подошел учитель'; гаг. *Ӗлӑ бакаркан денизӑ, ишидилер быллын сеси* (Буджактан, 130) 'Пока смотрел он на море, слышался плеск рыбы'; тур. *Oda kapısını anahtarla açmağa uğraşırken içinde sevince benziyen bir şey, sabırsızlık ve hurs vardı* (Sabahattin 1966, 102) 'Когда я ключом открывал комнатную дверь, во мне было (тво-

рилось) что-то похожее на радость, нетерпение, возбуждение'; *Durakta tramvay beklerken bir kadın yanındaki kadına beni gösterip* (Nesin 1962, 17) 'Когда мы ждали трамвая на остановке, одна женщина показала на меня соседней женщине'; туркм. *Мен курса гелйаркам (гелйән вагтымда), окувлар яңжа башланярды* (разг.) 'Когда я ехал на курсы, занятия только начинались'; узб. *Мактабидан озод бўлиб югуриб келаркан, дарров бағрига босар, сут патурнон ва ширинликлар барарда* (Ойбек, 32) 'Когда он прибежал, освободившись после школы, она тут же заключала его в объятия и давала молоко, лепешки и сладости'.

По мнению ряда тюркологов, деепричастие на *-кен* восходит к *iken* < *i + ken*, где *i* < *ir ~er* основа глагола 'быть' [Кононов 1956, 484–485].

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-ЫН*

В якутском языке существует деепричастие на *-ын*, которое, подобно деепричастию на *-ын* в других тюркских языках, способно трансформировать потенциально возможные придаточные обстоятельственные предложения: *Оттон советский былаас кэлэн, миигин кыһыл армеецтар харай-бытара* (Островский, 153) 'Потом советская власть пришла, меня красноармейцы подобрали'.

При создании трансформ тюркские языки широко пользовались приемами создания простого предложения. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что до возникновения трансформ все трансформанты уже находились в составе простого предложения, ср. тат. *Капкадан чыгуа, Тимербай атларны полный ход жибәрде* (Гали 1956, 236) 'Выехав за ворота, Тимербай пустил лошадей на полный ход'; *Анына килгэндэ, Жамали үзенең яргылаш балчык астында күмелеп ятканын күрде* (Там же, 126) 'Придя в себя, Джамали увидел, что он до половины увяз в грязи'; *Таң әтәчләре кычыра башлагач, Зояға кереп кунган Казан ямщиклары кузгалып чыга башладылар* (Там же, 213) 'Когда утренние петухи начали петать, ночевавшие у Зои казанские ямщики тронулись'.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ЗАВИСИМЫХ ТРАНСФОРМ

Необходимо теперь дать более или менее определенный ответ на извечно спорный вопрос. Действительно ли трансформы, т. е. причастные и деепричастные конструкции, являются придаточными предложениями? Если нет, то как их называть в практике школьного преподавания.

Мы считаем, что эти конструкции не являются придаточными предложениями. Это трансформы. Однако термин "трансформы" многозначен и неудобен на практике. Лучше всего их называть причастными и деепричастными заместителями придаточных предложений.

Некоторые тюркологи, как отечественные, так и зарубежные, стремились во что бы то ни стало выявить здесь специфику, присущую только тюркским языкам. Так возникла теория о наличии в тюркских языках придаточных предложений особого рода – так называемых синтетических придаточных предложений. На самом деле никакой особой специфики здесь нет. Причастные и деепричастные конструкции широко употребля-

ются в самых различных языках мира. Что касается абсолютных оборотов, то они существовали в греческом, латинском, церковнославянском и даже существуют в некоторых современных языках. Сам термин "абсолютный оборот" существует в языкознании по меньшей мере две сотни лет, и приходится удивляться, почему тюркологи не обращали на него никакого внимания.

УСЛОВНЫЙ ПЕРИОД В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

КОНСТРУКЦИЯ С ПОКАЗАТЕЛЕМ *-СА*

Составные компоненты условного периода представляют собой любопытный реликт того древнего состояния, когда два простых предложения соединяются в одно сложное посредством примыкания. Таким образом, условный период не противоречит основной схеме развития тюркского сложного предложения на базе слияния исторически самостоятельных простых предложений.

Однако особенность условного периода состоит в том, что показатель условного наклонения *-са* логически превратился в связующее подчинительное средство при бессоюзном способе соединения двух предложений. Условное значение формы на *-са* в условном периоде создается и поддерживается относительным употреблением временных форм в обеих частях этого периода, в котором прослеживаются определенные закономерности. Правда, эти закономерности не строгие, как, например, в латинском языке.

Очевидно, под влиянием синтаксиса классических языков (греческого и латинского) многие авторы тюркских грамматик выделяют три типа условного периода: предположительный случай, реальный случай и нереальный случай [Кононов 1960, 527–531]. Нашей точке зрения больше отвечает схема Н.К. Дмитриева, который полагал, что разделение всех придаточных предложений на реальный и ирреальный типы является вполне объективным и правильным для башкирского синтаксиса [1948, 268]. С логической точки зрения, всякое допущение (предположение, возможность) фактически выражает несуществующее и несуществовавшее действие и, таким образом, по своей природе является ирреальным.

Реальный случай. Всякий условный период складывается из двух частей, конкретно говоря, – из главного и придаточного предложений. Придаточное предложение выполняет здесь чисто техническую функцию. В нем обычно формулируется условие; и поскольку все сводится только к формулировке самого условия, то придаточное предложение как в реальном случае, так и в ирреальном содержит форму на *-са*.

Реальный случай условного периода отличается от нереального тем, что возможность осуществления действия при данном условии рассматривается как вполне осуществимая, т. е. реальная. Ср. узб. *Планны бажарсак, ёмон бўлмас* (Фулом, 32) 'Если мы выполним план, плохо не будет'. Указание на реальность или нереальность условия содержится в главном предложении.

При реальном условии имеет место следующее распределение временных форм.

1. В придаточном предложении – условная форма наст. времени, в глав-

ном — форма наст., наст.-буд. времени. Ср. аз. *həra bir san versə çylpağa kajnak olar* (Аталар сөзү) 'Если каждый нитку даст, голому рубаха будет'; алт. *Малды дыакишы азыразанъ кирелтезин көп аларынъ* 'Если будешь хорошо кормить скот, получишь много дохода (прибыли)' [Дыренкова 1940₁, 257]; башк. *Кыш каты булһа, мин Өфәлә калам* 'Если зима будет суровая, то я останусь в Уфе' [Дмитриев 1948, 245]; гаг. *Сән бизә гелсән, биз икимиз уроклары үренириз* (Бабоглу, 64) 'Если ты к нам придешь, мы вдвоем будем учить уроки'; каз. *Еңбек етсең ерінбей, тояды, қарның тіленбей?* 'Если будешь упорно трудиться, то твое желание будет всегда удовлетворено' [Сауранбаев 1946, 26]; кирг. *Эртең сабак болбосо, биз экскурсияга барабыз* 'Если завтра не будет занятий, мы пойдем на экскурсию' [Альпиев 1953, 108]; кум. *Мен оьлуьрмен, сен шо атны мага сатма сангъ* 'Я умру, если ты не продашь мне этой лошади' [Дмитриев 1940, 198]; тат. *Сорый белсәң, табалар, итен дә табалар, маен дә, шикәрән дә* (Фәттах 1966, 76) 'Если сумеешь попросить, найдут. И мясо найдут, и масло, и сахар'; тув. *Күзээр болзунза, чугаалар мен* 'Если ты хочешь, расскажу' [ТРСл. 1955, 719]; тур. *Ja şimdi kalksam, gitsen, onu bıraksam... böyle hasta tek başına ne uyar?* 'А если я сейчас встану, уйду, оставлю его... такой больной, что он один будет делать?' [Кононов 1956, 527]; туркм. *Эркек оглан болса ашык ойнар, гыйз болса ашык ойнар* 'Если он мальчик, он будет играть в бабки, если же девочка, — в куклы' (Туркм. сказки, 115); узб. *Сизни бир кун кўрмасам, ўзимни қаерга қуйшини билмайман* (Чашмалар, 44) 'Если я тебя не увижу один день, то я не знаю, куда себя девать'; уйг. *Asmandin tuşsə sinmas көбрыктin tuşsə sinar* 'Если упадет с неба, (то) не сломается, если упадет с моста, то сломается' [Боровков 1935, 165]; хак. *Таньда пулуттыг кўн полза пис сомарга парбастыс, аяс кўн полза, парабыс* 'Если завтра будет облачный день, то мы не пойдем купаться, а если будет ясный день, то пойдем' [ХРСл. 1953, 453]; шор. *Ас ползам, алтон чыл поларым, көп ползам, четтон чыл поларым* 'Если мало пробуду, шестьдесят лет пробуду, если много пробуду, семьдесят лет пробуду' [Дыренкова 1940₂, 299]; Кутадгу билиг: *Vasutçu tälim bolsa, bäg ängämäz* 'Если будет много помощников, то начальник не будет мучиться' [Малов 1951, 271].

2. В придаточном условном — условная форма наст. времени, а в главном — форма буд. времени. Ср. аз. *Биз ону ичкидән аҗыра билсәк, о бизим сәһнәмизин улдузу оланак* (Наббарлы 1954, 32) 'Если нам удастся сделать так, чтобы он расстался с пьянством, он станет звездой нашей сцены'; гаг. *Хер бу иш олурса вереңам* 'Если это удастся, то я отдам (дочь)' [Мошков 1904, 2].

3. В придаточном условном — условная форма наст. времени, а в главном — форма повелительного наклонения. Ср. аз. *Абыр истәсэн чох дема, Саелыг истәсэн — чох емә* (Аталар сөзү, 18) 'Если хочешь иметь репутацию — много не говори, если хочешь здоровья, много не ешь'; алт. *Дыр алдынанг Эрлик чыкса, мени ундубай болушка кычыр* 'Если из-под земли выйдет Эрлик, не забудь меня, кричи на помощь' [ОРСл. 1947, 302]; гаг. *Анан бабан соруса каколарда дейсәнә* (разг.) 'Если спросят твою мать с отцом, скажи: у старших сестер (были)'; кум. *Сен кызардашынга бара бусанг шогъар шу кагъызыны да бере гел хари* 'Если ты идешь к своей сестре, пожалуйста, отдай ей и это письмо' (букв. 'отдав, приходи') [Джан-

мавов 1967, 100]; шор. *Парайын тезе, парзын* 'Если хочет идти, пусть идет' [Дыренкова 1940₂, 309]; Кутадгу билиг: *Qaraqı joryq azsa sökmä any* 'Если слепой собьется с пути, не брани его' [Малов 1951, 250].

И р р е а л ь н ы й с л у ч а й условного периода обычно показывает, что действие, зависящее от определенных условий, фактически не осуществилось. Характер условия, как и в реальном случае, выражается той же формой на *-са*. В главном предложении показателем нереальности служит так называемая сослагательная форма. По своему происхождению — это будущее в прошедшем, ср. тат. *барыр идем* 'я пошел бы', *алыр идем* 'я взял бы' и т.д. Поскольку эта форма выражает только намерение и фактически не показывает, действительно ли осуществилось предполагаемое действие, то в нереальном условном периоде эта форма получила значение фактического отсутствия действия. Ср. тат. *Адресын белсәм, хат язар идем* 'Если бы я знал адрес (его, ее), то написал бы письмо' (разг.). (Фактически письмо не было написано, так как говорящий не знал адреса); каз. *Жаман болса, осыған бір нәрсе айтар еді* (КЕ, 419) 'Если бы он был плохим, то не сказал бы ничего на это; ккалп. *Ханымгүлден ош алсам, әрмансыз болар едим* (Қайыпбергенов, 10) 'Если бы он не сорвал зло на Ханымгюль, то достиг бы заветной мечты'; ктаг. *Ja siz menim jerimde olсаньз ne japar ediniz* (ЕХ, 22) 'Да, если бы вы были на моем месте, что бы вы делали?'

В главном предложении может быть форма прош. времени условного наклонения: баш. *Вақытым булһа ине мин һиңә куптән килер инем* 'Если бы у меня было время, я бы давно пришел к тебе' [Дмитриев 1948, 268]; тув. *Келбезиңзе, хорадар ийик мен* 'Я бы рассердился, если бы ты не пришел' [ТРСл. 1955, 705].

Однако употребление так называемой сослагательной формы в ирреальном условном периоде не является абсолютным правилом. Турецкий и туркменский языки часто используют в ее значении так называемое будущее в прошедшем. Ср. тур. *Pervin koluma girmeseydi düşecektim* 'Если бы Первин не взяла меня под руку, я упала бы' [Кононов 1956, 530]; туркм. *Егер мен јетишмедик болсамды, онда ол молла Галчыны чейнечекди* 'Если бы я не успел, тогда она (собака) загрызла бы муллу Кылчы' [ГТЯ 1970, 296].

КОНСТРУКЦИЯ С ПОКАЗАТЕЛЕМ *-САР*

В ранних памятниках рунического письма, а затем в памятниках уйгурского письма, гораздо реже — арабского письма встречается форма на *-сар*, которая, как и форма на *-са*, образует условный период. В условном периоде, образованном с участием *-сар*, наблюдается то же соотношение употребления временных форм.

Р е а л ь н ы й с л у ч а й. В придаточном предложении употребляется форма наст.-буд. времени.

1. Сказуемое главного предложения стоит в форме наст. времени на *-тачы*, *-р*. Ср. памятники Монголии XII—XIII в.: *(Түр)к бу(дун)...і бу казаныңда бу бәгләріг дә јәріңдә субыңда адырылмасар түрк будун өзүң әдгү көртәчи-сән* 'Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих беков, от своей родины... ты будешь жить счастливо' [Малов 1959, 19, 24]; др.-уйг. *Тиргүдсәр тәңри тиргүдүр, әлүрсәр тәңри әлүрүр — тиддимиз эрсәр* 'Если бы мы сказали — если бог (кого) (захочет)

оживит, он оживит; если бог (кого) умертвит, он умертвит' [Насилов 1963, 111].

2. Сказуемое главного предложения может быть выражено именем с возможной связкой наст. времени. Золотой блеск: *ađ ädgi lărim, m(ă)n ôz üm taŋlasar m(ă)n, bu ämgăkim tin idi ozgum qutrulgum joq turur* 'О мои дорогие! Если я надоедаю вам своими вопросами, то ведь у меня совсем нет избавления и спасения от этих моих страданий' [Малов 1951, 155, 159].

3. В главном предложении может присутствовать связочное образование *ărmis*, вносящее модальные оттенки. Ср. памятник в честь Тоньюкука: *jincgă joŋan bolsar, üzgülik alp ărmis* 'Если слабое делается крепким, то то, что может разорвать крепкое, это будет герой' [Малов 1951, 62, 66].

4. В главном предложении сказуемое стоит в форме буд. времени на *-ăy*. Ср. др.-уйг. *Бироқ эшидмăдин ол йолча барсарсэн, улуз биқа түшгэйсэн* 'Если ты не послушаешь и пойдешь тем путем, упадешь (непреренно) в большую яму' [Насилов 1963, 114].

И р р е а л ь н ы й с л у ч а й. Нереальные действия, выражаемые условным периодом, соотносятся с планом прош. времени. Однако сказуемое придаточного условного, выраженное формой на *-сар*, не имеет формальных показателей прош. времени. Ср. рунический памятник хану Могилян: *Măn iniligü бунча башлају казғанмасар, түрк будун öltăci ărti, jök болтачы ărti* 'Если бы я не приобретал с большим усердием (желанием), то народ тюркский мог бы умереть и совсем уничтожиться' [Малов 1959, 17]; др.уйг. *Улуз кучлуг қутлау Бодиствлар эрмэсэр, бу йиркэ нең тэгмэгэй эрти* 'Если бы не было великого, сильного священного Будды, то он никогда не коснулся бы этой земли' [Насилов 1963, 116].

КОНСТРУКЦИЯ С ПОКАЗАТЕЛЕМ -САН

Распространена в чувашском языке.

Реальный случай: *Фарăсене сүтатсан, тăшман сисме пултарать* (Алендей, 34) 'Если зажечь фары, неприятель может заметить'; *Салтакла салтак тёл пулсан, сăмах мён, сăмах мён синчен пусланасси паллах: мёнле часре, аста, миçe сул хушиши салтак пăтти сини синчен калаçаççе* (Ухли 1956, 4) 'Если солдат с солдатом встретится, известно о чем будет разговор: будут говорить о том, кто в какой части служил, где и сколько лет'.

Ирреальный случай: *Энё вăхăтра института вёренме кёнё пулсан, халё ёнтё вёренсе тухнй пулăтгăм* 'Если бы я вовремя поступил в институт, теперь уже окончил бы' [МГЧЯ 1957, 207].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Относительно происхождения показателя условного наклонения *-са* высказывалось много различных предположений. Заслуживает внимания попытка связать его с архаичным показателем желательного наклонения, или оптатива. Действительно, в тюркских языках можно найти такие примеры, ср. аз. *Москваја кетсэм, ону жерсэм!* 'Поехать бы мне в Москву, повидать бы ее' [Гаджиева, 1973, 329]; тат. *Эх, шул тойгаларны китап итеп язсалар иде* 'Эх, об этих чувствах написали бы книги' [Там же]; кирг. *Жаңы жаңы тоолорду тапсам* 'Эх! Найти бы мне новые горы' [Мурадалиев 1962, 17].

Всякое условие предполагает действие, проецированное в план будущего. Казалось бы, для его выражения лучше всего могла подойти форма буд. времени. Реальный случай фактически выразит предположение, которому говорящий приписывает только большую степень вероятности. Для всякого предположения форма оптатива на *-са* была бы более логична и естественна.

В основе формы оптатива на *-сар* лежит форма оптатива на *-са*, осложненная показателем наст.-буд. времени *-р*. Форма возникла позже, поскольку она имела известные зональные ограничения.

В основе чувашского оптатива на *-сан*, вероятно, лежит показатель оптатива на *-сын* (тат. *ал-сын* 'пусть он возьмет'). Здесь только другая форма аблаута (*-сан* вм. *-сын*). Оптатив на *-сын*, вероятно, существовал уже в эпоху тюркского праязыка, но в чувашском языке утвердилась его форма с аблаутом *а*.

В тюркских языках существует омонимичный формант *-са*, выражающий временные отношения, ср. башк. *Карт өйенә килсә, бер намә лә Калмаган* 'Когда старик вернулся домой, там ничего не осталось' [Дмитриев 1948, 269]; тат. *Пульсын санарга дип кулына сузылсам, бармакларым юеш бернәрсәгә тиде* (Кутуй, 65) 'Когда я протянула руку, чтобы проверить пульс, мои руки наткнулись на что-то жидкое'; узб. *Мен қатта бўлсам, шофер буламан* (Чашмалар, 80) 'Когда вырасту, буду шофером'. Можно предполагать, что показатель *-са* в этих случаях является показателем деепричастия, который генетически не связан с показателем условного наклонения. Деепричастие на *-са* широко распространено в чувашском языке, где оно выражает действие, предшествующее и одновременно протекающее. В других случаях сфера его употребления сильно сократилась, поскольку с ним конкурирует деепричастие на *-ып*.

ГЛАВА IV
СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
СОЮЗНОГО ТИПА

Самый ранний этап в историческом развитии сложного предложения, очевидно, характеризовался абсолютным преобладанием простого предложения, примыкание является наидревнейшим способом выражения синтаксических отношений. Об этом свидетельствует материал как общетюркских памятников, так и памятников отдельных тюркских языков, сохранивших структуру нанизанных простых предложений, в рамках которых передавались не только сочинительные, но и подчинительные отношения (см. об этом выше). В дальнейшем средства одного логического паратаксиса и гипотаксиса стали недостаточны. Видоизменение в языковом состоянии шло по двум линиям.

1. Соединение двух исторически самостоятельных предложений в одно путем выражения одного из сказуемых неличной глагольной формой. Процесс этот поддерживался давлением системы — агглютинативной структурой тюркских языков.

2. Соединение простых предложений в сложные с помощью союзов и союзных слов, что напоминает сочинение и подчинение в индоевропейских языках. В строе тюркских языков были заложены условия для развития союзных предложений, но вместе с тем союзный способ подчинения не стал ведущим во всех тюркских языках. В чем здесь причина? Прежде всего бессоюзные предложения были сильным конкурентом союзного способа подчинения. Анализ бессоюзных сочетаний показывает, какую значительную роль в их формировании играют структурные признаки, легко заменяющие союзы: лексическая обусловленность между членами в частях бессоюзного целого, морфологическое оформление сказуемых и проч. Ср. аз. *Бир ата доггуз оэлу бэслэр, доггуз оэлу бир атаны бэслэйб билмэз* (Атлар сөзу, 42) 'Один отец кормит девять сыновей, (а) девять сыновей не могут прокормить одного отца'.

Значительную конкуренцию при развитии союзного подчинения представляла такая синтаксическая категория, как зависимые трансформы. Если развитие зависимых трансформ, как уже отмечалось, отвечало особенностям строя тюркских языков, то почему все же в тюркских языках возникли союзы и языки не обошлись одними зависимыми трансформами (абсолютными оборотами)?

Внимательный анализ семантических отношений, передаваемых как зависимыми трансформами, так и союзными предложениями, дает возможность предполагать, что синтаксическим основанием для развития союзных предложений были противительные значения — условные, следственные и др. Немаловажную роль играл характер временного соотношения действий. В случае необходимости показать резкое противопоставление

временных планов, контрастность выбирались по мере возможности союзные предложения. Значение противительности, противопоставления хорошо выражали частицы, которые и легли в основу многих союзных образований. Так, например, в башкирском литературном языке для связи придаточных предложений образа действия принят союз *ки*: *Шул тиклем моңло итеп уйнап ебарэ ки, һәр бер ауырыу дәртләнен һауыға башлай* 'Он начинает так печально играть, что каждый больной оживляется и начинает выздоравливать' [Дмитриев 1948, 271].

Союз *ки* в определительных конструкциях, как правило, употребляется при конкретизации определяемого, при сообщении дополнительных его свойств и различных характеристик: аз. *Инди сәнә елә бир су верим ки, дүнјада һеч бир пәһләванын куму сәнә чатмасын* (АН, 20) 'Дам-ка я тебе сейчас такую воду, что никакая богатырская сила в мире тебя не одолеет'. Союз *ки* очень распространен в объектных конструкциях. Он удобен для сохранения высказывания в его прямой передаче, выполняя роль ковычек: аз. *Уч кун әввал дејир ки, ана, Балыја мушавирәјә кедирәм механизаторларын мушавирәсинә* (Ибраһимов 1966, 55) 'Три дня назад он говорит, (что) мама, я еду на совещание в Баку, на совещание механизаторов'.

Самые разнообразные нюансы соотношенности двух действий передаются при помощи соотносительных слов в главной части, которые в отношении оттенков передаваемых подчинительных значений иногда имеют преимущество перед зависимыми трансформами (абсолютными оборотами). Ср. уйг. *У өз адәмлириниң арисида сөзлигәндә шуңдақ чапсан сөзләттиқи униң алдида олтирган адәмниң узлиризә туқуруқлар чечирап туратти* (Босақов, 40) 'Когда он говорил среди своих людей, он говорил так быстро, что брызги долетали до лиц сидящих перед ним людей'.

Таким образом, на развитие способов подчинения — трансформации и союзного — оказало влияние, с одной стороны, система, с другой стороны, семантика. Давление системы создавало зависимые обороты-трансформы, а специфическая семантика контрастности, противопоставления требовала развития союзного способа, для которого в недрах самих тюркских языков имелись условия в виде развитой системы постпозитивных усилительных частиц. Последние в своем развитии и устремились в ту брешь, которая трудно заполнялась способом трансформации (сложноподчиненные предложения с контрастным противопоставлением), и здесь они либо превратились в союзы (*ки, да*), либо вошли в состав сложных союзных образований типа: *аммаки, егерки, чүнки, егерде* и др.

Оба способа подчинения (как трансформация, так и союзный способ) постоянно сталкивались друг с другом, что находило выражение в многочисленных случаях их гибридизации: сочетание союза (союзного слова) и зависимой трансформы (абсолютного оборота), постпозитивной частицы и зависимой трансформы и т.д. (см. гл V).

Давление системы сказалось именно в постпозитивном характере частицы — союза *ки*. Всякое придаточное предложение на правах зависимого определения (в широком смысле) стремится уложиться в рамки главного. Эта тенденция проявилась и при создании придаточных союзного типа. Ср. союз *ки*, который примыкая к главному, составляет с ним единую ритмико-синтаксическую единицу: аз. *Юхуда жөрүрам ки, сәрин бир*

булаг башындаям (Мехди 1954, 364) 'Я вижу во сне, что (нахожусь) у прохладного источника'.

Таким образом, союзный способ подчинения развивался в тюркских языках параллельно развитию зависимых трансформ. Оба способа не противоречили друг другу, для их развития известные условия были заложены в самой внутренней структуре тюркских языков.

Тюркские языки располагают известным количеством сочинительных и подчинительных союзов и союзных слов, характеристика которых предлагается в алфавитном порядке¹.

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

ә/а 'а'. Сопровождается интонацией противопоставления. Устанавливает между предложениями противительные-уступительные отношения. Ср. алт. *Ол экинчи үчинчи, төртүнчи кангза тангкыны тартты, а каанынг билезине кайкал болуп турганы билдирбейт, кандый болгон андый ла отургылады* 'Он выкурил вторую, третью, четвертую трубку табаку, но не расколдовал семью хана — какой она была (застывшей в неподвижности), такой и осталась' [ОРСл 1947, 302]; сев. диал. *Тьелбеген үйгө кирген, а Пашпарак үйтке киревен* 'Людоед входил в дом, а Пашпарак выходил в отверстие' [Баскаков 1965, 27]; башк. *Ауыл тузып бөткән, ә ул өй һалдыра* (Гиләжев, 21) 'Деревня разорилась, а он дом строит'; кирг. *Уч күндөн кийин атасы йүнө кайтты, а уулу заставада кызмат кылууга калды* 'Через три дня отец вернулся домой, а сын остался служить на заставе' [Скирдов 1962, 12]; кирг. *Мария да анча эмес, а тигил бозалдеген Акия Чаргын байкушту оттон алып, сууга салып жатат* 'Мария сидела спокойно, а неугомная Акия всячески издевалась над бедным Чаргином' [Мураталиев 1962, 6]; ног. *Запискадынъ оьзи энди йокты да, а соьз ол документ тувыл, оны делага тигип сала коймасынъ* (Кень йолар, 20) 'Ведь самой записки теперь нет, а слово — не документ, не пришьешь в дело'; тат. *Ике тау арасында бик зур бер алан, ә шул алан уртасында утыра икән, ди бик матур итеп эшләнган бер йорт* (ТХЭ, 2) 'Между двух гор одна большая поляна, а посреди этой поляны стоит, оказывается, очень хорошо сделанный дом'; *Иртгәә сукала чыгарга кирәк, ә син анда... кайдадыр типтереп йәрисең* (Фэттах 1966, 43) 'Завтра нужно на пахату выходить, а ты здесь... где-то шатаешься (пьянствуешь)'; тув. *Угү дүне эки көөр, а хундус балай көөр* 'Филин ночью видит хорошо, а днем плохо' [Исхаков, Пальмбах 1961, 451]; чув. *Эпёр сире шотсёр кётрёмёр, а эсёр килме шотламан та* 'Мы вас очень ждали, а вы не подумали даже приехать' [Канюкова 1965, 103].

айса 'а'. Имеет противительно-разделительное значение. Распространен в алтайском, крымскотатарском языках. Ср. алт. *Айса келерим, айса келбезим* 'Может быть, приду, а может быть, не приду' [ОРСл 1947, 302].

ал. Имеет противительное значение. Распространен в казахском, каракалпакском. Ср. каз. *Қали, Илья, Гриша, Евгений, Қасым сендер маңдай алды екпіндісңдер, ал барактарыңда мәдәниетсіздік ластык болып жатыр*

¹ В данном разделе союзы и союзные слова демонстрируются в рамках как сложного, так и простого предложения, а в отдельных случаях и словосочетаний. Последнее преследует цель показать неравный удельный вес различных их функций.

'Қали, Илья, Гриша, Евгений, вы первые ударники, а бараки ваши в грязи' [СКЯ 1962, 609]; *Сән танымадың жігітім, ал мен таныдым* 'Ты не узнал меня, джигит, а я знаю тебя' [Там же, 409]; ккалп. *Ол авқатланды, ал оннан кейін дем алу ушын джатты* 'Он поел, а затем лег отдохнуть' [Баскаков 1952, 520]; *Мамыт джазды, ал Сапар китап окыйды* 'Мамут пишет, что Сапар читает книгу' [Там же, 520].

алай, алайба. Имеет разделительное значение, встречается в хакасском языке: *Суғлар піреде пасха суға кире ахчалар алайба көлге кире ахчалар, алайба талайға кире ахчалар* 'Реки впадают (текут) в другие реки, или в озеро, или в море' [Дыренкова 1948, 122].

В карачаево-балкарском языке он встречается в сочетании со словом *болғанлыкъгъа*, имеет противительно-уступительное значение: *Биченликле быйыл иим эдиле, алай болғанлыкъгъа заманында бичен чалынмады да малла биченсиз къалдыла* 'Сенокосные уголья в этом году были хорошие, но вовремя сеном не запаслись, и скот остался без кормов' [Алиев 1959, 71].

В казахском языке встречается этимологически родственный вариант *алайда*: *Бир қалада тұрған соң әрине, көруім де мүмкін, алайда күнде талай адамды көресің... оның бәрін жадында сақтай бермейсің ғой* 'Живем в одном городе, возможно, и видел где... но ведь всех не запомнишь' [СКЯ 1962, 407].

аман + усилительная частица *да*. Имеет противительное значение: ног. *Столынъызга шакырып алганынъыз ушин сав болынъыз, бек разыман, аман да соьле мен олтырмага болмайман* (Кень йолар, 10) 'Спасибо вам за то, что вы приглашаете к столу, я очень признателен, но я не могу сесть'.

амма. Имеет противительно-уступительное значение. Распространен в большинстве современных тюркских языков, особенно в языках со старой письменной традицией: аз. *Мән иннимәрәм, амма Гараша јазығың қалсин* (Ибраһимов 1966, 58) 'Я не обижаюсь, а (вот) Гараша жаль'; *Жөрдүк амма тапышмадыг, айрылдыг* (Вагиф, 9) 'Мы встречались, но не познакомились и расстались'; гаг. *Варды өлй бир кыз, ама йовнлу олду, сабаа онун дүүнү* (Буджактан, 110) 'Была одна такая девушка, но она сосватана, завтра ее свадьба'; ктаг. *Baharda jaxşь, ама kyzde jaxşь dygyldir* [Кая 1928, 82] 'Весной хорошо, а осенью не хорошо'; кум. *Хайрулла утдурса китаплар ала турар, амма менчи медальон алажакъман* 'Если Хайрулла проиграет, пусть он себе покупает книги, а я куплю медальон' [Джанмавов 1967, 209]; ног. *Ол соьзин Марием буьгин эрженликте баслаяк болып эди, ама Азреттинь кайгылы сыпантын коьрип, соьйлемеге болмады* (Кень йоллар, 6) 'Тот разговор Марием должна была начать сегодня утром, но (увидав) из-за состояния опечаленного Азрета он не состоялся'; тат. *Кен саен диарлек укыгучылар килде, шулай ук тиргәделәр, уетләделәр, амма малайларга бер нәрсә дә тәәсир итмәде* (Фэттах 1966, 89) 'Почти ежедневно приходили учителя, также ругались, уговаривали, но на мальчиков ничего не действовало'; тур. *Evet, gözleri yabancı değildi, ама ne münasebet* (Sabahattin 1966, 138) 'Да, глаза у нее не были чужими, но почему! (в какой связи)'; туркм. *Моллаев нәмедир бир затлар айтмакчы болды, эмма Дурдыев оңа май бермедди* (Мәммедов, 63) 'Моллаев что-то хотел сказать, но Дурдыев ему не дал сказать'; узб. *Командирлар, боевой йигитлар бор, аммо яроғ, ўқ-дори йўқ* (Яшин, 23) 'Командиры, боевые молодые люди имеются, но оружия,

пуль (и) пороха нет'; *Юрагим галпинади, аммо киришига журъат қиломайман* (Чашмалар, 7) 'Сердце мое трепещет, но я не осмеливаюсь (решаюсь) войти'; уйг. *Патимә хәг йазмиди, амма Самәт унинга шуннатти* 'Фатима не писала писем, но Самет был уверен в ней' [Наджиб 1960, 124]; Родословная туркмен: *Бизниң ичimizдә оғуз намә көб турур, амма һич јахшысы јок* 'У нас много есть Огуз-наме, но нет ни одного хорошего (списка)' [Кононов 1958, 169].

В некоторых тюркских языках союз *амма* встречается в сочетании с сочинительным союзом *ва*. Ср. кум. (кайтакск. диал.) *Тайхана йахши зат, ваамма гәрәзәни йада зикни ачип кәоймаса, уй тутунан толуп кәала* 'Камин – хорошая вещь, но, если не оставлять открытым окно или дверь, комната наполняется дымом' [Керимов 1953, 289].

В диалектах турецкого языка, а также в азербайджанском языке *амма* может сопровождаться усилительной частицей *ки*: *bir çadır var, amtaki heç bu cadırın gapusında heç erkek joһ* (Саferoğlu, 63) 'Есть один шатер, но у входа в него ни одного мужчины'.

В лобнорском языке, а также уйгурском наречии Синьцзяна, хамийском наречии, встречается союзное образование *емесе* (*ämisä*) с противительным условным значением. Очевидно, составным элементом этого союза является афф. *-са*. Ср. лоб. *Мен байн шо тулкуну тутуп келәт деди, емесе саңа неме ләзим десе маңа* 'Я пойду и ту лису приведу, если так, то тебе (для того), что необходимо мне' [Малов 1956, 107]; хамийск. нареч.: *Ämisä мениң олым јок кызым ма јок* 'Если так, у меня нет ни сына, ни дочери' [Малов 1954, 78, 80].

анань. соединительный союз. Распространен в хакасском языке: *Чил тохтан парган, анань наньмыр чабысхан* 'Ветер перестал, и затем пошел дождь' [ХРСл. 1953, 477].

аняг. Имеет противительное значение: аз. *Лачын мәни чох истәјир, аняг каш ки сығырчы олмаяйды* (Мехди 1954, 21) 'Лачын меня очень любит, но если бы он не был пастухом'; чув. *Сахал мар тумхахсем те чәрмавсем те тел пулчәс, пурнәс сүлә сичне анчахта – хәвәрәт пәлетәр пирән халәхийән сәнеймен уйвәрләхсем сук* 'Многие невзгоды и препятствия встречались на его жизненном пути, но, сами знаете, для нашего народа нет трудностей' [МГЧЯ 1957, 327]; Среднеазиатский тefsир: *Бу јағи турур сәңә тақи сәниң джубтуңкә анчақ чі қармасун сизләрни учмақдін* 'Это враг тебе и жене твоей, иначе он не вывел бы вас из рая' [Боровков 1963, 54].

ара ... ара 'то ... то' выражает чередование действий. Кутадгу билиг: *Ара күртәдүйк тәг...ара көрсә, әврүр јана тәрк јүзүн* 'То как бы не замечает ... Иногда, как только увидит, то быстро опять поворачивает свое лицо' [Малов 1951, 241, 269]. В якутском языке ему соответствует сочинительный союз *арыт ... арыт* 'иногда ... иногда, то ... то': *Арыт аттаан, арыт бөкчөйөн, арыт туран эрэ сырсабыт* 'То ползая, то согнувшись, то выпрямившись, бежит' [Убрятова 1950, 230].

атту. Имеет противительное значение: чув. (верховой диал.) *Анланмаллар кала, атту пәр сәмахне ите анланмалли сөк* 'Отчетливее говори, а то ни одного слова нельзя понять' [Канюкова 1965, 104].

ба ... ба 'то ... то'. Разделительный союз, употребление ограничено гагаузским языком: *Дышарда ба каар йаарды, ба йаамура дбпәрди* [Бабоглу

1962, 55] 'На улице то снег шел, то дождь'; *Лүзгәр ба есәрди, ба дурар-ды* [Там же, 45] 'Ветер то дул, то стихал'.

база 'и, еще, опять, тоже'. Соединительный союз. Употребляется в тувинском языке: *Хат хадаан, база чағс чагган* 'Подул ветер, и пошел дождь' [Исхаков, Пальмбах 1961, 451]; в хакасском языке: *Агаас аразында кизилер суулааннар, паза адай жүргени истилген* 'В лесу шумели люди и слышался лай собак' [ХРСл. 1953, 477].

баъзан ... баъзан 'то ... то'. Разделительный союз; ср. узб. *Баъзан келади, баъзан келмайди* 'То проходит, то не проходит' [Кононов 1960, 329].

балки. Имеет противительное значение: ккалп. *Сиз келбетсиз гәана емес бәлки сулув болгәансыз* 'Вы не только не некрасивы, но вы прекрасны' [Баскаков 1952, 520]; тат. *Балки син барырсың, балки ул узе килер* (разг.) 'Может, ты ждешь, может, он сам придет' [Закиев 1963, 353]; узб. *Борингиз, газалининг тоти бўлмас, балки, ҳалвосининг тотли бўлишида гумоним йўқ* (Ойбек, 11) 'Ну ладно, не бывает сладостей от его газелей (стихов), а в том, что халва сладкая – у меня нет сомнения'.

биле/билен, иле/ле/ли, менен/мен. Соединительный союз; чаще соединяет однородные члены: ккалп. *Айел келин кәазаннан тавукъты шыгәрса басы менен жорәги жокъ* 'Когда жена пришла и вытасила курицу из котла, то головы ее и сердца (уже) не было' [Баскаков 1952, 519]; кирг. *Осмонбек менен Жапар тышка чыкты* 'Осмонбек и Джапар вышли наружу' [Скирдов 1962, 11]; туркм. *Ораз билен Дурды туркменче ве русча билйерлер* 'Ораз и Дурды знают и по-туркменски и по-русски' [Дмитриев 1962, 401]; ног. *Атасы ман анасы оьзлери араларында болган соьз акында ога бар зат та айгнадылар* (Абдулжалилов, 38) 'Отец с матерью ничего не сказали ему о разговоре, состоявшемся между ними'.

Настоящий союз довольно раннего происхождения. Его синоним по функции *ва* возник значительно позже (см. об этом ниже, с. 000). Ср. тюркский памятник Деде Коркуд, в котором встречаются обе синонимичные конструкции: *Ата иле оғул; yar ve yoldaş* [Ergin 1963, 470] 'Отец и сын; возлюбленная и друг'.

Соединительный союз *лы* встречаем довольно рано в тюркских памятниках. Ср. памятник уйгурского письма манихейского содержания V в. *t(ä)nrili jākli nādä ötrü söñüsmis (söñüsmiş), j(a)ruqlı q(a)ralı q(a)ly qatylmys* 'Почему затем стали во враждебные отношения боги и демоны, как и соединились свет и тьма' [Малов 1951, 118, 122]; памятник уйгурского письма буддийского содержания: *Бу савық илик бәгли катунлы әситип ачықлары әмгәкләри үзә умадын, улыстылар сығтастылар* 'Эти слова правитель-князь и жена его услышали, и из-за возбуждения и тяжелого впечатления они ничего не могли (делать), а только плакали и стонали?' [Там же, 178, 186]; Кутадгу билиг: *يیرلی گوکلی یراتغان قوموغ تینلیغ لارقا روزی بیرگان* 'Он создал небо и землю и дал всем живым пропитание' [Там же, 231, 234].

бир ... бир 'то ... то'. Разделительный союз: каз. *Косқа бір кірдім, бір шықтым* 'Я то заходил в шалаш, то выходил' [СКЯ 1962, 410]; чув. *Якур пуса усса пәр хәрелсе, пәр шуралса* 'Выходит Егор, опустив голову: то краснеет, то бледнеет' [МГЧЯ 1957, 328].

В некоторых тюркских языках *бир* может сопровождаться усилительным *да*. Ср. кирг. *Ал бирде келсе, бирде келбейт* 'Он то приходит, то не

приходит' [Скирдов 1962, 13]; хак. *Аал аразында піреде адайларнынъ ўргени истіл-парча піреде петух тапсааны истіл парча* 'В улусе то слышится лай собак, то крик петуха' [ХРСл. 1953, 477].

бирерде ... бирерде 'то ... то'. Разделительный союз. Ср. ног. *Межит, касларынынъ бириккен ерике тыртыклар пыйи, бирерде кабакларын туве, бирерде кабакларын ашып, ойлы тырайлы болып басын шайкай эди* (Абдулжалилов, 12) 'Меджид, наморщив складки между сросшимися бровями, то закрывал веки, то открывал (их), с задумчивым видом качал головой'.

бирден ... бирден 'то ... то', Разделительный союз. Ср. туркм. *Ат бирден дурар, бирден хем гидиберйэр* 'Лошадь то остановится, то пойдет дальше' [Дмитриев 1962, 403].

биресе ... биресе 'то ... то'. Разделительный союз. Ср. каз. *Биресе ызасы, биресе кулкисі келеді* 'Он то злился, то смеялся' [СКЯ 1962, 410].

биروق 'но'. Противительный союз. Ср. каз. *Қосылғым келеді, бірақ тіл жетпейді* (Серәлиев, 6) 'Хочется объясниться, но (однако) не хватит смелости'; ккалп. *Ашуу маған куш келтирди, бірақ мен оннан жеңилтуе ынлығымды узамай ақ сездим* 'Гнев придал мне силы, но скоро я почувствовал, что буду побежден' [ККРСл. 1965, 865]; кирг. *Мехри унчуккан жок, бирок Айкыздың ысмын оозго алганда аның оңу кумсарып кетти* (Рашидов, 1961, 18) 'Мехри молчал, но, когда произнесли имя Айкыз, его лицо побледнело от злости'; узб. *Кариб овунтирмоқчи булдим, бироқ шафқатсизлик билан чидадим* (Чашмалар, 16) 'Я намеревался зайти и утешить, но безжалостно остановил себя'.

В киргизском языке встречается сложное союзное образование с *бирок* (*бирок ошентсе да*), имеющее противительное значение: *Шаардан эрте эле чыктык, бирок ошентсе да үйгө кеч жеттик* 'Из города мы выехали рано, но все же домой прибыли поздно' [Скирдов 1962, 12].

болгаш 'и'. Соединительный союз. Распространение ограничено тувинским языком. Соединяет преимущественно однородные члены. *Хун чырыдар болгаш чылыдар* 'Солнце светит и греет' [Исхаков, Пальмбах 1961, 450].

болса 'а, что касается'. Имеет противительное значение. Распространен в ряде тюркских языков, преимущественно кыпчакского типа: алт. (сев. диал.) *Түнү ле отурар болзо, бир де неме түшпес* 'Просидели они всю ночь, но ничего им (с неба) не упало' [Баскаков 1965, 68]; ккалп. *Ол кыалагга кетип еди бул болса мйгер Мамыт шыггар* 'Он в город уехал, а это, вероятно, Мамыт' [Баскаков 1952, 520]; кирг. *Эми, Маке, айыптуулуғуңуузду сегениңиз ырас болсо. Салықтың алдына сиз жыгылыңыз?* (Каймов, 94) 'Теперь Меке, если вы действительно почувствовали свою вину, то встаньте перед Салыком на колени (то признайтесь в этом перед Салыком)'; туркм. *Атасы газет оқаярды, оглы болса эртирки гүне дерслерини тайынляарды* 'Отец читал газету, а сын готовил уроки к завтрашнему дню' [Дмитриев 1962, 405]; узб. *Бир томондан ўкимаганлик бўлса, иккинчи томондан ўзингиз биласиз* (Қаҳҳор, 82) 'Если с одной стороны – необразованность, а что с другой стороны – сами знаете'.

В кураминских говорах имеется фонетический вариант *боса*: *Раис боса шу ишни қымас эди* 'Что же касается председателя, то он бы этого не сделал' [Решетов 1952, 599].

Противительный союз *болса* встречается в тюркских памятниках с преобладанием кыпчакских элементов. Ср. в Истории пророков Рабузия: *هر بیلدا نعمت تیللاسا تورت طرفدین ایللارکیلیب اوز باغلاری*

تیکی ایچیکا کیریب تورلوک نعمتلارین بیغیب قیش بولسا

ایولاریکا کیلور ایردیлар

'Каждый год, если кто будет искать всяких (благ), то (вот) даже народы приходили из четырех сторон (Земли) и, войдя как бы в свои сады, собирали (из них) разные блага, и зимой (народ) возвращался в свои дома' [Малов 1951, 325, 333].

Союзное образование *болмаса* распространено в башкирском, казахском, киргизском языках. Ср. башк. *Кызым, һауа бик һауык булды. Булмаһа, мунса ағырға ярар ине* 'Дочка, погода очень холодная стала. А не то хорошо бы истопить баню' [Дмитриев 1948, 269]; каз. *Анај баланың өлім інен әурешілікте болып мен де мезгілінде ойламай қалыптын, болмаса ірген алысырақ салар едім* 'Смерть сына помешала мне позаботиться об этом раньше, иначе мы откочевали бы от них подальше' [СКЯ 1962, 408]; кирг. *Кет, болбосо, айдап чыгарышат* 'Уходи, не то прогонят' [Скирдов 1962, 12].

В татарском языке союзное образование *булмаса* имеет разделительное значение: *Син киләсеңме, булмаса мин барыймы* 'Ты придешь, или мне идти' [Каримова 1954, 9].

В карачаево-балкарском языке союз *басса да*, включающий в свой состав частицу *да*, имеет противительно-уступительное значение: *Аны кэартлыкъ басса да, ол алкъын джаш кибикди* (разг.) 'Хотя его одолела старость, но он еще выглядит молодым'.

Союз *болса/болмаса* дал целый ряд сложных образований: *чок болза//йо/йоки болмәсә//бомәсә*; имеет разделительное значение. Встречается в тувинском языке и шахризябском говоре узбекского языка. Ср. тув. *Бөгүн хойларны Анайбан чок болза Чаймаа кадарар* 'Сегодня будет пасти овец Анайбан или Чаймаа' [Исхаков, Пальмбах 1961, 453].

Шулай булса да, алай булса да. Имеет противительно-уступительное значение. Распространен в татарском языке: *Балыкка йөрү минем кечкәндән гадәткә кергән эшәм шулай булса да бу юлы мин анда бармаска карар бирдем* 'Рыболовство – с детства моя привычная работа, но все же я на тот раз решил не идти туда' [Закиев 1963, 316].

В якутском языке сочинительному союзу *болса* соответствует образование *буолаҕына* и сложный союз *буолан баран*, имеющий противительно-уступительное значение. Ср. *Кинилэр бэйэлэрэ иккиэ буолан бараннар, саалара биир этэ* 'Хотя они сами были вдвоем, ружье у них одно было' [Убратова 1976, 339].

ва 'и' – соединительный союз, распространен в подавляющем большинстве тюркских языков. Наряду с другими союзами, заимствованными из арабского и персидского (*ләкин, әмма, балки*), распространялся в период IX–XI вв. Для синтаксиса языка ранних тюркских памятников характерно употребление начинательно-присоединительного союза *ва* в цепном ряду предложений. Ср. ранний памятник османской письменности эпохи царствования султана Мюрада I (1359–1388):

و بو يردى كه هدياي شميين و اجناس تحف نفيس حزانه دن چنارب
ترتيب اتدلىر و عقلا و اكا بردن برنجى بو خطبيه نسام زد
بو يردى و انوك صتبنده ارسال قلدى

[Смирнов 1903] 'Поп приказал, чтобы достали и дали из сокровищницы различных сортов ценные, удивительные и прекрасные подарки, и поручил речь одному из умных и значительных людей, и он в речи к нам допустил невнимательность'; Памятник Калила и Димна (турецкий перевод иранского оригинала): *Va ham kim ögütçilər sözün diñlâmâz isâ vâ bularuñ qatı sözidân inžinârsâ anuñ işlârinünñ âqybâti vâ sonı paşimânlık olur vâ dölim hasrat içindâ qalur* [Zajaczkowski 1934, 34] 'И при этом кто не прислушивается к словам наставников и обижается на их суровые слова, тот раскается в конечном результате своих дел и в конце концов много потеряет'. Присоединительный союз *vâ* встречается в произведениях Алишера Навои: *Ve okusalar her lafizlariga yüz ayb tapulgay ve her terkiplerige jüz itiraz varid bolgay* (TEA) 'И когда будут читать, в каждом слове найдут сотни недостатков и на каждое выражение встретится сотня выражений', в среднеазиатском переводе Корана (XIV–XV вв.): *wâ Манат тедүки тақі бір бут туруп* 'И есть еще идол, именуемый Манат' [Боровков 1963, 5].

Начальный присоединительный союз и повторение одинаковых сочинительных союзов – явление, часто встречаемое в языках различного строя. Ср. язык древнерусской письменности: Негодовахуть его людие и въздаша людие вѣсть къ Изяславу Мьстиславицо вѣ Переяславлѣ и приде свои и бишаса и поможе богъ Изяславоу и съде Изяславъ на столѣ и Игоря самого яша в пятый день по побоищи и порубища и [цит. по: Спринчак 1964, 24].

Присоединительный союз *vâ* как средство последовательного присоединения друг к другу нескольких предложений не свойствен современному строю тюркских языков. В современных тюркских языках союз *vâ*, выступая в роли соединительного, реже – противительного союза, соединяет обычно не более двух-трех предложений. Ср. аз. *Гараш анмаг Мајанын ахырынны сөзүнү ешидә билди вә буна әсасән онларын данышығы һаггында тәгриби бир тәсәввүр һасил етди* (Ибраһимов 1966, 71) 'Гараш смог услышать только последние слова Майи, и поэтому об их разговоре он получил приблизительное представление'; тур. *Dışarıda fırtına gittikçe artıyor ve rüzgâr islak kamçisini kerpiç duvarlarda gezdiriyordu* (Sabahattin 1966, 65) 'Снаружи постепенно усиливалась буря, и ветер мокрыми плетями прохаживался по кирпичным стенам'; туркм. *Башлык ыгынагы ялык дийип ыглан этди ве хеммелер гапа тарап йузлендилер* 'Председатель объявил заседание закрытым, и все направились к дверям' [Дмитриев 1962, 405]; узб. *Бу подшоҳнинг саройи эди ва дарвоза ёнида беклар, катта мансабдорлар қуролли сипоҳилар ҳарвақтдагидан қўпроқ кўринди* (Ойбек, 72) 'Это был дворец падишаха, и возле ворот количество беков, даже чиновников и вооруженных солдат показалось больше обычного' и т.д.

В памятниках союз *vâ* встречается в сочетании с союзом *лекин*. Это сложное образование имеет противительное значение. Ср. Среднеазиатский тефсир XII–XIII вв.: *jaw laq jahiiñ hūkm kilmish wâ lekīn mān oñin tūrlūg hūkm qilañman ikägünkä jahiiñ kalgāi teb* 'Он очень хорошо решил, но я другого рода решения сделаю, чтобы обоим было подходящим' [Боровков

1963, 247]; хорезмские памятники XIV в.: *Кечибдур Хатим-и Тайи ва лйкин та абад аты халайиқның талиндәдур кәрәм бирлән болуб машхур* 'Ушел Хатим-и Тай (умер Хатим-и Тэй), но навечно в народе его имя прославлено добродетелью' [Фазылов 1966, 14].

вели (велин) – союз с противительно-уступительным значением 'но, однако, хотя'. Ограничен в своем распространении (крымскотатарский, туркменский, тюркские памятники). Ср. Бабур-наме: *Zemāni kulmadim sindin feragat, veli bardur sanda mindin feragat* (TEA 186–187) 'Я никогда не отказывался от тебя, но ты можешь от меня отказаться'.

gä ... gä, go ... go – разделительный союз 'то ... то'. Соединяет как однородные члены, так и предложения. Ср. ккалп. *Бала йакъылашып барса, гä кюлюшоп, гä йыгылашып отургъан ахвалны кёрди* 'Когда мальчик приблизился, то увидел, что они находятся в (тяжелом) положении и то смеются, то плачут' [Баскаков 1952, 521]. Встречается в шахризябском говоре узбекского языка: *Гъа бу гэлди. гъа о гэлди* 'И этот приходил, и тот приходил' [Керимов 1953, 12].

kah ... kah, kah ... kah gox ... gox 'то ... то'. Имеет разделительное значение. Ср. аз. *Ганәд чалыб kah енурди, kah галхырды көжә* (АН, 37) 'Играя, Ганад то спускался, то поднимался на небеса'; узб. *Гоҳ оловга қарайди, гоҳ бурқиган, идишларда вишиллаган моддаларни темир асбоб блан қавлайди, гоҳ уларни қўшади-да бир чеккага олиб қўяди* (Ойбек, 61) 'То на огонь смотрит, то помешивает железной ложкой кипящую, бурлящую массу в сосудах, то ее смешивает и отставляет в сторону'; Родословная туркмен: *Аз улуглар анга кошулуб kah алты jätі туб болурлар әрди kah үч төрт туб болурлар әрди* 'Малочисленные уруги к нему присоединились, иногда (их) собиралось шесть–семь, а иногда (их) собиралось три–четыре' [Кононов 1958, 169].

Гей ... гей, имеет разделительное значение 'либо ... либо'. Может употребляться в сочетании с усилительным *да* Ср. ккалп. *Гей де джеткизе алмайман, гей де асырып джибермен* 'А я либо не могу добросить, либо переброшу' [ККРСл. 1958, 521]; лоб. *Түшү гәй келүгәй келмес* 'Сон его иногда исполняется, а иногда же нет' [Малов, 1956, 99].

да/де, та/те/ла²:

1) соединительное значение 'и'. Ср. башк. *Әмир йыуынып-хырынып алдыла, өс-башын алмаштырып, урамға сыаырга әзерләнде* (Гиләжев, 18) 'Амир помыслся и побрился и, сменив одежду, приготовился выйти на улицу'; кбалк. *Кюн батды, кече да аны ызындан кәб сакълатмай, жетди* 'Солнце закатилось, и ночь, не заставляя себя долго ждать, наступила' (Алиев, 64); кирг. *Куманга ысык суу алдырып ары-бери колун жууп, даарат алды да, Гүлсүндү көрдү* (Сыдыкбеков 1955, 301) 'Попросив кувшин с горячей водой, он небрежно вымыл руки, он совершил омовение, и он увидел Гюльсун'; ног. *Ол бир шетте озыне бир стол излеп тапты да сога янасып олтырды* (Кень йоллар, 10) 'Он отыскал себе в стороне стол, подошел и сел'; тат. *Ул сикереп торды да, сары тышлы бер китап кутәреп килде* (Гази, 22) 'Он вскочил и взял книгу с желтым корешком';

² В настоящем разделе предлагаются только его явно союзные функции. О других его значениях см. раздел "Происхождение союзов".

туркм. *Аман депәниң устунден ашак инди-де, янып-сөнүп дуран ышыклары тарап уграды* (Мәммедов 1960, 59) 'Аман спустился вниз с холма и направился к мерцающим огням'; узб. *Набижон уларга яқинлашди-да, ҳаяжон билан сўради* (Чашмалар, 87) 'Набижон подошла к ним и спросила взволнованно'; уйг. *У қандақту му қарарға калди-да, алдираш өйигә янди* (Босақов, 41) 'Она пришла к какому-то важному решению и торопливо вернулась домой'; хак. *Ыъжыык ачыла туышкаын, пажа каьмол-да коьржугьан* 'Дверь открылась, и кто-то заглянул' [Доможаков 1948, 113]; чув. *Эй Иринана шанна, халё те шанатан* (Алендей, 32) 'Я верил Ирине и сейчас верю'; Codex Cumanicus: *Urdym da juxtdym* 'ich schlug und verfehlte, das Ziel' [Grönbech 1942, 41] 'Я ударил и промазал';

2) противительное значение 'а'. Ср. аз. *Бир кун арвад хәрәк биширирди, киши дә евдә отурмушду* (АН, 20) 'Однажды жена готовила еду, а муж сидел дома'; ккалп. *Ермолай ... қойды дарьхал соя баслады-да, келиншек отын жинады* 'Ермолай ... тотчас начал резать барана, а молодая женщина собрала хворост' [Бердымуратов 1957, 113]; *Цегем малцыла бирер кок кийизден кзошлары барды, да анда уа бир цубуршкок туталла сюрюуюцу сайын* 'У чегемских скотоводов есть по одному футляру из голубого войлока, а в этих футлярах (а в них) они держат на каждого пастуха по одной короткой винтовке' [МБД 1962, 31, 35]; ног. *Бала бир аз ойланып алды-да, артынсыра сорады* (Абдулжалилов, 16) 'Ребенок немного подумал, а затем спросил'; тур. *Adam, kosa parmagım sokup sokup çikarıyor da, kumaşta delik melik kalmıyor* (Nesin 1962, 43) 'Человек огромными пальцами мнет, растягивает, а в материи никаких дырок'; туркм. *Сен сесини чыхарма-да йөр* 'Ты ничего не говори, а только иди' (Туркм. сказки, 119); документы на половецком языке XVI в.: *Вартерес келди сучсуз аьырмага на ани да уруп жаралады да коп турлу жаман созлар айт* 'Вартерес подошел, чтобы разнять (их), а он его ударил и поранил, кричал, ругался и много наговорил дурных слов всем нам' (ДП, 128–129);

3) подчинительное значение, временное соотношение действий: ккалп. *Хайал есикти ашты да Кербогза юйюне кирди* 'Как только жена открыла дверь, он сразу же вошел в дом' [Баскаков 1951, 41]; кирг. *Мугалим келди да, сабак башталды* 'Пришел учитель, и начался урок (как только пришел учитель, начался урок)' [Сартбаев 1953, 19]; в диалектах татарского языка встречается двойное употребление *да*: *Яшь чакта да, картайган та да шулай инде ул* (Жәләй 1947, 57) 'И когда молодым был и когда состарился, все таким же был';

4) подчинительное значение, причинно-следственный характер: ккалп. *Юйню ичинде солуу кыйын болду да мен зишкче чыккыдым* 'В комнате стало дышать трудно, и я вышел на улицу' [Алиев 1959, 64]; ккалп. *Сувгза баттым, да кеттим* 'Я погрузился в воду и сразу же затонул' [Баскаков 1952, 517]; кирг. *Колхозчулар жакшы иштеди да, эгиндиң түшүмү мол болду* 'Колхозники хорошо поработали, и урожай зерна был обильным' [Скирдов 1962, 10]; тат. *Яңгыр яуды да, килә алмадым* 'Так как пошел дождь, я не мог прийти' [Жәләй 1947, 131]; тур. *Nasıl oluyordu da bu kısa boylu tıknaz adamın hayatı ترکی ترکیна benimkine benziyordu* (Nesin 1962, 12) 'Как это произошло, что у этого небольшого роста, плотного человека жизнь точь-в-точь была похожа на мою';

5) подчинительное значение, условно-уступительный характер отноше-

ний: каз. *Онда бар да мұнда кел* (КЕ, 161) 'Раз там есть, принеси сюда'; ккалп. *Басы бар да, шашы джокъ; Кёзю бар да, къашы джокъ* 'Хотя у него голова есть, волос нет, глаза есть, а бровей нет' [Баскаков 1951, 49] (ср. 'И видит око, да зуб неймет'); як. *Көрсүнүү кэнниттэн би эс чаас устата кэпсэттибит да, өссө да туох эрэ дуоһуннаах этиллэ илик күрдүк* 'Хотя после встречи в течение пяти часов разговаривали мы, ничего значительного еще не было сказано' [Убратова 1976, 276–277].

да – славянский союз. Ср. гаг. *Бән елешәрдим сениннән, гөстәрәрдим сана, нижә сән бана гөстерерсин, да олмады вақыдым коуламаа көпекле ри – жувап етмиш фыкара кафадыр* (Карачобан, 12) 'Я поздоровался с тобой, оказал тебе честь, как и ты мне оказываешь, но у меня не было времени отогнать собачку, – отвечал бедный товарищ'. Очевидно, того же происхождения начальное-присоединительный *да* в карачаево-балкарском языке: *Да быза не хапар айтайкъ* 'Ну, мы-то какую историю расскажем' [МБД 1962, 54–55]; *Да андан болганма ац* 'И поэтому я стал голодным' [Там же, 38–40].

дагы, такы:

1) противительное значение 'а, но, однако': кирг. *Бул эчтеке эмес, дагынкысы дагы бар* 'Это еще ничего, а вот дальше-то; это цветочки, а ягодки впереди' [КРСл. 1965, 180]; туркм. *Китаб алдым дагы наме алжакдың* 'Я купил книгу, а что ты еще хотел купить' [Мухаммедова 1948, 5]; Золотой блеск: *Тастын бир антағ сав туруп: тигиніг тиліп такы булмаз* 'Снаружи вот такая молва ходит: царевича ищут, но еще не нашли' [Малов 1951, 177, 185]; хорезмские памятники XIV в.: *Кәфирларны муминлар өлтүрдиләр тақы калганыны асир қылдылар* 'Правоверные убили неверных, а оставшихся (в живых) взяли в плен' [Фазылов 1966, 73]; Огуз-наме: *Бу алтун ја кўн токуийдан да кўн батуийғача тә(к)кән эрди такі бу үч кўмүүш ок тўн жанқакка кэтә туруп эрди* 'Этот золотой лук простирался со стороны восхода солнца в сторону захода, а три серебряные стрелы были обращены в сторону ночи' [Щербак 1959, 57]; Родословная туркмен: *Көб жыллар дад–уадиі кылды такы атасы катқан жолға түшүб катди* 'Много лет творил он милость и правосудие, а (затем) вступил на дорогу, по которой ушел его отец' [Кононов 1958, 104, 169];

2) значение соединительного союза: Золотой блеск: *Ынчып оларның арасынта ағлады, такы М(а)ғастви тигін ол барсның турук ын, әмгәкін толқакын тітрү көрүн, тәгрә(тәкрә?) тәксиніп көзін іди андыран китәрү ума тын, үр кіч тітрү көрү туруп өтрү кодун өңі жорып бартылар* 'Так среди них он скорбел (и плакал), а затем Магастви-царевич, внимательно смотря на голод, худобу, мучения и страдания той тигрицы, хотя и кругом не будучи в состоянии совершенно отвести свои взоры (от этих обстоятельств), постоянно и внимательно созерцая все это, затем оставил (это), и все они (братья) пошли иной дорогой' [Малов 1951, 175, 181]; Среднеазиатский тефсир: *Мүһәммад атасі жігіт әркән өлді ол тақі жігіт әркән өлгәй терләр* 'Отец Мухаммеда умер, когда был молодым, и сам он умрет молодым, – говорили они' [Боровков 1963, 244]; хорезмские памятники XIV в.: *Бақар хатун йузи сарыг болмыш тақы аруқ болмыш ҳич тәниндә эт қалмамыш* 'Смотрит: лицо женщины пожелтело, и она похудела, на теле никакого мяса не осталось' [Фазылов 1966, 69]; Огуз-наме: *Тоидан соң, Оғуз қаған бәғләргә, эі кўнләрғә јарлік бәрди такі дәди кім мән сәнләргә болдум*

каған 'После тоя Огуз-кагаан для беков и народа издал приказ и говорил: я стал вашим каганом' [Шербак 1959, 32].

Соединяя простые предложения, выражающие повторные явления, *дагы/тагы* в памятниках нередко выполняет начально-присоединительную функцию. Ср. уйгурский памятник буддийского содержания: *Тагы j (ä) ма бу äтöз äрсäр, алты кырк түрлүг арыҕсызларын толу сув жүз äк кәркү тэг бксиз жарпсыз камаҕ куртларның коңузларның тиркинн канның жіріннің орнакы, сиңирин тамырын жöргäлмиш* 'И еще: что же касается этого тела, то оно подобно находящемуся в воде водяному островку, наполненному тридцатью шестью различными нечистотами' [Малов 1951, 175, 182]; *Codex Cumanicus: дагу җухутлар аны туттлар дагу байладылар дагу жаҗау(у)на бојуна урдылар* [Grönbech 1942, 81] 'И неверные его схватили и связали и били по щекам и шее' и др.

В ногайском языке союз *тагы* нередко сопровождается усилительным *да*: *Азрет биразга коьзин ари ясырын алды да, сон тагы да алынып китти* (Кень йоллар, 19) 'Азрет несколько (скрывал) прятал свой взор, а затем взял и ушел'. Э.К. Пекарский связывает тюркс. *тагы* с як. *даганы* 'также, тоже' и 'хотя, но (однако)': *Кирисаан итинтэн уөрдэ даҗаны, дыксиннэ даҗаны* 'Кирисаан от этого и радовался и тревожился' [Убрятова 1950, 226].

десе. Противительно-уступительное значение 'а, но, что касается': алт. *јетен јети талалу, Алтын сегис булунду Алтын өргөбзи тур јаткан Өргөбнин ичинде десе Алтын Туулай эмегени отурган* 'Семидесятисемистенная, шестидесятивосьмиугольная его золотая юрта стояла. В золотой юрте Алтын-Туулай, его жена, сидела' (Алтын-бизе, 72, 14); *Биз десе үренип божодыбыс, олор десе үренип баштагалак* 'Мы кончили учиться, а они еще не начинали' [Дыренкова 1940₂, 296]; кирг. *Силерди иштейт десе, алма кагып сайран куруп жеп жүрөт турбайсыңарбы, акмактар* (Жунусов, 9) 'О вас думали, что вы будете работать, а вы, глупцы, оказывается, трясете яблоки да едите, наслаждаясь'; хак. *Пылтыргы чылда піс пугдайны орай кис-салгабыс пүүлгі чылда, тізенъ ирте кис-салгабыс* 'В прошлом году мы пшеницу поздно сажали, нынче же (а нынче) рано сажали' [Дыренкова 1948, 121]; шор. *Мен сени кыйгыргам, сен тезе јн пербединъ* 'Я тебе кричал, но ты не откликнулся' [Дыренкова, 1941, 284].

Союз *десе* может иметь и подчинительное значение: временное соотношение действий и другие обстоятельственные значения (сравнение и проч.): алт. (сев. диал.) *Айу-аньданып ийейин-десе, кайаданъ ажа ла, ол төмөн күлүрт ле баарды* 'Только медведь хотел повернуться с боку на бок, как, сорвавшись со скалы, рухнул с нее вниз' [Баскаков 1965, 67]; каз. *Басалқа, басу айтады десе о несі?* (Әуәзов, 181) 'Вместо того чтобы говорить о примирении и успокоении, чего он добивается?'; ккалп. *Кишкентай баласы, үйлендирейн десе җеш қайыл болмайды* 'Когда он хотел женить своего младшего сына, но (тот) не дал согласия' [Бердымуратов 1957, 113].

Параллельно с *десе* встречается и производное от него *десем* с противительным значением: каз. *Балам-ау, қаладан молдалық әкеледі десем нағашына қайтқанбысың, немепе?* (Әуәзов, 14) 'Сынок мой, я думала и ты из города возвратился муллой, а ты, мне кажется, пошел по пути своих дядей'; ккалп. *Къудукъ тан сув ишейин десем тас болуп къаптып къалыпты теһкилесем ойылмады* 'Хотел было я попить воды из колодца, но он застыл как камень, когда стал пробовать ногой — не продалбливается' [Баскаков

1951, 23]; кирг. *Сага ушундай учурда учуп барайын десем канатым жок* (Каимов, 102) 'Хотел бы в такой момент полететь к тебе, да крыльев у меня нет'.

әйтпесе. Противительное значение: каз. *Жамандық ойлап келеді олар, әйтпесе сонша қаптап, сонша неге қатты жауып келеді* 'Недобрая мысль гонит их сюда, а то они не ехали бы так бешено' [СКЯ 1962, 408].

Әйтпегенде. Противительное значение: каз. *Тек бала аман қалды, әйтпегенде құса болып өлуі анық еді* 'Хорошо, что он выздоровел, иначе она умерла бы от горя' [СКЯ 1962, 408].

ели. Противительное значение 'а'. Встречается преимущественно в каракалпакском языке: *Ели атгынь юстюнөн Тарпабасар тоскен жоқъ екен* 'А только Тарпабасар, оказывается, не упал с лошади' [Баскаков 1952, 521].

В татарском языке встречается союзное слово *але . . . але* 'то . . . то', указывающее на то, что явления, передаваемые компонентами сложносочиненного предложения, чередуются между собой: *Кайчагында тормыш менә ничек үзгәрә: әле күзгә төртсәң күренмәслек караңгы, әле яңадан кояш елмая* 'Иногда вот как меняется жизнь: то темно так, хоть глаз выколи, то снова улыбается солнце' [Закриев 1963, 353]. Наряду с этим встречается и союзное слово *алла . . . алла*, выражающее сомнение в реальности действия. Ср. тат. *Әллә плен төште, әллә мескен бөтенләй харап булды* (Кутуй 1947, 109) 'Или в плен попал, или погиб бедняга'; алде: каз. *Ой басты ма, ат соқты ма, алде өзінің мінезіме, әйтеуір ашылған жоқ* 'Не то его угнетали думы, не то он устал от верховой езды, не такой у него характер — он не вступал в разговор' [СКЯ 1962, 409].

ийикпе йиикпе азы. Разделительное значение 'или': тув. *Бөгүн агаар экидир, хаванны ийикпе хайыраканны ужураар боор бис* 'Сегодня погода хорошая (букв.: воздух хороший), кабана или медведя, вероятно, убьем (букв.: повалим)' [Исхаков, Пальмбах 1961, 453].

итиэннэ. Распространен в якутском языке, имеет соединительное значение 'и' (Э.К. Пекарский возводит к *ити кэннэ*). Соединяет однородные члены: *Ньукулай Дьөгүөрэбис итиэннэ Ньуукка үйбаныап иккиэн олох-маска тиэрэ түспүттэр, кэпсэта олороллор* 'Нюкулай Дегеребис и Нюкка Уйбанов на стулья откинулись, разговаривая, сидят' [Убрятова 1950, 227].

иллә (араб.). Противительное значение 'а, но'. Встречается в хорезмийских памятниках XIV в.: *Хамр ичмәк тақы улуг җалуқлардын турур иллә мәгәр аның зарары өзүмүзгә турур* 'Пить вино не только большой грех, но и вред для нас самих' [Фазылов 1966, 415].

исе. Противительное значение 'а, но': аз. *О сизин һәр фикринизи билир, мәним исә фикирләримин јхэдән бирини билмир* (Ибраһимов 1966, 131) 'Он знает все ваши мысли, а что до меня, то он не знает и сотой доли моих мыслей'; тат. *Мансур йөгереп китте, мин исә ағач астында калдым*. 'Мансур побежал, я же остался под деревом' (Газизов 1952, 194).

В гагаузском языке, очевидно, этимологически с ним родственно образование *са*: *Бән бекледим, бекледим клубта кардашым са гелмеди* (Бабоглу, 45) 'Я ждал-ждал в клубе, а приятель не пришел'.

йа. Разделительное значение 'или': аз. *Бир күндә билирсән машин нечә дэғә стансија ја кеедиб гајыдыр, ја билмирсән* (Ибраһимов 1966, 6) 'Ты знаешь, сколько раз в день машина ездит на станцию и обратно, или не знаешь?'; кирг. *Сен аларга ок жыгач заказ кылаар элең же даярын сатып*

алар элең 'Ты бы ось заказал или почтовую купил' [Скирдов 1962, 12]; тат. Бу тавыш я хатын кыз тавышы, я берәр малай тавышы иде (Расих 1954, 70) 'Этот голос был голосом женщины или голосом мальчика'; хак. че имеет противительное значение: Мин көп кизи көргем, че мындаг сизиг хысты көрбеем 'Много я видел людей, но такой красивой девушки не видел' [ХРСл. 1953, 477].

йа . . . йа имеет разделительное значение: гаг. *Йа калкын хепсимиз гиделим, йа гидежек саде достум Пети.* (Бабоглу, 55) 'Или вставайте, все пойдем, или пойдет мой друг Пети'; ккалп. *Йа ол кзудалай алмады, йа мен кзудалай алмадым* 'Или он не мог сосватать/угостить как сват, или я не мог сосватать' [Баскаков 1952, 521]; тат. *Я капка башы алып таушлана, я икенче урыннан юл салалар* 'Или убирают перекладину ворот, или прокладывают дорогу по другому месту' [Закиев 1963, 352]; тур. *Ya öldüysе, diyordu, ya yetişemediysem* (Sabahattin 1966, 80) 'Мне бы или умереть, или выжить, говаривал он'; туркм. *Гаракчымын, я сейитмин . . . ?* 'Разбойник ли ты, сейид ли ты . . . ?' [Поцелуевский 1943, 87]; узб. *Ё мен борай, ё сен кел* 'Или я пойду, или ты приди' [Кононов 1960, 329]; чув. *Е сивё, е вёри, е хёвел пытанса тарать, е ыглашып вёри хёртет* 'То холодно, то жарко, то солнце спрячется, то светит слишком ярко' [МГЧЯ 1957, 325];

йада, йа . . . йада (где *да* – усилительный элемент). Разделительное значение 'или . . . или же': аз. *Я өлэжэйэм, я да башымы көтүрүб гачамагам* (Меһди 1954, 56) 'Или умру, или же уйду куда глаза глядят'; кум (кайтак. диал.) *Сэн бэр йада бу бэрсин* 'Ты дай, или пусть этот дает' [Жеримов 1953, 12]; ног. *Боларма яде болмаса* (Абдулжалилов, 34) 'Возможно или невозможно'; туркм. *Ол геплесе, я-да шу отуршышындан биразажык гозганса аглажақуы* (Сарыханов 1961, 8) 'Если бы заговорил он, или с того своего места немного сдвинулся, он бы заплакал'. *Йа* употребляется с усилительным *ки* – *йаки* 'или же'. Ср. ккалп. *Йа (йаки) ол кзудалай алмады, йа мен кзудалай алмадым* 'Или он не мог сосватать/угостить, как сват' [ККСл. 1958, 521]; тат. *Авылда өйләрнең күбесе бикле, яки буш торалар* (Юлтый, 107) 'Большинство домов в деревне заперты или пусты'; узб. *Ё подшоҳ бирон ерга чиқади, ёки элчи келиши кутилади* (Ойбек, 15) 'Или падишах куда-нибудь выезжает, или же ожидается приезд посла'; уйг. *Меһманханида адамлар олтарганда, алл яки балиларниң бесип кириши бу өйдә асла адәт эмәс* (Босақов, 34) 'Когда люди сидели в его гостиной, входить туда женщинам или детям было не в обычае в этом доме'.

В азербайджанском языке разделительный союз *йа* встречается в сочетании с усилительными элементами *да* и *ки* – *йа да ки*: *Йәгин әһвалаты билән олуб, я да ки, эвдә ишә башы гарышыб* (Меһди 1954, 21) 'Вероятно, он знал о происшествии или же был дома увлечен работой'.

В узбекском языке союз *йа* можно встретить в сочетании с *булмаса*: *йа булмаса* 'или же'. Ср. *Набижонга шундай туюлдимикан ё булмаса намознинг ўзи шундаки узоқ ўқиладимиз, хуллас Комил ятанинг бу сафарги намози жуда қўзилиб кетди* (Чашмалар, 87) 'Показалось ли так Набижон, или же сам намаз так долго совершается, короче, намаз Камил-аты на этот раз сильно затянулся'.

йама, йәмә. Соединительное значение 'и'. Встречается уже в ранних памятниках тюркской письменности. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *Бил(е)ä қаған әрміс, алл қаған әрміс, бујурукы јәмә билгә әрміс әринч, алл*

әрміс әринч, бәгләри јәмә будуны јәмә түз әрміс 'Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их правители и народ были прямы (т.е. верны кагану)' [Малов 1951, 29, 36]; памятник уйгурского письма христианского содержания XIII в.: *Näcükün bulsar siz-lär, jana janyp k(ä)lip maңa ištürünlär mn j(ä)mä baryp jükün äjun anar tip tidi* 'В каком положении (все это) вы найдете, то, вернувшись опять обратно, меня осведомите, я тоже пойду поклониться ему, – сказал он' [Там же, 134, 136].

В начальной позиции союз *йәмә* имеет присоединительную функцию. Ср. памятник уйгурского письма манихейского содержания V в.: *j(ä)mä jimki vusanti alqys č(a)γsar(y)t nomča törüčä tutu. umad(y)m(y)z ärsär* 'И не могли выполнять по закону и правилам причастия, вусанти, благословения и обеты' [Там же, 120, 125]. Э.К. Пекарский сопоставляет этот союз с як. эмиз: *Мин эмиз аһыыр айахтаахпын, мин эмиз питэр кэргэттэрдээхпин* 'И я – имеющий едящий рот, и я имею воспитываемых членов семьи' [Убрятова 1976, 328–348].

В Среднеазиатском тефсире XII–XIII вв. встречается сложное образование *аб јәмә*, имеющее не столько соединительное, сколько разделительное значение. Ср. *Қорқмағил јетмақдін аб јәмә қарқ болмақдін* 'Не бойся преследования и также (не бойся) утонуть' [Боровков 1963, 35].

В каракалпакском языке имеется образование *йа масса*: *Ертен мен ямаса театрә бараман, ямаса журип кетемен* 'Завтра я или пойду в театр, или уеду' [ККСл. 1958, 763].

В татарском языке можно встретить производный от *йа* союз *яисә* с разделительным значением 'или': *Кошлардан чыпчак яисә сьерчыклар гына чырылдашкалап утилар, яисә ала карга ачы тавыш белән каркылдап кычкыра* 'Из птиц только воробьи и скворцы летают с чириканьем, или зычным голосом прокаркает ворона'.

йана 'и, а': каз. *Оразбайды ел ішінде де қостайтындар бар, олар және көп* 'И в ауле есть люди, которые поддерживают Орызбая, и их много' [СКЯ 1962, 402]; ккалп. *Джәне бәхәр келди, джәне кзуслар келди* 'И весна наступила, и птицы прилетели' [Баскаков 1952, 519]; кирг. *Эртен менен токой жактан катуу күрүлдөгөн мөтордун уну чыкты жана немецтиң танкалары көрүдү* 'Утром со стороны леса послышался сильный шум моторов и показали немецкие танки' [Скирдов 1962, 10]; Среднеазиатский тефсир: *Мәнгә оғула қајудін болур мәнім кишим қуртқа турур јана мән ағунча мән сәксән јашлїқ* 'Откуда у меня может быть сын, моя жена старуха, лишняя возможности родить, а я старик восьмидесяти лет' [Боровков 1963, 37]; История пророков Рабгузия XIV в.: *تانوغوم اوشبو تيوه تورور يينا بو ايت تورور* 'Мои свидетели – вот этот самый верблюд и эта собака' [Малов 1951, 326, 334].

йани. Пояснительный союз: тат. *Быел бик куп хәрби хезмәткәрләр демобилизовать ителделәр, яғни хәкүмәтебез, тынычлык политикасын эзлекле рәвештә тормаышка ашырып, аларны тыныч хәзмәткә кайтарды* 'Нынче было демобилизовано много военнослужащих, то есть наше правительство, последовательно проводя в жизнь миролюбивую политику, возвратило их для мирного труда' [Закиев 1963, 326]; туркм. *Гадым гүррүнчилер шейле гүррүн эдийәйлер, яғны өтен заманларда Туран велаетинде Насыр атлы бир патыша болундыр* 'Древние повествователи так рассказывают, что в прошедшие времена в Туранской стране был один падишах по имени Насыр' [Поце-

луевский 1943, 79]; Среднеазиатский тефсир: *indürdük tämürni bar anda қатілік јані қаті кувват үчүн душман бірлі тоқушмақа* 'Послали мы железо, есть в нем крепость, т.е. большая сила для сражения с врагами' [Боровков 1963, 204].

В туркменском языке встречается сложное союзное образование *йөне велин* 'однако', где первый компонент, вероятно, связан с *йани*, а второй выполняет усилительно-выделительную функцию: *Хемише саз чалды, йөне велин башгалара өйкунуп дал, өзунден тәзе-тәзе хеңлер дәредип чалды* (Сарыханов 1961, 6) 'Он всегда наигрывал мелодию, однако не подражал другим, а играл, создавая сам новые и новые мелодии'.

йахуд. Разделительное значение. Ср. тур. *Belki haberi yoktu, dedim, yahut işi çikmiştir* (Sabahattin 1966, 137) 'Я сказал, может быть, он не знал, или у него что-нибудь случилось'.

йоқса. Разделительное и противительное значение: аз. *Ај киши јемејә нә һазырлајым, тоғолу кәсәмәксән, јоқса тојуг-чумә чығыртмасы дүзалдим?* (Ибраһимов 1966, 83) 'Послушай, дружище, что бы мне приготовить поесть? — Ты зарежешь барашка, или же я приготовил бы чыгыртму из цыплят'; ктат. *Ne tynynesiniz kösecek olasınız, joqsa qalaçaq olasınız* (ЕХ, 20) 'Что вы думаете, переедете или же останетесь?'; тат. *Сиңа, кая булса да китеп, кәсеп эзләргә тиеш була, югыйсә сезнең семьягыз аллә нинди чуалчыларга очрасыдыр* 'Тебе нужно уехать куда-нибудь и искать работу, иначе ваша семья встретится с разными неурядицами' [Закиев 1963, 324]; тур. *Kendimi tutamayıp ben de ağlamağa başladım, artık öbürlerinden ağlama duygusu bana da mi bulaştı, yoksa Bekir Hocanın va'zi mi çok dokundu biletiyorum* (Nesin 1962, 24) 'Я не смог сдержаться и тоже заплакал (начал плакать), то ли передались и мне слезы других, то ли и меня проняла проповедь Бекир Ходжи — я не могу понять'.

В казахском языке встречается союз *жоқ әлде* с разделительным значением 'или': *Ол осыдан соң ұялу мен қымсынудан ба, жоқ әлде әбішке барын тугел айтқызып тыңдап алмақ па, әйтеуір, көпке шейін өзі жауап айтпады* (Магрифа) 'Ни проронила ни слова, она или стеснялась, или хотела выслушать Абиша до конца' [СКЯ 1962, 409].

лекин (араб.). Противительное значение 'но, однако': аз. *Озуну онун ұстунә атыб гуагламаг истәди, ләкин тез һиссләринә саһиб олду* (Ибраһимов 1966, 35) 'Он хотел броситься и обнять его, однако тут же сдержал свои чувства'; ктат. *Bala duva duva sözlerini solqun-solqun. tekrarladi, lâkin anası bi sözlerge bütiün canıny qojdy* [Самойлович 1916] 'Ребенок вяло повторял молитвенные слова, но мать вкладывала в них всю свою душу'; тат. *Ул узенең бик нык хаталанганлыгын курде, ләкин аныңәле моңа һич тә ышанасы килмәде* (Фәтгәх 1967, 166) 'Он заметил, что сильно ошибся, но в это ему пока не хотелось верить'; узб. *Балабаларнинг сухбат ва мунозараларига диққат блан қулоқ солади, ләкин бу соҳани ўзи учун бегона хисоблайди* (Ойбек, 8) 'Он слушал с вниманием беседы и диспуты студентов, однако эту область он считал для себя чужой'; уйг. *һазирланда, ләкин немишкиду төғмида* (Босақов, 46) 'Он приготовился, но почему-то не пришел (в гости)'; хорезмийский памятник XIV в.: *Эй тоқ көзунгә арга этмәги көрунмәс хуш, ләкин мәним алтымда изәэтли мукаррамдур* 'О сытый, ячменный хлеб тебе не нравится, но мною (он) любим и почитаем' [Фазылов 1966, 65].

В старых тюркских памятниках встречается сложное союзное образование *ва лекин* 'но, однако': Среднеазиатский тефсир XII—XIII вв.: *Фірав-ниң көнлі жоқ әрді анларға їбару барғуға ва лекін қібітлар қозма-ділар әркісіз қіліб чиқарділар* 'у фараона не было желания идти по их следам, но кобты не оставили (его) и вынудили выступить' [Боровков 1963, 82]; Кутадгу билиг: *Муним жоқ, ва ләкин кишиләр әјур* 'У меня нет недос-татков, но, однако, люди говорят (о них)' [Малов 1951, 267; 286].

ма... мә — соединительный союз: лоб. *Сек ма тоїдо; миш ма тоїдо* 'И собака насытилась, и кошка насытилась' [Малов 1956, 26].

Ср. *ма* в чисто усилительном значении: лоб *Сем-ма, мем-ма* 'И ты, и я'; *Тейт ме көннің кейн* 'После же четырех дней' [Там же, 140, 145]. Ср. еще каз. *ба*, передающий временное соотношение действий: *Толқыған көңі әсерімен өзимді билей алмай қалдым ба, қаттырақ, ұрып жіберіптің* (Сералиев, 31) 'Когда я не мог совладать с собой из-за Толкы-гана, я быстро ударил'.

мәгәр — противительное значение: тат. *Байбичәнең жаны әрнүле иде, мәгәр, кабаттан суз кузгатып, авыруны борчийсы килмәде* 'У госпожи ныло сердце, но она не захотела тревожить больного, заговорив об этом' [Закиев 1963, 354].

не... не³ 'ни... ни; не... не': гаг. *Не суук оләр, не гүнеш чыкәр* (Бабоглу, 55) 'И не холодно, и солнце не выходит'; ккап. *Не китабы джокъ, не дәптери джокъ* 'Нет у него ни книг, ни тетрадей' [ККРСл, 1958, 521]; кбалк. *Не мен келирме не сен келирсе; не Осман келир, не Иса письмо жазар* [Дмитриев 1962, 389] 'Ни я не приду, ни ты не придешь, ни Осман не придет, ни Иса письма не напишет'; тат. *Ни бригадир кайтып житмәде, ни председател килеп чыкмый* 'Ни бригадир не пришел, ни председатель не появится' [Закиев 1963, 351]; узб. *На ўқимади, на ёзмади* 'И не читал, и не писал' [Кононов 1960, 329]; туркм. *Горкыдан яна ол не елуди, не де дири* 'Он опять ни жив, ни мертв от страха' [Дмитриев 1962, 403]; туркм. *Не тенде кувват бар, не ичде жан бар* 'И ни в теле силы нет, и ни в самом души нет' (Махтумкули, 76); чув. *Сумәр ни сәви, ни сүми йәслас тәрәт* 'Дождь и идет и не идет, так себе моросит' [МГЧЯ 1957, 326].

Союз *не* может сопровождаться усилительным *дә*: аз. *Инди исә нә гутуну көрурнә дә тутунун ијини һисс едирди* (Ибраһимов 1966, 4) 'А сейчас он ни коробки не видел, и ни запаха табака не чувствовал'; тур. *Ne kitap alıyorlar, ne de aldırış ediyorlar* (Nesin 1962, 35) 'И не покупают книги, и не обращают внимания'.

но (слав.) — противительный союз: тат. *Ул жирдә, билгеле, икмәк усми, но аның урынына баткакта тимер мәгьдине бар* 'Там, конечно, не растет хлеб, но зато в болоте есть железная руда' [Закиев 1963, 354]; чув. *Ашиё йна сәмах калашиян полч, но вай итлемерьте* 'Отец хотел ему что-то сказать, но он и не слушал (разг.)'.

онда да — противительный союз: каз. *Комсомол жұмасын басқаратын казак жігіті Ералин әлденені аңғартқысы келгендей, онда да алыстап орап кәліп: Оқыған қашанда жақсы әой!* — дейді 'Молодой казах Ералин,

³ Следует разграничивать *не... не* персидского происхождения и *не... не* — заимствование из русского (ср. гагаузский, татарский языки).

руководивший комсомольской работой, как будто хотел подсказать что-то, но только намекнул: Учиться всегда хорошо' [СКЯ 1962, 408].

онтон/отгон — противительный союз: як. *Салайааччылар уһуллаллар, уларыаллар, отгон кини куруутун хайҕанар эрэ* 'Руководители его снимаются, сменяются, а он постоянно лишь хвалится' [Убрятова 1976, 282].

онтука — противительный союз: як. *Дабыт инигэр төпө да куттаннар, онтукатын кимиэхэ да биллэрэ илигэ* 'Давид хотя внутренне и испугался, но про то свое — нехорошее — никому еще не дал узнать' [Там же, 404].

сонда да — противительный союз: каз. *Екі мың метр биіктіктен парашютсіз түсіпті сонда да тірі қалған* 'Он упал без парашюта с высоты две тысячи метров, но все равно остался жив' [СКЯ 1962, 407].

тек — противительный союз: кум. *Сыйыр алмагга деп гелген эдим базаргга, тек мен ушатагган зат ёкэ эди* 'Я пришел на базар, чтобы купить корову, но не было такой, которая бы понравилась мне' [Джанмавов 1967, 267].

факат — противительный союз: аз. *Билмирэм, мәни өлдүр фәгәт мән ону көрүнгә үрәйим дейүнүр* (Наббарлы 1954, 37) 'Я не знаю, убейте меня, но у меня при виде его содрагается сердце'; тат. *Бик каты салкын жил без каби чәнчеп — чәнчеп ала, фәкәть ярлылык барчасына сабыр итә* 'Сильный пронзительный ветер покалывает будто шилом, только бедность все терпит' [Закиев 1963, 355]; тур. *Çocuk konuşmuş, fakat yürümemişti* (ТН, 20) 'Ребенок говорил, но не ходил'; *Kasabadaki efendiler ona akrun tuamellesi, fakat o davarlardan bizimle beraber koyun uğrular, düğünlerde bizimle beraber çalgı çalardı* (Sabahattin 1966, 61) 'Местные эфенди относились к нему по-товарищески, однако он воровал с нами стада овец и играл с нами на свадьбах'; уйг. *Техан чигич ойлар ториега чирмишип, шунчә чүшүнүксиз хупийә сирниц тегиг исталмай вә бәлгүлүк бир ойгиму келәлмай, пәкәт егир һәсрәт биләнла ойигә янеан еди* (Босақов, 21) 'Техан, запутавшись в сетях сложных размышлений, так и не могла добраться до корней непонятных тайн и секретов и, не придя к какому-то определенному решению, (однако) с тяжелой думой вернулась домой'.

у/йу — соединительный союз, может иметь и противительное значение: узб. *Ҳозиргина яшнаб турган осмонни булут ўради-ю, шатир-шутир қилиб ёмғир қуя бошлади* (Аҳмәд, 37) 'До сих пор сиявшее небо затаюли (заволокли) облака, и с шумом полил дождь'. Ср. также ташкент. гов. (узб.) *дәптәр у кәләм* 'тетрадь и карандаш'; *кордә йу, таньмәдә* 'он его видел, но не узнал' [ЎДМ 1957, 227].

ha . . . ha 'ни . . . ни': аз. *ha бурда, ha орда жарпагы тута билмәди* (АН, 17) 'Ни тут, ни там не смогла поймать лист'. Союз *ha* может передавать и подчинительное значение: *ha дејирәм, она гә'сир еләмир* 'Сколько ни говорю, на него не действует' [АРЛ 1965, 373].

хем/хем . . . хем (возможно и сочетание с усилительным *да*). Имеет соединительное значение: аз. *Она һәм јазыгы кәлир, һәм амыгы тутурду* (Ибраһимов 1966, 121) 'Ему и жалко, и сердится он'; гаг. *Онун файтону енийди хем бейгирлери йалап-йалап едәрди* (Карачобан, 13) 'Фазтон у него был новый, и лошади были довольны и блестящи'; *Хем гидерхем дй бакэр гагаузларын фасыл йаз рубаларына* (Там же, 6) 'И ходит, и смотрит на причудливые местные одежды гагаузов'; кқалп. *Ол азан турды хам пахгга терди* 'Он утром встал и собирал хлопок' [Баскаков 1952, 518]; ног. *Билета-*

ган затым да йок эм бир шуышли болган ерим де йок (Кень йоллар, 19) '(У меня) нет вещи, которую я бы знал, и нет у меня места, где бы я провинулся'; тат. *Шуңа кушылгансыман жил ухылдап куя, һәм яңгыр үзенең тамчыларын ачу белән тәрәзәгә китереп бәрә* 'Будто присоединяясь к нему, завывает ветер, и дождь с яростью швыряет свои капли в окошко' [Закиев 1963, 350].

В узбекском языке этот союз соединяет преимущественно однородные члены: *Ҳам олма, Ҳам ноқ, Ҳам беҳи пишиди* 'И яблоки, и груши, и айва поспели' [Кононов 1960, 328]. В ташкентском говоре он употребляется только попарно (повторяется вместе с каждым однородным членом) и имеет формы *йам* (после гласного), *хам*: *отә йам, онә йәм* 'и отец, и мать', *қовун әм, тарвуз әм* 'и дыня, и арбуз', *коғоз хам, қаләм хам* 'и бумага, и карандаш'.

В памятнике Мухаббат-наме встречается сложное союзное образование *välä хәм 'но, однако'*: *Ҳорәзми 'ишкің отіғә јакілді вәлә хәм јәр јүзіндә аті калді* 'Хорезми сожжен огнем твоей любви, однако на земле осталось его имя' [Щербак 1959, 140, 159].

сапах та 'но': чув. *Тайшмансем курәнмәссә, сапах та вёсем сывах иккенне эфир пелетпёр* 'Враги не показываются, но все же мы знаем, что они где-то близко' [МГЧЯ 1957, 327].

шулай ук 'а также': тат. *Сорауларга урын юк, шиккә урын юк, шулай ук хәзергә әлә вәгдәләргә дә урын юк* 'Нет места вопросам, нет места подозрениям, также нечего еще и обещать' [Закиев 1963, 352].

ынчанмыже 'но, несмотря на это': тув. *Соок турган, ынчанмыже эштип турган бис* 'Было холодно, но (несмотря на это) мы купались' [Исхаков, Пальмбах 1961, 452].

ынчалза 'но': тув. *Ажыл доозулган, ынчалза чок ховуда шимээн намдаваан* 'Работа кончилась, но в поле все еще не прекращался шум' [Там же].

ынчалза-даа 'но, однако': тув. *Хун арай-ла үнгелек, ынчалза-даа хамнаарактар ырлап эгелей бергеннер* 'Солнце еще не взошло, но жаворонки (уже) начали петь' [Там же].

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

ангысы//ангылары. Вводит придаточные определительные предложения. Ср. гаг. *Бөлә бир илк йаз гүнү гидерәк дизәдәк чамур ичиндә, почтар гетирди бу сокакта йашайан Калжыба Васий киат оолундан ангысы шансора алты ай айлыктайды да нек сиирек йазарды киат* (Карачобан, 86) 'Одним таким весенним днем, идя по колено в грязи, почтальон принес Калжыба Васе, проживающему на этой улице, письма от сына, который уже шесть месяцев был на переподготовке и очень редко писал письма': *Бир дәдунун кызы вармыш, ангысы дүннеин ен гөзелиймиш* (Буджактан, 139) 'У одного старика была дочь, которая была самая красивая в мире'.

В главном предложении союз имеет соотносительное слово: *Бүүк йардым гагауз фольклору вар насыл версин о инсаннара да, ангылары истеер йазамаа бишей гагаузлар ичин* (Буджактан, 5) 'Большую помощь гагаузский фольклор оказывает тем людям, которые хотят что-нибудь написать о гагаузах'.

андақ кім. Вводит придаточные предложения причины. Среднеазиатский

тефсир: *Aj taqı kün jätı qat kökqä nur bärür andađ kım nur bärür järdä jüzı anlarıñ köklärä taба турур арқаларı järlär taба турур* 'Месяц и солнце дают свет семи слоям неба, так как дающая свет поверхность их обращена к небесам, а задняя сторона — к земле' [Боровков 1963, 59].

anıңдағ ким. Вводит придаточные предложения сравнения. Ср. Муххабат-наме: *Чэчак јапрақларı jәrgä түшүптур аныңдағ ким акіклар кән ічіндә* 'Лепестки цветов опали на землю, подобно агатам в копях' [Шербак 1959, 132, 153].

антағынын үчүн. Вводит придаточные предложения с причинно-следственным значением. Встречается в ранних тюркских памятниках. Ср. Кюль-Тегин: *Арык ок сән, ачык, тосык өмәзсән, бір тодсар ачык өмәзсән; антағынын үчүн ігидмиш қағанынын сабын алматын, јир сају бардығ* 'Когда же ты тощ и голоден (но тем не менее), ты не понимаешь (состояния) сытости (т.е. истинных причин сытости) ... Вследствие того что ты таков (т.е. нерасчетлив, недальновиден), ты, не принимая (т.е. не слушаясь) поднявшего (тебя) ни твоего хана, ни слова его, (стал) бродить по всем странам' [Малов 1951, 28, 35].

ани. Распространение ограничено гагаузским языком.

1. Вводит определительные придаточные предложения. В главном предложении могут присутствовать соотносительные слова, конкретизирующие семантику союза *ани*: *Бу бакыры алтын парайлан гөтүреим о адами, ани еви сатты бана* (Буджактан, 151) 'Это медное ведро с золотыми деньгами я отнесу тому человеку, который продал дом'; *Ама истерим олсун өлә бир кыз, ани олсын урәә өлә, нижә беним* (Там же, 110) 'Но я хочу, чтобы была такая девушка, чтобы сердце у нее было как бы мое'. Связь с соотносительным словом главной части предложения может дополнять аффикс принадлежности 3-го лица⁴: *о ани карьсь һис гытәзмиш бракајор карьсьнь* 'Тот, жена которого никогда не смеялась, бросает ее' [Дмитриев 1962, 266]. Союз *ани* встречается в гагаузском языке в сочетании с усилительными *ки*: *Биз гелдик, ани ки, сайлер, нестә, сизин ушаан адыны койалым базим ушаа* (Карачобан, 89) 'Мы пришли, чтобы, так сказать, имя вашего ребенка дать нашему ребенку'; *Шинди хазырланәр хепси ләзымныклар аники башлакны классар үренсиннар ана дилиндә* (Буджактан, 4) 'Сейчас подготавливают все необходимое, чтобы в начальных классах обучались на родном языке'.

2. Вводит дополнительные придаточные предложения: *Коркәрым бән ани сени кайбеджәм* 'Я боюсь, что тебя потеряю'; *Дәду санәр ани о сакланды йамурдан* (Буджактан, 113–114) 'Старик подумал, что он спрятался от дождя'; *Ајь gere:r annar әni ськтышлар* 'Медведь видит, что они вышли' (досл. 'медведь видит их, что вышли') [Дмитриев 1962, 265].

3. Вводит придаточные сказуемые: *Ишләр бөлә, ани зор дүзмәә* (Бабоглу, 62) 'Дела таковы, что трудно поправить'.

4. Вводит придаточные предложения образа действия. В главном предложении им соответствуют соотносительные слова: *Кыз өлә гөзәлмиш, ани онун гиби хич бүтүн дүннедә йокмуш* (Буджактан, 125) 'Девушка была так красива, что не было в мире ей равной'; *Оннар өлә кывракмыш хем*

⁴ Такое структурное построение наблюдается в сложноподчиненных предложениях и с союзами *ки*, *ким* и др.

гөзәлмиш, ани йок нижә сөлемәә (Там же, 128) 'Они так выделаны и красивы, что нечего сказать'.

5. Вводит придаточные предложения причины. В главном предложении союз *ани* конкретизируют соотносительные слова: *Кирана севмәзмиш бобасыны онун очин, ани о пек фенәймиш* (Буджактан, 133) 'Кирана не любила своего отца, потому что он был очень плохой' и т.д.

Параллельно с *ани* иногда встречается и *хани*, что дает основания считать их этимологически близкими. Ср. *bilirdi hani onun uıñ olmajor* 'Он знал, что у него не будет детей' [Дмитриев 1939, 18].

анткени. Вводит придаточные предложения причины: кирг. *Бул — Айдай үчүн күтүлбөгөн кубаныч болду анткени — балким мени чакырбай коёр бекен деп чочуй турган* (Каимов, 51) 'Это явилось для Айдай неожиданной радостью, так как она боялась, что институт не вызовет ее на учебу'.

анча ки (в усилительном значении). Вводит придаточные предложения времени. Встречается в ранних тюркских памятниках: уйгурский памятник буддийского содержания: *Анта өтрү илік бәг катуны анчаки а өгсүрәмәкі сәпилін сачы басы јатылып ікі илігі үзә көкүз ін тоқыју, калты балык сувынтын адырылып ...* 'Затем госпожа (жена) правителя-князя, когда обморочное состояние ее несколько прекратилось, распустив волосы на голове и ударя своими двумя руками в грудь, катаясь по земле, подобно рыбе, вынутой из воды ...' [Малов 1951, 179]; документы на половецком языке XVI в.; *Keldi хачко донче оғлу јурко војтнунг алына да кетхојалар ал(ы)на да жадат ет(т)і тора біз кетхојалар отложит ет(т)іх бу гундан 2 һафтага анча кі тургајлар 2 сторона да торага жебердих 2 кіші задыкни атаны да нурсес взнікні сумрутка да англат(т)ых хан кундан 2 һафтасына* 'Перед войтом Юрко и старшинами предстал Хачко-Донче-оглу и попросил (устроить) суд. Мы, старшины, отложили суд с сегодняшнего дня на 2 недели, когда перед судом предстанут обе стороны. И к Сумруту послали 2 людей — Задика Атаны и Нурсеса Возницу — и наказали объяснить ему (это): через две недели от среды' (ДП, 129, 238).

анчақ/анчүк. В сочетании с формой повелительного наклонения 2–3-го лица вводит придаточные предложения цели. Среднеазиатский тефсир: *ірқатғіл сәнің таба хурма жағачіні анчүк түшсүн сәнің үзә јаш хурма еwүлмиш* 'Потряси к себе пальму, чтобы упали к тебе свежие зрелые финики' [Боровков 1963, 54, 55]; *Еwдім сәнің таба анчақ сәwинчліг болғил* 'Поспешил я к тебе, чтобы ты был доволен' [Там же, 54]; *Табутні кәмішкіл тәңіз ічіндә анчақ кәишүр ані тәңіз бучқақә* 'Длинный ящик кинь в море, чтобы море выбросило его на берег' [Там же, 54].

анчада. В сочетании с усиливающим его *ким* вводит придаточные предложения места. Среднеазиатский тефсир: *Ајдә нә көрәрсән анчада ким сә-ғиндәміз ол қорум ташға ким мән уніттім баліқні* 'Сказал, что видишь ты там, где мы останавливались, на том скалистом камне (на котором) я забыл рыбу' [Боровков 1963, 215].

аның учун в сочетании с усиливающим его *ким* вводит придаточные предложения причины. Ср. Среднеазиатский тефсир: *wә қушлуқ һақі үчүн анд јад қилдә анің, үчүн ким јај қиш олвақтін күн жоқару ағар* 'и поклялся во имя утра, потому что летом и зимой в это время солнце восходит вверх' [Боровков 1963, 219]; *Сағрақлар болур қулубсиз анің үчүн ким тутмак*

hadjät bolmaz 'Будут чаши без ручек, потому что держать (их) не будет нужды' [Там же, 217].

болай – союзное слово. Вводит придаточные предложения цели. Употребляется чаще в сочетании с формой повелительного наклонения в придаточном предложении. Распространено в гагаузском языке: *Мити чок чалышты болай ону да алсыннар выставкайа* (Бабоглу, 58) 'Мити много работал, чтобы и его взяли на выставку'.

куя. Вводит придаточные предложения сравнения: аз. *Эв саһиби эдиб рэфигмиз бир нөв тэвшишдадир өз о отага сохулур, бу отага сохулур, кую бир шей ахтарыр* (МН, 361) 'Хозяин дома – наш друг – находится в каком-то беспokoйстве и спует (бегает) то в одну комнату, то в другую, словно ищет что-то'; таг. (встречается в основном в письменном литературном языке): *Урныннан кузгала алмый, гуя аны нидер тота* 'Не может сдвинуться с места, будто его кто-то держит' [Закнев 1963, 322]; узб. *Бектемирга ногоҳ ҳаво фавқулodда ёқимли, роҳатбахш, секин туюлди, гуё ўни дим, сассиқ ўрадан тортиб олдилар* 'Воздух вдруг показался Бектемиру чрезвычайно приятным, улаждающим, тихим, как будто его самогo вытащили из душной, зловонной ямы' [Кононов 1960, 330].

дейя/диёе/теуу – служебное слово.

1. Вводит придаточные определительные предложения: тур. *Gazetelerde işçi temur aranıyor diye ilanları olan adreslere uğramağa başladım* (Nesin 1962, 41) 'Я начал ходить по адресам, указанным в газетах и объявлениях о том, что требуются рабочие и служащие'.

2. Вводит придаточные дополнительные предложения: тур. *gizli işler yaptığımız sanır diye korktum* (Там же, 67) 'Я испугался, что он думает, что мы занимаемся тайными делами'; *O gün akşama kadar bir yerlerden üç beş kuruş gelir diye bekledim, gelmedi* (Nesin 1958, 34) 'В тот день до вечера я ждал, что из одного места придут (мне) три–пять курушей, (но) не пришли'; *Ama ne olur ne olmaz, taksiden inerken daha çok ister diye korkumdan şöföre sordum* (Nesin 1962, 19) 'Однако на всякий случай, выходя из такси, из страха, что он потребует еще больше (денег), я спросил шофера'.

Служебное слово *дейя* в современных тюркских языках иногда придает одновременно и модальный оттенок недоверности действия: гаг. *Кары хей бекләрмиш ону зелецек деји* 'Жена все поджидала, что он придет мол' [Мошков 1904]; тур. *Kara Jüzbaş da, etrafa "Hürşit öldü" diye bir haber salmış* (сказка) 'А Кара Юзбаш, говорят, пустил слух по округе: Хуршид умер' [Кононов 1956, 541]; туркм. *Ол урушда болдым диён болуп гүррүн эдйэр* 'Он рассказывает, будто был на войне' [Аннануров 1956, 102].

3. Вводит придаточные предложения причины: тур. *Mezun olacağız diye son günlerde de biraz şırtarmış olacağız* (Nesin 1962, 55) 'В последние дни мы немного побалуемся, потому что будем кончать школу'; *Bu gün ders yoktur mektebe gitmedi* 'Он не пошел сегодня в школу под тем предлогом, что нет занятий' [ТРСл. 1931, 247].

4. Вводит придаточные предложения цели. Сказуемое придаточного стоит в форме повелительно-желательного наклонения: тур. *Kardeş, haberin olsun diye söylüyorum* (ТН, 18) 'Брат, я говорю тебе, чтобы ты знал'; *Ağzım kokmasın diye raki değil de o akşamlık votka içiyorum* (Nesin 1962, 23) 'Чтобы у меня не пахло изо рта, я ведь пью не раки, а ту вечернюю водку'; ст.-тур.

شەمەد ەكەرە مال قەندە ايسە ويروب نفسكى قورتار كوزلجە شاه

سنی آزاد ایلسون دیو ییاه سویلدی

[Смирнов 1903] 'Теперь, после этого, где бы ни были вещи, бери (их) и спасайся, он сказал врагу, чтобы шах тебя совсем освободил'.

5. Выполняет присоединительную функцию: тур. *Ne olur ne olmaz diye sertmayemini hepsini birden yaturmak istemiyordum* (Nesin 1962, 6) 'На всякий случай я не захотел вложить в дело сразу все мое состояние'; Среднеазиатский тефсир: *Қонарғајміз... гөрләриндін анлар үзә билсүнләр теју* 'Мы поднимаем... из могил их, дабы знали о том' [Боровков 1963, 213]; *Салманні іләрү мәнзил јеринә іјдїлар булар барінча ашїн суwїн раст қїлқай теју* 'Салмана послали на остановку вперед, чтобы до их прихода он приготовил еду и питье' [Там же, 254].

дейин. Выполняет те же функции, что и союз *дей* в каракалпакском языке. Ср. вводимые им изъяснительные (дополнительные) придаточные: *Мен бала тувдым дейин сени бесикке бөлән тастайын* 'Я скажу, что родила ребенка, а тебя запеленаю и положу в люльку' [Баскаков 1951, 89].

дейни. Вводит изъяснительные (дополнительные) придаточные предложения в гагаузском языке: *Ама ки билсин некадар феналык йапэжэк дейни, о хербир феналыын аардына какармыш казаа бирәр енсер* (Карачобан, 10) 'Однако, чтобы знать, сколько он делает зла, он всякий раз после совершения зла вбивал гвоздь в кол'.

В придаточных предложениях цели, вводимых *дейни*, сказуемое стоит в форме повелительно-желательного наклонения: *Гелмиш версин гаргайа бир сомун екмек, баармасын дейни, утандырмасын ону инсанын үзүндә* (Буджактан, 118) 'Он пришел, чтобы дать вороне пшеничного хлеба, чтобы она не кричала и не стыдила его перед людьми'; *Бу имекләр конулмуш софрайа, ки инилсин дейни* (Карачобан, 34) 'Эти угощения были поставлены на стол, чтобы быть съеденными'.

ди. Вводит придаточные изъяснительные предложения в якутском языке: *Хамнаабат буолбут кыылыгар кэлэн, үһэрттэн аллара көрөн турбута, – ылыахха дуу, ылымыахха дуу? – ди* санаабыта 'Подойдя к переставшему шевелиться зверю, сверху вниз глядя, стоял – брать ли, не брать ли? – думал' [Убрятова 1976, кн. 2, 245–247].

тїјин. Встречается в ранних тюркских памятниках.

1. Вводит придаточные дополнительные предложения: Кюль-Тегин: *Јорыјур, тїјин, кў әсидин, балыкдакы таҕыкмыс, таҕдакы инмис, тїјилин јатмис әр болмыс* 'Услышав весть о том, что он бродит вне (т.е. за пределами тогдашнего местожительства тюрок), жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились и, собравшись, составили (отряд в семьдесят мужей)' [Малов 1951, 29, 87]; памятник в честь Тоньюкука: *kälürtim ök (?) Türk budunuy Ötükan järkä, bän özüm bilgü Toñuquq Ötükan järig gonmys, täјin, әsидip, bәrijәki budun, quryjagy, јyrjagy, önrәki budun kälti* 'Услышав, что я привел тюркский народ в землю Отюкэн и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкэн, пришли (к нам) южные народы, западные, северные и восточные народы' [Там же, 62, 66].

2. Вводит придаточные предложения цели. Сказуемое стоит в форме повелительно-желательного наклонения: Кюль-Тегин: *Түрк будун аты күсі јок бол* (мазун тїјин, өзимін ол тәңри) каган олуртды әрінч 'Небо, дарующее

(ханам) государства, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа' [Там же, 31, 39].

деп/дейиб/теб. Широко распространен в преобладающем большинстве тюркских языков, вводит разнообразные типы придаточных предложений.

1. Определительные: кум. *Душман бугюн оьзюню 5-нчи полку ва бир эскадрону булан бизге атака этмеее сюе деп хабар бар* 'Имеется сообщение, что сегодня враг со своим 5-м полком и одним эскадронном хочет атаковать нас' [Джанмавов 1967, 316]; *Олар тангала кьайта деп хабар бар* 'Имеется известие, что они возвращаются' [Там же, 273];

2. Дополнительные: аз. *Рустам киши – На гара хэбар арваддыр! – дежиб душунду* (Ибрагимов 1966, 5) 'Рустам-киши подумал: – Что за женщина – плохая вестница!'; алт. (сев. диал.) *Тулкенеке таппас курсак таптым деп кайадань туже ле сугунип, семис айунинг эди дуузынань талдап ажанып алды* 'Лиса, радуясь тому, что нашла редкую пищу, спустилась со скалы и, радуясь, наелась всего, чего хотела (букв.: на выбор), – и сала, и мяса жирного медведя' [Баскаков 1965, 67]; каз. *Сонысынан тагы жасканып, Қодарды қыйнамайын деп қойган-ды* (Әуезов, 32) 'Испугавшись и этого, он пришел к решению не пытаться Кодара'; ккалп. *Кутилмегенде бундай қайгы болады деп ким ойлауы мүмкин* (Қайыпбергенов, 56) 'Кто может думать, что неожиданно бывает такое горе'; – кбалк. *Алар от тамызмай эдиле кзоркэгьандан, гяуурла керюрле деп* 'Они (Маммеевы) огонь не разводили из боязни, что гяуры увидят' [МБД 1962, 40, 42]; кирг. *Салык аны ат жөнүндө айтып жаткан экен деп ойлоду* (Каимов, 51) 'Салык подумал, что он говорит о лошади'; кум. *Огьар дослары коьмек этер деп умут эте* 'Он надеется, что ему помогут друзья' (букв. 'Друзья помогут – говоря, надеется') [Дмитриев 1940, 195]; ног. *Мен фермага барып, ога кеште уьйге кайт деп айткан эдим* (Кенъ йоллар, 5) 'Я пошел на ферму и сказал, что он вернется домой вечером'; тат. *Син кайта (сың) дип шатландым* 'Обрадовался тому, что ты придешь' [Каримов 1954, 11]; туркм. *Эй, яранлар, амримден гочди дийип аглармен* 'О, друзья, я плачу о том, что моя жизнь уже частично прошла' [Поцелуевский, 1943, 80]; узб. *Улар пўлатдан мустаҳкам, олтиндан тиниқ, мусаффо, мангу севгидан ҳам аьлорқ нарса бор деп уйлайдилар* (Чашмалар, 88) 'Они думают, что есть вещи еще лучше любви, чистой, вечной, которая крепче стали, ярче золота'; уйг. *Өзлири әпкелип бәрди, яздуруп қойдум дән, ялғандин мени алдигиниңчу!* (Тохтатов, 37) 'Как же ты меня так обманул, что они сами принесли, а я подписал!'; Родословная туркмен: *Филан чдлнң авы көб әрмиш таб ишгдм* 'Я слышал, что в такой-то пустыне богатая охота' [Кононов 1958, 174].

Вводя придаточные дополнительные предложения, *деб* может передавать прямую речь: ср. алт. *Кемени бери, кечерзин деп, ашыяк кыйгырды* 'Старик крикнул, чтобы сюда переправили лодку' [Дыренкова 1940, 293]; кум. *Мунда бизде йол будкада иш бар, сени огьар салсын деп дистанцияны начальнигинден тилермен* 'Здесь у нас есть работа в дорожной будке: я попрошу начальника дистанции, чтобы он назначил тебя в нее' [Дмитриев 1940, 195]; узб. *Қолганларининг умрини берсин, деб шукур қилдим* (Аҳмад, 47) 'Я пожелал – пусть продлится жизнь всех оставшихся'.

Так же как и *дей*, *деб* может вносить и модальный оттенок недовольности действия: каз. *Сені боран айдан кетті ме деп, біз қорқып едік* 'Мы очень беспокоились, думая, что тебя буран занес куда-то' [Сауранбаев

1946, 25]; кирг. *Кепкен бай мени кантээр экен деп текебер айтты го* (Сыдыкбеков, 16) 'Видно, зазнавшийся бай, испытывая меня, сказал надменно'; кум. *Ол юртлагъа гельди яман бир хабар, ону уьстуьне гуьчлүь душман геле деп* 'В те аулы пришла дурная весть, мол, на них идет сильный враг' [Дмитриев 1940, 195]; туркм. *Бу оғлн эркек оғлондоғоны, айыл оғлндоғоны билели дийип, маслаһ ат эдитирлер* 'Они стали держать совет: – Узнаем, кто этот ребенок: мальчик или девочка' [Дмитриев 1954, 115]; узб. *Кампир шаҳарда нима қилади, деб қўни-қўшнилар ҳайрон бўлишиди* (Аҳмад, 94) 'Соседи удивились, думая, что это старуха делает в городе'; *Мусиқидан хабарсизликни шоир учун зўр нуксон деб ҳисоблар эмиш* (Ойбек, 20) 'Оказывается, что неосведомленность в музыке – большой недостаток для поэта'.

3. Придаточные, выражающие временное соотношение с действием главного: уйг. *Мастурихиндәм арилиқта бир аз яхшы болуп, өй ишига арилишимән дән мошу куни йәнә узулуп қалған еди* (Тохтатов, 19) 'МастуриханDEM в какое-то время почувствовала себя немного лучше, подумала было приняться за домашние дела, как в этот самый день снова почувствовала недомогание'.

4. Придаточные предложения причины: алт. *Бошь дьок деп келбеди* 'Не пришел, потому что не был свободен' [Дыренкова 1940, 295]; ккалп. *Суы жок деп – жерден тунгилме, асы жок деп – ерден тунгилме* (посл.) 'Не отворачивайся от земли, потому что она не имеет воды, не отворачивайся от храбрца, потому что он беден' [Бердымуратов 1957, 123]; кум. *Гечигип кзалырман деп, поездни алдына сагыат алтыда чыкэгьан эдим* 'Я вышел к поезду в шесть часов утра, потому что боялся опоздать' [Джанмавов 1967, 266]; ног. *Сувукь боран келеди деп Джылай – сыкьтай олрыры (р) (йел)* 'Из-за приближающейся метели сидит и плачет, плачет (ветер в трубе)' [Баскаков 1940, 188]; узб. *Концерт бўлади деб, кутиб ўтирдик* 'Мы остались ждать, так как предполагался концерт' [Кононов 1960, 332]; Родословная туркмен: *Аңын учун ол оғлан ағач ичндә тоғды таб атын кыпчак койдылар* 'Имя ему дали Кыпчак потому, что тот ребенок родился в (дупле) дерева' [Кононов 1958, 173].

5. Придаточные предложения цели. Сказуемое часто стоит в форме повелительно-желательного наклонения (сохраняется грамматическая форма прямой речи): алт. *Кемени бери, кечирзин деп, ашыяк кыйгырды* 'Старик крикнул, чтобы сюда переправили лодку' [Дыренкова, 1940, 293]; каз. *Әдейі танытпайын деп, бет-аузын таңып алыпты* (Әуезов, 5) 'Он завязал лицо и рот специально, чтобы не узнавали'; ккалп. *Адасып кетесин деп, ет жагып едик* 'Мы зажгли огонь, чтобы он не заблудился' [Бердымуратов 1957, 113]; кирг. *Ал коштошоюн деп келди* 'Он пришел, чтобы проститься' (Сартбаев, 32); кум. *Иьргылгьан ерин анасы гьрноп йибермесин деп, Иса ари бурулду* 'Иса повернулся в другую сторону, чтобы мать вдруг не заметила порванного места' [Джанмавов 1967, 213]; тат. *Алмагачка яулык элдем, сандугачлар кунсын дип* 'На яблоню навесил платочек, чтобы присели соловьи' [Каримова 1954, 16]; тат. зап.-сиб. *Партпель алып пиртем, куңде булсын тип* 'Я купил ему портфель, чтобы его порадовать' (Тумашева 1956, 170); узб. *Богингда етилган райҳонни жазмани сўраятпти, бир яхши иш бўлсин деб келдим* (Чашмалар, 24) 'Он оживленно спрашивает о созревшей в вашем саду базилике, я ведь пришел, чтобы со-

десять доброе дело'; уйг. *Iskandar padişah (paşa) meñzkyk doloj animni xalg bilip qalmisun dər beşini cüşuroj an sartağlaşlami eltyrdi* 'Царь Александр (Македонский), чтобы народ не узнал, что он рогат, убил цирюльников, бривших его голову' [Боровков 1935, 156]; Среднеазиатский тефсир: *Oqilini džadularда джадулуқ дğрансун теб қобмиш әрди* 'Сына своего он отдал, чтобы он научился волшебству от кудесников' [Боровков 1963, 241].

6. Придаточные сравнительные предложения: кум. *Акъсакъ къаргъа алдын учар деп, алданокъ агъач тѣкдюрюп къойма сама да суймеймисиз?* 'Подобно тому как хромая ворона первая улетает, не хотите ли и вы заранее запасть дровами?' [Джанмавов 1967, 315].

7. Устанавливает связь между предложениями, напоминающую сочинение: ср. шор. *Ырак черде алтын таш, келе перзень, кара таш – теп, сѳс кеби пар* 'Есть пословица: далеко камень лежит – золотым кажется, ближе пойдешь – черный камень (найдешь)' [Дыренкова 1940₁, 302]; *Кая пажынанъ "ўғү" теп, угу уни угула перди, пазок "пиип, пиип", теп, набылган сыгыр чѳрча* 'С вершины скалы слышен был голос филина "угук", и еще свистела летяга "пиип, пиип" [Там же, 303].

дэши. Вводит в тувинском языке придаточные предложения цели: *Колхозчулар тараа чаагай болзун дэши, бугу хемчеглерни хереглен турар* 'Колхозники применяют все меры, чтобы был хороший урожай' [ТРСл. 1955, 719]; *Орзэл ишти чылыг болзун дэши, суугуну одап каан* 'Растопи печь, чтобы в комнате было тепло' [Там же, 720]. Сказуемое стоит в форме повелительно-желательного наклонения.

тесе. В чувашском языке вводит придаточные предложения цели: *Хаҗат-журналсене вайхатра вулас тесе, эпир читальна яланах сүретпѳр* 'Чтобы вовремя читать газеты и журналы, мы аккуратно посещаем читальню' [РЧСл. 1951, 894].

мѳншѳн тесен. Вводит в чувашском языке придаточные причины: *Халличен сак аппаратна йѳркелле усай курни пулман, мѳншѳн тесен цех администрацийѳ йна хака туман* (Талвир 1952, 134) 'До настоящего времени этим аппаратом систематически нельзя было пользоваться, потому что цеховая администрация его недооценивала'; *Чул шывра путать мѳншѳн тесен вай шыврап йывар* 'Камень тонет в воде, потому что он тяжелее воды' [РЧСл. 1951, 894].

егер/эгер/эжэр/кэр. Вводит придаточные предложения условия: аз. (бакин. диал.): *Эқәр қаб вэрдун, вэрэң екәм апарасан пуллари: Эқәр билмедун, алачеқәм пуллари сәннән* [Ширалиев 1957, 163] 'Если ты ответишь, то я дам деньги, чтобы ты отнес их, если не сможешь, то я заберу у тебя деньги'; туркм. *Эгер пир сен, эгер яш, кылма сырың халка паш* 'Если ты стар и если ты молод (все равно), не разбалтывай своей тайны людям' [Поцелуевский 1943, 80]; Среднеазиатский тефсир: *Ағәр сизләркә кјү-чәйләкнә қилур* 'Если причинит вам вред...' [Боровков 1963, 190]; *Ағәр әлдүрүш сәләр јәрә бәрмәгәйләр анларқа* 'Если они станут воевать, не окажут им помощи, не помогут' [Там же, 98].

В главном предложении могут стоять соотносительные слова: аз. (бакин. диал.): *Эқәр һазыррамаса, онда бојныны вурдурачагам* [Шаралиев 1957, 153] 'Если он не готов, то я дам ему по шее'.

В азербайджанском, турецком, туркменском языках и их памятниках

встречается производный от *егер* союз *егерчи/герчи/герче*, вводящий придаточные уступительные предложения. Ср. *قرچه گلزار جمالنگ کتدی* 'Хотя твой розоподобный лик скрылся от моего взора...' (Хэтай 1966, 96); тур. *Gerçi bu ona bir yaranın üstünde parmakla oynuyormuş gibi bir isturap veriyordu, fakat mademki elinde olan bir tek imkân buydu* (Sabahattin 1966, 109) 'Хотя он доставлял ему мучения (причинял страдания), словно пальцами перебирая по его ране, но пока это была единственная возможность в его руках'; туркм. *Герче ишим намаздыр, көңлим перишандыр* 'Хотя я занят молитвой, но сердце мое смущено' [Поцелуевский 1943, 86];

*ейткени*⁵. Вводит придаточные предложения причины. Распространен в каракалпакском, киргизском: ккалп. *Кюнлер ашалды, җйткени бәхәр болду* 'Дни стали долгими (букв.: открылись), так как наступила весна' [Баскаков 1952, 522]. В казахском ему соответствует *үйткени*.

елә ки. Вводит придаточные предложения времени, соответствуя рус. *в то время как, когда*. Придаточные предшествуют главному: аз. *Бали елә ки, Тахир илә Зөһрә евә гајытдылар, һатәм Султан гызыны гуллуғуна чағырыб деди* (АХД, 7) 'Когда Тахир и Зохра вернулись домой, Хатем Султан вызвал к себе дочь и сказал'; *Элә ки, һашы Рза вә әврати әлдулар, Мәһәм мәд һәсән әми галды башсыз-парахсыз* (МН, 13) 'Когда Хаджи Рза и его жена умерли, дядя Магомет Гасан остался без всякого присмотра'.

зира. Вводит придаточные предложения причины: аз. *Бу ишә Аслан нә гәдәр үрәкдән муәззәб әлдусә да бир шей әдә билмәди зира о Фәрһады да чох истәйирди* (Ҷаббарлы 1949, 23) 'Сколько бы Аслан в душе не страдал, он ничего не смог сделать, потому что он очень любил Фархада'; гег. *Сән гел, ал бизим сандыы, зәрә бән ташыйамээрим ону* (Карачобан, 7) 'Ты приди, возьми наш сундук, потому что я его не понесу'; тур. *Hasibi sokağa atmak kolay değil, zira iş zamanı fabrika ustasız, adamsız kalacaktır* 'Не легко было вышвырнуть на улицу Хасиба, так как фабрика осталась бы в рабочее время без мастера, без (нужного) человека' [Кононов 1956, 547].

инди ки. Вводит придаточные предложения, выражающие выполненное условие, соответствует рус. *раз...: аз. Инди ки, оелуна үрәин јаныр, дур өзүн кәгир* (Ибраһимов 1966, 51) 'Раз ты жалеешь своего сына, то иди и сама принеси'; *Инди ки, белә әлду, мән алими јујуб чәкилдим кәнара* (Там же, 20) 'Раз так произошло, я умываю руки и ухожу в сторону'.

В хорезмийских памятниках XIV в. встречается этимологически родственное союзное образование *емди ким*: *Айттылар емди ким ҳимайаты көлкәсинә кирдиң дағы нимәти шүкринә и' тираф көтүрдүн нечүк йақын бармассән* 'Они сказали: раз ты вступил под сень его покровительства и считаешь себя обязанным благодарить его за благодеяние, то почему же не подойдешь к нему ближе' [Фазылов 1966, 170].

ити курдугу. Вводит придаточные предложения времени. Распространен в якутском языке: *Ити курдугу, истээт, ол курдугу анаараат, ийэ сир итигэртэрэ ньиргийбитинэн, Аан дайды аймахтара саарбытынан бардылар* 'Как только услышали этакое (букв.: словно такое), как только увидели такое, зашумели воспитанники матери-земли, заговорили племена мира' [Убрятова 1976, 300].

⁵ Ср. союз *анткени* в киргизском языке.

ити + послелог бары. Вводит придаточные предложения причины. Распространен также в якутском языке: *Ити барыта Едлин мөлтөүттэн уһаата* 'Все то затянулось из-за слабости Едлина' [Убрятова 1976, 294].

јана ким. Вводит придаточные предложения образа действия. Среднеазиатский тефсир: *јана ким ағаздөмиз ілкі турут мақда јандурғамиз ані* 'Как начали мы при первом творении, так вернем его в прежнее состояние' [Боровков 1963, 37].

кайда — союзное слово 'где', вводит придаточные предложения места. Ср. тув. *Кайда хөй кат барыл, ынаар бараалыңар* 'Пойдемте туда, где много ягод' [ТРСл. 1955, 720]. В главном предложении возможно соотносительное слово *шунда*: тат. *Кайда берлек, шунда көч* 'Где единство, там сила' (посл.) [Каримова 1954, 17].

кайдан 'откуда'. Ср. ног. *Кайдан билдинь: айт!* (Кень йоллар, 19) 'Говори, откуда ты узнал'. В главном предложении ему соответствует слово *андоқ*: язык томск. тат. *Кайданг мин келдим, андоқ парам* 'Откуда я пришел, туда и пойду' [Дульзон 1956, 361].

кајуда ким. Среднеазиатский тефсир: *Қуртулмағайлар јалғанчилар қајуда ким кәлсәләр* 'Не избавятся обманщики (кудесники), куда бы они не пришли' [Боровков 1963, 195].

кайсы — союзное слово 'который', вводит придаточные определительные предложения: тат. *Ул—кеше, кайсысын гасырлар тудырды, минутлар утәрде* 'Он человек, которого родили века и умертвили минуты' [Каримова 1954, 14]; мишар, диал. *Әнэ тэгэ кәшә килә қасын мин сәна көрсәткән* 'Вот тот человек пришел, которого я тебе показывал' [Шакирова 1949, 145].

В главном предложении союзному слову соответствуют:

шондый: *Әвэл, изрнэ шондый кәшләр били-идә, касьларь бик бай* 'Раньше владели землей такие люди, которые были очень богаты' [Там же, 144];

шул: тат. *Кайсы колхоз беренчелекне ала, шул колхозны мактап язугадәте бар* 'Есть привычка хвалить тот колхоз, который завоевывает первенство' [Закиев 1963, 318—319]; *Кайсы ил башлы ала, шул башлан жибәрергә тиеш* 'Какая страна может начинать, та и должна начать' [Там же];

ошол жер: кирг. *Партия мөни кайсы жерге жумшаса, ошол жерде туруп жоону атамын* 'Куда пошлет меня партия, там и буду я бить врагов' [Скирдов 1962, 24].

Сложные образования с кайсы: тат. (мишар. диал.) *Кас'й кәм нәсәл әрцәгән кәшә/нән йәр (ә) әзәйән киткән* 'У кого размножался род, у того земля уменьшалась (т.е. у того земли становилось меньше)' [Шакирова 1949, 144]; тат. (сред. диал.) *Иптәшәм килде, кайсы ки Мәскәудән кайткан* [Жәләй 1952, 224] 'Пришел мой товарищ, который вернулся из Москвы'; уйг. *Sodigə (r), qa(j)siki əzmelini qizmet satidu* 'Купец, который свой товар дорого продает' [Насилов 1940, 27].

В азербайджанском языке в качестве союзного слова используется вопросительное местоимение *хансы*, в главном с ним часто соотносится указательное местоимение *о*: *О да бахыр шәстина хансы шәртлә экин әкибләр, о шәртлә дә бәләчәкләр* 'И то зависит от договоренности: на каком условии посеяли, на том же условии и поделят' [Абдуллаев 1963, 87].

В половецких документах XVI в. союзное слово *хәјсі(нінг)* сопровождается усилительным *ки*: *Ол джунут хәјсінінг кі хылычны алып еді лынчицадан шыломович якуб ол кендінінг орнуна хојду давікар хала пісарын хәјсі кі ол хылычны шацоват еті р 10 хзыл ф]і да* 'А тот еврей, у которого он взял саблю, — Якуб Ш(ы) ломович из Ленчицы, который оценивает ту саблю в 10 золотых фли' (ДП, 129, 237).

қанда — союзное слово 'где'. Вводит придаточные предложения места: уйг. *Савутжан кирип кәлгәндә, оттура бойлуқ, чирайи ядаң Гулсум сәккиз айлиқ қизини қанда олтирип емитивататти, у орнидин дәруру турди* (Тохтамов, 3) 'Когда входила Савутджан, среднего роста, с исхудавшим лицом, Гюльсум, где бы ни сидела и ни кормила свою восьмимесячную дочь, немедленно вставала с места'.

қанда ким: Среднеазиатский тефсир: *Тутуң ол хатунларни қанда ким сақин болсаңиз* 'Содержите тех женщин там, где вы (сами) живете' [Боровков 1963, 198].

қандай. Вводит придаточные предложения времени. В главном часто с ним соотносится слово *ошондой*: кирг. *Алар кандай келди, ошондой жөнөбүз керек* 'Как только они придут, так и мы отправимся' [Мураталиев 1962, 18]. В уйгурском языке аналогичные придаточные предложения может вводить союзное слово *қандақ*: *Кун қандақ ечилиди, без йолга чикимиз* 'Как только прояснится погода, мы отправимся в путь' [УРСл. 1961, 235].

қанча. Вводит уступительные придаточные предложения в узбекском языке: *Лекин қанча орзиқиб кутмайин, дадажоним қайтмади* (Чашмалар, 83) 'Но сколько я ни ждала, папочка мой не вернулся'.

канчаар. Вводит придаточные предложения образа действия в тувинском языке. В главном ему соответствует слово *ынчаар*: *Номда канчаар бижээн-дир, ынчаар билип ал* 'Запомни так, как написано в книге' [ТРСл. 1955, 720].

қачан/қачон — союзное слово 'когда'. Вводит придаточные предложения времени. В главном возможны соотносительные слова: алт. (сев. диал.) *Не ыйлабас, качан тогус бөрү сок дьангыс уйумды, сок дьангыс адымды, дыиш барарды* 'Почему бы мне не плакать, когда девять волков сожрали мою единственную корову и лошадь' [Баскаков 1965, 69]; тат. (мишар. диал.) *Качан акқаннь китәрэ сән, шонда эпэй алып китәрсәң* 'Когда деньги твои принесешь, тогда, хлеб получив, уйдешь' [Шакирова 1949, 39]; узб. *Качон шу шаҳарга келмайин, дарҳол касалхонага сим қоқиб, Саид Гафуровични суриштираман* (Чашмалар, 56) 'Когда бы я ни приехал в тот город, я тут же звоню по телефону в больницу и спрашиваю Саида Гафуровича'; ст.-осм. *Qaçan vara bindän sarça bu biti, şükr qil Täñriyä* [PhTF 1959, 180] 'Когда тебе от меня дойдет это послание, поблагодари всевышнего'; туркм. *Эй яранлар, мерт йигитден мерт дорэр, Качан турды, намарт оглы мерт олды?* 'О возлюбленные, от храброго рождается храбрый, и когда уже родился от трусливого, стал ли храбрым?' (Махтумкули, 86); Мухаббат-наме: *Качан киләәи көзүмни јакту ол аи әрүр јүзи кујаштәг аламараи?* 'Когда та луна осветит мои глаза и когда лик ее будет украшать мир подобно солнцу?' [Щербак 1959, 135, 156]; Codex Cumanicus: *Qaçan friste ol sözni aјttu, anсаq körünmädi* [Grönbech 1942, 37] 'Когда ангел произнес это слово, он уже больше ничего не видел'; Среднеазиатский тефсир: *Біз қачан олар біз топрақ боларбіз* 'Мы, когда умрем, (и) станем прахом' [Боровков 1963, 76].

В азербайджанском языке, особенно в муганских говорах и бакинском диалекте, встречается союзное слово *hачан*: муган. *Ова hачан кетсен, мѣ дѣ де* 'Когда пойдешь на охоту, и мне скажи' [ГМГ 1955, 161]. В бакинском диалекте встречается и союзное слово *hачах*: *гыздырмақаләду, о вах сәр-пәсаиби данышаду* [Ширалиев 1957, 151] 'Когда поднимается жар, тогда и разговаривают невпопад (сбивчиво)'.⁶

качан ким (*hар качан ким*): тат. (мишар. диал.) *Вѣт бѣр йѣлдан сѣн качан кѣм киләдәр иниспѣктѣр, иниспѣктѣр килѣп сѣранша, ни сѣбэллѣ бала-лар йѣрѣми* 'Вот через год, когда приезжает инспектор, инспектор, придя, спрашивает, почему дети не ходят' [Шакирова 1949, 139]; Мухаббат-наме: *Качан ким шахсән қамгінә раҳм эт әгәр султан әсән мәскінә раҳм эт* 'Если ты шах, будь милосерден к мученику. Если султан, будь милосерден к бедному' [Щербак 1959, 141, 160]; Среднеазиатский тефсир: *Ајдї көрүкї үрүң качан ким қилдї әрсә от* 'Сказал: раздувай меха, пока не сделается огонь' [Боровков 1963, 186].

В гагаузском языке общетюркскому *качан* соответствует этимологически родственное *ачан*: *Даа гүн дуумамыш ачан фистан шансора хазырмыш* (Буджактан 128) 'Солнце еще не взошло, когда платье было уже готово'; *Нечин, ачан сувату верди сана шарап, сән бирдән хызландын филжана?* (Карачобан, 5) 'Почему, когда сват дал тебе вино, ты вдруг бросил стакан?'; *Ачан көпекләр ислә параламышлар зенгини копармышлар онун балдарларыны, зенгин сормуш фыкара кафадарына* (Там же, 12) 'Когда собачки хорошенько покусали богатого, похватали его за икры ног, богатый спросил у бедного товарища'.

В азербайджанском языке союзное слово *hачан* может сопровождаться усилительным *ки*: *hачан ки кэндлинин кин-бигини башлајыр, неч кәси евдә тапа билмәзсән* 'Когда начинается страдная пора, у крестьянина никого не найдешь дома' [Абдуллаев 1963, 96]. В среднеазиатском тефсире XII–XIII в. союзное слово *качан* нередко сопровождается усилительным *ким*: *Ајдї көрүкї үрүң качан ким қилдї әрсә от* 'Сказал: раздувай меха, пока не сделается огонь' [Боровков 1963, 186].

В чувашском языке придаточные предложения места может вводить союзное слово *каҫтан*, которому в главном соответствует *унтан* 'откуда ... оттуда': *Ҫип каҫтан ҫинсе, унтан татӑлтӑ, теҫсӗ* 'Нитка рвется на тонком месте' [Ашмарин 1903, 403] (букв. 'Нитка откуда тонкая, оттуда рвется, говорит').

ки — союз, вводящий самые разнообразны́е типы придаточных предложений. Дает довольно устойчивую синтаксическую конструкцию со значительным ареалом своего распространения⁶. Вводит следующие предложения.

1. Придаточные предложения-подлежащие: аз. *Тәсадуфи дејилди ки,*

⁶ Конструкции с союзом *ки* встречаются в тюркских памятниках, в которых преобладают элементы языков восточных и западных тюркских племен. Союз *ки* зарегистрирован в памятнике "Деде Коркуд", в котором значительно количество южнотюркских элементов, памятнике X в. "Золотой блеск", материалах чагатайского языка. Мы фиксируем его употребление в азербайджанском, гагаузском, турецком, крымскотатарском, туркменском языках. В татарском языке *ки* употребляется, по наблюдениям М. Закиева, в XV–XVII вв. Массовое его бытование намечается с памятников XVI в. [см. Закиев 1963, 323].

адына бир ләләш дә алава едәрәк Кәләнтәр ләләш чагырырдылар (Ибрагимов 1966, 26) 'Было не случайно, что к его имени добавляли ләләш (льстец) и звали его Келентер-лелеш'; *Яхшы ки, бу фикир башыма жәлиб* (разг.) 'Хорошо, что эта мысль пришла мне в голову'; гаг. *Бу бетерә ләзым ки үреджиләр, журналистлар, йазыжылар систематик тутунсуннар топламаа бизим гагауз халкымызын о камил поэтик зенгиниклерини* (Буджактан, 8) 'Поэтому необходимо, чтобы педагоги, журналисты, писатели систематически собирали лучшие поэтические произведения нашего гагаузского народа'; тат. *Шул вакытта минем исемә төште ки, минем сурәтләр төшергән бер кечкенәрәк китабым бар иде* 'Тогда я вспомнил, что у меня была маленькая книга с рисунками' [Закиев, 1963, 323]; тур. *Belli ki onun бүtiin ҫocukluғи bilmez tükenmez bir hasretle geҫmiş* (Sabahattin 1966, 61) 'Известно, что все его детство прошло в нескончаемой тоске'; узб. *Бироқ, афсуски, болалигимда қилинган операциянинг таъсири билан беи йиллик турмушимиз ёлғизликда ўтди* (Чашмалар, 88) 'Однако жаль, что из-за операции, сделанной мне в детстве, пять лет нашей жизни прошли в одиночестве'.

2. Придаточные предложения сказуемостные: аз. *Биринчи нәсихәтим будур ки, озундән бөйүк адамын сөзүнә бах, нә деса гулаг ас* (разг.) 'Первый мой совет таков, чтобы ты слушался людей старше себя, слушал бы, что бы они ни сказали'; *Кәләнтәр јолдаш, мәним истајим одур ки, муәллим версин* (Ибрагимов, 1966, 32) 'Товарищ Келентер, моя просьба о том, чтобы дали учителя'; гаг. *Атеш өлә, ки йок нижә бакмаа* [Бабоглу 1962, 62] 'Огонь такой, что ничего не видно'; туркм. *Одың гуйҗи шейледи (ки) хатда Москва тарапдаки диварлары я-да пенҗрелере элиңи дегирмекде кынды* 'Сила огня была такова, что трудно было прикладывать руку к стенам или окнам со стороны Москвы' [Аннануров 1956, 124]; узб. *Сиздан илтимосим шуки, мандан сўнг ҳам уларни зигҳор хафа қилманг* (Чашмалар, 88) 'У меня к вам просьба такая, чтобы вы и после меня ни в коем случае их не огорчали' и т.д.

Сказуемое может стоять в форме повелительно-желательного наклонения: аз. *Фахрәддин кимдир ки, бу сүфрәйә этинасыз бахсын?!* (Ордубады, 17) 'Кто такой Фахраддин, чтобы без внимания относиться к этому столу?'; *Гәрарым бу олуб ки, сабадан бағчада ишләзсән* (Ибрагимов 1966, 12) 'Мое решение было таким, чтобы ты поработала завтра в саду'.

3. Придаточные определительные; характеризуются относительно свободным оформлением сказуемых главной и придаточной частей: аз. *Адам вар ки, адамларын нахшыдыр; адам вар ки, һејван ондан јахшыдыр* (Аталар сөзү, 7) 'Бывает человек, что краса людей, (а) бывает человек, что скотина лучше него'; *Ертәси кун халг јухудан ојананда бахыб корурләр ки, падшаһын евинин габагында бир ев тикилиб ки, падшаһын евиндән мин дәфә артыг* (АН, 62) 'На следующий день, когда народ пробудился ото сна, то посмотрел и увидел, что перед домом падишаха выстроен дом, который в тысячу раз больше дома падишаха'; гаг. *Чыкты поэтлар хем йазыжылар, анғылары мет едерләр гагаузларын енидән дуумасыны, оннарын бүүк истедиини ки олмаа фәйдалы севимни Ватынамыза* (Буджактан, 4) 'Появились поэты и писатели, которые прославляют возрождение гагаузов, их великие желания, которые идут на пользу нашей любимой Родине'; тат. *Деньяда куп кешеләр бар ки, үткен вә гакыллы кешеләрдән куркып,*

уз тирэлзрендэ кубрэк ахмакларны йөртэлэр 'Есть на свете много людей, которые, боясь умных и проникательных людей, окружают себя дураками' [Закиев 1963, 311]; узб. *Ҳар тошларки, одамнинг ваҳми келади* (Аҳмад, 54) 'Каждый такой камень, который приводит в ужас человека'; тур. *Ben bir yolcuym ki, develerimin yanında sallanan tulumlar içinde bir damla su kalmadı* 'Я путник, у которого в бурдюках, что качаются на боках моих верблюдов, не осталось ни капли воды' [Кононов 1956, 545]; памятник турецкого языка:

جانەنیه بش جانی جو خدر که روان ایترم
که جانانه عشقم بن
جانوم بنوم اولدر (Burhanettin) 'У красавицы много душ, которые я обошел, моя душа та, которую я наполнил любовью к красавице';
تاریخ صولاق زاده بو دیارده
قیناق دینلن بر قبیلله واردر که یگرمی بیک قدر کلیرلر
[Смирнов 1903] 'В той стране было племя, называемое кайтаками, которых около 20 тысяч'; туркм. *Вагт болар ки, бир ел дүшер сериме* (Махтумкули, 18) 'Бывает время, когда ветер становится прохладным'.

Подлежащее придаточного определительного предложения может быть снабжено аффиксами принадлежности, конкретизирующими подчинительный характер отношений: аз. *Таһирин бир гардашлығы варды ки, ады Ханлархан иди* (АХД, 7) 'У Тахира был брат, которого звали Ханлархан'. В современном азербайджанском языке такие придаточные определительные образуют с главным изафетную конструкцию: *һәр кәсин ки, бағы вар, урайиндә дағы вар* (посл.) (Аталар сезу, 57) 'У каждого, у кого есть сад, есть на сердце груз'.

Повторение определяемого служит для его логического выделения: *Бир вәзифәјә ки, һәр тини буруланда бир адам тәјин едиләчах, аглы олан о вәзифәјә кетмәз!* 'На такую должность, на которую при каждом повороте будет назначаться новый человек, здравомыслящий не пойдет' [Абдуллаев 1963, 83].

Характерно, что союз *ки* в определительных предложениях, как правило, употребляется при конкретизации определяемого, при сообщении дополнительных его свойств и различных характеристик: аз. *Амма о шеј ки, тәквә мәнә аиддир, мән биләрәм* (Ибраһимов 1966, 12) 'Однако то, что относится именно ко мне, я знаю'; *Инди сәнә елә бир су верим ки, дунјада һеч бир пәһләванын жүчу сәнә чатмасын* (АН, 20) 'Теперь я тебе дам такую воду, что никакая богатырская сила в мире не одолеет тебя'; ктат. *Allaça şukur, benim хызметім ејле хызмет ки, işке бармақ керек олмај* (ЕХ, 18) 'Слава богу, моя служба такая служба, что на работу ходить не нужно'; тур. *Ve öyle şeyler çalıyordu ki adaşım, onlar anlatmağa bizim kullandığımız kelimele rin takatı yoktur* (Sabahattin 1966, 65) 'И он играл такие произведения, что, о мой тезка, невозможно на словах рассказать о них'; туркм. *Шейле тупан болды ки, гөйз хазрат Нухын тупаны дек, кеп адамлар деряның ичинде ва якасында халәк болдылар* 'Такая сделалась буря, что, как будто при Ноевом потопе, много людей в реке и на ее берегу погибло' [Поцелуевский 1943, 79]; узб. *Шундай кунлар бўлганки, Алишер майда харжлари учун ҳам тангасиз қолган* (Ойбек, 21) 'Бывали такие дни, что Алишер оставался дома без копейки на мелкие расходы'; *Бу қандай одам эканки, ўз мулкни, ўзининг мулкнини ўртага солади!* (Каҳҳор, 11) 'Что это за человек, который свое имущество, собственное добро раздал!'; Золотой блеск:

Oqysar, m(ä)n ol bitig içintä ol kün ki bi ziñ ađ ta ölürgüci – ud, qojyn toñuz bađlar tynl(y)γ lar nuñ sav u turur 'После прочтения (я увидел), что в грамоте заключалась жалоба (букв.: слова) животных, (убитых) в тот день (нашего свадебного пира), начиная с быков, овец и свиней, и что я их убийца' [Малов 1951, 154, 158].

Придаточное определительное образует с главным изафетную конструкцию: аз. *Сөз йох, о кәсин ки, бу әһвалатдан хәбәри йохдур, мәним сөзүмә инанмаҗағ* (МН, 12) 'Безусловно, тот, кто не осведомлен об этом событии, не поверит моим словам'; *Кимин ки, аглы вар, бир гајдада јашар* (Ибраһимов 1966, 11) 'Тот, у кого есть ум, живет согласно правилу (определенному порядку)'.

В тюркских языках, помимо самостоятельного употребления местоимений, в главном предложении распространено анафорическое употребление местоимений в придаточной части. Анафорические местоимения, сопровождаемая союз *ки* и принимая любое падежное оформление, служат грамматической конкретизации высказываемого, уточняют семантику союза *ки*: аз. *Нәјә лазымдыр о вәзифә ки, она чатан инсанлығыны итирәчәк?* (Ибраһимов 1966, 45) 'Зачем нужна такая должность, достигая которую, человек теряет человечность?'; *Нәјә лазымдыр о һәјат тәүрубәси ки, онун баһасы инсаны һәмшиә чаван сахлајан дузлују вә хош хәјаллары итирмәк һесабына баша кәләчәк?* (Там же) 'К чему жизненный опыт, если будет утрачена прямота южного человека, его добрые мечтания'; *Сонра калиб чыхыб о јерә ки, орада јанышыблар јахасындан* (Там же, 11) 'Затем он попал в такое место, где его схватили за шиворот'; ктат. *O, ejle bir ev ki, anda her şey xususında laqırdь ola* (ЕХ, 17) 'Это такой дом, в котором по каждому поводу (о каждой вещи) бывают споры'; узб. *Биз шул тойфаданмизки, улар илм учун чекилган ҳарқандай машаққат ва махрумиятни ҳаётнинг улуг ни'мати деб билурлар* (Ойбек, 60) 'Мы из такой породы, представители которой всякого рода трудности и лишения ради науки признают за великое благо жизни'.

4. Придаточные предложения дополнительные: аз. *Юхуда керурәм ки, сәрин бир булаг башындаям* (Меһ ди 1954, 364) 'Вижу я во сне, что нахожусь у прохладного источника'; *Дејирдиләр ки, әһ валлы адамдыр* (Ибраһимов 1966, 29) 'Говорили, что он состоятельный человек'; *Бил ки, бутун дуня сәнин оламағ* (Мәһ сәти, 37) 'Знай, что весь мир будет твой'; гаг. *Gördü ki jenilecek* 'Он увидел, что он будет побежден' [Дмитриев 1939, 18]; тат. *Мин ышанам ки, сез, Миңнулла агай, ачу сакламассыз* 'Я верю, что вы, дядя Миңнулла, не будете таить злобу' [Закиев 1963, 323]; тур. *Sanırdım ki, kilârneti çalarken havayı ciğerlerinden değil, doğrudan doğruya yüreğinden veriyor* 'Я думал, что, когда он играл на кларнете, звуки исходили не из легких, а прямо из самого сердца'; *Korkuyorum ki vakit az kaldı* (Sabahattin 1966, 88) 'Я боюсь, что осталось мало времени'; узб. *Мен билдимки, сиз келган эдингиз* 'Я знал, что вы уже приехали'; уйг. *Bizgә mälum ki Sin-Çan Hindustan bolan soda älaqisini gilidu* 'Нам известно, что Синь-цзян с Индией ведет торговлю' [Насилов 1940, 141]; Родословная туркмен: *Сувның јакасында көрдүм лі бір шақал бір кыргавулны алды* 'На берегу реки я увидел, что шакал поймал фазана' [Кононов 1958, 172].

При сказуемом в главном предложении, выраженном глаголом желания или внутреннего состояния, сказуемое придаточного дополнительного мо-

жет стоять в формах косвенных наклонений (повелительного, желательного); ср. аз. *Ахы ким истәмәз ки, дөшүндә орден парласын?* (Ибраһимов 1966, 11) 'Ведь кто не хочет, чтобы у него на груди орден сверкал?'; *Хошуна кәлир ки, онунла һасаблашсынлар* (Там же, 29) 'Ему нравится, что они с ним рассчитываются'; *Падшаһ әмр верди ки, ат кәлсин* (АН, 26) 'Падшах приказал, чтобы явился конь'; гаг. *О дува едәрки, ки Олак истри чыкармасын файтону куйудан да гидәмәсин пласа касабасына* (Карачобан, 13) 'Он молился, чтобы Олак Петри не мог вытащить фэтон из ямы и не поехал в предместье'; *Евин саабиси истәрди, ки дүүн олсун ислә* (Там же, 34) 'Хозяин дома хотел, чтобы свадьба была хорошей'; *Ленин истеди ки, хепси, ким ишлеер, йашасыннар ии* (Танасоглу, 102) 'Ленин хотел, чтобы все, кто работает, хорошо жили'; тат. *Ләкин куңелем сизәдер ки, мин бу эшкә ярамыйм* 'Но мое сердце чувствует — я не гоюсь для этого' [Каримова 1954, 13]; тур. *Isterdi ki giyinsin, kuşansun, yesin, içsin* 'Она хотела, чтобы он одевался, ел, пил' [Кононов 1956, 545]; Деде Коркуд: *diledi ki oğlan heläk kıla-y-idi* (Ergin 1963, 482) 'Он пожелал, чтобы парня убили'.

Придаточные дополнительные предложения могут раскрывать содержание соотносительных слов, являющихся дополнением в главном предложении: аз *Мән ону дејирәм ки, нијә бу башдан Маја бағынын урәјини хофла долдурурсан* (Ибраһимов 1966, 66) 'Я говорю о том, почему ты с самого начала вселяешь страх в сердце Майи-баджи'; тур. *Size şunu hatırlatmak zorundayım ki, Lady Byron, bal gibi karı-kocayız artık* (Cumhuriyet 1967, 3 Aḡalık) 'Мне трудно вам напоминать о том, что мы больше не супруги медового периода (месяца)'; узб. *Алишер, буни яхши биламизки, болалик йилларда икки тилда бадиалар ижод килиб, "Зиллисонайн" лақаби блан шуҳрат топдилар* (Ойбек, 19) 'Мы хорошо знаем, что в детские годы Алишер создавал художественные произведения на двух языках и прославился под именем Двужычный'; уйг. *Шуни билиңки, Реханбуви, сизкә охшаш муәллимә, комсомолкига ишәнмәскә асасимизму, һәққимизму йоқ* (Босақов, 51) 'Реханбуви, ты знай о том, что к учительнице, подобной вам, комсомолке, у нас нет оснований проявлять недоверие'; документы на половецком языке XVI в.: *Анынг учун урдум ки сун манга мунунг кибик сөзләр ајт(т)инг* 'Только за то ударил, что ты мне подобные слова сказал' (ДП 1967, 130, 239).

В придаточных дополнительных предложениях, вводимых союзом *ки*, глагол речи (или другого лексико-семантического разряда) может элиминироваться. Ср. аз. *Бир дәфә кәлир атамын јанына ки, бәс, Молла Заман, башына дөнум, көмәк елә* 'Однажды приходит к моему отцу, (говорит), мол, Молла Заман, родненький, помоги' [Абдуллаев 1963, 89]; тур. *Jerli Kars ağızı: Gözünü açdı ki gendi evünde yatahta yatır* (Caferoğlu, 162) 'Открыл глаза и (видит), что лежит он в постели в своем доме'.

Придаточные дополнительные предложения могут представлять собой прямое высказывание, в морфологическом отношении свободное от высказывания, заключенного в авторской речи. Такие случаи довольно многочисленны в старых памятниках (ср. материалы азербайджанского, турецкого языков), а также в современных языках, образуя устойчивую синтаксическую модель (*ки* выполняет роль кавычек). Ср. аз. *Уч кун әввал дејир ки, ана, Бакыја мушавирәјә кедирәм, механизаторларын мушавирәминә* (Ибраһимов 1966, 55) 'Три дня назад он

говорит: — Мама, я еду на совещание в Баку, на совещание механизаторов'; бакин. диал. *Зинданда да бир нечә нәфәр адам уннан хәбәр алылар ки, сәнун нә тәхсурун вар ки, сәни дә кәтириб салыблар бу зиндана?* [Ширалиев 1957, 147] 'Несколько человек в тюрьме его спрашивают: — "Какая у тебя вина, что тебя посадили в эту тюрьму?"; сальян. диал. *Сәнә димйшәм ки, ағыллы ол!* 'Я тебе говорил: — Будь благоразумен!' [Рамазанов 1955, 258]; гаг. *да она гелмиш бир дүүн дәмшики: "бән гидејим да долашајым сүреклерми"* [Мошков 1904, 54] 'И пришел он к нему однажды и сказал: — Я пойду попасу свой стада'; кирг. *Мында туруп хатын айтат ки, менин эримдин тарбиясы ушундай* ' (Тогда) женщина говорит: — Воспитание моего мужа таково' [Сартбаев 1953, 37]; тур. *Molla Nesredin deyir ki: hoş geldin* (Caferoğlu, 130) 'Молла Насреддин говорит: — Добро пожаловать'; *Дәјир ки: Сениң евиң уһдун* (Там же, 4) 'Он говорит: — Твой дом пусть разрушается'; узб. *Вазир айтдики, сиз бу мевани емай туринг* 'Визирь сказал: — Не ешьте этих плодов' (Кононов 1960, 330); уйг. *Säidillä Axun qaziniң oqliq a aјttiki, mән sizgә bir misre sezni dajmәn* 'Сандулла Ахун сказал сыну судьи: — Я загадаю тебе загадку' [Боровков 1935, 191]; ср. также памятники азербайджанской письменности XVI в.:

خطاب کلدی که آنی آرتوقراق سیورسن یا اوزونک و آنونک
فرزندلاری آرتوقراق سیورسن یا اوز فرزندلارونک ایبرایم
دیدي آنی اوزومدن چوقراق سیورم

(Шуһ әданама) 'Спросили: — Ты его любишь или себя, и любишь ты больше его детей или своих? Ибрагим сказал: — Его я люблю больше себя'; *دیدي خبر ویرهیم سزه که خال و خاله جهندن کیمدر اشرف* (Физули, 1924) 'Он сказал: — Сообщу вам, кто он со стороны дяди и тети'; турецкий памятник: *قرق وزیرلرک حکایتلری اوغلان انی* [Смирнов 1903] 'Увидев его, парень начал (что): — О мастер, я кое-что видел'; документы на половецком языке XVI в.: *Keidi ivan slucakaly pan јурко војтнунг алына да gile et(t)i попко-оглунунг устина ки борчлу дур манга 70 sh ол ајт(т)ікі пане војте борчлу едім јохса толадым да таныхым да бар да зволітца болдулар* 'Перед паном-войтом Юрко предстал Иван из Слуцка и заявил на Попко-оглу (что): — Пан-войт, я был должен, но заплатил их и имею свидетеля' (ДП, 123, 231).

5. Придаточные предложения цели. Сказуемое стоит обычно в форме повелительного или желательного наклонения; в структурном отношении придаточное предложение оформлено в виде прямой речи. Ср. аз. *бир кәгыз вердиләр элимә ки, кедим Большой Морской кучәдә 13 номрали һокумәт анбарындан бу шейләри алым апарым* (Сөз йох пулсуз): *ики шкаф ... ики курсу...* (МН, 284) 'Дали мне на руки бумагу, чтобы я пошел и на Большой Морской улице, дом № 13, из государственного склада взял эти вещи (безусловно, без денег): два шкафа ... два кресла ...'; бакин. диал. *Куннәрин бир куну шәрдән чыхыб жәдәтди ки, өзунә бир парча чәрәк газансун* [Ширалиев 1957, 152] 'Однажды он вышел из города и отправился, чтобы заработать кусок хлеба'; гаг. *Олак Петри доорулмушту иласа касабасына, ки орада соксун боклаа Михун Ганиш да елә алыш онун ислә, берекетли топрааны* (Карачобан, 13) 'Олак Петри направлял-

ся в предместье, чтобы подстроить неприятность Михун Гани и забрать у него хорошую, урожайную землю»; тур. *Varur Çanakkale durmadi ki, çi kaum* 'Пароход в Дарданеллах не остановился, чтобы мне можно было сойти (на берег)' [Кононов 1956, 545].

6. Придаточные предложения времени, вводимые союзом *ки* и передающие действие, во время которого происходит действие главного предложения. Ср. аз. (муган. гов.) *Биз ушаг идиқ ки душдук Ленкорана* [ГМГ 1955, 160] 'Мы были детьми, когда попали в Ленкорань'; *بو سوزده ايديلار كه ساروان باشي كلدی* (Шуһаданама) 'Они говорили об этом, когда пришел Сарван-баша'.

Придаточные предложения времени, вводимые союзом *ки*, уточняют и раскрывают временное содержание главных предложений: аз. *О, ики кун иди ки, көһнә дуканчы бир достунун эвиндә яшайыр* (Мех ди 1954, 67) 'Прошло уже два дня, как он, старый лавочник, живет в доме одного своего друга'; *Бу неча кундур ки, сәндән айрыям* (Вагиф, 17) 'Вот уже несколько дней, как я разлучен с тобой'; узб. *Бугун қирқ кундирки, ҳали ҳам қизга бир оғиз гап айтганим йўқ* (ҮЭ, 121) 'Сегодня уже около сорока дней, как я не промолвил ни слова девушке'.

В главном предложении возможны соотносительные слова с временным значением: ср. аз. *Мәнә о вахт газетчи дедиләр ки, мән Садыг илә мусаһиблик башладым* (МН, 10) 'Меня тогда назвали газетчиком, когда я начал вводить компанию с Садыком'; *Бу о заман иди ки, Рәсул атасы Әһмәдин гырхыны верирди* (АХД, 52) 'Это было тогда, когда отец Расула проводил сорочины у Ахмета'; тур. *Sen o vakit dünyada değildin ki, babanın yaşını bilesin* (Nasreddin 12) 'Тебя еще тогда не было на свете, чтобы тебе знать возраст твоего отца'.

Союз *ки* может сопровождаться и анафорическими местоимениями, конкретизирующими его содержание: тат. *Башка халыкта ничектер, бездә бер ел утми ки, анда бер-бер терле яңа кей чыкмасын* 'Не знаю, как у других народов, но у нас не проходит и года, как появляется новая песня' [Закиев 1963, 323].

7. Придаточные предложения (слабо представленные в памятниках), подчинение которых главному осуществляется при помощи союза *ки* и отрицательной формы глагола главного предложения. Ср. аз. *Он дәгигә кечмәмишди ки, балача ушаг бир бейук шүшә долусу гырмызы сиркәни кәтириб гойду столун үстә* (МН, 361) 'Не прошло и десяти минут, как маленький ребенок принес полную большую бутылку красного уксуса и поставил на стол'; *Бир аз кечмәди ки, бир чобан чыхды* (АН, 37) 'Прошло немного времени, как пастух вошел'; *һалә ичәри жирмәмишди ки, Ханы Зәһрәнин сөзләрини она чатдыр-ды* (АХД, 10) 'Он еще не вошел, а она уже о словах Ханы Зәхты донесла ему'; тур. *Daha iki satır yazmamıştım ki, başka bir koğuş arkadaş geldi* (Nesin 1962, 47) 'Я еще и двух строк не написал, как пришел другой мой ссыльный товарищ'.

В такого типа сложном предложении могут использоваться и лексические средства (например, слово *бирдән*)⁷, которые вместе с союзом *ки*

выражают подчинительный характер отношений. Ср. аз. *Шамил нә исә демәк иштәйрди ки, бирдән Левин корунду* 'Шамил хотел что-то сказать, как вдруг показался Левин'; тур. *Artık nasıl candan ciğerden bağırmuşum ki, salonda birden ses kesildi* (Nesin 1962, 8) 'Наконец, я так закричал в сердцах, что в зале голоса прекратились'.

8. Придаточные предложения образа действия. Одним из грамматических средств, указывающих на отдельные разновидности этого типа придаточных предложений (образ действия, мера и степень действия, сравнение действия и др.), являются соотносительные слова в главном предложении. Ср. аз. *Рустам илк муваффақијәтдән о гәдәр севинмиш, өзүнә о гәдәр архајын олмушду ки, Сәкинәнин дедикләрини баша душмүрдү* (Ибраһимов 1966, 11) 'Рустам после первой удачи так обрадовался, как самоуспокоился, что не понял, что говорила Сакине'; *Кечал фалагга-чубугујан Таһирин ајагына о гәдәр вурду ки, ајагынын алты габыгдан чыхды* (АХД, 8) 'Плешивый по ноге Тахира так ударил палкой-плеткой, что с подошвы ног у того слезла кожа'; гаг. *Биз дүзелттик йолу өлә, ки (ани) гечән машиналар сарсмасын* [Бабоглу 1962, 63] 'Мы построили дорогу так, чтобы проходящие машины не ломались'; ктат. *کوبهک قاشقیرا اویله بیر زیافت ویردی که تویله ری هوایا اوچما غا باشلادی* 'Собака так угостила волка, что шерсть его начала летать в воздухе' [Самойлович 1916]; тат. *Тагы да аны һәр вакыт башка балалыр белән уйнаганда сынара кирәк, ләкин шул рәвешчә ки, ул синең караганыңны сизмәсен* 'Еще ее нужно испытать, когда она играет с другими детьми, но таким образом, чтобы она не заметила, что за ней следят' [Закиев 1963, 315]; *Бу вакытта Ләйлә шул кадәр матур иде ки, аң бетен кешенең исе китә иде* 'В это время Лайля была так прекрасна, что все люди удивлялись ее красоте' [Там же, 314]; тур. *Ve bu iskelet bize o kadar yakındır ki, ondan korkmak için ancak bir insan kadar kör ve düşüncelessiz olmalıdır* (Sabahattin 1966, 93) 'И тот скелет нам настолько привычен, что бояться его может только темный, безрассудный человек'; *Artık ne kadar şaşırılmışım ki elimdeki avizeyi karına gösterip, — Hiç merak etme, dedim* (Nesin 1962, 12) 'Наконец, я настолько растерялся, что, указав жене моей на люстру в моих руках, сказал: — Не обращай внимания'; туркм. *Уч гүнде ол гадар лешгер жем болды ки, хасаба гирени саны тогсан ики муңе етди* 'В три дня собралось столько войска, что численность попавших достигла девяноста двух тысяч' [Поцелуевский 1943, 79]; узб. *У эстрада қўшиқларини шу қрдар дилбарона айтдики, унинг санғатига маҳлиё бўлиб ўзимни шу кичик уйда эмас кенг концерт залида утиргандек ҳис этдим* (Чашмалар, 12) 'Она так пленительно пела эстрадные песни, что я, будучи очарованным ее искусством, чувствовал себя (так), будто я сижу не в том маленьком доме, а в просторном концертном зале'; *У ҳатто шу даража дангаса эканки, кунга чиқиб ўтиришни ҳам хушламас экан* (ҮЭ, 23) 'Впрочем, он до такой степени, оказывается, ленив, что не любит сидеть под солнцем (на солнцепеке)'; *Шунчалик тез кетдимки ҳеч ким олдимга ута олмади* (Чашмалар, 119) 'Я так быстро пошел вперед, что никто не мог меня обогнать'; уйг. *У ез адамлириниң арисидә сөзлигәндә шундақ чапан созлаттики, униң аллида олтарған адамниң узлиригә түкүрүкләр чечирап туратти* (Босақов, 40) 'Когда от говорил среди своих людей, он говорил так быстро, что до

⁷ По-видимому, использование структурно-лексических соответствий для выражения временного соотношения действий происходит иногда под воздействием других языков. Данный структурный тип мог развиваться под влиянием европейских языков.

лиц сидящих перед ним людей долетали брызги'; *Мошу тапта Манап униңа шу қәдәр жиркинчилик көрундики, һәтта униң узига қаригидәк тақити қалмиди* (Там же, 54) 'В это мгновение Манап ему показался настолько отвратительным, что у него даже не было сил посмотреть ему в лицо'; *Кейнанисиниң алаһидә аһаң билән ейтқан бу сезлири Гулсумни шунчилик титиритивәттики, у есаңгирәп қалди* (Тохтәмов, 5) 'Эти слова, сказанные свекровью с особой интонацией, так потрясли Гюльсум, что у нее помутился рассудок'.

9. Придаточные предложения причины, следствия и цели: аз. *Фермаја нә верирсан ки, нә истәјәсэн!* (Ибраһимов 1966, 5) 'Что ты даешь ферме, чтобы что-то для себя требовать'; *Мәним әзизим, нә олуб ки, белә ағлаја-ағлаја охујурсан?* (АХД, 71) 'Мой дорогой, что случилось, что ты так причитаешь?'; *Барадарим, Әрәбистанда черәк олмаз ки, черәйә бир ад гоғлар* (МН, 9) 'Братец, ведь у арабов нет чурека, чтобы давать ему название'. Тип придаточного предложения причины определяется соотносительным словом в главном предложении. Ср. аз. *Мән Бакыны она җерә севирәм ки, бурада ушағлығымдан јашајырам* (разг.) 'Я люблю Баку потому, что с детства живу здесь'.

10. Придаточные предложения условные и уступительные: аз. *Бура ки калдин һәр шеји банармалысан* 'Раз пришла ты сюда, (то) все должна уметь (делать)' [Абдуллаев 1963, 118]; *Әзүмү елдүрәрәм ки, ону јаман ишә гојмарам* 'Хоть убью себя, а не допущу его до дурного дела' [Там же, 124]; тат. (диал.)⁸ *Йырак качтың ки, әзләм ки* 'Если спрятался очень далеко, не буду искать'; *Йел булмады ки, бик йылы* 'Если ветра нет, очень тепло' [Закиев 1963, 323]; тур. *Fakat ne uyaruyun ki azat edecek ne kölem var ne de cariyem* 'Но что я поделаю, если у меня нет ни раба, ни невольницы, которых можно было бы освободить' [Кононов 1956, 546]; узб. *Нима қилсинки, енида қора чақа йўқ* (Ойбек, 22) 'Что ему делать, если у него нет денег'.

11. Придаточные предложения места, в которых союз *ки* обычно предполагает в главном соотносительное слово *ерда*. Ср. аз. *О јердә ки, бејүә һермәт олмады, орда иш җетмәз* 'Где нет уважения к старшему, там дело не пойдет (на лад)' [Абдуллаев 1963, 99].

12. *ки* выполняет чисто присоединительную роль: аз. *Арвад, елә еләма ки, җедим Теллини җәтирим, тој тәдарукуну тапшырым она* (Ибраһимов 1966, 21) 'Жена, так не делай, а то я пойду приведу Телли и поручу ему организацию свадьбы'; узб. *Хуросонда бир давр яратмоқ лозимки, — деди Навоий шавқланиб, — ўза халқлар ибрат олабилсинлар* (Ойбек, 38) 'В Хорасане нужно создать такую обстановку, — сказал Навои с воодушевлением, — которая послужила бы примером для других народов'; документы на половецком языке XVI в.: *Keldi demjan pan јурко војтнунг алына харт ромашко тугал-беј саркіс тамғачи царуг һарбет алына да ет(т) і кенді ерина моцны пан јурко војтну да запісні да берді јурконунг холоуна кі хачан хоцтег-оғлу ағоп келса на біттїргәј пан војт јурко заіс біла нечік запіста туруп тур созсуз бу дур* 'Перед паном-войтом Юрко, хартом Ромашко, Тугал-беем, Саркисом Тамгаджи, Царугом (и) Харбетом предстал Демьян и уполномочил вместо себя пана-войта Юрко и передал в руки

⁸ В говоре Нукрат-Киегим среднего диалекта [см. Бурганова 1953].

Юрко записку. Когда придет Ағоп Хоцтег-оғлу, то пан-войт Юрко непременно поступит с той бумагой так, как в ней сказано' (ДП, 132, 241).

Как мы видели, *ки* дает довольно устойчивую синтаксическую конструкцию, не ограничиваясь ареалом тюркских языков юго-западной группы. Чем дальше в глубь истории, тем шире круг его распространения. Конструкции с *ки* встречаются в тюркских памятниках, в которых преобладают элементы языков восточных и западных тюркских племен.

Прежде всего союз *ки* — одно из стандартных средств введения придаточных предложений во всех дошедших до нас памятниках азербайджанского языка (начиная с XIV в.). Эти же конструкции зарегистрированы и в памятниках турецкого языка (например, памятник XIV в. Бурханеддина). Союз *ки* является одним из основных средств введения придаточных предложений в языке астрабадской рукописи "Диван Махтум-кули"⁹. Конструкции с союзом *ки* встречаются в тюркском памятнике "Деде Коркуд", в котором имеется значительное количество южнотюркских элементов. Вместе с тем конструкции с *ки* можно обнаружить в памятнике уйгурского письма "Золотой блеск", чагатайском языке. среднеазиатском памятнике XV в. "Бабур-наме". Преимущественно с XVI в. конструкции с *ки* появляются в памятниках татарского языка — документах на половецком языке XVI в.

Если обратиться к современному состоянию тюркских языков, то можно заметить, что наиболее активно союз *ки* образует различные виды придаточных предложений в азербайджанском и турецком языках, в гораздо меньшей степени он распространен в туркменском, татарском, крымскотатарском, узбекском, уйгурском языках. В гагаузском он активно вытесняется синонимичным ему союзом *ани*. В башкирском языке его употребительность стилистически ограничивается отдельными видами придаточных предложений (преимущественно придаточными следствия).

В целом в тюркских языках отдельные виды придаточных предложений, вводимых союзом *ки*, развиваются неравномерно. Наибольшее развитие получают определительные, дополнительные, особенно придаточные предложения образа действия, т. е. те виды, которые, используя союз и развитую систему соотносительных слов, конкретнее передают нюансы подчинительных значений. Этим объясняется, в частности, то, что продуктивным становится тип придаточных предложений времени с уточняющим значением (ср. аз. *Он ики илдир ки, бир дәфә дә мә 'зунийәт алыб курорта җетмәмишәм* (разг.) 'Вот уже двенадцать лет, как я ни разу не брал отпуск и не ездил на курорт'.

В кумыкском языке встречается союз *ге* в аналогичной союзу *ки* синтаксической функции. Возможно, что оба союза находятся в этимологическом родстве. Ср. кум. *Ол недир ге юздурь бармагъы* 'Что это такое,

⁹ Ср. азербайджанский памятник: *کورديکه یوسف یعقوبله وداع* (Физули 1924) 'Она увидела, что Юсуф прощается с Якубом'; турецкий памятник: *تاریخ صولاق زاده بو دیارده قیتاق دنیلن بر قبيله واردر که یگرمی بین قدر کلیرلر* (Смирнов 1903) 'В этой стране было племя, называемое кайтаками, которых было около 20 тысяч'; чагатайск. *Ol ki tüşimni tapar irmiş qanī* [PhTF 1959, 156] 'Где тот, кто разгадал бы мои мысли?' и т.д.

что у него 100 пальцев? (загадка) [Дмитриев 1940, 193]; *Ол недир ге къангга ошар* 'Что это такое, что (само) похоже на кровь' [Там же]. В уйгурском языке (хотанском наречии) *ки* соответствует *ке*: *Хер ки и, ке шу гәддишнiң герисини тонуан адамгә, мен кызымни коилап бирәмән* 'Человеку, который угадает кожу бубна, я выдам свою дочь' [Малов 1954, 14, 17]. В диалектах азербайджанского языка можно встретить союз *ку/ку*, который, очевидно, также общего происхождения с *ки*. Ср. кировобад. *Ирбаһымын гызыны уч кунду ку, аддандыршымышых* [АД 1964, 23] 'Уже три дня, как мы обручили дочь Ирбахыма'. В диалектах турецкого языка встречается союз *çi*. Возможно, что это один из развивающихся фонетических вариантов союза *ки*. Ср. *Erzerum vilâyeti ağızı: Ahil dedi çi: Bülmir çi bu daş ne daş* (Caferoğlu, 183) 'Ахил сказал, что он не знает, что это за камень'.

ким — союзное слово, восходит к относительно-вопросительному местоимению. По своей универсальности его можно сравнить с союзом *ки*, который вводит аналогичные конструкции. Структура построения придаточных предложений с *ким* та же, что и придаточных предложений с союзом *ки*.

1. Придаточные предложения — подлежащие: аз. ¹⁰ *Ким жедир, десин язым* (разг.) 'Кто идет, пусть скажет, я запишу'; гаг. *Ким ишитти, башкасына да сөлейжек* [Бабоглу 1962, 61] 'Кто слышал, (тот) и другим расскажет'. Сказуемое придаточного-подлежащего может стоять в форме повелительного, желательного наклонений в том случае, когда сказуемое главного предложения выражено модальными словами 'необходимо, должно' и др. Ср. памятник азербайджанского языка XV в.: (Шуһаданамә) *ایمدی لازم اولدی کیم سنی انکا یتورايم* 'Сейчас стало необходимым, чтобы я тебя к нему доставил'.

Довольно часто в главном предложении присутствуют соотносительные слова, конкретизирующие содержание придаточного. Сказуемое в нем может быть в форме условного наклонения: кирг. *Кимде-ким Мырзабек Манаптын мүлкуне тийсе, ал эч сураксыз бийсиз эл Мырзабектен жаза алат* 'Кто тронет имущество Манана Мырзабека, тот без суда и следствия понесет наказание' (из сказки) [Скирдов 1962, 24]; кум. (кайтак. диал.) *Ким ишласа, ша ашар* 'Кто будет работать, тот и будет есть' [Керимов 1953, 13]; ст.-тат. *Кем яманлиг кыйлса, ул табкай жэза* 'Кто совершит преступление, тот найдет кару' [Закриев 1963, 316]; средн. диал. *Кем ишли, шул ашый* [Жәләй 1952, 224] 'Кто работает, тот ест'; тув. *Кым ажыл кылбайн-дыр, ол чем чивес* 'Кто не работает, тот не ест' [ТРСл. 1955, 719]; *Кым күзей-дир, ол чугаалазын* 'Пусть скажет тот, кто хочет' [Там же, 720]; чув. *Кам ёслемест, вәл сямест* 'Кто не работает, тот не ест' [Дмитриев 1955, 112]; *Кам шырать, вәл тупать, теҗеҗ* (Талвир 1952, 123) 'Кто ищет, тот найдет, говорят'; шор. *Кем канче иштепча, ол анчок алча* 'Кто сколько работает, тот столько и получает' [Дыренкова 1941, 301]; *Кем көп кыырча, ол көп пилча* 'Кто много читает, тот много знает' [Там же].

2. Придаточные предложения-сказуемые. В главном обычно присут-

¹⁰ В азербайджанском языке *ким* нередко сопровождается усилительным *ки*; ср. сальянск. диал. *Ким ки һәкймә гулаә асмады, о һәммәшә нахош олар* 'Кто не послушался врача, тот всегда будет больным' [Рамазанов 1955, 285]; бакин. диал. *Ким ки, јухудан теҗ дуру, о саләмәт олу* [Ширалиев 1957, 149] 'Кто рано встает, тот бывает здоров'.

ствуют соотносительные слова: аз. *Кей мынмыг кымдәдир, мәним истәк-лим одур* 'У кого голубая бисерина, тот милый мой' [Абдуллаев 1963, 79]; *Хәялымда будур ким, болмушам аләмдә бир хилгәт* (Физули 1944, 37) 'Я мечтаю о том, чтобы найти в мире создание'; гаг. *Биз оннарыз, кими бүктүләр, ама кырамадылар* [Бабоглу 1962, 62] 'Мы те, кого они согнули, но не сломали'; туркм. *Ол недир ким төрт янында йузи бар? Ол недир ким сынасында гәзи бар?* (Махтумкули) 'Что это, что с четырех сторон у него лицо? Что это, что на груди глаза есть?'; Среднеазиатский тефсир: *Биз ол миз ким мiрас алурмiз* 'Мы те, которые получают наследство' [Боровков 1963, 100]; *Анлар ким болурлар уш тiмаһлар iчиндә ағiрлан-мишладiн* 'Они (те), которые будут из чтимых в райских садах' [Там же, 38]; Памятник Калила и Димна: *Маһлаһат бiдур ким биз қатмумуз арстануң қатындә варатум* [Zajaczkowski 1934, 38] 'Совет таков, чтобы мы все отправились ко льву'; Мухаббат-наме: *Аниң ким ал әңиндә мән жараттi боји* *бiплә сачинi тәң жараттi* 'Он тот, кто создал на алой щеке родинку. Тот, кто во всю длину тела вырастил волосы' [Щербак 1959, 128]; *Бүзүн миң јан билә ким ким көңүлни сәһә бәрмәс тәниндә јан јок ај јан!* 'Сегодня тот, кто с тысячью душ сердце тебе не отдаст, в теле не имеет души, о милая!' [Там же, 137, 158].

3. Придаточные предложения определительные: (Хәтаи 1966, 65) *حسن رخسارنگ کيم اولدی جان و دل حيران انکا* 'Красотой личика твоего, что стало душой, восхищено сердце'; *کيم یوقدر بکا درمان* (Физули, 1924) 'Ты знаешь, что я попал в такую беду, от которой нет спасения'; кум. *Адам бар ким адамланы нахшыдыр, адам бар ким гәйиван ондан яхшыдыр* 'Бывает такой человек, который — украшение людей, (а) бывает и такой человек, что скотина лучше его' (посл.) [Дмитриев 1940, 192]; Среднеазиатский тефсир: *Шәрәфдi улуа ким бiр јатгiм адалу јiнджү булур* 'Велика слава того, кто найдет сиротой именуемый жемчуг' [Боровков 1963, 39]; История пророков Рабгузия XIV в.: *قومونگا بو فاجشه ايش لارنى کيم قيلورسيز عالمدا هيچ کيم مونداغ قيلمادی* 'Таких развратных дел, какие вы творите, в мире никто не делал' [Малов 1951, 327, 335].

В главном предложении возможны соотносительные слова: узб. *Форси аш'орда "Фоний" туркий аш'орда "Навоий" тахаллус қўллаган бу бола сўз денгизидан шундай дурри-гавҳарлар сочдиким, энг нодир қаламлар таж-жубда қолди* (Ойбек, 19) 'Этот ребенок, который носит псевдоним "Навоий" в произведениях на тюркском языке и "Фоний" — на персидском языке, из моря слов добыл такие жемчуга и драгоценности, что самые утонченные поэты пребывали в удивлении'; Хибатул Хакаиқ XII—XIII вв.: *Ол эрким улугсiндi мән-мән деди* 'Кто возвеличивает себя — выпячивает себя' [Махмудов 1964, 26]; Среднеазиатский тефсир: *Ол ја ким әлkindә әрдi ол ја бiплә абу джәһлнi јiшрә јiшра урдi* 'Тот лук, который был у него в руках, тем луком он ударял Абу Джахла снова и снова' [Боровков 1963, 155]; Огуз-наме: *У (ру) шәудун соң Оғуз қағаннуң чәригәдә нүкәрләри-гә әл күнигә андағ улуг өлүг барғу түшти ким јүкләмәккә кәлдүрмәккә ат, қағатир, уд азлiк болдi* 'После битвы войску огуз-кагана, его нукеру и народу досталась такая большая добыча, что для погрузки и перевозки ее

мало было лошадей, мулов и быков' [Шербак 1959, 51–52]; *Ошбу ким ағизумға бакмас турур болса чамат чакіб чэріг чэкіб душман тутарман* 'А кто не подчинится, того, излив гнев, собрав войско, недругом посчитаю' [Там же, 34]; Мухаббат-наме: *Саламимні тэгүр ол хушликаға ким урар чэ-расі миң та'на айға* 'Приветствуй от меня ту красавицу, лицо которой делает тысячи упреков луне' [Там же, 135, 155]; *Ошул күн ким сәни халик жаратті сәни дилбәр мәни ашик жаратті* 'В тот день, когда творец создал тебя, он сделал тебя возлюбленной, а меня влюбленным' [Там же, 139, 159].

ким может сопровождаться анафорическими местоимениями, принимающими падежные аффиксы и конкретизирующими его значение: турецкий памятник XIV в.: *Ol bir ulu kuştur kim ana Simurg derler* [Tarama 1943, 1963] 'Он огромная птица, которую называют Симу́ргом'; Среднеазиатский тефсир: *Бір камм қатіндин өтді ким булар күлүшүрләй әрді* 'Проходили они мимо одной группы людей, которые смеялись' [Боровков 1963, 188]; *Мунда тәбл ва нај ерүр ким ани урарлар чаларлар* 'Здесь барабаны и флейты, в которые они бьют и играют' [Там же, 227]; Мухаббат-наме: *Зәхи кадір ким ол бір катра судін Мухаббат гәвхәрингә кән жаратті* 'О всемогущий (Аллах), который из капли жидкости создал чрево для жемчужины любви' [Шербак 1959, 130, 151]; *Харабат бірлә масјидда јәрім бар ким ош мән ринду-у хәм хуш парсамән* 'У меня есть место и в кабаке и в мечети, где я и беспутен и благочестив' [Там же, 148, 165].

Конкретизация подчинительных отношений, уточнение семантики *ким* достигается и употреблением аффиксов принадлежности при подлежащем придаточного определительного предложения. Ср. Среднеазиатский тефсир: *Қарнақлар ким әмчәкі битәр болғај* 'Девушки с полными грудями' [Боровков 1963, 77].

4. Придаточные предложения дополнительные: аз. *Хейли чагдан сонра билдим ким, кәзал инсан имиш* (Вагиф, 183) 'Много времени спустя я узнал, что он был прекрасный человек'; узб. *Малум бўлдиким, сиз жаноб бу хусусда биз блан хафикрси?* (Ойбек, 92) 'Стало известно, что вы, ваше превосходительство, в этом случае являетесь нам единомышленником'; Уғлим, худога минг қатла шукурким, бахтимга оёққа туриб қолдинг (Чашмалар, 69) 'Сын мой, тысячу раз я благодарен богу – к моему счастью, ты встал на ноги'; Дербент-наме: *Кафрлер кордилер ким* 'Гяуры увидели, что мусульмане собрались в одном месте'; туркм. *Ким билер ким нейләрсен* (Махтумкули, 231) 'Кто знает, что тебе делать'; уйгурский памятник христианского содержания: *Öz jük-lärin ақты-лар, әртүдин ади-гун өтүнди-ләр, ким кәлүрмиш әрдиләр* 'Они открыли свои выюки и очень умоляли (о принятии) своих даров, которые они принесли' [Малов 1951, 134, 136]; Деде Коркуд: *Gördiler kim ol yigit Kim baş kesüpdür kan döripdür* [Ergin 1963, 482] 'Они увидели, что парень, у которого отрезана голова, истекает кровью'; Среднеазиатский тефсир: *Фәриштә қиғурур ким фалан оғлинің таразусі ағір кәлди* 'Закричит ангел, что весы сына такого-то оказались тяжелы' [Боровков 1963, 141, 206]; хорезмские памятники XIV в.: *Кәтурди намэ ким ош ай тутулды, йети иклим тахты хали болды* 'Принесли весть, что произошло затмение луны, трон семи сфер остался без шаха' [Фазылов 1966, 33]; Огуз-наме: *көрді ким чәригнің тапуқларіда көк тү-бүклүг көк јаллуғ бәдүк бір әрқак бөрі јүрүгүдә турур* 'И увидел, что пе-

ред войском движется огромный сивогривый, сивовласый волк' [Шербак 1959, 38].

В главном предложении возможны соотносительные слова: тат. *Кемгә айтсаң, шул барыр* 'Кому скажешь, тот и пойдет' [Закиев 1963, 318]; узб. *Фақат бу можародан бизга кераклик нукта шундаким, натижада Мағдали-хон шикаст топди* (Қодирий 1959, 11) 'Но для нее в этом происшествии важно то, что в результате этого события Мадалихон погибла'; шор. *Кем-нинъ мылтык, аанъ – ок тук небе* 'Чье ружье, того и пушнина' (погов.) [Дыренкова 1941, 301]; Кутадгу билиг: *نانی کیم تیلادی قیلدی* 'Все, что он желал, сделал' [Малов 1951, 231, 234]; Среднеазиатский тефсир: *Ағәр билсә әрдим јаууқ му турур ани ким вада қилурсіз* 'Если бы я знал, близко ли то, что вы обещаете' [Боровков 1963, 101]; *Нечүн ајтур әрдіңіз ани ким қилмаз әрмиштиңіз* 'Почему говорили вы то, что не делали' [Там же, 229].

Сказуемое придаточного дополнительного, вводимого союзным словом *ким*, может стоять в форме повелительного, желательного наклонения, соответствуя часто русским конструкциям с союзом *чтобы*. Ср. азербайджанский памятник XVI в.: *سن آنلاره سويله کيم توقع ايتسون لار* (Шузданамэ) 'Ты скажи им, чтобы они остановились'; турецкий перевод памятника "Калила и Димна": *Imdi yaraklangul kim varasın* (TEA, 18) 'Вооружайся сейчас, чтобы отправиться в путь'.

ким, как и *ки*, может вводить придаточные дополнительные предложения, представляющие собой прямое высказывание: Ср. Среднеазиатский тефсир: *Азарнің көңліні күзәтді ким оғлуни јазуқсіз қіјнаміш болмајін* 'Успокойли сердце Азара, что не будут сына его мучить безвинно' [Боровков 1963, 188]; Огуз-наме: *Ошбу бидүргүлүктә битил миш әрді ким мән уіғур-нің қағані боламән, ким јәрнің төрт булуңиуң қағані болсам кәрәк турур* 'В этом послании было написано: Я уйгурский каган, которому суждено быть правителем четырех частей света' [Шербак 1959, 33].

5. Придаточные предложения цели. Сказуемое обычно стоит в форме повелительного, желательного наклонений, соответствуя русским конструкциям с союзом *чтобы*: турецкий памятник "Ашик Паша": *باب اولده اشتا اون داستان کيم بلاسن معنی کنج بی کمان* [Смирнов 1903] 'В первой главе слушай 10 дестанов, чтобы знать тебе'; памятник XV в.: *Gitme bundan kim helâk olmayasın* (Tarama, 43) 'Не уходи отсюда, чтобы не умереть (погибнуть)'; турецкий перевод памятника "Калила и Димна": *Imdi yaraklangul kim varasın* (TEA, 27) 'Вооружайся сейчас, чтобы отправиться в путь'; Среднеазиатский тефсир: *Тақј емгәнләнмиш сөзині өткүр қилдәм болғај ким мәңң шуқр қілағј* 'И затрудненную речь их я сделал ясной, дабы они благодарили меня' [Боровков 1963, 251]; *Қилдәмиз јер ічіндә ағір бәгүмиш тағларні ким јакітмасун анларні* 'Мы устроили в земле прочные крепкие горы, чтобы не поколебали их' [Там же, 37]; хорезмские памятники XIV в.: *Йарар ким сабрдын қавурчақ етсэм* 'Стоит (годится), чтобы из терпения я сделал куклу' [Фазылов 1966, 174]; *Ишарат қылды шах бавурчықа ким, кәтур хан сал ким емди аш йегалим* 'Шах дал знак главному кухмейстеру расставить столы, чтобы мы начали пир' [Фазылов 1966, 176].

6. Придаточные предложения времени. Структура построения этого

типа придаточных аналогична придаточным времени с *ки*. Они обычно уточняют и раскрывают содержание главных предложений, уже имеющих временное обозначение. Ср. хорезмские памятники XIV в.: *Алтымыш уч йашинда эрди ким пайгамбар дунйадын нақл кылды* 'Было пророку шестьдесят три года, когда он отправился из (этого) мира' [Фазылов 1966, 47]; История пророков Рабгузия: *یتی یوز اون ایردی یلغه کیم بتیلدی بوکتاب* Шел семьсот десятый год, как была написана эта книга [Малов 1951, 331, 339]; Мухаббат-наме: *Тўн акишам ким кўрўндї барам аї Мухаммад Ҳоҗа-бэғ дāvīāt хумаїї бујурдї ўргā шадїрван урулдї кадах кэлтўроїлār маїлїс курулдї* 'Ночью, когда показался месяц байрама, Мухаммед Ходжабек, владыка гусударства, приказал, и были поставлены юрты и шатры, принесены кубки и устроен меджлис' [Щербак 1959, 129, 151].

7. Придаточные предложения образа действия. В главном обычно стоит соотносительное слово. Ср. азербайджанский памятник XIV в.: *فاشلىرى شويله معتدلدر کيم امتدالنه امتدال ایرمز* (Несими № V-124) 'Твои брови настолько (так) соразмерны, что равной им стройности нет'; Деде Коркуд: *Öz küci-yile eñsesine eyle çaldı kım başı top kibi yire düşdi* (Ergin 1963, 23) 'Он так ударил своим мечом ему по затылку, что его голова покатила на землю, как мяч'; Среднеазиатский тефсир: *Анда јавуқ кәлдї анча ким ікі јај қошуру тутсаја тақї јақўрақ* 'Тогда он подошел близко, настолько, чтобы вместе держать два лука (на расстояние двух луков) или еще ближе' [Боровков 1963, 215].

8. Придаточные предложения, передающие причинно-следственный характер отношений: Среднеазиатский тефсир: *Waj қатїлїк бізкә ким біз әрдїміз күч қїлғанлар* 'О наказание нам, ибо мы были жестокими' [Боровков 1963, 100]; *Абақїндақї на'лїңнї сучулаїї ким сән бу арїқ арїлмїш орунда сән ким анїқ атї това турур* 'Сними обувь с ног своих, ибо ты (находишься) на этом священном месте, название которого Това' [Там же, 29, 57]; хорезмские памятники XIV в.: *Әй қарындаш аның бекин шуқр маңа вәжиб бурур ким анбийә мїрәсын таптум* 'О брат, мне надлежит возблагодарить господя, так как я обрел наследие пророков' [Фазылов 1966, 53].

Придаточные предложения могут предшествовать главному предложению: Мухаббат-наме: *Ким асру бэвафа ўрўр замана ўхан калмас кїшїгә јавїдана* 'Так как судьба очень вероломна, мир не останется человеку навечно' [Щербак 1959, 133, 154]; *Ким уймақтур сәнїң базмїң бїнасї хәмїшә хуш әрўр јаннат хавасї* 'Так как место твоего пиршества – рай, всегда будет приятным воздух рая' [Там же, 132, 153].

9. Придаточные предложения условия и места (встречаются редко): Среднеазиатский тефсир: *Ајдї нә кўрәр сән анча ким сїңдїмїз ол қорум ташқа ким мән унғтїм балїқңї* 'Сказал, что видишь ты там, где мы останавливались, на том скалистом камне (на котором) я забыл рыбу' [Боровков 1963, 215]; памятник турецкого языка: *بن نيجه جان وير* (Burhanettin) 'Как мне не отдать душу той красавице, если (раз) бог дает рабу любящую душу'.

Рассмотрев типы придаточных предложений, вводимых союзным словом *ким*, можно прийти к выводу, что структура их построения совпадает со структурой построения предложений, вводимых союзом *ки*. Для конкретизации подчинительных значений используются те же средства – развитая

система соотносительных слов и анафорических местоимений. Этим можно объяснить, почему отдельные виды придаточных предложений, вводимых *ким*, были с течением времени вытеснены аналогичными конструкциями с союзом *ки*.

Союзы *ки* и *ким*, как будет показано в специальном разделе (см. ниже), различны по своему происхождению, но в условиях общности семантики она выработали много одинаковых функций и участвуют во многих синонимичных конструкциях (аз. *айлэ ки* и *эйлэ ким*). Как показывают наблюдения, конструкции с *ким* были значительно распространены в тюркских памятниках, преимущественно в тех, где преобладали элементы кыпчакских языков. Ср. Хибатул-Хакаиқ XII–XIII вв., Среднеазиатский тефсир XII–XIII вв., История пророков Рабгузия, Огуз-наме, Мухаббат-наме, Бабур-наме, хорезмские памятники XIV в. и др. Что касается современных тюркских языков, то в них получили развитие главным образом придаточные предложения, вводимые союзным словом *ким*. Ср. тат. *Кем эшли, шул ашый* 'Кто работает, тот ест' – этот тип придаточных подлежащих прослеживается и в азербайджанском, гагаузском, кумыкском, тувинском, туркменском, узбекском, чувашском, шорском языках. Другие же типы придаточных предложений, вводимых *ким*, распространенные в памятниках, в современных языках имеют куда более ограниченное употребление.

кин. Структура придаточных предложений, вводимых этим союзом, та же, что и у тех, которые вводятся союзами *ким* и *ки*. Распространен в диалектах. Ср. придаточные дополнительные: аз. (диал.) *Онда бил кин, мәни өлдурдулар* [Ширалиев 1962, 319] 'Тогда знай, что меня они убили'.

В главном предложении возможны соотносительные слова. Ср. придаточные предложения меры и степени: *Муннар о гадәр ол кедиллар кин, ахирда һамин јорулулар* [Там же, 329] 'Они столько идут по дороге, что, наконец, устали'.

Придаточные предложения цели, сказуемое которых может оформляться повелительным, желательным наклонением, соответствуют русским конструкциям с союзом *чтобы*. Ср. *Өзунә бир балән гајыреп кин, гуш ону жермәсин* [АД 1964, 69] 'Он делает знак, чтобы птица его не увидела'.

мадам ки. Вводит придаточные предложения, передающие выполненное условие: аз. *Мадам ки әксәријјәт бу ишә разыдыр, демәли, һамин әксәријјәт бу ишә қөрмәја кәмәк едәжәкдир* 'Раз большинство согласно (с этим), значит, то же самое большинство поможет выполнить эту работу' [Абдуллаев 1963, 117]; тур. *Zibidi, mädem ki paran yok, ne diye beni sabahantanberi uğraştırıyorsun?* (Nesin 1962, 44) 'Ничтожный, раз у тебя нет денег, для чего ты меня с самого утра утруждаешь?'; *Madem ki insanın ağız var, uyuşecek* (Там же, 63) 'Поскольку у человека есть рот, он (и) будет есть'; узб. *Модомики халойиқ қўлга тош олибдир, унинг кўнглида дарди бордир* (Ойбек, 77) 'Поскольку народ взял в руки камень, то и на душе у него тяжело'.

нә – союзное слово (местоименного происхождения); вводит следующие предложения.

1. Придаточные дополнительные: аз. *Сәндән нә қизләдим, урәјимдән кечир* (Ибраһимов 1966, 11) 'Что скрыл от тебя, от сердца моего ускользает'; гаг. *Бакалым, не о йазар, чоктан каблетмедим ондан киат* (Карачо-бан, 87) 'Посмотрим, что он пишет, давно не получал от него письма'; тур.

Sahiden anlamiyorum ne demek istiyorsun (Sabahattin 1966, 102) 'Я поистине не понимаю, что ты хочешь сказать'. Сказуемое в этих придаточных может стоять в форме повелительного, желательного наклонений: аз. *Даја шадлы-ғындан билмәди нә гаҗырсын* (АХД, 30) 'Няня от радости не знала, что ей делать'; гаг. *Кенди да башлады дүшүнмәй, не йаздырсын* (Карачобан, 87) 'А сам начал думать, чтобы написать'. В главном предложении возможны соотносительные слова: каз. *Ал, ишінде не жатыр, оны билмейди* (Дуэзов, 24) 'Что он думает про себя, этого никто не знает'; тат. (томск. диал.) *Мин ниня айттым, аны иштярим* 'Я что сказал, то и сделаю' [Дульзон 1956, 366].

2. Придаточные определительные: гаг. *жүклетмиш параларь hepsini ne varmış jeyin dolajandı* 'Они погрузили все деньги, которые были около дома' [Дмитриев 1962, 266].

нә вахт ки. Вводит придаточные предложения времени: аз. *Нә вахт ки, сәнә дидим, онда јазарсан* 'Когда я скажу тебе, тогда напишешь' [Рамазанов 1955, 286].

не заман, не замандан. Вводят придаточные предложения времени: гаг. *Незаман хем ким ону казмыш, ташламыш, — кимсей билмеер* (Буджактан, 150) 'Когда кто его выкопал и обложил камнем — никто не знает'; *Алты йыл оләр незамандан о бу колхозу кулланәр* (Там же, 23) 'Шесть лет с тех пор, как он работает в этом колхозе'.

нә ки. Вводит придаточные условные: аз. *Кәрәк шәһәрдә нә ки тәзә доғулан ушаг вар, һамысынын бојну гурула* (АН, 35) 'Нужно казнить (обезглавить) всех, сколько их есть в городе, новорожденных'; *нә ки/ким* вводит придаточные дополнительные: тат. *Нә ки телдин чыкты, ул башка килер* 'Что говорится языком, то войдет в голову' [Закиев 1963, 316]; Среднеазиатский тефсир: *Ким мән өзүрдәм сәни ашигкәл нә ким ваһи кәлтүрүрмән* 'Я избрал тебя, слушай, что я открою' [Боровков 1963, 243]; хорезмские памятники XIV в.: *Бу қызларның бири йугруб қайытты, не ким андын ешитсә айытты* 'Одна из этих девушек вернулась бегом и все, что от него услышала, рассказала' [Фазылов 1966, 37].

не ючюн десенг. Вводит придаточные предложения причины. Ср. кбалк. *Сохтала бюгюн дерсеге нечигиб келдиле, не ючюн десенг, кәтюрню суу алған эди* 'Ученики сегодня пришли в школу с опозданием, так как мост унесло водой' [Алиев 1959, 78].

ненинг учун десе. Вводит также придаточные причины. Ср. алт. *Мен школдо болбодым, ненинг учун десе, бажым оорыд* 'Я не был в школе, так как у меня болела голова' [ОРСл. 1947, 302].

ни тиклем. Вводит придаточные предложения условно-уступительные, соответствует русск. *сколько бы ни*. Сказуемое оформлено повелительным, желательным наклонением: башк. *Ул ни тиклем генә тырышмаһын, бары бер безе еңә алманы* 'Сколько бы он ни старался, он все равно не мог нас победить' [Дмитриев 1948, 270].

ни хәтле... шул хәтле. Вводит в татарском языке придаточные меры и степени: *Болында улын ни хәтле, анда кеше шул хәтле* 'Сколько трав на лугу, столько и народу там' [Закиев 1963, 318].

нега, нәгу. Вводят придаточные условно-уступительные, соответствуют рус. *как бы ни, какой бы ни*. Ср. юридические документы уйгур X—XIII вв.: *Nägü is-kä oғуylarmän, anyundybärü nägü m-a timisi joq ärti* 'К какой

работе я устремлялся (я все выполнял), в результате чего нет никакого спора' [Малов 1951, 203].

нега ки. Вводит придаточные предложения причины: узб. *Пулини ол, сенга ярашади, негаки камбағалсан* 'Бери деньги, тебе (они) пригодятся, ибо ты беден' [Кононов 1960, 268].

неге туюл. Вводит придаточные предложения причины в кумыкском языке: *Мен тюнегон авруп, аггам гетип болмады и Аггам гетип болмады, неге туюл, мен тюнегон азрудум* 'Мой старший брат не смог уехать, потому что я вчера болел' [Джанмавов 1967, 249].

не ге десең. Вводит придаточные предложения причины: ккалп. *Мен бугин келе алмайман, неге десең бар жумысым бар* 'Я сегодня не приду, так как я занят' [ККРСл. 1958, 866]; *Мен кеше окзувгга бара алмадым неге десең авырып кьалдым* 'Я вчера не мог пойти на учебу, так как был болен' [Там же, 522]; ног. *Жыйылгга бар (а) алмадым неге десең авырып кьалдым* 'На собрание пойти не мог, потому что заболел' (разг.).

нә гәдәр. Вводит придаточные предложения:

а) времени: аз. *Истәјурсән лап кет молтаны кәтир, амма ону да бил ки, нә гәдәр мән вaram, бу евә Телли-Мелли аҗавы дәјмәјәк!* (Ибрахимов 1966, 21) 'Если хочешь, иди приводи хоть огнепоклонника, но знай то, что, пока я существую, в этот дом не заглянут никакие Телли-Мелли';

б) условные: аз. *Нә гәдәр вурнухурдулар, бир әфәл тапмырдылар ки, алдатсынлар* (АХД, 52) 'Как они ни суетились (хлопотали), а не нашли глушца (чтобы обмануть)'; нахичеван. диал. *Бы аҗах нә гәдәр сез дејур, Шәббас кулмур* [АД 1964, 25] 'Сколько ни говорит этот подлец, а Шаббас не смеется'.

Некадар сопровождается усилительным *да*: гаг. *Некадар да зор диилди евелләр гагаузлара, оннар бир керә булә кестирмедиләр түркүлерини, масалларыны, жумбүшлерини, дургунмады оннарын фольклору* (Буджактан, 8) 'Как ни было трудно раньше гагаузам, они никогда не прекращали сочинять тюркю, сказки, остроты (юмор), не прекращался их фольклор'.

В главном предложении употребляются соотносительный сочинительный союз *ама*, слова *өлә, о кадар*: гаг. *Некадар да зорлуклар, зет чекмеди гагаузлар, ама кенди артистик йаратыжыларыны корудулар нижә гөзүнү* (Буджактан, 8) 'Сколько ни испытывали гагаузы бед, трудностей, но свои артистические творения сохранили, как свои глаза'; *Топланәр өлә чок балык, некадар йапрак даада вар, некадар да от чайырда вар* (Там же, 130) 'Собирается столько много рыбы, сколько листьев в лесу, сколько травы на лугу'; *Некадар верирсән, окадар алажам* (Карачобан, 87) 'Сколько дашь, столько и возьму'.

Нә гәдәр может сопровождаться усилительным *ки/ким*. Хорезмские памятники XIV в.: *Нә қадар ким лүтф билән алдаб сөзләдиләр файда кылмады* 'Сколько бы его ни обманывали ласковыми словами, было бесполезно' [Фазылов 1966, 43].

не гзурлум... сол гзурлум. Вводит придаточные предложения меры и степени, соотв. русск. *насколько... настолько*: ккалп. *Не гзурлум окзусанг, сол гзурлум билиминг хәм сананг артады* 'Насколько поучился, настолько у тебя знаний и мудрости прибавилось' [Баскаков 1952, 523].

найә — союзное слово, вводит придаточные предложения дополнитель-

ные: аз. *Ахунд сорушурду найә Садыга лавлагы дейирлар* (МН, 8) 'Ахунд спрашивал, почему Садыка называют балагуром'.

һанда — союзное слово, вводит придаточные предложения места. В главном возможны соотносительные слова: гаг. *Мемлекет башка бән билмедидир, һанда бөлә бол инсан йашар* [Бабоглу 1962, 59] 'Я не знаю другой (такой) страны, где (бы) человек жил в таком изобилии'; *Заводу курдурар орада, һанда вар чок көмүр* [Там же, 68] 'Строят завод там, где есть много угля'.

нердә. Вводит:

а) придаточные предложения места: гаг. *Орда шинди дә вар бир бүүк хем үсек таш дирек, нердә демир буквайлан йазылы ким киминһән дүүш-мүш, хем ангы йылда бу женк олмуш* (Буджактан, 150) 'Там и сейчас есть один большой и высокий каменный столб (стойка), где железными буквами написано, кто от кого пал и в каком году была эта война';

б) придаточные дополнительные предложения: гаг. *Олак Петри чыкардыктан сора силди куру отлан чамурлу еллерини, кошту бейгири пинди файтона да хызлы йорттурду бейгири, таман пласайа дору, нередән нек коркарды Михун* (Карачобан, 14) 'После того как Олак Петри вытащил, он вытер сухой травой грязные свои руки, запряг лошадь, сел в фаэтон и быстро погнал лошадь по направлению к плацу, чего больше всего боялся Михун'.

һәтәк ким. Вводит:

а) придаточные предложения времени: Среднеазиатский тефсир: *Бас һәтәк ким билдүрди аңа ајт (т)и жим хабар бәрди сәңә муні* 'Итак, когда он осведомил ее (об этом), она сказала' [Боровков 1963, 101, 102]; хорезмские памятники XIV в.: *Нетәк ким башлады соз ол тили қанд, оқуб Фархад айды йуз мин аҳсанд* 'Когда начала говорить та сладкоголосая (Ширин), Фархад провозгласил сто тысяч благодарностей' [Фазылов 1966, 113];

б) придаточные предложения причины — Мухаббат-наме: *Күүәр көңлүм сәбанің улашһиндін нәдәг ким күйсә хырманлар јашһиндін* 'Сгорает мое сердце из-за увлечения молодости так, как сгорают хырманы от молний' [Щербак 1959, 139, 159].

в) придаточные предложения сравнения — Кутадгу билиг: *Нәтәг ким огунсуз тобуқ туфһунур, Ануң тәг та дәвләт өзиүм тәзкинүр* 'Подобно тому как еслі кто без места, то колени (его) просверливаются (нагружаются от голого пола)' [Малов 1951, 265, 285].

һимә. Вводит:

а) придаточные предложения условно-уступительные, соответствует рус. *сколько ни...* — Подарок истин (X—XII вв.): *نیجا یر بار اردی سیغیش ماز اری* 'Сколько ни есть земли, не вмещаются мужи ее!' [Малов 1951, 317, 319];

б) придаточные предложения образа действия; в главном возможны соотносительные слова: аз. *Нәчә мән дејирәм, елә дә олмалыдыр* 'Как я говорю, так и должно быть' [Абдуллаев 1963, 111]; гаг. *О севинәрди бу қада өлә, һижә севинәр йашамакта аз севинмиш адам* (Карачобан, 86) 'Он радовался этому письму так, как радуется мало радовавшийся в жизни человек'; *Да һижә гидәрди о сокаан орта ериндән дизәдәк тоз ичиндә, өлә*

дә дурду йол үстүндә дә емин етти... (Там же, 6) 'И как шел он по улице по колению в пыли, так и остановился на дороге и заверил...'

һәмә сопровождается усилительным *ки*: аз. *Нечә ки, падишаһ газы данышды, о бириләри дә елә данышанда одунчу арвады деди* (АН, 18) 'Подобно тому как царская дочь говорила, а также и другие говорили, жена дровосека сказала...'

В хорезмских памятниках XIV в. союзное слово *нечә*, сопровождающееся усилительным *ким*, вводит придаточное условное и соответствует рус. *сколько ни...*: *Ол қабуены йети қуватлыг ким әрсәләг нечәким қуватлыг қылдылар йәриндин тәбрәту билмәдиләр* 'К тем дверям некие (люди), обладающие семью силами, приложили большие усилия, но не смогли сдвинуть с места' [Фазылов 1966, 519].

нечик, нечук. Вводит:

а) придаточные дополнительные — Среднеазиатский тефсир: *билүрмән ким сәнүндә көңүлдә нечүк турур* 'Я знаю, что у тебя, что в сердце твоём' [Боровков 1963, 229];

б) придаточные предложения образа действия — История пророков Рабгузия XIV в.: *ملك ایدی نیچوک تانوغلوک بیورور کورایین بیرون* 'Царь сказал: — Как они дадут свидетельство, посмотрю-ка я, пусть дадут (его)!' [Малов 1951, 326, 334];

в) придаточные условные: тат. *Ничек кенә авыр булмасын, уз дигәнемне эшләрмен* 'Как бы ни было трудно, сделаю свое' [Каримов 1954, 17]; *Капиталистлар ничек кенә алдамасыннар аларга империалистик сугышның чын максатларын яшеру мөмкин түгел* 'Как ни лгут капиталисты, но им не удастся скрыть истинных целей империалистической войны' [Газизов 1952, 216]; документы на половецком языке XVI в.: *Нечик тутунуптур кі манга башха ув хојгај на хојсун* 'И раз он обязался мне, что поставит (для себя) другой дом, так пусть ставит, господа судьи' (ДП, 124, 232).

В том же памятнике *нечик кі* вводит придаточные предложения причины: *Keldi kosta melko vojtnung alyn(a) da ketxojalarның da gile et(t)i hasunung ustina ohasning borчundан утру нечик кі јук дур* 'Перед войтом Мелько и старшинами предстал Коста и заявил на Хасу по поводу Охасова долга, потому что он (Хасу) (его) поручитель' (Там же, 132).

о вахт ки, о вахтта ки. Вводят придаточные предложения времени: аз. (муган. гов.) *О вахт ки паммыг јетишиди, јыгыб нормасын долдурур* [ГМГ 1955, 161] 'Когда хлопок поспел, он выполняет норму сбора'; уйг. *U vaxtta ki san bizgә kelisәn, biz ejdә bolsaq, kirәk kitapni oqur berisәn* 'Когда ты к нам придешь, тогда, если мы будем дома, считаешь нужную книгу' [Насилов 1940, 141].

ол вақт ким, ол вақтда ким. Вводят синонимичные придаточные предложения времени — Среднеазиатский тефсир: *Ол вақтда ким Муса јалавач қажін атасі шу'аиб јалавач қизіні қолуб* 'В то время, когда пророк Муса у своего тестя, пророка Шайба, просил (сватал) дочь его' [Боровков 1963, 194].

пулин те, пулсан та. Вводят в чувашском языке придаточные уступительные: *Санталәк кәркунне енне сүләһнә пулсан та (пулин те), хәвел ашһин пәхса ачашлап* 'Хотя уже наступала осень, но солнце не переставало слегка припекать' [МГЧЯ 1957, 329]; *Сәр тәттәм пулин те, ял курһань-ха* 'Хоть ночью и темно, а деревня видна' [РЧСл 1951, 894].

рас (рус.). Вводит в татарском языке придаточные предложения со значением выполненного условия: *Рас ул сиңа ошый, тектерегә кирәк* 'Раз тебе нравится, нужно шить' [Закиев 1963, 321].

о јерда ки – союзное речение. Вводит придаточные предложения места: аз. *Ојердә ки, оглан даныша билир, нија гыз данышмасын?!* (Ибраһимов 1966, 53) 'Там, где молодой человек может разговаривать, почему девушке не разговаривать?!'

ол сәбәбдән ким – союзное речение. Вводит придаточные предложения причины: хорезмийские памятники XIV в.: *Ыбылан чүбән айақына урур захм ол сәбәбдән ким башыны йанчмасын теб таи билән нәгах уруб мух-кәм* 'Змея кусает ногу пастуха по той причине, чтобы он не размозжил ей голову вдруг сильным ударом камня' [Фазылов 1966, 34].

әйтпесен¹¹ вводит в каракалпакском языке придаточные предложения причины: *Сениң үйде калғаның жақсы болар, әйтпесең өзиң кишкенесең жойылып кетерсең* 'Лучше будет тебе остаться дома, так как ты маленький, пропадешь еще' [ККРСл. 1965, 866].

санки. Вводит придаточные предложения сравнения: аз. *Бу кун сәһәр-дән Рустам кишинин иши дүз кәтирмирди, санки јолунун үстүндән гара пишик адламыш, ја да габагына довшан чыхмышды!* (Ибраһимов 1966, 5) 'Сегодня с (самого) утра не ладились дела у Рустама-киши, словно черная кошка дорогу ему перебежала, или заяц навстречу попался'; гаг. *Геләйн бизә, санки не олур?* [Бабоглу 1962, 64] 'Если придешь к нам, будто что будет?'; кум. (кайтас. диал.) *Умар коп сойлэй, санки бари затни биләган болуп горума суйа* 'Умар много говорит, как будто он хочет показать-ся всезнающим (человеком)' [Керимов 1953, 297].

сана син, сансын. Вводит придаточные предложения сравнения: аз.

مجلس اهلی ایچنده دوترالده اياغ

سانه سين برسع درکه اوسته يا بر بر چراغ

'Когда участники пира пьют вино, то в руках они держат чаши. Будто свечи светятся над озаряющим светильником' (Хэтай 1966, 74); гаг. *Он-нарда кызларлан чожуклар бирибиринә лар атэрлар, сансын азарлашэрлар, йода шакалашэрлар* (Буджактан, 11) (У них девушки с парнями переговариваются, словно ругаются или шутят).

себеби. Вводит придаточные предложения причины: каз. *Бираздан кейін издегеніме қуанғаным да жоқ, себебі көп жерде жүрү мүмкін емес* 'Я уже не рад, что пошел искать, потому что кругом была непроходимая грязь' [СКЯ 1962, 411]; ккалп. *Брақ қарасатуғын қауендери болмау себебли, коп қорлық корди* 'Но он испытывал (терпел) издевательства, так как у него не было покровителя' [Бердымуратов 1957, 123]; *Мен келмедим себеби кесел едим* 'Я не пришел, потому что был болен' [Баскаков 1952, 521]; кир. *Мени полктун чачтарашчысы дарылады себеби сепилде андан башка догдур жок эле* 'Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было' [Скирдов 1962, 14].

та. Вводит:

а) придаточные предложения времени: аз.

تا كورمشم دیدارینی

مشاق دیدار اولمشم (Несими) 'С тех пор как я увидел ее лицо, я стал мечтать видеть (букв.: жаждать) (этот) облик';

تا باده خوشکوار وار ای ساقی

تا واردور النده اختیار ای ساقی

بردور ایله کیم دوری دولانمش دوران

نه باده قویار نه باده سار ای ساقی

(Хэтай 1966, 86) 'Пока есть чудесное вино, о виночерпий, Пока есть сила в твоей руке, о виночерпий, Обойди один круг, ибо наш век, обойдя свой круг, Не оставит ни вина, ни подносящего вино, о виночерпий'; памятник турецкого языка XVI в. *Kitab Bahriye: Gemiler ta kale önüne varırlar, kenara arkırolup yatarlar* [Tagama 1943, 1963, 42] 'Когда суда прибывают к крепости, они огибают берег и бросают якорь'; туркм. *Та жан бардыр бу тенде, Арзымендим бар сенде* 'Пока душа есть в этом теле, мое желание с тобой' (Махтумкули, 88); Среднеазиатский тефсир: *Ані тақі тутді 'азаб қілді та ол заһидні көртәрді* 'Его также схватили и мучили, пока он не показал на отшельника' [Боровков 1963, 129, 186]; Мухаббат-наме: *Сәңә та болдум әй јан ашһнамән јафаң әлкіндә асру мубаталамән* 'За это время, пока я знаком с тобой, о милда, о милда, в объятиях твоих притеснений я испытываю большие огорчения' [Щербак 1959, 164]; сказуемое придаточного предложения стоит в форме повелительного, желательного наклонений;

б) придаточные предложения цели: аз. *بزه رخصت وير تا انکا* (Шүһәданамә) 'Дайте нам разрешение, чтобы ему помочь' (в современном азербайджанском языке придаточные цели с *та* не встречаются); *Бир чешмә жарәк онумдә пур-аб (сулу), та ола ләбим онунла сираб (= додагым сусузлугдан гуртара)* (Хэтай 1946) 'Мне нужно (иметь) перед собой полноводный источник, чтобы мои губы избавились от жажды'; турецкий памятник:

'О шах, я аمدі ай шаһ бо حکایتі анکی چون кторدم та шаһ бле этот рассказ привела для того, чтобы шах знал...' [Смирнов 1903]; Среднеазиатский тефсир: *Табл урарлардә та әһл мәдінәкә хабар јетәрді кәләүрләрдә* 'Били в барабан, чтобы весть (о приходе каравана) достигла населения Медины и (чтобы) приходили' [Боровков 1963, 152]; Родословная туркмен: *Дәјтурурман та оларның көңлі мәндін разы болсун* 'Я скажу (так), чтобы сердца их были довольны мною' [Кононов 1958, 145].

В главном предложении возможны соотносительные слова – Какила и Димна: *Bu masalı anıñcün gätürdüm, tā biläsin* [Zajaczkowski 1934, 8] 'Эту басню я для того привел, чтобы ты знал'.

та ки. Вводит:

а) придаточные предложения времени: аз. *Отағы ачыб, ичәри дахил олду, үзүгојлу јыхылыб, агламага башлады, та ки, ахшам олду* (АХД, 10) 'Открыв дверь, она вошла, бросилась ничком и начала плакать и плакала, пока не настал вечер'; Мухаббат-наме: *Хусунни та кі пайда килді халік хусун бірлә вафа болмас мувафיק* 'До тех пор, пока творец создает красоту, красота не будет в согласии с верностью' [Щербак 1959, 146, 164].

б) придаточные предложения цели; сказуемое стоит в форме повели-

¹¹ Ср. с сочинительным союзом *әйтпесе*, очевидно близким ему этимологически.

тельного, желательного наклонений: аз. *Тен буну дара чэкин, таки, кезум кэрмасин!* (АХД, 14) 'Скорее повесьте его, чтобы не видеть мне (его)'; тур. *Açık söyleyünüm tâki, herkes anlasun* 'Я говорю ясно, чтобы было понятно всем' [Кононов 1956, 547]; узб. *Мен дўстимга ўз китобларимни бердим, токи у имтиҳонга яхшилаб тайёрлансин* 'Я дал моему другу свои книги, чтобы он получше подготовился к экзаменам' [Кононов 1960, 269]; турецкий памятник:

بيوردىكە طولايىنە اودون يىغيب اودا اورەر
تاكە بو ظالم قاضيلير جملهسى يانه لر

'Он приказал, чтобы вокруг наложили дров и разожгли огонь для того, чтобы все эти жестокие судьи сгорели' [Смирнов 1903];

в) придаточные предложения следствия: аз. *Tahir Mirza uz gojdu jary olan dijara taraф, ta ki, калиб Hatam. Султанын вилајетина чыхды* (АХД, 28) 'Тахир Мирза направился в страну, где была его возлюбленная, так что (в результате чего) и подошел к вилаёту Хатем Султана'.

В уйгурском памятнике "Золотой блеск" встречается сложный союз *tä kin: Aş qyly tükätmiş tä kin on kün ärtmiş knä, ötrü ol bæg bälindäk aγur iglädi* 'Не прошло еще после пира и десяти дней, как затем этот начальник сильно захворал параличом' [Малов 1951, 154, 157].

так что (рус). Вводит придаточные предложения следствия: тат. *Аларның һәркайсы уналтыны узган инде, так что устав буенча, кызлардан минимум гиеш* 'Каждой из них уже за шестнадцать, так что по уставу девушки должны выполнять минимум' [Закиев 1963, 321].

төлээдэ (толээзинде) – послелог 'за, для, ради'. Распространен в тувинском языке (ср. монг. *толоо* в тех же значениях); заменяет подчинительные союзы 'потому что, так как, ибо, чтобы' [см. Исхаков, Пальмбах 1961, 454]: *Часнас төлээдэки шыгар херек* 'Чтобы не промахнуться, надо хорошо целиться' [Там же]; *Чылыг болган төлээде, тон кетпейн үнү болур* 'Можно выходить, не надевая пальто, потому что тепло' [Там же].

тыпкы. Распространен в гагаузском языке, вводит сравнительные предложения: *Ойнээр о да – тыпкы бобасы ойнээр* [Бабоглу 1962, 63] 'А он играет, словно играет его отец'.

һара – союзное слово. Вводит придаточные предложения места. В главном – соотносительные слова: аз. *һара исдйрсән, ора қел* 'Куда хочешь, туда и иди' [Рамазанов 1955, 286].

һарда вводит придаточные предложения места: аз. *Абыр һарда, чөрәк орда* (Аталар сөзү, 18) 'Где достоинство (честь), так и хлеб'; *һарда* сопровождается усилительным *ки*: аз. (бак. диал.) *һарда ки отурмышдун, ораны ахтар* [Ширалиев 1957, 151] 'Где он сидел, там и ищи'.

һардан... ораја 'откуда... туда': *һардан җәлмисән, ораја гајыт* (МН, 23) 'Откуда пришел, туда и возвращайся'.

һалә ки. Вводит придаточное предложение со значением выполненного условия: аз. *һалә ки, гошулдун она, јолда бир мағам тапыб өлдүрәрсән* (АН, 41) 'Раз уж связался с ним, то найдешь по дороге удобный момент и убьешь'.

һарчәнд (перс.). Вводит придаточные предложения уступительные: аз. *Биз һарчәнд доғрудан да ам идик, анһаг сиркәнин гәлмәйнә чох бәйүк*

һәвәслә даяндыг (МН, 361) 'Мы были очень голодны и нетерпеливо поджидали хотя бы уксуса (на столе)'.

саванна вара, саванна. Распространен в чувашском языке. Вводит придаточные предложения следствия: *Пирён патра шартлама сивёсем пулчёс, саванна вара вырәнё – вырәнёне улмуссисем хәрчёс* 'У нас стояли сильные морозы, так что местами яблони повыверзли' [РЧСл. 1951, 894].

чеже... ынча. Распространен в тувинском языке. Вводит придаточные предложения меры и степени: *Сенде чеже ном барыл, менде база ынча бар* 'Сколько у тебя имеется книг, столько же есть и у меня' [ТРСл. 1955, 720].

чу, чү. Вводит:

а) придаточные предложения, передающие временное, обусловленное соотношение действий: аз. *Җәгирди чу багбан хәбари, дер...* (Хәтаи 1946) 'Когда садовник принес известие, он сказал...'; встречается он и в памятниках турецкого языка, а также в произведениях Алишера Навои (в современных тюркских языках он не получил распространения) – турецкий памятник: *Козы мст اولوريسه نه عجب در چو كوزلا لارم دوكر اشك مدامى* (Burhanettin) 'Если его глаза бывают опьяненными, что (в этом) удивительного? (когда/раз) мои глаза изливают вино любви';

б) придаточные предложения причины: аз. *Вердим чу Сәбайә нечә пәнди (=насихәт), дур инди – дедим – сөзүм түкәнди* (Хәтаи 1946) 'Так как я дал Сәбайә столько советов, то я сказал: – Теперь стой, речь моя иссякла'; узб. *Лабинг фикри бағримни кон қилдило, Чу қон қилди, кўздин равон қилдило* 'Мысль о твоих устах сделала мое сердце кровавым, Так как оно стало кровным, то (кровь) сочилась и из глаз' [Муталибов 1955, 47];

в) придаточные предложения сравнения: аз. *Һәр ишә чу иттифаг хошдур, ағанда пәрду будаг хошдур* (Хәтаи 1946) 'Подобно тому как в каждом деле приятно согласие (союз), на дереве приятны райские ветки'.

чун – тот же круг значений, что и у чу. Встречается преимущественно в памятниках, отражающих южнотюркские языки. Вводит следующие предложения.

1. Придаточные предложения времени: аз. *اما چون آدم هر دم زيارتن قايىتى و شاغلارى آنوك قارشوسينه وارديلار* (Шүһә-данамә) 'Но когда человек возвращался с паломничества, его дети шли ему навстречу'; *Чун етди мәнә, салам гылдым, өз дәрди дилим тамам галдым, нә бахды салама, нә кәлама* (Хатаи 1946) 'Когда она подошла ко мне, я поздоровался, заговорил о своем горе, но она не обратила внимания ни на приветствие, ни на слова';

چون سننک يوزنکا باخدم قوتلو اولدى ما همز

نه عجب صورت يار اتمش صنعله اللهمز

(Хатаи 1966, 97) 'Когда я взглянул на твое лицо, то наш месяц стал счастливым, Какое изумительное лицо сотворил так искусно наш бог'; Дер-бент-наме: *چون اخشام اولدى ببرندن آيرولوب يرلو يرنده*

قونديلر 'Когда наступил вечер, они расстались и расположились каждый на своем месте'; Лейли и Меджнун: *چون آته اوينه دوندى ليلي*

1948, 247]; *Баксава һыу һипмәнем, сөнки кисә ямағыр яуган ине* 'Я не поливал огород, потому что вчера шел дождь' [Там же]; гаг. *Ал бу чичеклери сана, чўнкү өлә беенерсин* [Бабоглу 1962, 58] 'Возьми себе эти цветы, потому что тебе они (так) нравятся'; *Ени костюм диктирди, чўнкү Москвага гидежек* [Бабоглу 1962, 64] 'Он сшил новый костюм, потому что поедет в Москву'; ктат. *باشتا ساز قوشلاری اوچوب کیتدیلهر چونکه* 'Сказала, (что) улетели болотные птицы, так как камышевые плавни начали уже замерзать' [Самойлович 1916]; тат. *Килә алмадым, чөнки яңгыр булды* [Желей 1947, 131] 'Я не пришел, потому что был дождь'; *Без очрашмадык, чөнки ул бозга килмәде* 'Мы не встретились, потому что он к нам не пришел' [Каримова 1954, 17]; тур. *O gelirse bana yardımı olmaz, çünki kendisi yardımı muhtaç ... diyordu* 'Если она и придет, мне от нее помощи не будет, потому что она сама нуждается в моей помощи ... говорила она' [Кононов 1956, 546]; туркм. *Бу жайлара гелен болсам хем, ене гит-жекдириң, чўнки мен хем сениң ялы бир перизада ашыкдырың* 'Хотя и я пришел в эти места, но я снова уйду, так как я, подобно тебе, влюблен в одну пери' [Поцелуевский 1943, 80]; узб. *Мен шундай қилишга мажбур эдим, чўнки мен учун чол-кампириңг кўнглига озор етказишиңиз мумкин эди* (Чашмалар, 88) 'Я вынужден был так поступить, потому что из-за меня вы могли обидеть сердце старухи'; уйг. *Sin Çaniñ icki xitaj belän soda əlaqisi u qədə(r) kən, ətəs çünki jol ziraq hət jaman* 'Торговая связь Синьцзяна с внутренним Китаем настолько не является широкой, что (çünki) путь далек и плох' [Насилов 1940, 141].

1948, 247]; *Баксава һыу һипмәнем, сөнки кисә ямағыр яуган ине* 'Я не поливал огород, потому что вчера шел дождь' [Там же]; гаг. *Ал бу чичеклери сана, чўнкү өлә беенерсин* [Бабоглу 1962, 58] 'Возьми себе эти цветы, потому что тебе они (так) нравятся'; *Ени костюм диктирди, чўнкү Москвага гидежек* [Бабоглу 1962, 64] 'Он сшил новый костюм, потому что поедет в Москву'; ктат. *باشتا ساز قوشلاری اوچوب کیتدیلهر چونکه* 'Сказала, (что) улетели болотные птицы, так как камышевые плавни начали уже замерзать' [Самойлович 1916]; тат. *Килә алмадым, чөнки яңгыр булды* [Желей 1947, 131] 'Я не пришел, потому что был дождь'; *Без очрашмадык, чөнки ул бозга килмәде* 'Мы не встретились, потому что он к нам не пришел' [Каримова 1954, 17]; тур. *O gelirse bana yardımı olmaz, çünki kendisi yardımı muhtaç ... diyordu* 'Если она и придет, мне от нее помощи не будет, потому что она сама нуждается в моей помощи ... говорила она' [Кононов 1956, 546]; туркм. *Бу жайлара гелен болсам хем, ене гит-жекдириң, чўнки мен хем сениң ялы бир перизада ашыкдырың* 'Хотя и я пришел в эти места, но я снова уйду, так как я, подобно тебе, влюблен в одну пери' [Поцелуевский 1943, 80]; узб. *Мен шундай қилишга мажбур эдим, чўнки мен учун чол-кампириңг кўнглига озор етказишиңиз мумкин эди* (Чашмалар, 88) 'Я вынужден был так поступить, потому что из-за меня вы могли обидеть сердце старухи'; уйг. *Sin Çaniñ icki xitaj belän soda əlaqisi u qədə(r) kən, ətəs çünki jol ziraq hət jaman* 'Торговая связь Синьцзяна с внутренним Китаем настолько не является широкой, что (çünki) путь далек и плох' [Насилов 1940, 141].

2. Придаточные предложения причины: аз. *Ата чон آدم Һабилли* (Шүһаданамә) 'Но так как человек не видел Хабилли, то, найдя его, он возблагодарил бога'; *كورمدي آنونك بولما غنده حمد ايتدی* (Шүһаданамә) 'Но так как человек не видел Хабилли, то, найдя его, он возблагодарил бога'; *التفات اتمه مونكا چون كل فرقات مندهدر* (Хэтай 1966, 73) 'Не проявляй к этому благоволения, ибо весь фуркан у меня'; *Kelile ve Dimne* (XIV в.): *Gün bu söz ağızlarına düştü ve kamu canavarlar işitti* [Tarana 1943; 1963, I, 9] 'Поскольку эти слова попали на уста, то и все звери слышали'; туркм. *Чун мени рысва кылыпдар, ышкы екана уградым, Етмиши ики шахер иле муң бир дукана уградым* (Махтумкули) 'Так как меня обесчестили, я ушел к любви, я ходил по семидесяти городам и тысячам лавок'.

В современных тюркских языках союз *чун* также употребляется. Однако круг его значений значительно сузился. Он вводит придаточные предложения причины. Ср. *Чун мән Загатала шәһәрини биринчи дәфә жәрдүйүм идим, онунчун да кенлүмдән кечирди ки, Оһан оғлан мәнә бәләдчи ола* (МН, 43) 'Так как город Загаталы я посетил впервые, мне захотелось, чтобы парень Охан был моим проводником'.
Союз *чун* сохраняется в диалектах азербайджанского и турецкого языка. Ср., например, муганские говоры: *Балыг јүммәрәм, чун емамишәм* 'Я не ем рыбу, потому что и не ел (прежде)' [ГМГ 1955]; тур. (кастамун. диал.) *Bütün zaptıyele hırsuzu meydana çıkarma çün edrafa dağıtdım* [Сафероглу 1942, 43] 'С помощью начальства не обнаруживай вора, потому что я разогнал всех вокруг'.

3. Придаточные предложения условные: *چون منى سنونك ايلن بيله* (Шүһаданамә) *كورميه جوشه كلوب غضبنا اغلاما غه دوشجكدور* '(Когда) если он меня с тобой не увидит, то он разволнуется и от гнева (злости) станет плакать'; *چون خطايي يو سا هنك وصفيني* *دايم سويلرم صدق ايلن بيل با غلرم دفترله ديوان مندهدر* (Хэтай 1966, 52) 'Раз я — Хэтай, то вечно славословлю падишаха, искренно уповаю; ведь диван с тетрадью у меня'; *Чун мунма жәрәклисән мәнә сән, ничун варасан дәхи она сән* (Хэтай 1946) 'Если ты так нужна мне, почему же ты стремишься к нему?'.
чунки. Вводит придаточные предложения причины. Распространен во многих тюркских языках: аз. *Бали, артыгһеч бир заман сөйләмәймәксән, чўнки о сабаһ өләжәкдир* (Җаббарлы 1954, 38) 'Да, больше никогда ты не будешь разговаривать, потому что он завтра умрет'; башк. *Ашан алдым, сенки бик асыккайным* 'Я поел, так как сильно проголодался' [Дмитриев

1948, 247]; *Баксава һыу һипмәнем, сөнки кисә ямағыр яуган ине* 'Я не поливал огород, потому что вчера шел дождь' [Там же]; гаг. *Ал бу чичеклери сана, чўнкү өлә беенерсин* [Бабоглу 1962, 58] 'Возьми себе эти цветы, потому что тебе они (так) нравятся'; *Ени костюм диктирди, чўнкү Москвага гидежек* [Бабоглу 1962, 64] 'Он сшил новый костюм, потому что поедет в Москву'; ктат. *باشتا ساز قوشلاری اوچوب کیتدیلهر چونکه* 'Сказала, (что) улетели болотные птицы, так как камышевые плавни начали уже замерзать' [Самойлович 1916]; тат. *Килә алмадым, чөнки яңгыр булды* [Желей 1947, 131] 'Я не пришел, потому что был дождь'; *Без очрашмадык, чөнки ул бозга килмәде* 'Мы не встретились, потому что он к нам не пришел' [Каримова 1954, 17]; тур. *O gelirse bana yardımı olmaz, çünki kendisi yardımı muhtaç ... diyordu* 'Если она и придет, мне от нее помощи не будет, потому что она сама нуждается в моей помощи ... говорила она' [Кононов 1956, 546]; туркм. *Бу жайлара гелен болсам хем, ене гит-жекдириң, чўнки мен хем сениң ялы бир перизада ашыкдырың* 'Хотя и я пришел в эти места, но я снова уйду, так как я, подобно тебе, влюблен в одну пери' [Поцелуевский 1943, 80]; узб. *Мен шундай қилишга мажбур эдим, чўнки мен учун чол-кампириңг кўнглига озор етказишиңиз мумкин эди* (Чашмалар, 88) 'Я вынужден был так поступить, потому что из-за меня вы могли обидеть сердце старухи'; уйг. *Sin Çaniñ icki xitaj belän soda əlaqisi u qədə(r) kən, ətəs çünki jol ziraq hət jaman* 'Торговая связь Синьцзяна с внутренним Китаем настолько не является широкой, что (çünki) путь далек и плох' [Насилов 1940, 141].

Встречаются случаи, когда придаточные предложения, вводимые союзом *чунки*, могут предшествовать главному предложению. Передаваемое придаточным предложением значение носит причинно-обусловленный характер: аз. *Чўнки елә олду, онда мән дә Исфәһана кедим* (АХД, 297) 'Раз уж так произошло, я еду в Исфаган'; узб. *Чўнки уруш охирлаб, қишлоғимизга фронтдан деярли ҳар қуни одам қайтар, мен эса, ойимни — менинг дадам қачон келадилар, соғиниб кетдим, деб қўймас эдим* (Чашмалар, 82) 'Поскольку война закончилась и в наш кишлак почти каждый день возвращались с фронта люди, то я не отставала от мамы, спрашивая, когда же приедет мой папа'; *شعد چونکه اولدونك صدق ايله* (Шүһаданамә) 'Раз ты весел, (то) будь (и) верным'; туркм. *Чўнки гелдин бу яланчы жахана, Аягың гарамай бакдың асмана* (Махтумкули) 'Так как ты пришел в этот лживый мир, Ты не гляди под ноги, а посмотри на небо'; документы на половецком языке XVI в.: *кетхојалар ајт(т)ілар чўнки нема біла јох на керак казнја терпјт еткајсен да озга справаларни нон-грага (сонграга) заховат ет(т)ім* 'Старшины сказали: так как (у тебя) ничего нет, то тебя следует наказать. А другие дела я (войт) отложил' (ДП, 124, 232).

В памятниках азербайджанского языка, а также в хорезмийских памятниках XIV в. встречается синонимичное сложное союзное образование *чун ким*. Ср. хорезмийские памятники XIV в.: *Йуз көз обушмәк не файда ол дәм, чун ким алар айрылыб йана емиш гәм* 'Что пользы в это время целоваться, если они, разлучившись, снова тоскуют' [Фазылов 1966, 39]; *чүге дээрге/чүге дизе*. Вводит придаточные предложения причины. Распространен в тувинском языке: *Сээң — биле кады чоруп шыдавас-тыр*

мен, чүге дээрге ажылым доозулбан 'Я не могу с тобой поехать, потому что работа не закончена' [ТРСл. 1955, 719]; *Келбес мен, чүге дээрге чайым чок* 'Не приду, потому что мне некогда' [Исхаков, Пальмбах 1961, 453].
эрэри. Вводит в якутском языке придаточные уступительные предложения. По форме — деепричастие на *аары* от глагола *эр-* 'быть чем-нибудь занятым', но употребляется только как союз. Может принимать аффиксы сказуемости именного сказуемого. Ср. *Оччо оҕолор-доох эрэригин саап-паккын даҕаны!* 'Столько детей имеющая хотя + ты, а не стыдишься даже!' [Убрятова 1976, 331].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЮЗОВ

Сложные предложения союзного типа возникли в тюркских языках не случайно. Но их возникновение нельзя объяснять только влиянием структур контактирующих с ними языков других систем (русский, арабский, иранские языки). В недрах структуры тюркских языков были заложены условия для развития союзного сложного предложения. Исходным материалом для развития сложного предложения в тюркских языках, как и в индоевропейских, было простое предложение, и первоначальный путь развития сложного предложения этих языков был одинаков — сцеплялись простые предложения, которые господствовали на наидревнейшей ступени синтаксического развития. На почве же тюркских языков самостоятельно зародились две синтаксические тенденции: 1) трансформация, которая не могла охватить все разнообразные виды сложного предложения и 2) союзный способ, известным внутренним импульсом к развитию которого явилась союзная функция усилительных частиц. Способ примыкания поддерживался системой частиц, которые хронологически относимы к довольно раннему периоду тюркской общности. Материал современных тюркских языков, их диалектов и памятников является доказательством того, какой значительный удельный вес в синтаксической структуре занимают частицы.

Постпозитивная частица, присоединяясь к имени, глаголу — к любой части речи, имеет усилительно-выделительное значение и, таким образом, используется в случаях эмпазы. Широкий круг таких исконно тюркских частиц, употребление которых особенно характерно для стиля живой разговорной речи. Приведем наиболее характерные из них.

Частица *а:* узб. *Шуни айтинг-а!* (Яшин, 7) 'Скажи-ка это!'; уйг. (памятник христианского содержания XIII в.) *аї тоҕоҕ-лар-а, siz-lär üç türlüg saqunç üzä kirtinç-lär* 'О маги, вы вошли (ко мне) с тремя различными мыслями' [Малов 1951, 135, 137].

Частица *ақ* — широко распространена в казахском языке: *Бізді асырайман деп-ақ жаныңды жалдап болдың гой!* (Нурпейсов, 7) 'Ты всю душу вымотал себе, чтобы прокормить нас'; *Мен ертерек-ақ білдім-ау* (Ақтанов, 10) 'Я же заранее знал'; *Содан кейін-ақ мойын бұруға мұршасы болмады* (Там же, 13) 'После этого он был занят по горло'; чув. *Тен, чйнах та таврайне-ха?* (Лазарева 1960, 32) 'Может быть, он действительно вернется?'. В салырском диалекте туркменского языка эта частица имеет фонетические варианты *акъ*, *эк* [Атаджанов 1959, 15].

Нам представляется, что этимологически *акъ/ек/ах* родственна и древнетюркская частица *әк/оқ*. Ср. памятник в честь Тоньюкука: *tün idumaty,*

küntüz olurmaty qanyñ genym tökti, qara tärим jügürti, isig küçig birtim oq 'Не спал ночью и днем, не имея покоя, проливая красную кровь и заставляя бежать свой грязный (черный) пот, я давал работу и силу (т.е. работал)' [Малов 1951, 71, 72]; *Anta kisrä täñri bilig bärтүк üçün özüм öк qaqan qysdym* 'Затем: Так как небо даровало мне знание, то (несмотря на малые способности хана) сам я захотел (его в качестве) хана (захотел его ханом)' [Там же, 61, 65]; Махмуд Кашгарский: *barğul öк* 'пойти бы тебе' (МК I, 37); Кутадгу билиг (намаган.): *Kişi sözlär öк, kör, kişinñ sözi* 'Смотри, говорит человек слова людей' [Малов 1951, 252, 276]; уйгурский памятник христианского содержания XIII в.: *t(ä)ñri oγly j(ä)mä m(ä)n öк, äürü-m(ä)n. Iluk qan j(ä)mä m(ä)n äürü-m(ä)n* 'Я и сын бога, я и царь' [Там же, 135, 137]; юридические документы уйгуров X—XIII вв.: *Kidin jynaq syçysy ökän öк adyrar* 'Сторона на западе граничит тоже с рекой' [Там же, 210]; Среднеазиатский тефсир: *Ataci' ajdi malik özini özi öк турутди* 'Отец его сказал: Царь создал сам себя же' [Боровков 1963, 243, 244]; История пророков Рабгузия XIV в.: *اولار اوزلاری اوق قچنای* 'Они сами тогда убегут' [Малов 1951, 325, 333].

Частица *оқ* встречается и в некоторых современных тюркских языках. Ср. кум *өзлерөк да* 'они и сами', *өзюмок да* 'я и сам' [Джанмавов 1967, 187]. Н.К. Дмитриев, касаясь происхождения афф. *-өк*, полагал, что он "с некоторой долей вероятия восходит к семантически полному слову *өкә/укә* 'стрела' и 'далее, миг и момент'" [1948, 130]. Нам представляется более справедливой точка зрения Ю.Д. Джанмавова, который связывает ее с усилительной частицей [1967, 187].

Частица *ау:* каз. *Балакы алып, бизди баққан екен-ау!* (Әуәзов, 5) 'Взяв ребенка, он следил за нашими выходками! (поведением)'.
 Частица *го/гу/ку:* кирг. *Мен жокмун го, Мархамат эже?* 'Ведь меня, кажется, нет, Мархамат эже?' (Назир 1960, 16); *Редактор-го — редактор, сен эмне жакшылап караган жоксуң?* 'Редактор-то редактором, а ты почему хорошенько не посмотрел?' [КРСл, 1965, 177]; южн. диал. *Мен өткөздүм ку* 'Да ведь сдал, я же сдал' [Там же]; узб. *Ердам бериш бурчимиз-ку, хотиржам бўлинг, ая!* (Чашмалар, 9) 'Помогать же наш долг, так что будьте спокойны'; — Э, э, *акиллай берасан-да, Сафар!* — *деди бўқок, — биз нима деяпмиз-ку, сен нима деясан!* (Қодирий 1959, 60) 'По-умному даешь ведь, Сафар, — сказал зобатый. — Ведь что мы говорим, а что ты говоришь?'.
 Частица *ма, ба:* ал т. *Сен кичү болбийзынг ма!* 'Ведь ты еще мал!' (Алтын-бизе, 39, 97); уйг. *Инқилаптин кейинки жыллардиму униң байлиги учинла зәрбә йемей, бири-икки болишқа башилиди* (Босаков, 38) 'Даже в годы после революции его богатства, не испытав значительного ущерба, стали удваиваться'; Кутадгу билиг (намаган.): *Jana ma ajytty: tiläginrä ol?* 'И еще спросил: каковы у тебя желания (просьбы)?' [Малов 1951, 252, 276]; юридические документы уйгуров X—XIII вв. *Ol bitig-ni m-a bägim-kä birtim* 'Я то письмо моему начальнику дал' [Малов 1951, 202, 203]; Среднеазиатский тефсир: *bäriң tilänçilärkä neçä ma tilänçi äлиндä iki қолі алгун болса* 'Подайвай нищим, хотя бы у нищего руки были полны золота' [Боровков 1963, 220]; хорезмийские памятники XIV в.: *Мэним аслым ерүр андын ма машхүр* 'Мой род более знаменит, чем его' [Фазылов 1966, 74].

Частица *чи*: кум. *Айтдым чы сагъа* 'Я ведь сказал тебе' (Ягъияев, 12); *Ата-бабаларыбыздан кьалгъан ер бу чу* (Акавов, 18) 'Это ведь место, оставшееся от наших дедов'; узб. (ташк. гов.) *Эдамчы – эдим жудаи чьдэмляй* 'Человек-то очень выносливое живое существо'; *Укам-чы укам кэпъган болды* 'Мой же младший брат стал капитаном' [УДМ 1957, 227].

На базе усилительно-выделительной функции при однородных именах и глаголах у частиц развивается соединительное союзное значение: кирг. *Мындай го, тигиндай го деп, ой жорууга туш* 'И то предполагать и это предполагать, теряться в догадках' [КРСл. 1965, 177]; Памятник в честь Тоньюкука: *isig küçig bårtim ök, bân öziüm uzun jalmäg jämä yt(t)-um oq* 'Я отдавал народу (свои) работу и силу, и я же сам направлял длинные (дальние) военные набеги' [Малов 1951, 64, 69].

Эмфаза дает почву для развития и союзного значения противопоставленности действий. Ср. кирг. *Мен го барам, сен эпине кьласың?* 'Я-то пойду, а вот ты что будешь делать?'; узб. *Мен яхшилик қилиб сени ўлимдан қутқардим-қу, сенга яхшилик қилган одамни чақасанми?* (УЭ, 38) 'Я ведь сделал добро и спас тебя от смерти, а ты жалишь человека, который тебе сделал добро?'; юридические документы уйгуров X–XIII вв.: *M(ü)n Solda jim-ä tükäl birdim* 'А я же, Солда, сполна уплатил' [Малов 1951, 210]; *Tigui täşy baslap Qydaï täşy-larqa kânänsär-man, Tigui täşy m-a taqy öz-gä kisi-lär, m-a julup alajyn bos qulajyn tisär* 'И вот, когда я совещаюсь, начиная с князя Тигуя, с китайскими князьями, князь Тигуй, а также и другие люди говорят: – Мы выхлопочем и возьмем тебя и сделаем свободным' [Там же, 202, 203].

На почве эмфазы может развиваться и временное соотношение двух действий. Ср. каз. *Толқыган көңіл әсерімен езімді билей алмай қалдым ба қаттырақ ұрып жіберіпін* (Сералиев, 31) 'Когда я не смог совладать с собой из-за Толкыгана, я быстро ударил'.

Таким образом, на базе усилительно-выделительной функции у частиц развиваются не только значения соединительных союзов, но и значения противопоставленности двух действий, их обусловленного характера, временного соотношения, т.е. не только сочинительные, но и подчинительные отношения.

Ниже будет показано, что целый ряд тюркских сочинительных и подчинительных союзов ведет свое происхождение от усилительных частиц.

да, да¹². Являет собой яркий пример развития союзной функции на базе усилительной функции частицы *да*. В процессе образования этого постпозитивного союза можно условно выделить три этапа: 1) постпозитивная частица, присоединяясь к глаголу или имени, сохраняет усилительное значение, не имея еще союзного значения; 2) развивается союзное значение при сохранении еще усилительного значения; 3) союзное значение, совершенствуясь в своих разнообразных оттенках, становится ведущим.

Проиллюстрируем эти условно выделенные этапы развития *да*, показав, как важно дифференцировать различные случаи его употребления, что обычно не делается в грамматиках по тюркским языкам.

¹² В существующих грамматиках по тюркским языкам обычно указывается, что это соединительный союз 'и, также, тоже' [см. Кононов 1960, 328]. Этимологически его обычно связывают с тюркским энклитическим афф. *-да* [см. Дмитриев 1962, 264].

1. *Да* имеет усилительное значение в постпозиции к имени. Ср. гаг. *Бән дә сени браамам зорунда* (Буджактан, 127) 'И я тебя не оставлю в беде'; кирг. *Законду биз да билебиз* (Каимов, 7) 'И закон мы знаем'; *Охо! Журчу, Маке, андай болсо, биз да барып учурашалы!* (Там же, 94) 'Охо! Идем-ка, Маке, если так, то и мы сходим и поприветствуем'; тат. *Нишлагенемне үзем дә белмим* (Фәттах 1967, 93) 'И сама не знаю, что я делала'; тур. *Носа да, geri kalan eşyalar sırtlayarak hırsızın peşine düşmüş* (Nasreddin, 6) 'А ходжа взвалил на спину оставшиеся вещи, пошел следом за вором'; чув. *Унтан вара хёрсем те клуба пухйнасçе* (Талвир 1952, 5) 'Потом и девушки в клубе собираются'.

Усилительная функция *да* прослеживается и в постпозитивном употреблении при глаголе: каз. *Кім болушы еді, анаңнан туған қыздын баласы жиеншар болады да* (Сералиев, 35) 'Кто он тебе должен быть, если он сын твоей сестры, он и есть племянник'; *Маған ұқсаса тапал қара болды да* (Там же, 36) 'Если похож на меня, то он должен быть черным и коренастым'; кбалк. *Да, сора аны бла кьалгъанды: зуубына уа зууб этген адам ол эди да* 'Тот и был человек (человеком), который мог ответить на вопрос (царя)' [МБД 1962, 51, 53]; кирг. *Багыбыз энин курсагында байланган да* (Сыдыкбеков, 6) 'Наше счастье было уже заложено во чреве матери'; ног. *Мен сага ят адем тувылмантта* (Кень йоллар, 19) 'Я ведь тебе не посторонний человек'; тур. *Fakat galiba bundan biraz korkuyordum da* (Sabahattin 1966, 104) 'Однако, очевидно, и я немного побаивался этого'; туркм. *Диймек, учатокда хичхили уйтгешиклик болмандыр-да?* (Маммедов, 59) 'Значит, на участке не было никаких изменений?'; узб. *Аттанг, путёвкани шу ёққа олмабсиз-да* (Ахмәд, 17) 'Как жаль, ты ведь не получишь путевку в те края'; *Шу иш күп ёмон бўлди-да, Дилбар!* (Яшин, 5) 'То дело стало ведь очень плохим, Дильбар!'; уйг. *Оқалмай калдимдә!* (Босақов, 9) 'Остался ведь я необученным!'

2. При усилительно-выделительном значении у *да* развиваются и союзные значения.

1) Значение сочинительного союза 'и' развивается в случае эмфазы при однородных именах. Ср. гаг. *Гагарин дә, Титов да – совет космонавтлары* [Бабоглу 1962, 45] 'И Гагарин, и Титов – советские космонавты'; каз. *Абай да, Жумабай да, қызығын тыңдасты* (Әуәзов, 7) 'И Абай, и Жумабай слушали с интересом'; кбалк. *Мен да жырлады Осман да жырлады* 'И я пел, и Осман пел' [Дмитриев 1962, 388]; хак. *Пістінг чазыларда пугдай даа, арыс таа, көче дее чаксы өсче* 'На наших полях хорошо растут и пшеница, и рожь, и ячмень' [ХРСл. 1953, 48]; тат. *Якындыгы промтовар кибете да, ашханә дә ябык иде* (Фәттах 1966, 8) 'И промтоварная лавка, и столовая, находящиеся поблизости, были закрыты'.

То же значение сочинительного союза наблюдается у *да* в постпозиции при однородных глаголах. Частица-союз *да*, усиливая, подчеркивая, выделяя, а затем уже и связывая один из однородных членов, в частности сказуемое, тем самым предохраняет его от трансформации в деепричастие. Нарушается обычная структура слитного предложения, состоящего из однородных сказуемых, из которых обычно лишь последнее – *verbum finitum*, а остальные – деепричастия на *-ыб*.

При частице-союзе *да* оба члена – однородные сказуемые – часто сохраняют оформление *verbum finitum*. Очевидно, что частица-союз *да*, подчерки-

вая, выделяя однородные действия, одновременно указывает на их самостоятельный характер, предохраняя от трансформации. Отсюда еще раз напрашивается вывод о том, что трансформации обычно подвергнуты логически зависимые члены, зависимые предложения. Ср. каз. *Баладан қорыққанына Жұмабай уялды да, ыза болды* (Әуезов, 5) 'Жумабай устыдился за свой страх перед мальчишкой, и его взяла досада'; *Кемпір-шалга аң мен құстың етін қақтап үйіп береді де, Тестік жолға шығады* (ҚЕ, 5) 'Тостык обеспечивает старика со старухой мясом дичи и зверей и отправляется в путь'; узб. *Менинг жойим юқорида эди. Уни тинчитиб, чамадончамны полкага иреитдим-да, ўзим ҳам бир сакраб чиқиб олдим* (Ахид, 142) 'Мое место было наверху. Успокоив ее, я забросил свой чемоданчик на полку, а сам, подпрыгнув, взобрался (на полку)'; *Саид индамай, ёнимга ўлтирди-да, қўлимдаги гулни олиб, ҳадлади, меҳр билан тикилиб, томоша қилди* (Чашмалар, 55) 'Саид молча сел рядом со мной и, взяв у меня из рук цветы, понюхал и стал их с любовью разглядывать'; уйг. *Шуни ейттидә достига энди қаримай, колхоз идариси тәрәкә журигәндәк илдам меңип кәтти* (Босақов, 19) 'Он сказал это и теперь, не глядя на друга, быстро, словно бегом, пошел в сторону колхозного правления'.

Переход частицы *да* в союз осуществлялся постепенно. Некоторое время частица *да* не могла нарушить своего положения в конце слова — это выразилось в том, что она, приобретая новые качества, продолжала примыкать к концу предложения. Этим и объясняется сохранение случаев трансформированного однородного сказуемого при связующем *да*, занимающего позицию в конце предложения: аз. *Отуруб, узалашан бајаты сәсинә гулаг асараг күлүмседі дә* (Ибраһимов 1966, 8) 'Он сидел и прислушивался к звукам далекой песни и улыбался'. Ср. еще лобн. *Гүл Семгә де басып бағлан алды де* 'Дива он поборол и связал Дива' [Малов 1956, 31] и т.д.

Двойная связь наглядно проявляется, когда частица-союз *да* одновременно связана с обеими частями сложносочиненного предложения: а именно, выполняя новую функцию присоединения последующего предложения, *да* одновременно тяготеет к составным частям первого предложения, подчеркивая те или иные его члены. Ср. туркм. *Бирден шемал турды-да агачларың башлары ыранмага башлады* 'Вдруг поднялся ветер, и стали колыхаться верхушки деревьев' [Аннануров 1956, 73]; узб. *Афанди ҳечнарса демади-да, ҳаммомга кириб кетди* 'Афанди ничего не сказал и вошел в баню' [Кононов 1960, 328].

2) Значение противительного союза 'а, но': каз. *Коян бір жердің уңгіріне барып кіреді, бала да кіріп кетеді* (КЕ, 184) 'Заяц прячется в норе, а за ним лезет туда мальчик'; *Келетін ойым жоқ еді, түлкі әкелді де* (Там же) 'Я не хотел идти сюда, но меня привела лиса'; *Мен орасан тентек едім де, ол жуас еді* (Қайсенов, 17) 'Я был большим шалуном, а он был тихим' и т.д.

3) Значение подчинительных союзов 'что, так что', вводящих придаточные предложения подлежащные и цели: тур. *Öyleyse, nasıl oluyor da, kendimiz de akullı olduğunuz halde içerdeki akullı arkadaşlarınızı dışarı bırakmıyorsunuz* (Nesin 1958, 5) 'В таком случае, как же (это), если вы сами в разуме (не сумасшедшие), то почему же вы ваших товарищей, разумных, не выпускаете наружу'; *Nasıl oldu da sen bu yollara düştün be kızım?* (Sabahattin 1966, 105)

'Как же случилось, что ты встала на этот путь, а, моя девочка?'; *Oldu olacak, şu kızıyı kızartıp yiyelim de, hayvan olup gitmesin* (Nasreddin, 27) 'Будь что будет, зажарим и съедем этого ягненка, чтобы животное не пропадало'.

3. Союзное значение у частицы *да* становится главным, и при этом интенсивно развиваются многообразные оттенки этого значения в том числе и подчинительные.

1). Значение соединительного союза 'и': каз. *Ол менімен сегізінші класка дейін консерваторияға тусуге уәделесіп жүрді де бір күні сабындай бұзылды* (Сералиев, 6) 'Он до восьмого класса обнадеживал меня, что мы вместе поступим в консерваторию, и в один (прекрасный) день все лопнуло, как мыльный пузырь'; *Қарақоңыр аспан көкшіл тартып, кең алқап та, қалын ағаштар да ашық сәуле күшағына енді* (Сарақсаев, 7) 'Темноокричное небо чуть просветлело, и широкие луга и густые деревья вошли в объятия яркого солнечного луча'; кбалк. *Бир кзая эшикни ачхант да, ичине кийиргенди, сора кзая эшикни этгент да, ичинде бекленгендиле да кьалгъандыла* [МБД 1962, 47] 'Открыв (открыл) в одну скалу дверь, ввел (их) внутрь. Затем вход закрыл, и они оказались внутри запертыми'; узб. *Бор экан да йўқ экан, бир дангаса бор экан* (ЎЭ, 23) 'Есть ли, нет ли, но жил-был некий лентяй'.

Да соединяет действия разновременного плана: узб. *Ҳамишра отамга "шу ерда туринг" ишорасини қилиб чиқиб кетган-да, зум ўтмай хонага касалхона хирургини етаклаб келар экан, отамга тушинтирган* (Чашмалар, 63) 'Сестра, сделав знак моему отцу "стойте там", вышла, и не прошло и мгновения, она привела под руку в комнату больничного хирурга и объяснила моему отцу'.

2) Значение противительного союза 'а, но': кбалк. *Сора о кече ала зукълаб болгъандыла, ол'а баргъанды да, аладан ючеуленни кесгенди* 'И в эту ночь князь (они) спали, а он пошел и трех из них зарезал' [МБД 1962, 65, 66].

3) Значение временных, условно-уступительных союзов: кбал. *Тёртюсю да кюрешгендиле да, кзая эшикни ачалмагъандыла* 'Рсе четверо (сколько они ни) старались, дверь открыть не могли' [МБД 1962, 47, 48]; тур. *Iş var da biz mi uyarıyoruz* (Nesin 1958, 19) 'Когда (если) есть работа, разве мы не делаем'; аз. *Кими бәјәнирсән де, о адама да никаһ кәсдирәк* (АН, 64) 'Кто тебе (если) нравится, за того человека и выдадим замуж'; алт. *Оны бис ого (оо) айтканыбыс та, ол бистинъ сөзибисти укнайт* 'Хотя мы и говорили ему, он наших слов не слушает' [Дыренкова 1940, 290].

Да в сочетании с аффиксом условного наклонения *-са* во всех тюркских языках образует уступительные конструкции.

4) Сочетание сказуемого придаточного предложения + *да* с формой повелительного, желательного наклонений главного сказуемого образует цельные конструкции: тур. *Biz şey uyar da, biraz başum dinlensin* (Nasreddin, 9) 'Что-нибудь сделай, чтобы у меня голова отдохнула'.

дагы/тақи. Проходит тот же путь от усилительно-выделительной частицы до союза.

1. *дагы* — средство эмфазы: кирг. *Бир саат дагы бошко кетпесин* 'Даже и один час не должен быть потерян' [РКСл. 1965, 180]; кум. *Не этейик дагъь* (Ягъияев, 14) 'Что же нам делать'; *Өз алдыма быр зат этпеге меним энди правом да йоктагы!* (Кень йоллар, 20) 'Что же у меня теперь и права

нет что-нибудь себе сделать?»; *Меним оны кайдын билгенимнин сол кадер уйкен манеси бартагы?* (Там же, 19) 'Разве то, откуда я это знаю, уж столь важно'; туркм. *Огул-гыз жанына ягыдыр ягы, Ягысыз дунйени на-дерсиң дагы?* (послов.) 'Сын и дочь твоей душе враги – враги, но на что же тебе мир без врага? [Мухаммедова 1948, 23]; хорезмские памятники XIV в.: *Мән тақы анлар арасында болайын сөзләрини тыңлаб анлагайын* 'Буду-ка я среди них, послушаю и пойму их слова' [Фазылов 1966, 59]; Среднеазиатский тефсир: *Курейшитлар айтдилар биз тақи сәнің бірлә істәүз қанча кім сәйн барсаң бірлә барауз* 'Курейшиты сказали: – И мы также будем искать с тобой – куда (если) ты пойдешь, и мы пойдем вместе' [Боровков 1963, 198]; Огуз-наме: *Оауз қаған тақі турді* 'Остановится и Огуз-каган' [Щербак 1959, 50].

2. *дағы* в функции сочинительного союза 'и, а': ног. *Азрет биразга коьзи-нари ясырып алды да, сонъ тагы да алынып кетти* (Кень йоллар, 19) 'Азрет некоторое время скрывал свой взгляд, а затем взял и ушел'; Огуз-наме: *Ошй ұстұнда тоң тақі муз бар турур* 'На ней (на горе) – стужа и лед' [Щербак 1959, 81].

ки. По многообразию передаваемых сочинительных и подчинительных значений вряд ли какой-нибудь из вышеназванных союзов выдержит конкуренцию с этим союзом, тоже своим происхождением связанным с усиленно-выделительной частицей. Вместе с тем история союза *ки* гораздо сложнее. Мы уже упоминали об усиленно-выделительных частицах *го, ку, ок, өк*, в основе которых, очевидно, лежит этимологически единая частица, связанная с элементом *-к/-к*. С ней, вероятно, в родстве и союз *ки*. Но почему союзная функция в достаточной степени не развилась у фонетических вариантов *го, ку* и т.д.? На этот вопрос можно ответить, учитывая внешние факторы развития языка.

Прежде всего проанализируем развитие союза *ки* на почве самих тюркских языков. Материал отдельных языков, не только огузских, но и кыпчакских, обнаруживает довольно широкое распространение в них усиленно-выделительной частицы *ки*. Ср. аз. *Сән ки дунја жермуш адамсан* (Ибрагимов 1966, 96) 'Ты ведь человек, повидавший мир'; *Мәни шаһид жәтирмәмисән ки* (Там же, 57) 'Ты же меня не взял в свидетели'; *Ай гыз, нә олуб, нейә тәләсирсән, бизи гован йохдур ки?* (Мехди 1954, 17) 'Дочка, что случилось, почему ты торопишься, нас ведь не выгоняют?'; тур. *Onun bizden farkı, bizim ondan farkımız nedir ki?* (Sabahattin 1966, 93) 'Чем же он от нас отличается, а мы от него?'; узб. *Унинг эғнида яшнаб турган никоҳ либослари ўзига бирам ярашибдики* (Аҳмад, 60) 'Пышные брачные одежды на ней были ей к лицу'; уйг. нареч. Синьзьяна: *Бийдин кигитікі, алтынкі ада кигитікі. Лоп кигитікі* 'Отсюда отправился, в шестой месяц (года) отправился, отправился на Лоб-нор' (кашгарское наречие) [Малов 1961, 42]; документы на половецком языке XVI в.: *Билар кетхојлар ундадылар һрицкону да заміріт ет (т) ілар кун ац ац-інга анча кі хојгај һрицко башха ув һадыр болгај кі сп. хачка кіргај увна башха һрицко тутунду кі хојгај һадыр ув кі сп. хачка кіргај увіна јазылды* 'Старшины призвали Грицко и помирили (их с тем), чтобы до дня Богородицы Грицко поставил другой дом, чтобы дом был готов и чтобы до праздника святого креста Грицко переселился в него. Грицко обязался, что поставит дом и к празднику святого креста уйдет в свой дом' (ДП, 124, 232).

Наблюдаются случаи одновременного употребления синонимичных усиленных частиц *да* и *ки*: аз. *Бу даш қойаран дейил, о да ки, пул учун кәлмәз* (Аталар созу, 230) 'Этот камень без синева, он ведь не пойдет за деньги'; *Адам да ки, Сәкинә иди* (Ибрагимов 1966, 45) '(И вот) таким человеком была Секине'.

На базе усиленно-выделительной функции у *ки* развивается значение противопоставления, следы которого можно наблюдать в следующих примерах: аз. *Сән ки сағламсан, әзизим, хәстәйә дәрман чатар* (Низами, 33) 'Ты ведь здоров, дорогой, а лекарство берет больного'; памятник XI–XII вв.: *Мән ки чөлдә битән бир отам* (Мәһсәти, 33) 'А я ведь трава, растущая в степи'. В нижеследующих примерах противительное значение выражено более ярко: аз. *Арвад елә еләмә ки, жедим Теллини кәтирим, тој тәдарукуну тапшырым она* (Ибрагимов 1966, 21) 'Жена, ты так не делай, а то я пойду приведу Телли и поручу ему организацию свадьбы'; туркм. *Зәхре жан шах-и жахандыр, мен-ки шахың бир гулы* 'Зехре-джан – царица мира, а я раб (этой царицы)' [Поцелуевский 1943, 87]; узб. *Нима қилсин ки, ёнида қора чақа йўк* (Ойбек, 22) 'Что ему делать, если у него нет денег'; *سەنكا دىنكىز كەم آتام ھاندە دور كە منوم طاقتوم موندن آرتوق قالمىوب دور* (Шүхаданамә) 'Скажите мне, где мой отец, (а то) у меня больше нет сил'.

Возраст тюркского *ки* значителен. В тех тюркских языках, в которых встречается этот союз, встречается и этимологически более ранний вариант усиленно-выделительной частицы *ки*. В одном из ранних памятников уйгурского письма – "Золотом блеске" – уже прослеживается усиленно-выделительная частица *ки*. С.Е. Малов дает ее в указателе грамматических форм с пометой "сослагательная" [1951, 191]: *At özin tidti әrkimu* 'Не пожертвовал ли он свое тело?'; *Nä al altaq qylsarmn, tikiläju tirig öz bolıai әrtim arki?* 'Какой бы хитрый способ мне употребить, чтобы случилось так, чтобы остаться снова живым?'; *Qatun uqa jrlıyqady mu әrki?* 'Не соизволила ли (не соизволит ли) услышать это госпожа?'; *Bilgäli ujurlar әrki* '(Тогда) смогли бы понять?'; *Bu na sav arki?!* 'Что это могла бы быть за речь?!' [Малов 1951, 191].

Приведенные выше иллюстрации свидетельствуют о возможном у *ки* противительном-сослагательном значении, которое и явилось почвой для развития условно-уступительных отношений: аз. *Өзүмү өлдүрәрәм ки, ону јаман ишә гојмарам* 'Хоть убью себя, а не допущу его до дурного дела' [Абдуллаев 1963, 124]; *Бура ки, қалдин, һәр шеј и банармалысан* '(Раз) уж пришла ты сюда, (то) все должна уметь (делать)' [Там же, 118]; тат. (гов. Нукрат-Кистим ср. диал.) *Йырак качтың ки, эзләмим* 'Если ты спрятался очень далеко, не буду искать'; *Йел булмады ки, бик йылы* 'Если ветра нет, очень тепло' [Закиев 1963, 323]; тур. *Fakat ne уарууm ki ұzat edecek ne kölem var ne de cariyet* 'Но что я поделаю, если у меня нет ни раба, ни невольницы, которых можно было бы освободить' [Кононов 1956, 546]; *Haydi dayak ne ise, hepimiz zaten onunla büyüüdük. Fakat günah değil mi ki bu zavallı çocuklar mahvedilsin* 'Побои – ладно, все мы, по сути, с ними выросли, но разве не грех, если бы эти несчастные дети были уничтожены' [Там же].

Не случайно, что в фольклорном жанре мы встречаем условную форму *са* в сочетании с усилительной частицей *ки*. Такая конструкция передает ус-

ловно-временные отношения: аз. *Хэбэр алса ки, ат нэ ранждэди? Дејэрсэн ки, ае атды* (АН, 38) 'Если (когда) он спросит, какого цвета была лошадь, ты скажешь, что лошадь была белая; узб. *Бўри пичоқни олиб келса ки, хўроз йўқ эмиш* (ЎЭ, 36) 'Когда волк принес нож, то петуха не оказалось'.

Тюркская усилительно-выделительная частица *ки* с развившимся у нее противительно-условным значением могла встретиться с иранским союзом *ки* и расширить свою семантику. Этим мы и объясняем, почему такое широкое развитие получил именно *ки*, а не его родственные варианты *ге*, *ку* и др. Ответ мы находим, учитывая внешние факторы развития тюркских языков. Ряд тюркских языков в течение столетий испытывал сильное персидское влияние. Примером тому может служить азербайджанский язык, который созданного в начале XVI в., во времена Сефевидов, привлекал к себе значительное внимание иранских ученых. Сами сефевидские шахи пользовались не только государственным персидским языком, но и азербайджанским. Лучшие классики азербайджанской литературы Несими, Физули, Хатаи и другие писали параллельно на азербайджанском и персидском языках.

Азербайджанский литературный язык находился в тесном взаимодействии с персидским языком. Это взаимодействие было двусторонним. Поэтому, анализируя типы подчинительной связи в азербайджанских памятниках, можно констатировать ряд общих для персидского и азербайджанского (особенно староазербайджанского) союзов. Ярким примером тому и является союз *ки*. Вот почему союз *ки* получил такое широкое развитие в южных тюркских языках (азербайджанском, турецком), вводя, как мы видим, самые разнообразные типы придаточных предложений. И напротив, получил слабое развитие в кыпчакском ареале тюркских языков, хотя почва для его развития была и там, но не было внешнего импульса для такого распространения. Вследствие этого в южных тюркских языках была хорошо усвоена индоевропейская структура союзной связи с хорошо развитой системой соотносительных слов и анафористических местоимений.

Если мы обратимся к материалу персидского языка, то нетрудно заметить аналогичную тюркской структуре построения отдельных типов придаточных предложений, вводимых союзом *ки*. Ср. придаточные предложения причины, вводимые союзом *ки*:

بیش از این در این موضوع سؤال نکنید که نخواهم گفت
'Больше этого меня по этому делу не спрашивайте, потому что я не скажу' [Арендс 1941, 107].
ابو القاسم قایم مقام... در صدارت خود روی
از غرور و سؤ ظن رفتار کرد که شاه و سایرین آزار رنجیدند

'Абуль Касим Каймакам... в бытность первым министром обходился (с людьми) заносчиво и с подозрительностью, так что шах и прочие на него обиделись' [Там же, 108].

В персидском языке, по аналогии с тюркскими, *ки* нередко вводит косвенную речь в ее прямой передаче. Ср. *بشما خبرداد که کجا خواهم رفت* 'Он вас известил куда он пойдет?' (букв. 'он вас известил, что куда я пойду?') [Там же].

В персидском языке мы найдем и аналогичную структуру придаточных предложений с союзом *ки* и анафорическим местоимением. Ср. *دختری که*

تازه اورا بشوهر داده بودند 'Девушка, которую (букв.: что ее) недавно выдали замуж' [Там же, 100].

Процесс перехода тюркской частицы *ки* в союз, его контаминация с иранским *ки* имеет свою историю и осуществился не сразу. В тюркских языках наблюдаются случаи, когда *ки* хранит и древнее значение частицы, и приобретенное союзное значение. Ср. аз. *Мән ки, белә ганмышам, белә дә кермушам* (Ибраһимов 1966, 51–52) 'Я, который как понял, так и выполнил'; тур. *Bizim daireye evrak gelmez ki, kaydedelim* (Nesin 1958₁, 19) 'В наше учреждение (ведь) не поступают бумаги, чтобы нам регистрировать (их)'; узб. *Бирам экин бўлди-ки, ҳавасингиз келади* 'Ну и урожаем получился, любо-дорого смотреть' [УРСл. 1959, 74]; документы на половецком языке XVI в.: *біз кетхојалар буну ішітін вырозуміт ет(т)іх да ованесні алај сучлу ет(т)іх нечік кенділарын кі ол 120 талерні 6 кіші хар (харт) 120 малым еткајлар араларына* 'Мы, старшины, выслушали это и, обсудив, обвинили как Ованеса, так и их самих. А эти 120 талеров (убытка) шесть человек (должны) поделить между собой' (ДП, 131, 237); *Ол джухут хайсінінг кі хылычны алып еді лынчыадан шыломовіч якуб ол кендінінг орнуна хојду давјер хала пісарын хайсі кі ол хылычны шацоват етіі р 10 хзыл флі да* 'А тот еврей, у которого он взял саблю. — Якуб Ш(ы)ломович из Ленчицы, который оценивает ту саблю в 10 золотых фли' [Там же, 129, 131, 237, 240]. В данном примере *ки*, играя усилительно-выделительную роль при относительном местоимении *хайсінінг*, *хайсі*, одновременно может иметь и подчинительное значение.

Вышеизложенное подводит нас к выводу о том, что союзный способ выражения подчинения (особенно распространенный в индоевропейских языках) не является для тюркских языков абсолютно привнесенным извне. Для развития союзного способа подчинения условия были заложены в самой структуре тюркских языков — в недрах простого предложения, как одной из наиболее ранних синтаксических единиц, — в развитой системе разного рода частиц. Поэтому, в частности, и трудно полностью согласиться с предположением о чисто иранском происхождении союза *ки* [см. Грунин 1951; Кононов 1956, 544]. В тюркологической литературе иногда делались попытки разграничить тюркское и иранское *ки*. Так, например, Э.А. Грунина считает, что союз *ки*, по-видимому, является омонимичной формой двух союзов, персидского *ки* и узбекского *ки*, развившегося из вопросительного местоимения *ким* [1961, 155]. Остается бесспорным фактом, что, встретившись с иранским *ки*, тюркское *ки* значительно расширило свой семантический круг. Рассматривая самые разнообразные типы придаточных предложений, вводимых союзом *ки*, трудно провести четкую границу, где кончается "тюркское" и начинается "иранское" *ки*.

* * *

Путь развития союзов на базе частиц известен языкам различного типологического строя. Ср. русскую диалектную частицу *дак*: *Садись, пришел дак* (= *Садись, раз пришел*) и др.

Не случайно, что в татарский язык сейчас проникают подобного рода кальки из русского — структура тюркских языков не противоречит такого рода конструкциям: *Бармыйсың тык, ялынмыйым* 'Не пойдешь, не буду кланяться' [Закиев 1963, 321].

В тюркских языках нередко встречаются сложные союзные образования, этимологически представляющие собой усилительно-выделительные частицы. Ср. *йада* 'или' (азербайджанский, гагаузский, ногайский, туркменский), *йа да ки* 'или же' (азербайджанский), *йама, йәмә* 'и' (ранние тюркские памятники: Кюль-Тегин, памятник манихейского содержания V в., памятник уйгурского письма христианского содержания XIII в.), *йаки* 'или же' (каракалпакский, татарский, узбекский, уйгурский).

Помимо развитой системы усилительно-выделительных частиц, тюркские языки располагали и другими источниками для развития союзной связи. Довольно продуктивным средством связи, корнями уходящими в далекое прошлое, были местоименные и наречные слова в их относительном использовании. И этот способ не противоречил структуре тюркских языков. Если при примыкании ранее самостоятельных простых предложений одно из них начиналось местоименным наречным словом, то последнее приобрело союзные функции. Этот способ в силу своего удобства получил широкое распространение. Ср. вышерассмотренные союзные слова, такие, как *ал* (казахский, каракалпакский), *ани* (гагаузский), *аңчак, анчук* (Среднеазиатский тефсир и др.), *қайда* (татарский, томские татары, тувинский, Среднеазиатский тефсир и др.), *қайсы* (средний диалект; мишарский диалект татарского, киргизский), *һансы* (азербайджанский), *қанда* (уйгурский), *қандай, қандақ* (киргизский, узбекский, уйгурский), *қанча* (узбекский), *қачан* (алтайский, татарский, староосманский, узбекский, памятники туркменского языка, Мухаббат-наме, Кодекс Куманикус, среднеазиатский Коран XIV–XV в.), *һачан* (азербайджанский), *ким* (общетюркское), *нә* (большинство тюркских языков), *нега* (Кутадгу Билиг, юридические документы уйгуров X–XIII вв. и др.), *нә гәдәр* (азербайджанский, гагаузский и др.), *нәйә* (азербайджанский), *нәндә* (гагаузский), *нердә* (гагаузский) *нечик, нечук* (татарский, Среднеазиатский тефсир, Кодекс Куманикус, История пророков Рабгузия и др.), *һара* (азербайджанский) и т.д., которые вводят разнообразные типы придаточных предложений. Процесс трансформации этих местоименных и наречных слов в союзы на почве примыкания двух простых предложений может сопровождаться их морфологизацией. Ср. такие союзные образования, как *анань* (хакасский), *ангысы* (гагаузский), *антагыңын үчүн* (памятник в честь Кюль-Тегина), *онтон, оттон, онтука* (якутский) и т.д.

Местоименные и наречные слова в союзной функции в целях эмпазы принимают усилительно-выделительные частицы. Ср. *ани ки* (гагаузский), *анча ки* (уйгурские памятники буддийского содержания, половецкие документы), *еләки* (азербайджанский), *нега ки* (узбекский), *нә дә* (азербайджанский, турецкий и др.), *не кадар да* (гагаузский) *нә ки* (азербайджанский, татарский, Среднеазиатский тефсир, хорезмийские памятники XIV в.), *нечә ки, һалә ки* (азербайджанский), *шулай ук* (татарский) и др.

В тех же языках в целях эмпазы при союзных словах используется и местоимение *ким*. Ср. *андаг ким, анча ким, аның учун ким, қанда ким, қачан ким, нә гәдәр ким, нә ким, нәтәк ким*.

Одним из источников развития союзной связи являются слова с временным значением, подвергающиеся лексической изоляции. Ср. *ара... ара* 'то... то' (Кутадгу билиг), *арыт... арыт* 'то...то' (якутский), *себеби* 'так как' (казахский, каракалпакский, киргизский). Слова с временным зна-

чением, а также различные части речи в союзной функции часто в целях эмпазы сопровождаются усилительно-выделительными частицами. Ср. *бир дә* (азербайджанский, киргизский, хакасский), *инди ки* (азербайджанский), *нә вахт ки* (азербайджанский, гагаузский), *о вахт(та) + ки/ким* (азербайджанский, уйгурский, Среднеазиатский тефсир XII–XIII вв.), *о јердә ки* (азербайджанский), *ол сәбәбдән ким* (хорезмийские памятники XIV в.), *онда да, сонда да* (казахский). Лексическая изоляция сопровождается и морфологической изоляцией. Ср. *йогса* 'а то, же' (азербайджанский, крымскотатарский, турецкий), *жоқалде* 'или' (казахский), *бирдән... бирдән* 'то...то' (туркменский), *біресе... біресе* 'то...то' (казахский и др.).

В тюркских языках значителен пласт союзных слов, представляющих собой морфологически изолированные глагольные образования. Морфологическому перерождению легко поддаются условные формы от различных глагольных корней. Ср. союзы *десе* 'а что касается' (алтайский, киргизский, хакасский, шорский, подчинительные значения: алтайский, казахский, каракалпакский), *тесе* 'чтобы' (чувашский), *десем* 'а' (казахский, каракалпакский, киргизский), *эйтпесе* 'а, но' (казахский), *болса* 'а, но' (ареал кыпчакских языков), *болмаса* 'а не то' (кыпчакские языки), *буолагына* 'а' (якутский), *айса* 'а, но' (алтайский, крымскотатарский). Последний, возможно, представляет собой омертвевшую форму условного наклонения от глагола *и-*. Вероятно, состоявшимся процессом фонетической трансформации можно объяснить такие сочинительные союзы, как *гаг. оса, са, тув. азы, шор. эбезе, як. эбэтэр*, которые, вероятно, находятся в этимологическом родстве с образованием *исе*.

Морфологически изолированные образования, связанные с формой условного наклонения, получили союзную функцию на почве эмпазы. Ср. аз. *мән исә...* 'а, я...' и др. Нередки случаи, когда *исе* выполняет роль усилительно-выделительной частицы: аз. *һара исә узаглаһа баһырды* (Ибраһимов 1966, 586) 'Он смотрел куда-то вдаль'.

В качестве союзов используются и другие морфологические изолированные глагольные формы. Ср. гаг. *болай* 'чтобы', тув. *болгаш* 'и', широко бытующие во многих тюркских языках *дейә дийә, тейу, дейин, дейни, дии, тийин, деб, дейиб, теб*, вводящие, как мы видели, различные типы придаточных предложений. Слово *дейә* уже в самом раннем периоде развития тюркских языков имело тенденцию к грамматикализации, выполняя чисто служебную функцию. Как мы видели, оно служит одним из основных средств выражения подчинительных значений при передаче прямой чужой речи¹³. Из других изолированных глагольных форм можно назвать *эйткени*¹⁴ 'так как' (киргизский, каракалпакский), каз. *уйткен*, аз. *санасин, гаг. сансын* 'словно' (от *сан-мак* 'думать, полагать' [Кононов 1956, 354]).

Для союзной связи в тюркских языках используются п о с л е л о г и

¹³ Причины употребления его в служебной роли справедливо объяснены А.Н. Кононовым: "Процессу грамматикализации слова *таб* способствовало его постоянное местонахождение на грани двух предложений...", а также и "то, что процесс прямой передачи чужой речи заключает (логически и формально) в себе все необходимое для развития сложноподчиненного предложения" [1958, 173].

¹⁴ Н. А. Баскаков возводит его к изолированной глагольной форме *олай еткени* (букв. 'так сделано им') [1952, 522].

биле, билен, менен, мен, ле, ли 'и'. Соединительная функция у них развилась довольно рано. Не случайно, что они широко распространены в древнетюркских памятниках. Впоследствии в современных тюркских языках конкурировать с ним стал арабский союз *ва*.

В тюркских языках, как мы видели, можно встретить и союзные предложения, представляющие собой морфологически изолированные образования. Ср. як. *ити курдук* (временное значение), *ити бары* (причинное значение), кбалк. *не ючюн десенг* (причинное значение), алт. *ненинг учун десе* (причинное значение), башк. *ни тиклем* (уступительное значение), кум. *неге туюл* (причинное значение), тат. *ни хэгле* (значение меры и степени), тув. *чок болза* (противительное значение), *чуге дээрэг/чуге дизе* (причинное значение), кирг. *бирок ошенте да* (противительное значение) и др. Отсутствие единообразия в союзных предложениях в тюркских языках указывает на то, что этот способ связи развился относительно поздно.

Известный пласт в синтаксической структуре тюркских языков составляют иносюзы, заимствование которых имеет культурно-исторические основания. Мы уже упоминали о взаимодействии тюркских языков с персидским, следствием чего явилась общность сочинительных союзов *балки* 'но' (каракалпакский, татарский, узбекский), *гә... гә* 'то...то' (каракалпакский, кумыкский), *гәх... гәх* (*каһ... каһ*) 'то... то' (азербайджанский, узбекский, Родословная туркмен), *гей... гей* 'либо... либо' (каракалпакский, лобнорский), *хем... хем* 'и... и' (азербайджанский, гагаузский, каракалпакский, ногайский, татарский), а также подчинительных: *зира* 'потому что' (азербайджанский, гагаузский, турецкий), *куја* 'будто, словно' (азербайджанский, татарский, туркменский, узбекский), *та* — временное значение (памятники азербайджанского, турецкого, туркменского языков, Среднеазиатский тефсир, Родословная туркмен), *чу*, *чу* — временное, причинное и сравнительное значения (азербайджанский, памятники азербайджанского, турецкого, узбекского языков), *чун* — временное, причинное, условное значения (памятники азербайджанского, турецкого, туркменского языков, Среднеазиатский тефсир).

Ряд особенностей синтаксиса тюркских языков был бы непонятен без учета тюрко-арабских взаимоотношений. У тюркоязычных народов, входящих в свое время в состав Халифата, формирование литературных языков не обошлось без участия арабского языка. Следы влияния арабского языка наглядно прослеживаются в памятниках азербайджанского, турецкого, узбекского языков. Так, например, в памятниках азербайджанского языка наблюдается использование начального соединительного союза *вэ*, роль которого в памятниках значительно шире, чем в современном азербайджанском языке. Эта структурная особенность до сих пор сохранилась в арабском языке: *ولم تعرف اسباب زيارة سموه المفاجا وقد كثرت بشانعا الاشاعات* И были неизвестны причины внезапного посещения его высочеством и умножились сообщения относительно их' [Семенов 1941, 120].

Во многие тюркские языки прочно вошли и следующие сочинительные союзы: *амма*, *эмма* — противительно-уступительное значение (азербайджанский, гагаузский, крымскотатарский, кумыкский, ногайский, татарский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский, Родословная туркмен), *багзан* ... *багзан* 'то... то' (узбекский), *бирок* 'но' (казахский, кара-

калпакский, киргизский, узбекский), *ва* 'и, а' (значительный ареал распространения в огузских и кыпчакских языках), *вели* 'а, но' (туркменский, Бабур-наме), *илла* 'а, но' (хорезмийские памятники XIV в.), *лекин* 'а, но' (азербайджанский, крымскотатарский, турецкий, узбекский, уйгурский, хорезмийские памятники XIV в.), *тыпкы* 'словно' (гагаузский), *факат* 'а, но' (азербайджанский, татарский, турецкий, уйгурский) и т.д.

Наблюдаются и сложные арабские союзы: *амма ва* 'а, и' (кумыкский), *ва лекин* 'но, однако' (Среднеазиатский тефсир XII—XIII вв., Кутадгу билиг) и др.

Арабо-персидские союзы на почве тюркских языков могут подвергаться процессу морфологического изменения. Ср. лоб. *емесе/ämiciä*, имеющий условно-противительное значение. Довольно часто иноязычные союзы в целях эмпазы принимают тюркские усилительно-выделительные частицы. Ср. *аман да* 'а, но' (ногайский), *амма ки* 'а, но' (диалекты азербайджанского, турецкого языков), *мадам ки* 'поскольку' (азербайджанский, турецкий, узбекский), *тә кин* — временные, причинно-следственные значения (азербайджанский, турецкий, узбекский и их памятники, Мухаббат-наме, Золотой блеск), *хем ... хем де* 'и... и' (гагаузский), *чунки* — причинно-следственные, условные значения (азербайджанский, башкирский, гагаузский, крымскотатарский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский, половецкие документы и др.), *чунким* (хорезмийские памятники XIV в. и др.).

Те арабо-персидские союзы, которые довольно прочно вошли в синтаксическую структуру тюркских языков, на почве последних получают вторичную функцию усилительных частиц, являя собой результат взаимоотношения внешних и внутренних факторов развития языка. В этом отношении очень показательное употребление сочинительного союза *вели/велин* в туркменском языке. Он может использоваться в противительном значении (аналогично он используется и в арабском языке): *Улы геллемэйн велин, шу ерде ишлэп башлалым бэри, мени ярамазчылыгын гырасында горен дал болсаныз герек* (Мәммедов, 79) 'Не буду я говорить высокомерно, но мне кажется, с тех пор как я работаю в том месте, вы меня не должны видеть за дурным делом'. В постпозиции к глаголу у *велин* параллельно с его усилительно-выделительной функцией развиваются подчинительные значения: союз передает временное соотношение действий: *Анатолий билен Лена икиси гараңкы көчанин бурчундан өврулдилер велин яңкы ыздан гелиян адам хем оларың гапдалы билен өңе ылгады* (Там же, 66) 'Только Анатолий с Леной свернули за угол темной улицы, как тут же идущий следом человек сбоку забежал вперед'; *Адамлар гелин-тир вели, ол оглон гачып гвөрөгйрди* 'Когда люди пришли, тот мальчик, спасаясь, ушел в могилу' (Туркм. сказки, 67, 115).

Однако все же основной функцией союза *вели* в туркменском языке является усилительно-выделительная функция: *Болмаса, гуррун эдейин, ёгсам-а шу гуне чени дулдегшир отуран гоңшыларымыза-да айдан дэлдирис вели* (Сарыханов 1951, 12) 'Не то поговорим, вообще-то до сегодняшнего дня мы ведь не говорили даже самым близким соседям.'

Встречается *вели* в туркменском языке и в постпозиции к имени; в этом случае по своей выделительной функции он синонимичен *исе*, *болса*: *Губа дуйданин вели ...* (Сарыханов 1951, 15) 'Что же касается темной верблюди-

цы...'; *Мен вели ынандым* (Там же, 14) 'А я-то поверил'. На правах усиленно-выделительной частицы *вели* (*велин*) участвует в сложных союзных образованиях: Ср. туркм. *йоне велин* 'однако'.

Усилительно-выделительная функция наблюдается у союза *ва* в карачаево-балкарском языке: *Лейля уа, узун этеклери жерге жетген, омак акъ жыйрыкъны да кийиб, сценагга чыгъады* (Гуртуев, 8) 'А Лейла надела белое платье, подол которого спадал до земли, и вышла на сцену'; у союза *хам* в узбекском и туркменском языках: узб. *Бир неча йилдан буён илмлардан кўнгли совиб, дарсларга кўпинча қатнашмайди ҳам* (Ойбек, 5) 'За несколько лет он остыл к наукам и часто даже не посещал занятия'; туркм. *Шоның себабини — нем сбороа* 'Спроси о причине этого' (Туркм. сказки, 69, 116). В функции усиленно-выделительной частицы *хам* употребляется при форме условного наклонения: узб. *Бошингга қилич келса ҳамки...* (Яшин, 13) 'Хотя и меч упадет на твою голову...'. В памятнике Мухаббат-наме этот союз на правах усилителя входит в сложное союзное образование *вэйл хам* 'но, однако'. В настоящее время арабо-персидские элементы не развиваются в тюркских языках, а сокращаются. Выходит из употребления целый ряд арабо-персидских союзов: перс. *чу, чун*, ар. *allazī (allatī), illa* и др. Тюркские языки стараются освободиться от чуждых их структуре особенностей, навеянных арабо-персидской традицией. Значительно сокращается использование начального соединительного арабского союза *ва*, выходит из употребления арабское указательное местоимение *ан* в его соотносительном использовании с *ки*¹⁵. Сокращается начальная позиция союзов, вводящих придаточные предложения (ср. союз *чунки*, который в памятниках вводит придаточные предложения, находящиеся в препозиции к главному). Суживается круг значений арабо-персидских союзов (ср. союзы *та, чунки* и др.); они вытесняются тюркскими грамматическими аналогами, которые в процессе развития литературных языков все более активизируются.

Тюркские языки народов СССР развиваются в тесном взаимодействии с русским языком. Особенно сильно влияние в тех ареалах тюркских языков, в которых отмечается наибольшее контактирование их с русским языком. Ср. заимствование русских союзов: *а* — в татарском языке, *атту* — в чувашском, *да* — в гагаузском и карачаево-балкарском, *но* — в татарском и чувашском языках, *так что* — в татарском, *такки* — в чувашском языке и т.д. Заимствуются и русские частицы. Так, например, в верховом диалекте чувашского языка частица *уш* (*уж*) употребляется для усиления, выделения того слова, члена предложения, после которого она ставится, для обозначения уступки прежнему решению; при этом она выступает в сочетании с усилительной частицей *-ах (-ех)*: *Кайах уш, эп тытса чарийас сок сана* 'Иди уж, я не в состоянии удержать тебя' [Канюкова 1965, 104].

В синтаксической структуре тюркских языков существуют тюркско-монгольские параллели. Например, соединительный союз *база* 'и' связывается с монг. *бас*, употребляемым в значениях 'еще, также, опять' [Исхаков, Пальмбах 1961, 451]. Однако решить вопрос о первоисточнике во многих таких параллелях пока трудно. Сложная проблема тюркско-монгольских языковых отношений требует особого рассмотрения.

¹⁵ Ср. памятники азербайджанского языка, в частности произведения Насими, в которых *ан* часто используется.

ГЛАВА V

ГИБРИДИЗАЦИЯ КАК СВОЕОБРАЗНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В развитии синтаксической структуры тюркских языков наблюдаются факты, когда оба пути развития подчинительных отношений — трансформация и союзный способ — скрещиваются, давая разнообразные смешанные типы построений. Рассмотрим конкретные синтаксические модели возможных контаминаций подчинительных средств.

Условные союзы употребляются в сочетании с показателем *-са*, образуя замкнутую синтаксическую единицу. Формируемый таким двойным средством подчинения условный период выражает те же два типа значений: реальной и ирреальной условности. Соотношение временных форм то же, что и в условном периоде, образованном только показателем *-са*.

Реальный случай. В придаточном — форма наст. времени условного наклонения, реже — условной модальности, в главном — форма наст., буд. времени, повелительного наклонения.

егер . . . -са — ккалп. *Егер пахъта терюв нормасын ёз выгында орынла-масанъ, колхоз планын орунлау дым авыр болады* 'Если ты не исполнишь своевременно норму сбора хлопка, то тогда будет очень трудно выполнить план колхоза' [ККРСл. 1958, 866]; кирг. *Егер душман колунан олсом, мени коммунист деп атагыла* 'Если погибну от руки врага, считайте меня коммунистом' [Скирдов 1962, 15]; ног. *Егер биз планда законнынъ куйши бар дап айтатаган болса, ол баърисине де тиеди* (Ленен йолы) 'Если мы станем говорить о силе закона в плане, то это будет всех касаться'; тат. *Егер тракторлар буген аръякка чыгып китсалар, ул албатта алардан, калмачак* 'Если тракторы сегодня не выйдут на тот берег, он, конечно, не отстанет от них' [Закиев 1963, 297]; туркм. *Егер сени Алтын сеййан болса, ол сени хер ерде-де геруп билер* 'Если Алтын тебя любит, то она сумеет повидать тебя в любом месте' [Ходжаев 1958, 6]; Среднеазиатский тефсир: *Агър тегсâ аңар абгъулук амрулкай анин бирля* 'Если с ним и бывает доброе (благополучие), они спокойны с ним' [Боровков 1963, 51].

егер де . . . -са — каз. *Егерде алтынды егип шыгара алмасаң не қылайын* (КЕ, 383) 'Что я могу поделаться, если ты не можешь вырастить золото'; ккалп. *Егерде сен ақыллы болсаң мене сениң тилегениңди орындайман* 'Если ты будешь умным, я исполню все, что ты захочешь' [ККПСл. 1958, 866]; кирг. *Егерде адамдар женунде ойлосоң бактылуу болосуң* (Жусупов, 16) 'Если будешь думать о людях, будешь счастлив'.

бир эвес . . . -са — тув. *Бир эвес билген болумза, ынчанмас ийик мен* 'Если бы я знал, я бы так не поступил' [Исхаков, Пальмбах 1961, 543].

калы . . . -са — встречается в ранних памятниках арабского письма. Кутадгу билиг: *Qaly üzñäsän qutqa qad'ün küürä!* 'Если же будешь противиться счастью, то борись с нуждой' [Малов 1951, 267, 286].

невада...-са – уйг. *Nevada işimiz tajar bo (I)sa, biz boş vaxtimizni obdan etkuzyumiz* 'Если наша работа будет готова, мы свободное время хорошо проведем' [Насилов 1940, 142].

ескете...-тар – як. *Өскетун барыны бары толорор буоллаххына бизризм* 'Если все станешь исполнять, дам' [Убрятова 1976, 210].

һәркәһ...-са – аз. *һәркәһ сән мәни езуңла апарсан... мән дә башгаларына бахыб ерәнәрәм* 'Ежели ты меня возьмешь с собой... я тоже научусь, смотря на других' [Абдуллаев 1963, 116].

Ирреальный случай. В придаточном – наст., прош. время условного наклонения, реже – условная модальность, в главном – чаще имперфект.

егер...-са – тур. *Eğer rüyasında görmüş olsaydı buna katiyen inanmazdı* 'Если бы (даже) она во сне увидела, решительно не поверила бы этому' [Кононов 1956, 531]; уйг. *Әгәр урук pişqan bolsa edi bao cila(r) uni baza(r)ча әккелip satqan bolatti* 'Если бы урюк уже поспел, садовники уже привезли бы его на базар и продавали бы' [Насилов 1940, 145]; Среднеазиатский тефсир: *Агәр абін нәрсә қилса Муса қорқіңі әрді* 'Если бы сделал что-нибудь другое, Муса испугался бы' [Боровков 1963, 214]; История пророков Рабгузия

اكر بيري كيشي مسلمان بولسه ايردى هم هلاك بولمغاي ايرديلار 'Если бы был и один даже мусульманин, то погибели не было бы, но, кроме единственного Лота, никакого другого в той стране, кто был бы мусульманин, нет' [Малов 1951, 328, 337]; Родословная туркмен: *Агар сән мүслиман болсаң әрді сәни әрдим* 'Если бы та стала мусульманкой, я взял бы тебя (в жены)' [Кононов 1958, 150]; Мухаббат-наме: *Агәр миң јил тирісә Хатим-і таі сәнін атиң эшитках јрјләр өпкәі* 'Если бы тысячу лет прожил Хатым-тай, услышав твое имя, поцеловал бы землю' [Щербак 1959, 131, 152].

егер де...-са – каз. *Егерде ол сендерге ақыл таппаса, сендер өлетін едіңер* (КЕ, 420) 'Если бы он вам не подсказал эту мысль, вы бы умерли'; ккалп. *Егер де менде ыхътыйар болса кетер едим* 'Если бы была моя воля, ушел бы' [Баскаков 1952, 523].

Общeturкскую модель, довольно последовательно прослеживаемую как в памятниках, так и во всех современных тюркских языках, дают конструкции, включающие аффиксы условия в сочетании с союзами и союзными предложениями безусловного происхождения.

Во многих случаях-са употребляется для выражения значения с о с л а г а т е л ь н о с т и, м о д а л ь н о с т и: *ne kadar kim... ise* сколько бы ни было, *nerde... ise* 'где бы ни было', *ne kadar... olsa* 'как ни...' и проч.

кайда...-са – соответствует русскому союзному предложению *где бы ни...*, *если где...*, т.е. форматив -са вносит значение условности: алт. *Бу кайчи апиыяк кайда-да кайлаза, онынъ кайын уарга улус коп дбулат* 'Где бы этот сказитель старик ни рассказывал сказку, слушать его сказку много народу собирается' [Дыренкова 1940₂]; башк. *һин мине атма, кайза булһаң да, миң һиңә ярҙам итермен* 'Ты в меня не стреляй: где бы ты ни был, я буду тебе помощником' [Дмитриев 1948, 270]; Кутадгу билинг (наманган): *Bilig qaida bolsa, biliglig salyr!* 'Если есть где знание, (так только там), где (его выявляет знающий)' [Малов 1951, 247, 274]; Подарок истин: *عسل قيدا بولسا بيلا آرى سى* 'Если где есть мед, то только там, где и пчела!' [Там же, 318, 320].

һәр кайда...-са – Среднеазиатский тефсир: *Ајді баріңлар... һәр кайда*

хуррам хошрақ јер болса мәнің үчүн шаһристан атиңләр теди 'Сказал он: отплавляйтесь... где бы ни оказалось веселое, приятное место, постройте для меня укрепленный город' [Боровков 1963, 194].

кају...-са – Мухаббат-наме: *Булутлар fildäg kökräb jürülär kajу jürgä бујурса су урурлар* 'Облака идут и гремят, как слоны, и, куда прикажет (Аллах), льют воду' [Щербак 1959, 128].

қарга...-са – узб. *Қарга борсам, шу ерга етиб борасан* 'Куда бы я ни пошел, туда и ты тащишься' [Кононов 1960, 417].

һара...-са – аз. *Мәшәди бәһараја кетсә иди, орада, халгын диггәтини озунә нәлб етәрди* 'Мешеди-бек куда бы ни шел, (всюду) (досл.: там) привлекал к себе внимание народа' [Абдуллаев 1963, 100].

канда...-са – Среднеазиатский тефсир: *Қанда бір заіф бәндә бар әрсә ані алуб азад қілур әрді* 'Где оказывался несчастный раб, он брал (выкупал) его и освобождал' [Боровков 1963, 198].

қанча...-са – кирг. *Ал канча төрдеп – курган, чарчап – чаалыгын келсеңиз да теңгедей жерге күн өткөзбөгөн саадалардын, кара жыгачтардын түбүндө алма еруктөрдү, гүлдөрдү бир сыйра араласаңыз жаныңыз жырған, кеңүлүңүз сергийт* (Назир, 11) 'Сколько бы вы ни обливались потом, как бы ни изнемогали, вы пройдетесь под сенью карагачей, которые не пропускают света ни на пядь земли, по саду, среди цветов, и душа ваша насладится, вы освежитесь'; Среднеазиатский тефсир: *Қанча барса мән анлар бірлә барајін* 'Если отправляются, и я пойду с ними' [Боровков 1963, 198].

қанчалык...-са – кирг. *Канчалык айтсам, уктады* (фольк). 'Сколько я ни говорил, он не слушал' [КРСл. 1965, 341].

качан (да)...-са – Среднеазиатский тефсир: *Қачан алсалар... тамам өлчү бірлә алсалар* 'Когда берут, брали бы все мерой' [Боровков 1963, 246]; уйг. (хамийск. нареч.) *Маға түлкө душмаллик кылди, мән му түлкөні качанда воса, гөшнә јимәсәм, мән бөрә бомай калай!* 'Лиса сделала мне зло, как бы то ни было, не буду я волком, если не поем мяса лисы' [Малов 1954, 70, 71].

ким...-са – аз. (бак. диал.) *Ким истәсә қалсун* [Ширалиев 1957, 149] 'Если хочет, пусть приходит'; кум. (кайтак. диал.) *Ким ишласа ша ашар* 'Кто будет работать, тот и будет есть' (посл.) [Керимов 1953, 293]; тур. *Vi fermanda: Kim bu çocuğı bulup getirirse ona yüz lira ihsan edeceğim diyortmiş* (сказка) 'В этом указе уже он говорит: – Кто найдет и приведет этого ребенка, тому я пожалею сто лир' [Кононов 1956, 532]; туркм. *Ким коп яшан болса, ол көпи горендир* 'Кто много жил, тот много видел'; *Ким ис-лесе, гой геплесин* 'Кто хочет, пусть выскажется'; узб. *Ким Шоҳимардонга борган бўлса, у билади ки, у ер қандай чиройли* 'Кто ездил в Шоҳимардан, тот знает, какое это прелестное место' [Кононов 1960, 193].

(не)эмне...-са, ни...-са – кирг. *Эмне эксең, ошопу аласың* 'Что посеешь, то и пожнешь' [Сартбаев 1953, 36]; таг. *Ул ни кушса, шуны эшли* 'Что он прикажет, что и делает' [Закиев 1963, 319]; тур. *Ben ne dersem sen onu уар, demiş* 'Что бы я ни сказал, ты то и делай, – сказал он' [Кононов 1956, 532].

на гәдәр...-са – аз. *Кәндли нә гәдәр чалышырдыса, нулу ала билмирди* (Аталар сөзу, 229) 'Сколько крестьянин ни старался, он не мог получить деньги'; гаг. *Насреддин вакыларын деринниңдән етишти биздә, дә бууң*

дә онун ады гүлдүрер бизи, некадар да кахырлы олсак (Буджактан, 14) 'Насреддин пришел к нам с давних пор, и сегодня его имя нас (забавляет) смешит, как бы ни было нам грустно'; ног. *He kьaдыр окъуса да бир затты болмайды* 'Сколько бы он ни учился, никакого толка не будет' [Баскаков 1940, 128]; тур. *Nekadar bağırsan boş demiş* (сказка) 'Сколько бы ты ни кричал, (все) напрасно, — сказал он' [Кононов 1956, 532].

ни тиклем... -са/-на — башк. *Ул ни тиклем тырышһа ла, бер нәмә лә ала алманы* 'Как бы он ни старался, он не мог ничего получить' [Дмитриев 1948, 270].

нәмә... -са — туркм. *Нәмә буюрсаң эдерин* 'Что бы ты ни приказал, сделаю' [Поцелуевский 1943, 74].

нәдә... -са — уйг. (хамийск. нареч.) *Нәдә васа барла болғај олмегеј јарім мінең* 'Где бы она ни была, пусть будет, что будет, только чтобы не умерла она — моя подруга' [Малов 1954, 28].

нереје... -са — тур. *Bahir Vecdi, Şaduman nereye giderse gölge gibi takip ediyordu* 'Куда бы Шадуман ни пошла, Бахир Веджи, как тень, следовал за нею' [Кононов 1956, 532].

нечә... -са, нима... -са — Кутадгу билиг (наманган.): *Avaylar nädä qolsa, barmaz özin* 'Преследующие (ее) сколько бы ни просили, она не дается (им)'; Подарок истин: *أرى ماس نیجه یوسا قان بیرلاقان* 'Кровь кровью не очищается, сколько бы ни мыл' [Малов 1951, 241, 269, 317, 320]; Среднеазиатский тефсир: *Нечә қаві душман болса мақһур болғај* 'Как бы ни был силен враг, будет побежден' [Боровков 1963, 220]; хорезмийские памятники XIV в.: *Айығлық вақтыда ол ай пәйкәр елин бермәз нечә йалбарса кизләр* 'В трезвом состоянии та лунолика не даст руку, сколько бы ни просили, прячет' [Фазылов, 1966, 38]; История пророков Рабгузия: *عالمده نیچه نعمت ایرسا یلغوز مؤتفاكات دا انچا نعمت ایردی*

'(А раньше) во (всем) мире, сколько бы было благосостояния, то было оно только единственно в стране Мутфакаг' [Малов 1951, 325, 333]; Мухаббатнаме: *Нэчә хішмәтлү султан болса болсун ајтман мал үчүн мәдху-у санамән* 'Каким бы ни был величественным султан, пусть будет, я не буду хвалить и славить из-за богатства' [Щербак 1959, 148, 165].

нисек... -са — башк. *Нисек кенә ултырнагыз за, бары бер музыкантлыкка ярамайһығыз* 'А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь' [Дмитриев 1948, 270].

чун... -са —

مجلس اهلی چون شراب ایچسه دوتار الدهه ایاغ

ساناسان بیر سمعدر کیم اوسته روسندر چراغ...

(Хэтан 1966, 74) 'Если участники пира пьют вино, то в руках они держат чаши, Будто свечи горят над озаряющим светильником'.

Часто показатель -са, употребляясь в сочетании с союзными предложениями, не вносит никаких модальных оттенков условности, со слагательности. Ведущую и решающую семантическую нагрузку несет союзное средство.

кайдан... -са — кирг. *Шамал кайдан болсо, жаан да ошол жактан болот* 'Откуда ветер, оттуда и дождь' [Сартбаев 1953, 37].

кьайдан... -са — ккалп. *Алдынгы арба кьайдан джурсе, Сонгы арба соннан джореди* 'Куда пойдет передняя телега, туда (за ней) пойдет и последняя телега' [Баскаков 1951, 31].

қаеққа... -са — узб. *Катта кема қаеққа юрса, кичик кема хам шу еққа юради* 'Куда большой корабль направляется, туда и маленький (корабль) идет' [Кононов 1960, 413, 418].

қаерда... -са — узб. *Лекин сиз мени қаерда кўрсангиз ейсиз* (ЎЭ, 12) 'Однако где вы меня увидите, (там и) ешьте'.

қанда (кім)... -са — Среднеазиатский тефсир: *Тутуң ол хатунларни қанда кім сақин болсаңиз* 'Содержите тех женщин там, где вы (сами) жительствуете' [Боровков 1963, 198]; *Қанда бір заїф бәндә бар әрсә ані алуб азад қілуғ әрді* 'Где оказывался несчастный раб, он брал (выкупал) его и освобождал' [Там же].

Ведущая роль союза, им определяющаяся семантика конструкции наглядны в следующих сочетаниях союзных предложений с -са, имеющих значение о б р а з а, х а р а к т е р а протекания действия:

қандай... -са — кирг. *Аюну кандай жеңген болсоң, жоону да ошондой жеңе көр* 'Как победил ты медведя, так победи и врага' [Скирдов 1962, 118].

қанча (ла)... -са — алт. *Кыранынь тобрагын канча-ла дьакшы иштегежин, бистинь ажыбыс анча-ла көп болор* 'Насколько хорошо обрабатываем почву, пашни, так же много будет у нас хлеба' [Дыренкова 1940₂, 291]; узб. *Махмуд етти тилло нақдина ни... олиб қанча шодланган бўлса, ушанчалик ҳам тушди* (Қодирий 1959, 51) 'Сколь Махмуд обрадовался, взявши семь золотых, столько же он испытал беспокойства'; кирг. *Биз канчалык кечик-песек, иш ошончолук жакшы болот* 'Чем меньше мы запоздаем, тем (дело) будет лучше' [КРСЛ, 1965, 341].

нәче... -са — туркм. *Колхоз нәче улалса, гуйжумиз хем шонча артык болар* 'Насколько колхоз укрепится, настолько и увеличится наша сила' [Ходжаев 1958, 12]; Кутадгу билиг: *Näcä är bädüsä, baş aγruγ bädür, Näcä baş bädü sä, bädük börk kädür* 'Насколько возвышается муж, настолько увеличивается болезнь головы (у него), Насколько увеличивается голова, настолько надевает он большую шапку' [Малов 1951, 244, 271].

ничек... -са — тат. *Кигән кием ничек тузса, яшь гомер дә шулай уза* 'Молодость проходит так быстро, как изнашивается одежда' [Закиев 1963, 298]; Среднеазиатский тефсир: *Ол қадар тітрашкәйләр кім јел әсіб јағачлар јапракі нәчүк тітрәсә* 'До такой степени будут трястись, как трясутся листья деревьев, когда подует ветер' [Боровков 1963, 84].

нәхили... -са — туркм. *Сиз маңа нәхили маслахат эден болсаңыз, мен шоның ялы этдим* 'Я поступил так, как вы мне посоветовали' [Аннануров 1956, 127].

Қачан (ким)... -са — широко употребляющееся временное союзное слово. Участие -са в этой конструкции, очевидно, не случайно. Здесь проявляется его способность иметь временное значение, в чем сказывается его деепричастная природа. Среднеазиатский тефсир: *Қачан көрсәләр бәзіргән-нија тақі ојинні јүгүрүшү јрлар аниң таба* 'Как только завидят купца (торг) или же забаву, бегут туда' [Боровков 1963, 95]; хорезмские памятники XIV в.: *Қачан уянсалар ануқ болайын* 'Когда проснутся, буду я готовым' [Фазылов 1966, 47]; документы на половецком языке XVI в.: *Хачан ое-*

кунлар келсалар на охас ш. хогај стол устіна нагт 100 флі неміч хесебі флі 'Когда опекуны придут, то должен Охас представить деньги — 100 фл. по 30 грошей каждый по немецкому расчету' (ДП, 132, 241); *Моцны ет(т)і кенді јері на хала пісарын мефовски ні хачан келса андруш ол чахта даві еткај* 'И он уполномочил городского писаря начать судебное дело, когда придет Андруш' [Там же 129, 237]; *Мухаббат-наме: Качан кі м ікі саф турса бајавлан сәнің чәкәрләрің көкрәп чу арслан* 'Когда же становятся в ряды твои воины, они издают громовой клич, словно львы' [Шербак 1959, 131, 152].

В ранних памятниках тюркских языков встречается сочетание союзного слова *качан* (ким) со связкой *ерсә/ирсә*, выполняющей функцию подчинительного средства. Ср. хорезмийские памятники XIV в.: *Пайгәмбар айды качан ким аның әвдәзы қулақымға кирди ерсә жумла анадмларым титрәйу башлады* 'Пророк сказал: — Как только его голос достигает (букв.: входит) моих ушей, все тело мое начинает дрожать' [Фазылов 1966, 55]; памятники татарского языка: *Качан кем кырык төн тәмәм булды ирсә, табиб янә кәлде* (БТӘ, 232) 'Когда прошло сорок дней, врач снова пришел'; *Качан кем зиндан капугына йиттеләр ирсә, бахарлар* [Там же, 230] 'Когда дошли до ворот тюрьмы, видят...'

Форма на *-са* может передавать значение о п т а т и в н о с т и. Придаточные предложения, введенные такими конструкциями, стоят после главных со сказуемыми, выраженными глаголами желанья, чувственного восприятия. Среднеазиатский тефсир: *Ајдлар ібімі зә қарқарміз кім әсіз тіллік болсалар бізің үзә* 'Они сказали: — О владыка наш, мы боимся, что он будет нагло говорить нам' [Боровков 1963, 202]; *тіләді кім өлмәсәләр* 'Просит, чтобы они не умерли' [Там же, 244]; *унамаділар кім қонуқ тутсалар оларні* 'Они не согласились, чтобы принять их в гости' [Там же, 212]; *Мухаббат-наме: Тиләрмән кім јүзүңгә сајда кілсам вәсалің нәмәтіңиң шүкрін аисам* 'Хочу поклониться твоему миру и поблагодарить за дар встречи с тобой' [Шербак 1959, 142].

На почве оптативного значения *-са* образуются целевые конструкции у к ц и и. Хорезмские памятники: *Яш әрмәзмән ким алдансам сәңә мән* 'Я не ребенок, чтобы обмануться тобой' [Фазылов 1966, 43]; Среднеазиатский тефсир: *Анда јамуқ кәлді анча кім ікі јай қошуру тутса ја тақі јақінрақ* 'Тогда он подошел близко, настолько, чтобы вместе держать два лука (на расстоянии двух луков) или еще ближе' [Боровков 1963, 215]; *Өртәрләйр тонларіні башларінға та мәнікөрмәсә* 'Накрывают головы халатами, чтобы не видеть меня' [Там же, 248] и т.д.

Аналогично показателю *-са* участвует в подчинительных конструкциях гибридного характера и афф. *-сар*. Гибридные конструкции с *-сар* оказались неперспективны в своем развитии. Ареал их распространения, как и самой формы *-сар*, ограничился в основном памятниками рунического и уйгурского письма.

У словные и неусловные союзы + *-сар*. Конструкции имеют условное значение.

абам бірүк ... -сар — Золотой блеск: *Абам бірүк бу әтөзүмін тітсәрм(ә)н, өтрү үлгүсүз сансыз мун катакларың картың бәзіг жірінің каның игі, ағрығың коркынчың айман чың барчаны тітмиш ыдаламыш болур м(ән)* 'Если я то свое тело погублю (развею), то затем без числа и меры этим окажусь

погубившим и отстранившим от себя все: и горести, и печали, и раны, и желваки, кровь и иное, болезни и недомогания, страх и опасения' [Малов 1951, 175, 182].

бирок ... -сар — др.-уйг. *Бирок эшидмедин ол йолча барсарсән, улуг ойқа тушгәйсән* 'Если ты не послушаешь и пойдешь тем путем, упадешь (непрерменно) в большую яму' [Насилов 1963, 114].

качан ... -сар — уйгурский памятник буддийского содержания: *Качан бодиствнің әтөзін бошы бірміс жір орунка тәгділәр әрсәр, анта отру бодиствның јас сүнүкләр, ынару бәрү анта мунта сачылып јатмысын көрүн...* 'Когда они достигли той земли и места, где бодисатва пожертвовал своим телом, и после того, как они увидели разбросанные, лежащие в разных местах, там и сям, обглоданные кости бодисатвы' [Малов 1951, 178, 186].

нача ... + связочное образование *әрсәр* — памятник уйгурского письма манихейского содержания V в.: *Näcä äksütümüiz k(ä)rgät(i)m(i)z ärsär, küñ saju a' saju su' jaz uq qylur biz j(ä)ruq t(ä)nrī lärkä nom qutyna aruγ dıntar lar qa suida jaz uqda bosunu ötünür biz* 'И сколь (много) мы проявляли недостатков; каждый день и каждый месяц мы совершаем грехи по отношению к светлым богам, к достоинству писания и святым священнослужителям' [Малов 1951, 120, 125]; уйгурский памятник христианского содержания XIII в.: *māniñ ilim ičintä näcä iki jaš-da-a altyn oγlan qu-a-lar lar ärsär, barčany ölüriñ-lär tip j(a)rlydady* 'Идите и, сколько в моем государстве есть мальчиков от двух лет и ниже (т.е. меньше), всех их убивайте' [Там же, 136, 138].

В подобного рода конструкциях показатель *-сар*, как и *-са*, может не иметь условного значения. Как и у *-са*, у *-сар* обнаруживается его деепричастная природа. Ведущую семантическую нагрузку несет союзное слово, речение.

качан ... + связанное средство *әрсәр* — уйгурский памятник христианского содержания XIII в.: *Qačan ol moγoç-lar Bidilx um-qa tögdi-lär ärsär, ol jultuz täbrämädin šük turdu* 'Лишь только те волхвы достигли Вифлиема, звезда эта не двигалась и остановилась' [Малов, 134, 136].

nätäg ... әрсәр — юридические документы уйгур X—XIII вв.: *Kičigi-(ä)m-tä bitig už-ik nom boqšut ögränmis üčün nätäg ärsär* 'По причине обучения в малом возрасте письму и чтению священного писания, я (теперь) подумал: как бы то ни было' [Там же, 202, 208].

näcä...-сар — юридические документы уйгур X—XIII вв.: *Bu jirkä näcä uruγ badsar, ikägü täñ öndürüp, taryr biz* 'Сколько засеваешь на этой земле, мы вдвоем, в равных долях представив, будем обрабатывать (землю)' [Там же, 216, 217].

näcükün...әрсәр — уйгурский памятник христианского содержания XII в.: *Yñçur ol moγoç-lar näcükün Uryslım-tyn önüp bardy-lar ärsär, ol jultuz j(ä)mä olar-ny birlä baryr ärdi* 'Так вот, как только волхвы вышли из Иерусалима и пошли, та звезда тоже пошла с ними' [Там же, 134, 136].

Тот же тип структурного построения обнаруживает и чувашский показатель *-сан*, также участвующий в гибридных конструкциях: *хуть те...-сан* — *хуть те мен каласан та, энә Хөветюса качча илместән* 'Что бы ни говорили, а я на Феодосье не женюсь' [МГЧЯ 1957, 329].

К числу гибридных общетюркских конструкций относится широко распространенная модель союзных образований в сочетании с трансформантами. Ведущая семантическая роль в этих конструкциях принадлежит союзным образованиям.

неге + трансформант *-атын* + (вин. падеж); формирует объектные подчинительные конструкции: каз. *Неге қалатынын эжесіне де айттайды* (Дуэзов, 96) 'Он не сказал даже бабушке, почему он останется'.

не + *-атаган* + (вин. падеж); формирует подчинительные конструкции: ног. *Ама онынъ не болатаганын аңлар уышин, эмбрион дегенинъ незат экенин билмеге керек* (Кень йоллар, 27) 'Чтобы понять, что он такое, нужно знать, что называют эмбрионом'.

қачан + *-ачаг* + (аффикс принадлежности) + (вин. падеж): башк. *Минең қасан қайтасағымды бөләһегезме?* 'Знаете ли вы, когда я вернусь?' [Дмитриев 1948, 245].

nerede, nasıl + *-acak* + (аффикс принадлежности) + (вин. падеж): тур. *Ve ben bütün korkuma rağmen, nerede ve nasıl biteceğini bilmediğim bu merdiveni kıvrıla kıvrıla çikiyordum* (Sabahattin 1966, 91) 'И я, не взирая на весь мой страх, весь согнувшись, поднимался по этой лестнице, которая, я не знал, где и как кончится (которой не было конца)'.

не (*зат*) + *амаг* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: ног. *Азрет ога не айтаяғын билмеді* (Кень йоллар, 20) 'Азрет не знал, что ему сказать'; *Ол заман не зат аймағын ойланды* 'Тогда он подумал, что бы такое купить' [Баскаков 1940, 148].

нә вахт + *амаг* + (аффикс принадлежности) + (вин. падеж): аз. *Тәңкә жалмиш эв иийәси, гонағын нә вахт кедәжәйини сорушмага утанырды* (Аталар сөзү, 247) 'Хозяин дома извелся, но постеснялся спросить, когда уйдет гость'.

наме... + *амаг* + (аффикс принадлежности) + (вин. падеж): туркм. *Сен мең наме дийжегимми эшит* (Сарыханов 1951, 82) 'Ты послушай, что я скажу'; *Инди мен наме этчегими билмән әләп гелиән* 'Теперь я не знаю, что мне делать – иду и плачу' [Дмитриев 1954, 87, 134].

нинди + *амаг* (аффикс принадлежности) + (вин. падеж): сиб. тат. *Нинди ат алычағын (алырын) белмәгән* 'Он не знал, какую лошадь будет покупать' [Ахатов 1963, 175].

нечик + *амаг* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: кум. *Мен, уянганлы, тангала экскурсияны нечик оьггережекни гьакгында ойлашман* 'Я, с тех пор как проснулся, думаю о том, как провести экскурсию завтра' [Джанмавов 1967, 257].

һара + *амаг* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: аз. *Онлар көрәкәләри ишләри кимин һарая кедәжәйини вә һаралара адам топлаячағыны данышырлармыш* (Җаббарлы 1954, 43) 'Они говорили о том, какие дела они осуществили, о том, кто куда поедет и где народ соберется'.

нәтәк... + *бу* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: Среднеазиатский тефсир: *Сән жігрәк билүрсән мән оғланларім арасинда нәтәк қілғумні* 'Ты лучше знаешь, что мне делать среди моих сыновей' [Боровков 1963, 56].

Союзные слова + трансформант *-ған* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж. Формируют объектные конструкции.

қайғадар + *-ған*: ног. *Айсе книгасын окыйды, а Муса июнь айында сыйырлардан қайғадар суыт савылганын санаиды* (Кень йоллар, 26) 'Айсе читает книгу, а Муса считает, сколько надоили от коров молока в июне месяце'.

қайда + *-ған*: ног. *Қайда(н) барганын, қайзаман келеегин ол мага айтып юрмейди* [Абдулжалилов 1959, 32] 'Когда он пошел, когда он придет – он мне не говорил (докладывал)'; кбалк. *Да, Бызынғы алғғын қайдан келгенин не билейим* 'Ну, Безенги раньше откуда пришел, не знаю' [МБД 1962, 54, 55].

қғалай... + *-ған*: кбалк. *Мени кенчегим қғалай болғанын кәрмеймисе?* 'Ты не видишь, какие стали мои брюки?' [Жарихин 1941, 133].

қандай... + *-ған* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: каз. *Онын қандай себеппен қалып қойғанын сайтан билсін* (Актанов, 10–11) 'Черт знает, по какой причине он отстал'; кирг. *Батма ак тамга қандай жетип барганын сезген жок* (Жусупов, 10) 'Батма не почувствовала, как она подошла к белой избе'; узб. *Шундагина бу ерга қандай келиб қолганимни ўйладим* (Аҳмәд, 13) 'Только (в это время) тогда я подумал, как я здесь оказался'.

ким (косвенные падежи) + *-ған*: алт. (сев. диал.) *Акча дьогына кем бергенин көрдинъ?* 'Кого ты видел, чтобы без денег давал?' [Баскаков 1966, 72].

ким + трансформированная связка *экенни*: кум. *Гғали билдим ол адам ким экенни* (Ягбьяев, 12) 'Сейчас я понял, кто тот человек'.

не... *-ған*: кум. *Газетни охумайгған адам дюнъяда не болагғанны, бизин яшавубуз нечик оьсегенни, қғалған уьлкелердеги халқлар нечик яшайгғанны билмей* 'Человек, который не читает газет, не знает, что происходит в мире, как развивается наша жизнь, как живут народы других стран' [Джанмавов 1967, 180].

не заман + *-ған*: *Жыйынны не заман башланагғанын билмей қғайтып қғалмагға тюшдю* 'Пришлось вернуться, не узнав, когда начинается собрание' [Там же, 282].

ни турыда + *-ған*: тат. *Бик арыдыңмы? – диде Мансур – Нәрсә? – диде һаруң, аңын ни гурыда сораганын аңлап житмиңә* (Фәтгәх 1966, 85) 'Очень устал? – спросил Мансур. – Что? – сказал Харун, не понимая, о чем он спрашивает'.

неге + *-ған*: каз. *Жумабайдың неге ашуланғанын ұғып тұр* (Дуэзов, 5) 'Он понимал, почему Жумабай сердит'; кум. *Гелинни ата-анасы бизин неге қғабул этмегенни шо гюн билдик* (Ягбьяев, 147) 'В тот день мы узнали, почему нас не приняли родители невесты'.

нек + *-ған*: кбалк. *Да, ол экиси темирни, сууну, кырдыкны да нек салгғанларын билигиз сиз* 'Ну, оба они железо, воду, траву зачем клали – узнаете вы?' [МБД 1962, 52].

нима + *-ған*: узб. *Анвар у нима деётганини тушунмади* (Аҳмәд, 7) 'Анвар не понял, что он говорил'; *Жапақ шошилганича доктор айганини қлар экан, әллинг пешанасидаги тернинг совуқлигини кўриб, шу қисқа вақт ичда докторнинг юрагидан нималар кечганини тушинган* (Чашмалар, 65) 'Жапак, растерявшись, делал то, что говорил доктор; увидев холодный пот на лбу женщины, он понял, что происходило в сердце доктора за то короткое время'; уйг. *Немә болгенини аңқиралмай кәпигә кирдим қара* (Босақов, 15) 'Не разобрав, в чем дело, я вмешался в разговор'.

нече + *-ган*: кирг. *Ал саат нече болгонун билбейт* 'Он не знает, который час' [Альпиев 1953, 107]; Родословная туркмен: *Ничә жыл өткәніні джәзм әтә билмајміз* 'Мы не можем решить, сколько лет прошло (с тех пор)' [Конов 1958, 144].

нечик... + *-ган*: кум. *Сорамайлы, ишни нечик болганын айтмагга болмайман* 'До тех пор, пока не спрошу, не могу сказать, как было дело' [Джанмавов 1967, 259] и т.д.

Союзные слова + трансформант *-ган* + (аффикс принадлежности) + дат. падеж формируют объектные конструкции: ккалп. *Жумагул ол кисиниң не ушын бугин наукаслана қалғанына түсинбеди* (Қайыпбергенов, 7) 'Жумагул не догадалась, почему тот человек заболел'.

Союзные слова + трансформант *-ган* + (аффикс принадлежности) + местн. падеж формируют обстоятельственные конструкции (времени, условия и др.).

агар, әгәр, егер... + *-ган*: башк. *Әгәр клуб ителгән иске мәсетте иҫкә алмаганда, ауыл бөтөнләй үзгәрмәгән кеүек* (Гиләжев, 19) 'Если не принимать во внимание старую мечеть, в которой создали клуб, деревня будто и не менялась'; каз. *Егер сол кезде топтың алдыңғы жағынан біреудің өктем даусы шықпағанда, Олжай шатақ шығаратын еді* 'Если бы в это время впереди не раздался повелительный голос, Олжай поднял бы скандал' [СКЯ 1962, 412]; узб. *Агар ҳамшира чиқиб беморларни кечки овқатга таклиф қилганида, биз яна анча вақтгача суҳбат курган бўлар эдик* (Чашмалар, 56) 'Если бы не пришла сестра и не пригласила бы больных на ужин, мы бы еще беседовали до позднего времени'; *Агар мен кетмаганимда сизга бу бахт қәкда эди* 'Если бы я не уехал, то где бы Вам было это счастье! (т.е. то и не было бы Вам счастья)'

қачан... + *-ган*: алт. (Качан) *мен бичигенимде, ол менень дьанымда отурган* 'Когда я писал, он сидел рядом со мной' [Дыренкова 1940₂, 271]; кирг. *И.В. Мичурин качан ата мекендик бакъачыгылыкты кайра куруу боюнча өзүнүн жумушун баштаганда, ал өзүнүн алдына эки милдет коёт* 'Когда И.В. Мичурин начинал свою работу по преобразованию отечественного садоводства, он поставил перед собой две задачи' [Сартбаев 1953, 31]; лобн. *Качан бәшига күн түшкенде шу түкні отқа салғын, мен хазыр болуимен* 'Когда у тебя будут трудные обстоятельства, то этот пух положи в огонь, и я тотчас явлюсь' [Малов 1956, 30].

Союзные слова + трансформант *-ган* + (аффикс принадлежности) + исх. падеж. Формируют объектные конструкции.

нима + *-ган*: узб. *Отамни яйловга олиб келишганда мен хушимга келган, нима ҳодиса бўлганидан бехбар ётар эдим* (Чашмалар, 68) 'Когда моего отца привезли на джайлау, я пришел в себя и лежал, не зная, что произошло'.

Союзные слова + трансформант *-ан* + падежные формативы или служебные слова.

елә + *-ан* + *заман*. Формируют конструкции, передающие временное соотношение действий: аз. *Елә Таһир ичәри кирән заман қозләринин јашыны төкә-төкә олды* [АХД 1961, 30] 'Как только Тахир вошел, она стала обливаться слезами'.

нәме + *ан* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж. Формируют объектные конструкции: туркм. *Управляюциниң нәме диймекчи боляны Аман*

учин ончаклы айдың дәлди (Мәммедов, 61) 'Что хотел сказать управляющий, для Амана не очень было ясно'.

нирә + *ан* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж. Формируют объектные конструкции: туркм. *Оның ким билен гиденени ве нирә гиденени сиз билмәли дийди* (Сарыханов 1951, 35) 'Она сказала, что вы должны знать, с кем она уехала и куда уехала'.

нахили + *-ан* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж. Формируют объектные конструкции: туркм. *Шол ерде болан бир гижәмин нахили геченини билмедим* (Сарыханов 1951, 13) 'Я не почувствовал, как прошла (там ночь'.

кам + *-ан/-екен*. Формируют в чувашском языке определительные конструкции: *Кам пәлен* (или *кам пәлекен*) *сын вулат* 'Кто умеет, тот читает' [Ашмарин 1903, 401]¹

Союзные слова + *-нә/-нә*. Формируют в чувашском языке объектные, реже — обстоятельственные конструкции.

ақта + *-нә/-нә*: *Малашне ентә тилле шанмән аһа йста курнә, унта пәтерән* 'С этого времени я уже не буду доверять лисице, и лишь только где ее увижу, тут же и прикончу' [Ашмарин 1903, 403].

мән + *-нә/-нә*: *Ванюш сәмах мән пирки пынине аван әнланчә* (Ухли, 13) 'Ванюша хорошо понял, о чем идет речь'; *Пирвайхи ихвисә уйәх хушишинче Виктор әләкрах мән вәреннине аса юлчә* (Талвир 1952, 97) 'В течение двух — пяти месяцев Виктор восстановил все, что он учил раньше'.

мәншән + *-нә/-нә*: *Эпә мәншән кунта ларнине хәр аванах сисет* (Алендей, 14) 'Девушка хорошо знает, почему я здесь стою'.

Союзные слова + *-ганлыг/-гандык* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж или служебные слова. Формируют объектные конструкции.

қандайча + *-ганлыг*: кирг. *Чал өзунун жыйырма беш жашка кайдайча чыккандыгын, энсегән күлгүн курагын көз алдына келтирди* (Жусупов, 14) 'Старик представлял себе, как он достиг двадцати лет, — поры желаний, расцвета'.

қандай + *-ганлыг*: узб. *Унинг қандай халок булганлигини сөн ҳам билиб қуйгин* (Чашмалар, 83) 'И ты знай, как он погиб'.

қандақ, қачан + *-ганлыг*: уйг. *Параң жәриянида буларниң отлуқ яш қоллири бир-бирсигә қачан вә қандақ қолтуқлишип қолганлигини өзлириму сәзмәпту!* (Босақов, 10) 'Они сами и не заметили, как во время разговора сплелись их горячие молодые руки'.

қзайдан + *-гзанлыгын гзакъында*: кум. *Янтыкъ булан Кзйбит йимиклердеги эсгиликни гзалдыкъзудулары қзайдан болагзанлыгын гзакъында политкрузокда охугзанларындан излеп тапмагга гзаракат эте ве шулай ойлаша туруп, индыргза багзып гетди* 'Он направился к току, размышляя о том, откуда берутся пережитки старого в сознании таких, как Янтик и Кйбит, и стараясь найти ответ в знаниях, полученных в политкрузке' [Джанмавов 1967, 97].

немә үчүн + *-ганлыг* + (аффикс принадлежности): уйг. *Озиниң немә үчүн һойлида турғанлиги ядига келип, гәшвиш билән, неминиду күтти* (Боса-

¹ Н.И. Ашмарин находит здесь смешение двух конструкций древней и новой: относительное местоимение (*кам, мән*) сохраняется, а глагол определительного предложения превращается в причастие [Ашмарин 1903, 401].

кров, 36) 'Вспоминал, зачем он стоял во дворе и с беспокойством что-то ожидал'.

Союзные слова + *-андыг* (аффикс принадлежности) + вин. падеж также формируют объектные конструкции: туркм. *Итем кимиң черек берйәнди-гини билйәр* 'И собака помнит, кто ее кормит' [ФСл. 1963, 51].

Союзные слова + *-гандай/-гандек* формируют в узбекском языке обстоя- тельственные конструкции (причины, сравнения)

гўё + *-гандай*: узб. *Ихтиёрсиз чўри кўрққанидан, яқинроқ келиб, гўё бирон юмуш кутгандай, чўккайю ўтирди* (Ойбек, 44) 'Поскольку служан- ка (рабыня) невольно испугалась, она подошла поближе и как бы в ожида- нии какого-то поручения присела на корточки'; *Гўё узок замон кўришма- гандай, ҳол-аҳвол сўрашди* (Там же, 15) 'Словно долгое время не виделись, расспрашивали о житье-бытье'.

чунки + *-гандек*: узб. *Чунки башара нонга чумоли ёпишигандек соқол- мурт билан тўлиб мўйчиначка сўз берарлик бўлмади* (Кодирий 1959, 64) 'Так как физиономия вся обросла растительностью, как муравьями лепеш- ка, пинцет был бессилён'.

Союзные слова + *-ганча, -анча, -гунча, -гынча . . . , -ынча* и др. формируют обстоя- тельственные конструкции времени.

тә . . . + -анча: туркм. *Ол шейле пилирленип, олара тә даң атянча саз ча- лып бермәге өзүни боюн эдиң гелйәрди* (Сарыханов 1961, 7) 'Так думая, он пел, уговаривая себя играть им до самого рассвета'.

та . . . + -гунча: узб. *Узокдан буни кўриб турган овчи то югуриб келгунча тулки қочиб кетибди* (ЎЭ, 36) 'Пока добежал охотник, который видел это издали, лисица уже убежала'; *То очик майдонга чиқиб олгунимча бошим айланиб, кўзим тиниб кетди* (Аҳмад, 11) 'До того как я вышла к открыто- му месту, голова у меня кружилась, а в глазах потемнело'; Родословная туркмен: *Та Джаныбәк хан өлгүнчә Абулханда олтурдылар* 'Они жили на Балканах вплоть до смерти Джаныбек-хана' [Кононов 1958, 168–169].

чўн + *-гынча*: хорезмские памятники XIV в.: *бир пийәда неча йүрүб кеткәй чўн гәвәләр арыб сөкал болды, семиз аруқ болуб түләнгинчә, көп аруқлар түшүб йатыб өлди* 'Пешеход может идти даже до тех пор, пока верблюды устанут, пока толстый станет тощим, тощие (уже) упали и умер- ли' [Фазылов 1966, 69].

ки . . . + -гучи: Золотой блеск — *Oqysar, m(ā)n ol bitig ičinta ol küm ki biz inç aš ta ölürgüci, — id, qojun, toңuz bašlap tynl(y)lar nuң sav y turur* 'После прочтения (я увидел), что в грамоте заключалась жалоба (букв.; слова) животных (убитых) в тот день нашего (свадебного) пира, начиная с быков, овец и свиней, и что я их убийца' [Малов 1951, 154, 158].

та + *-ынча*: аз *та өлүнчәл көтурмәнәм сәндән* (Вагиф, 45) 'Пока я не умру, я не прекращу любовной связи с тобой'; гаг. *Таа зенгин гиринжә аул ичинә, көпекләр сармышлар ону да пайсынмыш лар дартмаа онун мешин- нерини* (Карачобан, 11) 'Как только он вошел в аул, собаки окружили его и принялись дергать за его кожаные штаны'; тур. *tā kapılar kapanıncıya kadar orada bekliyordum* 'Я ждал там вплоть до тех пор, пока не были закрыты двери' [Кононов 1956, 482]; туркм. *Тә еңимден адам чыкянча, хич киме айтмарын* 'Пока мне кто-нибудь не повстречается, никому не скажу' [По- целуевский 1943, 81].

песик + *-інча*: уйг. *Көзни укинча қанчә тиккәнсири, бирәр дәһшатлик*

һаллар жүрәккә қониду (Тохтәмов, 33) 'По мере того как он смотрел на него, сердце его наполняли ужасные чувства'.

качан + *-гац* тат. (миш. диал.) *Качан кәм Казан алынғац Иван Грозный Касим ханныгьин Шахам-га айрыб бәргән* 'Когда Казать была взята, Иван Грозный Касимовское ханство Шахалию, отделив, дал' [Шакирова 1949, 141–142].

Союзные слова в сочетании с трансформантом *-дыг* + (аффикс принад- лежности) + вин. падеж формируют объектные конструкции.

ани + *-дыг*: гаг. *O-da tanьdy ozaman dni o David oldünü* 'А он тотчас понял, что это и есть Давид' [Дмитриев 1962, 266].

ким + *-дыг*: аз. *Ким олдуеумузу биләрсән* (Мехди 1954, 78) 'Ты знаешь, кто мы такие'; тур. *Kimin yattığını göremiyordum* (Sabahattin 1966, 93) 'Я не мог видеть, кто лежит'.

не + *-дыг*: гаг. *O o saat gitmiş bobасына сөлемәй не йапгыныны* (Карачо- бан, 10) 'Тогда он пошел к своему отцу сказать, что ему делать'; тур. *Ne demek istediğini anlamayarak yüzüne baktım* (Sabahattin 1966, 94) 'Не поняв, что он хотел сказать, я посмотрел на него (ему в лицо)'; *Hoca bir gece yatarken, sokakta bir gürlütu işitmiş ve hemen ne olduğunu anlamaya meraklanmış* (Nasreddin, 21) 'Однажды ночью, когда Ходжа лежал, он услы- шал на улице шум и тут же захотел узнать, что произошло'; *Herkes müfet- tişlerden neler cektiğine, müfettişlerin neler yaptığına dair hikâyeler anlatıyor* (Nesin 1962, 21) 'Каждый рассказывает разное о том, что он вынес от ре- визоров'.

нә үчүн + *-дыг*: аз. *Нә үчүн бураја калдикләрини данышды* (АХД, 45) 'Он говорил, почему они сюда пришли'.

нейи + *-дыг*: тур. *Çocuk bu bakışların neyi ifade ettiklerini bilmiyordu* (Halikarnas, 41) 'Ребенок не знал, что означали эти взгляды'.

нечин + *-дыг*: гаг. *савашарды аннатмаа Шулай нечин гелдиини* (Карачо- бан, 89) 'старался объяснить Шулай, почему он пришел' и т.д.

Союзные слова в сочетании с трансформантом *-дыг* + местн. падеж фор- мируют обстоятельственные конструкции (времени) — Золотой блеск: *Qaçan bu (tört jāk lār mini bir) äv qabyу уңа (iltüktä), ötrü ol kök tonlyу bäg at тың qody түшүр, mini oqudy* 'Когда эти четыре демона привели меня к во- ротам одного дома, тогда тот начальник (из них) в голубой одежде, сойдя с коня, призвал меня' [Малов 1951, 154, 157]; *Qaçan anta tägdüktä ärklig qan nuң qatur qatur quñ u alymčy laryң . . . аҗыр төрү . . .* 'Когда ты туда явишь- ся, истцы (твоей жизни) у Эрклиг, хана сурового и тяжелого, наказания будут просить . . .' [Там же, 155, 159].

Союзные слова в сочетании с трансформантом *-дыг* + служебные слова формируют обстоятельственные конструкции (образа действия).

андаң ким + *-дүки/кәби*: Среднеазиатский тефсир: *Күлгәй андаң ким кафир- лар буларға күлдүки кәби* 'Засмеются так же, как неверные смеялись над нами' [Боровков 1963, 188].

Союзные слова в сочетании с трансформантом *-дықча* образуют обстоя- тельственные конструкции меры и степени и др.

кақан + *-дықча*: тур. *Kaçan deliler hakkında yeni haberler alındıkça dinle- yicilerimize bildirilecektir* (Nesin 1962, 3) 'По мере того как о сумасшедших будут поступать новые сведения, они будут сообщаться нашим слушателям'.

Союзные слова в сочетании с трансформантом *-мыш* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж формируют объектные конструкции.

ким + *-мыш*: Среднеазиатский тефсир: *Джэбра'ил бiлдi кiм мiрjам қорқ мiшiнi* 'Джебраил узнал, что Марьям испугалась' [Боровков 1963, 100].

неким + *-мыш* – Подарок Истин:

اكر بيلسا كاشغار تيلين هر كيشي

بيلور اول اديب نينك نيكيم آيميش

'Если кто знает кашгарский язык, то он будет знать все, что сказано этим поэтом!' [Малов 1951, 193, 321].

Союзные слова в сочетании с трансформантом *-р* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж формируют объектные конструкции.

кая + *-р*: тат. *Барасың, барасың кырмыска кебек, ташбака кебек. . . кая барың чыгарыңны узең дә белмисең* (Фаттах 1966, 73) 'Идешь, идешь как муравей, как жаба. . . куда выйдешь, сам не знаешь'.

қайда + *-р*: каз. *Осындай iстерден сырт қалған және қайда барары мәлім емес* (Әуэзов, 76) 'Оставшись вне таких дел, он и не знал, куда податься (было неизвестно, куда он пойдет)'; хорезмские памятники XIV в.: *Киши қайда өлэрин билсэ болмас, ҳақйқат йаьрыдын айрылса болмас* 'Нельзя знать, где умрет человек, невозможно расстаться с истинным другом' [Фазылов 1966, 39].

не + *-р*: ккалп. *Оқыу қыйын бола ма екен? – деди Сейтжаның қызы Гүлжан басқа не сорарын билмей* (Қайыпбергенов, 41) 'Разве учеба бывает трудной, – сказала она, – дочь Сейттана не знает, о чем другом спросит Гюльджан'; кирг. *Башкалар не дээрин билбеймин* (Садыкбеков, 6) 'Другие что скажут – не знаю'; Родословная туркмен: *Нй кылуруңны сйн жашы билүрсән* 'Ты прекрасно знаешь, что ты должен сделать' [Кононов 1958, 166].

нә *вақт* + *-р*: Среднеазиатский тефсир: *Бiлмән кiм қiжамат нә вақт болурынi* 'Я не знаю, когда настанет день судный' [Боровков 1963, 101].

нима + *-р*: узб. *Хайратдан ағрайиб қолған Жапақ нима қиларини билмай турганида доктор кулимсираган ҳолда унга қараб, илтимос қилган* (Чашмалар, 65) 'Когда растерявшийся от удивления Жапақ стоял, не зная, что ему делать, доктор, глядя на него, улыбаясь, обратился с просьбой'; уйг. *Немә қиларини билмәстин, ейигиму йетип кәлди* (Төхтәмов, 35–36) 'Не зная, что ему делать, он добрался домой'.

нәчүк + *-р*: Родословная туркмен: *Кiмәни нәчүк јасарын көрсәтдi* 'Он показал, как ему построить судно' [Кононов 1958, 140].

Союзные слова в сочетании с трансформантом *-р* + местн. падеж формируют обстоятельственные конструкции.

қачан + *-р*: алт. (южн. диал.) *Качан Боколу келерде, бай айткан. . .* 'Когда к нему пришел Боколу, бай сказал. . .' [Баскаков 1958, 83].

Союзные слова в сочетании с трансформантом *-ыб* образуют обстоятельственные конструкции (времени).

анча кынча + *-уп* – Золотой блеск: *Анча кынча бодiств тiгiн ниң улуғы iчi сi јiр тiбрәмiсiн көрүп, iнiсiңа ынча тiп тiдi* 'Как только самый старший брат царевича бодисатвы увидел землетрясение, то сказал своему младшему брату так' [Малов 1951, 176, 183].

қачан + *-уп*: алт. (сев. диал.) *Дьуван қачан кижи сагышы кирип эр пойы полуп иаза ла парты* 'Когда Иван возмужал (букв.: когда вошел в ум взрослого человека) и стал мужчиной, он также поехал' [Баскаков 1965, 37].

тә + *-ып*: туркм. *Узак ғыш ғижелеринде тә даң атып, жрхан ягылянча ол саз чаларды* (Сарыханов 1961, 6) 'Длинными зимними ночами он играл, пока не рассветет (не посветлеет, наступит день)'.

Союзные слова в сочетании с трансформантом *-ыш* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж формируют объектные конструкции.

қандақ + *-ыш*: уйг. *Лекин сөзини қандақ башлашни билмәйду* (Босақов, 31), 'Он, однако, не знал, как начать разговор'.

нима + *-ыш*: узб. *Нима дейишимни билмай дудуқландим* (Ахмад, 16) 'Я заикался, не понимая, что говорю'; *Анвар нима дейишни билмай уйла-ниб холди* (Там же, 8) 'Анвар задумался, не зная, что ему сказать'; уйг. *Манап болса, немә дейишни билмәй қизирип-татирип, йәргә қарап турмақта еди* (Босақов, 13), 'Я, Манап, не зная, что мне говорить, краснея, бледнея, стоял, потупя взор'.

Союзы, союзные слова в сочетании со служебным элементом *дейә/дуйи* формируют объектные конструкции.

ани + *деји*: гаг. *Карьсу о sat анпатыи ани о салдат деји* 'Женщина сразу догадалась, что это был солдат' [Дмитриев 1939, 18].

ки/ким + *дейә, дейиб* – настоящая конструкция распространена в памятниках южных и среднеазиатских языков. Огуз-наме: *Огуз қаған j(i)гiтнiң сөзүн j(a)кшi көрдi сөвiндi күлдi такi айттi кiм мәнгi көб алтун јумшабсән балукнi јакшi саклабсән дэб дэди* 'Понравились слова юноши, обрадовался он, засмеялся и говорил: – Много золота прислал ты мне, город хорошо сохранил' [Шербак 1959, 43–44].

***

К числу гибридных конструкций, выражающих подчинительный характер отношений, относятся сочетания показателя условного наклонения *-са* с частицами. Гибридизация в данном случае является особым приемом, направленным на синтаксическое усовершенствование языковой структуры. Настоящие конструкции представляют стандартизованную модель во всех тюркских языках для выражения уступительности, реже – других подчинительных значений.

-са + *-ақ* – передает временное соотношение с действием главного предложения: каз. *Жағалау қаймақтанып, кiлегейлене бастаса-ақ арқадан шыққан қатты жел әлсiз мұзды бет ашыққа айдап, қуып кетiп тұрған* (Нұрпейiсов, 8) 'Как только у берегов начинает замерзать вода, ветер с севера гонит лед'; *Сары тайлақ женге түсе бастаса-ақ, Жалмұрат кеп түйенiң iшiнен сары iңгендi iздейдi* (Там же, 62) 'Как только рыжий жеребенок привыкнет, Жалмурат тут же отыщет его среди множества верблюдов'.

-са + *велин* – передает условный характер отношений: туркм. *Инди салыңа бир зат болайса велин, мен жогапкәр дәл* (Мәммедов, 66) 'Если уж что-нибудь случится с твоим правым виском, я не отвечаю'.

-са + *да*: аз. *Рустәм киши Мајанын еһтијалты бахышларыны һисс етсә дә, фикир вермирди* (Ибраһимов 1966, 66) 'Хотя Рустам-киши и чувствовал настороженные взгляды Майи, он не обратил внимания'; гаг. *Качсан да*

йетишмейжйн етишсйн да алмыйжан 'Хоть и бежишь — не догонишь, хоть и догонишь — не отберешь (ребенка)' [Покровская 1964, 218]; каз. *Абайдан жасы үлкендеу болса да, ол құрбыша ашна еді* (Әуезов, 15) 'Хотя он был немного старше Абая, но он все равно чувствовал себя его ровесником и поэтому откровенничал'; *Кейде кешігін қалсам да столдың басына қарай аяңдай беретін болдым* (Ақтанов, 7) 'Хотя я иногда опаздывал, я привык приходиться к началу застолья'; ккалп. *Ер елсе де, кғаде елмес* 'Хотя герой и умирает, его обычаи не умирают' [ККСл. 1958, 866]; кирг. *Акмат берилген тапшырманы жакшы түшүнө албай калса да, куп деп дептерди алды* (Назир, 25) 'Акмат хотя и не мог хорошо понять заданное упражнение, охотно взял тетрадь'; кум. *О кьатын башлап сойлемей кьалса да, сонгь айта* 'Та женщина, хотя сперва и не отвечала, но под конец говорит' [Дмитриев 1940, 200]; ног. *Ел джатса да, ели мен джаттас (малдын муйуьзу)* 'Хотя весь народ и лежит, он с народом не ложится (рога скота)' [Баскаков 1940, 188]; *Хазер инде дарсам да, берэуне да туры китерэ алмам, бушка гына йери булыр* (Хәсни, 53) 'Хоть и сейчас пойду, никого не смогу привести, пустое хождение получится'; тув. *Байлад ядараза-даа, ямбыырга-ан салбас* 'Богачи, хотя обеднеют, своей похвальбы роскошью не оставят' [Исхаков, Пальмбах 1961, 403]; тур. *Уçсан да куш деғилсин* 'Хоть ты и летаешь, а все-таки не птица' [Кононов 1956, 534]; туркм. *Эжегыз ятса-да, гәзүне хич укы гелмейарди* 'Хотя Эдже-гыз легла спать, она никак не могла заснуть' [Ходжаев, 9]; шор. *Кайчы кижн корукса даа, ныбакты ужына тӱӱнче апарган* 'Сказитель, хотя и испугался, сказку до конца рассказал' [Дыренкова 1941, 300].

В чувашском языке уступительная конструкция образуется сочетанием показателя *-са* или *-сан* с частицей *та/те*. Ср.: *Ара... уйӑх ёслесе те ёсе йёркеллӗ вӑренсе пулмарӗ* (Талвир 1952, 25) 'Да... хотя я и работал месяц, не смог как следует научиться работать'; *Йӑн чиксе те куҫ курмасть* 'Хоть иголкой выколи, глаза ничего не видят' [МГЧЯ 1957, 247]; *Сумӑр йӑпетсен те, хӗвел тупӑтет, теҫсе* 'Если дождь и мочит, солнце сушит' [Там же 251]; *Пӑлмесен те, йурла* 'Хотя и не умеешь (теперь), а пой' [Ашмарин 1923, 126].

Фонетической разновидностью частицы *да* является вариант *ла*: башк. *Карттың улы бәләкәй булһа ла акгы етез* 'Сын у старика хоть и мал, да ум у него острый' [Дмитриев 1948, 270].

Возникнув на почве логической акцентуации, частица *да/ла* довольно свободно перемещается, тяготея занять место непосредственно после слова, которое ею выделяется: аз. (муган.) *Лотқә кәһнә дә олса, эмма јакхи үзирди* [ГМГ 1955, 164] 'Хотя лодка и была старой, но она хорошо плавала'; алт. *ырак-та болзо, келерим* 'Хотя и далеко, (все равно) приду' [Дыренкова 1940, 290]; тув. *Мээн келиримни билбээн-даа болза, манап турган* 'Он ждал, хотя не знал, что я приду' [ТРСл. 1955, 721].

-со + деле: кирг. *Ушунусу болсо деле сулуу корунет, деди ал* (Жусупов, 15) 'Хотя бы и так, но она кажется красивой, — сказал он'.

-са + дагы: кирг. *Келсе дагы* 'Хотя бы он и пришел' [КРСл. 1965, 180].

-са + ку: узб. *Орадан йигирма кун ўтса-ку болага исм қўймасар, деб отаонани айблаш оғир* (Қодирий 1959, 40) 'Если даже и через 20 дней после рождения ребенка не дадут имя, трудно обвинять (в этом) родителей'.

-са + ма: уйг. *Омида 7-8 адам ишләватқан болсиму, уларниң һәр кай-*

сиси пәкәт ез ой-пикирлири биләнла бәнт (Босақов, 24) 'Во время жатвы работали семь — восемь человек, и каждый из них был занят только своими мыслями (думами)'.

-са + һем/ҳам: туркм. *Өлдүрсең һем, мен сениң диен (и)ңи эди-билжек таллирин* 'Если даже и убьешь, все равно я не могу сделать то, о чем ты говоришь' (Туркм. сказки, 131); узб. *Бу гаплар менга маъкул келмаса ҳам, уни тинглашга мажбур бўлардим* (Чашмалар, 118) 'Хотя мне этот разговор и был не по душе, я вынужден был его слушать'; *Султонмурод подшоҳ блан Алишер Навоий орасида эски дўстликни эшитган бўлса ҳам, тез кунда бундай юқори вазифага кутарилишини хаёл қилмаган эди* (Ойбек, 28) 'Хотя он и слышал о старой дружбе падишаха Султанмурада и Алишера Навои, но не представлял, что последний так повысится в должности за короткий период'.

-са + частицы ҳам и ки: узб. *Самсоқ ота сиздан бемаслаҳ ат бўлса ҳамки, ўлингиз ўрмонни колхозга раис қилиб сайладик* (Яшин, 129) 'Самсоқ-ота, хотя и не посоветовались с вами, вашего сына мы выбрали председателем колхоза "Урмон"; *Бедармон бўлсам ҳамки, тўпикидан насти олиб ташланган ўнг сөгимга қалин пахта, латта-путта ўраб, оддий тол ёғочидан қилиб беришган қўлтиқ таёққа тираниб юрабошладим* (Чашмалар, 68) 'Хотя я был еще слаб, но начал ходить, опираясь на костыль, сделанный из обыкновенной ивы, толстый (слой) ваты на правой ноге, сломанной ниже щиколотки, был обмотан тряпьем'.

-са + чи, чу — конструкция чаще имеет оптативное значение: кум. *Кьолайланып, кьыргьа чыгып болаган болсам чы, бир де ялкьмажакь эдим* 'Если бы я, поправившись, смог выходить из дому, то нисколько не скучал бы' [Джанмавов 1967, 251]; узб. *Миннатдорчилик билан икки бўзни узатдим; асти олса-чи* (Қодирий 1959, 61) 'Я с благодарностью послал два куса бязи; пусть же будет подкладкой'.

-са + у/ю: узб. *Хизматимга шунча одамлар тайёр турса-ю, дунёдан фарзандсиз ўтсам, мен хафа бўлмай ким хафа бўлоин?* (ЎЭ, 114) 'К моим услугам ведь столько людей, но если я уйду из мира бездетным, то кто будет горевать?'.

При анализе конструкций "трансформант + частица союзного порядка" трудно бывает определить синтаксическую функцию частиц — эмфатическая или союзная.

-а/-май + да/ла — а имеет усилительное значение: кум. *Гьали екген атларыбыз чы жарн, сен гьайдамай да, чаба* 'Лошади же, которых мы запрягли сейчас, скачут, хотя ты и не погоняешь их' [Джанмавов 1967, 264]; *Булар чы, сен чакьырмай да, гележек* 'Эти придут, хотя ты и не будешь их приглашать' [Там же]; ног. *Азрет уйге бек каранья болмай да келмеге боляк эди* (Кень йоллар, 3) 'Азрет должен был прийти домой, хотя не было еще очень темно'; б) передает временное соотношение двух действий: уйг. *Йерим саат өтмәйла, Алимжанларниң дәрвазиси алдига жук машиниси келип токтиди* (Тохтəмов, 41) 'Не прошло и получаса, как к окну Алимджана подъехала и остановилась грузовая машина'; *Адилниң кəлгинигь бир аз вақит өтмәйла, өйгə холум-хошнилар киришкə башлиған еди* (Там же, 21) 'Прошло еще совсем немного времени после приезда Адила, когда в дом начали входить соседи'.

-а/-май + ақ — выражает временное соотношение двух действий: ккалп.

Ардан бир хәпте өткермей – ақ ол Тәңирберген келгенин еситти (Қайыпбергенов, 29) 'Не прошло с тех пор и недели, как он услышал, что приехал Тениберген'.

-ған + (аффикс принадлежности) + бірлә + өк – памятник уйгурского письма: *ögänü birlä ök ötrü iiglärin örü kötürün, улыју сықтају, ынча тп таксурдылар* 'Когда они только что пришли в чувство, то, руки свои воздев вверх, плакали и рыдали и так читали стихи' [Малов 1951, 178, 186].

-ганда/-гандан + ақ – выражает временное соотношение двух действий: ккалп. *Мешиттинг сыртқы қапысынан кигеннен-ақ бакырысып оқып отырған балалардың ғауырлысы еситилди* 'Как только (он) вошел через наружную дверь мечети, слышались голоса ребят, читающих хором' [Насыров 1953, 186].

-рансай + ақ – имеет обстоятельственное значение образа действия: каз. *Қуғыншы ойлағандай-ақ шоқпарды жөндеп суыртады* (Әуезов, 5) 'Как и думали, преследователь не дал возможности вытащить чокпар (дубину)'.

-ған + (аффикс принадлежности) + вин. падеж + да – имеет объектное значение: ккалп. *Ол Төрөбайдың бир ай ауылда болмағанын да билмейтуғын еди* (Қайыпбергенов, 19) 'Он не знал, что Төрөбай уже месяц не находится в ауле'; кбалк. *Билгендиге өтхенин да* 'Узнали, что перешел' [МБД 1962, 39, 40]; кум. *Юртға кәйтмай, сен армиядан гелгенни де англамадым* 'Пока я не вернулся в село, я даже не слышал, что ты приехал из армии' [Джанмавов 1967, 258].

-ганда + да/ла – имеет обстоятельственные значения времени, условия: башк. *Мин урманда йөрөгәндә лә, ағас башында йоклағанда ла, һин минең күңелемдән китмәнең* 'Когда я бродил по лесу и когда спал на дереве, ты не выходила из моего сердца' [Дмитриев 1948, 263]; тат. *Хат берничә тапкыр укылды. Гримда утырғанда да обшашын алмыштырғанда да, Хаятның кузларе гел хатта иделәр* (Кутуй, 163) 'Письмо прочитывалось несколько раз. Когда Хаят сидела в гриме или переодевалась, ее глаза всегда смотрели в письмо' (бук.в 'были в письме'); каз. *Қыз болғанда да Құрлайға арнағанына қуанамын* (Серәлиев, 15) 'Если будет девочка, я буду рад, что она предназначена Курлаю'.

-ған + служебное слово чағ + (местн. падеж) + да/ла – выражает временное соотношение действий: уйг. *Пәқәт шу иш аяқлашқан чағдила йеник дәм елип, пүт-қоллирини арамхуда сунуп ухлайдиван* (Босақов, 43) 'Однако, когда то дело закончилось, он, вздохнув, расслабил руки и ноги и заснул'; *Рәис йолбашчилигидики қириқ адам пәқәт таң чолпини көрүнүп, кәң далалар сүзүлүшкә башлиғандила, йезиға қайтти* (Тохтәмов, 34) 'Как только показалась утренняя звезда и начали проясняться (обозначились) широкие дали, сорок человек под руководством председателя вернулись в свою деревню'.

-ганда + деле – передает временное соотношение действий: кирг. *Баары бир, атасы үйде болгондо деле таң азанда короз кыйкырап замат ишке кетип, түн жарымында араң кайтат* (Назир, 9) 'Все равно и тогда, когда его отец был дома, он шел на работу рано, на рассвете, как только прокричит петух, и возвращался в полночь'.

-ганда + ки – передает временное соотношение действий: уйг. *Қерилик*

һөрмитини билмингәндики, немә қилайли, әнди, ана (Тохтәмов, 7) 'Что теперь поделаешь, мама, когда не знают уважения к старости'.

-ганда + ҳам – имеет уступительное значение: узб. *Ҳар қандай бўлганда ҳам кўкламни қўлдан бермаслигимиз керак* (Қаҳҳор, 14) 'Что бы ни было, весну не надо упускать'.

-гандай + эле – имеет значение обстоятельства образа действия: кирг. *Демек башкалардын көңүлүнө келгендей эле, Таш-Булакты табыш кийин чоң көп болчудай сыяктанып турган ага да* (Назир, 33) 'Значит, ему, как и другим, казалось, что Таш-Булаки станет впоследствии предметом большого разговора'; *Айтканыңдай эле болсун* (разг.) 'Уж пусть будет так, как ты сказал'.

В кумыкском языке этой конструкции синонимична конструкция, образованная сочетанием трансформанта -гандай с частицей сув: *Хатири кьалгьандайсув сораиды* 'Он поздоровался (так), как если бы был немного обижен' [Джанмавов 1967, 43].

-ғанлы + чы – выражает исходный момент совершения действия: кум. *Къар явгьанлы чы кеп заман бола* 'Много времени прошло с тех пор, как пошел снег' [Там же].

-ғанча/-ғанша/-ғынча/-ғунча + да – выражает временное соотношение действий: каз. *Көлге жеткенше де, судя бөшкеге толтырғанша да, оралып қайтқанша да Шолпанның екікөзі артында болды* 'Все время, до тех пор, пока не дошла до озера, пока не наполнила бочку, пока не вернулась домой, Шолпан смотрела назад' [Мусаев 1956, 109].

-ғач + да/та – выражает временное соотношение действий: башк. *Тубәгә килеп еткәстә ауыл күренде* (Гиләжев, 7) 'Когда он подошел к холму, показались деревья'; тат. *Галимулла килеп туктагач та, она мәсьәләне аңлатып бирделәр* (Фәттаһ 1966, 59) 'Когда Галимулла остановился, ему объяснили задачу'; *Хәят Мансурова буген уйнайчак образы турында уйланьп утырғанда, театр директоры килеп керде* (Кутуй, 159) 'Когда Хаят Мансурова сидела и думала над тем, как она сегодня будет играть, вошел директор театра'.

-ан (-лыг) + аффикс принадлежности + вин. падеж + да – имеет объектное значение: туркм. *Бәлки, оның китабыны элиден чыкарасы гелмейәнлиги – де шуның үчиндир?* (Сарыханов 1951, 10) 'Может быть, поэтому он и не хочет свою книгу выпускать из рук'.

-анда + да – выражает временное соотношение действий: аз. *Сөзү дејәндә дә бах беләжә ачыг дејәсән* (Ибраһимов 1966, 81) 'Когда говоришь, смотри, будь откровенным'.

-нә, -нә + вин. падеж + частица та/те – имеет объектное значение: чув. *Хәйне епле майпа госпитале ситернине те астуман вәл* (Талвир 1952, 95) 'Он не помнил, как его доставили в госпиталь'.

-нә, -нә + исх. падеж + частица ах, или та – выражает временное соотношение действий: чув. *Колхоз пусланнйраннах вәл пахча сымәс енәне еслет* [МГЧЯ 1957, 266] 'С того времени как организовали колхоз, он занимается огородничеством'.

иччен + ах, та – выражает временное соотношение действий: чув. *Сав сүна пәччене пәравус килет, Микка йна иртсе кайичченеһ пәхса тәче* (Талвир 1952, 43) 'По этому пути шел один паровоз, Микка его заметил еще до того, как он прошел'; *Микка шурәмнус шурәлся киличчен те вйәх*

киллине туймарѣ (Там же, 7) 'Микка не мог заснуть до тех пор, пока не занялась заря'.

-дыг (аффикс принадлежности) + вин. падеж + да – имеет объектное значение: тур. *Büyüdükçe ormanın, bizim için daha başka şeyler olduğunu da anladık* (Sabahattin 1966, 112) 'По мере того как мы выросли, мы поняли, что в лесу для нас есть еще и другое (другие вещи)'.

-мадан + да – выражает временное соотношение действий: тур. *Sen söylemeden de ben bilmiyor muyum sanki?* (Там же, 105) 'Как будто я не понимаю, пока ты не скажешь'.

-р + служебное слово + эле – выражает временное соотношение действий: кирг. *Келер замат эле . . .* 'Как только он пришел . . .' [КРСл. 1965, 287].

-р/-мас + исх. падеж + да/ла – конструкция выражает временное соотношение действий: *Ой ичи бесиқ турулуп болмастинла, гугум чушти* 'Прежде чем она убрала в доме, наступили сумерки'.

-са, -сен + ах/ех – выражает временное соотношение действий: чув. *Атте вилсесѣнех, пире таратса асү вилсе кайрѣ. Терѣс!* 'Как только тятя умер, нас разбудили и сказали: – Отец умер! [Ашмарин 1923, 30].

-ып + ла – выражает временное соотношение действий: уйг. *Ширин сеһбат устидики чай ичилип болмай турупла, Ширинхан тамаққа тутуш қилди* (Тохтəмов, 21) 'Еще даже чай не был выпит за приятной беседой, как Ширинхан принялась готовиться к еде'.

-ып + ма – выражает временное соотношение действий: уйг. *Колхозда йуз бериватқан чигич вв сирлиқ һадисләр, болупму мошу төрт-баш күндин бери Қудрəттин һеч бир хəвэр алаһмаслиғи, яш муəллимə Рəһанниң қəлбигə егир элэм вв дəрт болуп ямаһмақта еди* (Босақов, 41) 'Вот особенно в эти последние пять дней, когда произошли в колхозе запутанные, таинственные события и от Кудрета не было никаких известий, на сердце молодой учительницы Рейхан было особенно тяжело и больно'.

В тюркских языках встречаются гибридные конструкции, представляющие собой сочетание трансформанта -ған (+ падежные аффиксы) в сочетании с двумя частицами.

-ған + вин. падеж + дағы + да – имеет объектное значение: кум. *Бираз алдын өзюнғ гёрюп турасан уй бегилгенни дағғы да гирме сюесен* 'Недавно ты сам видел, что комната закрыта, а еще хочешь войти (в нее)' [Джанмавов 1967, 208].

-ғанча/-ғынча + окъ + да – выражает временное соотношение действий: кум. *Танғ кьатғынчокъ да, тошген эдик биз ёлға* 'Мы тронулись в путь задолго до рассвета' [Там же, 43]; *Нина школадан кьайтғанчокъ да, татлиликлер биширилип тура* 'Сладости пеклись задолго до возвращения Нины из школы' [Там же, 134].

-ып + окъ + да – выражает временное соотношение действий: кум. *Хайрулла яғғына ювукъ барғанда, ат тоқътабокъ да кьалды* 'Когда Хайрулла поближе подошел к лошади, она совсем остановилась' [Там же, 73].

* * *

В тюркских языках как огузского, так и капчакского типа распространены гибридные конструкции, представляющие собой сочетание трансформанта сусловной формой вспомогательных связочных глаголов *е-/и-, ол-/бол-*.

-анда/-əндə + исə – выражает временное соотношение действий: аз. *Сасләр кəсилəндə исə һамы фикрə кетмишди* (Ибраһимов 1966, 91) 'Когда голоса прекратились, все задумались'; *Һавə гараларағ аһшам душəндə исə Рустам киши евв даһа хош үзлə гафитды* (Там же, 65) 'Когда же стемнело и наступил вечер, Рустам-киши возвратился домой с более приветливым лицом'.

-ған + болса – имеет уступительное значение: уйг. *Мениңдин откən болса, мэн намақул, Мəхпир, хапа болниғин, – дəп Манан икки қолини алға созуп, Мохпирниң алдига маңди* (Босақов, 28) 'Хотя это прошло мимо меня, я не согласен, Мехпир, ты не обижайся, – говоря так, Манан, протянув обе руки, направился к Мехпиру'.

* * *

Гибридные конструкции могут представлять собой сочетание трансформанта, частицы и служебного элемента *деп*. Ср. кирг. *Больницадан доктурлар аны толук каран чыккандан кийин, анын ашкадэны, бузулганын, бирок кеселдин азыркы шартында мынчалык шайманы кетней турган эле деп, ездерунче тан, калышты* (Каимов, 138) 'В больнице врачи после тщательного осмотра определили, что у него поврежден желудок, они были удивлены тем, как он бодро держится, несмотря на свое состояние'.

* * *

Гибридные конструкции могут представлять сочетание союза, союзного слова, трансформанта и частицы.

не + *-асак* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж + *да* – конструкция имеет объектное значение: тур. *Evde yapacağımi da bildiğim yok ya* (Nesin 1962, 43) 'Я ведь не знал, что буду делать дома'.

қайда/қайдан + *-ған* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж + *да* – имеет объектное значение: кум. *Ата-анама кьайда барағьанымны да айтмай гелгенмен* 'Я пришел, не сказав родителям даже, куда я ходил' [Джанмавов 1967, 280–281]; ног. *Уьшинин айтаяк болсак ол соьле овзининь қайда, не уьшин баратаганын да, барган еринде незат айтпага керек экенин де англамайтаган эди* (Кень йоллар, 23) 'Если сказать правду, то он так и не понимал, куда и зачем он идет, и что он должен говорить там, куда он идет'; ккап. *Усы ерик авашының қайдан пайда болғанын да балмекши болып ойланады, хөш есине түсире алмайды* (Қайыпбергенов, 85) 'Он задумался, гада, откуда же появилось это абрикосовое дерево, но ничего не мог вспомнить'.

қандақ + *ған* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж + *ма* – объектная конструкция: уйг. *Рəһанниң ез йениға қандақ қалғиниму сəзмиди* (Босақов, 17) 'Он не заметил даже, как подошла к нему Рехан'.

қачан + *-ған* (аффикс принадлежности) + вин. падеж + *да* – объектная конструкция: кум. *Экзаменлени кьачан башланағьанын да биллип, гелмеге, тарыкь эдинг* 'Ты, зная когда начинаются экзамены, должен был приехать' [Джанмавов 1967, 289].

ким + *-ған* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж + *чы* – объектная конструкция: кум. *Тюзю ким башлағьаны чы эсимде ёкь* (Ягьяев, 138) 'По правде, я забыл, кто же начал'.

не + *-ған* + (аффикс принадлежности) + вин., дат. падеж + *да* – объектная

конструкция: каз. *Жексен аулында көргенін де, жолшыбай не болғанын да тегіс айтып болып...* (Әуэзов, 47) 'Он, рассказав все, что увидел в ауле Жексен, и поведаяв то, что было в пути...'; *Бірақ, не болғанда да Кенжебекті кінәлауға дәтім бармайды* (Сералиев, 31) 'Однако чтобы ни произошло, а у меня не хватит смелости обвинить Кенжебека'; ног. *Мени коркыстып, сонғында өззиниң не дегенин де мага эттирип тураяк болады* (Кень йоллар, 20) 'Меня пугаешь, а что потом сам скажешь мне, посмотрим'.

не ерде + -ған + (аффикс принадлежности) + чи — объектная конструкция: кум. *Не ерде гөргенин чи эсине гелтирип болмады* (Ягьяев, 8) 'Он не мог вспомнить, где же он видел'.

* * *

Гибридные конструкции, представляющие собой сочетание союза, союзного слова, формы условного наклонения на *-са* и частицы.

эгерде + -са + -эле — конструкция имеет условное значение: кирг. *Эгерде чакырылса эле конкурстан коркуучу эмес* (Каимов, 51) 'Если бы она была вызвана, то она не побоялась бы конкурса'.

гарчи + эса + да — имеет уступительное значение: узб. *Гарчи Алишер жаноблари блан фақирнинг орасида муносабат ва робита унчалик барпо бўлмаган эсада...* (Ойбек, 12) 'Хотя между господином Алишером и бедняком с трудом устанавливались отношения и связи...'

қайда/қайдан + -са + да — уступительное значение: каз. *Қайда жүрсе де, қайда барса да уйықтаса-ақ болғанытүсінде езіне казылып жатқан көрді көреді* (КЕ, 372) 'Куда бы он ни ходил, что бы он ни делал, как только он заснет, ему снилась его могила'; ног. *Аягыңа қайдай болса да бир шарык болған болса, не керек эди* (Абдулжалилов, 13) 'Нужно было бы, чтобы на твоих ногах были хоть какие-нибудь чувяки'.

қанча + -са + -ма — уступительное значение: уйг. *У қанча ейтсамму уну-миди* 'Сколько я ни говорил ему, он не соглашается' [УРСл. 1961, 235]; каз. *Қанша ынтық болып тұрсам да онымен ушыраскым келмейді* (Сералиев, 15) 'Сколь ни большое у меня желание, а с ней не случается встретиться'; ккалп. *Сейгижан оны қаншама жек көрсе де үйине келген адам болғаны ушын кет деп айта алмады* (Қайыпбергенов, 16) 'Сейгижан как ни презирал (неувидел) его, но, поскольку в доме был приезжий человек (посторонний), не мог ему сказать — уходи'.

қашки + -са + чу — уступительное значение: уйг. *Қашки, өйниң дәрдила болсичу, — у егир дәм елип тохтап қалди* (Тохтəмов, 7) 'Хотя это было из-за домашней беды, она тяжело вздохнула и приостановилась'.

ким, не, нечакзы, нечик, ни тиклем и др. + *-са + да/ла* — уступительное значение: ног. *Сол барған адамды ким болса да пешке тыкз* 'А ты пришедшего человека, кто бы он ни был, сунь в печку' [Баскаков 1940, 149].

не + эсенг + да: кбалк. *Не жаш эсенг да, сёзюнг кибик чартлагын* 'Какой молодец ты ни есть, сгинь, подобно слову своему' [МБД 1962, 68].

нечакзы + -са + да; кум. *Нечакзы бек кзулак яйып тынгласа да геч эшитилеген тавуш ёкз* (Ягьяев, 6) 'Как сильно ни напрягает он слух, но не слышит ни звука'.

нечик + болса + да: кум. *Нечик болса да, иш кзыдырмагза герек* 'Как бы там ни было, а надо искать работу' [Дмитриев 1940, 200].

ни тиклем + һа + (-са) + ла: башк. *Ул ни тиклем тырышһа ла, бер һәмә лә ала алманы* 'Как бы он ни старался, он не мог ничего получить' [Дмитриев 1948, 270].

ниреде + болсам + да: туркм. *Мен ниреде болсам да, йүрегим сениң нынында* (Кербабəев, 71) 'Где бы я ни находился, сердце мое с тобой'.

харчанд + -са + ҳам — конструкция имеет уступительное значение: узб. *Бутабой харчанд ўзини босишга тиришса ҳам бўлмади* (Қаҳқор, 75) 'Хотя Бутабой старался себя успокоить, но это не удалось'.

* * *

Как было показано, в тюркских языках существуют самые разнообразные типы сочетаний различных способов подчинительной связи. Однако гибридизация не является простым механическим сочетанием соединительных средств, оно гораздо сложнее. Анализ гибридных конструкций показывает, что различен сам характер отношений между формирующими эти конструкции подчинительными средствами. Прежде всего действительно возможны случаи механического соединения существующих в тюркских языках разных способов образования сложноподчиненного предложения. Сочетание двух средств может быть основано на эмфазе. Ср. роль усилительных частиц при трансформантах: кирг. *Келер замат эле* 'Как только он пришел' [КРСл, 1965, 287]; кум. *Ким оьлтюргенни чи билмеймен* (Акавов, 21) 'Я не знаю, кого же убили'; тат. *Дошман оборонасы езелгэч тэ, Катукөв, танкистары алга ыргылдылар* (Кутуй, 193) 'Когда оборона неприятеля (вражеская оборона) была прорвана, танкисты Катукөва устремились вперед' (здесь подчеркивается момент совершения действия).

В своем месте уже говорилось, что трансформация как способ выражения подчинительных отношений имеет известные ограничения. Союзный способ явился результатом стремления преодолеть недостаточность одного способа трансформации. Гибридизация в целом ряде случаев выступает как способ усовершенствования синтаксической связи. Частица, употребляемая в сочетании с трансформантом, на почве эмфазы может приобретать и союзные функции, внося новые дополнительные значения. Ср. сочетание *-ған + эм*; *-ған + да* и др.: кбалк. *Бу геце кварацай-лы кзошда кзалган эм, кзозу сойган эдиле да, сах зауун зетли да, от этерге кзоймады* 'В эту ночь я остановившись на караевском коше, резали ягненка, но пошел (настиг) ливень и не дал возможности развести огонь' [МБД 1962, 40]; ног. *Сен айтқан да болсын* (Абдулжалилов, 36) 'Пусть будет, как ты и говоришь'.

Нередко благодаря сочетанию разных способов возникает новое значение. Ср. *май + ақ*: каз. *Күн туске жетмей-ақ Бақанас бойы қайнап, шызып кетті* (Әуэзов, 194) 'Хотя солнце еще не достигло зенита (не наступил полдень), в Баканасе была сильная жара'.

В гибридных конструкциях нередко раскрывается потенциальная возможность составных компонентов. Ср. Среднеазиатский тефсир: *Өртәрлар тонларини башларинда та мәни көрмәсә* 'Накрывают головы халатами, чтобы не видеть меня' [Боровков 1963, 248].

При гибридном способе образования подчинительных конструкций ведущая семантическая роль может принадлежать союзным словам. Так, например, в объектных гибридных конструкциях союзные слова, речения,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

выступающие на правах члена предложения, являются необходимыми семантическими уточнителями различных обстоятельственных значений. Если другие типы гибридных конструкций являются спорадическими, то объектные конструкции стали нормой языка. Их естественный характер наглядно проявляется в случаях, когда союзное слово входит в состав замкнутой изафетной конструкции, имеющей объектное значение. Ср. аз. *Онун һарая кетдийини дәрһал анлады* (Мехди 1954, 57) 'Он сразу понял, куда он ушел'; тур. *Kendisine annemin nereye gittiğini sordum* (Halikarnas 44) 'Я спросил себя, куда ушла моя мать'; *O zaman bu kadını hangi ölümün götürdüğünü anlayacak sun* (Sabahattin 1966, 94) 'Тогда ты поймешь, какую женщину унесла смерть'.

Ставя вопрос об образовании гибридных подчинительных конструкций, следует принимать во внимание тот факт, что возможности их возникновения были заложены еще в рамках простого предложения. Уже здесь у частиц развивается функция, сближающая их с союзами.

-*ганда*, -*гандан* + частица *ақ*: каз. *Мақсұттың қаладан келгенін естігенде-ақ Ақан жақтырмаған еді* (Саргаскаев, 54) 'Как только он услышал о приезде Максута из города, Ақан проявил недовольство'; *Бағаны бір көргеннен-ақ бәйгі қурецінің бұл еңірдің жылқысынан түсі бөлек екенін аңғарғанды* (Там же, 20) 'Как только он посмотрел на байга гнедого, он сразу узнал, что он (байга) конь не здешней породы'; *Сырты ұпұлкен ақшыл үйге Абайлар кіре бергенде-ақ, Байдәлының бір кәрсеге қатты ашуланып, айғайлап жатқан үні естілді* (Әуэзов, 168) 'Как только Абай и его спутники переступили порог большой белой юрты, они услышали разъяренный голос на что-то рассердившегося Байдалы';

-*ған* + (аффикс принадлежности) + (падежные формативы) + частица *да*: тат. *Күргәндә дә әйтми, белгәндә дә сейләми* 'Не скажет, если даже увидит, не говорит, если даже знает' [Закиев 1963, 164]; каз. *Мұның күземді ерте алғаны да осы кеші — қон есебі болды* (Әуэзов, 61) 'Рассчитывая на новые кочевья, он рано снялся с летовки и переехал на осеннее пастбище';

-*ғанлы* + частица *чы*: кум. *Бугюн ишден кәйтгәганлы чы чыкмагәганман бир ерге де* 'С тех пор как сегодня вернулся с работы, я не выходил никуда' [Джанмавов 1967, 281];

-*анда* + частица *ки*: аз. *Сәнин үчүн дејәндә ки, сәнин, қорушунә кәлмишәм* (Ибраһимов 1966, 73) 'Раз говорил я за тебя, то и пришел с тобой повидаться';

-*р/-мас* (*дан*) + частица *оқ*: узб. *Тугонбек васиқани ўқимасданоқ буклаб, киссасиса солдида қулиб . . .* (Ойбек, 49) 'Тугонбек, даже не прочтя документы, сложил их, положил в карман и, улыбаясь . . .';

-*ын* + частица *оқ* — памятник древнетюркской письменности: *Аны көрүп өк әтөзләрін ол сөнүк үзә кәмісін өгсирән тынсырап камылтылар* 'Как только они увидели это, то тела свои они бросили на те кости (брата своего), обезумев и беспокоясь' [Малов 1951, 184] и т.д.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что гибридизация выступает в тюркских языках как своеобразный способ усовершенствования синтаксической связи. А это дает основания рассматривать гибридизацию как третий путь образования и развития синтаксической структуры сложного предложения. Эта прогрессивная синтаксическая тенденция, являясь хронологически относительно поздним явлением, чаще наблюдается в современных тюркских языках, нежели памятниках.

Сравнительно-исторический анализ синтаксической структуры тюркских языков позволяет сделать следующие выводы.

Наиболее эффективным способом изучения истории синтаксических единиц является изучение их истории в тесной связи с исторической морфологией. Только история морфологических опор синтаксических единиц в состоянии показать, как и в каком направлении изменялись синтаксические единицы.

Синтаксическая реконструкция устанавливает существование моделей определительных и глагольных словосочетаний в общетюркской общности. Именные словосочетания с зависимым членом, снабженным словообразовательными элементами, обнаруживают меньшую устойчивость по сравнению с глагольными словосочетаниями с управляемым членом, оформленным словоизменительными показателями.

Из определительных словосочетаний продуктивны типы: "числительное + существительное", "местоимение + существительное" — модели, которые в своем конкретном выражении не имеют формальных показателей. Что касается конкретных моделей, представляющих собой "зависимый член с формальным показателем + существительное", то они получили неравномерное развитие как в хронологическом отношении, так и по отдельным тюркским языкам. Значительную продуктивность получают словосочетания типа "прилагательное с афф. *-лы* + имя существительное". Вместе с тем хронологически более ранней является модель "прилагательное с афф. *-лыг* + существительное", которая и соотносится с общетюркским состоянием. Некоторые конкретные модели определительных словосочетаний чем ближе к современному состоянию, тем значительно суживают круг своего употребления или становятся непродуктивными. Особенно это относится к определительным сочетаниям, содержащим прилагательные, обозначающие склонность к чему-либо, а также неполноту признака.

Сокращается употребление определительных словосочетаний с прилагательными на *-ған*. Значительно шире был круг употребления определительных словосочетаний с относительным прилагательным на *-к/-г*, которые соотносятся с общетюркским состоянием. В общетюркскую эпоху существовали определительные словосочетания с причастием на *-дык*. В дальнейшем, в процессе зонального расслоения, эти словосочетания не получили развития в кыпчакских языках. В огузских языках в течение определенного периода они были более продуктивны. Со временем сокращается употребительность определительных словосочетаний с причастием на *-асы*. Существовавшая еще в пратюркской общности форма на *-мыш* легла в основу определительных словосочетаний в огузской группе. В ареале

сибирских языков получила развитие модель определительных словосочетаний с причастиями вторичного образования на *-у*, *-ма*, *-лы*, *-галак*. Зонально ограничены и определительные словосочетания с инфинитивом на *-га*.

Модель определительных словосочетаний с зависимым членом-причастием в ходе своего исторического развития может видоизменять передаваемое ею значение. Так, например, определительные словосочетания с причастием на *-чу* первоначально были сравнительно редки, их употребление ограничивалось случаями, когда имя на *-чы* обозначало свойство или склонность к чему-либо. После же появления у причастий значения настоящего времени частотность такого типа словосочетаний увеличилась. Целый же ряд определительных словосочетаний с зависимым членом-причастием, например на *-гучы*, *-гачы*, зарегистрированных в ранних общетюркских памятниках, не получил развития в современных тюркских языках.

Почти во всех тюркских языках определительные словосочетания с причастием на *-р* в дальнейшем оказались непродуктивными. Они в большинстве случаев или заменялись инновациями, т.е. новыми причастиями наст. времени, или лексикализировались в форме прилагательных. Основная причина этого явления состоит в том, что еще в общетюркскую эпоху причастие легло в основу наст.-буд. времени — аориста. Стремление устранить омонимию форм причастий с формами 3-го лица аориста в немалой мере способствовало замене причастия на *-р* другими причастиями. Следует также отметить, что у причастия на *-р* были конкуренты — причастия на *-ган*, *-ан*, отглагольное имя на *-чы*, которое в ряде тюркских языков приобрело значение причастия наст. времени, и другие подобные образования.

В некоторых языках у определительных словосочетаний типа "притяжательное местоимение + существительное" наблюдается тенденция к замене аффикса принадлежности формой род. падежа. Модель типа *минен ат* могла существовать на поздних этапах пратюркской общности, возникнув в связи с развитием падежа. Кроме того, в некоторых языках наблюдаются случаи опущения аффикса принадлежности особенно в 1-м лице, у определяемого имени. Ср. гаг. *бизим мемлекет* 'наша страна'. чув. *пирен ял* 'наша деревня'. Появление такого рода модели может быть объяснено не только стремлением избежать плеоназма, но и усечением аффикса принадлежности под влиянием контактирующего языка, например русского.

Относительно поздно возникли определительные словосочетания типа "указательное местоимение вторичного образования (*быллай*, *ошол*, *манаву* и др.) + существительное". Пратюркскому состоянию были известны определительные словосочетания с зависимым членом — указательным местоимением первичного образования (*бу*, *шу*, *о*).

Конструкции, организованные по 1-му типу изафета, хронологически относятся к наиболее раннему периоду пратюркской общности, на что указывает не только значительная употребительность и предпочтение его в тех случаях, когда ему соответствует в ряде тюркских языков 2-й и 3-й тип изафета, но и сам способ примыкания как наиболее удобный и древний вид связи слов. Идущий процесс адъективизации сделал излишним употребление аффикса принадлежности.

Существующий уже в раннем периоде пратюркской общности 2-й тип изафета в процессе своего развития расширил семантику от наиболее

архаичного значения принадлежности к значению родовой категориальности, а затем к средству простой связи. Конструкции, организованные по 3-му типу изафета и основанные на генитивных отношениях, появились, очевидно, позже 1-го и 2-го типа изафета и относятся, вероятно, к наиболее позднему периоду пратюркской общности.

Реконструкция распространенных определительных словосочетаний ограничивается восстановлением только абстрактной модели: Их развитие связано с формированием литературной письменной и устной речи.

Модель глагольных словосочетаний с управляемым именем в падежном оформлении оказалась довольно устойчивой. Опираясь на данные исторической морфологии, можно установить определенную хронологию в развитии падежных оформителей. Если глагольные словосочетания с именем в вин. на *-ын* можно отнести к раннему пратюркскому состоянию, то глагольные словосочетания с именем в вин. на *-ыг* появились позднее. Афф. *-ын* параллельно нес функцию индуктива и вин. падежа, а потому, во избежание грамматической омонимии, вероятно, и возник показатель *-ыг*. В дальнейшем, в процессе развития отдельных тюркских языков, глагольные словосочетания с именем на *-ыг* оказались непродуктивными и вышли из употребления. Глагольные словосочетания с именем в индуктиве на *-ын* также не дошли до наших дней, сохранившись в отдельных реликтовых образованиях. Исчезновению этих конструкций в известной мере способствовало развитие грамматических аналогов; ср. послеложные конструкции *с биле*, *менен* и др., а в чувашском языке — творительный на *-на*. В некоторых тюркских языках индуктив *-ын* лег в основу новых падежных образований, ср. комитатив *-лыын*, *-тыын* и др. в якутском языке. Можно также предположить, что он лег в основу тюркского род. падежа. Глагольные словосочетания с именем в вин. на *-ы*, соотносимые с ранним пратюркским состоянием, оказались устойчивы; они продуктивны и в современных тюркских языках.

Устойчивой оказалась и модель глагольных словосочетаний с именем в дат. падеже на *-а*, соотносимая с довольно ранним периодом пратюркской общности. Модель глагольных словосочетаний с именем в дат. падеже на *-га* развилась и продуктивно используется в кыпчакских языках. Глагольные словосочетания с именем в местн. падеже устойчиво сохраняются во всех тюркских языках. Очевидно, уже в пратюркскую эпоху произошло превращение древнего отложительного падежа в местный. Глагольные же словосочетания с именем в исх. падеже можно отнести к сравнительно позднему периоду пратюркской общности. В более раннюю пратюркскую эпоху существовала модель глагольных словосочетаний с именем в исх. падеже на *-дын*, которое впоследствии было вытеснено формой на *-дан*.

Глагольные словосочетания с именем в падежном оформлении на *-ра/-пу*, зарегистрированные в общетюркских памятниках, исчезли довольно рано. В современных тюркских языках сохранились лишь отдельные реликтовые образования, преимущественно в наречных формах. Модель глагольных словосочетаний с именем на *-ча* существовала уже в пратюркской общности. Однако она оказалась неустойчивой. В современных тюркских языках сохранились только отдельные реликты этого падежа типа тат. *урмангача* 'по направлению к лесу'.

Развитие глагольных словосочетаний с именем и послелогом связано

преимущественно с периодом изолированной жизни отдельных тюркских языков.

Модель глагольных словосочетаний с причастиями и масдарами не получила широкого развития в тюркских языках. Об относительной продуктивности можно говорить применительно к глагольным словосочетаниям с деепричастием на *-ыб*. Это происходит прежде всего потому, что обстоятельственная характеристика действия передается местоименно-наречными словами в сочетании со служебными словами, удобными для уточнения характера действия. Во-вторых, для деепричастий, глагольных имен характерна известная самостоятельность в предложении, что находит отражение в выделении их в самостоятельные интонационно-смысловые отрезки, в обособлении их от глагола-сказуемого. Последнее ведет к синтаксическому перераспределению — к созданию качественно иной синтаксической единицы: деепричастного, глагольно-именного оборота.

Историческое изменение определительных и глагольных сочетаний в тюркских языках имеет свою специфику. Оно идет по линии явного сокращения первоначального многообразия. Продуктивными остаются лишь немногие типы словосочетаний. Остальные становятся непродуктивными, прилагательные часто субстантивируются, одни формативы могут заменяться другими, но сам тип словосочетания, его модель, сохраняется.

* * *

Модель простого именного предложения со связкой в наст. времени в пратюркскую эпоху гипотетически существовала в своей полной парадигме. Можно восстановить две основы наст. времени — *a-/e-* и *ap-/ep-*; первая могла возникнуть раньше, поскольку образование на *-p* вторично. Однако уже в пратюркскую эпоху могли существовать обе основы. С течением времени связка наст. времени вытеснилась грамматическими аналогами — разрушалась под влиянием семантически однородных явлений. Широко используются личные местоимения, которые, подчиняясь действующему закону сингармонизма, претерпевали процесс фонетической трансформации, переходя в разряд аффиксов. Модель именного сказуемого с личными местоимениями, выражающими сказуемость, является очень древней и, очевидно, относится к пратюркской общности. Наличие связки *-тур// -турур*, использование формы 3-го лица во всех лицах немало способствовали разрушению и вытеснению связки наст. времени. Современные тюркские языки дают картину значительного разнобоя в способах выражения связки наст. времени. В тувинском языке для выражения предикативности используются имена *кижи* 'человек', *куве* 'вещь, предмет'. В ряде тюркских языков (гагаузском, караимском и др.) развиваются функции связки у слов *бар//йок*; используется и вспомогательный глагол *ол/бол*. Непрочность связки в тюркских языках проявлялась и в наблюдающейся тенденции к разрушению сказуемостных окончаний.

Сравнительно-исторический анализ глагольного предложения в ретроспективном плане устанавливает, что все возможные исторические изменения были связаны прежде всего с ведущим членом — глагольным сказуемым. Наиболее ранний период тюркской общности характеризовался относительно ограниченным числом общих форм: форма повелительного наклонения на *-ды*, *-р*, совпадающая с основой глагола, форма желательного

наклонения с ее большим гнездом форм: *-а*, *-ай*, *-гай*. Позже, вероятно, возникла форма на *-ган*, закрепившаяся за большим кыпчакским ареалом, и форма на *-мыш* — за огузским ареалом. После распада пратюркской общности, в период самостоятельной жизни отдельных тюркских языков, развивались временные формы, имеющие большие или меньшие ареалы распространения, — ср. форму наст. времени с показателем *-ат*, типичную для тюркских языков Сибири. Скрещение огузского и кыпчакского ареалов привело к созданию парадигм, наблюдаемых в тюркских языках Средней Азии. Множество вспомогательных глаголов — конструктивных элементов, участвующих в образовании форм наст. времени, — результат относительно позднего развития. В процессе исторического развития наибольшему изменению подверглись слабые звенья глагольной системы, представленные или полисемантическими формами, как, например, аорист на *-р*, или формами, способными давать различные семантические дериваты, как, например, оптатив на *-к/г*, *-гай*, будущее на *-асы*. Форма прош. времени на *-ды* представляет сильное звено в системе. Она сохранилась во всех современных тюркских языках. Наряду с исчезновением старых форм и появлением новых обновление структур глагольного предложения происходило за счет появления новых значений у прежних форм.

Интересно, что в истории тюркских языков такие синтаксические единицы, как предложения, изменялись более интенсивно по сравнению с именными и глагольными словосочетаниями.

* * *

В историческом развитии сложного предложения выделяются (условно) три этапа: 1) абсолютное преобладание простого предложения, 2) появление следов зависимых трансформ, разнообразных переходных конструкций, грамматически не устоявшихся, 3) оформление зависимых трансформ, исходным импульсом развития которых является объединение двух предложений по способу примыкания в самом раннем периоде исторического развития. Процесс трансформации, хронологически совпадающий с процессом развития сложного предложения, связан с развитием письменной речи.

Любопытно, что при всем многообразии тюркских языков, удаленных нередко друг от друга на значительные расстояния, способ сокращения потенциально возможных придаточных предложений один и тот же: для сокращения потенциально возможных определительных предложений применяются причастные определительные словосочетания. В качестве средства сокращения других типов предложений обычно выступают косвенные падежи отпричастных имен, а также сочетания отпричастных имен с послелогами.

* * *

Параллельно развитию зависимых трансформ складывались и сложные предложения союзного типа, возникшие не случайно. Появление сложного предложения союзного типа в тюркских языках нельзя объяснить только влиянием структур контактирующих с ними языков иных систем (русского, арабского, иранских). Как мы пытались показать, в недрах структуры тюркских языков уже были заложены условия для развития союзного сложного предложения. Путь развития сложного предложения первоначаль-

но был одинаков — сцеплялись простые предложения, господствующие в синтаксическом строе наидревнейшей эпохи. На собственно тюркской почве самостоятельно зародились две синтаксические тенденции: 1) трансформация, которая не могла охватить все разнообразные виды сложного предложения, и 2) союзный способ, известным внутренним импульсом к развитию которого явилась союзная функция усилительных частиц. Способ примыкания поддерживался системой частиц, хронологически относимых к довольно раннему периоду тюркской общности. Уже в рамках простого предложения у частиц развивается функция, сближающая их с союзами. Поэтому синтаксис тюркских языков нельзя назвать типологически единым. Это скорее своеобразное сочетание разных синтаксических типов.

Арабо-персидские союзы в тюркских языках не имеют перспектив в своем развитии — с течением времени они выходят из употребления (ср. перс. *či*, *čun*, ар. *allazī*, *illā* и др.), суживается круг их значений (*ta*, *čunki*). Они вытесняются тюркскими грамматическими аналогами, а также русскими союзами.

В развитии синтаксической структуры тюркских языков наблюдаются факты, когда оба пути развития подчинительных отношений, а именно трансформация и союзный способ скрещиваются, давая разнообразные смешанные типы построений. Гибридизация рассматривается нами как своеобразный третий путь развития синтаксической структуры сложного предложения в тюркских языках. Если союзный способ явился результатом стремления языка преодолеть недостаточность одного способа — трансформации, то гибридизация в целом ряде случаев выступает как способ усовершенствования синтаксической связи.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев А.З.* Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1963.
- Абдуллаев А.З.* К эволюции синтаксического строя тюркских языков. — Учен. зап. Азерб. гос. ун-та. Сер. яз. и лит., 1967, № 1.
- Абдурахманов Г.А.* К истории развития сложных предложений. — Материалы XVI науч. конф. Ташкент, 1967.
- АГ — Азербайжан дилинин грамматикасы. Баку, 1960. I hissə; Баку, 1959, II hissə.
- Агаев А.Г.* Говор Джалилабадского района азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1975.
- Агманов Е.* Именно-атрибутивное словосочетание в языке памятников древнетюркской письменности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1964.
- АД — Азербайжан дилинин диалектолоји лугəти. Баку, 1964.
- Акбаев Ш.Х.* Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.
- Акмамедов М.* Кардаштинский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1975.
- Алиев У.Б.* Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках. Нальчик, 1959, ч. II.
- Алмазова А.В.* Самоучитель ненецкого языка. Л., 1961.
- Альпиев Н.А.* К вопросу о сопоставительной характеристике некоторых особенностей грамматического строя русского и киргизского языков. Фрунзе, 1953.
- Аманжолов С.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959.
- Аннануров А.* Вопросы синтаксиса в плане перевода с русского на туркменский. Ашхабад, 1956.
- Аннануров А.* Синтаксические особенности туркменских пословиц и поговорок: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1960.
- Аннануров А., Бердыев Р., Дурдыев Н., Шамуратов К.* Эрсаринский диалект туркменского языка. Ашхабад, 1972.
- Аптаев А.М.* Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.
- Арендс А.* Синтаксис персидского языка. М.; Л. 1941.
- АРЛ — Азербайжанча-русча лугəт. Баку, 1965.
- Асланов А.М.* Взаимоотношения азербайджанского и цахурского языков на материале закатальско-кахских говоров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965.
- Асланов А.М.* Иберийско-кавказский субстрат в закатальских говорах азербайджанского языка. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966.
- Атаджанов М.* Салырский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1959.
- Атамедов Н.* Маньшский говор анауского диалекта туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1965.
- Афлетунов А.Ш.* Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1961.
- Ахатов Г.Х.* Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.
- Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Казань, 1903, ч. 1.
- Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Симбирск, 1923, ч. 2.
- Эгамов В.* Галля-аральский говор Самаркандской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1954.
- Бабоглу Н.* Гагауз дили VII—VIII класслар ичин. Кишинев, 1962.
- Багыев Х.* Оламский диалект туркменского языка. Ашхабад, 1965.

- Базарова Д.Х. Семантика наименований частей тела и их производных в тюркских языках. М., 1967.
- Байжолов А. Языковые особенности казахов Кустанайской области. Алма-Ата, 1964.
- Байтугаева Г.И. Выступление на совещании. — В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958.
- Балакаев М.Б. Активизация субъекта в казахском языке. — Изв. АН КазССР. Сер. лингв. Алма-Ата, 1948, вып. 5.
- Балакаев М.Б. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957.
- Баландин А.И. Самоучитель мансийского языка. Л., 1960.
- Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. М.; Л., 1940.
- Баскаков Н.А. Об особенностях говора северо-кавказских туркмен (трухмен). — В кн.: Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.; Л., 1949.
- Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. М., 1951, I; 1952, II.
- Баскаков Н.А. Структура простого предложения в тюркских языках. — Тр. Ин-та языка и лит. Фрунзе, 1956, вып. VI.
- Баскаков Н.А. Алтайский язык. М., 1958.
- Баскаков Н.А. Предложения с развернутыми членами в каракалпакском языке. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: Синтаксис. М., 1961, т. III.
- Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1965, 1966.
- Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М., 1972.
- Батманов И.А. Северные диалекты киргизского языка. Фрунзе, 1938, вып. I.
- Батманов И.А. Грамматика киргизского языка. Фрунзе, 1940, вып. III.
- Батманов И.А. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940.
- Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
- Батманов И.А. Следы говоров в языке орхоно-енисейской письменности. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964.
- Батманов И.А. Источники формирования тюркских языков южной Сибири и Средней Азии. — В кн.: Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966.
- Бекимбетов А. Гурес. Некис; Самарканд, 1961.
- Бердымуратов К. Придаточные предложения в каракалпакском языке и их структура. — Учен. зап. каракалп. пед. ин-та. Нукус, 1957.
- Бехбудов С.М. Загеланский говор азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1966.
- Болатов Ж. Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку. Алма-Ата, 1970.
- Борибаев А. Языковые особенности урдинских казахов. Алма-Ата, 1966.
- Боровков А.К. Природа турецкого изафета. — В кн.: Акад. Н.Я. Марру. Л., 1935.
- Боровков А.К. Лексика Среднеазиатского тефсира XI—XIII вв. М., 1963.
- Будагова З.И. Простое предложение в современном азербайджанском языке. Баку, 1963.
- Бурганова Н.Б. Языковые особенности каринских и глазовских татар: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1953.
- Велиев З.М. Азербайджанские говоры Басаргечарского района Армянской ССР. Ереван, 1955.
- Велиев А.Г. Переходные говоры азербайджанского языка: Автореф. дис. ... док-ра филол. наук. Баку, 1975.
- Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958.
- Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1958, т. 1; 1966, т. 4.
- Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
- Газизов Р.С. Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков. Казань, 1952.
- Газизов Р.С. Татарский язык. Казань, 1960.
- Гамзаев Т.Б. Ордубадский диалект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1960.
- ГБЯ — Грамматика бурятского языка. М., 1962.

- ГМГ — Говоры муганской группы азербайджанского языка. Баку, 1955.
- ГНЯ — Грамматика ногайского языка. Черкесск, 1973.
- ГРЯ — Грамматика русского языка. М.; Л., 1960, т. II, ч. 1.
- ГСЯЛЯ — Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982.
- ГТЯ — Грамматика туркменского языка. Ашхабад, 1970.
- Грунин Т.И. Предложения с *ki* в турецком языке. — Учебно-методический бюллетень. М., 1951, № 2.
- Грунина Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1961, III. Синтаксис.
- Гудиашвили Е. Фонетические особенности турецкой речи Ризе и Трапезунда. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963.
- Гукасян В.Л. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: Автореф. дис. ... док-ра филол. наук. Баку, 1973.
- Гулямов Х. Джизакский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1954.
- Гулямов Я.Г. Грамматика ташкентского говора. Ташкент, 1968.
- Джакубов И. Типы простого предложения современного киргизского языка. Алма-Ата, 1951.
- Джангидзе В.Т. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965.
- Джанмавов Ю.Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967.
- Джапаров А. Грамматическая структура словосочетания в современном киргизском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- Джафарзаде М.П. Говоры имитлинского района азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1969.
- Джафарли А. Казахский диалект азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1962.
- Джафаров И.Г. Говоры Таузского района: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- Джураев Б. Шахризябский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1959.
- Дмитриев Н.К. Гагаузские этюды. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук, 1939, вып. 1, № 20.
- Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.
- Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- Дмитриев Н.К. Материалы по истории кумыкского языка. — В кн.: Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.; Л., 1949.
- Дмитриев Н.К. Грамматическая терминология в учебниках родного языка. М., 1955.
- Дмитриев Н.К. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
- Дмитриев Н.К. Детали простого предложения. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: Синтаксис. М., 1961, III.
- Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962.
- Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. Л., 1981.
- Доможаков Н.Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. Абакан, 1948.
- Дульзон А.Г. Диалекты татар-аборигенов Томи. — Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та, 1956, т. XV.
- Дурдымуратов Н. Диалект алили туркменского языка. Ашхабад, 1950.
- Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940₁.
- Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. М.; Л., 1940₂.
- Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.
- Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
- Жарихин А.Д., Байрамкулов У.Ш., Чанкаев А.К. Учебник по изучению карачаевского языка. Микоян-Шахар, 1941.
- Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.
- Жәләй Л. Татар диалектологиясе. Казан, 1947.
- Жәләй Л. Татар теленең урта диалекты буенча. Казан, 1952.
- Закеев М. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
- Ибрагимов Б.М. Говоры района Маразы. Баку, 1949.

- Исламов М.И. Нуха диалекти. Баку, 1961.
ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955, I; 1956, III.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
- Ишбулатов Н.Х. Говор деревни Казмашево Абзелиловского района Башкирской АССР. М., 1955.
- Казембек М.А. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839.
- Кайдаров А.Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969.
- Калмыкова С.А. Агногайский диалект ногойского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- Канюкова А.С. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965.
- Каримова А.М. Придаточные предложения в татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1954.
- Кая П.С. Руководство для обучения крымско-татарскому языку по новому алфавиту. Симферополь, 1928.
- КБГ — Къарачай-балкар тилни грамматикасы. Нальчик, 1966.
- Керимов И.А. Кайтакский диалект кумыкского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.
- Керимов И.А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.
- Кишвери — Рукописный фонд АН АзССР. Инв. № $\frac{A-250}{8408}$ ديوان كشوري
- ККРСл. — Каракалпакско-русский словарь. М., 1958.
- Кондратьев В.Г. Материалы к характеристике деепричастий и формы на -дук в языке памятников рунической письменности. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. вост. наук, 1961, вып. 12, № 305.
- Кондратьев В.Г. Конструкция изафета и прямое дополнение в языке памятников тюркской рунической письменности. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. вост. наук, 1962, вып. 16, № 306.
- Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого языка. М.; Л., 1956.
- Кононов А.Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-гази хана Хивинского. М.; Л., 1958.
- Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
- Кононов А.Н. Тюркологические этюды: Ист. филол. исслед. М., 1967.
- Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
- Кордабаев Т.Р. Синтаксис казахского языка на материале XVI—XX веков. Алма-Ата, 1967.
- Корелов И.А. Язык триалетских урумов и его специфические особенности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1970.
- Котвич В.В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
- КРСл — Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954; Киргизско-русский словарь. М., 1965; Кумыкско-русский словарь. М., 1969.
- Курбанов А.А., Хидиров М.Н., Мурадов А., Гасанова М.Г., Рахманов С.М. Туркменский язык. Ашхабад, 1964, ч. 1.
- Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
- Мавыев Н. Диалект Арабачи туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1975.
- Майзель С.С. Изафет в турецком языке. М.; Л., 1957.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
- Малов С.Е. Уйгурский язык: Хамийское наречие. М.; Л., 1954.
- Малов С.Е. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956.
- Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
- Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.
- Махмудов К. Фонетические и морфологические особенности языка Хабатул Хакаи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1964.
- МБД — Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962.
- МГЧЯ — Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957.
- Машков Х.А. Човдурский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1949.
- Мелиоранский П.М. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
- Менглиева Г. Сакарский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1964.
- Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966, т. 4.
- Мингулова Р. Особенности чистопольского говора татарского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1963.
- Мирззаде Н. Азербайджан дилинин морфоложи асы. Баку, 1962.
- Мирсагатов Т. Кыркский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1954.
- Мошков В. Наречия бессарабских гагаузов. — В кн.: Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1904, ч. X.
- МТД — Материалы татарской диалектологии. Казань, 1955.
- Мухамбаев Ж. Джергетальский говор киргизского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1955.
- Мураталиев М. Придаточные предложения времени в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1962.
- Мусаев К. О глагольно-именных конструкциях в современном казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
- Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. М., 1964.
- Муталибов С. Категория глагола в письменных памятниках XI в. Ташкент, 1955.
- Мухаммедова З.Б. Язык Астрабадской рукописи Дивана Махтумкули: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1948.
- Наджиб Э.Н. Современный уйгурский язык. М., 1960.
- Наджиб Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в.: Автореф. дис. ... док-ра филол. наук. М., 1965.
- Накисбеков О. Языковые особенности казахов Чуйской долины: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963.
- Нартыев Н. Сарыкский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1960.
- Насилов В.М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.
- Насилов В.М. Язык орхоноенисейских памятников. М., 1960.
- Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963.
- Насыров Д.С. Причастие и его синтаксические функции в каракалпакском языке. М., 1953.
- Нахичеванская группа диалектов и говоров азербайджанского языка. Баку, 1962.
- НРСл. — Ногойско-русский словарь. М., 1963.
- ОРСл. — Ойротско-русский словарь. М., 1947.
- Омарбеков С. Мангышлакский говор казахского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1960.
- Орузбаева Б.О. Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955.
- Павлов И.П. Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции. М., 1953.
- Пашаев Г.М. Фонетика керкукского диалекта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1969.
- Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.
- Поливанов Е.Д. Введение в языкознание. Л., 1928.
- Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933.
- Поцелуевский А.П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943.

Поцелуевский А.П. Проблемы стадионально-сравнительной грамматики тюркских языков. – Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1946 № 3/4.

Поцелуевский А.П. Диалекты туркменского языка: Избранные труды. Ашхабад, 1975.

Поцелуевский Е.А. Тюркский трехчлен. М., 1967.

Рагимов М.Ш. Формы выражения настоящих и будущих времен в письменных памятниках азербайджанского языка XIV–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1957.

Рагимов М.Ш. История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке. Баку, 1965.

Рамазанов К.Т. Сальянский диалект азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1955.

Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.

Рассадин В.И. Некоторые особенности морфологии тофаларского языка. – В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

Решетов В.В. Кураминские говоры Ташкентской области: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1952.

Решетов В.В. Изучение узбекских народных говоров: Материалы по узбекской диалектологии. Ташкент, 1957.

Рифтин А. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке. – В кн.: Советское языкознание. Л., 1937, т. 3.

РКСл. – Русско-казахский словарь. М., 1954.

Русская Ю.Н. Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961.

Рустамов Р.А. Кубинский диалект. Баку, 1961.

Рустамов Р.А. Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1964.

Рустамов Р.А. Азербайжан дили диалект ва шиваларинда фе'л. Баку, 1965.

РЧСл. – Русско-чувашский словарь. М., 1951.

Садыхов Б.П. Кадебекские говоры азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1964.

Садыхов Б.П. О некоторых кыпчакских элементах в айрумском говоре азербайджанского языка. – В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966.

Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916.

Санжеев Г.Д. Грамматика бурятского языка. М., 1941.

Сапарова Г. Диалект хасарли туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1970.

Сартбаев К. Основные вопросы синтаксиса сложного предложения в современном киргизском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1953.

Сауранбаев Н.Т. Основные средства связи сложного предложения. – Изв. АН КазССР. Сер. филол. наук, 1946, № 39.

Сауранбаев Н.Т. Еще раз о сложном предложении. – Изв. АН КазССР. Сер. лингв. Алма-Ата, 1948.

Севортьян Э.В. Об историческом положении категории переходности и непереходности в тюркских языках. – ВЯ, 1958, № 2.

Севортьян Э.В. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. – В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: Синтаксис. М., 1961. т. III.

Севортьян Э.В. Аффиксы глагольного словообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

Севортьян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.

Севортьян Э.В. Крымско-татарский язык. – В кн.: Языки народов СССР. М., 1966, т. II.

Семенов Д.В. Синтаксис современного арабского литературного языка. М.; Л., 1941.

Серебренников Б.А. Система времен татарского глагола. Казань, 1963.

Скирдов В.Д. Русские слова, союзные слова и их соответствия в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1962.

СКЯ – Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962.

Соколов С.А. Типология сложных синтаксических структур. – В кн.: Вопросы тюркской филологии. М., 1966.

Спринчак Я.А. Очерки русского исторического синтаксиса. Киев, 1964, II.

СТЛЯ – Современный татарский литературный язык. Алма-Ата, 1969.

Тенишев Э.Р. Саларский язык. М., 1963.

Тенишев Э.Р. Саларские тексты. М., 1964.

Тенишев Э.Р. Говор урумов села Прасковеевки. – СТ, 1973, № 1.

Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. М., 1966.

Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951.

ТРСл. – Турецко-русский словарь /Под ред. В.А. Гордлевского. М., 1931; Тувинско-русский словарь /Под ред. А.А. Пальмбаха. М., 1955.

Тумашева Д.Г. Татарские диалекты Западной Сибири. М., 1952.

Тумашева Д.Г. Язык татар Западной Сибири: Тюменский говор. – Учен. зап. Казан. гос. ун-та, 1956, т. 116, кн. II.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1969.

Туреджанова М. Тулейский говор киргизского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1954.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.; Л., 1950.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка: Сложное предложение. Новосибирск, 1976, кн. 1, 2.

УРСл. – Узбекско-русский словарь. М., 1959; Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961.

ЎДМ – Ўзбек диалектологиясида материаллар. Тошкент, 1957.

Фазылов Е. Староузбекский язык. Ташкент, 1966.

Фарманов И. Ошский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1960.

Физули Х. Эсарлар. Баку, 1944, I.

Флопенко В.И. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940.

ФСл. – Мудрость двух народов. Краткий фразеологический словарь русского и туркменского языков. Ашхабад, 1963.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947.

ХЗТД – Хэзирки заман туркмен дили. Ашгабат, 1960.

Ходжаев Б. Условная форма глагола в современном туркменском языке. Ашхабад, 1958.

ХРСл. – Хакасско-русский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1953.

Чернов М.Ф. Чавашлэ-выраала фразеологи словарё, Шупашкар, 1982.

Чомдадов О. Диалект ата туркменского языка (Дарганатинский район): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1975.

Чорлиев О. Марыйский говор туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1964.

ЧРСл. – Чувашско-русский словарь. М., 1961.

Шакирова Р.Ф. Говор татар Краснооктябрьского района Горьковской области. М., 1949.

Шахманова Р.Г. Казанищенский говор кумыкского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Ширалиев М.Ш. Бакинский диалект. Баку, 1957.

Ширалиев М.Ш. Проблема сложноподчиненного предложения. – В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958.

Ширалиев М. Азербайжан диалектолокияснын асарлары. Баку, 1962.

Ширалиев М.Ш. Интерпретация некоторых изоглосс диалектологического атласа восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка. – В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Фрунзе, 1968.

Щербак А.М. Огуз-наме, Мухаббат-наме. М., 1959.

Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961.

Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977.

Юдахин К.К. Некоторые особенности карабулакского говора. — В кн.: Материалы по узбекской диалектологии. Ташкент, 1957.

Юнусалиев Б.М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка. — Тр. Ин-та языка и лит. АН КиргССР, 1956, вып. VI. Языки народов СССР. М., 1966, т. II.

Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. М., 1938.

Bang W. Vom Koktürkischen zum Osmanischen. В., 1917, I.

Baskakov N.A. Sur la genèse de la structure de la proposition dans les langues turques. — Acta Orientalia Acad. scient. hungaricae, 1960, t. XI, fasc. 1—3.

Böhlingk O. Ueber die Sprache der Jakuten. St.-Pb., 1851.

Brockelman C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.

Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. — In: Brugmann K., Delbrück B. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1893, III.

Deny J. Grammaire de la langue turque. P., 1921.

Eckmann J. Chagatay Manual. Bloomington: Indiana University, 1966.

Ergin M. Dede Korkut kitabı: Index-Grammar. Ankara, 1963, II.

Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.

Gröbech K. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936.

Grönbech K. Kommanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942.

Korkmaz Z. Güney-Batı Anadolu ağzları. Ankara, 1956.

Kowalski T. Osmanisch-türkische Dialekte: — In: Enzyklopedie des Islam. Leiden; Leipzig, 1934.

Kowalski T. Sur Aurel Stein's Sprachaufzeichnungen im Äjnallu-Dialect aus Südpersien. Kraków, 1937.

Mandy C.S. Turkish syntax as a system of qualification. — Bull. of the School of Orient. and Afric. Studies. L., 1955, vol. XVII.

Monteil V. Sur la dialecte turk de l'Azerbâjdjan Iranien. — Journal Asiatique. P., 1956, vol. 244.

PhTF — Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959.

Ramstedt G.J. Ueber die Konjugation des Khalkhamongolischen. — MSFOu, 1892, № 19.

Räsänen M. Türkische Sprachproben aus Mittel-Anatolien: Konja Vil. — Studia Orient. Helsinki, 1942, V. 2.

Ritter H. Aserbeidschanische Texte zur nord-persischen Volkskunde. — Der Islam, 1921, XI.

Tarama — XIII Asırdan günümüze kadar kitaplardan toplanmış tanıklariyle tarama sözlüğü. İstanbul, 1943, I; XIII yüz yıldan beri Türkiye türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplana ve tanıklarıyla tarama sözlüğü, I. A—B. Ankara, 1963.

Tekin Talat A. Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: Indiana University, 1968.

Zajaczkowski A. Studja nad językiem staroosmanskim. — In: Etudes sur la langue vieille Osmanlie. Krakow, 1934.

ИСТОЧНИКИ

- Абдулжалилов Ф. Каты агын. Черкесск, 1959.
- Абдуллазадов А. Бир овуч торпаг. Баку, 1982.
- Абдуллахонов Ж. Борса келмас. Тошкент, 1978.
- Ажаев В.И. Москваттын ыраах. Якутская, 1951, I.
- Азербайжан гадыны Азербайжан КП Мәркази Комитәсинин ичтимаи сијаси ва әдәби бәдди алыг журналы, Баку, 1968—1969.
- Аймурзаев З. Аму дарья бойында. Некис, 1958.
- Акаев А. Зурнайчыны хабары. Махачкала, 1959.
- Ақтанов Т. Каһарлы кундер. Алматы, 1967.
- Алексеев С.П., Карцов В.Г. СССР-ни историясы. Магъачкьала, 1968.
- Алендей В. Йәмрасем сәплах кашлақсә. Шупашкар, 1965.
- Алтын-бизе. Алтайское героическое сказание. Горно-Алтайск, 1965.
- АН — Азербайжан нағыллары. Баку, 1961, I чилд.
- Анорбаев С. Хикоялар. Тошкент, 1957.
- Артемьев А. Юрату юрисем. Шупашкар, 1953.
- АСЕ — Азербайжан Совет энциклопедијасы. Баку, 1981, V жылд.
- Аталар сөзу. Баку, 1956.
- АХД — Азербайжан халг дастанлары. Баку, 1961, II жылд.
- Ахмад С. Таъзим хикоялар. Тошкент, 1966.
- Әлсәров А. Бир үзик сырлар. Алматы, 1981.
- Әмири Г. Хикәяләр. Өфө, 1953.
- Әпсәләмов Г. Ак төннәр. Казан, 1953.
- Әпсәләмов Г. Газинур. Казан, 1955.
- Әуәзов М. Абай (тарихи роман). Алматы, 1953, I.
- Байрамов Н. Дурналар. Ашгабат, 1963.
- Байрамов Н. Сахра еллары. Ашгабат, 1981.
- Босақов Ж. Қайнам. Алмута, 1964.
- БТӘ — Бораңгы татар әләбиәте. Казан, 1963.
- Буджактан селсәр. Кишинев, 1959.
- Бурнаков Ф. Пабамача. Абакан, 1964.
- Вагиф — Молла Пәнаһ Вагиф. Әсәрләри. Баку, 1957.
- Вәли Ә. Хикәяләр. Казан, 1953.
- Гази И. Онытылмас еллар. Казан, 1949.
- Гали М. Сайланма әсәрләр. Казан, 1956.
- Гилажес Х. Погонһыз һалдаттар. Өфө, 1965.
- Ғулом Х. Замин юлдузлары. Тошкент, 1981.
- Гурбансәхедов Г. Кырк теңде. Ашгабат, 1961.
- Гуртуев Ә. Тенглерим. Нальчик, 1962.
- Дайырбаев М. Қайта оралған бақыт. Алматы, 1981.
- Даули Нәби. Яшау белән үлем арасында. Казан, 1959.
- Даули Нәби. Тамғалы буре. Лирик хикәмлә. Казан, 1962.
- Дербент-наме — دربند نامه (рукопись по истории Дербента и Дагестана). — Рук. фонд Ленингр. гос. публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина — Дерб. Дорн. ДХЛ, 541.
- ДП — Документы на половецком языке XVI в. М., 1967.
- Еники Ә. Саз чәчәге. Казан, 1956.
- Жунусов К. Жыпар. Фрунзе, 1957.
- Жусупов К. Жашоо кумары. Аңгемелер жана повесттер. Фрунзе, 1965.
- Залиханов Ж. Жанһыган жорекле. Нальчик, 1970.
- Ибраһимов Г. Санланма әсәрләр. Казан, 1957, т. 1.
- Ибраһимов М. Сары сим. Баку, 1958.
- Ибраһимов М. Сечилмиш әсәрләри. Баку, 1966.
- Казан утлары (Литературный журнал Союза писателей Татарской АССР), 1967, 1972.
- Каимов К. Адашуу. Повесть Жана аңгемелер. Фрунзе, 1957.
- Кангельдиев Н., Шнейдман В.Н., Нанаев К. Кыргыз тилинин окуу китеби. Фрунзе, 1953.
- Карачобан Д. Алчак сачак алтында. Кишинев, 1966.

- Кенъ йоллар. Черкесск, 1959.
- Кербабев Б.* Небитдаг. Ашгабат, 1957.
- Кутуй Г.* Сайланма эсэрләр. Казан, 1947.
- Қайсенов Қ.* Жау тылында. Алматы, 1967.
- Қайыпбергенев Т.* Қарақалпақ қызы. Некис; Казан, 1965.
- Қахқор А.* Танланган асарлар. Уч. томлик. Тошкент, 1958, III.
- ҚЕ – Қазақ ертегілері. Алматы, 1957, I.
- Қодирий А.* Ұтган кунлар. Тошкент, 1958.
- Қодирий А.* Мехробдан чаён. Тошкент, 1959.
- Лазарева А.* Ырә ёмёт. Шупашкар, 1960.
- Лазарева А.* Телейлисем Шупашкар, 1977.
- Лейли и Маджнун – **فضولى لیلی**
- Рук. фонд Ин-та востоковедения АН СССР, инв. 1935, № 424.
- Ленин йолы. 1967, 25/XI, 25/XII – газета (орган Карачаево-Черкесского обкома КПСС и областного Совета депутатов трудящихся).
- Махтумкули – *Магтымгулы*. Сайланан эсэрләр. Ашгабат, 1958.
- Маммадов А.* Тәзә йылдызлар. Ашгабат, 1960.
- Мәсғати Кәңчәви*. Рубаиләр. Бакы, 1957.
- Мәһди һ.* Сәһәр. Бакы, 1953.
- Мәһди һ.* Сечилмиш эсэрләр. Бакы, 1954, I.
- МН – Молла Нәсрәддин. Бакы, 1951, I милд.
- Мухтор А.* Опа сингиллар. Тошкент, 1958.
- Мўминов О.* Турфа олам. Тошкент, 1982.
- Назир Х.* Очпоснур. Фрунзе, 1960.
- Несими У-124 **ديوانى نسيمى**
- Рук. фонд АН АЗССР, № У-124.
- Несими В-4019 – **ديوان نسيمى**
- Рук. фонд при ИВАН (Ленинград), № В-4019.
- Низами – *Кенчәви Н.* Гәзалләр. Бакы, 1956.
- Нурпейсов Э.* Ымырт. Алматы, 1966.
- Ойбек*. Навойи. Тошкент, 1948.
- Ордубады М.С.* Гылынчә гәләм. Бакы, 1949.
- Осипов П.* Пиччәшәпә шәллә. Шупашкар, 1977.
- Островский Н.* Ыстаал хайдах хатырылдыбыта. Якутская, 1954.
- Полевой Б.* Дыннәэх кәһи туһунан сәһен. Якутская, 1950.
- Раҳим Ч.* Зангори. Кема капитани. Тошкент, 1962.
- Расих А.* Бәхәт орлықлары. Казан, 1954.
- Расих А.* Дустым Мансур. Казан, 1955.
- Рашидов Ш.* Бўрондан кучти. Тошкент, 1958.
- Рашидов Ш.* Бороон-дон кучтуу. Фрунзе, 1961.
- Садыкбеков Т.* Тоо арасында. Фрунзе, 1955, I.
- Салийев С.* Адам келди. Некис, 1963.
- Сарабски Н.* Кәһнә. Бакы. Бакы, 1982.
- Сарғасқәев С.* Көқилди балалар. Алматы, 1966.
- Сарыханов Н.* Сайланан эсэрләр. Ашгабат, 1951.
- Сарыханов Н.* Шүкүр башы. Ашгабат, 1961.
- Сәбәһәддин А.* Хәз палтолу Мадонна. Бакы, 1982.
- Сейтназаров Г.* Қызыл кум новелласы. Некис, 1962.
- Сейфуллин Э.* Эңгimелеримен повестери. Алматы, 1958.
- Сералиев Н.* Ақ қайын. Алматы, 1967.
- Сланов Г.* Шалқар. Алматы, 1954.
- Смирнов В.Д.* Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1903.
- Садыкбеков Т.* Зайыштар. Фрунзе, 1966.
- Талвир А.* Эсә инженер пулатан. Шупашкар, 1952.
- Талвир А.* Пәвә сүлә сиччә. Шупашкар, 1954.
- Танасоглу Д.Н.* Буквалык шкоола советика. Кишинев, 1958.
- Татар халық әкиятләре. Казан, 1956, II.
- Тәхтәмов К.* Аддий Кишиләр. Алматы, 1962.
- Тәхфәтуллин Р.* Йолдызым повесть. Казан, 1962.
- Тәхфәтуллин Р.* Ике повесть. Казан, 1979.
- Туркменские народные сказки Марыйского района /Вводные статьи и примеч. Н.К. Дмитриева. М.; Л., 1954.
- Тыва домак. – Тыва улустун үлегер сестери болгаш домактары. Кызыл, 1955.
- Уйһ Мишиши.* Инсә сүлсәм тәрәх. Шупашкар, 1960.
- Ухли В.В.* Шуркелсем. Шупашкар, 1956, I; 1966, II.
- ЎЭ – Ўзбек ҳолк эртақлары. Тошкент, 1963, I.
- Фәтхә Н.* Бала куңлә далада. Казан, 1966.
- Фәтхә Н.* Яшь чакларда хикәяләр. Казан, 1967.
- Физули **كلييات فضولى**
- Рук. фонд Ин-та востоковедения АН СССР, инв. № 1561.
- Физули Х.* Эсэрләр. Бакы, 1944, I.
- Хайри Г.* Боролош. Өфе, 1967.
- Хәсәнов М.* Кьоллар юлы. Казан, 1956.

- Хәрби повестәр – *Исламов Д., Магазов А., Утәганов Ә.* Хәрби новестәр. Өфе, 1978.
- Хәтаи.* Деһнамә (он мәктуб). Бакы, 1946.
- Хәтаи Ш.И.* Эсэрләр. Бакы, 1966, I.
- Хәсни Ф.* Авыл өстендә йолдызлар. Казан, 1955.
- Худайназаров Б.* Ызгының гезлери. Ашгабат, 1980.
- ХЧН – Хакас чоһынынъ нымахтары. Абакан, 1956.
- Һәсвәрдиев Ә.* Сечилмиш эсэрләр. II милд. Бакы, 1957.
- Машмалар (адабий альманах). Душанбе, 1967.
- Яаббарлы Ч.* Сечилмиш эсэрләр. Бакы, 1949.
- Яаббарлы Ч.* П'есләр. Бакы, 1954.
- Шарипов Ж.* Саодат. Тошкент, 1957.
- Шукуров Е.* Ғуза гуллаганда. Тошкент, 1956.
- Шүһәданамә – Мәһаммад ибн Пүсәйн.* Катиб Ниша пуринин тәриүмәси. – Рук. фонд АН АЗССР, инв. № С – 106 13659
- Эсхель А.* Йәләмри юрә. Шупашкар, 1955.
- Юлтый Д.* Сайланма Эсэрләр. Казан, 1959.

- Яғьяев М.С.* Чакъырылмагъан кьонакълар. Махачкала, 1959.
- Яшин.* Пьесалар. Тошкент, 1954.
- Kadi Burhanettin Divani. I Tirkî basım. Istanbul, 1943.
- Caferoğlu A.* Doğu illerimiz ağzlarından toplamlar. Istanbul, 1942.
- Cumhuriyet (тип. газ.), 1967, 2 ocak.
- EX – Edebijät xrestomatijası. Б.м.: Qram ASSP Devlet Neşriyatı, 1937;
- Halikarnas Balıkcısı.* Uluç reis. Istanbul, 1962.
- MK – Mahmud al-Kaşgari. Divanı Lügati Türk tercümesi. I–III. Ankara, 1939–1941.
- Nasreddin H.* Ekralar. Sofia, 1957.
- Nesin A.* Deliler boşandı. Istanbul, 1958, I.
- Nesin A.* Ölmüş eşek. Istanbul, 1958, 2.
- Nesin A.* Biz adam olmayız. Istanbul, 1962.
- Güntekin R.N.* Gökyüzü. Istanbul, 1958, 1.
- Güntekin R.N.* Bir kadın düşmanı. Istanbul, 1958, 2.
- Sabahattin A.* İçimizdeki şeytan. Sofia, 1956.
- Sabahattin A.* Bütün eserleri. Sofia, 1966.
- TEA – Türk edebiyatı antolojileri izahlı. Eski metinler antolojisi Şükrü Kurgan. Ankara, 1943.
- TH – Türk bikâyeleri. Sofia, 1956.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

адъективизация 7, 51, 52, 55, 59, 258
 адьюстация 110, 111
 аналогия 79
 аорист 12, 48, 78, 81, 86, 258, 261
 архаизм 17, 21
 архетип 3, 36, 17–21, 26, 65
 атрибут 6, 95
 аттракция
 – притяжательная 10
 – изафетная 104
 аффикс
 – личный 1-й категории 76
 – личный 2-й категории 77, 79
 – падежный 106, 109, 141, 204
 – принадлежности 104, 106, 110, 119, 127, 133, 149, 194, 240–243, 258
 – притяжательный 9, 36, 82, 115
 – причастный 136, 137
 – пространственных падежей 141
 – род. падежа 9
 – сказуемого 76–78, 84
 время
 – буд. на *-чак* 87, на *-ей* 160
 – буд. в прошедшем 159
 – давнопрош. 9
 – наст. буд. 84–87, 159, 160
 – прош. длительное – 86
 – категориальное на *-ды* 109
 – с показателем *-ды/-ты (-ди/-ти)* 84
 гибридикация 233, 247, 255, 262
 гипотаксис 10, 104
 глагол
 – безличная форма 12
 – вспомогательный 81, 83
 – дезидеративный 153
 – корневой 106
 – личная форма 7
 – недостаточный *ä, äŕ* 12
 – недостаточный *äi/-и* 79, 80
 – недостаточный *эди* 79
 – недостаточный от основы *äp/-эр-* 80, 81
 глагол-предикат 109
 глагол-связка 7, 12, 13, 26, 81, 106, 252
 грамматизация 229

группа
 – атрибутивная 6
 – именная 15
 – предиката 54
 – предикативная 6, 15, 56
 – синтаксическая с причастием 11
 давление системы 109, 162, 163
 деепричастие 7, 9, 16, 27, 95, 97, 112, 113, 115, 117, 118, 140, 141, 147, 221
 – на *-ан* 138
 – на *-ыб* 153, 154, 221, 260
 – на *-а* 154
 – на *-арак* 154
 – на *-сан* 155
 – на *-гач* 155
 – на *-кен* 155, 156
 – на *-ын* 156
 – на *-ыл* 156, 161
 – на *-са* 161
 дериват 118
 дополнение 9, 51, 98
 – развернутое 98, 112, 113
 – развернутое в вин. падеже 98
 – развернутое в местн. падеже 98
 – развернутое в исх. падеже 98
 – развернутое в неоформленном притяжательном падеже 118
 дополняемое 51
 единица
 – синтаксическая 3, 5, 15–18, 20, 21, 26, 28, 30, 63, 227, 254, 260
 – семантический тип 21
 – предикативное предложение 104
 единство грамматическое 28
 закон гармонии гласных 78, 79, 82
 закон порядка слов "определение + определяемое" 7, 23–25, 28, 29, 39, 51
 залог
 – взаимосовместный 88
 – возвратный 88
 – страдательный 88
 изафет 23, 25, 50, 58
 – I тип 23, 51–54, 58, 59, 258, 259
 – II тип 23, 53, 55–60, 258, 259

– III тип 7, 16, 20, 23, 54, 56, 59, 62, 258, 259
 – цепной 62
 изоморфизм 24
 изосемантизм 28
 имперфект неопределенный 85–87
 имя
 – глагольное 9, 109, 260
 – отглагольное 24, 47, 48, 109, 130, 140, 258
 – на *-у (-ув)* 88, 151, 152
 – на *-дык* 139–140
 – на *-мыш* 145
 – отпричастное 13, 116, 120, 129, 130, 132, 136, 138, 144
 – на *-ган* 12, 27
 – на *-гын* 124
 – с афф. *-лай* 128
 – на *-ан* 133–135
 – на *-ынча* 134
 – на *-на* 135
 – на *-мак* 143
 – на *-быт* 145
 – на *-ачак* 147
 – на *-ях* 148
 – на *-р* 149–151
 – на *-ас* 153
 – определяемое 11
 – разряды 74
 индикатор пространственный 36
 инновация 32, 48, 258
 инструктив 70, 258
 инфинитив 50, 258
 "историология синтаксическая" – 14
 категориальность родовая 59
 категория
 – активности – пассивности 11
 – множественности 93
 – определенности – неопределенности 7, 8, 11, 23, 24, 54, 57, 60, 63
 – принадлежности 35, 36, 89
 – семантическая 8
 – синтаксическая 15, 16, 23, 50, 51, 95, 96, 162
 – сказуемости 79, 89
 "квазипредложение" 95
 квалификатор 5
 коаффикс 66
 коллокация 24, 55
 комбинации синтаксические 5
 комитатив 71, 93, 124, 128, 259
 комплекс
 – именной атрибутивный 23
 – "объект + отглагольное имя" 24
 компонент зависимый 16
 конверсия 109
 конкретизатор
 – обстоятельственный 30

конструкция
 – аналитическая 124
 – атрибутивная 132
 – без предиката 95
 – генитивная 62
 – гибридная 238, 247, 255, 256
 – глагольная 5
 – глагольно-именная 16, 96
 – деепричастная 3, 8, 12, 16, 112, 116, 156
 – зависимая 9
 – замкнутая трехчленная 119
 – изафетная 9, 57, 195, 256
 – именная 5
 – объектная 24, 120, 132, 141–143, 152, 241–243, 245, 256
 – обстоятельственная 114, 242, 244, 245
 – определительная 10, 11, 106, 111, 163, 243
 – послеложная 73, 259
 – подчинительная 230, 255, 256
 – предикативно-атрибутивная 11
 – притяжательная 59
 – причастная 3, 8, 12, 16, 30, 95, 118, 131, 156
 – развернутая 23
 – союзная 12
 – уступительная 223, 248
 – с *арда* 149
 – с *бар* 82
 – с *бар* и *йок* 110
 – с объектно-пространственными падежами 62
 – с показателем *-са* 157
 – с показателем *-сан* 160
 – с самостоятельным подлежащим 8
 контаминация 46, 109, 131, 145, 227
 концентр 29
 – подлежащий 24
 – предложения 28
 – сказуемый 24
 корень глагола 85
 латив 130
 масдар 95
 местоимение 101
 – анафорическое 195, 198, 204, 207, 226
 – возвратное 36
 – вопросительное *һансы* 190
 – личное 36, 65, 77, 82, 119, 123, 260
 – определительное 37
 – относительное 17, 119, 227, 243
 – относительно-вопросительное 201
 – притяжательное 36, 61
 – собирательное 37, 38, 232, 258
 – указательное 36, 37, 61, 190
 метод сопоставления 14, 15

- множественность 92, 93
  - абстрактная 93
  - собирательная 93
- множество собирательное 91, 92
- модальность 233, 234
- модель
  - морфологическая 21
  - общая типовая синтаксической единицы 17
  - предложения 17, 19
  - синтаксическая 196
  - словосочетание 17, 19
  - "нумератив + афф. *-лык*" 33, 41
  - "нумератив + афф. *-лы*" 33
  - "числительное + нумеративное слово + существительное" 33
  - "неопределенно-количественное числительное + существительное" 35
  - дат.-неопр. падеж с показателем *-а*" 65
  - структурная семантического типа 20
- морфологизация 8, 228
- морфология историческая 3, 257
- наклонение
  - желательное 103, 223, 261
  - повелительное 103, 158, 183, 196, 223, 233, 260
  - повелительно-желательное 184, 185, 193, 196, 197, 202, 205, 207, 208, 213, 214
  - косвенное 88, 104, 196
  - условное 103, 160, 223, 229, 232, 233
- наречие 26
- неологизм 21
- нумератив 32, 33
- оборот 8
  - абсолютный 157, 162
  - абсолютный деепричастный 116-118, 155, 163
  - абсолютный со своим подлежащим 22
  - без подлежащего 98
  - глагольный на *-ан/-ган, -дыг* 7
  - деепричастный 8, 94, 96, 98, 116-118, 137, 138, 260
  - определительный 98
  - отглагольно-именной 94, 260
  - причастный 8, 94, 96, 98, 112, 137, 138
  - простой причастный 116
  - с собственным подлежащим 98
- оборот-трансформа
  - зависимая 163
- образование
  - деепричастное 8
  - причастное 8
- связочное 160
- синтаксическое 10
- сложное союзное 163, 217, 228
- союзное 166, 169, 228
- субстантивированное 129, 143
- обстоятельство 15, 30
- объект 15, 30, 57
  - косвенный 65
  - неконкретный 69
- опора морфологическая 17, 19, 20, 26, 39, 257
- определение 5, 23, 24, 51, 52, 57-62, 90, 98, 112, 139
  - зависимое 163
  - к сказуемому 9
  - конкретизирующее 61
  - логическое 11
  - качественное 29
  - обстоятельственное 30
  - относительное 29
  - развернутое 24, 98
- определение-существительное 53
- определение-уточнитель 60
- определитель
  - количественный 91
  - определяемое 29, 51, 55, 57-59, 90, 119, 163, 194
- оптатив 12, 27, 85, 161, 238, 261
- опущение
  - морфологических элементов 8
  - союза 103
- основа 85
  - глагола 85
  - дуративная 85
- отношение
  - атрибутивное 5, 6, 30, 50, 103, 128, 129, 152
  - изафетное 106, 119
  - изъяснительное 111
  - категориальное 61
  - компаративное 145
  - объектное 57, 102, 128-130, 142, 144, 146, 149
  - определительное 102
  - подчинительное 58, 100, 103, 111, 162, 204, 233, 247
  - полупредикативное 30
  - предикативное 5
  - притяжательное 36
  - причинно-следственное 102, 126, 127, 136, 143, 144, 152, 154
  - противительно-уступительное 164
  - синтаксическое 9, 15, 23, 28, 29, 39, 62, 104, 163
  - сочинительное 100, 162
  - условно-уступительное 103, 126, 127, 225
  - "объект - глагол" 5
  - "подлежащее - сказуемое" 5
  - "прилагательное - имя существительное" 5

- отрицание 13
- оформление падежное 76
- падеж отложительный 114, 259
- парадигма 79
- параллелизм лексико-грамматический 101, 103
- паратаксис 10, 104
- партитив 69
- переразложение синтаксическое 30, 260
- период
  - условный 157
  - ирреальный 159
- перфект 27, 87
  - на *-ган* 87
  - на *-ан* 87
  - на *-на* 87
  - на *-мыш* 87
  - на *-ын* 87
- плеоназм 56, 258
- плюсквамперфект 87
- подлежащее 9, 15, 24, 95, 98, 104, 117, 118, 194, 204
  - одушевленное 90
  - неодушевленное 90
  - одно родные 91
  - собирательное 91
  - потенциальное 118
  - способы выражения 74
  - самостоятельное 96
- подлежащее-субъект 11
- подчинение 8, 10, 103-105, 162, 163, 227
- позиция
  - конечная глагола 23
- показатель
  - аориста 12
  - действующего лица 120
  - деепричастной формы 138
  - морфологический 26, 73
  - оруд. падежа *-на* 159
  - предикативный *ол/ул* 12
  - собирательной множественности 40
  - условного наклонения *-са* 157, 233, 247, 248
  - формальный 33, 67, 160, 257
- полупредикативность 30
- порядок слов 8, 10
  - "определение + определяемое" 110-113
- послелог 115, 116, 124, 127, 128, 134, 138, 141, 147, 148, 150, 152, 230, 259
  - *билен* 145
  - *бирле* 125
  - *гэдэр* 134
  - *гэдэр/кадар* 135
  - *гиби* 145
  - *гөрө* 142
  - *ичин* 142
- караганда 142
- карамай 142
- кейин 126
- кими 145
- мен/белэн 152
- менэн 125
- маңизлик 145
- пех (*ex*) 136
- пирки 136
- сайын 125
- семен 136
- сон 126
- төләәдә 214
- ужурунда 127
- учун 127
- хыссан 136

- постпозиция 221, 231
  - частиц 108
- предикат 9, 28-31, 63, 74, 88-91, 119
  - без определяемого 6
  - глагольный 13
  - древний тюркский 13
  - логический 93
  - трансформированный 120
- предикат-глагол 29
- предикативность 28, 74, 83, 260
- предложение 7-13, 15, 18, 28, 30, 63, 106, 110, 111
  - атрибутивное 9
  - аналитическое 96
  - безличное 88, 89
  - зависимое 22, 99, 108-110
  - именовое 3, 75, 107, 110
  - квазиэргативное 11
  - независимое 104
  - обобщенно-личное 89, 90
  - оптативное 111
  - определительное 243
  - посессивное 11
  - потенциальное 96
  - примыкаемое 101-103, 106, 107
  - синтетическое 96, 97
  - субстантивированное 8
  - целное присоединительное 10, 100
  - простое 3, 8-11, 13, 16, 22, 24, 62, 74, 88, 93, 97, 99-101, 105, 108, 111, 113, 131, 137, 138, 141, 144-146, 151, 154, 156, 157, 162, 218
  - именовое 19, 27, 74, 81, 228, 260, 261, 262
  - глагольное 3, 21, 74, 84, 107
  - сложное 3, 8, 12, 13, 62, 95, 99, 104, 107, 157, 252, 256, 261
  - бессоюзное 10, 101, 162
  - союзного типа 20, 162, 163, 218, 261
  - сложносочиненное 9, 175, 222
  - сложноподчиненное 9, 24, 58, 94-96, 105, 110, 163, 182, 255

- переходного типа 96
- главное 9, 10, 19, 95, 97, 98, 109, 116, 118, 153, 154, 157, 159, 160, 163, 187, 188, 190, 195, 198-200, 202, 203, 205, 207, 209, 210, 213, 217, 238
- придаточное 3, 8, 10, 16, 20, 26, 93-98, 156, 157, 159, 187, 195, 207, 213, 217, 223, 226, 233, 238
- вводимое союзом 19
- ирреальное 157
- реальное 157
- синтетическое 98, 156
- собственно 94
- сокращенное 8, 94
- дополнительные 19, 25, 128, 182, 184, 186, 195, 196, 201, 204, 205, 208, 210, 211
- изъяснительное 105, 185
- меры и степени 207, 208, 215
- места 183, 190-192, 200, 206, 210, 212, 214
- образа действия 163, 182, 191, 196, 199, 201, 206, 210, 211
- обстоятельствоное 105, 112
- объектное 105
- определительное 25, 105, 113, 182, 184, 186, 190, 193-195, 201, 203, 204, 208
- относительное 10, 17
- подлежащее 192, 202, 207, 222
- причины 181, 183, 184, 187, 189, 190, 200, 208-212, 215, 216, 226
- сказуемое 182, 193, 202
- сравнения 182, 184, 188, 210, 212, 215
- со значением выполненного условия 212, 214
- с причинно-следственным значением 182, 200, 201, 206, 214, 215, 226
- условия 111, 158, 189, 200, 206, 208, 209, 211, 216
- уступительное 188, 191, 200, 208, 210, 214, 218
- цели 106, 183-185, 187, 197, 205, 207, 213, 222
- потенциально возможное придаточное 113, 114, 116-118, 120, 153, 261
- определительное 118, 130, 131, 135, 139, 143, 147, 148, 151, 153
- дополнительное 120, 129, 132, 139, 142, 144, 146, 147, 148, 149, 151
- обстоятельствоное 156
- времени 136
- предложение-суждение 11
- препозиция
  - дополнения 23
  - род. падежа 23
- признак перфектный 31
- прием синтаксический 10
- прилагательное 45, 257, 258
  - безаффиксальное 26
  - качественное 38
  - корневое 38
  - производное 38
  - отглагольное 46, 50, 130, 150
  - относительное 39-41, 55
  - привативное на -сыз 45
    - на -ак 43
    - на -гыч 44
    - на -кай 43
    - на -как/-вак 43
    - на -кач/-вак 44
    - на -кы/-ки (-гы/-ги) 41
    - на -кыр/-кир (-гыр/-гир) 44
    - на -лаах (-таах/-маах) 41
    - на -лу: (-ду:/-ту:) 40
    - на -лы 40
    - на -лыз 30
    - на -лык 40
    - на -ыл/-из 44
    - на -ыч 43
    - на -ыч 43
    - на -чак 42
    - на -чан 41
    - на -чы 41
    - на -чык 42
- прилепа 25
- примыкание 10, 16, 23, 24, 29, 33, 54, 55, 59, 97, 99-102, 104, 105, 108, 110, 157, 162, 218, 228, 258, 261, 262
- принадлежность 57, 59, 62, 63, 68, 70
  - аффикс ~ и 7, 23, 53, 61, 77, 78
- принцип экономии 56
- причастие 6, 7, 9, 13, 16, 30, 45, 95, 113, 115, 128, 129, 131, 138, 141, 150, 153, 243, 257, 258, 260
  - в определительной конструкции 9
  - производное от причастия на -ган 128
    - развернутое 98
    - на -ан 22, 45, 131, 132, 136, 138
    - на -ан/-йан 46
    - на -ас 152
    - на -асы 49, 152, 153
    - на -ача 48
    - на -ачак 147, 148
    - на -аяк 147
    - на -быт (-пыт/мыт) 144
    - на -ган 45
    - на -дык 46, 138, 139, 145
    - на -қан/-ган 137, 138

- на -малы 50
- на -мыш/-миш 22, 47, 131, 138, 141, 143-145
- на -н 138
- на -на 135, 137
- на -р/-ыр/-ар, -мас/-мас 47, 48, 49, 150
- на - (а) тугын/- (а) дыын 49
- на -ых 148
- на -ык 46
- пролатив 69
- разряд грамматический 5, 16
- распространенность территориальная модели 20, 21
- распространитель 31
- реконструкция 12, 17, 25, 27, 81, 257, 259
  - синтаксическая 26
  - синтаксических единиц 14, 19
  - словосочетаний 26
- речение
  - союзное 230, 234, 255
  - ојердэ ки 212
  - ол сәбабдэн ким 212
- речь прямая 105, 106
- связка 6, 12, 75, 79-84, 93, 108, 160, 238, 241, 260
- связь
  - бессоюзная 22, 103
  - двойная 29
  - импlicative 25
  - относительная 109, 110
  - подчинительная 104, 226
  - пояснительная 101
  - синтаксическая 10, 255, 256, 262
  - союзная 103, 107, 228
  - способы выражения 12, 16, 95, 97, 99, 104, 230
- синтаксис 94
  - аналитический 95, 97
  - исторический 104
  - синтетический 95
- сказуемое 6, 15, 30, 63, 74, 89, 90, 98, 105-108, 185, 195, 197, 202, 208, 213, 221, 223, 238, 260
  - глагольное 16, 104, 112
  - именные 75, 76, 104, 106, 110
  - потенциальное 118, 120, 150, 159, 160, 162
  - природа 3, 11, 16, 74
  - способы выражения 11, 74
  - структура 85
    - формы 9, 16, 96
- сказуемое-предикат 11, 74
- сказуемое-причастие 11
- сказуемое-трансформант 118, 119
- сказуемость 75, 76, 78, 82, 83
- сингармонизм 12, 260
- синтагма
  - предикативная 6
  - атрибутивная 6
- синтаксис 3, 4, 13, 14, 16-19, 28
- слово
  - вспомогательное 108
  - знаменательное 16
  - парные 27
  - нумеративное 52
- слово-понятие 11
- слово-предложение инкорпорированное 11
- слово-предмет 15
  - служебное 16, 76, 107, 115, 116, 135, 138, 141, 145, 152, 184
  - кун 150
  - караганда 152
  - сәбат (ле) 152
  - дейвэ /дийу/ пейд 184
  - соотносительное 101, 103, 163, 182, 183, 188, 190, 191, 196, 198-200, 202, 203, 205, 207, 210, 213, 226
  - ердэ 200
  - союзное 12, 162, 164, 190
  - балай 184
  - кайда 190
  - жуя 184
  - кайсы 190
  - канда 191
  - хайси (нинг) 191
  - начах: начан: муган 192
  - кайстан 192
  - ким 201, 204-207, 209
  - на 207
  - нэйэ 209
  - нанда 210
  - нэчэ 211
- сочетание
  - безаффиксальное двух имен 16
  - бессоюзные 162
  - изафетное 53, 60, 61, 120
  - им. падежа с причастиями 97
  - номинативное 15
  - определительное 5
  - предикативное 15
  - притяжательное определительное 8
  - синтаксическое 15
- слово-сочетание 7, 15, 16, 28, 29, 30, 31, 35, 37, 53, 95
  - адъективизированное 23, 52
  - атрибутивное 5, 29, 31, 63
  - выделяемые цепные 29
  - глагольное 3, 30, 31, 63, 65, 67, 68, 70, 257, 259, 260
  - глагольно-именное 24
  - глагольное с именем в исх. падеже на -дан 20
  - деепричастное 24
  - именные 3, 31, 63, 257

- объектное 29
- обстоятельствоное 29
- определительное 16, 32, 38, 41, 45-48, 50, 257, 258, 260, 261
- причастное 24
- распространенное 29
- с прилагательным 44
- "зависимый член + главный член" 23, 28
- непредикативное 28
- с именем, послелогом и служебным словом 73
- с именем в дат. падеже + послелог 73
- с падежом на -да 67
- "причастие + существительное" 46
- с эквативом на -ча 72
- с дат. -напр. падежом на -ару/-ару 72
- с комитативом на -лыг 73
- случай
  - ирреальный 159, 160, 233, 234
  - реальный 159, 160, 233
- совместность 70
- согласование 16, 23, 29, 89, 92, 93
- сочинение 8, 103, 104, 162, 188
- союз 12, 113, 162, 222, 234, 253, 256
  - начальный присоединительный 170
  - подчинительный 164, 181, 220, 222, 223
  - постпозитивный 109, 222
  - противительный 170, 179, 180, 222
  - разделительный 167, 168, 171
  - соединительный 167, 179, 220, 223
  - сочинительный 164, 170, 220, 221, 224
  - условный 223, 239, 236, 238
- ал 164
- айса 164
- алай, алайба 165
- ама 209
- аман 165
- амма 165
- анань 166
- ангысы/ангылары 181
- андаг ким 181
- ани 182, 201
- аниңдэг ким 182
- антагынын учун 182
- анткени 183
- аның учун 183
- анча ки 183
- анчаг 166
- анчақ/анчук 183
- анчда 183
- ара ... ара 166
- атту 166
- ба ... ба 166
- база 167, 232
- баъзан ... баъзан 167
- балки 167
- биле/билен, иле/ле/ли, менен/мен 167
- бир ... бир 167
- бирерде ... бирерде 168
- бирден ... бирден 168
- биресе ... биресе 168
- бироқ 168, 239
- болсө 168, 169
- ва 166, 169, 230
- вели (велин) 171
- гә ... гә, го ... го 171
- го 201
- гей ... гей 171
- гоҳ ... гоҳ 171
- да 163, 173
- да/де, та/те, /ла 171
- дагы, такы 173
- дейин 185
- дейни 185
- деп/дейиб/теб 186
- десе 174
- дии 185
- дээш 188
- а/а 64
- эйтесе 175, 212
- эйтпегенде 175
- егер/эгер/ажар/кэр 188
- егерчи/герчи/герче 188
- эйткени 189
- елө ... ки 189
- зира 189
- ийикпе/ийикпеазы 175
- иллә 175
- инди ки 189
- исе 175
- ити курдугу 189
- ити + послелог бары 190
- итиэнна 175
- йа 175
- йа ... йа 176
- йада, йа ... йада 176
- йама, йәmä 176, 177
- йана 177
- јана ким 190
- йани 177
- йахуд 178
- йоқса 178
- кайдан 190
- кајуда ким 190
- қанда 191
- қана ким 191
- қандай 191
- қанча 191
- канчаар 191
- kah ... kah, kah ... kah, гоҳ ... гоҳ 171
- қачан/қачон 191, 237, 239

- качан ким (һар качан ким) 192
- ки 20, 26, 163, 192, 194, 195, 200, 201, 207, 209
- кин 207
- лекин 178
- лы 167
- ма ... ма 179
- мадам ки 207, 211
- мәншён тесен 188
- мэгэр 179
- нйтәк ким 210
- не ... не 179
- нега ки 209
- неге туюк 209
- нэ вахт ки 208
- не ге десең 209
- нә гәдәр 209
- некадар 209
- не гәурлум ... сол гәурлум 209
- нердә 210
- не заман, не замандан 209
- нө ки 208
- не ючюн десең 208
- ненинг учун десе 208
- нечик, нечук 211
- нитиклем 208
- ниңә 210
- ни хәтле ... шул хәтле 208
- но 179
- вахт ки, о вахтта ки 211
- ол вақт ким, ол вақтда ким 211
- онтон/оттон 180
- ошол жер 190
- өйтпесен 212
- пулин те, пулсан та 211
- рас 212
- савайна вара, савайна 215
- сана син, сансын 212
- санки 212
- сапах та 151
- сонда да 180
- себеби 212
- та 212
- та ки 213
- так что 214
- тек 180
- тесе 188
- тјјин 185
- тыпкы 214
- у/йу 184
- факат 180
- һа ... һа 180
- һара 214
- һарда 214
- һардан ... ораја 214
- һәлә ... ки 214
- һәрчәнд 214
- хем/хем ... хем 180

- чеже ... ынча 215
- чу, чу 215
- чун 215
- чунки 20, 216, 217
- шондый 190
- шул 90
- шулай ук 181
- ынчалза 181
- ынчалза-даа 181
- ынчанмынсе 181
- эрзэри 218
- способ
  - бессоюзный соединения двух предложений 157
  - союзный 163, 218, 255, 262
- средство
  - грамматическое 199
  - коммуникативное 15
  - связочное 74, 75, 83, 84, 101, 110, 157
- строй
  - агглютинативный 24, 51, 74, 78
  - аналитический 74
  - именной 7, 13, 24
  - квазиэргативный 14
  - номинативный 7
  - посессивный 7
  - синтаксический 5
  - флективный 74
- структура
  - агглютинативная 162
  - именная 16
  - морфологическая 24
  - предиката 7
  - синтаксическая 5, 7, 10, 14, 103, 109, 218, 230, 232, 233, 256, 257, 262
- субъект 10, 11, 15, 28, 30, 63, 74, 96, 106, 110, 115, 120, 122, 125
- субстантивация 44, 74
- суждение 15
- существительное 101
  - отглагольное 114
- терминатив 123, 124
- тип
  - агглютинативный
  - морфологический 22
  - семантический 20
  - синтаксический 3, 25
  - словосочетания 27
  - структурный 102
- трансформа 9, 93, 141, 147, 150
  - зависимая 19, 104, 118, 130, 133, 138, 155, 156, 162, 163, 261
- трансформант 104, 105, 107, 118, 128, 132, 134, 138, 139, 142, 143, 146-148, 151-156, 249, 252, 253, 255

ОГЛАВЛЕНИЕ

трансформация 12, 93, 104, 105, 108–110, 111, 113, 117, 119, 120, 131, 132, 143, 163, 218, 221, 222, 228, 233, 255, 260–262	– усилительная 26, 34, 37, 163, 191, 192, 218, 220, 228, 229, 231, 252, 255, 262
управление 16, 29, 63, 69, 146	– а 218
форма	– ак 218
– глагольная 26	– ау 219
– глагольная неличная 95, 162	– го/гу/лу 219
– глагольная личная 13, 24, 97, 112–114	– да, дә 165, 167, 221–222, 223, 225, 243
– глагольно-именная 8, 13	– ма, ба 219
– грамматическая 94	– ки 166, 225, 227
– деепричастная 8, 13, 106	– чи 220
– залоговая 88	частица-союз да 221
– именная глагола 95	числительное 26, 61
– личная 8	– количественное 32, 90
– опативная 153	– собирательные 27
– прилагательных 27	– форма ~ ого
– причастная 8, 13, 62	– краткая 32
– сказуемого 96, 97	– полная 32
– сослагательная 159	член
форматив	– главный формирующий 16, 30–32, 38, 63, 95, 98, 130, 137, 141, 150, 155
– аччен/-иччен 136	– зависимый 31, 32, 34, 37, 38, 63, 98, 258
– дыкнь	– предложения 15
– лы 134	– обстоятельный 31
функция	эволюция – принципы и причины синтаксической 14
– атрибутивная 147, 148	экватив 72
– определительная 151	– вторичный 127
– служебная 105	элемент
– синтаксическая 16	– формальный 105
фраза "относительное местоимение со своим глаголом" 8	– связующий формальный 59
хронология относительная 88	– служебный 116, 147, 253
частица 163, 218, 253	– структурный 11
– вопросительная 108	эллипсис 102, 103
– выделительная 34, 226	verbum finitum 16, 22, 26, 93, 95, 96, 107–110, 113, 221
– постпозитивная 218, 220	
– союзного порядка 108, 249	

От редколлегии	3	Глагольное предложение	84
Введение	5	Безличное предложение	88
История вопроса	5	Глава III	
Основные приемы исследования истории синтаксических единиц	16	Сложноподчиненные предложения	94
Приемы синтаксической реконструкции	19	Примыкание как наиболее древний способ связи простых предложений	99
Использование данных родственных языков	21	Процесс трансформации	104
Использование материалов письменных памятников	21	Условия синтаксической трансформации	111
Использование типологических особенностей языков	22	Сущность трансформации и ее причины	113
Совокупное использование различных данных	26	Зависимые трансформы в тюркских языках	118
Реконструкция в условиях отсутствия некоторых необходимых данных	26	Трансформант – причастие на -ган	118
Случаи, когда реконструкция оказывается невозможной или ограниченной	27	Трансформант – причастия, производные от причастия на -ган	128
Глава I		Трансформант – причастие на -ан	131
Словосочетания	28	Трансформант – причастие на -на	135
Атрибутивные словосочетания	31	Трансформант – причастие на -дык	139
Главный член – существительное, зависимый – числительное	31	Трансформант – отглагольное имя на -ыш	142
Главный член – существительное, зависимый – местоимение	35	Трансформант – отглагольное имя на -ма	142
Главный член – существительное, зависимый – прилагательное	38	Трансформант – отпричастное имя на -мак	143
Главный член – существительное, зависимый – причастие	45	Трансформант – причастие на -мыш	143
Изафет	50	Трансформант – причастие будущего времени на -ачақ	146
Глагольные словосочетания. Главный член – глагол, зависимый – имя	63	Трансформант – причастие будущего времени на -аяқ	147
Глава II		Трансформант – причастие будущего времени на -вах	148
Простые предложения	74	Трансформант – причастие будущего времени на -р	148
Именное предложение	75	Трансформант – отглагольное имя на -у	151
		Трансформант – причастие будущего времени на -асы	152
		Трансформант – деепричастие на -ыб	153

Трансформант — деепричастие на <i>-а</i>	154	Глава IV	
Трансформант — деепричастие на <i>-арық</i>	154	Сложные предложения союзного типа	162
Трансформант — деепричастие на <i>-сан</i>	155	Сочинительные союзы	164
Трансформант — деепричастие на <i>-ғач</i>	155	Подчинительные союзы	181
Трансформант — деепричастие на <i>-кен</i>	155	Происхождение союзов	218
Трансформант — деепричастие на <i>-ын</i>	156	Глава V	
Определение сущности зависимых трансформ	156	Гибридизация как своеобразный путь развития подчинительных отношений в тюркских языках	233
Условный период в тюркских языках	157	Заключение	257
Конструкция с показателем <i>-са</i>	157	Литература	263
Конструкция с показателем <i>-сар</i>	159	Источники	271
Конструкция с показателем <i>-сан</i>	160	Предметный указатель	274
Происхождение форм условного наклонения	160		

Нинель Зейналовна Гаджиева,
Борис Александрович Серебряников
**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ**
СИНТАКСИС

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства *Р.М. Залесковская*
Художественный редактор *Г.П. Валлас*
Технический редактор *А.Л. Шелудченко*
Корректор *Е.Н. Сафронникова*

Набор выполнен в издательстве
на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 31871

Подписано к печати 05.11.86. Формат 60 × 90 1/16
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Пресс-Роман
Печать офсетная. Усл.-печл. 18,0. Усл.кр.-отт. 18,0
Уч.-издл 21,9. Тираж 1850 экз. Тип. зак. 828
Цена 3 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12